ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

ЕУРАЗИЯНЫҢ МӘДЕНИ МҰРАСЫ
(ежелгі дәуірден бүгінгі күнге дейін)

Ғылыми мақалалар жинағы

АЛМАТЫ
2016

УДК 94.3(4/5 ЕурАз)
К 90

Жинақ ҚР БҒМ Ғылым комитетінің
***«Халық тарих толқынында»** бағдарламасы аясында басылды*

Баспаға ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Ғылыми кеңесі ұсынған

Жауапты редактор:
ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі, тарих ғылымдарының докторы
Б.Ә. Байтанаев

Редакциялық алқа:
ҚР ҰҒА академигі, т.ғ.д. К.М. Байпақов, т.ғ.к. Г.С. Жұмабекова,
т.ғ.к. Ғ.А. Базарбаева, т.ғ.к. Е.Ә. Смағұлов, т.ғ.к. Ж.Қ. Мықтыбаева,
PhD докторы Е.Ш. Ақымбек, Ә.Ж.Мерекеева

Пікір жазғандар:
тарих ғылымдарының докторы, профессор Р.Х. Сүлейманов,
тарих ғылымдарының кандидаты Ә.М. Манапова

К 90 **ЕУРАЗИЯНЫҢ МӘДЕНИ МҰРАСЫ** (ежелгі дәуірден бүгінгі күнге дейін) – Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2016. – 736 б., ил.

ISBN 978-601-7312-65-7

Басылымда Еуразияның мәдени мұрасының өзекті мәселелері қарастырылады. Жинақта археологиялық деректер мен пәнаралық зерттеулерге, оның ішінде нумизматикаға көп көңіл бөлінеді. Бұған далалық жаңа материалдар мен зерттеулер де, аналитикалық шолу мақалалары да енген. Басылымның уақыттық шеңбері авторлардың Кушан патшалығынан бастап XIX ғасырға дейінгі жұмыстарын қамтиды.

Жинақ археологтарға, нумизматтарға, тарихшыларға, ЖОО-ның оқытушылары мен студенттеріне және Еуразия халықтарының мәдени мұрасына қызығушылардың барлығына арналады.

УДК 94.3(4/5 ЕурАз)

ISBN 978-601-7312-65-7 © Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2016
© Мақала авторлары, 2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ
(с древности до наших дней)

Сборник научных статей

АЛМАТЫ
2016

УДК 94.3(4/5 ЕурАз)
К 90

Сборник печатается в рамках программы
Комитета науки МОН РК ***«Народ в потоке истории»***

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК

Ответственный редактор:
член-корреспондент НАН РК, доктор исторических наук
Б. А.Байтанаев

Редакционная коллегия:
академик НАН РК, д.и.н. К. М. Байпаков, к.и.н. Г. С. Джумабекова,
к.и.н. Г. А. Базарбаева, к.и.н. Е. А. Смагулов, к.и.н. Ж. К. Мыктыбаева,
доктор PhD Е. Акымбек, А. Ж. Мерекеева

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Р.Х. Сулейманов,
кандидат исторических наук А.М. Манапова

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ (с древности до наших дней). – Алматы:
К 90 Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – 736 с., ил

ISBN 978-601-7312-65-7

В данном издании рассматриваются актуальные вопросы культурного наследия Евразии. В сборнике значительное внимание уделено археологическим источникам и междисциплинарным исследованиям, в частности нумизматике. В него вошли как новые полевые материалы и исследования, так и аналитические обзорные статьи. Временные рамки издания охватывают работы авторов, начиная с Кушанского царства до XIX века.

Сборник статей адресован археологам, нумизматам, историкам, преподавателям и студентам вузов, всем, кто интересуется культурным наследием народов Евразии.

УДК 94.3(4/5 ЕурАз)

ISBN 978-601-7312-65-7

© Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016
© Авторы статей, 2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
COMMITTEE OF SCIENCE
A.KH. MARGULAN INSTITUTE OF ARCHEOLOGY

CULTURAL HERITAGE OF EURASIA
(from the ancientry to our time)

Collection of scientific papers

ALMATY
2016

UDC 94.3(4/5 ЕурАз)
С 90

The collection is published within the framework of ***"People in the flow of history"*** *program of the Committee of science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan*

Recommended for publication by the Academic Council of A.Kh. Margulan Institute of Archeology of the Committee of science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Responsible editor:
Baitanayev B.A.,
Corresponding member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences

Editorial board:
Baipakov K.M., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Dzhumabekova G.S., Candidate of Historical Sciences, Bazarbayeva G.A., Candidate of Historical Sciences, Ye.A. Smagulov, Candidate of Historical Sciences, Myktybayeva Zh.K., Candidate of Historical Sciences, Ye. Akymbek, PhD, A.Zh. Merekeyeva

Reviewers:
R.Kh. Suleimanov, Doctor of Historical Sciences, Professor,
A.M. Manapova, Candidate of Historical Sciences

С 90 **CULTURAL HERITAGE OF EURASIA** (from the ancientry to our time). – Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 2016. – 736 p., ill.

ISBN 978-601-7312-65-7

This publication considers topical questions of the cultural heritage of Eurasia. The collection pays considerable attention to the archeological sources and interdisciplinary investigations, particularly to numismatics. It includes both new field data and investigations, and analytical review papers. The time frames of the publication cover papers of authors beginning from Kushan Empire to the XIX century.

The collection of papers is destined to archeologists, numismatists, historians, teachers and students of HEIs, to people interested in the cultural heritage of Eurasian nations.

UDC 94.3(4/5 ЕурАз)

ISBN 978-601-7312-65-7

© A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 2016
© Authors of papers, 2016

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚАДАН

«Халық тарих толқынында» Мемлекеттік бағдарламасының негізгі мақсаты Қазақстанның санғасырлық тарихын Еуразия контекстінде зерттеу. Бағдарламаның басты міндеттерінің бірі, нумизматикалық зерттеулер маңызды бағыты болып табылатын қосалқы тарихи пәндер төңірегіндегі пәнаралық зерттеулер. Нумизматиканың археологиямен өзара әрекеттесу жоспарының өте қиын әрі көп қырлы болуы оның алдында тұрған үлкен мәселе. Бұл табылған монеталар бойынша археологиялық ескерткіштер мен мәдени қабаттарды мерзімдеу ғана емес, оларды егжей-тегжейлі анықтау: ақша айналымының басталуы мен аяқталуының уақыты, оның ежелгі және орта ғасырдағы қала/қоныстың аумағындағы динамикасы; әрбір елді мекендегі ақша айналымының кезеңі мен сипаты; аймақтың қаламен, қаланың басқа облыстардың, өңірлердің қаласымен өзара байланысы, сонымен қатар басқа мемлекеттер арқылы сауда-ақша қатынасы, сонымен бірге басқа да көптеген күрделі мәселелерді шешу археологтарға бір кездері өмір сүрген елді мекеннің өміріндегі тарихи оқиғаларды қалпына келтірудегі өз нұсқасын ұсынудағы қызметін біршама нақты және негізді талдауға көмектеседі. Екінші жағынан, нумизматика нумизматикалық бұйымдар мен жазбаша деректерді археологиялық контексте көрсетпей елді мекендегі адамдардың тарихын қалпына келтіру үдерісін сауатты және нақты енгізе алмайды. Егер шығыстың жазба ескерткіштерімен айналысатын деректанушылармен арадағы өзара әрекеттесу бірнеше ондаған жылдар бойы жемісті дамып келсе, онда тарих ғылымдарының екі саласы, археология мен нумизматиканың өзара байыту үдерісі енді ғана басталды. Сондықтан да, бұл өзекті және тәжірибе жүзінде пісіп жетілген, археологтар мен нумизматтар арасындағы әрекеттесудегі теориялық тұрғыдан дамыған мәселелерді талқылау керек.

Қазақстанда өкінішке орай, бүгінгі таңда нумизматика төңірегіндегі мамандарды дайындау бойынша үлкен мәселе тұр. Нумизматикалық

коллекциялардың көпшілігі еліміздің әр түрлі музейлерінде, тіпті басқа да ғылыми мекемелердің қоймаларында жатыр. Коллекцияларға тізімдеме бойынша ғылыми жұмыстар жүргізіп жатқан бізге үш музей белгілі – Алматы қаласындағы Орталық Мемлекеттік музей, Түркістан қаласындағы Әзірет Сұлтан музейі, Шымкент қаласындағы Тарихи музей. Сонымен қатар, Шәуілдірдегі «Отырар» музейі монета коллекциясын зерттеуге күш салып келеді. Бұл Қазақстандағы барлық музей емес, нумизматтардың көмегін қажет ететін басқа да музейлер жетерлік. Бұл жинақтың алдында тұрған негізгі міндеттердің бірі – Қазақстанның жас тарихшыларын жарияланып отырған мәселеге қызықтыру. Әрине, нумизмат-шығыстанушыны тәрбиелеуде, өзі жеке монеталарды сауатты талдай алу үшін кемі 10-15 жылдай уақыт керек. Сондықтан жас ұрпақтарды нумизматикаға қызығушылығын тудырып, дамытуды бүгіннен бастау керек.

Мұнан басқа тек Қазақстан ғана емес, Кеңес үкіметі кеңістігіндегі елдердің барлығындағы үлкен мәселенің бірі – заңсыз (қара) қазушылар, олар ескерткішті толығымен болмаса да, мәдени қабатын талқандап, ондағы, бірінші кезекте, металл заттар мен монеталарды шығарып алады. Олармен күресті тек заң деңгейінде ғана емес, білім орындарына да енгізу керек. Мектеп пен ЖОО-лардағы тарих мұғалімі мен оқытушыларын еліміздің тарихын қалпына келтіру мәселесіндегі нумизматика мен археологияның маңыздылығы жөніндегі біліммен жас ұрпаққа жететіндей етіп қаруландыру қажет. Мұны қалай жасайды, егер осы екі пәннің өзара әрекеттесуіне арналған бізде кітап болмаса? Сондықтан оқырмандардың көңілін аудартатын бұл мақалалар жинағы Қазақстандағы Археология институтының осы бағыттағы алғашқы тәжірибелік шарасы болып табылады.

Аталған жинақ тарих ғылымдарының кандидаты Павел Николаевич Петровқа арналады. Сол себепті жинақтағы пәнаралық зерттеулер, бірінші кезекте, археология мен нумизматика мәселелері ерекше рөл ойнайды.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Государственная программа «Народ в потоке истории» имеет своей целью изучение многовековой истории Казахстана в контексте Евразийства. Одной из главных задач программы являются междисциплинарные исследования в области вспомогательных исторических дисциплин, важным направлением в которых являются нумизматические исследования. Проблемы, стоящие перед нумизматикой в плане взаимодействия с археологией, сложны и многогранны. Это не только датировка археологических памятников и культурных слоев по монетным находкам. Это также установление времени начала и прекращения монетного обращения и его динамики на территории конкретных древних и средневековых городов/селищ; этапов и характера монетного обращения в каждом таком населенном пункте; взаимосвязь округи с городом и города с городами других областей и регионов, а также иных государств посредством товарно-денежных отношений, и многие-многие иные серьезные вопросы, решение которых помогает археологам более конкретно и обоснованно анализировать итоги своей деятельности и выдвигать свои варианты реконструкции исторических событий в жизни некогда существовавших населенных пунктов. С другой стороны, и нумизматика не в состоянии грамотно и корректно внедряться в процессы реконструкции истории жизни людей в населенных пунктах, не представляя археологического контекста нумизматических находок и сведений письменных источников. Если взаимодействие между источниковедами, занимающимися письменными памятниками Востока, и источниковедами-нумизматами давно, органично и успешно развивается на протяжении многих десятилетий, то процесс взаимного обогащения таких двух отраслей исторической науки, как археология и нумизматика, только начинается. В этих условиях представляется актуальным и необходимым предоставить площадку для обсуждения как назревших практических, так и развития теоретических вопросов взаимодействия между археологами и нумизматами.

В Казахстане, к сожалению, в настоящее время остро стоит проблема с кадрами в области нумизматики. Огромное количество нумизматических коллекций в разных музеях страны, а иногда и в иных научных учреждениях, лежат мертвым грузом. Нам известны только три музея, в которых ведется научная работа по каталогизации коллекции – Центральный Государственный музей в г. Алматы, музей Азрет-Султан в г. Туркестане, Исторический музей в г. Шымкенте. Также активность в плане изучения своей коллекции монет проявляет музей «Отрар» в Шаульдере. Но это далеко не все музеи Казахстана, где требуется помощь нумизматов. Одной из задач, которую ставит перед собой настоящий сборник, – попытаться заинтересовать молодых историков Казахстана публикуемой проблематикой. Конечно, воспитать нумизмата-востоковеда можно не меньше чем за 10-15 лет, прежде чем он сможет самостоятельно грамотно анализировать монетные артефакты. Тем активнее необходимо именно сейчас пытаться зарождать и развивать интерес молодого поколения к нумизматике.

Кроме того, существует еще одна серьезнейшая проблема в археологии не только Казахстана, но и всего постсоветского пространства – «черные копатели», которые уничтожают если не памятники целиком, то культурные слои, вытаскивая из них все металлические предметы и монеты в первую очередь. Представляется, что борьба с этим злом должна вестись не только на уровне законодательном, но и образовательном. Необходимо вооружить наших учителей истории в школах и вузах знаниями о значении нумизматики и археологии в вопросах реконструкции истории нашей страны, о взаимосвязи этих двух наук с тем, чтобы это можно было донести до молодого поколения. А как это сделать, если у нас практически нет книг, посвященных взаимодействию этих двух дисциплин? И предлагаемый вниманию читателей этот сборник статей является первым опытом, предпринимаемым Институтом археологии Казахстана в этом направлении.

Настоящий сборник посвящаем кандидату исторических наук, ведущему научному сотруднику Института археологии им. А.Х. Маргулана, Павлу Николаевичу Петрову. По этой причине особую роль в сборнике играют вопросы междисциплинарных исследований и, в первую очередь, археологии и нумизматики.

EDITORIAL NOTE

The state program "People in the flow of history" aims to study the centuries-long history of Kazakhstan in the context of Eurasianism. One of the major tasks of the program is interdisciplinary research in the field of supplemental historical disciplines, the important direction in which is numismatic investigation. Problems, facing the numismatics in terms of interaction with archeology, are complex and many-sided. This is not only dating of archeological monuments and occupation layers by coin findings. It is also identification of the coin circulation beginning and termination time, its dynamics on the territory of certain ancient and medieval cities/settlements; stages and character of the coin circulation in each such settlement; interaction of a district with a city and the city with cities of other oblasts and regions, as well as other states by means of commodity-money relations, – and many other serious questions, which solution helps the archeologists more specifically and reasonably analyze results of their activity and propose own variants of reconstruction of historical events in the life of once existed settlements. From the other hand, the numismatics cannot be competently and correctly introduced in the reconstruction processes of people's life history in the settlements, without any imagination of archeological context of numismatic findings and data of written sources. If interaction between source researchers, occupied by written monuments of the East, and source researchers – numismatists is being organically and successfully developed during many decades, then process of mutual enrichment of such two branches of historical science, as archeology and numismatics, just only begins. In these conditions, the actual and necessary is to offer area for discussion of both urgent practical and development of theoretical interaction issues between archeologists and numismatists.

Unfortunately, currently, there is a serious problem with skilled workers in the field of numismatics in Kazakhstan. A vast number of numismatic collections in different museums of the country, and sometimes in other

scientific institutions, lies about like so much dead weight. We know only three museums, where research on classification of collections is carried out – Central State museum in Almaty city, Azret-Sultan museum in Turkestan city, Historical museum in Shymkent city. Also "Otrar" museum in Shaulder displays activity in terms of studying of own coin collection. But not only these Kazakhstan museums are needed in the help of numismatist. One of the tasks of this collection of papers – try to interest young historians of Kazakhstan by the published problematics. Of course, it will take no less than 10-15 years to bring up the numismatist-Orientalist before the moment when he or she will be able individually competently analyze coin artefacts. It is necessary now more actively try to arise and develop interest of the young generation to the numismatics.

Besides, there is one more serious problem in the archeology of Kazakhstan and the whole post-Soviet space – grave robbers, who destroy monuments and occupation layers, taking out all metallic objects and coins first of all. It appears that combating this scourge should be both in legislative and educational level. It is necessary to arm our teachers of history in schools and HEIs with knowledge about significance of numismatics and archeology in the question of reconstruction of the history of our country, about interaction of these two sciences with a view to inform the young generation. How we should do that, if we practically have no books dedicated to interaction of these two disciplines? Offered to the attention of readers, this collection of papers is the first experience, taken by the Institute of Archeology of Kazakhstan in this direction.

This collection is dedicated to Pavel Nikolayevich Petrov, Candidate of Historical Sciences. By this reason, problems of interdisciplinary research, and firstly, archeology and numismatics, play the special role in the collection.

Б.А. Байтанаев

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ПЕТРОВ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ

Павел Николаевич Петров родился в г. Москве 19 января 1956 г. в семье военнослужащего, поэтому все его детство проходило в разъездах по разным местам службы отца. Это был великолепный солнечный Баку, горный цветущий Грозный с рекой Сунжей, знойная Астраханская область – станция Ашулук. Именно там, под Астраханью ему полюбились казахские степи, именно там он нашел свою первую джучидскую монету в далеком 1967 году. С этой находки и появилась тяга к коллекционированию восточных монет. После увольнения отца семья поселилась в Нижнем Новгороде. Рано, еще в 8 классе он начал ходить в археологический кружок Горьковского университета, который вела Татьяна Сергеевна Пономарева. Но тайну первой найденной монеты он узнал позднее. Ни в одном музее, куда бы он не обращался, ему не могли сказать, что на ней написано. Говорили – Золотая Орда, и все. Таинственность этого объекта и предопределила его интерес к истории, археологии и нумизматике в первую очередь.

Высшее образование Павел Николаевич получил в Горьковском политехническом институте, а после института работал на предприятиях электронной промышленности. Его первым учителем в области нумизматики был нижегородский ученый химик Евгений Георгиевич Полуйко. Он-то и прочел надписи на медном пуле, найденном еще в детстве на городище Селитренное. В дальнейшем П.Н. Петров занимался самообразованием, изучая труды различных ученых, но в первую очередь Елены Абрамовны Давидович. Серьезное обучение восточной нумизматике началось в конце 1990-х гг. у Владимира Ниловича Настича при активной поддержке и помощи Е.А. Давидович. В течение пяти лет Павел Николаевич работает в Институте Востоковедения РАН (г. Мо-

ства), а в 2007 г. в Казанском государственном университете он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Нумизматическая история Чагатаидского государства 668/1270 – 770/1369 гг.». После защиты кандидат исторических наук П.Н. Петров работал в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань), а ныне работает в Институте археологии им. А.Х. Халикова АНРТ (г. Казань), в Центральном Государственном музее РК (г. Алматы), в Институте археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы).

Интересы Павла Николаевича Петрова в области нумизматики Востока в первую очередь касаются средневековья – с арабского завоевания в VIII в.н.э. и до XV в. включительно, свидетельством чему являются его многочисленные публикации, список которых прилагается в конце этого раздела. Надо сказать, что целеустремленность, с которой он работает над выбранными темами, определяется в первую очередь желанием приблизиться к пониманию процессов в истории товарно-денежных отношений – касаются ли они одного села, города, области или всего государства. Большое количество его научных изысканий посвящено монгольскому периоду в истории Евразии – с XIII по XV вв. Это и вопросы джучидской нумизматики, и проблемы, связанные с разработкой нумизматики Чагатаидского государства.

Его кандидатская диссертация посвящена именно чагатаидской нумизматике. После защиты диссертации ученый не бросил заниматься этой темой, а подгоняемый желанием приоткрыть неизвестные факты и обстоятельства в истории этого государства, занялся изучением наследия Чагатаидского государства на территориях Казахстана и Кыргызстана. Естественным результатом исследований явилась монография «Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов», написанная в соавторстве с К.М. Байпаковым и Д.А. Воякиным. Публикация материалов из Кыргызстана еще ждет своего часа.

Отзывы Павла Николаевича на появление новых нумизматических находок всегда своевременны и актуальны. Так, через год после находки клада монет тимуридского времени (около 2800 экз.) вышел первый том каталога монет клада, а еще через год – второй том с классификацией надчеканов на монетах. В этой работе активное участие принял и аспирант П.Н. Петрова Андрей Олегович Брагин.

В настоящее время у Павла Николаевича пять аспирантов – серьезных и надежных помощников в развитии нескольких направлений восточной нумизматики. Таким образом, создается или, точнее, продолжа-

ет развиваться научная школа восточной нумизматики, истоки которой уходят в не столь далекое прошлое – первую треть XX века. Основателем этой отрасли знаний был Михаил Евгеньевич Массон, огромный вклад в развитие нумизматической научной школы внесли Елена Абрамовна Давидович, Владимир Нилович Настич и их ученик Павел Николаевич Петров. Отличительной чертой изыскательской деятельности этого ученого является то, что он имеет высшее техническое образование, которое, без сомнения, накладывает отпечаток на характер и качество проводимых им исследований.

Талантливый организатор, умеющий зажечь и начинающих нумизматов, и серьезных исследователей, П.Н. Петров стоял у истоков периодического издания нумизматических сборников «Древности Поволжья и других регионов» (5 выпусков). Это под его руководством и при его непосредственном участии ежегодно проводятся международные нумизматические конференции (всего проведено семь конференций, материалы пяти из них были опубликованы). В настоящее время П.Н. Петров является научным редактором нумизматического ежегодника «Нумизматика Золотой Орды» (вышло 5 номеров), издаваемого в Академии наук Татарстана в Казани. И во всех печатных изданиях, помимо статей столь любимой ученым нумизматической темы, принимались и принимаются статьи по другим направлениям восточной нумизматики.

Кроме практических статей внутридисциплинарного характера, П.Н. Петров работает над решением теоретических и методологических проблем, проводит источниковедческие исследования, о чем свидетельствуют его статьи «Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника» (2 части); «Султан справедливый, величие мира и веры Токтогу хан» (690/1291 – 712/1312-1313 гг.); «Нумизматический источник о распространении ислама в Улусе джучидов» (в соавторстве, см. перечень №78); «Принципы датировки захоронений по монетам (вопросы методологии)», «Метод поштемпельного анализа восточных монет для уточнения их атрибуции» и др.

Одно из самых важных направлений, которым занимается Павел Николаевич, – взаимодействие с археологами, оказание им посильной помощи в реконструкции процессов возникновения и развития товарно-денежных отношений, а также кризисных явлений в экономике средневекового города, области, региона или страны.

В последнее время ученому приходится заниматься монетами Казахстана с домусульманского периода и практически до начала XX века. Профессия диктует необходимость отслеживать нумизматические находки

на территории Казахстана каждый год. И эта работа также проводится, в том числе с помощью музеев Южного Казахстана и Центрального Государственного музея в г. Алматы.

Несомненно, вклад этого ученого в изучение материальной культуры Евразии в области нумизматики значителен. Хочется пожелать Павлу Николаевичу и на будущее – успехов и удачи в его активных поисках и изысканиях на ниве нумизматики Евразии. Поздравляю юбиляра с 60-летием.

Список научных трудов и публикаций в области нумизматики Павла Николаевича Петрова

1985

1. Петров П.Н. Клад серебряных позолоченных динаров Великих Сельджуков // Эпиграфика Востока. Вып. XXШ. – Ленинград, 1985, с. 52-56.

1992

2. Петров П.Н. Золотоордынский монетный двор Курмыш? // Московское нумизматическое общество, "Нумизматический сборник". – Москва, 1992, № 2, с. 62-67.

1997

3. Петров П.Н. Клад монет XI в. // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. I. – Нижний Новгород, 1997, с. 89-99.
4. Петров П.Н. Находки джучидских монет на территории Нижегородской области // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II. Нумизматический сборник. Т. I. – Нижний Новгород, 1997, с. 9-24.
5. Петров П.Н. Новые данные о кладе монет Великих Сельджуков // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II. Нумизматический сборник. Т. I. – Нижний Новгород, 1997, с. 117-134.
6. Петров П.Н. Клад чагатаидских медных монет XIV века // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II. Нумизматический сборник. Т. I. – Нижний Новгород, 1997, с. 135-149.
7. Петров П.Н., Лебедев В.П. Два клада медных посеребренных дирхемов хорезмшаха 'Ала ад-Дина Мухаммада б. Текеша // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II. Нумизматический сборник. Т. I. – Нижний Новгород, 1997, с. 150-178.
8. Петров П.Н., Лебедев В.П. Аккурганский клад шейбанидских серебряных монет 60-80 гг. XVI в. // Древности Нижегородского Повол-

жья. Вып. II. Нумизматический сборник. Т. I. – Нижний Новгород, 1997, с. 179-191.

9. Петров П.Н., Смычков К.Д. Клад серебряных позолоченных динаров Великих Сельджуков (часть 2)// Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 5. – Москва, 1997, с. 230-241.

2000

10. Петров П.Н. Ещё раз о медных посеребрённых дирхемах Отрара середины XIII в. // Восьмая Всесоюзная нумизматическая конференция. Тезисы докладов. – Москва, 2000, с. 70-71.
11. Петров П.Н. Использование макроанализа при изучении кладов куфических монет VIII–XII вв., оценка его применимости и возможностей // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. II. – Нижний Новгород, 2000, с. 221-225.
12. Петров П.Н., Калинин В.А. Клады куфических дирхемов // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. II. – Нижний Новгород, 2000, с. 171-220.
13. Петров П.Н. Монгольская монетно-весовая система Средней Азии XIII в. по результатам статистического анализа кладов серебряных дирхемов // Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. – Самарканд, 2000, с. 132-139.

2001

14. Петров П.Н., Беляев В.А. Об атрибуции некоторых типов знаков собственности на монгольских монетах XIII в. //IX Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, апрель 2001. Тезисы докладов и сообщений. – СПБ., 2001, с. 81-82.
15. Петров П.Н. Булгар середины XIII в. и Великая Монгольская империя // IX Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород. 16-21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2001, с.70-71.

2002

16. Петров П.Н. Рецензия на монографию А.Л. Пономарева “Деньги Золотой Орды и трапезундской империи. Квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. – Нижний Новгород, 2002, с. 166-177.

17. Петров П.Н. Монгольская монетно-весовая система и рацио в Средней Азии XIII в. (Результаты анализа метрологических характеристик монет из кладов) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т.3. – Нижний Новгород, 2002, с. 225-231.
18. Петров П.Н. Ходячая серебряная монета Улуса Чагатая в XIV в. (к вопросу о реформе Кепек-хана) // X Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Псков, 15-20 апреля 2002 г. – Москва, 2002, с. 79-81.

2003

19. Петров П.Н. Монетное обращение в эпоху эмира Казагана и Буйан-Кули хана в Средней Азии (749-758 / 1348-1357 гг.)// Центральная Азия. Источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. – Москва, 2003, с. 118-122.
20. Петров П.Н. Смута 1340-х гг. в государстве Чагатаидов. (Нумизматические данные)// Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 14-18 апреля 2003 г. СПб., 2003, с. 104-106.
21. Петров П.Н., Кошевар В.Г. Клад № 5 первой половины XIV века и отдельные нумизматические находки из Киргизии// Ж. Нумизматика. Октябрь, 2003.

2004

22. *П*етров П.Н., Кошевар В.Г. Клад № 4 из Киргизии (монетные фракции реформы Мас`уд-бека) // Древности Поволжья и других регионов. Вып V. Нумизматический сборник. Т. 4. – Москва – Н.Новгород, 2004, с. 226-234.
23. Лебедев В.П., Петров П.Н. К нумизматике Азербайджана. Монеты ширваншаха Мухаммада б. Ахмада (370-381/981-991) // Ж. Нумизматика. Март, 2004, с. 31-33.
24. Петров П.Н. Реформа Кепека-Тармаширина // XII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. – Москва, 2004, с. 76-77.
25. Петров П.Н., Калинин В.А. Обрезанные куфические дирхемы X в. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. – Москва – Н..Новгород, 2004, с. 181-210.
26. Петров П.Н. Находки нумизматических памятников XIV в. близ Хоргоса // Монеты и медали. Вып. II. – Москва, 2004, с. 169-238.

27. Беляев В.А., Настич В.Н.,Петров П.Н. Орду ал-А`зам в Хотане и Кабак. Новые монгольские монетные дворы XIII в. // Ж. Нумизматика. Ноябрь, 2004, с. 20-22.
28. Петров П.Н. Первая международная нумизматическая конференция «Саратов-2001». // Ж. Нумизматический Альманах. №4. – Москва, 2004, с. 40-45.

2005

29. Петров П.Н., Камышев А.М. Находки чагатайских монет на территории Чуйской долины // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. I МНК – Саратов 2001 и II МНК – Муром 2003. (ИВ РАН, Москва). – Москва, 2005, с. 88-90.
30. Петров П.Н., Беляев В.А. К вопросу о персонализации тамг на монетах Чагатайского улуса // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. I МНК – Саратов 2001 и II МНК – Муром 2003. (ИВ РАН, Москва). – Москва, 2005, с. 79-85.
31. Петров П.Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII-XIV вв. как знаки собственности // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. I МНК – Саратов 2001 и II МНК – Муром 2003. (ИВ РАН, Москва). – Москва, 2005, с. 170-177.
32. Петров П.Н., Студитский Я.В., Сердюков П.В. Проводилась ли Токтой общегосударственная реформа 710 г.х. Кубанский клад времени Узбек хана // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. I МНК – Саратов 2001 и II МНК – Муром 2003. (ИВ РАН, Москва). –Москва, 2005, с. 142-147.
33. Петров П.Н., Камышев А.М. Алматы – монетный двор государства Чагатаидов // Известия МОН РК, НАН РК. Сер.общественных наук. № 1, Алматы, 2005, с. 161-164.
34. Петров П.Н., Камышев А.М. Чуйская долина по нумизматическим данным (XIII – первая половина XIV вв.) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (СПб., 2-5 ноября 2004 г.). – СПб., 2005,с. 286-290.
35. Петров П.Н. «Ташкентский» клад чагатайских монет 768 – начала

770-х г.х. // Труды III международной нумизматической конференции. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. Старый Крым – 2004. –Москва, 2005, с. 49-77.

36. Петров П.Н. Клад аббаси времен шаха Сефи // Ж. Нумизматика. М., 2005, июль. С. 18-23.

2006

37. Петров П.Н. Монгольские монетные дворы XIII века и Орду ал-А`зам // Ж. Нумизматика. –М., июль 2006, с. 19-22.
38. Nastich V., Petrov P., Belyaev V. Ordual-A`zam (in Khotan) and Qabaq – Newly Descovered Mongolian Mintsofthe 13th Century // ONS. Journal of the Oriental NumismaticS ociety. No. 186. Winter 2006. P. 20-23.
39. Петров П.Н. Бадахшан XIII-XIV вв. под властью монгольских ханов // Записки Восточного отделения Российского Археологического Общества. Новая серия. Т. II (XXVII). – СПб., 2006, с. 496-540.
40. Петров П.Н., Беляев В.А., Настич В.Н. Новые монгольские монетные дворы XIII века. Орду ал-А`зам в Хотане и Кабак // Нумизматика Синьцзяна. № 2. – Урумчи, 2006, с.3-5.

2007

41. Петров П.Н. Монетный двор Каялыка // К.М. Байпаков, Д.А. Воякин «Средневековый город Каялык». – Алматы, 2007, с. 88-90, с. 167 фототаблица.
42. Акиндинов С.В., Петров П.Н. Клад чагатаидских дирхемов начала XIV в. из Узбекистана // XIV ВНК. Санкт-Петербург, Гатчина, 16-21 апреля 2007 г. Тезисы докладов и сообщений. –СПб, 2007, с. 80-81.
43. Байпаков К.М., Петров П.Н. Кайалык – город Великой Монгольской империи. Нумизматический и археологический аспекты // Денежное обращение и торговля средневекового Казахстана. Материалы международной научно-практической конференции 8-10 июня 2006 г. – Туркестан, 2007, с. 14-21.
44. Петров П.Н. Монгольские монетные дворы XIII в. и Орду ал-А'зам // Денежное обращение и торговля средневекового Казахстана. Материалы международной научно-практической конференции 8-10 июня 2006 г. – Туркестан, 2007, с. 22-27.

2008

45. Петров П.Н., Мирзоев Д. О чем рассказывает клад чагатайских дирхемов из Термеза // Труды IV международной нумизматической кон-

ференции. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. Болгар – 2005. –Москва, 2008, с. 93-99.

46. Иванов Н.Н., Петров П.Н. Вопросы метрологии медных посеребренных дирхемов Самарканда 630 г.х. (1232/1233 г.) // Навуковы Зборнік (БДУ). Крыніца знаўстваі спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 4. – Минск, 2008, с. 83-86.
47. Петров П.Н., Гумаюнов С.В. Монеты Бадахшана конца XIII – нач. XIV вв. как источник для реконструкции исторических событий // Труды IV международной нумизматической конференции. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. – Болгар – 2005. – Москва, 2008, с. 104-105.
48. Лебедев В.П., Зорин А.В., Петров П.Н. Новый клад джучидских монет из Шеховцова под Курском // Труды V международной нумизматической конференции. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков. – Волгоград – 2006. Москва, 2008, с. 167-170.
49. Петров П.Н. Еще раз о монетной реформе Мас`уд-бека 670/1271-1272 г. в государстве Чагатаидов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2., вып. 1. История. – СПб., 2008, с. 201-213.
50. Петров П.Н., Акиндинов С.В. Об одной медной монете 670 г.х. города Сайрама // Ж. Нумизматика. №18. Август, 2008, с. 33.
51. Петров П.Н., Базылхан Н., Какабаев Б.С., Бурнашева Р.З., Жолдасбаева Д. – составители. Альбом: «Нумизматическое наследие Казахстана. Посвящается 15-летию национальной валюты – тенге», – Алматы, 2008, 87 с.

2009

52. *П*етров П.Н. Чагатаидский монетный двор Узджанд // XV Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону, 20-25 апреля 2009. Москва, 2009, с. 76-78.
53. Петров П.Н. Хронология правления ханов в Чагатаидском государстве в 1271–1368 гг. (по материалам нумизматических памятников) // Тюркологический сборник 2007-2008. История и культура народов России и сопредельных стран. – Москва, 2009, с. 294-319.
54. Petrov P., AkindinovS.V. Two New Central Asian Mints of the First Half of the 14th Century // ONS. Journal of the Oriental Numismatic Society. № 200. Summer 2009, p. 12-14.
55. Петров П.Н. Монетный двор Каялыка // Средневековые столицы Жетысу Алматы, Тальхир, Каялык. Алматы, 2009, с. 199-202 (русский), 95-98 (казахск.), цв. фототаблица № 142. (При печати раздела

не опубликованы графики и оригинальная фототаблица к статье. Монета, фото которой помещено в тексте раздела, не имеет отношения к изучаемым монетам).

2010

56. Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, 2010, с. 121-149.
57. Петров П.Н., Ускенбай К.З. Вопросы исламизации улуса Джучидов и вероисповедание хана Токты (690/1291 – 712/1312–1313 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск. № 1, 2010, с. 10–54.
58. Петров П.Н. Названия серебряных монет в монгольских государствах XIII-XIV вв. (к вопросу о монетной системе в Улусе Джучи – предварительное сообщение) // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. Материалы Всероссийской научной конференции. 23-24 сентября 2010 года. – Пенза, 2010, с. 39-48.
59. Петров П.Н. Ваджра на монетах Чагатаидского государства // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова / Сост. Д.А. Мустафина, М.С. Гатин; научн. ред. И.А. Гилязов. – Казань, 2010, с.123-141.
60. Петров П.Н. Ваджра на монетах Чагатаидского государства //Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. – Алматы, 2010, с. 343-356.

2011

61. Петров П.Н., Александров А.С. Чагатаидские дирхемы с именем Амира Навруза, битые в Бадахшане // Ж. Нумизматика. –Москва, 2011, №1(28). С. 8-9.
62. Петров П., Железняков Б. Монеты Персидского шаха. Археологические находки на городище Жуантобе// Ж. NOMAD Kazakstan № 3 (39).– Алматы, 2011, с. 106-112.
63. Петров П.Н. Метод поштемпельного анализа восточных монет для уточнения их атрибуции // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. – Казань, 2011, с. 7-27, фототабл. 1.
64. Грачев А.И., Петров П.Н. Клад медных посеребренных дирхемов Мерва времени завоеваний Чингиз-хана // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. – Казань, 2011, с. 124-138, фототабл. 12 и 23.

65. Петров П.Н. Находки дирхемов конца XIII в. из Дев-кескен-кала // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып 4. – Казань, 2011, с. 218-237.
66. Акиндинов С.В., Камышев А.М., Петров П.Н. Баласагун и Орду – монетные дворы второй четверти XIII в. (Новые факты из истории Кыргызстана)// Эпиграфика Востока. XXIX.–Москва, 2011, с.14-28.

2012

67. Петров П.Н. Алматы XIII-XV вв. по нумизматическим данным // Алматы. История тысячелетия / Мат. междунар. науч.-практ. конф. «Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст города Алматы» 17-18 ноября 2010 г. Вып. 3. – Алматы, 2012, с. 23-27.
68. Петров П.Н., Бугарчёв А.И. Особенности денежного обращения в Булгарском вилайате в последней трети XIII – первой трети XIV вв. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. №3. 2012. Ч. 1. (Гл. ред. Валеев Р.М.). – Казань, с. 117-123.
69. Петров П.Н., Камышев А.М., Акиндинов С.В. Баласагун и Орда – монетные дворы Чуйской долины первой трети XIII века // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. №3. – Алматы, 2012, с.168-177.
70. Петров П.Н. Принципы датировки захоронений по монетам (вопросы методологии) // Культурный слой. Сборник научных статей. Вып. 1. – Нижний Новгород, 2012, с. 60-78.
71. Pavel N. Petrov. Financing the Silk Road: Medieval Coinage of Central Asia. In Arts from the Land of Timur. // Exhibition catalogue. – Edinburgh, 2012, pp. 305 – 309. Сами монеты и описания идут на pp. 310 – 321.
72. Петров П.Н., Беляев В.А. Клад хорезмийских дирхемов конца XIII в. из Афганистана // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. – Казань, 2012, с. 54-59.
73. Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Нумизматические находки на городище Антоновка (к вопросу о времени прекращения функционирования средневекового города Кайалык) // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. – Казань, 2012, с. 87-93.
74. Петров П.Н. Реплика к статье В.П. Лебедева, Р.Ю. Ревы, Б.С. Воробьева. «Клад джучидских монет первой четверти XV в. из села Лебяжье (Ульяновская обл.)», опубликованной в сборнике «Нумизматика Зо-

лотой Орды». Вып. 1 // НумизматикаЗолотойОрды. Вып. 2. – Казань, 2012, с. 143.
75. Петров П.Н., Жолдасов Т.М. Сведения о новых находках отрарских медных посеребренных дирхемов середины XIII в. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2.– Казань, 2012, с. 81-86.
76. Петров П.Н., Бугарчев А.И. Медные монеты из Дев-кескен-кала // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. – Казань, 2012, с. 237-245.
77. Петров П.Н., Бугарчёв А.И. Анализ нумизматических находок джучидских монет с территории Самарской Луки из коллекции Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII-XIV в.). Материалы научно-практической конференции. Самара, 2012, с. 153-159.

2013

78. *П*етров П.Н., Ускенбай К.З. «Султан справедливый, величие мира и веры Токтогу хан» (690/1291 – 712/1312-1313 гг.). (Нумизматический источник о распространении ислама в Улусе Джучидов) // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. – Москва, 2013, с. 273-332.
79. Бугарчёв А.И., Петров П.Н. Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате (вторая половина XIII – первая треть XIV вв.) // Поволжская Археология. №1(3). – Казань, 2013, с. 216-231.
80. Петров П.Н. Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (1) // Золотоордынское обозрение. №1. – Казань, 2013, с. 177-206.
81. Петров П.Н., Батраков О.А. Клад дирхамов времени Менгу-Тимура из Туркменистана // Эпиграфика Востока. Т. XXX. – Москва, 2013, с. 243-259.
82. Кубанкин Д.А., Петров П.Н. Джучидские монеты из материалов раскопок на Укекском городище в 2010-2012 гг. в контексте археологических находок // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 3. 2013, с. 55-60.
83. Петров П.Н., Камышев А.М. Находки джучидских монет в Кыргызстане // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 3. 2013, с. 61-67.
84. Зайончковский Ю.В., Петров П.Н., Добромыслов Л.Б., Брагин А.О. Серебряные данги Тимур-Кутлуга, битые на монетном дворе Азак ал-Махруса // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 3. 2013, с. 76-91.

85. Петров П.Н. Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (2) // Золотоордынское обозрение. № 2. Казань, 2013, с. 191-216.
86. Петров П.Н., Батраков О.А. Клад хорезмийских монет (дополнительная информация) // Поволжская Археология. №4(6). –Казань, 2013, с. 200-204.

2014

87. Байтанаев Б.А., Брагин А.О., Петров П.Н. Сайрамский клад тимуридских монет (предварительные итоги) // Восхождение к вершинам археологии. Сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. – Алматы, 2014, с. 406-412.
88. Брагин А.О., Петров П.Н., Камышев А.М. Клад серебряных монет начала XV в. из Кашгар-Кыштака в Кыргызстане // Нумизматика Золотой Орды. №4. 2014, с. 107-113.
89. Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ересенов Д.С. Средневековый город, обнаруженный в долине реки Или (нумизматический аспект) // Нумизматика Золотой Орды. №4. 2014, с. 61-76.
90. Брагин А.О., Петров П.Н., Гомзин А.А. Медные монеты амира Тимура с номиналом тассудж // Нумизматика Золотой Орды. №4. 2014, с. 114-125.
91. Петров П.Н., Волков В.И. Кладик джучидских монет из Наровчата // Нумизматика Золотой Орды. № 4. 2014, с. 156-158.
92. Акопян А.В., Петров П.Н. Этапы монетного обращения и денежная политика в Карабахском ханстве (1747–1822) в связи с российским влиянием // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2014 года. – Москва, 24-25 ноября 2014 года. Москва, 2014, с. 33-37.
93. Байтанаев Б.А., Петров П.Н. Сайрамский клад Чагатаидских монет (первая половина XIV в.) // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. № 5. – Алматы, 2014, с.218-220.
94. Петров П., Рева Р. Джучидская нумизматика XV века // История татар с древнейших времен. Т. IV. Татарские государства XV – XVIII вв. – Казань, 2014, с. 41-45.

2015

95. Петров П.Н., Белтенов Ж.М. Некоторые вопросы денежной реформы в Великой монгольской империи в правление хана Угедея // Материалы научно-практической конференции «VII Оразбаевские чтения» «Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее», приуроченной к 550-летию образования Казахского ханства, 20-летию Ассамблеи народов Казахстана. 28-29 апреля 2015 г. – Алматы, 2015, с. 87-90.
96. Петров П.Н., Байтанаев Б.А. Находки монет Великой Монгольской империи и государства Чагатаидов в округе города Шымкент // Казахское ханство в потоке истории: сборник материалов международной конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. – Алматы, 2015, с. 157-169. (всего 707 с., илл.).
97. Байпаков К., Савельева Т., Петров П. Локализация города Иланбалык (Иланбали) в Илийской долине // Промышленность Казахстана. 2015, №2(89). С. 94-97.
98. Петров П.Н., Калменов М.Д. Сведения о находках джучидских монет на городищах Кетик-кала и Кызыл-кала в Казахстане // Нумизматика Золотой Орды. №5. 2015, с. 22-27.
99. Петров П.Н., Кубанкин Д.А. раскопки на Увекском городище в 2013 году. Нумизматический аспект // Нумизматика Золотой Орды. № 5. 2015, с. 61-66.

2016

100. Петров П.Н., Белтенов Ж.М. Продукция монетного двора Отрар во время междоусобиц первого десятилетия XIV века // Материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения» по теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования», приуроченной к 25-летию независимости Республики Казахстан. 1-2 апреля 2016 г. – Алматы: Қазақ университеті. 2016, с. 216-218.
101. Петров П.Н., Рева Р.Ю., Брагин А.О. Материалы XIV-XV вв. к нумизматическому паспорту Гудермесского района Чечни (к истории изучения) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Грозный, 18-21 апреля 2016 г. – Грозный: из-во Чеченского государственного университета. 2016. С. 234-235.
102. Петров П.Н., Бугарчёв А.И. Джучидский монетный двор Укек (XIII-

XIV вв.) // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. – Казань: Институт археологии АН РТ. 2016. С. 31-43.

Монографии и каталоги

103. Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII-XIV веков. Нижний Новгород, 2003. – 9 п.л., 37 табл. илл. – монография.
104. Восточные монеты из фондов Центрального Государственного музея Республики Казахстан. Алматинский клад чагатаидских монет. Иллюстрированный научный каталог. Том. 1, книга 1. Алматы, 2013. 320 с. Составители: Н. Алимбай, П. Петров, Ж. Белтенов. – каталог.
105. Восточные монеты из фондов Центрального Государственного музея Республики Казахстан. Алматинский клад чагатаидских монет. Иллюстрированный научный каталог. Том 1, книга 2. Алматы, 2014. 320 с. Составители: Н. Алимбай, П. Петров, Ж. Белтенов. – Каталог.
106. Байтанаев Б.А., Брагин А.О., Петров П.Н. Сайрамский клад тимуридских монет. / Каталог: книга 1. – Алматы, 2014. – 812 с. – каталог.
107. Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. – Казахстан. Алматы: Хикари, 2014. 264 с.– монография.
108. Байтанаев Б.А., Брагин А.О., Петров П.Н. Сайрамский клад тимуридских монет. / Каталог: книга 2 Надчеканы. – Алматы, 2015. – 375 с. – каталог.

РЕДАКТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Главный редактор. Нумизматические сборники:

1. Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II, т. 1. Н. Новгород: изд. фирма «Конвек», 1997. 196 с., илл.
2. Древности Поволжья и других регионов. Посвящен памяти Юрия Ефремовича Пырсова. Вып. III, т. 2. Н.Новгород. – М.: ИПР «Информэлектро», 2000. 288 с., илл.
3. Древности Поволжья и других регионов. Посвящен памяти Бориса Дмитриевича Кочнева. Вып. IV, т. 3. Н. Новгород. М.: ИПР «Информэлектро», 2002. 344 с., илл.
4. Древности Поволжья и других регионов. Посвящен 80-летию Елены Абрамовны Давидович. Вып. V, т. 4. – Москва – Н. Новгород: Нумизматическая Литература, 2004. 326 с., илл.

5. Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. I МНК – Саратов 2001, II МНК – Муром 2003. М.: Нумизматическая Литература, 2005. 216 с., илл.
6. Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. III МНК – Старый Крым 2004. М.: Нумизматическая Литература, 2005. 132 с., илл.
7. Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. IV МНК – Болгар 2005, V МНК – Волгоград 2006. М.: Нумизматическая Литература, 2008. 236 с., илл.
8. Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. Посвящается 125-летию со дня рождения Р.Р. Фасмера. Серия: «Археология Евразийских степей». Вып. 18. Казань: Отечество, 2014. 288 с.

Научный редактор:

1. В.П. Лебедев, Д.Б. Марков, А.А. Койфман. Монетное дело и монетное обращение Ганджийского эмирата Шаддадидов (сер. X –XI вв.). – Москва: Нумизматическая Литература, 2006. 136 с., илл. – монография.
2. Нумизматика Золотой Орды. Ежегодник. (выходит с 2011 г.). – Казань.
3. Добромыслов Л.Б. Серебряный чекан золотоордынского Азака при хане Токтамыше. Каталог и исследования. М.: из-во Ипполитова, 2016. – 270 с. – монография.

С.Ш. Акылбек, Е.А. Смагулов, С.А. Яценко

ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО РЕЗИДЕНЦИИ ТЮРКСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ VIII в. В ЦИТАДЕЛИ г. КУЛАН

В статье публикуются материалы начального этапа исследования материалов, полученных в сезоне 2015 г. при исследовании городища Кулан. Топосъемка городища Кулан позволяет в определенной мере дополнить представления о его исторической топографии. Рассматриваются уникальные материалы, полученные при расчистке двух дворцовых помещений на цитадели городища Кулан. По стратиграфическим данным, вскрытая планировка относится к основному строительному горизонту (СГ1) и может быть датирована VIII в. Помещение №1 декорировано двумя противопоставленными декоративными арочными порталами и панелями из резной глины вдоль всех стен. Уникальная сохранность позволяет реконструировать орнаментальную композицию этого помещения.

Хорошая сохранность стен основного СГ позволяет реконструировать перекрытия двух рассматриваемых помещений как деревянные шатровое и двускатное. В соседнем помещении №2 под шатровым перекрытием противоположная входу суфа акцентирована двуступенчатой лесенкой, по которой на нее поднимались. Стены помещения поверх тщательной штукатурки были украшены сюжетными полихромными росписями и граффити. Несмотря на то, что красочный слой росписи оказался почти уничтожен неблагоприятными условиями залегания (сильная засоленность почв, переувлажненность), удается реконструировать некоторых персонажей граффити, детали их костюма и сформулировать предварительные выводы и рекомендации.

Ключевые слова: раннесредневековый город, Юго-Западное Жетысу, Кулан, дворец, интерьеры, резная глина, розетки, декоративные порталы, стенные росписи, граффити.

Городище Кулан (прежние названия – Тарты, Луговое) – одно из наиболее известных и археологически изученных памятников в Юго-Западном Жетысу. Здесь локализуется средневековый город Кулан, неоднократно отмеченный на страницах средневековых арабо-персидских дорожников и исторических сочинений. Городище расположено в Рыскуловском районе Жамбылской области на северо-восточной окраине современного села Кулан на берегу реки Каракат (приток р. Шу) (Свод истории …, 2002, с. 283). Локализацию на этом городище средневекового города Кулан в свое время высказал, вслед за В. Томашеком, В. В. Бартольд (Бартольд В. В., 1966, с. 49). В последующем никем из исследователей это отождествление не оспаривалось.

Собственно, археологические исследования на городище были начаты Семиреченской археологической экспедицией (САЭ, руководитель К. А. Акишев) в 1960-х годах. Одним из отрядов была исследована шурфами цитадель и раскопано несколько усадеб на территории ближайших окрестностей городища (Байпаков К. М., 1966, с. 68-84). Но по ряду причин эти работы ни тогда, ни в последнее время не стали систематическими, хотя памятник и номинирован в «Список памятников мирового культурного наследия» ЮНЕСКО.

Задача археологического изучения цитадели городища Кулан была сформулирована в рамках Проекта 0005/ПЦФ-00-МКС/0-15-ОТ «Городище Кулан» МОН РК (исполнитель ТОО «Казахский научно-исследовательский институт культуры» МКС РК, директор А. Р. Хазбулатов), рассчитанного на три года исследований, 2015-2017 гг. С этой целью в августе 2015 г. на северо-западной стороне цитадели был разбит раскоп первоначальной площадью 15×20 м. (Позже он был расширен на 2 м в ЮВ и СЗ направлениях). Предполагалось, что раскоп охватит участок внешней крепостной стены цитадели и участок ее внутренней застройки, что в совокупности даст достаточно репрезентативный материал для суждений о стратиграфии (хронологии) застройки и характере образующих цитадель архитектурных сооружений. Эти раскопочные работы были проведены наряду с топографической съемкой всего городища внутри «длинных стен» («белед»), а также раскопками на шахристане (раскоп № 2). Данная публикация посвящена начальному этапу изучения итогов, полученных при раскопках на цитадели, где начато вскрытие великолепной сохранности дворца местного тюргешского правителя (?) с уникальным декором помещений.

Вопросы топографии

Топография городища Кулан до сих пор анализируется в терминах «теории трехчастной структуры средневековых городов». В ее рамках исследователи стремятся определить в топографии средневековых городищ обязательные объекты «триады Бартольда-Якубовского» – «цитадель», «шахристан» и «рабад» (Байпаков К.М., 2002, с. 283; Нуржанов А.А., 2010, с. 141-153). Как известно, В. В. Бартольд дополнил В. А. Жуковского в его первом в русскоязычной ориенталистике и археологии описании топографии Мерва. При этом он, трактуя «имеющие значение для нас» термины описания структуры средневековых городов, которыми пользовались арабоязычные авторы IX-XI вв., говорит не о трех терминах и, соответственно, трех частях города/городища, а, по крайней мере, о пяти – ***медина (шахристан), кухендиз (цитадель), рабад (пригород), белед (предместье), рустак*** (Бартольд В. В., 1966в, с. 173-174). Сам А. Ю. Якубовский предпочитал говорить о четырех терминах (опуская ***рустак,*** из «списка Бартольда»), описывающих отдельные структурные части и город в целом (История народов …, 1950, с. 204). Отметим, что историко-топографическая теория А. Ю. Якубовского была взята на вооружение среднеазиатской археологией, но из-за излишней социологизированности ей было отказано в универсальности. М. Е. Массон обратил внимание на то, что эта теория развития средневекового города неприложима к истории ни одного крупного среднеазиатского города (Массон М. Е., 1950, с. 166). Обоснованные сомнения в применимости «трехчастной терминологии» к топографии городищ Семиречья/Жетысу высказывал также и П. Н. Кожемяко (Кожемяко П.Н., 1959, с. 174-177).

Тем не менее, «концепция Бартольда-Якубовского» до сих пор не исчерпала своего методического потенциала, если признать, что задача теории – не следование отдельным эмпирическим фактам, а в объяснении явлений. Ее суть не столько в фиксации какого-то количества структурных частей средневековых городищ и толковании значения обозначающих их терминов, хотя и это важно, а в признании топографии средневекового городища как отражения реалий исторического развития средневекового среднеазиатского города. Однако ее использование обычно ограничивается формальным описанием топографии того или иного памятника. По нашему мнению, О. Г. Большаков вполне прав, отмечая, что «самым слабым местом в его (А. Ю. Якубовского – С.Е.) построениях является не триада кухендиз-шахристан-рабад, вокруг которой ведутся все споры, а недостаточная изученность социально-экономиче-

ского строя города X-XI вв.» (Беленицкий А.М. и др., 1973, с. 136). В отношении средневековых городов юга Казахстана и Семиречья приходится с сожалением констатировать, что здесь мы еще не поднялись до уровня однозначного описания и интерпретации топографии городищ. Примером тому может быть городище Кулан, которое изучалось несколькими экспедициями, но до сих пор, на наш взгляд, нет однозначного описания его исторической топографии.

Центральная часть городища («шахристан») представляет собой бугор подквадратной формы, ориентированный углами по сторонам света (рис. 1). Размеры шахристана по гребню склонов сторон – 216×220 м. Средняя высота – 11,5 м, отметка наивысшей точки шахристана – 12,5 м. Цитадель вписана в его северный угол, ее размеры 47×43 м. По центру верхней площадки ее имеется впадина диаметром около 25 м, глубиной 2,5 м. Высота над окружающей местностью – 13 м. [Размеры шахристана Кулана, приводимые в «Своде памятников» 2002 г., на треть больше – 300×320 м. Видимо, эта разница из-за обмеров по основанию склонов городища (?) (Свод истории …, 2002, с. 285)].

В шахристан ведут четыре въезда, расположенные друг против друга в середине крепостных стен. ЮВ въезд в центре стены шахристана в виде ложбины шириной 20 м, глубиной 1,5 м. Он фланкирован двумя башнями, следы от которых хорошо прослеживаются. Перед въездом возвышенная площадка треугольной формы размерами 65×50 м, высотой 4 м. ЮЗ въезд также расположен в центре соответствующей стороны. Поверхность ее имеет двухметровое понижение. С южной стороны выделяются остатки башни в виде округлого бугра. Перед въездом «читается» приподнятая площадка полукруглой в плане формы радиусом 45 м, высотой около 5 м. Вероятно, это остатки фортификационных сооружений входной группы.

СВ въезд прослеживается в виде ложбины шириной 20 м, глубиной около 1 м; он фланкирован с двух сторон башнями. В 20 м к востоку от линии ворот на месте выносных башен прослеживаются слабовыраженные бугры. Руины предвратных фортификационных сооружений образуют мощную подпрямоугольную площадку размерами 85×45 м, вытянутую в длину по линии ЮЗ-СВ, средняя высота которой 4 м.

Самый развитый и укрепленный фортификационными сооружениями из всех четырех ворот шахристана – СЗ въезд. Расположен он, как и остальные, по центру соответствующей стены. На месте проезда образовалась ложбина шириной 30 м, глубиной 1,2 м. Ворота были фланкированы двумя башнями. В 40 м к СЗ от ворот прослеживается второй ряд

Рис. 1. Топоплан центральных развалин городища Кулан

башен. Руины входного комплекса образуют площадку с пологими склонами размером 80×60 м, высотой 8 м.

Прямые магистральные улицы соединяют противоположные ворота. На месте улиц образовались ложбины шириной 25-30 м, глубиной до 1 м, ложе которых заросло густой травой. На пересечении улиц с северной стороны читается впадина на месте центральной городской площади.

Как видим, в этой части – шахристан с цитаделью – городище Кулан вполне типичное городище «типа торткуль» – «квадрат/прямоугольник с въездами в середине всех четырех сторон». Магистральные улицы, напрямую соединяющие противолежащие ворота, в месте пересечения образуют центральную площадь. Такая изначальная планировка характерна для поселенческих структур Евразии от лагерей римских легионов до древнекитайских городов-резиденций. Она просматривается в доисламской планировке шахристанов таких крупных среднеазиатских городов, как Мерв и Бухара. Немало примеров ее можно предположить в топографии центрального городского ядра, перекрытого поздними наслоениями. Таковы, вероятно, средневековые казахстанские городища, как Сайрам, Отрар, Тараз…, а в топографии Нуджикета, Аспары, Костобе, Орнекаи т.п., на которых жизнедеятельность прекратилась в XII-XIV вв., эта планировка проступает со всей очевидностью (Свод истории …, 2002, с. 101, 221, 307).

В отношении третьей части – рабада, обычно характеризующей топографию средневекового города, в описаниях городища Кулан у исследователей существуют явные «разночтения». По давно обоснованному мнению, в топографии городищ ЮЗ Семиречья более-менее четко выделяется территория центральной части, собственно «городище». Это, в «терминах трехчастной структуры среднеазиатских городищ» территория «шахристана с цитаделью». По мнению К. М. Байпакова, рабады здесь, собственно, четко не выделяются, они сливаются с сельской округой и «границу между двумя частями застройки провести практически невозможно» (Байпаков К.М., 1986, с. 69-70). Но в отношении топографии городища Кулан в другом месте им говорится о «неукрепленном рабаде с восточной стороны» (Свод истории …, 2002, с. 283). К сожалению, о какой топографической реалии здесь идет речь, не поясняется. В то время как последователь К. М. Байпакова в изучении городища Кулан А. Нуржанов описывает весьма четко фиксируемую топографическую структуру, охватывающую шахристан со всех сторон: «Вокруг шахристана сохранились остатки массивного земляного вала, высотой от 2,5 до 5,0 м и шириной у основания от 10 до 15 м. Вал этот проходит на рассто-

нии от 60 до 130 м от основания шахристана в форме неправильного пятиугольника размерами с севера на юг – около 600 метров и с запада на восток – около 500 метров. Общая длина этого вала около 1900 м. Снаружи вала, у его основания, сохранились остатки рва глубиной в настоящее время в 1,6-1,8 м и шириной в 7-10 м. За рвом местность была частично заболочена» (Нуржанов А.А., 2010, с. 143). Правда, эту хорошо укрепленную крепостной стеной со рвом территорию, и кольцом охватывающую торткуль/шахристан, А. Нуржанов, видимо, относит к шахристану Кулана (?), поскольку в заключение он приходит к выводу, что у городища Кулан рабада не было, как и у Мерки, и у Аспары (Нуржанов А. А., 2010, с. 153).

Тем не менее, до сих пор эта достаточно топографически четко выраженная часть городища Кулан однозначно фиксируется и может быть истолкована как рабад, т.е. новая, по сравнению с цитаделью и шахристаном, часть города, кольцом охватывающая шахристан (рис. 1). Очевидно, что это кольцо застройки возникает позже центрального шахристана/торткуля с цитаделью... Но все эти важные вопросы исторической топографии города, начиная с «даты» начала ее застройки, можно будет аргументированно освещать только после цикла систематических раскопок на разных структурных частях городища.

Таким образом, мы видим, что применительно к городищу Кулан К.М. Байпаков говорит о наличии здесь рабада, но нигде не дает его четкого описания, а А. Нуржанов дает вполне адекватное описание этой топографической реалии, но… не признает ее рабадом. Мы же предлагаем считать, что городище Кулан имеет не только ***рабад***, достаточно детально описанный А. Нуржановым, но и ***белед***, внутри «длинных стен» (рис. 2), а также ***рустак***, если признавать за таковой мелкие поселения X-XII вв. в окрестностях городища Кулан.

Итак, за рабад городища Кулан предварительно (до масштабных раскопок) можно принять часть городища за пределами торткуля и до ближнего кольца стен. Эта часть явно образовалась позже застройки шахристана/торткуля, но как часть города она имеет свою линию фортификации, поскольку по ее периметру хорошо прослеживается развал крепостной стены в виде вала высотой около 2 м и шириной 20-25 м. Эта стена прослеживается на расстоянии 100-150 м от стен центрального прямоугольника («шахристана»). А ее длина оценивается в 1900-2000 м. Снаружи вокруг проходил крепостной ров глубиной сейчас до 2 м и шириной местами до 10 м. На территории рабада фиксируются холмы различной конфигурации высотой до 5 м.

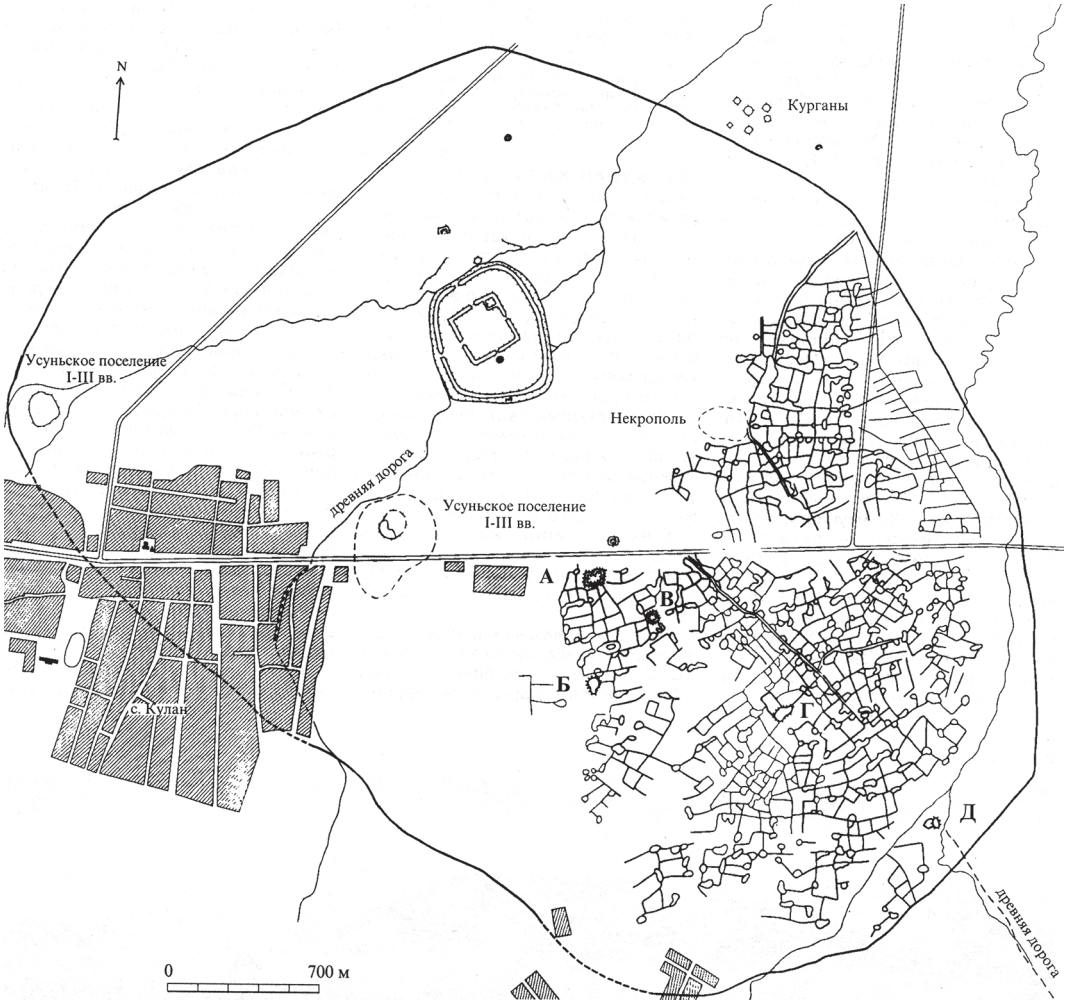


Рис. 2. Тополлан городища Кулан внутри «длинных стен»-белед [по:1]

Более того, применительно к Кулану можно считать, что вся вышеописанная топографическая структура «цитадель – шахристан – рабад» является частью более обширной планировки, охватываемой т.н. «длинной стеной». Ее многокилометровый вал окружает пригородную территорию («сельская округа», пригород), которую можно интерпретировать как внешнюю крепостную стену «беледа»/«балада» – города вместе с его пригородом/предместьем. Площадь этой территории, по оценке А. Нуржанова и нашим обмерам, составляет около 15 кв. км и выглядит в плане в виде неправильного овала с осями 4,7×4,4 км (Нуржанов А.А., 2010, с. 143). Следы ее застройки более-менее хорошо сохранились лишь на

отдельных участках. Примерно посередине ее северной половины и расположена трехчастная городская структура городища Кулан (рис. 2). А ее юго-восточная часть имеет следы разреженной застройки скоплениями отдельных усадьб. Их количество предположительно определяется «около 300», наиболее крупные из них раскопаны (Байпаков К.М., Шарденова З.Ш. и др., 2001, с. 41-42). Интересные материалы дала т.н. «усадьба Г», в интерьерах которой изобильно использовались панели резного штука с разнообразной орнаментикой. В орнаментальной композиции одной из стен проходного коридорообразного помещения исследователи даже увидели библейский сюжет с участием Адама и Евы у древа познания(?!). Описания неоднократно публиковались (Байпаков К.М., 1986, с. 121-135; Байпаков К.М., Шарденова З.Ш. и др., 2001, с. 109-115; Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2004, с. 31).

Пятым термином средневековой географической литературы, описывающей поселенческие структуры Средней Азии, является «***рустак***». Он, очевидно, объемлет города/баллады и поселения общей исторической судьбы и расположенные в некоем ограниченном природно-географическом микрорегионе с общими естественно-природными характеристиками и имеющими один традиционный центр. Рустак может включать несколько разномасштабных городов/шахристанов/баладов, находящихся в более тесной связи друг с другом хотя бы по причине географического положения. Город Кулан в какие-то исторические периоды мог быть центром такого рустака, расположенного на притоках среднего течения р. Шу. В X-XII вв. в него могли входить многочисленные небольшие поселения, городища которых в виде торткулей расположены ныне в районе современных сел Енбекши, Каракыстак, Жалпаксаз, Кызылшаруа, Курагаты (Свод истории …, 2002, с. 289-305). По всей видимости, соседними рустаками являлись рустак Мерке к востоку от Кулана, а к западу рустак Жульшуб.

Таким образом, реальная топография археологических памятников в окрестностях городища Кулан являет собой все значимые структурные части, которые сочли необходимым отмечать средневековые арабо-персидские географы, о которых писал В.В. Барольд.

Сам же город претерпел все основные этапы развития семиреченского города, возникшего как ставка местного феодального правителя – торткуль с цитаделью и расположенными в округе замками и дворцами (VI-VIII вв.), в последующем переросший в небольшой средневековый город – шахристан с рабадом и местами плотно освоенной пригородной территорией (балад) (IX-XII вв.).

Археологические раскопки. Стратиграфия

Наиболее полно данные по стратиграфии разных объектов городища Кулан, накопленные за полвека его исследований, приведены в статье «Свода памятников» 2002 г. (Свод истории …, 2002, с. 283-289). На цитадели стратиграфический шурф площадью 30 кв. м. выявил три последовательных строительных горизонта (СГ). Нижний толщиной около 2 м, датирован VII-VIII вв. «Средний» СГ имеет толщину до 1,5 м и датирован IX-X вв. И самый верхний, последний, мощностью, видимо, около 1 м характеризуется руинами стен из жженого кирпича и фрагментами поливной керамики XI-XII вв.

Стратиграфический разрез был осуществлен также и на южной стене шахристана. Он показал, что общая толщина культурного слоя здесь составляет 5,3 м, ниже начинался стилобат из крупных пахсовых блоков. На нем была возведена пахсовая стена из крупных блоков с прослойками сырца 50×25×10 см. В стене прослежено два строительных периода. В структуре прилегающего культурного слоя, в отличие от структуры культурного слоя цитадели, прослежены два слоя. Основанием «второго» послужили нивелированные и утрамбованные строительные остатки со следами пожара. Конструкции второго СГ сохранились на высоту до 3 м.

В «Своде» также приводятся краткие описания итогов раскопок трех «усадеб» на территории «***беледа***»: «А» – «замок»; «Б» – «винодельня»; «Г» – «дворец». Стратиграфические данные не приводятся и не обсуждаются, хронология построек дается широкая: VIII-XII вв., VII-X вв. Скорее, это обозначение периода времени, в который могла существовать та или иная постройка.

Акцент в археологическом изучении Кулана на раскопки «усадеб», памятников «пригородной застройки», вероятно, был сделан потому, что стратиграфический шурф на цитадели не давал надежд, сулящих быстрые и яркие находки. Тем не менее, цитадель – обычно это то ядро, вокруг которого изначально складывался город. В последующем это место размещения наиболее престижных и функционально четко обозначенных сооружений. В Средней Азии именно изучение цитаделей древних и средневековых городищ дает наиболее выразительный археологический материал. Здесь чаще всего обнаруживаются наиболее репрезентативные материалы по истории фортификации, архитектуры, искусства и ответы на многие вопросы истории возникновения и развития города.

Стратиграфические данные по древнему ядру городища Кулан показали, что строительные конструкции нижних СГ имеют уникальную сохранность в высоту 2-3 м сырцово-пахсовых стен. Это явилось главным

аргументом начать стационарные раскопки именно на цитадели. При регулярном финансировании проекта возникала возможность за 3-4 сезона вскрыть и основательно изучить расположенное здесь дворцовое сооружение и создать на его основе, после своевременных реставрационно-консервационных работ, великолепный объект туристического кластера на трассе Великого Шелкового пути.

Некоторые итоги работ 2015 г.

Стратиграфия вскрытой части цитадели (раскоп №1) выглядит следующим образом. Верхний (или первый) ярус (я1) представлен рыхлым дерновым слоем, лежащем на плотном слое оплывов разрушенного строения. Горизонтальная зачистка поверхности выявила контуры девяти могильных ям, в которых расчищено пять детских и четыре взрослых захоронений. Скелеты ориентированы головой с небольшим отклонением на север и северо-запад. Лицевой частью обращены на юго-запад, т. е. в сторону киблы. Это обстоятельство, а также полное отсутствие погребального инвентаря указывает на «мусульманский» обряд захоронений. Как это обычно бывает, после запустения города и его постепенного превращения в холм/тобе, он стал использоваться под кладбище. Могильные ямы частично прорезали слой забутовки конструкций верхнего строительного горизонта (СГ1). В предварительной публикации они описаны как СГ3 (Хазбулатов А.Р., Акылбек С.Ш. и др., 2016, с. 218-223). Все костные материалы из расчищенных погребений были изъяты и перезахоронены в специальном укромном месте.

Стены монументального строения СГ1 проявились уже при углублении на 0,6 м. В пределах раскопа выявлены полностью планы трех помещений, ориентированные углами по сторонам света. Два помещения лишь намечены. Внешняя северо-западная крепостная стена, являвшаяся и внешней стеной монументального строения цитадели, на уровне 1-2 ярусов полностью оплыла, и, вероятно, позже удастся зафиксировать ее нижние уровни.

Строительные конструкции этого верхнего/последнего строительного горизонта (ВСГ, СГ1) прослеживаются в раскопе в виде невыразительных фрагментов стен, участков обмазанных полов с устьями ямбадрабов. Но, тем не менее, вполне можно предположить, что в самый последний период обживания цитадели здесь на руинах нижележащего основного строительного горизонта (СГ2, ОСГ) были сооружены некие здания. Их остатки за многовековой период по большей части смыты и выветрены с поверхности платформы, в которую были превращены

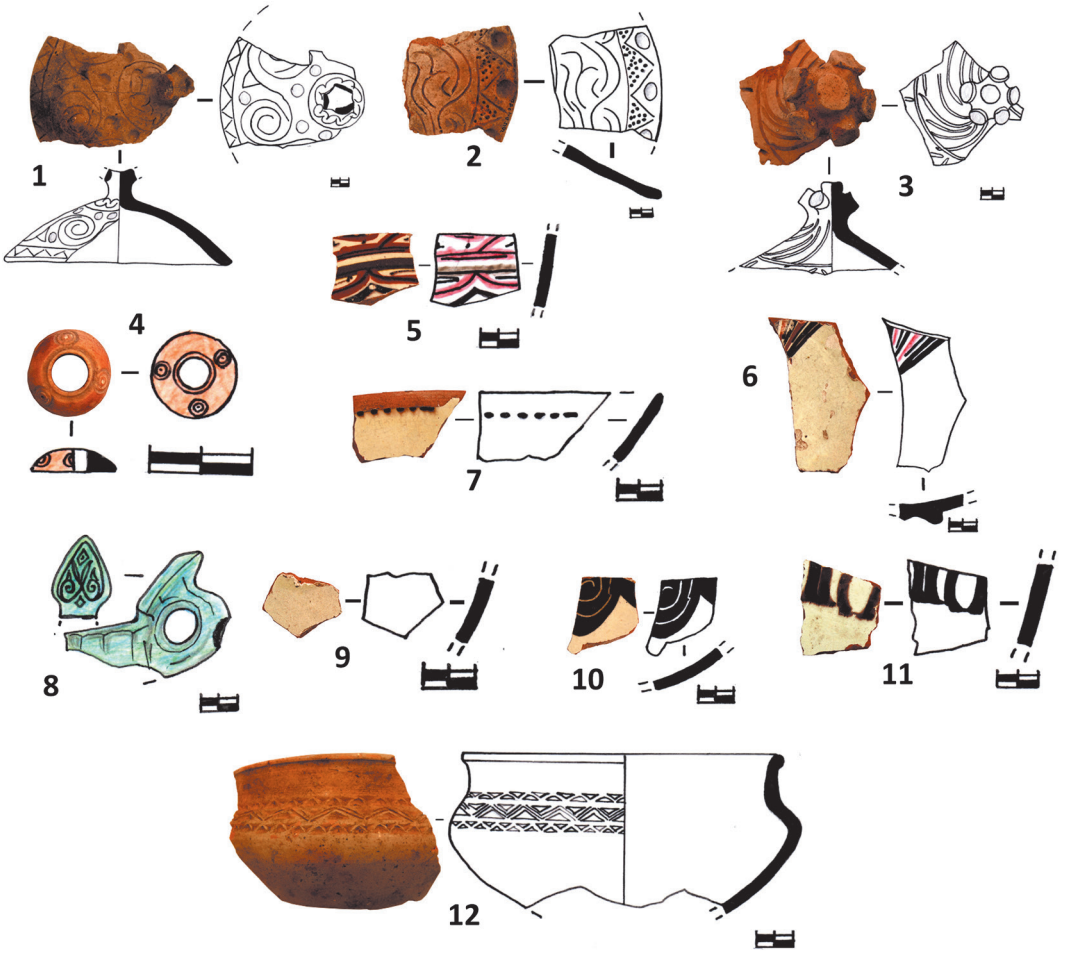


Рис. 3. Часть комплекса керамики из бадраба СГ1

руины первоначальных построек цитадели. Но от этого строительного горизонта сохранились лишь заполнения мусорных ям/бадрабов, материал из которых позволяет датировать этот верхний горизонт X-XI вв. (рис. 3).

Тщательная зачистка поверхности раскопа по уровню верха второго яруса (я2) выявила контуры стен СГ2 и сплошную забутовку/закладку его помещений. Кирпичи, заполнившие верхнюю часть полостей помещений основного СГ2, прямоугольной формы, размерами 48-47×20×10 см, вместе с ними встречаются и кирпичи размерами 53×23×11 см. То есть, для заполнения использовались как новые кирпичи, так и кирпичи старого сооружения. Таким образом, руины древней цитадели (ОСГ, СГ2)

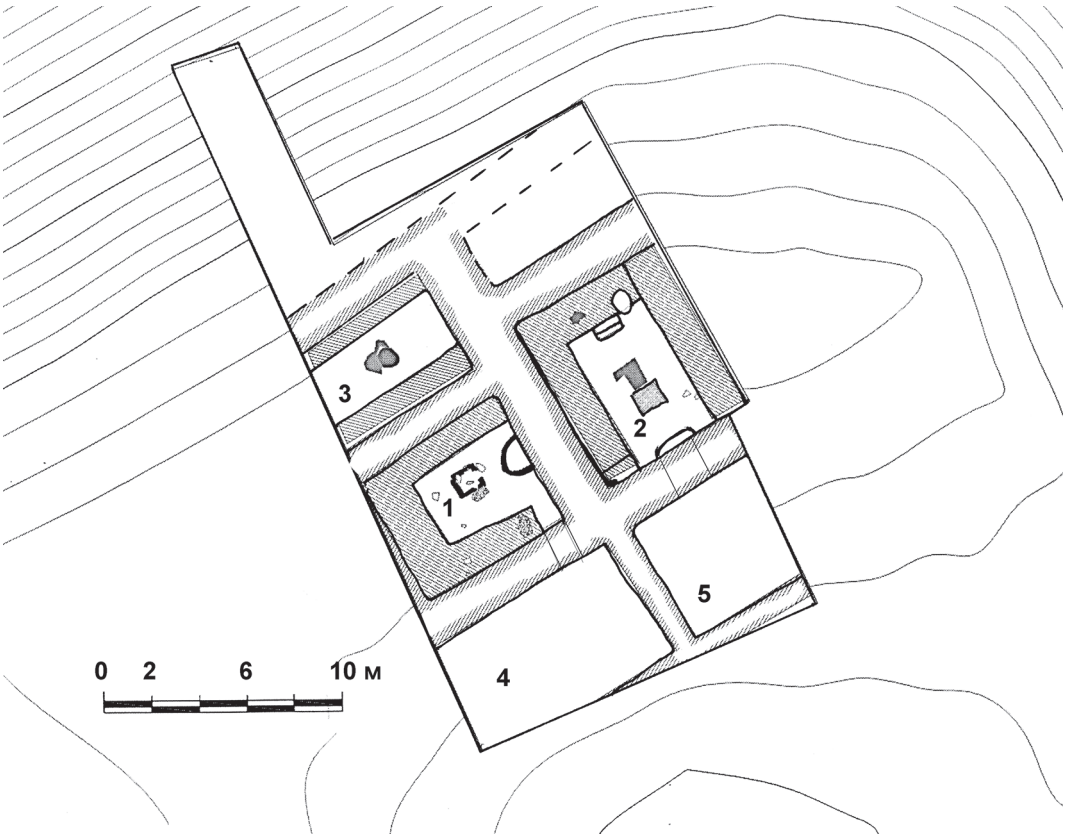


Рис. 4. План раскопа 2015 г. на цитадели городища Кулан

были превращены в платформу для построек последнего («караханидского») строительного горизонта (СГ1).

После зачистки на поверхности этой платформы «проявились» контуры капитальных стен. Выявленные конструкции оказались относящимися к монументальным сооружениям, судя по всему, занимавшим всю площадь цитадели (40×40 м). Их развалины, как это несложно предположить, сформировали основу топографии цитадели, вероятно, в виде «каре» разнообразных помещений по периметру обширного центрального двора.

В пределах раскопа оконтурены остатки шести помещений (рис. 4; 5), три из которых в полевом сезоне 2015 г. почти полностью вскрыты (№№ 1, 2, 3). Помещения вытянуты по линии СВ-ЮЗ, обращены углами по сторонам света с небольшим отклонением. Стены сложены из сырцовых кирпичей, сформованных из глины желтого цвета и «вперемешку»

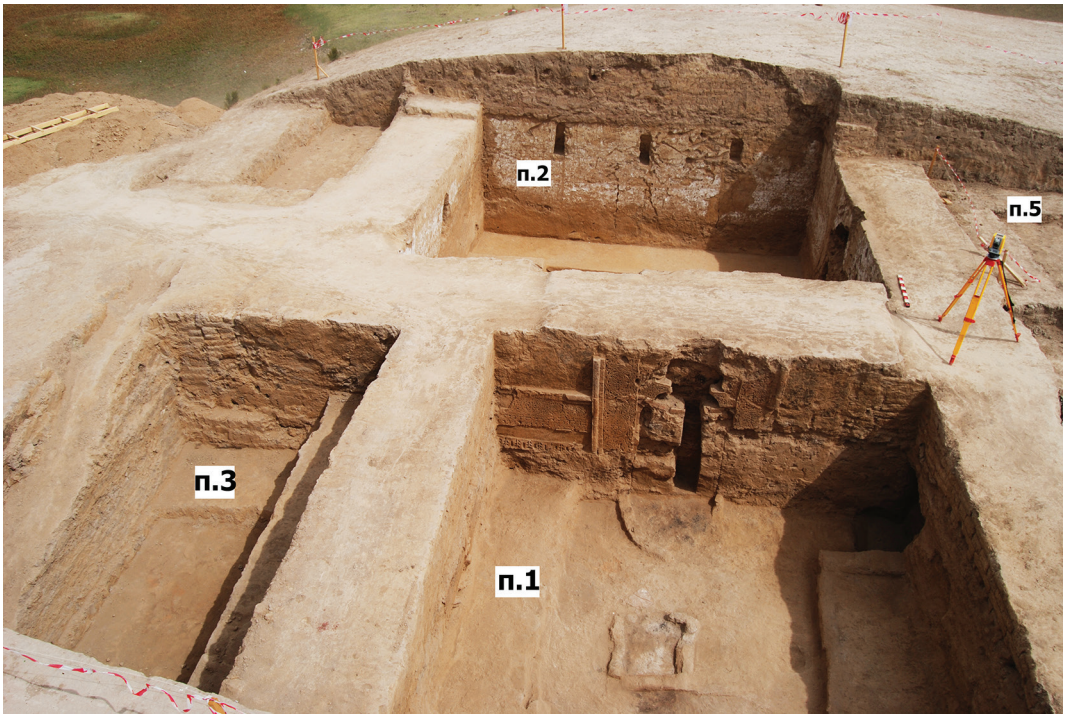


Рис. 5. Общий вид вскрытых помещений дворца

с комками серой глины. Размеры прямоугольных кирпичей – 48×20×10 см и 53×23×11 см. Толщина стен варьируется от 1,4 м до 2,1 м. Похоже, что северо-западная стена сооружения является наружной крепостной стеной цитадели. Примыкающие к ней помещения имеют мощные стены, а стены помещений со стороны двора несколько тоньше.

На данный момент, пока детальная планировка всего здания остается еще не ясной, несомненный интерес представляют два помещения (№№ 1 и 2) из вскрытых раскопом в 2015 г. (рис. 4; 5).

Помещение 1 прямоугольное в плане, размерами 6,6×5,7 м. Верхняя часть объема помещения на глубину около 1,5 м была заполнена кладкой из сырцовых кирпичей того же формата, что и кирпичи СГ2. Затем шел слой завала из обломков тех же кирпичей со стен данного помещения. Верхний пол помещения (пол сп2) залегает на глубине 2,65 м от сохранившегося уровня верха стен. Вдоль СЗ, ЮЗ и ЮВ стен проходит невысокая суфа шириной СЗ 1,2 м; ЮЗ – 1,9 м; ЮВ – 1,2 м; расширяется до 1,4 м к ЮЗ. Стены покрыты в один слой штукатурки толщиной 2-3 см, которая сохранилась лишь на отдельных участках. Во многих местах она основательно повреждена норами грызунов.

Рис. 6. Общий вид на юго-западную стену помещения 1

В помещении №1 СГ2 фиксируются два уровня полов, маркирующих два строительных периода всего архитектурного комплекса (условимся для краткости именовать их в дальнейшем – сп1 и сп2 СГ2): основной/первоначальный и второй/верхний уровень, связанные к тому же с некоторыми изменениями в интерьере строения. В настоящее время мы довели расчистку этого помещения до уровня пола сп2 СГ2.

Сохранившаяся высота северо-восточной стены 2,75 м; длина 5,7 м; толщина 2,1 м. Северо-западная стена длиной 6,6 м; толщиной 1,4 м; высота 2,5 м. Юго-западная стена помещения расчищена пока лишь по внутреннему фасу, оставшаяся часть осталась под бровкой; сохранившаяся высота стены 2,4 м. Юго-восточная стена длиной 6,6 м; толщиной 1,9 м и высотой 2,0 м. Неоднородная структура кладки этой стены, отсутствие штукатурки наталкивают на мысль о том, что стена перестраивалась. Сырцовые кирпичи присутствуют только в верхней части стены. Вероятно, это ремонтная кладка. Нижняя часть стены представляет собой уплотненный грунт коричневого и желтого цветов. Проход в помещение располагался в его восточном углу. Он ничем не выделяется, вероятно, был устроен в поздний период (сп2), после перестройки стены. Ширина прохода около 1,0 м.

Рис. 7. Общий вид на северо-восточную стену помещения 1

Стены помещения были богато украшены декором из резной глины. Узоры вырезаны на слое качественной специально приготовленной штукатурки, нанесенной слоем в 4 см на выравнивающий слой саманной штукатурки. Нанесение узоров выполнялось прямо на месте, естественно, после предварительной прорисовки. Верхний рельефный карниз является тонкой лепниной на самый толстый слой штукатурки, придающий рельефность всей композиции. Затем панель была окрашена в красный цвет (охра?).

Уникальная сохранность резных панелей позволяет реконструировать декоративную систему этого явно незаурядного помещения. По примерным оценкам, на стенах, in situ, сохранилась $^{1}/_{6}$ – $^{1}/_{8}$ часть декоративного убранства. Этого достаточно для реконструкции общего вида орнаментальной композиции. Но детали, такие, например, как тимпаны арок, венчания портальных рам, пока не могут быть доподлинно реконструированы.

Все больше исследователей приходят к пониманию того, что не элементы орнамента, а их композиция наполняют орнамент смыслом. А поскольку это так, то поняв и реконструировав композиционный

Рис. 8. Общий вид на северо-западную стену помещения 1

строй декора, вероятно, можно приблизиться и к пониманию семантики отдельных элементов и назначения этого помещения. Орнаменты таких семантически акцентированных изделий традиционного ремесла, как ковры, покрывала, блюда, стены жилищ и культовых сооружений и т.п., воплощали образ уравновешенного, гармонизированного, яркого, насыщенного мира, такого мира, каким хотела бы видеть его традиционная культура, в лице ее создателей и потребителей, т.е. народа. Наиболее популярны, например, в среднеазиатской орнаментике «сетчатые» и «медальонные» орнаментальные композиции. Если сетчатые композиции («бенди-руми») создают образ упорядоченного мирового пространства, то медальонные композиции воспевали главного подателя жизни – Солнце, поскольку круглые розетки/медальоны традиционно были изображениями солнца, которые выступали и в качестве благословения, и как оберег и пожелание всяческих благ (Гюль Э., 2013, с. 41-49). Плетения растительно-цветочных мотивов в восточной орнаментике – изображение райского сада, мира, подобного саду-парадизу, мира, который как идеологическая система обещала людям всякая религия.

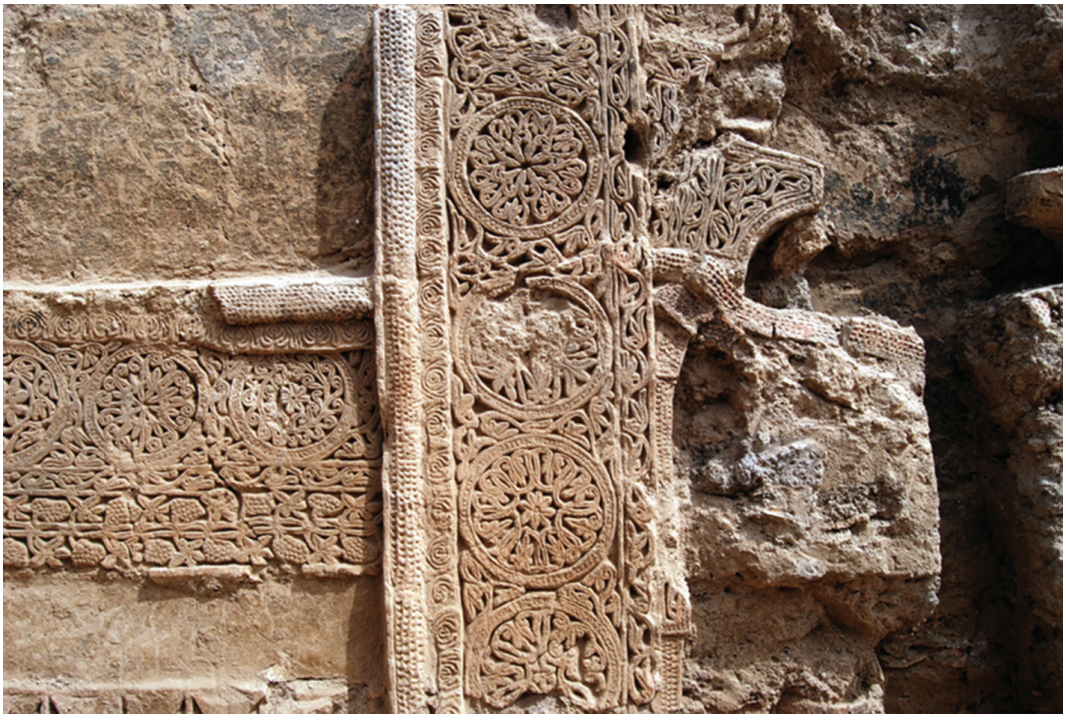


Рис. 9. Фрагмент резных панелей левой стороны портала А

Общая композиция декоративного оформления помещения № 1 могла выглядеть следующим образом: по центру противоположных СВ и ЮЗ стен панелями резной глины были оформлены «прямоугольные портальные рамы с арками». Для удобства обозначим портал на юго-западной – «А», а на северо-восточной стене – «В» (портал А, рис. 5; портал В, рис. 6). От краев портальной рамы по всему периметру стен проходит декоративная лента резной глины шириной/высотой около 1,1 м. Ее нижняя грань проходит на высоте 30-35 см от уровня поверхности суф сп2. Панели резной глины сохранились на юго-западной стене, начиная от рамы «портала А» до западного угла помещения, на северо-западной стене – от угла до угла, но здесь разрушены два участка – в северном углу и примерно в середине стены, и на северо-восточной стене – от северного угла до рамы «портала В». Декоративные рамы «порталов», модели колонн и другие декоративные детали – все вырезано по сырой глине.

Портал В в СВ стене сохранился на высоту 2,65 м, шириной 2,2 м. Верхняя часть рамы не сохранилась, боковые панели шириной 0,5-0,6 м. Они состоят из двух узких рельефных наружных каемок, широкого поля, заполненного большими круглыми розетками (диаметр 28 см) и узкой

внутренней каймы с бесконечным волнистым виноградным стеблем. Внутри портала неглубокая (0,20-0,25 м) ниша, оформленная по сторонам двумя колонками, капители которых, видимо, поддерживали арку ниши (рис. 7).

На высоте 1,6 м от пола сохранились выступы, имитирующие импосты арки. Выступают на 20 см, толщиной 10 см, декорированные по краям перлами и заполненные побегами. «Колонна» арки утолщается кверху (высота сохранившейся части колонны 0,75 м; от пола – 1,1 м), далее переходит в «капитель» (высота капители 0,2 м). «Колонна» украшена «чешуей», а «капитель» – перлами. На высоте 1,5 м расположена перекладина шириной 7 см, соединяющая створ арки (ширина арки 1,1 м) на стыке импоста и капители. Импосты и перекладина не соприкасаются с тимпаном, промежуток составляет 2 см.

Плоская внутренняя стена ниши сильно закопчена, она без декора. Перед нишей на полу расчищен слой золы серого цвета с примесью древесных угольков. Под этим слоем обнаружен напольный очаг. Очаг полукруглой формы, прямой борт прилегает непосредственно к нише. Внутренняя поверхность сильно прокалена; зола складировалась на юго-восточной суфе у прохода. В центре помещения расчищен еще один напольный очаг. Он подквадратной в плане формы, размерами 1,15×1,0 м. Стенки очага из сырцового кирпича в один ряд, толщина 0,23 м; сохранившаяся высота 0,13 м. За юго-восточным бортом очага складировалась зола. Здесь расчищен зольник с древесными угольками.

Портал А на юго-западной стене шириной 2,6 м; сохранившаяся высота 2,1 м; глубина 0,2 м. От рамы портала сохранился участок правой вертикальной панели высотой 1,6 м; шириной 0,5 м; с тимпаном, в котором размещена большая (диаметр 0,54 м) круглая розетка (рис. 6). Еще по три розетки, как минимум, были вписаны на фоне растительного плетения в вертикальные боковые панели. Они вдвое меньше в диаметре – 25-26 см. По центру портала располагалась плоская сводчатая ниша глубиной 0,2 м; ее плоскость заполнена косой сеткой ромбических ячеек с пятилистниками в центре. Ниша имела арочную форму, ее обрамляли по сторонам две ¾ колонки с капителями, на которые опиралась арка свода ниши. Как известно, заполнение декорируемых плоскостей «ромбической сеткой» – широко распространенный декоративный прием. Например, сохранившиеся фрагменты подобной сетки в декоре юго-восточной ниши коридора (пом. 8) во дворце усадьбы «Г» того же Кулана были оригинально истолкованы как изображение библейского «древа познания» (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2004, с. 28, рис. 15).

Горизонтальная орнаментальная лента резной глины, по периметру обегающая все стены помещения, была шириной/высотой около 1,1-1,05 м. Она состоит из нескольких полос:

1. Сверху рельефный карниз, он выступает от плоскости стены на 5-7 см. Состоит из двух горизонтальных элементов – сильно выступающего валика шириной до 10 см с поверхностью, заполненной скобковидными вдавлениями, что придает ей чешуйчатый вид; ниже более уплощенная, но все же выступающая на 0,5 см над плоскостью основной резной панели полоса шириной 7-8 см, орнаментированная элементами в виде «цветочных бутонов» (?) (рис. 10, *1*);
2. Основная резная панель в виде широкой полосы (28-30 см) с круглыми розетками в кругах из перлов;
3. Между гладкими линиями узкая лента волнистого виноградного стебля, с симметрично отходящими от него полу-пальметами (рис. 10, *2*);
4. Лента с двумя полосами чередующихся виноградных гроздьев и листьев, ее ширина 18 см;
5. Ниже полоса гладкой штукатурки без каких-либо узоров, ее ширина 0,25-0,27 м;

6. И самая нижняя полоса с плотным рядом мерлонов шириной 0,2 м (рис. 10, *3*). Такие зубчатые мерлоны венчали стены замков и крепостей VI-VIII вв. и позже (IX-X вв.) стали декоративными элементами оформления их внешнего вида. Об этом говорят их многочисленные находки при раскопках реальных замков в Ташкенте, Таразе, Туркестане и известные изображения раннесредневековых замков (Аниковское блюдо, настенная живопись Пенджикента и пр.). Изображение приостренных углов пирамидальных плиток-мерлонов на куланском бордюре подобно изображениям этих элементов на кирпичах из Дабусии и Рабинджана (рис. 11, *1, 2, 3*) (Ремпель Л.И., 1961, с. 133, рис. 52, *2, 4, 5*).

Резную панель, протянувшуюся «от портала до портала» в трех местах (на сохранившейся части), «поддерживают» колонны с фигурными капителями. Они на фоне полосы с круглыми медальонами упираются в верхний карниз и, похоже, расположены как бы за полосой с зубчатыми мерлонами(?). Хотел ли того автор декоративного убранства этого помещения или нет, но создается впечатление, что за верхушкой крепостной стены с мерлонами мы видим верх айвана, перекрытие которого опирается на колонны с затейливыми резными капителями. Таким образом, декоративная лента на стенах, на самом деле это верхний резной фриз с круглыми розетками, расположенный на самом верху стен, под крышей.

Рис. 10. Бордюрные ленты резного панно

Всего на сохранившихся панелях нами отмечено 32 круглые розетки (от некоторых – фрагменты). Но вполне вероятно, что первоначально их было до 66 штук! Таким образом, главным декоративным элементом в оформлении облика помещения №1 является круглая орнаментальная розетка/медальон в различных композициях с виноградными гроздьями и листьями. При этом поражает разнообразие их графической разработки. Если внимательно присмотреться, то даже у двух, казалось бы, одинаково построенных из схожих элементов розеток/медальонов, можно найти отличия в деталях (см. рис. 13).

Орнамент подпотолочного фриза в виде декоративных полос с ритмично расположенными крупными розетками/медальонами, которые расположены как бы на фоне переплетающихся ветвей/стеблей, был особо популярен на Ближнем Востоке в средневековье, а истоки его кроются, вероятно, в древневосточном искусстве. Позже такие ленточные,

орнаментальные композиции широко распространяются в декоре различного рода изделий и переносятся на стены усадеб и дворцов. В соседнем Согде стены храмовых сооружений VI-VIII вв., интерьеры которых вынесены в декор внешних стенок оссуариев (специальных керамических ящиков костехранилищ), обычно украшены крупными лучистыми розетками, заключенными в разного рода обрамления (рис. 14). Но, по всей видимости, они господствовали и в декоративном убранстве жилых, парадных и дворцовых помещений. Например, декор ганчевого и терракотового убранства дворца на городище Вырахша исследователи признают энциклопедией доисламского декоративного искусства. Оно сформировалось ко времени арабского завоевания в своеобразный стиль как местная реплика под явным влиянием искусства эллинистического Причерноморья и Древнего Востока (Шишкин В.А., 1963, с. 170). Помимо богатой орнаментики в декоре дворца были барельефные фигуры животных и людей, составлявшие некогда композиции, смысл которых теперь утрачен. Но некоторые орнаментальные композиции поддаются аргументированным реконструкциям. Как пишет автор раскопок В.А. Шишкин, один из множества бордюров «составляют орнаментальные круги, соединенные плавно изгибающимися побегами с зубчатыми листочками-валютами. Из кругов этого бордюра удалось собрать только один. Он весьма определенно напоминает «колесо закона» («дхарма чакра») – древний символ солнца, фигурирующий в буддийском искусстве как символ Будды (в рельефах Бхархути, Санчи, храма Сурьи и др. памятниках Индии), и сохранившийся в декоративном искусстве Варахши, возможно, как пережиток, напоминающий о тех временах, когда буддизм проникал на территорию Средней Азии» (Шишкин В.А., 1963, с. 168).

И другой вид орнамента состоит из круглых розеток, причем они не повторяют одна другую (!), а представлены в большом количестве разнообразных вариантов, отличающихся сердцевиной, числом лепестков, их формой и т.д. Треугольники между розетками заполняются разнообразными пальметтами. Этот орнамент наряду с упомянутым звездчатым был одним из самых распространенных в декоре: он встречен в нескольких разновидностях, отличающихся масштабом, розетками, характером заполнения между ними и т.п.

До сих пор подобные орнаментальные композиции особо популярны в традиционном декоративном искусстве. Они традиционно присутствовали до недавнего прошлого в орнаментации казахских деревянных сундуков и шкафчиков для посуды и продуктов. Разнообразные розетки заполняют П-образные рамы настенных вышитых ковров «тускииз»

в казахской юрте (Казахские …, 2002, с. 162-163). Они обычны также в декоре деревянных изделий киргизов, узбеков, таджиков. Их можно увидеть на деревянной домашней утвари и на стенах домов индо-иранского населения в глухих ущелья Гиндукуша (Katler J., 1991, fig. 160, p. 137 – fig 190, p. 154; Klimburg M., 1999, figs. 574-575).

Например, в бухарской вышивке такие медальонные композиции орнамента известны под народным названием «лочак-турупуш» (Гюль Э., 2013, с. 41-49). В них главным декоративным акцентом выступают круглые внутри, различно разработанные розетки/медальоны. Эти розетки обозначались арабским термином «шамс» – Солнце. Это могла быть одна крупная розетка в центре вышитого поля сюзани или же 2-3 ряда, включавших до 9-12 различно разработанных розеток. Само же затканное квадратное/прямоугольное пространство сюзани называлось арабским термином – *полак*/*фолак* – небо, пространство (в смысле «мировое пространство»). В целом же орнаментальная композиция «сюзани» символизировала «мир как райский сад, осененный благостным вечным Солнцем». У нас нет оснований считать, что в древности смысл подобных композиций был иным.

Перекрытие

Помещение №1, как выше упомянуто, подквадратное в плане, его размеры 6,6×5,7 м. Если на уровне первоначального пола не будут обнаружены основания промежуточных колонн, то здесь логично предположить деревянное купольное перекрытие «типа рузан». Однако наше внимание привлекла имеющаяся на северо-западной стене странная особенность устройства верхней кромки или плинтуса горизонтальной декоративной панели. Кладка сырцового кирпича здесь самая обычная – слой ложком (длинной стороной вдоль направления стены), слой тычком (длиной стороной поперек), что обеспечивало, как известно, надежную перевязку кирпичей в стене. Здесь в северном углу наблюдается, что в слое «тычком», приходящемся на самый верхний уровень кромки глиняных панелей, на плоскость стены выходят короткие стороны, т.е. торцы сырца и в этом слое имеются регулярные пазы (от выпавших кирпичей?) (рис. 8). К тому же, на СВ и ЮЗ стенах, образующих углы с СЗ стеной, по наличию поверхностной тонкодисперсной штукатурки хорошо различимы следы скосов, идущих сверху к верхним углам СЗ панели. То есть на ЮЗ и СВ стенах в правом и левом углах от порталов наблюдается отсутствие кроющей тонкодисперсной желтой штукатурки, на которой к тому же есть слой копоти. Причем имеющиеся края этой штукатурки, похо-

Рис. 11. Линии прилегания деревянной конструкции крыши к стенам помещения №1

же, имеют характерный наклон от места соединения карнизов резных панелей вверх к центральной вертикальной оси ниш порталов (рис. 11). Эти детали свидетельствуют о том, что данное помещение могло перекрываться легкой двускатной крышей, нижний край которой опирался на полочку/плечо из кирпичей, идущую по самому верху декоративной глиняной панели, а верх опирался на продольные балки, уложенные от стены до стены. Слишком большой угол ската крыши заставляет пред-

Рис. 12. Кирпичи с отпечатками мерлонов и круглые керамические розетки [16, рис.52]

полагать, что боковые скаты опирались вверху на две продольные балки и при этом посередине образовывался горизонтальный участок крыши, в котором был устроен дымовой и световой люки. Только при таком устройстве перекрытия не требовалось штукатурить стены выше декоративной панели (что мы и видим на всем протяжении СЗ стены), и в самом углу на примыкающих стенах.

Помещение 2

Помещение 2 прямоугольное в плане, размерами 7,7×6,8 м. В отличие от помещения 1 оно вытянуто по линии ЮВ-СЗ и было полностью, от пола до уровня сохранившихся стен, заполнено кирпичной кладкой, т.е. фундаментом для построек СГ1. В результате интерьер помещения, а это разноуровневые суфы, ступеньки, подиумы и остатки оформления стен, сохранился сравнительно хорошо. Сохранившаяся высота стен составляет 3-3,5 м; толщина 1,8-2,1 м. Стены в этом помещении были покрыты слоем штукатурки толщиной 3 см, затем выровнены тонким слоем алебастра (кыр). Штукатурка нижней части стены до 1 м повреждена вла-

гой, солями, верхняя часть по большей части сохранилась, но имеются значительные осыпавшиеся участки, а также повреждения, нанесенные норами грызунов и насекомых.

Северо-восточная стена расчищена по внутреннему фасу, остальная часть остается пока под бровкой. Проход в помещение обнаружен по центру юго-восточной стены. Вдоль северо-восточной, северо-западной и юго-западной стен устроены суфы. Их высота 0,55 м и 0,4 м (северо-восточная). Ширина – 1,8 м у «главной» северо-западной суфы и 1,4 м – все остальные. К центральному/почетному месту на суфе, по центру, ведет двуступенчатая лестница шириной 1,0 м. В середине помещения, ближе к входу устроен подиум подквадратной формы, размерами 1,1×1,05 м, высотой 0,2 м.

На всех стенах этого помещения зафиксированы прочерченные рисунки и нанесенные черной краской по белому алебастровому фону узоры широкой полосой на уровне груди человека. Верхняя часть полосы занимает орнамент растительного характера в виде завитков и побегов. На стенах выявлены граффити с изображениями человеческих фигур, представителей животного мира и птиц.

Это помещение по особенностям планировки и декоративного убранства можно интерпретировать как *тронный зал* изначального строительного периода (рис. 5). К сожалению, первоначальные ***росписи*** сохранились очень плохо, что объясняется, видимо, двумя причинами. Во-первых, это, вероятно, изначальная нестойкость (низкое качество) большинства использованных красок, кроме черной (собственно только она и сохранилась визуально на некоторых участках стен)[1]. Во-вторых, большую роль в гибели росписей сыграли прогрессировавшее засоление поверхности стен и, возможно, – сплошная забутовка помещения сырцовым кирпичом при последующем строительстве. Меньше пострадала при этом живопись западной части зала (находящейся дальше от края холма), на ЮЗ и особенно – СЗ (где предполагается «тронное место») стене. Изображения ЮВ стены оказались также повреждены обрушением прохода в ней в процессе раскопок (там сохранилось лишь одно граффити). Наконец, часть поверхности повреждена норками мелких землеройных животных и корнями растений.

1 Среди клеевых красок (со связующим составом из камеди, получаемой из фруктовых деревьев), использовавшихся для стенных росписей V-VIII вв. в Центральной Азии, черная краска (добываемая из растительного угля сливы, винограда и др. или сажи), наряду с ультрамарином и мелом, разводились наиболее крепким связующим раствором (Косолапов А.И., Маршак Б.И., 1999, с. 41, 44; Соколовский В.М., 2009, с. 65, 94].

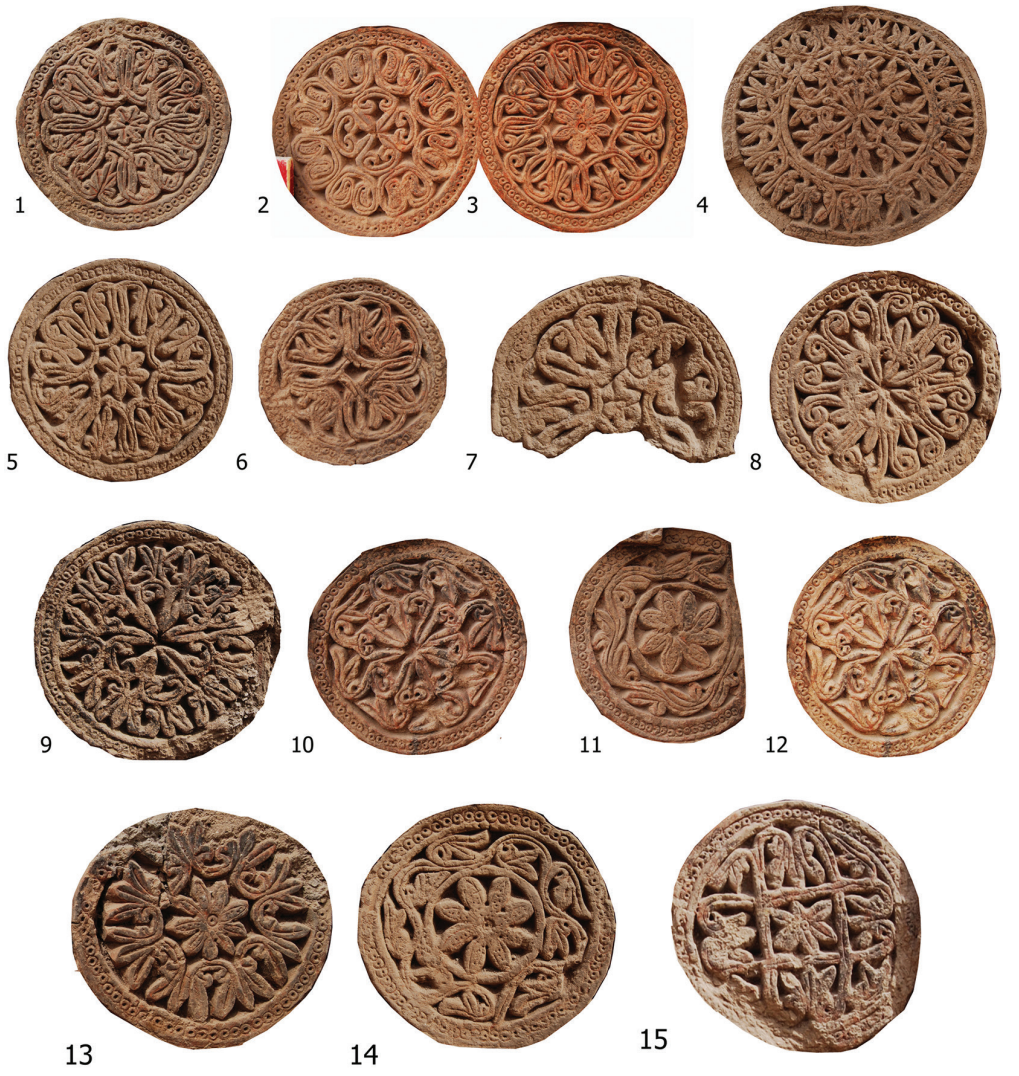


Рис. 13. Некоторые из розеток со стен пом.1

Росписи были нанесены по алебастровой поверхности стен примерно на уровне груди посетителей. К сожалению, сохранились в основном орнаментальные мотивы (разделительные горизонтальные полосы с рядами кружков-«перлов», столь обычные в живописи соседних Уструшаны и Согда (Беленицкий А.М., 1973; Альбаум Л.И., 1975; Соколовский В.М., 2009)[2] (рис. 16, *1*), в ряде случаев – сплошной фон из растительных побе-

2 Эти кружки ограничены контуром, явно наносившимся не по трафарету, и часто несколько деформированы.

гов и медальонов. Лишь на СЗ стене сохранились головы двух персонажей (рис. 15, *1*), а на ЮЗ стене – окрашенные зрачки на лице правителя. Можно думать, что для росписи декоративных бордюров и фона использовали более стойкую краску. Возможно и другое объяснение: роспись стен была только начата, но не завершена, и художник успел нанести только одну краску[3]. К сожалению, химический анализ пробы красителей пока не осуществлен.

Спустя какое-то (небольшое) время после нанесения росписей (возможно, когда они стали блекнуть) на все четыре стены были нанесены непрофессиональными художниками лезвиями ножей ***граффити*** в разной авторской манере, в ряде случаев, несомненно, образовавшие продуманные композиции. Эти граффити (в основном, очень примитивные) во многих случаях четко перекрывают декоративные линии ранних росписей и не вписываются в их композицию (так, на СВ стене они перекрывают горизонтальную полосу рисованных «перлов»; на противоположной, СЗ стене единственное граффити среди остатков росписей (собака и какое-то более крупное животное) небрежно «врублено» в них и т.п.) (рис. 15, *1*). Учитывая небольшие остатки краски на наиболее значимых персонажах значимой для нас ЮЗ стены (зрачки правителя и, видимо, его супруги), а также гораздо большие реализм и мастерство в исполнении двух последних образов (рис. 16, *2*), можно предположить, что контуры этих рисунков сохранили изначальную разметку живописца, а позже были неумело поновлены и дополнены [см. подобное поновление в раннетюркских петроглифах (Черемисин Д.В., 2011)].

К сожалению, воссоздать изобразительную программу росписей, в связи с их крайне плохой сохранностью очень трудно. Судя по СЗ стене (где сохранились два горизонтальных разделительных ряда из линий «перлов»), растительные мотивы и персонажи располагалась в несколько ярусов (рис. 15, *1*); на ЮЗ стене остатки фона из побегов прослежены выше линии из граффити. Лучше сохранились на стенах граффити, и об их композициях мы можем в ряде случаев судить вполне уверенно.

Можно предполагать, что портрет на ЮЗ стене вероятных правителя и правительницы (рис. 16, *2*; 17, *1*) был первоначально выполнен краской внутри намеченного контура (так, сохранилась окраска зрачка мужчины), а затем немного поновлен. В пользу этого свидетельствует и гораздо более профессиональная и реалистическая манера их изображе-

3 Трудно допустить, что изначально предусматривалась роспись только одной черной краской по белому фону. Во всяком случае, это совершенно не характерно для доисламской Центральной Азии.

Рис. 14. Круглые розетки в декоре стенок оссуариев VIII в. [16, рис.27)

ния на фоне прочих граффити. Остальные гравировки на этой и других стенах выполнены в стилистике, очень близкой или идентичной раннетюркским наскальным рисункам.

Граффити ЮЗ стены представляют собой четыре композиции, образующие единую горизонтальную цепочку (рис. 15, *2*). В них в общей сложности изображено семь антропоморфных персонажей (священное число); у шести более крупных из них важную (возможно, решающую) роль в идентификации образа играют головной убор и детали прически.

Рассмотрим вначале *группу 1* из четырех антропоморфных персонажей, находящихся в левой части стены и обращенных лицами влево. Слева представлен правитель, который, судя по позе (наклонился влево по отношению к зрителю, к своей предполагаемой супруге), был изображен сидящим (естественно предполагать это и для его жены). Увы, сохранилась только верхняя часть этих фигур (рис. 17, *1*). Наиболее тщательно пе-

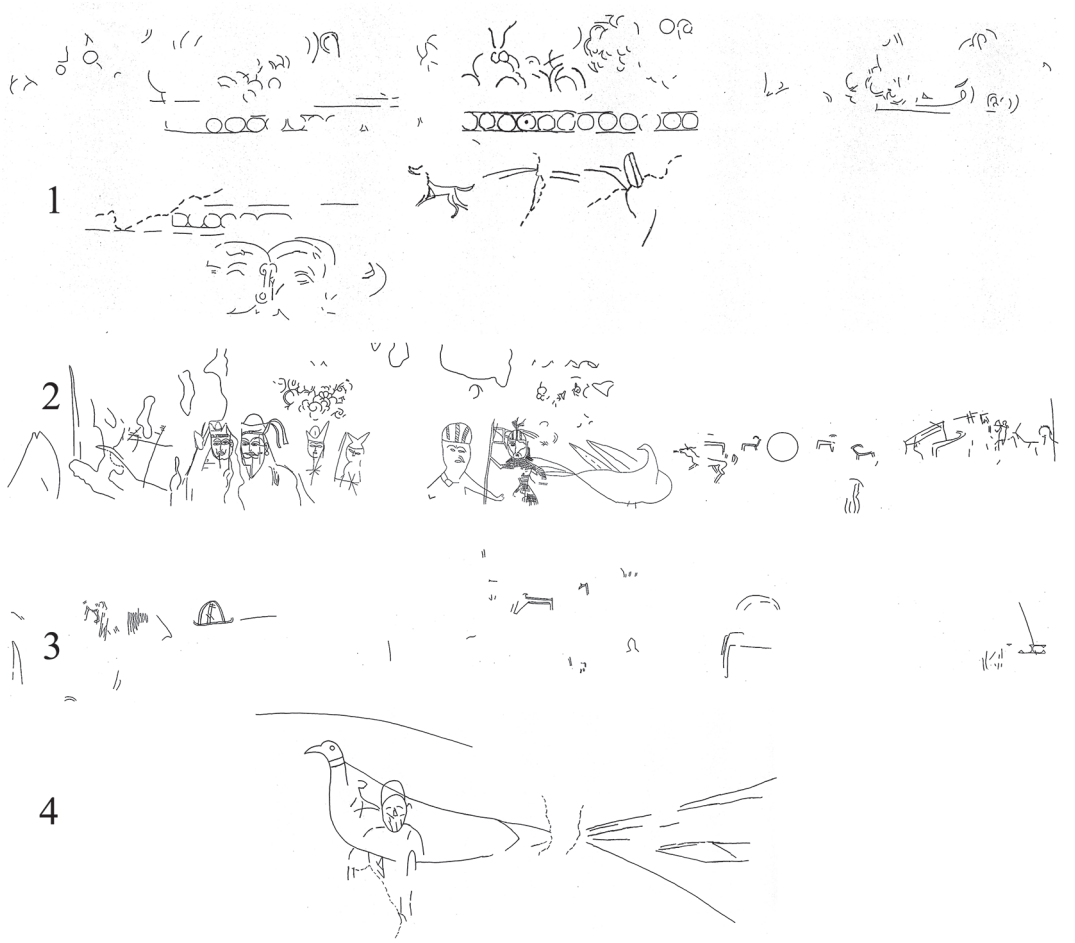


Рис. 15. Изображения на стенах помещения 2: 1 – северо-западная стена; 2 – юго-западная стена; 3 – северо-восточная стена; 4 – юго-восточная стена

реданы (почти в профиль) их головы (вероятно, по каким-то образцам); лица широкие, с массивной подпрямоугольной челюстью. *Мужчина-правитель* имеет наиболее детализированный костюм. Он носит внакидку оригинальный головной убор в виде шляпы с загнутыми широкими полями (видимо, с разрезами) и довольно высокой полуяйцевидной тульей. Слева с края полей свисает пара ленточек, нижний край с рубчатой полоской. Подобный тип головного убора известен с IX-X вв. у осевших на севере Синьцзяна тюрков-уйгуров (Яценко С.А., 2000, рис. 65, *16*). Узкие глаза сохранили окрашенные черным зрачки. Горизонтальные усы, похоже, напомажены, левый ус загнут вверх. На обращенной к зрителю левой щеке видим небольшую татуировку [см. ее также на лицах мужчин-тюр-

ков в кургане 2-й половины VII в. Шороон Бумбагар в Северной Монголии (Yatsenko S.A., 2014, fig. 5, *4-6*)]. Длинные волосы ниспадают на спину (возможно, они, по старому обычаю, заплетены в косы), имеется длинная и широкая, заостренная книзу борода. В ушах (золотые) проволочные серьги в форме колечка. Парадный кафтан довольно небрежно наброшен на плечи, но сохраняет запах налево; виден свисающий, длинный и, видимо, широкий левый рукав; его полы имеют две полосы отделки. Предполагаемая *правительница* (рис. 17, *2*) находится вплотную к мужу, по его правую сторону; ее лицо, как и у него, обращено вправо от себя. Лицо женщины передано не так тщательно, как мужчины. На голове у нее трехрогий головной убор, обычный для женщин-хатун, изображавшийся на тюркских монетах Средней Азии (Чач) (Яценко С.А., 2013а, рис. 9, *4*). Как и у мужчины, головной убор имеет рубчатую кайму по нижнему краю. С его «рогов» свисает длинное покрывало, нижний край которого не сохранился. За спиной правителя, правее, находятся две мужские фигуры более низкого статуса: они стоят, и их рост был примерно в два раза меньше.

За спиной правителя (слева по отношению к нему) стоят две мужских фигуры, которые в 2-3 раза меньше ростом, чем правитель, переданные крайне схематично. Это, видимо, молодые персонажи (они лишены усов и/или бороды, подчеркиваемых у остальных мужчин на этой стене). На голове у них два близких по форме головных убора с двумя длинными и острыми выступами, сделанными явно в твердом материале (войлок или кожа), т. к. они не проминаются и не свисают. У переднего (ближе к правителю) персонажа такой убор сложнее: в центре он имеет небольшую полусферическую тулью. Задний, менее значимый персонаж, видимо, представляет вооруженного телохранителя (у него в руках копье), а его двурогий головной убор проще и не имеет тульи. Такой убор документирован как в северных, так и в южных оазисах соседнего Синьцзяна со II-III по VIII вв. н.э. (Яценко С.А., 2000, с. 311-312, рис. 58/*5*, 60/*12*).

Центральная *группа 2* на этой стене состоит из трех персонажей (рис. 16, *3*). Состав ее не вполне обычен для тюркского и среднеазиатского искусства. Основу композиции составляет пара мужчин. Левый из них – явно более значимый. Его фигура крупнее (точнее, равна ростом второму, стоящему, хотя первый мужчина, по-видимому, сидит), голова в два раза крупнее, а левая рука протянута в сторону стоящего. Очень интересен его головной убор – полушарная шапка с тремя параллельными рубчатыми полосами. Этот убор известен только в близких по времени росписях из оазиса Куча в Синьцзяне (Яценко С.А., 2000, рис. 60, *6*). Он также имеет довольно длинную и заостренную бороду (не только длин-

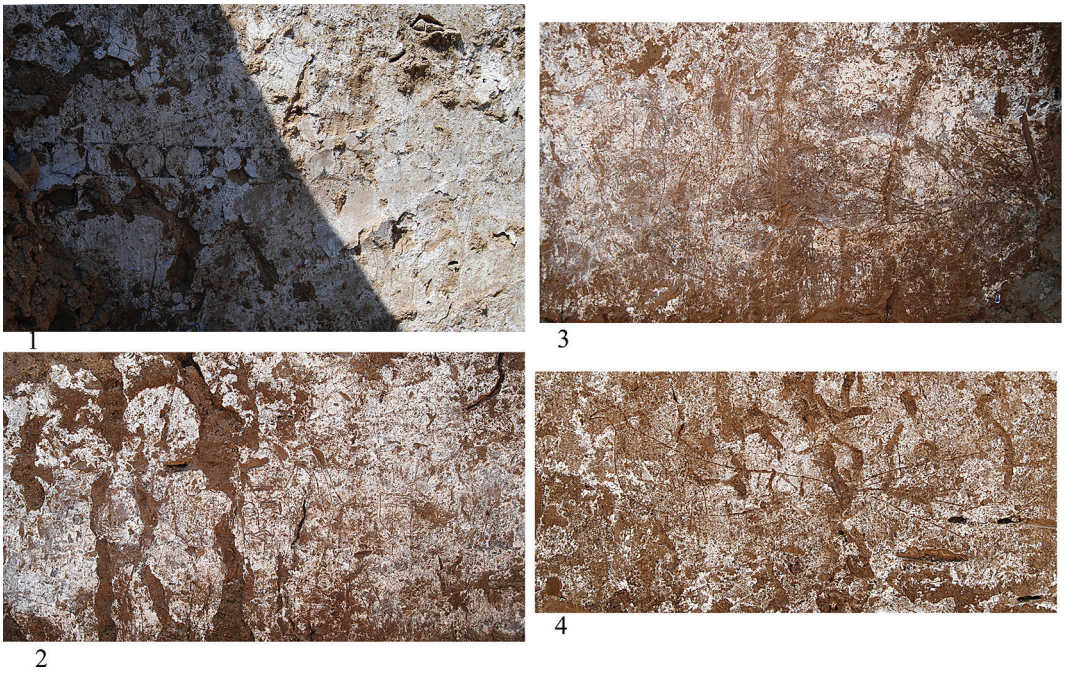


Рис. 16. Фото изображений на стенах помещения 2: 1 – северо-западная стена; 2 – юго-западная стена (сцена 1); 3 – юго-западная стена (сцена 2); 4 – юго-восточная стена

ную, как у правителя) и более короткие усы. На его одежде выделены ворот и у правого плеча, возможно, подпрямоугольная застежка накидки.

Перед ним стоит впритык, обратив к нему лицо, второй мужчина (рис. 17, *3*) – воин в шлеме с султаном и свисающими с верхушки ленточками, в длинном пластинчатом доспехе (все пластины которого переданы примитивно, но детально). Это, возможно, более молодой персонаж (он имеет длинные вислые усы, но лишен бороды). Этот образ – наиболее детализированный среди всех граффити в зале. Его левая рука, возможно, лежала на несохранившемся мече. В правой руке он держит знамя на древке копья (?). Знамя небольшое, с тремя выступами. Этот тип знамени хорошо известен по раннесредневековым петроглифам южных и восточных районов Казахстана, Прибайкалья, но мы видим их в руках всадника (Самашев З.С., 1992, рис. 180; Самашев З., 2006, с. 120, 128). Пеший воин держит такое знамя на одной из гравировок в Ешкиолмесе (Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. и др., 2005, рис. 237). Эта пара мужчин, похоже, представляет собой вельможу и слушающего его указаниям воина. Однако реалистический характер эпизода в группе 2 весьма сомнителен из-за третьего персонажа, который упирается своим телом в стоящего воина. Это

очень крупная (в половину человеческого роста) птица (явно не хищная), сидящая к мужчинам спиной, но повернувшая к ним голову. Судя по «воинскому» контексту, речь идет о какой-то тюркской эпической сцене, где птица довольно часто выступает как вестник (Хамаюн у башкир и др.).

Сцена 3 также очень интересна. Здесь гравированы семь диких копытных разной сохранности (священное число). Центр композиции занимает сравнительно крупный солнечный диск, по сторонам которого находятся горные козлы (две пары в верхнем регистре, в каждой из которых козлы смотрят в противоположные стороны, и еще один – чуть ниже). В нижнем регистре представлены два более крупных оленя, изображенных в другой манере. Наконец, в сцене 4 (пожалуй, наиболее примитивной по исполнению и сохранившейся фрагментарно) представлена сцена охоты пешего лучника, вероятно, с собакой, на двух или трех копытных. Слева от него стоит его лошадь(?).

Граффити СЗ стены находятся в ее центре, перекрывая несохранившуюся на этом участке полосу живописи (рис. 15, *1*). К сожалению, обе фигуры сильно повреждены. Здесь гравировки сделаны весьма тщательно и в особой, отличной от других стен, стилистике. Слева изображена бегущая собака; правее ее находится смотрящее в противоположную сторону существо (вероятно, фантастическое) с длинным хвостом и очень длинными ушами.

Граффити СВ стены (рис. 15, *3*) образуют две группы. Все их персонажи обращены влево. Находящаяся левее *сцена 1* сохранилась очень фрагментарно. Однако можно сказать, что здесь изобразили двух человек и какие-то довольно крупные артефакты. Мужчина (от которого сохранились ноги) движется влево; в руках он несет какой-то свисающий предмет. У него подол нараспашной одежды с характерными полукруглыми выступами, известном в сасанидском Иране с IV в. и вскоре распространившемся на юге Средней Азии (Тохаристан) (Яценко С.А., 2006, с. 216; рис. 158/*25а*, 168, 189/*48-49*). Правее, возможно, представлена женская фигура (фрагменты длинной одежды со множеством мелких складок). Расположенную правее *сцену 2* образуют несколько (не менее 7) фигур стоящих горных козлов разных размеров (все они смотрят влево).

Из граффити частично обрушившейся *ЮВ стены* сохранилась лишь пара мужчина – крупная птица (рис. 15, *4*; 16, *4*). Птица (наиболее похожая на павлина) выполнена достаточно тщательно (особенно голова) в профиль. На теле павлина дорисована фигура мужчины анфас, с бородой, усами и в невысокой шапке. На тело птицы, видимо, была нанесена также профильная фигурка бегущего копытного (?). Возможно, что круп-

Рис. 17. Детали граффити юго-западной стены: 1 – правитель; 2 – правительница; 3 – воин

ные фигуры птицы и человека взаимосвязаны и отражают популярный фольклорный мотив полета героя на волшебной птице.

Можно думать, что все граффити нанесены на стенах зала в короткий срок и связаны с каким-то единым замыслом / изобразительной программой (во всяком случае, все основные композиции нанесены на стенах в одну линию, не перекрывают друг друга и т.п.). Вместе с тем, они выполнены в разной манере и разными людьми.

Изображенные на граффити бытовые реалии, в частности специфические детали костюма, вполне подтверждают датировку дворца цитадели Кулана VIII веком. Дело в том, что аналогии в «тронном зале» 2 (65) трем из

четырёх типов оригинальных головных уборов у тюрков более ранних VI и VII вв. неизвестны (ср. Yatsenko S.A., 2014; Яценко С.А., 2013а; Яценко С.А., 2009; Яценко С.А., 2010; Яценко С.А., 2013б; Yatsenko S.A., 2004), и это, конечно, не случайно. При этом все они, как уже отмечалось, известны в соседнем Синьцзяне (!): один – в оазисах Куча (и более ранние – в оазисе Ния) и у поселившихся там в IX в. уйгуров (убор правителя на ЮЗ стене). Это не вызывает удивления, т.к. вклад оазисов Синьцзяна в костюм ранних тюрков отмечался и раньше (Яценко С.А., 2013б, с. 593 594). С другой стороны, в начале IX в. арабские отряды уже достигли Кулана, и для подобного подбора сюжетов (в глине и в граффити) вряд ли осталось бы место в официальной резиденции. Остается видеть в создателях этого комплекса тюргешей, каганат которых возвысился в первой половине VIII века.

Перекрытие

Сохранность стен на высоту до 3,5 м позволила выявить систему перекрытия помещения №2. На высоте 2,1 м от уровня суф в стенах зафиксированы основания пазов, как мы полагаем, от балок/стропил шатрового деревянного перекрытия. Высота пазов 0,6-1,1 м, ширина 0,2-0,25 м. Шатровые деревянные перекрытия реконструированы Л. Гуревичем над культовым/алтарным помещением в замке Актепе Юнусабадское в раннесредневековом Ташкентском оазисе; в алтарном помещении культового комплекса древней Канки. Предполагается такое же шатровое перекрытие над квадратным помещением 14 (4,85×4,85 м) замка Балалыктепе VI-VII вв. (Северный Тохаристан) (Гуревич Л.В., 1990, с. 73, 74). Здесь на высоту 1,2-1,3 м над суфами стены были покрыты росписью с изображением сцены пиршества. Над верхним краем росписи по всему периметру сохранились следы опоры деревянного перекрытия. Выше поверхности стен были закопчены. В реконструкции получилось темное помещение с низким, усеченным шатровым перекрытием, где постоянно горел огонь на центральном алтаре.

Следы установки в стены балок, расположенных на расстоянии 50-55 см друг от друга на высоте 2,6 м, были обнаружены в «Красном зале» (12×7,85 м) дворца на городище Варахша (VII-VIII вв.), который, по мнению Л. В. Гуревича, следует рассматривать как культовое алтарное помещение. И здесь им реконструируется шатровое деревянное перекрытие. Из ближайших памятников с аналогичным внутренним шатровым перекрытием нужно упомянуть помещение 6 в планировке культового комплекса дворца Костобе в ближайших окрестностях Тараза (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2004, с. 9).

Высокая пирамидальная крыша была характерна для определенного типа культовых сооружений Согда доисламских времен. Архитектурный облик их демонстрируют наиболее насыщенные декоративными эле-

ментами керамические оссуарии/костехранилища. Для них характерны высокие пирамидальные крыши. В прототипах (культовых сооружениях) крыши, скорее всего, сооружались из дерева. Возможно, в интерьере они были украшены резьбой, а на вершине устанавливалась скульптура божества, как это показано на ряде экземпляров (Культура и искусство …, 1991, с. 67, 69).

Таким образом, можно не без оснований предположить, что раскопанное помещение 2 также являлось репрезентативным и могло выполнять функции зала для торжественных приемов, проведения религиозных обрядов и коллективных трапез в присутствии местного правителя, хозяина замка.

Во вскрытых помещениях отсутствуют находки за исключением нескольких фрагментов керамических сосудов с поверхности суфы помещения 3. Перед закладкой помещения были тщательно расчищены, следов разрушений или пожара не обнаружено.

Выводы. Раскопками на цитадели вскрыта часть монументального сооружения замкового типа с помещениями разного назначения, в том числе и культового характера. Обнаруженные репрезентативные помещения дворцового комплекса города Кулан уникальны тем, что имеют сравнительно хорошо сохранившиеся декоративные элементы и орнаментальные композиции, сюжетные стенные росписи и граффити, которые демонстрируют разные стороны художественной культуры местных обитателей.

По стратиграфии, а также характеру изображений на стенах помещений частично раскопанное на цитадели Кулана сооружение можно отнести к VIII в. Исследования этой части города находятся на начальном этапе и приводить какие-либо аналогии по строению сооружения, определению культовой принадлежности храма, функциональному назначению многих помещений пока преждевременно.

Литература

Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Ташкент: Фан, 1975. – 160 с.

Байпаков К.М. Раннесредневековые города и поселения Семиречья // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. – 1966. – №2. – С. 68-84.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата: Наука, 1986.

Байпаков К.М., Шарденова З.Ш., Перегудова С.Я. Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Гылым, 2001.

Байпаков К.М. Городище Кулан // Свод истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. – Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002.
Байпаков К.М., Терновая Г.А. Резная глина Жетысу. – Алматы: CREDO, 2004.
Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потапов С.А., Горячев А.А. Петроглифы в горах Ешкиольмес. – Алматы: OST-XXI век, 2005. – 226 с.
Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. // Бартольд В.В. Сочинения. – Т. IV. – М.: Наука, 1966. – С. 280 284.
Бартольд В.В. К истории Мерва // Сочинения. – Т. IV. – М.: Наука, 1966в. – С. 173-174.
Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. – М.: Искусство,1973. – 68 с.
Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. – Л.: Наука, 1973.
Гуревич Л.В. К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. – М.: Наука, 1990.
Гюль Э. Сады небесные и сады земные. Вышивка Узбекистана: скрытый смысл сакральных текстов. – М.: ИД Марджани, 2013.
История народов Узбекистана / под ред. С.П. Толстова. – Ташкент: изд-во АН УзССР, 1950. – Т. I.
Казахские национальные обычаи и традиции. Альбом. – Алматы: Philipend Petroleum Kaz.Ltd., 2002.
Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе: АН КиргССР, 1959.
Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. – СПб.: Формика, 1999. – 80 с.
Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки / Ред. В.К. Веремеюк. – Кн. 2. – М.: Внешторгиздат, 1991.
Массон М.Е. К периодизации древней истории Самарканда // ВДИ. – 1950. – №4.
Нуржанов А.А. Топография средневековых городов Чу-Таласского междуречья // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2010. – №1. – С. 142-154.
Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. – Ташкент: Гос. изд-во художественной литературы, 1961.
Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Приртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.
Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 200 с.
Свод истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. – Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002.
Соколовский В.М. Монументальная живопись дворцового комплекса Бунджиката. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – 232 с.
Хазбулатов А.Р., Акылбек С.Ш., Шохаев К.А., Султанмурадов Б.С., Естемесов Е.А. Научно-исследовательские работы на городище Кулан в 2015 году // VIII Оразбаевские чтения: матер. междунар. научно-методической конф. по

теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования» / Отв.ред. А.Б. Калышев. – Алматы: Казуниверситет, 2016.
Черемисин Д.В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова / Под ред. В.В. Боброва и др. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 152-166.
Шишкин В.А. Варахша. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
Яценко С.А. Раздел 3 «Костюм» // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье (Том IV). Архитектура. Искусство. Костюм / Отв. ред. Б.А. Литвинский. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 296-384.
Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). – М.: Восточная литература, 2006. – 661 с.
Яценко С.А. Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-й пол. VI – 1-й пол. VIII вв. (образы «Иных») // Transoxiana (online-journal). – Número 14 (Agosto 2009). – Buenos Aires, 2009 – http://www.transoxiana.org/14/yatsenko_turk_costume_chinese_art-rus.html.
Яценко С.А. Костюм на росписях VII в. Афрасиаба (Самарканда): датировка посольств, этническая принадлежность и социальный статус изображенных // Museum (Интернет-журнал). – Харьков, 2010 – http://www.formuseum.info/2010/10/21/jacenko.html.
Яценко С.А. Несколько наблюдений о костюме ранних тюрков на изображениях // Тюркологический сборник. 2011-2012. – М.: Восточная литература, 2013а. – С. 413-431.
Яценко С.А. Тюрки: мужской костюм в китайском искусстве // Западный Тюркский каганат. Атлас. / Под.ред. А. Досымбаевой, М. Жолдасбекова. – Астана: ServicePress, 2013б. – С. 578-606.
Yatsenko S.A. The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on Wall Painting of the 7th c. in the Hall of Ambassadors from Afrasiab as a Historical Source // Transoxiana (online-journal). – Vol. 8 (June 2004). – Rome – http://www.transoxiana.org/0108/yatsenko-afrasiab_costume.html.
Yatsenko S.A. Images of the Early Turks in Chinese Burial Wall Painting and Figurines (from the Barrow Tombs Discovered Recently in Mongolia) // The Silk Road. – Vol. 12. – Seattle, 2014. – P. 13-24 (online version: http://www.silkroadfoundation.org/newsletter/vol12/).
Katler J. The Arts and Craft of the Swat Valley. Living Traditions of Hindu Kush. – London, New York: Thames and Hudson, 1991.
Klimburg M. The Kafirs of the Hindu Kush: art and society of the Waigal and Ashkun Kafirs. Volume II. Plates. – Stuttgardt: Steiner, 1999.

Е.А. Смагулов, П.Н. Петров

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САУРАНСКОГО РЕГИСТАНА

Городище средневекового Саурана – один из известнейших археологических памятников Казахстана. В последние годы он становится известен проводимыми здесь масштабными археологическими работами, предусматривающими создание со временем археологического парка или города-музея под открытым небом. Благодаря хорошей археологической сохранности специалистами проводятся целенаправленные вскрытия выдающихся архитектурных комплексов. Уже выяснилось, что большая часть их локализуется вокруг центральной площади – Сауранского Регистана и вдоль отрезка центральной улицы. На площади уже вскрыты и убедительно идентифицированы городская Жума мечеть и медресе, построенное в начале XVI в. велением бухарского эмира Убайдуллахана. Сложнее обстоит с определением назначения здания, стоявшего напротив медресе и с севера фланкировавшего площадь. Издавая частичные материалы этого археологического комплекса, некоторые исследователи определяют его то как здание дворца известнейшего сауранского сейида по прозвищу Мир-и Араб, то как Второе медресе. Комплексное рассмотрение материалов (архитектурной планировки, стратиграфических наблюдений, комплексов артефактов) убеждает в том, что во время существования этого комплекса менялось его функциональное назначение. На последнем этапе (XVI-XVII вв.) здесь располагалась кархана, ремесленная мастерская по выплавке меди и изготовлению различных изделий. Ну, а изначально в этом здании могла находиться суфийская ханака, или же медресе.

Ключевые слова: городище, архитектурный комплекс, медресе, кархана, айван, худжра, монета, чекан.

Средневековое городище Сауран находится на территории современного Туркестанского района Южно-Казахстанской области, в 45 км к западу от г. Туркестан в сторону Кызылорды. Сохранность городища хорошая, если не сказать, уникальная. На его территории сохранились все детали топографии средневекового мегаполиса, которые утрачены на других крупных памятниках средневековой городской культуры Казахстана. Сауран – один из немногих городов, локализация которых считается бесспорной.

Этот памятник издавна привлекал заинтересованное внимание и предварительно исследовался многими специалистами, а результаты этих исследований были обобщены в отдельной монографии (Байпаков К.М., Смагулов Е.А., 2005). В рамках Государственной программы «Культурное наследие» Институтом археологии им. А. Маргулана с 2004 г. здесь были развернуты широкомасштабные исследования ряда выдающихся архитектурно-археологических объектов: мечети, медресе, ханаки, усадьбы, детали городской фортификации. По северной части территории городища проходят международные железо- и автомагистрали. Последнее обстоятельство, как известно, является важным фактором, повышающим туристическую привлекательность памятника, поэтому археологические работы здесь ориентированы на создание в будущем города-музея (Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., …, 2005, с. 304-307).

Наиболее значительной и сложной структурной частью городища является «кала» – центральная часть города, некогда укрепленная кольцом фортификационных сооружений – крепостными стенами, рвом. Эта сравнительно хорошо сохранившаяся топографическая особенность до сих пор придает чрезвычайную живописность городищу, является его своеобразной «визитной карточкой» (рис.1).

Предварительные стратиграфические исследования показали, что застройка калы начала складываться в конце XIII-XIV вв. Под первым строительным горизонтом оказался горизонт с погребальными сооружениями, которые можно датировать XII-XIII вв. Об этом свидетельствует, помимо небольшого комплекса бытовой керамики из нижнего/первого строительного горизонта, находка золотой серьги «в виде знака вопроса» в одном из погребений, попавшем в площадь небольшого стратиграфического шурфа. Серьга с парой жемчужин, нанизанных на стерженек, спускающийся вертикально вниз от незамкнутого кольцевидного ушка. Жемчужины охватывает и закрепляет на месте тонкая проволочка, конец которой обвивает несколько раз стерженек серьги над жем-

Рис. 1. Вид с северо-востока на восточную крепостную стену сауранской калы

чужинами. Точно такой же формы серьги с жемчужинами были найдены в средневековом городище Шехрлик (Туркмения). В публикации Н.Н. Вактурская рассматривает не только золотые, но и бронзовые серьги в виде вопросительного знака и напоминает об аналогичных находках из меди, серебра и золота в курганах поздних кочевников и городищах золотоордынского времени Поволжья. Датировка всех этих находок колеблется с XIII по XV в. Автор, ссылаясь на труды других исследователей, связывает эти находки с кипчаками (половцами) XII–XIII вв. Подобные украшения в евразийских степях традиционно датируются XIII-XIV вв. (Вактурская Н.Н., 1968, с. 425-430).

Сложившаяся со временем планировка калы может быть охарактеризована как плотная сплошная застройка, разреженная площадями в местах пересечений магистральных улиц. Застройка состояла из жилых кварталов и массивов крупных общественных сооружений.

Некоторые объекты городской застройки достаточно полно исследованы в 2004-2009 гг.: жума мечеть, медресе, Северные ворота, усадьбы. На других же объектах работы были начаты, но остались не завершенными в силу их масштабности и стратиграфической сложности. Среди последних – архитектурный комплекс, расположенный на северной сто-

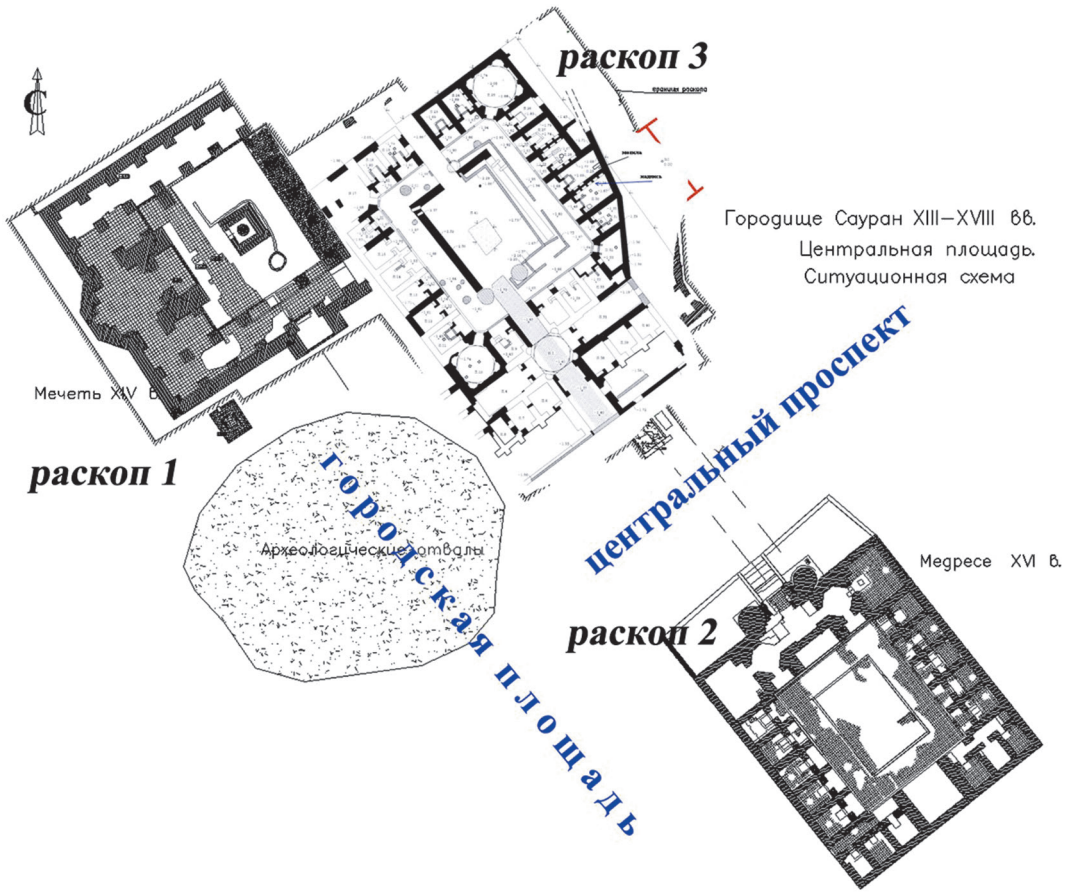


Рис. 2. Ситуационный план застройки северной и западной стороны Сауранского Регистана

роне центральной городской площади (или Р3 по номенклатуре раскопов 2005 г.) (см. рис. 2).

Как известно, важным структурным узлом любого города является его центральная площадь. Как теперь мы можем вполне определенно заключить, именно ансамбль застройки центральной городской площади определял архитектурный облик города Сауран (Смагулов Е.А., 2014). Изучение ансамбля архитектурных сооружений «Сауранского Регистана», некогда декорированных полихромными глазурованными облицовками, перекрытых сводами и куполами, представляет собой важную задачу средневековой археологии Казахстана. На «Сауранском Регистане» уже расчищены и идентифицированы городская Жума мечеть и медресе, построенное по распоряжению Убайдуллахана в начале XVI в. (Смагулов Е.А., 2013, с. 109-126; Акылбек С.Ш., 2008, с. 321-329) (рис. 2). Третьим

Рис. 3. Вид на начальный участок восточного входного портала

объектом, на котором в 2004 г. были начаты исследования (раскоп №3) является архитектурный комплекс, расположенный напротив медресе. Исследование этого фундаментального и многослойного памятника велось с 2004 г. под руководством К.М. Байпакова (Байпаков К.М., Акылбек С.Ш., 2012).

Планировка. Поскольку различные участки архитектурного комплекса исследовались в разное время и разными специалистами, а общий инструментальный план вскрытой части до сих пор отсутствует, нами для общего анализа использован план/схема, выполненный в 2011 г. совместно с архитектором Н. Имажановым, на основе теодолитной съемки основных опорных точек (рис. 5).

Для характеристики тех или иных участков использованы локальные полевые планы (например, рис. 6). Мы предприняли обобщение всех вскрытых планировок архитектурного комплекса за все годы исследований и предлагаем единую номенклатуру помещений и архитектурных объемов (рис. 4, 5).

Чтобы единообразно понимать результаты раскопок, условимся с некоторыми терминами и понятиями. Мы исходим из того, что планировка

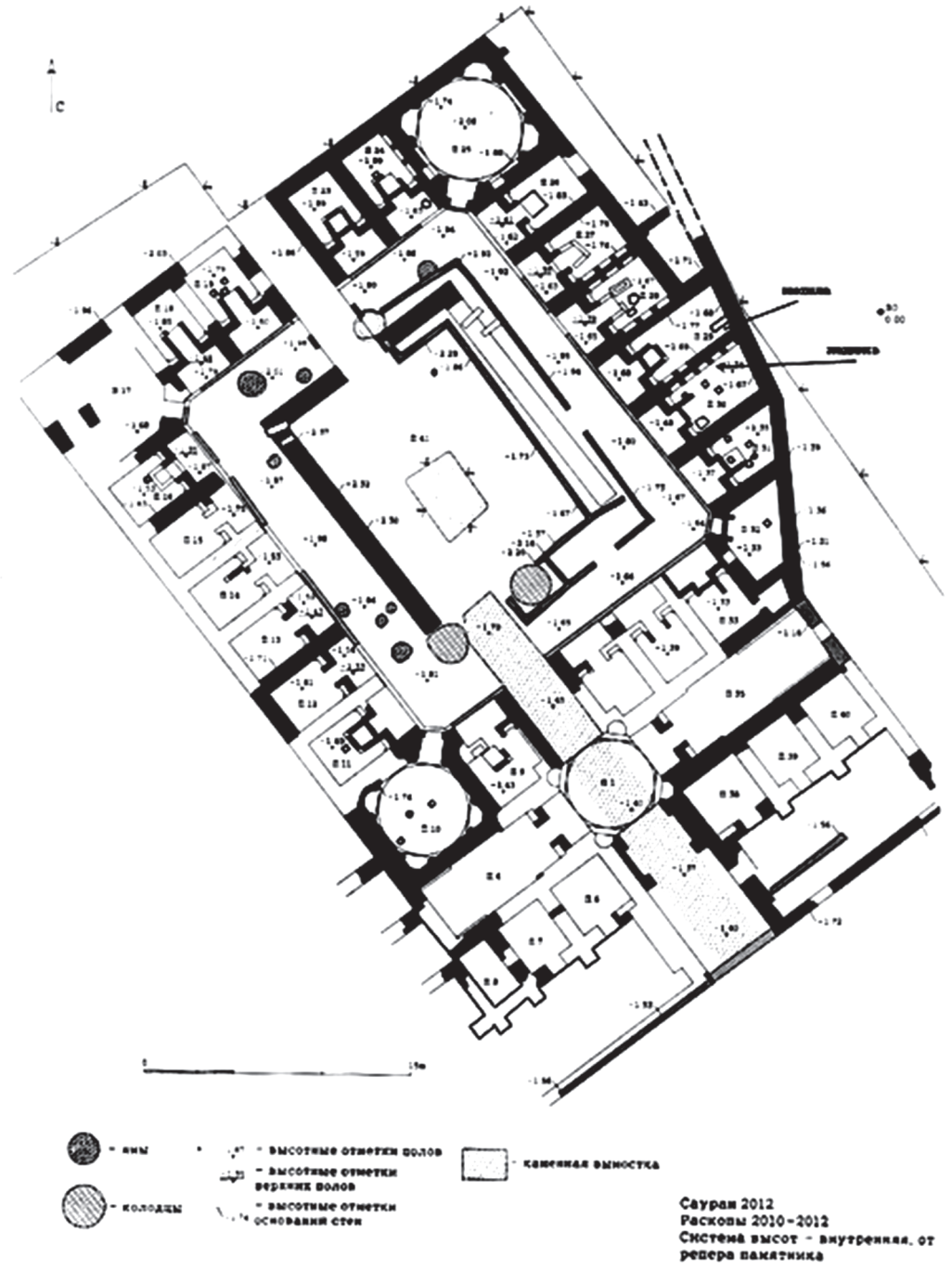


Рис. 4. Итоговый план вскрытой на 2012 г. части архитектурного комплекса раскопа 3

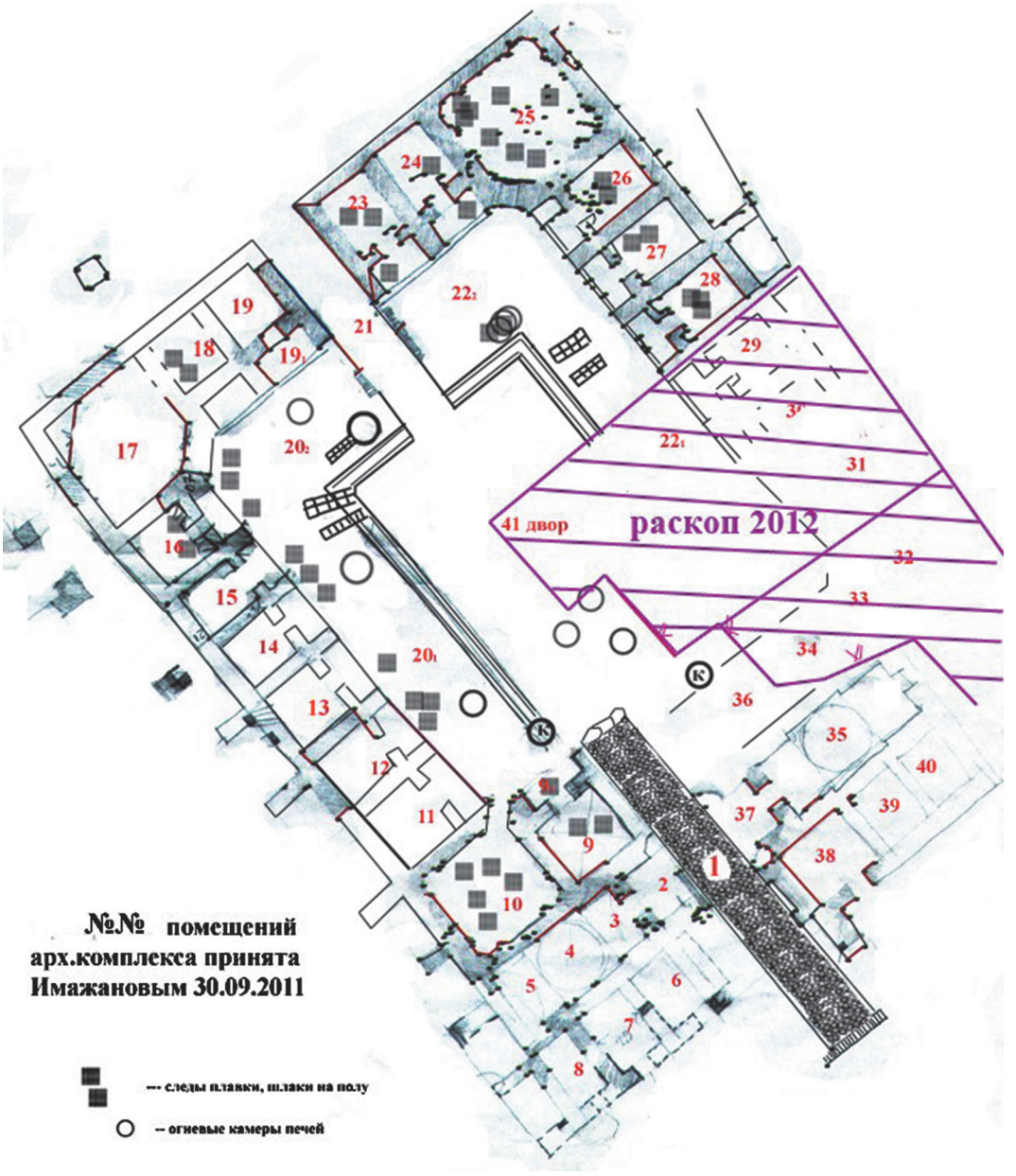


Рис. 5. План-схема 2011 года с номенклатурой помещений (совместно с Н.Имажановым)

вскрываемого комплекса имеет замкнуто-дворовый характер. Ориентация комплекса – углами по сторонам света. *Архитектурный комплекс* (АК) состоит из рядов «типовых» худжр, со всех сторон обрамляющих двор, и входной части. *Худжрой* называем изолированное помещение с

небольшим *входным айваном*, обращенным на *общий айван* всего комплекса (рис. 6-7, 8, 9). Худжры типичны по стандартному набору деталей интерьера. Они обычно служат жилыми помещениями, но могут быть и торгово-производственными. Учитывая пространственную ориентацию всего комплекса, условимся называть СЗ, СВ, ЮЗ ряды худжр. «Входным комплексом помещений» (или просто – *входным комплексом*) условимся называть восточную часть АК, состоящую из двух рядов помещений. Внутренний или средний ряд – помещения, связанные с входным коридором через *купольную ротонду*, которая является частью входного коридора. Она, кстати, отсутствует на прежних планах (рис. 6-2). *Входной коридор* длиной 25,3 м ведет во внутренний двор. Пол его вымощен булыжником. Ширина этой мостовой 3,0-2,85 м; ее внешний порог со стороны площади имеет дандану шириной 3,6 м, со стороны двора булыжная кладка замкнута двумя массивными каменными плитами (рис. 7). Внешний ряд образуют помещения, открытые проходами на *восточный фасад* АК.

Как оказалось, «главный» восточный вход в комплекс выходит не посередине восточной стороны центрального двора, как это, вроде, должно бы быть, а несколько со смещением к его юго-восточному углу, т.е. асимметрично (рис. 4; 5-1). На восточном фасаде вход был, очевидно, оформлен в виде высокого портала с широким айваном. Согласно стилю эпохи, портал был декорирован полихромными глазурными плитками которые были расписаны растительно-геометрическими узорами в бело-синей гамме и составляли узорчатые поля, и «П»-образные пояса, покрывавшие сплошным ковром все элементы и плоскости портала (рис. 8).

В целом расчищенная часть архитектурного комплекса занимала площадь немногим более 2000 м^2 (51×40 м). Стены в северной части сооружения, как отмечалось, столь хорошей сохранности, что зафиксирована даже арка углового дверного проема, ведущего из общего айвана в угловое восьмиугольное помещение №25 (рис. 9).

Было также установлено, что платформы с фасадами медресе и расположенного напротив публикуемого здесь здания разделены расширяющимся до 18 м участком магистральной улицы, ведущей от северных главных ворот города к центральной городской площади. Их главные портальные входы расположены на одной оси, т.е. эти сооружения образуют архитектурно-планировочную композицию типа «кош». При этом естественно было предположить, что и описываемый комплекс имеет прямоугольный замкнуто-дворовой общий план с выделенным пештаком на восточном фасаде, подобно стоявшему напротив медресе. Портал последнего был к тому же акцентирован двумя высокими минаретами,

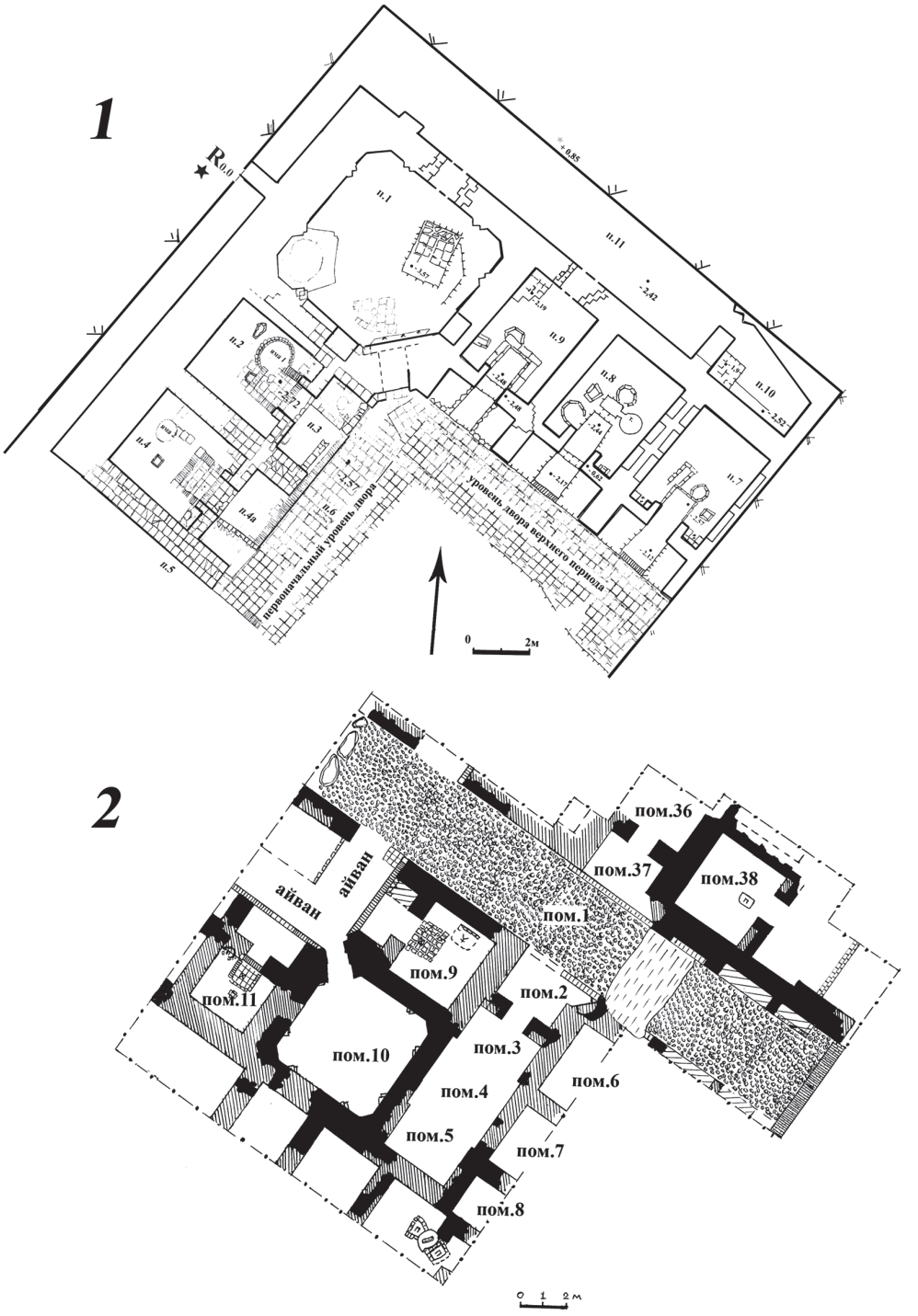


Рис. 6. Планы локальных участков, вскрывавшихся в разные сезоны

Рис. 7. Участок южного угла комплекса после зачисток 2009 г.
1. Булыжная вымостка центрального восточного прохода; 2. Отмостка обломками кирпича айвана верхнего строительного периода; 3. Угловой восьмигранный зал;
4. Отвал грунта на территории центральной площади

стоявшими «на плечах айвана» (Пугаченкова Г.А., 1954). Теперь после проведенных раскопок можно с большой долей уверенности предположить, что идущий от ворот почти двухсотметровый отрезок Центрального проспекта также был весь застроен незаурядными архитектурными комплексами из обожженного кирпича.

Тем более, что при расчистке бокового северо-восточного фасада здания раскопа 3 появились основания предполагать, что планировка этого архитектурного комплекса не ограничивается выявленным прямоугольником. Как оказалось, от уровня худжры №28 и углового помещения №32 к северу отходят стены, расположенные не под прямым углом к основным стенам здания. Эти стены из того же квадратного обожженного кирпича и сложены «в перевязку» с остальными стенами (рис. 4,10). Они уходят под северо-восточную бровку раскопа, т.е. можно предположить,

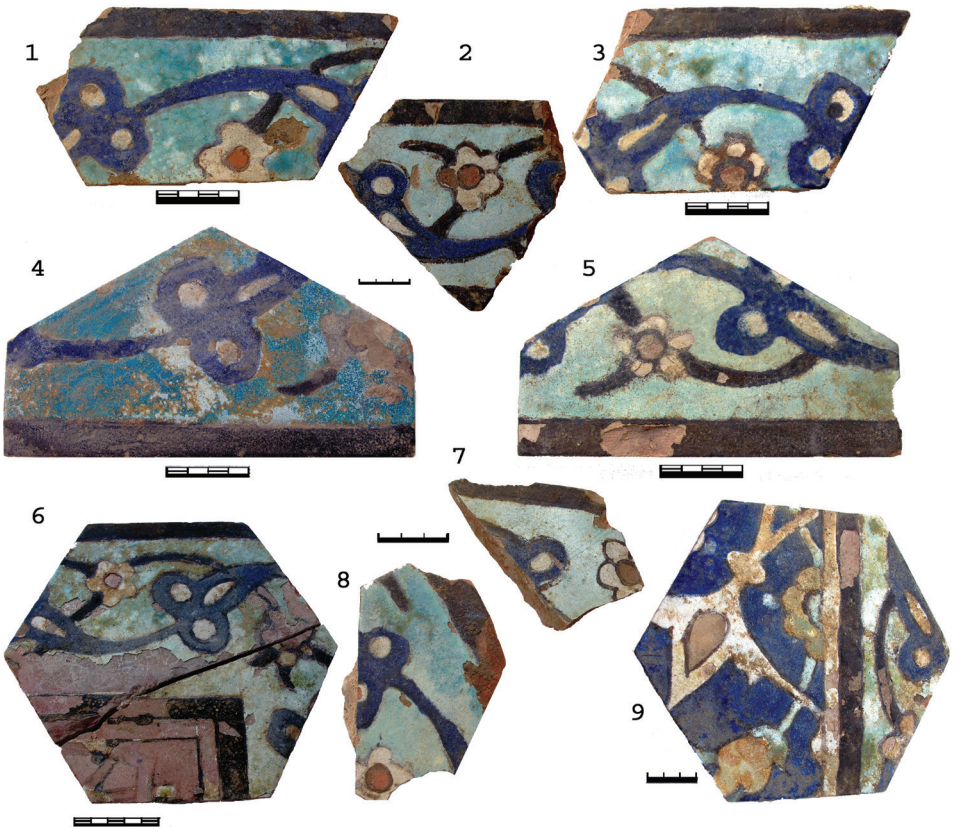


Рис. 8. Облицовочные глазурованые плитки оформления портала

что планировка комплекса имеет развитие далее вдоль магистральной улицы. Если это так (для проверки надо бы продолжить расчистку в северном направлении), то данный архитектурный комплекс среди известных средневековых архитектурных памятников Средней Азии будет иметь совершенно уникальную планировку.

Восточный главный фасад, обращенный на расширенный участок главной улицы, был, вероятно, расчленен плоскими арочными нишами с арочными дверными проемами в небольшие помещения, служившие, скорее всего, торговыми лавками (№№ 6-8 и 38-40). Южный фасад, обращенный на площадь, был расчленен глубокими арочными нишами, где могли располагаться небольшие торговые лавки или лавки менял. В последний период запустения города заброшенная постройка служила объектом для добычи вторичного строительного материала – из стен выламывался качественный обожженный кирпич. Но это началось, скорее всего, в XVIII в., а до того времени под сводами и куполами этого архитектурного

Рис. 9. Хорошо сохранившиеся стены северного угла комплекса. Арка прохода в угловой зал №25 после консервации

сооружения на центральной площади города бурлила активная производственная и торговая жизнь.

Пройдя под сводами и куполом длинного коридора, пол которого вымощен окатанными булыжниками[1], посетитель попадал в обширный прямоугольный двор. Его размеры 23,65×20,30 м, если включать в площадь двора полуоткрытый айван, вымощенный квадратным обожженным кирпичом, который широкой (4,4 м) полосой охватывал территорию двора. Пол двора не имеет вымостки (или она была разобрана?) и залегает на 40-45 см ниже уровня поверхности айвана. Площадь нижнего пола открытого двора 11,5×14,8 м. Айван прерывается в двух местах – в месте северо-западного входа во двор (шириной 2,85 м) и в противоположной стороне, ближе к южному углу, там, где во двор выходит длинный вымощенный булыжником проход от главного портала. В средней части коридорообразного прохода была шестигранная купольная ротонда.

В поздний период пространство двора было заполнено довольно рыхлым слоем толщиной в 1,0-1,2 м золистого грунта с обильным включением всевозможного мусора – фрагменты керамики, обломки тиглей и стенок плавильных печей, шлаки, зола... Этот слой был выровнен и на нем поставлены стенки обкладки суф и конструкций позднего строительного горизонта (СГ2).

1 Эта вымостка второго ремонтного периода здания. Первоначально пол этого коридора был вымощен квадратными кирпичами.

Рис. 10. Северо-западная стена комплекса в месте изгиба

Айван. Как выше отмечено, айван, отделявший открытый объем двора от замкнутых объемов, расположенных по периметру помещений, имел общую ширину 4,4 м. Эта ширина образована из плоскости пола шириной 3,3 м, выстеленного квадратным кирпичом, и ширины подпорной стенки (1,1 м), которая идет вдоль края айвана. Эта стена, в свою очередь, образована двумя параллельными стенками из целых квадратных кирпичей, а пространство между ними заполнено кирпичным ломом и глиной. Её высота – 6 слоев кладки квадратным обожженным кирпичом (42-45 см). Она почему-то не перекрыта положенной сверху вымосткой из квадратного кирпича (рис. 11). Пока остается не ясным, была ли эта стена изначально специальной подпорной стеной айвана или же это нижняя часть, останец, монументальной стены, первоначально ограничивающей не открытый айван, а закрытую галерею. Примеры последнего варианта планировки нам не известны, поэтому пока будем описывать ее как «подпорную стенку». Ее южный конец пробит ямой при устройстве позднего колодца. Также и западный угловой конец пробит при устройстве воздуховодных каналов плавильных печей и еще одним колодцем.

Длина юго-западного айвана 23,6 м. В западной части он поворачивает на север и вдоль двух худжр доходит до западного прохода во двор. Всего на этот айван выходят двери 9 худжр и двух угловых залов. Противоположный северо-восточный айван имел аналогичную планировку (рис. 4).

Рис. 11. Юго-западный айван по уровню нижнего строительного периода. Вид с севера

Айван в данном комплексе служил не только целям коммуникации или создания особого микроклимата в помещениях, перед которыми он расположен. На айване размещались производственные приспособления и оборудование, связанные с плавкой меди или бронзы. Следы этих производств в виде круглых ям: остатков плавильных печей, развалов печей, зольных линз, зеленых пятен выплесков раскаленного металла или шлаков на кирпичи пола и пр., компонуются на протяжении всей юго-западной суфы в три производственные площадки.

Пол на самой западной площадке выложен обожженным кирпичом площадью 3,3×4,0 м. На эту площадку попадали, сразу повернув направо при входе во двор через западный вход. Здесь имеется яма, обложенная по краю обломками кирпичиков. Диаметр её – 0,8 м, глубина – 0,7 м. Стенки ямы были промазаны глиной и прокалены до оранжево-кирпичного цвета. На глубине 0,35 м в южной стенке ямы имеется отверстие, которое открывается в подпольный канал, который образован поставленными «шалашиком» кирпичами. Этот канал наклонный и на расстоянии 0,85 м он выходит на поверхность айвана. Стенки его не имеют копоти и сажи, т.е. можно считать, что это не дымоход, а воздуховод, по которому в печь

нагнетался воздух для обеспечения необходимого температурного режима. Эта яма, очевидно, – огневая камера плавильной печи.

Южнее неё имеется еще одна яма диаметром 1,35 м, глубиной 0,35 м. Вокруг прослойки золы, особо много ее скопилось в самом углу айвана. Этот зольник перекрыт данданой и вымосткой пола позднего строительного периода. В этом углу на полу айвана нет кирпичной отмостки. Далее по айвану есть еще одна вымощенная площадка с ямой диаметром 0,9 м, глубиной 0,6 м. Стенки ее обмазаны желтой глиной, но не прокалены. Возможно, это отремонтированная нижняя часть печи, приготовленная для очередной, но не состоявшейся плавки? Сохранилась лишь нижняя часть топочной камеры. И вокруг сильно прокаленные до растрескивания кирпичи вымостки пола айвана, прослойки золы, зеленые пятна выплесков шлака. Рядом расположенная яма диаметром 0,6 м была заполнена золой. Прослойка этой золы покрывала уровень пола айвана.

Таких производственных площадок по всей длине юго-западного айвана насчитывается три. Никаких следов перегородок между ними не прослежено.

Худжры. По нашей реконструкции, на общий айван выходили дверные проемы по меньшей мере 18 худжр. Худжры, как известно, были основной планировочной ячейкой в таких архитектурных комплексах мусульманской архитектуры, как медресе, караван-сараи, ханака… Вход в такие помещения устраивался обычно в глубоких арочных нишах, внутри за дверным порогом оформлялась небольшая площадка пола (до 1,5-2,0 м^2) с ташнау. Остальное пространство комнаты заполняла собой приподнятая на 20-40 см над полом суфа. На ней обычно устраивался «сандал» – очажок в виде квадратной ямки, обложенной поставленными на ребро квадратными кирпичами. Этот очажок использовался для сжигания/воскурения травы *адраспан* (по местным поверьям дым этой травы имеет антисептическое свойство), а в холодное время года в него помещались угли для обогрева помещения. Иногда в лицевой стене (в стене с входом) устраивался основной очаг-камин.

Здесь нет смысла давать детальное описание всех расчищенных в этом АК худжр, к тому же подобные по назначению помещения в сауранских зданиях уже неоднократно описывались (Алакбек С.Ш., 2008, с. 321-329; Байпаков К.М., Алыкбек С.Ш., 2002, с. 84-93). Для большей детализации приведем описание лишь худжр №№ 23, 28, 29, 30 сводной план-схемы, которые были расчищены в 2009-2010 гг. в лучше сохранившейся северной части архитектурного комплекса (рис. 4).

Помещения 23/4 **(**2,8×4,15 м) ***и 23а/4а*** (1,5×2,8 м) образуют худжру с входным айваном. Вход осуществлялся с востока со стороны вымостки двора через айван № 23а/4а. От вымостки общего айвана худжра отделена данданой – рядом поставленных на ребро кирпичей. Внутри помещения перед входом находится вымощенная квадратным жженым кирпичом площадка ташнау размером 1,0×0,95 м. Она оконтурена данданой. На 18-20 см ниже верхнего уровня площадки ташнау был выявлен еще один, более ранний уровень той же площадки ташнау аналогичных размеров (СГ1).

В северо-восточном углу помещения № 23 находится очаг, от которого сохранилась часть стенки у северной стены и дымоход у восточной стенки. Очаг устроен на вымостке из жженого кирпича на уровне верхней площадки ташнау, т.е. выше первоначальной площадки ташнау на 18-20 см. В юго-восточном углу находится еще один очаг округлой формы. Под этим очагом имеется завал из фрагментов жженых кирпичей на 40 см выше уровня пола помещения № 23 (рис. 6-1).

Помещение № 28/7 находится к востоку от помещения №27. Размеры помещения 3,95×2,85 м. Толщина северной стены 0, 85 м, толщина южной стены 0,45 м. Вход в помещение шириной 0,95 м устроен в центре южной стены и повторяет устройство входов в ранее описанных помещениях. В отличие от помещения № 27 обвод площадки ташнау не имеет данданы. Слив находился по центральной оси входа на расстоянии 1,35 м от порога. Кирпич с отверстием для слива отсутствует. В помещении вдоль восточной и северной стен зафиксирована вымостка пола квадратным жженым кирпичом в два слоя.

На внутренней плоскости западной стены помещения, на высоте 1,15 м от уровня пола устроены три ниши, которые полностью соответствуют нишам в восточной стене помещения № 27. На плоскости восточной стены помещения № 28 также просматриваются контуры трех ниш.

В юго-восточном и юго-западном углах, повторяющих конструкцию этих угловых частей в помещении № 27/8, находятся прямоугольные очаги, устроенные в виде поставленных друг на друга рядов половинок жженых кирпичей, примыкающих к плоскостям южной и боковых стенок угловых частей помещения № 7. По периметру центральной части помещения находятся печь, сандал и очаг. Печь отстоит от западной стены на 25 см и имеет прямоугольную форму (1,1×0,8 м). Топка устроена с южной стороны. В основании печи с западной стороны зафиксирована еще одна топка, устроенная в виде двух поставленных на ребро фрагментов жженых кирпичей. Возможно, что имела место более ранняя печь, поверх которой затем была сооружена еще одна печь. Рядом с печью в центре

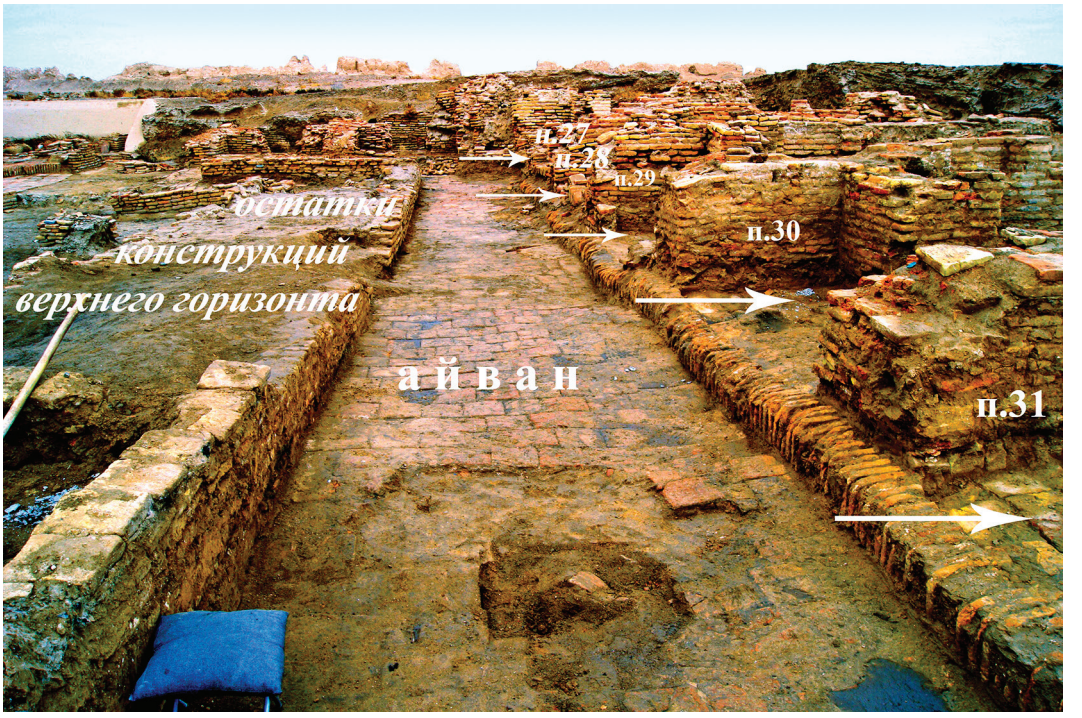


Рис. 12. Северо-восточный айван и входы в худжры 26-31

помещения устроен сандал круглой формы (диаметр 0,7 м). Стенки сандала устроены в виде поставленных по кругу на ребро жженых кирпичей. Далее к востоку находится слегка смещенный к югу небольшой прямоугольный очаг (отстоит от плоскости западной стены на 25 см). Еще один очаг округлой формы отстоит от южной стены в 1,15 м и боковыми стенками пристроен к западной стене помещения № 7.

Перед айванами к югу от помещений №№ 26/9, 27/8 и 28/7 и 29-30 находится двор (на уровне СГ2, а на более раннем первоначальном уровне выходы выводили на широкий общий айван), вымощенный квадратным жженым кирпичом (рис. 12). Уровень поздней вымостки этого двора (СГ2) был зафиксирован в восточной бровке раскопа и находится на 0,5 м выше более ранней вымостки двора перед помещениями №№ 23 и 24.

Помещение/худжра № 29 примыкает к восточной стене помещения № 28. Длина его западной стены 5,7 м, восточной – 5,05 м. Ширина помещения 2,8 м. Вымостка пола по большей части не сохранилась. В помещении расчищена одна печурка-сандал в виде поставленных на ребро квадратом четырех обожженных кирпичей. Эти печурки обычно заполнены мелкой золой и служили, скорее всего, для сжигания травы *адра-*

спан. Перед входом сохранилась квадратная площадка 0,85×0,9 м, обведенная рядом поставленных на ребро кирпичей. Вход с общего айвана, как и во всех прочих случаях, осуществлялся через глубокую айванную нишу, или входной айван.

Помещение № 30. Длина восточной стены 4,25 м, западной – 4,8 м, северной – 2,95 м. Лучше других сохранилась западная стена. Сохранившаяся высота её 1,35 м. На ней имеется 5 ниш, на которых сохранилась ганчевая штукатурка. Основание ниш на уровне 0,95-1,00 м от уровня пола. Ниже ниш на западной стене сохранился большой фрагмент настенной ганчевой штукатурки (рис. 13,14), по которой были нанесены арабографичные надписи и рисунки-граффити. Вымостка пола сохранилась преимущественно у западной стены.

Купольные угловые залы. В юго-восточном и северо-западном углу комплекса расчищены купольные залы – №№ 10 и 25 (рис. 4, 6-1). Стены зала № 10 сохранились на высоту 0,2-0,5 м, в то время как сохранившаяся высота стен зала № 25 составляет местами более двух метров. Остановимся кратко на его описании.

Помещение № 25 (№ 1 по полевым описям 2009-2010 гг.) в плане представляет собой правильный восьмиугольник (в квадрате 6,15×6,15 м)

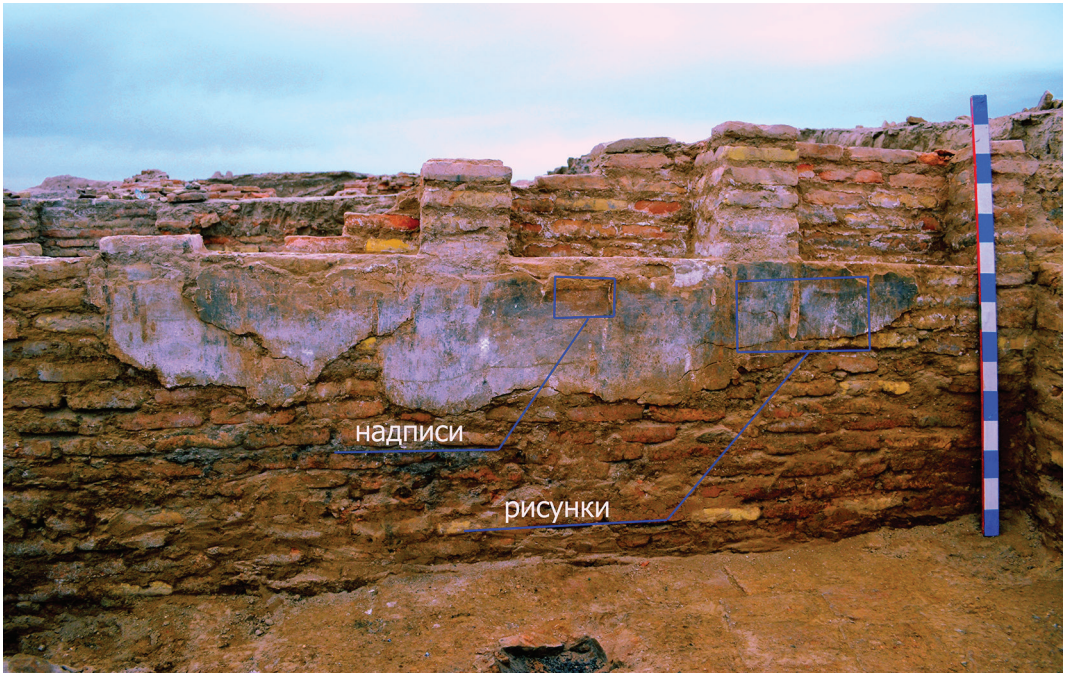


Рис. 13. Участок стены между худжрами 29 и 30
с сохранившимися фрагментами штукатурки

Рис. 14. Фрагмент штукатурки с рисунками на стене худжры № 30

со срезанными угловыми частями. Толщина северной стены – 1,1 м, восточной – 1,2 м, южной – 1,05 м, западной – 1,2 м. Длина южной, восточной, северной и западной стен – 2,5 м, длина угловых срезов – 2,45 м (по внутреннему периметру). В юго-восточном углу находится вход в помещение с территории общего айвана. Над входом частично сохранилась арка свода, ее высота от первоначального пола 2,45 м (рис. 9,15). Арки, перекрывавшие углы квадрата, опирались на конструкции «ласточкин хвост», что обеспечивало разгрузку напряжения на стены всей конструкции. В восточной стене рядом со входом сохранилась ниша шириной 0,8 м, которая заглублена в стену на 0,7 м. Контуры аналогичной ниши прослеживаются и в южной стене. Однако из-за плохой сохранности размеры ниши на этом участке установить не представляется возможным. К плоскости восточной стены от скоса угла до ниши примыкает суфа (длина 1,7 м, ширина 0,5 м, высота 5-6 см). Ее края выложены рядом фрагментов жженых и двумя целыми кирпичами. Верхняя плоскость суфы также вымощена фрагментами жженых кирпичей. Пол в помещении вымощен квадратным жженым кирпичом с сильным уклоном к центральной части. В северо-восточной части помещения вымостка пола была разру-

Рис. 15. Руины углового восьмигранного зала (пом. №25)

шена для устройства ямы-резервуара размером 1,9×1,3 м, вытянутой в направлении север-юг.

В юго-западном углу помещения устроена большая печь, она занимала всю угловую нишу (рис. 16). На уровне пола вдоль входа, южной и западной стен идут следы ряда очагов круглой и прямоугольной формы (всего разновременных очагов 9 шт.), заполненных золой, углями и большим количеством прочих отходов, имеющих отношение к металлургическому производству.

В центральной части плоскости северной стены до уровня пола помещения имеется пролом. На этом этапе, на исходе СГ2, основной вход в помещение в юго-восточном углу был заложен сырцовым кирпичом, в северной стене был устроен пролом, и, видимо, в это же время внутри помещения было организовано производство, связанное с плавкой металла – бронзы.

Заполнение помещения составляли земля, большое количество целых и фрагментов жженых кирпичей (результат разрушения стен и перекрытия), мусор, зола, горелые слои и фрагменты глазурованной и неполивной керамики.

Рис. 16. Большая печь-«камин» в угловом зале (пом. №25)

Находки. О нетривиальном функциональном назначении данного комплекса со всей убедительностью свидетельствуют и находки, сделанные при расчистке сохранившихся строительных конструкций как по первоначальному уровню (СГ1), так и по уровню, последовавшему за некоторой перестройкой комплекса (СГ2).

Выше мы достаточно подробно охарактеризовали следы производства, связанного с плавкой и обработкой меди или бронзы, прослеживаемые на южном айване первоначального периода (СГ1), а также на уровне СГ2 на других участках. Не менее интенсивные следы аналогичного производства, связанные с верхним и первоначальным строительными горизонтами, зафиксированы внутри худжр.

В помещениях №№ 26-28 и 26а (так же, как в помещениях №№ 23, 24 и 25) на полах верхнего, т.е. последнего строительного периода, зафиксированы следы печей-очагов, россыпи шлаков от плавки меди, оплавленные куски глины от стенок печек. От этой деятельности фиксируются

повсеместные россыпи и скопления золы с включением зеленых вкраплений полностью окислившихся мелких капелек меди. Особенно мощное скопление золы выявлено в угловом пом. № 28а, в котором в слое мусора найден алебастровый сосудик (рис. 17-1). Следы ремесленной деятельности, связанной с плавкой и переработкой меди, относятся ко второму периоду существования и функционирования здания, уже не связанному с его первоначальным назначением. Вероятно, с этим периодом связаны проломы в северо-восточных стенах пом. № 25 и № 26. Можно предположить, что в этот период доступ в эти помещения через прежние двери был невозможен (отмечалась закладка сырцом сводчатого прохода в пом. № 25) и потребовалось сделать проломы в стенах.

В другие помещения этого угла и на последнем этапе попадали через первоначальные двери. Общее впечатление от ситуации, наблюдаемой на верхних уровнях полов в помещениях и на дворе и за прежде глухой северо-восточной стеной всего комплекса, позволяет реконструировать здесь какую-то активную деятельность, связанную опять же с плавкой цветного металла. Небольшие печки-горны делались для одноразовой плавки; после чего они разрушались до основания, обломки удалялись, а для новой плавки сооружалась новая печурка.

Из конкретных артефактов, связанных с плавильной деятельностью, надо отметить фрагмент *керамического лотка*, как можно предположить, для слива металла (?). Лоток найден в пом. № 25 на верхнем полу. Он сильно прокален до оранжевой рыхлой структуры теста. Это просто лист раскатанной глины, которому придана соответствующая изогнутая в профиле форма. Толщина листа 3,0-3,5 см, ширина 18 см, а длина около 30 см.

При расчистке уровня первоначального горизонта (СГ1), особенно внутри открытой части двора, найдено множество фрагментов керамических *тиглей***.** Эти узкоспециализированные изделия имеют вид круглых «стаканов» диаметром примерно 6-7 см и высотой около 15 см. Слой глины, оплавившейся от высокой температуры в горне, как глазурью покрывает поверхность этих ёмкостей, стекая каплями с их стенок (рис. 17-3).

Довольно многочисленны находки «хвостовиков» бронзовых слитков, которые образовывались при волочении проволоки.

Другой категорией находок, которые свидетельствуют об активной ремесленной деятельности, являются *обломки стенок медеплавильных печей*. Эти фрагменты различной формы и размеров во множестве обнаруживались в слое под верхним полом комплекса. Фрагменты медеплавильных печей идентифицировались нами по ряду признаков: это в большинстве своем обломки неравномерно прокаленной глины, имею-

Рис. 17. Находки: 1. Алебастровый сосудик; 2. Бронзовые кимвалы;
3. Фрагметы керамических тиглей

щие какие-то признаки формы (наружные/внутренние поверхности, закругления и т.п.); на одной из поверхностей зачастую слой зеленоватых шлаков, пузыристых по структуре, или же это слой перекаленной, расплавившейся и потекшей остекленевшим слоем глины. По этим признакам идентифицированы обломки таких частей печей, как венчики устья загрузочной камеры, фрагменты стенок и пр... Эти фрагменты имеют толщину 3,3-3,8 см и закругленный прямой край без отворота. Размеры обломков около 11×9 см. Закраины венчиков, судя по всему, возвы-

шались на некоторую высоту над объемом печи и имели заглаженную внешнюю и внутреннюю поверхности. Венчики имели круглую форму и были диаметром не менее 0,6-0,8 м. В изломе внешний слой глины красно-кирпичного цвета, а внутренний слой серо-черного цвета. Тесто, из которого лепилась печь, включало большой процент соломы, шамота и песка. На одном фрагменте к внутренней поверхности на уровне 5-6 см от верхнего края венчика приварился пузыристый зеленый слой, и поверхность здесь сильно оплавилась.

Другую группу обломков плавильных печей составляют куски прокаленной глины, на одной стороне которых имеется зеленый ноздревато-пузыристый слой. Толщина этого слоя различна (0,2-1,2 см), иногда он лежит прямо на оранжевом слое, иной раз на оплавившемся, остекленевшем слое глины. Ясно, что это обломки стенок, с внутренней поверхностью которых контактировала плавящаяся бронза. Таких обломков множество, и обычно зеленая поверхность имеет выпуклую или вогнутую форму. Другая группа обломков отличается лишь тем, что внутренняя поверхность здесь прокалена сильнее. Глиняная масса расплавилась и «поплыла», приняв при этом сургучно-коричневый цвет с зелеными разводами. Такой остекленевший слой характерен для внешней поверхности тиглей, сделанных из белой высококремнеземистой основы.

Встречены фрагменты от какого-то элемента конструкции печи, который имел внутри довольно длинное (более 16 см) круглое отверстие с гладкими стенками диаметром около 5 см. На этих фрагментах имеется нижняя плоская и боковая полукруглая, скругленная поверхность. На стенках отверстия нет следов копоти, и они особо не прокалены. Перечисленные многочисленные обломки печных глиняных конструкций хоть как-то идентифицируются на фоне огромной массы мелких бесформенных фрагментов полуобожженной глины, встреченных при расчистке слоя мусора, лежавшего между нижним (основным) и верхним полом в заполнении двора.

Другой массовой категорией находок, свидетельствующей о ремесленной деятельности, являются многочисленные *находки остевых костей рогов различных парнокопытных* (рис. 18-1). С них снята верхняя роговая оболочка, а на кости имеются следы спилов или срубания рога. Обычно поперечным срезом отпиливалась концевая часть рога. Среди находок имеется как корневая часть, так и во множестве концевые части рогов. Использовались как рога домашних коз, так и горных архаров.

Помимо массовых, следует упомянуть и отдельные индивидуальные находки. Среди них пара медных кимвалов/цимбалов, найденных

на полу помещения № 30. Этот музыкальный инструмент имеет вид двух медных тарелок с отверстиями в центре, куда продевался шнурок крепления (рис. 17-2). В средневековье различались два вида кимвалов – большие и малые. От больших в современных оркестрах произошли так называемые «тарелки», от малых – медные кастаньеты. Наша находка представляет собой малые кимвалы – тарелочки диметром 6 см, с отверстиями в центре для петелек, в которые продевался большой и средний пальцы; при их соударении извлекался щелкающий металлический звук. Кастаньеты обычно использовали танцоры в своих ритмичных танцах. Возможно, найденные кимвалы предназначались для обрядовых танцев, которые, как известно, практиковали некоторые суфийские течения.

В зольном слое за внешней стеной худжры № 26 найден каменный (алебастровый) сосудик своеобразной формы. Его высота 52 мм, диаметр дна 30 мм, диаметр устья 14 мм. Сосудик выточен на токарном станке, о чем свидетельствует четкость кольцевых линий, да и весь необычный внешний вид изделия. Явно сосудик этот предназначался для хранения особо ценных жидкостей, вероятно, чернил или краски для письма (рис.17-1). Нам пока не известны подобные по форме находки в хронологически близких слоях средневековых городищ.

Другой уникальной находкой является обнаружение на штукатурке помещения № 30 граффити, включающей арабографичную надпись в 8 строк. После того как участок сохранившейся штукатурки был тщательно механически очищен, он был последовательно по участкам сфотографирован. Оказалось, что на разных местах сохранившейся штукатурки прочерчены разного характера линии. Выявились, по крайней мере, три участка с разного вида графикой: участок с эпиграфикой примерно в середине сохранившегося участка штукатурки; левее от надписи участок с прочерченными рядами вертикальных черточек (выявлено три таких ряда); правее от участка с эпиграфикой, ближе к северному углу помещения – участок с граффити (рис. 13,14). Здесь мы различаем изображения не менее трех разного масштаба фигур в виде двух параллельных вертикальных линий, сверху «зубчатая линия», образующая как бы один большой угол в центре и два острых угла по сторонам. От центрального угла вверх отходит длинная линия. Таких фигур выявлено три, две большие и одна меньших размеров, которая изображена на фоне большей. У всех трех имеется центральный вертикальный элемент в виде «антенны». Внизу эти вытянуто-зубчатые фигуры не замкнуты. Очень осторожно можно предположить, что перед нами схематичные изображения порталов неких пирамидально-купольных построек. Вероятно, мавзолеев (?). Слева от

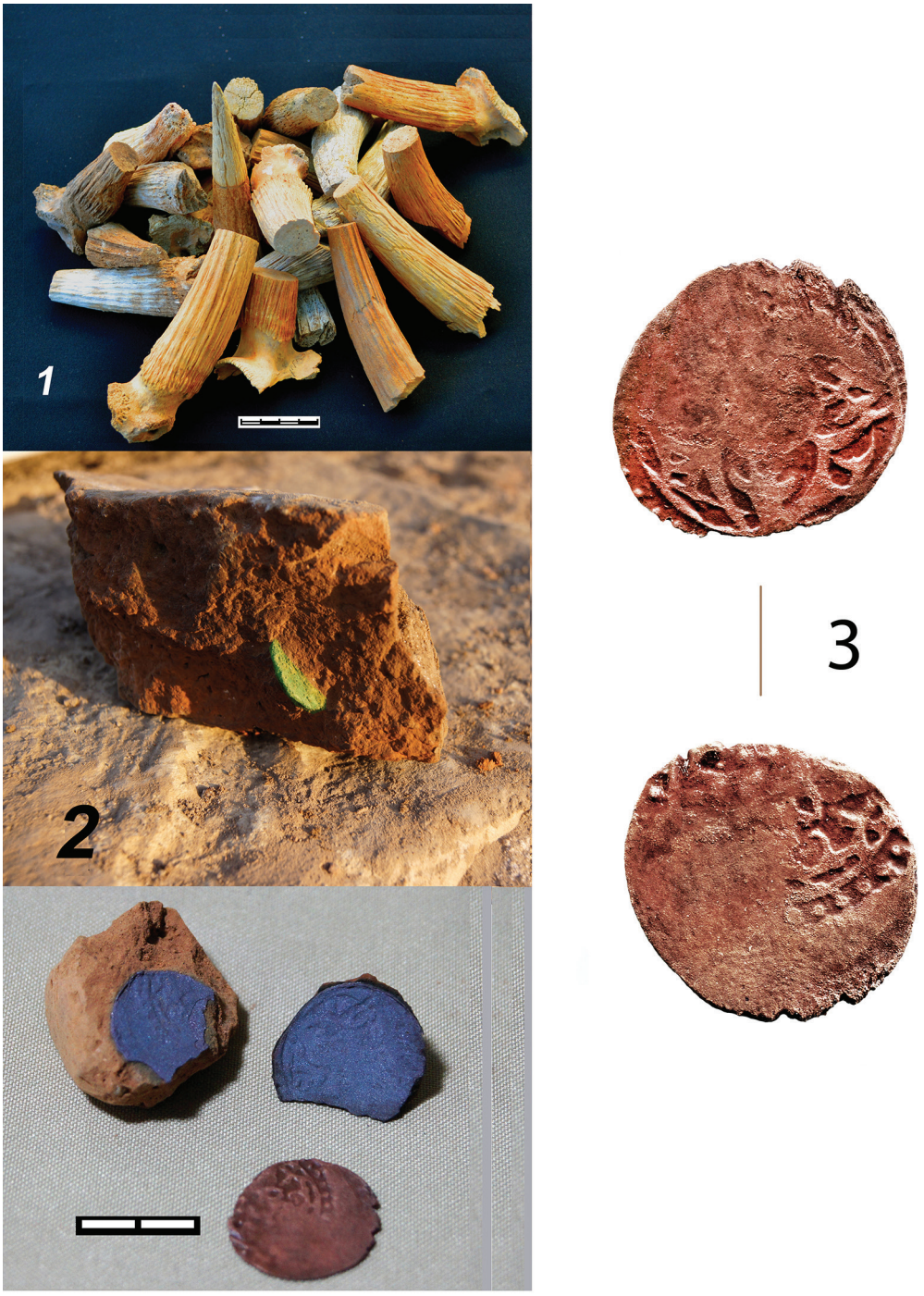


Рис. 18. 1. Отходы костерезного промысла; 2 и 3 Монета чекана г. Йасы в обожженном кирпиче

них хорошо различимо изображение «дерева» с более длинными в верхней части и опущенными вниз ветвями, что вообще-то не свойственно для изображений растительных элементов ни в древней, ни в средневековой графике. Как будто изображено «дерево вершиной вниз», перевернутое. Над «деревом» еще один неясный рисунок: казалось бы, хаотично отходящие от центральной горизонтальной вверх и вниз линии. Проявив определенную фантазию, здесь можно попытаться различить весьма примитивный, возможно, не законченный рисунок «всадника на лошади».

В отношении восьмистрочной надписи было высказано предположение, что надпись может являться эпитафией. Для проверки этого предположения в помещении № 29 в СВ углу была проведена дополнительная зачистка и действительно обнаружена могильная яма/циста размерами 90×33×50 см из обожженного кирпича. На полу цисты отсутствуют какие-либо находки, связанные с бывшим здесь погребением. В заполнении – грунт, три крупных обломка жженного кирпича... Ранее нами было обращено внимание, что по всему помещению не сохранилась кирпичная вымостка пола. Вполне возможно, что в этом помещении могут быть расчищены еще и другие погребения. Тогда окажется, что худжра № 29 какое-то время служила гурханой импровизированного мавзолея. В таком явлении нет ничего необычного, и в среднеазиатских реалиях таких примеров много. Достаточно сказать, что упоминавшийся Мир-и Араб, самый знаменитый сауранский житель, упокоился в угловой зале медресе его имени на Регистане богославенной Бухары.

Данная уникальная находка после полного прочтения надписи может пролить свет на интересный сюжет в истории этого здания и дать нам первую реальную абсолютную дату по этому сооружению, и вторую по всему комплексу застройки Сауранского Регистана, которую можно будет экстраполировать на историю всего Саурана.

Как выше было отмечено, однозначно определить функциональную принадлежность исследуемого обширного архитектурного комплекса вследствие смены характера деятельности, протекавшей в его стенах, весьма затруднительно. В 2010 г. мы предположили, что здесь раскапывается здание ханако, которое в композиции «кош» было противопоставлено зданию медресе, как это имело место в Самарканде (комплекс Мухаммад-Султана, первоначальная композиция тимуридского Регистана) (Смагулов Е.А., Лушпенко О.Н., Ержигитова А.А., 2011, с. 49). В издании итогов раскопок входной части данной постройки коллеги определили данное строение как «второе сауранское медресе» (Байпаков К.М., Акылбек, С.Ш., 2012, с. 84). Стратиграфия здания описана как трехслойная, и в каждом пе-

риоде это здание выполняло функции медресе. Никакой переориентации его назначения не было. Такая реконструкция и интерпретация исторических событий вызывают некоторые сомнения, тем более, что они противоречат всему комплексу артефактов и наблюдений, полученных нами при вскрытии его основной территории. Если это так, то оказывается, что в XVI в. на Регистане Саурана стояли друг против друга два действующих медресе? Впрочем, ранее этими же авторами высказывалось мнение, что вскрываемая портальная часть есть не что иное, как дворец Мир-и Араба, единственно известного и весьма влиятельного при Шейбанидах местного духовного деятеля (Байпаков К.М., Железняков Б.А., 2006, с. 56-64).

Как известно, примерно в 1515 г. в Сауране было открыто построенное по повелению бухарского Убайдуллы хана новое медресе, о чем есть письменное свидетельство в дневнике Васифи (Байпаков К.М., Смагулов Е.А., 2005, с. 90). В публикации «второе медресе» датируется также XVI в., т.е. надо полагать, что оно было построено после медресе Убайдуллы хана. Но реальна ли такая ситуация? Свидетельствует ли общеисторический контекст о превращении Саурана в XVI в. в некий «университетский» город?

Полученные нами массовые материалы проливают некоторый свет на историю здания и изменение его функционального назначения на последовательных этапах этой истории. Первоначально (субстратный горизонт, или «горизонт 3» по Байпакову К.М. (Байпаков К.М., Акылбек, С.Ш., 2012, с. 82) это здание было построено как ханака, или, что также вероятно, как медресе. Происходит это во второй половине XIV в. За многие десятилетия здание ветшает, и в конце XV в. напротив строится здание нового медресе («медресе Убайдуллахана»). А в старом обветшавшем здании в XVI в. осуществлялся ремонт и некоторые перепланировки, и его территорию занимают ремесленники разного профиля. С этого времени здесь располагается обширная **«кархана» по выплавке и обработке металлов – меди и железа, обработке кости, преимущественно рога парнокопытных.** Отметим попутно, что, скорее всего, в это же время забрасывается и рядом расположенное старое здание мечети. В ее обветшавшем здании размещается керамическая мастерская (Смагулов Е.А., 2013, с. 109 и сл.).

То есть здание, расчищенное раскопом 3 и частично описанное выше, можно считать Первым, т.е. более ранним, медресе, а исследованное ранее «медресе Убайдуллахана» в исторической последовательности и есть Второе медресе. К сожалению, исследование этого интересного архитектурного комплекса, как мы выше пытались показать, пока не завершено. Даже не выявлена полностью его первоначальная планировка.

Рис. 19. Камень-наковальня в южной части архитектурного комплекса

Как свидетельствуют многочисленные производственные следы, здесь использовали медный лом для выплавки тигельной меди. В юго-восточной части архитектурного комплекса при расчистке руин верхнего периода обнаружены два расколотых в прошлом массивных камня. На верхних плоскостях имеются явные следы использования их как «наковален», т.е. оснований, на которых могли осуществлять работы по чеканке (рис.19).

Нумизматические находки сезонов 2011 и 2012 гг. При расчистке сохранившихся конструкций данного архитектурного комплекса было обращено внимание на обилие встречающихся в слое мелких медных монет. Постоянное присутствие на раскопе оператора с простейшим металлодетектором, сканировавшим каждую снимаемую прослойку грунта, обеспечивало большой процент попадания монет в нашу коллекцию. Одна монета была обнаружена даже внутри обожженного квадратного кирпича. Нам удалось, не повредив, извлечь её из спекшегося кирпича (рис. 18-2). Как оказалось, монета может быть отнесена к чекану города Йассы, видимо, первой четверти XVI в. (вес: 1,58 г.; размеры: 21×22,5 мм.).

К сожалению, на фотографии монеты не видна очень мелкая надпись с названием *Йассы* в центре розетки картуша (рис. 18-3). Точная хронологическая атрибуция этой монеты пока невозможна не только потому, что на этих монетах очень редко проставлялся год выпуска, но и потому, что до сих пор не удается составить даже типологический каталог медных монет XVI в., который позволил бы ориентироваться в типологической очередности выпусков для каждого монетного двора Средней Азии. Предложенная П.Н. Петровым датировка основана на косвенных типологических признаках медных выпусков – расположении наименования монетного двора в центре круглого сложного картуша. Использование подобных картушей связано с длительным хождением тимуридских медных монет 832 г.х., оформленных с одной стороны именно с использованием сложного картуша, напоминающего подсолнух. Во второй половине XVI в. такое оформление монет уже не встречается.

Низкий, если не сказать, примитивный уровень технологического развития производства монет позволял в это время наладить их выпуск в любом достаточно обеспеченном медью месте. Н.П. Веселовский так дословно писал о состоянии «монетного дела» в золотоордынскую эпоху: «По поводу существования Гюлистанского монетного двора надо заметить, что это слишком громкое название тех приспособлений, какие были необходимы для чеканки ордынских монет. Наше воображение напрасно будет рисовать солидное сооружение и сложную процедуру монетного производства. Все совершалось примитивным ручным способом, какой еще недавно существовал в Западном Туркестане: небольшая жаровня для плавки металла, маленькая наковальня, чтобы отбить прут из слитка и разрубить его на равномерные части, затем расплющить в кружки для большого удобства при нанесении чекана двумя штемпелями – молотами, которые редко правильно попадали на диск монеты. Еще недавно у Текинских туркмен до подчинения их России местные мастера носили все эти приборы в мешке и пускали их в ход в любом месте, переделывая Бухарское серебро на легковесную монету, которою наводняли среднеазиатские рынки и которая у туземцев называлась *серахси* (по имени города Серахса) и сильно понижала курс правительственной среднеазиатской *теньги.* Не удивительно поэтому, что золотоордынские монеты чеканились даже во время похода» (Веселовский Н.И., 2010, с. 46).

На территории Саурана в ходе раскопок всего найдено и осмотрено более 600 экз. медных монет. На территории карханы обнаружена и изучена 161 монета за сезоны 2010 и 2011 гг. Состояние монет удручающее в большинстве случаев. Это связано с сильными повреждениями

поверхности монет и монетных кружков сильно засоленной почвой археологического памятника. Корродированность поверхности и крайняя фрагментарность надписей на монетах, невозможность отнесения их даже просто к какому-либо типологическому ряду, часто делали невозможными атрибуцию этих артефактов. В 2011 г. была предпринята попытка сбора и учета находок монет по слоям на памятнике кархана. Публикуемые находки характеризуют время существования конкретного памятника: медресе – карханы.

Медные монеты в таблицах не отмечены особо, поскольку нумизматические находки практически все медные. Редкие находки серебра отмечены в описании особо.

НАХОДКИ МОНЕТ В ХОДЕ РАСКОПОК СЕЗОНА 2010 ГОДА

Таблица 1

№	Вес, г	Диаметр, мм	Атрибуция	Примечание
1	**2**	**3**	**4**	**5**
1 строительный горизонт, раскоп 1				
1	0,64		**AR. Россия.** Серебряная копейка (всадник с копьем). Легенда нечитабельная. Видимо, копейка выпущена не ранее правления царя Михаила Федоровича, но до воцарения Петра I. Следы коррозии, возможно, монета побывала в пожаре. XVII в.	
2	2,04	6×13	Форма «часики» (расплющенная вдоль проволока). На одной стороне надписи фрагментарно.	
3	0,29	11,5×11	Маленькая монетка. Следов чеканки не видно. Равномерная коррозия поверхности с обеих сторон монеты.	
4		14	Тонкий монетовидный кружок с поврежденным краем и проеденными насквозь отверстиями.	
5	1,15	18-19	Тонкая монетовидная пластинка со следами чекана(?) с одной стороны. XVII в.	

1	2	3	4	5
6	4,09	22×23,5	**Шейбаниды**. Фалс. Абдаллах II. **995** г.х. (1587 г.), Самарканд.	
7	0,74	13,5×14	Монетка с сильно и равномерно коррозированной поверхностью. На одной стороне видны три кольца (один в другом).	
8	0,23	10×10	Сплющенная из полоски меди тонкая монетовидная пластина. Повреждена коррозией и немного обломана. XVII в.	
9	0,27	11,5	Обломанная пополам монетовидная пластинка.	
10	4,66	23×26	**Тимуриды**. Бухара 832 г.х. с надчеканом непонятной формы. Надписей в надчекане не сохранилось. Возможно, надчекан был не один и ставился один на другой.	
11	1,88	27	Ташкент. **Дервиш хан**? [**963-986** г.х.]. Монета из кладика (слипшиеся 4 монеты). Монетный кружок с истонченным и выкрошившимся одним краем. От легенды в поле лишь одной стороны сохранилось слово: L j y	
12	2,66	24×28	Ташкент. **Дервиш хан**? [**963-986** г.х.]. Монета из кладика (слипшиеся 4 монеты). Монетная пластинка с практически полностью утраченными следами чеканки.	
13	2,84	22,5×23	Ташкент. **Дервиш хан**. [**963-986** г.х.]. Монета из кладика (слипшиеся 4 монеты). Монета коррозирована равномерно. Легенды читаются. Медная монета Ташкента, выпущенная Дервиш-ханом (963-986/1555-1579 гг.).	Бурн., с. 167, рис. 36, №3.

1	2	3	4	5
14	1,73	24,2×22,2	Ташкент. **Дервиш хан**. [**963-986** г.х.]. Монета из кладика (слипшиеся 4 монеты). Монетная пластинка с практически полностью утраченными следами чеканки с одной стороны и фрагментом размашисто вырезанными несколькими буквами. Это тоже выпуск в Ташкенте Дервиш-хана. (963-986/1555-1579 гг.).	
15	3,81	20×19,5	Монетный кружок, полностью утративший следы чеканки из-за повреждения поверхности коррозией.	
16	0,95	15×15,8	Монетный кружок, полностью утративший следы чеканки из-за повреждения поверхности коррозией.	
1 строительный горизонт, раскоп 1				
17	0,28	9×9	Круглая монетка, коррозирована, следов чеканки не видно. XVI-XVII вв.	
1 строительный горизонт, раскоп 1, помещение 9				
18	1,55	9×11	Форма «часики». Следы чеканки с обеих сторон.	
19	3,20	11×18,5	Форма «часики». Следов чеканки не видно.	
20	4,16	17×18,5	**Шейбаниды**. Тип монеты **1000** г.х. Сильно коррозирована со стороны, где размещается год чеканки (1592-93 гг.).	Бурн., с. 64, рис. 11/2.
21	4,12	17×19	Сильно коррозированная поверхность Следы чеканки с обеих сторон. Тип опознать не удается.	
22	2,63	15×16,5	Сильно коррозированная поверхность Следы чеканки видны с одной сторон. Тип опознать не удается.	
23	0,33	10×11	Маленькая монетка с коррозированной поверхностью и без следов чеканки.	
24	0,24	7×7	Маленькая монетка с сильно коррозированной поверхностью и без следов чеканки.	

1	2	3	4	5
2 строительный горизонт, помещение 9				
25	2,62	25×23	**Тимуриды**. Фалс. Самарканд, [7]8х г.х., амир Тимур (с трехглазой тамгой), [7]8(5?). Поверхность изъедена.	
26	2,60	15×27	Форма «часики». На одной стороны видны следы чекана – ободок линейный, внешний – точечный. Остатки надписи, очень слабо отчеканившейся. На другой стороне – очень слабозаметные следы непонятного орнамента. Рубеж XVI-XVII вв.	
2 строительный горизонт, помещение 9, на полу				
27	3,35	22×21	Поверхность сильно изъедена. На одной стороне в 4 строки надпись, из которой читается только слово «дар»/«б». Над словом и под словом – еще по одной строке с остатками букв. На другой стороне, возможно, была надпись. Монета не относится к чекану Ташкенда или Яссы. Видимо, XVI в.	
Раскоп 1, 2 строительный горизонт, помещение 9, под верхним полом				
28	3,48	22,5×24,5	Монета погнута. Поверхность сильно и равномерно корродирована. Надписи с обеих сторон. На одной стороне видно слово «дарб» (чекан). Тип неузнаваем. XVI в.	
29	3,95	7,4×11	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	
30	3,13	7×11,8	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	
31	4,09	7,5×11	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	
32	3,94	7,4×11	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	
33	4,10	7,5×11	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	
34	4,07	7,5×11	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	
35	3,89	7,2×10,9	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	
36	3,93	7,3×11	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	

1	2	3	4	5
2 строительный горизонт, помещение 1				
37	0,30	12,5	Обломок мелкой тонкой продолговатой монетки XVI-XVII вв. (размер по длинной стороне) Изображений не видно – поверхность вся изъедена.	
2 строительный горизонт				
38	3,18	Д= 7,5; длина = 9 мм.	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	
39	4,21	Д= 7,9; длина = 12,8 мм.	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	
40	4,23	Д= 9; длина = 8,9 мм.	Обрезок круглого прутка. XVI - XVII в.	
41	2,19	21,3×20,3	**Йассы, XVI в.** Тип точно неопределим, но выпускная легенда в квадратном картуше, вписанном в круг, в секторах изображения повреждены окислами: j y / L /ÓnÍ. С обратной стороны от картуша видны три «лепестка» из нескольких. Сильно кородированная поверхность.	Аналогичные типы см. Бурн. С. 132, рис. 21
42	2,93	34	Обломок медного посеребренного дирхема с искусственным отверстием. Под калимой внизу в поле мелко – Самарканд(?). Возможно, монета хорезмшаха Мухаммад б. Текеша (нач. XIII в.), или караханидский выпуск конца XII в. Поверхность сильно повреждена, все края монеты обломаны.	

1	2	3	4	5
43	2,20	15×12,2	Форма «часики». XVI в. (согласно типологии). На л.с. в центре поля, организующего его, – четырехлепестковая розетка, вписанная в круг. В 2-х сегментах из 4-х видны надписи, в одном сегменте видно: Óní. О.с. – вся поверхность изъедена.	Тип у Бурнашевой отсутствует. Напоминает орнаментированную сторону мон. №1, Бурн. Рис.10, с. 63.
44	4,51	17,4×20	Форма как «часики». XVI в. (?). На одной стороне – орнамент с трудом просматривается. На о.с. – все стерто. Вписывается в типологический ряд монет Йассы.	У Бурнашевой нет. Аналог см. Бурн., с. 133, рис. 22, верхний ряд, второе изображение слева.
45	1,15	13×14,2	Монета с тремя концентрическими кругами. XVI в.	Бурн. С. 128, Рис. 19, №9.
46	2,80	17,5×18	Форма как «часики». XVI в. Следов изображений и надписей не видно. Поверхность повреждена с одной стороны.	
47	1,00	9×12	Форма как «часики». XVI в. Расплющенная проволока без следов чекана.	
48	0,31	8,5×9	Маленький надчеканенный медный кружок. XVII в.	
49	2,75	24,5×25	**Тимуриды**. Амир Тимур, Самарканд, **780**-е гг. х. Фалс. Сохранилась одна сторона, на которой тамга Тимура, первый слог названия монетного двора в одном из 3-х сегментов и двойной ободок (линейный, внешний – точечный).	
50	3,86	15×17,3	*Чекан Ташкенд*. Надпись в поле видна не полностью. Картуш однолинейный каплевидный. На др. стороне – орнамент.	Бурн. С. 168, Рис. 37, тип. IV.
51	3,48	21×26,3	Форма как «часики». XVI в. Нечеканенный(?) монетный «кружок».	

1	2	3	4	5
52	0,77	15×16,5	Маленькая монетка с полностью изъеденной поверхностью.	
53	0,88	13,6×15	Маленькая монетка с полностью изъеденной поверхностью.	
54	0,39	12,5	Маленькая монетка с изъеденной поверхностью и одним краем. На одной стороне виден квадратный картуш с надписью (?) в поле.	У Бурнашевой прототипа не встречено.
55	0,42	14	Маленькая монетка с изъеденной поверхностью и одним краем. На одной стороне видны в поле следы выпускной легенды.	
56	3,54	22,5×23,3	**Шейбаниды**. Фалс. Абдаллах II. **995** г.х. (1587 г.), Самарканд.	Бурн. С. 64, рис. 11, №1.
57	2,55	23×26	Монетный кружок равномерно коррозированный. На одной стороне видны следы легенды.	
58	3,71	22,5×26	Поверхность равномерно коррозирована. Сайрам(?). XVI в. На одной стороне в верхней части поля: .../... / (?) Âj j[m]. На обратной стороне круглый картуш с «зубцами», в поле либо остатки надписи, либо часть стилизованного изображения парнокопытного животного.	Напоминает монету: Бурн., с. 138, Рис. 27, Тип 1.
59	3,60	23×24	Монетный кружок равномерно и сильно коррозированный. На одной стороне видны следы легенды.	
60	4,12	19×21,5	**XVI в**. С одной стороны поверхность очень сильно коррозирована. С другой – сохранилась удовлетворительно, здесь читаются две верхних строки поля: .../ f § / ¾ ÆBa. По расположению букв легенды монета напоминает продукцию монетного двора Йассы.	
61	3,95	16,5×19,5	Сильно коррозированный изъеденный окислами монетный кружок.	

1	2	3	4	5
Раскоп 1, 2 строительный горизонт				
62	4,08	16,5×17,5	Поверхность сильно изъедена. Надписи или изображения были на обеих сторонах монеты, от них остались слабозаметные следы. Видимо, XVI в.	
63	2,12	11×20,5	Форма «часики». XVI в. Одна сторона не чеканена, на другой остатки изображения (возможно, стилизованное изображение головы парнокопытного животного).	
64	0,45	10	Сильно корродирована. На одной стороне видны следы чеканки. Видимо, XVII в.	
65	0,29	14×15	Истонченный, обломанный монетный кружок с орнаментом с одной стороны и фрагментами слов с другой. XVI-XVII вв.	
МЕЧЕТЬ, Восточный и южный участки раскопа 1				
66	0,90	6,5×12	Форма «часики». Следов чеканки не видно, есть следы расплющивания с одной стороны. Другая сторона овальная. Поверхность равномерно повреждена коррозией. XVI - XVII в.	
67	0,52	6,7×6,7	Кусочек расплющенной с торцов проволоки. Поверхность равномерно повреждена коррозией. Последняя четверть XVII в.	
68	0,45	8,2×8,7	С одной стороны рисунок решетки. Поверхность равномерно повреждена коррозией. Вторая половина XVII(?) в.	
Монета найдена в кирпиче				
69	1,58	21×22,5	**Шейбаниды**. Чекан Йассы. Первая половина XVI века. Монетный двор читается однозначно, но прочеканен слабо в центре процветшего картуша.	Тип в Бурнашевой не отмечен.

НАХОДКИ МОНЕТ СЕЗОНА 2011 ГОДА

Таблица 2

№	Вес, г	Диаметр, мм	Атрибуция	Примечание
1	**2**	**3**	**4**	**5**
Сауран 2011, р. III, участок над верхним полом				
70	0,61	9×9,2	Анэпиграфная монета, отчеканены две вертикальные линии.	
71	0,61	11,2×11,7	Никаких изображений не сохранилось. Поверхность практически не коррозированная.	
72	0,49	13×13,5	На одной из сторон – следы остатков картуша и, возможно, букв надписи. Сильно коррозированная поверхность с прослеживаемыми следами текстуры металла.	
73	0,83	14,1×16,8	Следов чеканки не видно. Коррозированная поверхность с прослеживаемыми следами текстуры металла.	
74	1,04	13,6×14	С одной стороны «наплыв» при чеканке; с другой – в центре круг, внешние ободки – видны три стороны пятиугольника двумя линиями. Напоминает тип – «три кольца». Корродирована.	
75	1,00	13×14,5	Монета типа «три кольца». На другой стороне – окисел плотный. Корродирована.	
Сауран 2011, Ю-В восьмигранное помещение, нижний пол				
76	4,00	17,6×20	Тип Самарканда, год виден слабо – **[99]8** г.х. *Л.с.* Картуш не виден. В поле – надпись снизу вверх: [ÆBa ¾] f§ fÄ[³jÀm p Ì¼¯] О.с. Надпись снизу вверх: [®Ae eB]...98 [ÉÄm] ÆBÀ¼¢ Å. Подпаралелограммная форма. Толщина 0,23 мм.	Шпен. и Хуж., рис.2.

1	2	3	4	5
77	2,01	15×17,4	Полностью утрачены следы чеканки. Поверхность с одной стороны сильно изъедена коррозией. Подквадратная форма монетного кружка. Толщина 0,13-0,16 мм.	
78	1,14	9,3×14	Видны следы чеканки, не позволяющие атрибутировать монету. Форма «часики». По типу, видимо, рубеж 16-17 вв.	
79	0,55	10,9×11,8	Круглой формы. Одна сторона сильно повреждена коррозией, на другой – видно 6 бугорков со следами соединения. Датировка затруднительна.	
80	0,28	10×10	Сильно изъеденная коррозией монетная пластинка. Следов чеканки не видно.	
81	0,31	13×13	Повреждена коррозией, следов чеканки не видно.	
Сауран 2011, Раскоп 3, вход и помещение 3, верхний пол				
82	4,43	20,5×25	Бухара. Предположения: 1. Возможно, с надписью *адил ширмард Бухара?* Поверхность монеты сильно повреждена коррозией, от чекана видно лишь [A]iBZl и справа сразу часть картушного круглого ободка. (Тип №6 датируется Шпеневой 1008 г.х.) 2. Возможно, монета конца XV в. с надписью в центре поля в 2 строки (снизу): [A]iBZl /[L j y] – за этот тип свидетельствует маленький характерный круглый картуш и значительное расстояние между ним и кр	Шпенева, № 6.

1	2	3	4	5
83	4,04	16×19	**Самарканд**? [**997-1000** г.х.?]. *Л.с.* Картуш не виден. В поле - надпись снизу вверх: ? [ÆBa ¾] f § fÄ[³jÀm p Ì¼¯] Подпрямоугольная форма. Тип 997-1000 г.х.? Сильно поврежденная коррозией поверхность. На О.с. следов чеканки не сохранилось.	
84	0,67	8,7×11,5	Сильно и равномерно коррозированная поверхность. Подпрямоугольная форма монетной основы. Следов чеканки не сохранилось.	
85	0,12	7×11,5	Не ясно, то ли это сильно источенная монета подпрямоугольной формы, то ли обломок мелкой круглой монеты. Следов чеканки не сохранилось.	
86	0,21	10,5×13,8	Сильно и равномерно коррозированная поверхность, истонченная монетная пластинка. Подпрямоугольная форма монетной основы. Следов чеканки не сохранилось.	
87	0,77	9,5×10	Круглая. Сильно коррозированная поверхность. Следов чеканки не сохранилось.	
88	0,36	9×11,6	Четырехугольная пластинка. Поверхность коррозирована. Следов чеканки не видно.	
89	0,53	10×11	Четырехугольная пластинка. Поверхность коррозирована. Следов чеканки не видно.	
Сауран 2011, Р. 3. Кархана, двор, ниже уровня нижнего пола				
90	0,67	15×15	Сайрам? Монетный двор не виден, тип не просматривается, но виден частично картуш одной из сторон. Он соответствует картушу типа 1 (рис. 27, с. 138) стороны с зооморфным изображением или тип. 2 стороны с названием МД в центре поля. XVI в.	Бурн., с.138, тип 1 и 2.
91	0,57	11×11,8	Медная пластина – параллелограмм. Поверхность повреждена коррозией.	

1	2	3	4	5
92	4,01	16×16	Йассы. Сильно равномерно коррозированная поверхность. Толщина – 2,5 мм. XVI в.	Бурн., с. 63, изобр. верхнее правое.
93	3,28	21×23	Крупный овальный монетный кружок, с равномерно коррозированной до полного исчезновения следов чеканки поверхностью.	
94	0,69	14×14,5	Круглая. Сильно коррозированная поверхность. Следы чеканки присутствуют на краю одной из сторон монеты.	
95	1,04	19×19	Сильно коррозированная монетная пластина с кавернами и сквозными отверстиями. Утрачено примерно до 50% веса. Следов чеканки не обнаружено.	
96	1,57	10,5×16	Прямоугольный кусочек медной полосы. Грязный, недочищенный. Следов чеканки не просматривается.	
97	0,18	7×11	Сильно коррозированный обломок маленькой круглой монеты. Следов чеканки не просматривается.	
Сауран 2011, Р. 3. участок между верхним и нижним полами				
98	0,34	11,5	Монетный кружок, следов чеканки не сохранилось, поверхность вся коррозирована, видна текстура металла.	
99	3,22	12,8×22,9	Форма «часики». Сильно повреждена коррозией.	
			Следов чеканки не сохранилось, поверхность с обеих сторон монеты в толстой окалине.	
100	1,26	11,5×14,8	Монетный кружок, следов чеканки не сохранилось, поверхность вся коррозирована. Поверхность с одной стороны монеты в окалине.	
101	0,97	14,7×16,2	Монетный кружок, следов чеканки не сохранилось, поверхность вся коррозирована. Поверхность с обеих сторон монеты в окалине.	

1	2	3	4	5
102	0,61	15,4×14,8	Монетный кружок, следов чеканки не сохранилось, поверхность вся корродирована. Поверхность с обеих сторон монеты в окалине. Монета сильно истончена.	
103	0,39	10,5×11,2	Пластина подквадратной формы. Похоже, вырезана из круглой (или округлой) монеты, следов чеканки не сохранилось, поверхность вся корродирована и с обеих сторон монеты в окалине.	
104	0,51	13× (13)	Обломана на 1/3. Монетный кружок, следов чеканки не сохранилось, поверхность вся коррозирована и с обеих сторон монеты в окалине. С одной стороны видна текстура металла.	
105	0,24	11,5× (11,5)	Обломана пополам. Монетный кружок, следов чеканки не сохранилось, поверхность вся коррозирована и с обеих сторон монеты в окалине.	
106	4,21	11,3×11,3	Кусочек круглого прутка (столбик), высота 4×6 мм. Есть следы окалины на торце столбика.	
107	3,59	25,1×25,8	Крупная круглая монета. Сохранились отдельные неясные буквы легенды и внешний ободок с обеих сторон (два линейных разделены точечным). Внешне напоминает монету хана Дервиша или тонкую монету Тимуридов 832-861 гг.х. Монета надчеканена. В надчекане непонятной формы нечетко в 3 строки: ? Æf§/?ÉÄm [L]jy / ¾f§ Возможно, год по системе абджад указан?	

1	2	3	4	5
108	3,92	19,7×20,2	**97x** г.х. Монета овальная с коррозированной поверхностью, но с читаемой частью легенд: ÆBa ¾f§… , а с другой стороны – ®[Ae eB¯]... ?97 . . .	
б/н	6,69	Дл. 35,8 толщ = 7	Хвост кованого прутка бронзы	
б/н			Два бесформенных слиточка серебра, с омеднённой поверхностью.	
Сауран 2011, Р. 3. участок над верхним полом				
109	4,32	7,9	Кусочек круглого прутка (столбик), высота 11,4 мм. Есть следы окалины на торце столбика.	
110	4,42	8,5	Кусочек круглого прутка (столбик), высота 10 мм. Есть следы окалины на торце столбика.	
111	3,42	7,2	Кусочек круглого прутка (столбик), высота 10,2 мм. Есть следы окалины на торце столбика.	
112	4,21	14,3×10,5	Форма «часики». На одной стороне видно: …[Т]алман…; на др.: дар/б/ Сайра/м(?)/.?.	
113	4,35	14,4×14,3	[**997-1001** гг.х.]. Подквадратная форма. На поверхности следы окалины. Сильно повреждена поверхность одной стороны. В поле с другой стороны: ...[f]Ä³ [jÀm] p Ì¼¯. Тип тоже с «ибн Талман», известен 997-1001 гг.х.	Шпен. и Хуж., №2.
114	4,35	21,2×1,6	Сильно повреждена коррозией. На одной стороне видно: … *фи(?) Таш[канд]*. На др. стороне – *…Талма[н]*.	
115	4,23	17,6×19,5	Монета сильно повреждена коррозией. Легенда сохранилась только на одной стороне. (снизу верх): (!)¾Ba/?f§/?fu/ Ljy	

1	2	3	4	5
116	0,57	6,5×7,3	Форма «часики». Поверхность почти не повреждена. С одной стороны след от кругового ободка; с другой стороны, видимо, окончание какого-то слова (нечетко).	
117	0,22	7,3×6,2	Без следов чеканки. Поверхность повреждена коррозией, на одной стороне – окалина.	
			Сауран 2011, Р. 3. нижний пол	
118	3,46	14×17,4	Фома «часики». Монетный кружок не сохранил следов чеканки, серьезно повреждена окислами поверхность монеты. Толщ. = 2 мм	
119	4,08	15,8×18×8	Форма подпрямоугольная. На обеих сторонах окалина, одна сторона полностью уничтожена слоем окалины. А на др. стороне видно: (снизу вверх) – . . . / B§ / [f]Ä[³] / L jÀm / j y	
120	3,74	7,2×7,2	Кусочек круглого прутка (столбик), высота 11,1 мм. Есть следы окалины. Сильно изъедена коррозией.	
121	1,07	17×17,1	Остатки монеты с очень тонким слоем металлического ядра в середине, все остальное окислы и окалина.	
122		14	Истонченный остаток медной монеты.	
123	4,37	16,8×18,8	Форма подпрямоугольная. На обеих сторонах коррозионные повреждения, одна сторона полностью уничтожена слоем окалины. Самарканд. Тип «Хан адил» (на О.с. – надписи!)	
124	4,26	17,6×18,4	Форма подпрямоугольная. На обеих сторонах окалина, одна сторона полностью уничтожена слоем окалины. На другой слабо просматривающиеся надписи типа монет «хан адил». Конец XVI в.	

1	2	3	4	5
125	4,06	19×20	Форма подпрямоугольная. На обеих сторонах окалина. На одной стороне виды неясные остатки надписи. На другой стороне – ® … ÆBÀ¼¢. Год не виден, двор не виден.	
126	4,12	18,1×19,3	Форма подпрямоугольная. На обеих сторонах окалина, обе стороны полностью уничтожены слоем окалины. Монета типа «хан адил». Конец XVI в.	
127	3,46	22×23	Форма подпрямоугольная. На обеих сторонах окалина, одна сторона полностью уничтожена слоем окалины. На другой слабо просматривающиеся отдельные буквы надписи.	
128	4,26	17×19,6	Форма подпрямоугольная. На обеих сторонах окалина, обе стороны полностью уничтожены слоем окалины. Монета типа «хан адил». Конец XVI в.	
129	3,75	15,5×17,2	Форма подпрямоугольная. На обеих сторонах окалина, обе стороны полностью уничтожены слоем окалины. Монета типа «хан адил». Конец XVI в.	
130	1,80	18-20	Форма круглая. Окалина с обеих сторон монеты. Л.с. снизу: ÓnYA Ó¯/ L jy. Картуш вокруг – сложный, фигурный («подсолнух»). О.с. полностью утрачена.	
131	2,06	19,7×20,4	Форма круглая. С одной стороны очень толстый слой окалины. Тип не ясен. Видно одно слово легенды (сверху) – *ас-Султан.*	
132	2,35	21,6×22,4	Форма круглая. Окалина с двух сторон. Все надписи утрачены.	
133	2,78	16×16	Форма круглая. Окалина с двух сторон. На обеих сторонах нечитаемые остатки легенд.	
134	4,04	13,5×24,9	**Тимуриды**. Шахрух, тип **832** г.х. МД стерт. Окалина с обеих сторон. Фактура металла видна с обеих сторон. Неясный надчекан.	

1	2	3	4	5
135	2,51	18,3×20,7	**Тимуриды**? Бухара. Окалина по всей поверхности. Неясный фигурный надчекан.	
136	–	–	4 обломка монетных кружков без следов чеканки. Окалина с обеих сторон этих образцов.	
Сауран 2011, Р. 3. участок под верхним полом				
137	2,07	19,8×21,5	Равномерно корродированная поверхность, истончённый монетный кружок. На Л.с. – fÄ³ / jÀm / L j y О.с. видна последняя строка – ÆBÀm ÒÄm	
138	0,75	14.5×16	Подпрямоугольная тонкая монетная пластина со следами сплошной окалины с одной стороны и коррозии – с другой (видна текстура металла). Следов чеканки не сохранилось.	
Сауран 2011, Р. 3. участок под верхним полом (над нижним)				
139	0,42	9×11	Четырехугольная пластинка. Поверхность коррозирована. Следов чеканки не видно.	
140	0,86	10,5×15,3	Четырехугольная пластинка. Поверхность коррозирована. Следов чеканки не видно.	
141	0,90	10×10,5	Четырехугольная пластинка. Поверхность коррозирована. Возможно, видны следы от чеканки концентрических окружностей. Окалина.	
142	2,38	15×16,7	Сложенная в несколько раз и сплющенная полоска медной ленты.	
143	0,82	11,2×12,3	Монета неясной формы, напоминающей лопатку. Есть следы окалины и следы чеканки. Подквадратная форма.	
144	1,47	10,2×11	Форма «часики». Поверхность коррозирована. Следов чеканки не сохранилось.	
145	1,65	8,5×10	Форма «часики». Поверхность коррозирована. Следов чеканки не сохранилось.	

1	2	3	4	5
146	2,29	10,5×14,6	Форма «часики». Поверхность корродирована. Следов чеканки не сохранилось.	
147	2,72	18×21,5	Форма подпрямоугольная. Поверхность окислена, незначительные следы окалины. Следов чеканки не видно. Вымыта не до конца.	
148	1,07	20,5	Обломок (половина) монеты. Практически полностью превратилась в окалину.	
149	2,50	20×20	Круглая форма. Поверхность равномерно коррозирована. На одной стороне – следы чекана (неясной надписи), на другой стороне – все утрачено.	
150	0,34	8×8	Круглая мелкая монета. Окисленная поверхность. Тип – «решетка».	
151	0,76	9×9	Круглая мелкая монета. Изображений не сохранилось. Поверхность коррозирована. На одной стороне видна фактура металла.	
152	0,44	9×10,5	Круглая мелкая монета. Изображений не сохранилось. Поверхность коррозирована. В объеме – хлориды меди.	
153	0,35	8.8×11	Форма напоминает «часики». Изображений не сохранилось. Поверхность коррозирована, окалина.	
154	0,36	8,5×11	Форма продолговатая (как русские копейки XVI в.). На одной стороне видна часть изображения – «плетенка». Окислена.	
155	0,41	11×13	На одной стороне видна надпись: [Йа]ссы.	
б/н	2,88	15,5	Хвост кованого прутка бронзы квадратного сечения. Длина 21,5 мм.	
Сауран 2011, Р. 3. слой над нижним полом				
156	3,38	21,8-24,6	Форма – овал. Поверхность покрыта окалиной. Следов чеканки не сохранилось.	

1	2	3	4	5
157	3,27	22×22,7	Форма – овал. Поверхность покрыта окалиной. Следов чеканки не сохранилось.	
158	0,73	13×13	Фома подпрямоугольная с острыми углами. Возможно, она вырезана из круглой монеты. На одной стороне видна часть фигурного ободка. Поверхность в плотной окалине.	
159	0,88	12,5	Форма – продолговатая округлая. Монета согнута с одного края. На одной стороне – решетка квадратная с точками в середине каждого квадрата. Следы окалины.	
Сауран 2011, Р. 3. Ю-В., 8-гранное помещение, уровень нижнего пола				
160	4,17	27,4	**AR. Шейбаниды. [1006-1007/1598 (?)** гг.]. Серебряная танга. Монета согнута под 90 градусов. Коррозия поверхности не позволяет однозначно прочесть имя эмитента. Возможно, Абд ал-Мумин(?).	
161	1,65	16,4×17,6	Монета с сильной коррозированной поверхностью (до сквозных отверстий), без следов чекана на поверхности, окалина.	

Литература к таблице:
Бурн. – (Бурнашева Р.З., 2006).
Б.-С. – (Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К., 2006).
Смир. – (Смирнова О.И., 1981).
Шпен. и Хуж. – (Шпенева Л.Ю., Хужаназаров М., 2008, с. 16-18).
Шпенева – (Шпенева Л.Ю., 2008, с. 20-23).

Большое количество монетных находок в помещениях здания и во дворе свидетельствуют о том, что здесь осуществлялись торговые операции. То есть, в период, когда в помещениях карханы размещались мастерские ремесленников, торговля их изделиями осуществлялась непосредственно на месте.

Общая характеристика монетной массы сводится к фиксации факта практически полного отсутствия находок серебряных монет (найдено лишь две монеты: одна русская копейка XVII века и танга Шейбанидов,

возможно, Абд ал-Мумина(?) [1006-1007/1598 гг.]), а также большого количества находок медной продукции монетных дворов.

Особо следует отметить в находках большое количество (~30%) монет конца XVI – начала XVII вв. (49 экз. из 161 экз.) И это не только результат учета типов монет, которые уверенно датируются, но и учет недатированных маленьких монет типа «часики», которые во множестве встречаются в находках и являлись фракциями крупных датированных монет типа «часики».

Самые ранние монеты: тимуридские фулусы – 5 экз.; самая поздняя: русская копейка XVII в. – 1 экз. Отмечается полное отсутствие в находках монет Чагатаидов и Джучидов XIV века. Отсутствие монет двух последних династий может свидетельствовать о том, что к моменту застройки исследуемой части территории Саурана они уже вышли из обращения. И действительно, изучение нумизматического материла с раскопов в Сауране позволило обнаружить лишь одну медную чагатаидскую монету первой половины XIV века и два изъеденных медных джучидских пула. По сути, системного обращения монет этих государств XIV в. на этом археологическом памятнике пока не фиксируется. Не исключено, что в будущем будут найдены доказательства денежного обращения в Сауране в XIV веке.

Тимуридские монеты в заметном количестве в кархане Саурана встречены не случайно. При раскопках Жума мечети Саурана в 2005 г. (клад и из слоя над полами мечети, всего 136 экз.), и находок 2006 г. (из слоя завалов над полами мечети, 15 экз.). Среди находок были зафиксированы: серебряная мири с именами султана Махмуда и амира Тимура, серебряная танка с именем Халил-Султана; фулусы – амира Тимура, [78х г.х.]; анонимные [Улугбека], Бухара, 832 г.х. и Шахрухийа, 832 г.х. (Р.З. Бурнашева ошибочно прочла двор как Дженд), и одна не тимуридская монета. Такая хронологическая компактность и количество тимуридских монет однозначно свидетельствуют, что их утраты в Жума мечети были сделаны не ранее конца XIV – в XV вв., когда эти деньги имели активное хождение на рынках.

Отсутствие четкой хронологической атрибуции большинства найденных монет из-за отсутствия указания на них имен эмитентов и годов выпуска, обращение всех типов монет, битых на протяжении как минимум 100-150 лет: с середины XVI по конец XVII вв., – не позволяют уверенно датировать 1-й и 2-й строительный горизонты памятника по нумизматическому материалу. Кроме того, оказывается невозможным даже оценить хронологический состав монетных находок. Единственная зацепка – хорошо сохранившаяся, не потертая в процессе обращения

монета монетного двора Йассы, обнаруженная в обожженном кирпиче. С большой долей вероятности можно утверждать, что эта монета попала в тело будущего кирпича в период, не далеко отстоящий от времени её изготовления. Подобные шейбанидские монеты в Йассы изготавливались, скорее всего, в первой четверти – первой половине XVI века. По крайней мере, её тип полностью соответствует медным датированным шейбанидским монетам, чеканившимся в это время на других монетных дворах.

Если попытаться различить состав монетной массы, найденный в разных помещениях карханы (на верхнем полу, между верхним и нижним полом и на нижнем полу), то становится очевидным, что различий нет.

Следует также отметить характерное для всего Туркестанского региона присутствие в монетном обращении Саурана фулусов Ташкента и Йассы. Постепенная деградация монетного дела, наблюдаемая по качеству монетной продукции на основании этого нумизматического материала, а также опубликованных Р.З. Бурнашевой находок прошлых лет с этого памятника, очевиднейшим образом указывает на то, что медная монета перестала в XVII в. обращаться по принудительному (указанному) курсу, а ходила на вес. Это привело к тому, что стоимость медной монеты определялась стоимостью меди в ней. В этих условиях стало невыгодным её чеканить, в результате начали обращаться медные деньги не только в виде монетных заготовок расплющенных, или в виде цилиндриков, отрезанных от круглого прутка по определенному весу, но и просто пластинок, вырезанных из медных полосок. Нередко встречаются согнутые в несколько раз (под определенный размер и форму) медные пластинки, дополнительно сплющенные. Встречаются они вместе с самыми разными монетами в комплексе. Подобные деньги могли изготавливать и сами жители, для этого не требовалось содержать монетный двор. То есть, следует констатировать, что какой-либо целенаправленной монетной политики в XVII веке (вероятнее всего, во второй половине XVII в.) центральные власти не проводили. Это свидетельствует о явном экономическом упадке в государстве, о слабо развитой межобластной торговле в XVII в. Многообразие «номиналов» медных монет, наблюдаемых на памятнике, не является критерием для оценки развитости монетного обращения, и не в последнюю очередь потому, что номиналов этих, изготовленных на монетных дворах государства, попросту нет. В обращении были любые медные монеты, всех времен, какие только были доступны жителям Саурана, в том числе и русские медные копейки царя Алексея Михайловича середины XVII века.

Тем не менее, в слое второго строительного горизонта все же существенно больше монет XVI века и порубежья XVI-XVII вв. В слое первого строительного горизонта присутствует однозначно датированная русская копейка XVII в. Представляется, что это важный репер для хронологической датировки первого и второго строительных горизонтов.

* * *

Итак, нами приведены неоспоримые свидетельства торгово-ремесленного характера здания, названного нами карханой. Но было ли здание раскопа 3 изначально карханой? Скорее всего, нет. Здание построено в ансамблевом единстве с медресе на центральной площади города. Разместить здесь многопрофильное ремесленное производство с неизбежным дымом и копотью, мусором и отходами, связанными с производством, вряд ли входило в планы устроителей, которые делали из Саурана региональную столицу – соперницу других подобных центров. На центральной городской площади уместны более репрезентативные архитектурные сооружения, такие как «мечети для обычного или пятничного богослужения; хонако – заведения для религиозных обрядов дервишей суфийских сект; медресе – средневековые высшие учебные заведения», украсившие города Средней Азии в тимуровскую эпоху (Гулямов Я.Г., 1998, с. 29-35).

На «Сауранском регистане» однозначно определено местоположение жума-мечети и медресе. Остается определиться с суфийской ханакой. Если признать, что она была построена в первой половине XVI в., но позднее медресе, то в какой-то момент того же века, вследствие не ясных пока событий, здание ханаки, аналогично зданию жума-мечети, было «перепрофилировано», и здесь разместились производственные торгово-ремесленные мастерские. Поскольку монетные комплексы из последовательных слоев раскопа 3 указывают на вероятность данного события в конце XVII в., то можно предположить, что произошло это после штурма и захвата Саурана войсками Абдуллахана II в 1698 г., когда город подвергся сильным разрушениям и, возможно, потерял свой прежний статус. Как известно, Абдуллахан из всех других городов Присырдарьинского региона отдавал предпочтение городу Туркестану, поскольку, вероятно, здесь, в среде городской элиты была сильна пробухарская партия. Он даже предпринял немалые строительные работы, направленные на завершение строительства мавзолея-ханаки Ходжи Ахмеда Ясави, которое со времен Тимура так и оставалось незавершенным.

Во всяком случае, мы имеем теперь все основания заключить, что в архитектурном комплексе, противостоящем медресе, на позднем этапе

его существования размещалась многопрофильная городская кархана – торгово-ремесленное предприятие промышленного масштаба.

Исследование данной проблемы было произведено при поддержке Комитета культуры Министерства культуры и информации Республики Казахстан по бюджетной программе 005 «Прикладные научные исследования» 100 «В области культуры» на 2015-2017 годы по теме: «Городище Сауран».

Литература

Акылбек С.Ш. Медресе Саурана // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летнему юбилею г. Астана. – Астана, 2008.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. – Алматы: «Baur», 2005.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Туякбаев М.К., Толеев Д., Бейсебаев А., Железняков Б. Исследования городища средневекового Саурана // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2005 жылғы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. -Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Акылбек С.Ш. Второе Сауранское медресе // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2012. №3.

Байпаков К.М., Железняков Б.А. Сауран – город правоверных // NOMAD Kazakhstan. – 2006, № 1(7). С. 56-64

Бурнашева Р.З. Денежное обращение в городах Южного Казахстана в XV-XVIII вв. Туркестан, 2006.

Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Клады и монеты Туркестана. Алматы, 2006.

Вактурская Н.Н. О серьгах со средневекового городища Шехрлик // История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968.

Веселовский Н.И. О местоположении Гюлистана при-Сарайском // Труды по истории Золотой Орды. – Казань, 2010.

Гулямов Я.Г. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в. // ИМКУ, вып. 29. – Самарканд, 1998.

Ержигитова А.А. Продолжение исследования архитектурного ансамбля Сауранского Регистана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. – Алматы, 2008.

Железняков Б., Шербаев Р. О раскопках и исследованиях Древнего Саурана // NOMAD Kazakhstan. – Алматы, 2008, № 3(21). С. 76-87.

Пугаченкова Г.А. Сауранские башни // Труды САГУ. Вып. LVII, – Ташкент, 1954.

Смагулов Е.А. Архитектурный комплекс центральной площади средневекового Саурана // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.III. – Казань: «Отечество», 2014.

Смагулов Е.А. Жума мечети Отрара и Саурана: общее и особенное // Известия НАН РК, 2013. №3.

Смирнова О.И. Сводный каталог Согдийских монет. Бронза. М., 1981.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Продолжение исследования объекта № 3 на центральной площади Саурана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2009 г. – Алматы, 2010.

Смагулов Е.А., Лушпенко О.Н., Ержигитова А.А. Отчет об исследованиях на центральной площади Саурана // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2010 г. – Алматы, 2011.

Шпенева Л.Ю., Хужаназаров М. (г. Самарканд). Клад монет из Рабат-и Малик // Нумизматика. Журнал. №17. Москва, март 2008. С. 16-18.

Шпенева Л.Ю. Клад медных монет первой половины XVII века // Нумизматика. Журнал. № 19. Москва, ноябрь 2008. С. 20-23.

К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, Г.А. Терновая

ТЕНГРИАНСТВО

Тенгрианство – это мировоззрение (вера) и форма жизненного существования тюрко-монгольских кочевников евразийских степей. В нем содержится древняя мудрость, накопленная в течение многих тысячелетий истории человечества. Мировосприятие, специфически выраженное через понятие тенгрианства, – «благодатная почва» для принятия и развития различных конфессий и культур. Возможно, терпимость приверженцев тенгрианства к другим религиям связана с тем, что общечеловеческие нормы в мировых религиях одинаковые. На материалах археологии показано взаимодействие тенгрианства с христианством, иудаизмом, буддизмом, манихейством, маздеистскими культами и исламом. История народа откладывается в его памяти, формирует традиционные установки культуры. Кочевничество (номадизм) и одна из первых мировоззренческих интенций человечества «Тенгрианство», или «Тенгризм», лежат в основании казахской культуры. Цивилизованность государства определяется бережным отношением к культурному наследию.

Ключевые слова: тенгрианство, мировоззрение, божества, атрибуты, археология, культурное наследие.

Тенгрианство – это мировоззрение (вера) и форма жизненного существования тюрко-монгольских кочевников евразийских степей. Кочевничество (номадизм) и одна из первых мировоззренческих интенций человечества «Тенгрианство», или «Тенгризм», лежат в основании казахской культуры. В 1893 году датский филолог В. Томсен нашел разгадку енисейско-орхонских письмен. Первым распознанным словом было «Тенгри». Тенгри представляется как неперсонифицированное божест-

венное начало, создатель космической структуры, Бог-Отец, распоряжающийся судьбами человека, народа и государства. Он представляет собой силу, формирующую порядок, гармонию, призван охранять принципы справедливости. Выдвижение Тенгри на первый план и разносторонность его функций склоняют некоторых исследователей к оценке древнетюркской системы мировоззрения как особой, близкой к монотеизму веры, которую можно обозначить термином «тенгриизм», оговаривая наличие в ней более древних напластований. По мнению немецкого ученого Г. Дерфера, древнетюркская религия может быть разделена на три слоя: тотемистический, шаманистический и тенгриистический (Doerfer G., 1965, с. 580; Кляшторный С.Г., 2003, с. 17, 20, 325).

Термин «Тангризм» (якут.) был использован французским исследователем Жаном Полем Ру (Roux Jean-Paul., 1984; Roux, Jean-Paul., 1993). Тенгрианство служило делу сплочения народов Великой степи. «Это была сильная идея тюрков и монгол, повторяемая в течение двух тысяч лет от древних гуннов (хуннов) до оттоманских турок: “Как на небе есть только один Бог, то и на земле быть только один правитель”» (Roux, Jean-Paul., 1993, с. 242). Некоторые исследователи пришли к выводу, что тенгрианство – вероучение, принявшее форму законченной концепции с онтологией (учение о едином божестве), космологией (концепция трех миров с возможностями взаимного общения), мифологией и демонологией (различение духов-предков от духов природы) к XII–XIII вв. (Безертинов Р.Н., 2004, с. 8-9). Первоначально тенгрианство (или тенгризм) было совокупностью древнейших космологических идей и мифологических представлений.

Культовая практика тенгрианства сближалась с традиционным шаманизмом, хотя и не сливалась с ним. Некоторые исследователи выделяют в тенгрианстве два проявления: народное и имперское. Если народные верования уходят вглубь веков, то имперская стадия сформировалась в эпоху тюркского каганата (Кодар А., 2008). Принцип дуального восприятия, согласно которому все имеет свою пару, имел отражение в единстве каганского (мужского) и катунского (женского) начал, возглавляющих тюркское государство. Для древнейших тюрков обладание верховной властью определялось наличием у кагана дара Тенгри – кут: «По милости Неба и потому, что у меня самого был кут, я сел (на царство) каганом». Кут сближается с понятием счастья, избранничества, благодати (Малов С.Е., 1959, с. 35; Фукалов. И., 2013). Каган, поставленный Тенгри, должен был построить порядок в мире людей, аналогичный космическому. Культ предков кагана выступал в качестве государственного культа.

Тенгрианство относится к памятникам духовного наследия, в нем сокрыта древняя мудрость, накопленная в течение многих тысячелетий истории человечества. Стремление привести свою жизнь в гармоничное состояние путем единения с природой и приобщения к культурному наследию привело к появлению одного из современных направлений в неоязычестве.

Основные принципы тенгрианства (мировоззрение, экология, гармония с природой). В древности мировоззрение человека формировалось под воздействием окружающей среды и понимания, что его жизнь целиком зависит от Природы. Несмотря на воздействие различных религиозных и идеологических систем, это мировоззрение в том или ином виде сохранилось у многих народов, в числе которых тюркоязычное население Евразии, представители тенгрианства.

В традиционном мировоззрении поклонников божества Тенгри священная земля представлялась как центр родовой территории, служила воплощением структуры мира. Она маркировалась каменными изваяниями, тамгами, алтарями, особыми жертвенными местами, могилами предков. Правильно организованное пространство придавало местам обитания сакральность, а потому и обеспеченность защитой, изобилием и благополучием.

Согласно М. Элиаде, человеку архаической культуры и мифологического мышления, чтобы не испытывать страха, обосновываясь на новой неосвоенной территории, достаточно было повторить космогонический ритуал, и «Хаос» превращался в «Космос», территория становилась местом обитания, узаконенным ритуалом. Мир уже не был сочетанием объектов, а представлял собой упорядоченный, наполненный смыслом Космос. Ритуальная ориентация и создание сакрального пространства имеет космогонический смысл; ибо ритуал, посредством которого человек создает сакральное пространство, будет иметь силу в той мере, в какой он воспроизводит действия богов, то есть космогонию» (Элиаде М., 2002, с. 42-43). Существование мира представлялось как результат божественного творческого акта, а его структуры и ритмы – производная событий, произошедших в начале времен. Для святилищ выбирались наиболее чистые места, не доступные для издержек цивилизации, – высокогорье, свободное пространство степи, что способствовало усилению духовности путем гармонизации с природой.

Важнейшей характеристикой и функцией традиционного искусства являлась имитация операционно-логического аспекта божественного искусства, а созидательная деятельность традиционного ремесленни-

Рис. 1. Бронзовые изделия, изображающие духов-хранителей. Городище Красная Речка (Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д., 2007)

ка, художника, поэта и музыканта превращалась в таинство, через которое они приобщались к изначальному творческому акту (Шукуров Ш.М., 1983, с. 90).

Погребально-поминальная традиция связана с поклонением духам предков. Почтительное отношение к умершим поддерживает связь времен, объединяя в единое целое прошлое – настоящее – будущее, предков – ныне живущих – потомков. Базируясь на обычаях и традициях народа, тенгрианство выполняло роль гармоничного существования с Природой, руководствовалось законами Космоса. Отсюда культ гор, признание совершенства природы, уважение к предкам. В тенгрианстве существу-

ют представления, что горы, реки, деревья, земля, так же, как человек, имеют духов-покровителей – аруахов (рис. 1). Традиция почитания духов предков обязывает знать свою родословную.

Присутствие элементов язычества, сохраненных вопреки строгим церковным канонам, характерно для многих религиозных течений. Философия или вера, определяемая как тенгрианство, четко проявляется в архаичных (языческих) культах и обрядах. Долгое время люди были убеждены, что своими магическими действиями оказывают влияние на природу. Удачно выполненный обряд содействовал успеху в реальной жизни.

Жизнь в гармонии с природой, взаимопроникновение и бережное отношение к природе ведут к отходу от концепции «ресурсного потребительства».

Тенгрианство – это вера в Создателя, связанная с представлениями, что, кроме физического питания, необходимо питать душу. Источниками энергии души в понимании тюркских племен является единение с природой, почитание духов предков. Поклонение Тенгри требует выполнения системы ритуалов (Кляшторный С.Г., 1981, с. 123). В тенгрианстве Вселенная состоит из трех основных зон: небесной, земной и подземной, каждая из них воспринималась как видимая и невидимая. Вершина верхнего слоя – местопребывание бога Тенгри. Трехчастное деление связано с представлениями о Мировом древе, мировой оси, канала, по которому осуществляется контакт земного уровня с божественными сферами и миром предков. Средством достижения подобного контакта являлись молитва, жертвоприношения и т.д.

Во фрагменте из Большой надписи в честь Куль-тегина приводится схема, характеризующая представления тюрков (Стеблева И.В., 1976, с. 54, 178):

1. Когда вверху голубое небо,
2. [а] внизу бурая земля возникли (или: были сотворены),
3. между ними возникли (или: были сотворены) человеческие сыны.
4. Над человеческими сынами мои предки
5. Бумын-каган [и] Истеми-каган сели [на царство].

И.Б. Стеблева отметила, что автор Большой надписи в честь Кюльтегина начинает повествование с изображения времени мифологического прошлого и указывает на наличие в мировоззрении древних тюрков идеи о сотворении Вселенной.

А. Кодар предположил, что тенгрианство как племенной культ, возможно, существовало тысячелетия, но как монотеистическая религия

сложилось в эпоху Древнетюркского каганата (Кодар А., 2008). Культовая практика тенгрианства сближалась с традиционным шаманизмом, хотя и не сливалась с ним. С точки зрения Л.П. Потапова, несмотря на ограниченность сведений о культовой стороне почитания Тенгри у древних тюрок, имеется основа для сравнения их с этнографическими материалами саяно-алтайских народов. Обряды почитания Тенгри-хана проводились в чистых местах. На горе, где росли священные деревья, зажигали костры и приносили в жертву животных. Устраивали общественные моления, жертвоприношения и совместные трапезы. Во время молений все одновременно воздевали руки к небу, кланялись, восклицая: «Небо, Небо!». Обращение к другим божествам или духам совершалось после обязательного возвеличивания Тенгри. Просили дать хороший ум и здоровье, оказать помощь в справедливом деле, в бою, в хозяйственных делах (Потапов Л.П.,1991, с. 264-265). Обряды совершались ежегодно в определенное время и наиболее масштабные имели государственный характер и были направлены для единения общества и приобщения к космическому порядку.

Божества тенгрианства. В представлениях верующих управление Вселенной происходит по многоступенчатой иерархии. Высшая ступень – это божества. Тюрки-тенгрианцы считали, что Вселенной правят Тенгри, Йер-су, Умай, Эрлик и природные стихии. Р.Н. Безертинов называет 17 божеств, где стихии определены как божественные субстанции (Безертинов Р.Н., 2004, с. 76). В шаманизме алтайцев, хакасов и шорцев к главным фигурам пантеона относятся Ульгень и Эрлик (Потапов Л.П.,1991, с. 245-259). В текстах орхонских стел названы лишь три божества: Тенгри, Умай, Ыдук Йер-Суб (Кляшторный С.Г., 2003, с. 325).

Тенгри. Из письменных источников известно, что среди тюркских и монгольских божеств первенство принадлежало Тенгри (рис. 2; 3). Именем Хан-Тенгри назван пирамидальный пик на Тянь-Шане (хребет Тенгри-Таг), расположенный на границе Казахстана (в высшей его точке), Кыргызстана и Китая (рис. 4; 5). По представлениям тюрков и монголов, все сущее на Земле было подвластно Тенгри – воплощению небесного начала, создателю Вселенной. В надписи в честь Кюль-Тегина (рис. 6) сообщается: Вверху Небо и Йер-суб «так сказали: “Да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет”». И еще: «Так как Небо даровало (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам». В тенгрианстве прослеживаются пережитки тотемного культа волка. Небо представлялось также как сфера обитания умерших людей, например, каганов. На том же памятнике можно прочитать: «На небе вы будете как среди живых» (Потапов Л.П.,1991, с. 262, 274).

Рис. 2. Сульде-тенгри. Лейден. Музей этнографии (Мифы народов мира, 1992)

Рис. 3. Дайчин-тенгри (тибет. Далха).
Гейдельберг. Картинная галерея (Мифы народов мира, 1992)

Рис. 4. Гора Хан-Тенгри. Восход. (Фото Белялова О.В.)

Тенгри сближают с хуннуским Ченли, существуют и более широкие параллели с китайским Тянь, шумерским Дингир. Все слова связаны с понятием «небо» (Неклюдов С.Ю., 1992, с. 500). Именно это значение у слова «Täŋri» в «Древнетюркском словаре» (Древнетюркский словарь, 1969, с. 544). То, что «Тенгри» в транскрибированной форме как «Дингир» встречается и в шумерском названии неба и верховного божества, свидетельствует о древности термина «Тенгри» (Сулейменов О., 1975). Г. Дерфер отметил, что почитание Неба как верховного божества было свойственно едва ли не всем древним кочевникам Центральной Азии, независимо от этнической принадлежности, но этот факт еще не предопределял единства их мифологии и верований (Кляшторный С.Г., 1994, с. 82). Тенгри у тюркоязычных народов может означать и небо, видимую часть мироздания, и бога, божество, и повелителя, господина, хозяина. Но действительная этимология слова еще во многом остается неразгаданной (Кулсариева А.). По мнению А. Кодара, Тенгри «не просто бог неба, он бог величиной с небо, то есть абстрактный принцип, стоящий как бы вне мироздания» (Кодар А., 2008).

О поклонении Тенгри (Небу) у древнетюркских племен Центральной Азии и Сибири VI–VIII вв. известно, что они, так же, как кавказские гунны,

Рис. 5. Гора Хан-Тенгри. Отражение в озере Тузколь. (Фото Белялова О.В.)

совершали регулярные жертвоприношения Небу в священных горных лесах и в «пещере предков». Вместе с Небом почитались небесные светила – солнце и луна. Махмуд Кашгарский (XI в.) сообщил о тюрках – «неверных», которые именем Тенгри называют «большие деревья». Этнографические данные подтверждают обряд сожжения туш жертвенных животных (Кляшторный С.Г., 2003, с. 316). Письменные источники по истории Хазарского каганата сообщают о традициях сабиров, которые «приносили жертву огню и воде, поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах их казались удивительными», устраивали коллективные камлания – «дикие пляски и битвы на мечах в нагом состоянии». Среди множества божеств (тенгри) наиболее почитаем был Тенгри-хан – «чудовищный громадный герой», бог неба и света. Ему посвящали деревья (дубы), строили капища, приносили в жертву коней, кровь которых «поливали вокруг священных дерев, а голову и кожу вешали на сучья». Предположительно савиры носили его символические изображения – «золотые языческие амулеты» (Плетнева С.А., 1986, с. 32-33).

Йер-су (Земля-Вода). Это божество упоминается вместе с божеством Тенгри в орхонских надписях под названием «ыдык Йер-суб». С.А. Токарев

Рис. 6. Каменная стела с надписями и портрет Куль-тегина. VIII в.

писал об Йер-су как об одном «жестоком» духе, его надо умилостивлять жертвоприношением коня (Токарев С.А., 1947, с. 148, 151). Л.П. Потапов слышал об Йер-су как о земном божестве, живущем на высоких снежных хребтах Алтая, ему раньше приносили в жертву или посвящали коней рыжей масти (Потапов Л.П., 1991, с. 279). У хакасов сохранилась память об особом молении – Шер-суг тайыг («Моление Йер-суг»), совершаемом шаманами, как правило, один раз в три года. В жертву приносили белого

барана, чью шкуру вывешивали на дерево, под ним совершалось моление (Усманова М.С., 1976). Т.Д. Баялиева отметила, что божеству Йер-суу молились два раза в год: весной, с появлением зелени и с началом окота овец и осенью, при перекочевке на зимние пастбища. Моление устраивали на берегу реки или на холме, где собирались все члены родовой группы. Йер-суу (Жер-суу) приносили жертвы с просьбой оградить людей и скот от болезней и несчастий (Баялиева Т.Д., 1972, с. 38, 39). Н.А. Аристов, описывая быт древних кыргызов и кагасов, привел сведения из китайских источников, составленных в IX веке: «Из музыкальных орудий имеют флейту, бубен и два неизвестных». «Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени. Шаманов называют гань». «По Шотту: предметами обоготворения были только духи вод и растений, для жертвоприношений не было определенного времени. Волхвов называли kan» (Аристов Н.А., 1896, с. 146). Почитание земли связано с женской катунской фратрией тюрков-ширинов. Божество водной стихии и плодородия ыдык Йер-Суб являлось воплощением земли тюрков-ширинов и всего тюркского государства (Зуев Ю.А., Агелеуов Г., 1998, с. 55).

Умай – это богиня, олицетворяющая женское, земное начало и плодородие. Она упоминается в рунических текстах VII–VIII вв. В надписи памятника в честь Тоньюкука говорится: «Небо, (богиня) Умай, священная Родина (земля-вода) – вот они, надо думать, даровали (нам) победу» (Малов С.Е., 1951, с. 68). В памятнике в честь Кюль-Тегина соответствующая строка гласит: «Для (т.е. на радость) ее Величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат, Кюль-Тегин, стал зваться мужем». Л.П. Потапов привел сопоставления Умай древнетюркских надписей с одноименным божеством в шаманизме (Потапов Л.П., 1973).

У кумандинцев есть представление о том, что Умай появляется вместе с зарождением ребенка, охраняет младенца после рождения в детском возрасте и далее в течение всей его жизни. Наряду с этим существует вера в Умай-эне (мать Умай) как в божество, обитающее на небесах. При трудных родах шаман призывал Умай:

Ак ајастан, кайн, тӱш	С ясного неба, паря (как птица), спустись,
Умай-эне, куш-эне!	Мать Умай (словно) птица-мать!
Тӱп эдекти ачык сал!	Подол (роженице) оставь открытым!
Чолы была чолонзын.	Пусть он (ребенок) своей дорогой выйдет.

Представление об Умай близко к телеутскому, с которыми кумандинцы были смешаны, в том числе и через брачные связи (Потапов Л.П., 1973).

Богиня Умай сопоставляется с птицей (рис. 7). Стилизованное изображение птицы с личиной встречается среди шаманских рисунков. Ф.Х. Арсланова увидела в этом образе воплощение богини Умай (Арсланова Ф.Х., 2013, с. 129-131). По мнению С.Г. Скобелева, Умай представлена в образе крылатой женщины на древнетюркских памятниках Саяно-Алтая. В кургане №7 могильника Койбалы обнаружены две серьги (золотые с деталями из серебра) в виде крылатых женщин. Автор упомянул также игольник (по другой версии – зажим для кистей), на обеих сторонах которого даны поясные изображения женщины в трехрогой тиаре. Богиня показана в пышной распашной одежде типа халата и с крыльями за спиной. В руках, сложенных на груди, изображен какой-то предмет (Скобелев С.Г., 1999).

Рис. 7. Крылатая богиня (Умай ?). Серебро. Городище Красная Речка. (Байпаков К.М., Терновая Г.А., Горячева В.Д., 2007)

В представлениях кумандинцев Умай-эне выступает как божество, помогающее родам, поэтому ее называют «Перерезающая пуповину». Телеуты представляли Май-эне (т.е. мать Умай) в виде молодой красивой женщины (иногда девицы) с волнистыми серебряными волосами, которая спускается с небес по радуге и охраняет детей с помощью золотого лука. К ней обращались не только шаманы, но и женщины, особенно перед тем, как впервые положить новорожденного в колыбель, подвесив к ней лучок со стрелкой, и всегда называли ее имя вслед за От-эне (Мать-огонь) покровительницей домашнего очага (Потапов Л.П., 1973).

Ритуальные атрибуты. Атрибуты тенгрианства использовались при проведении обрядовых действий – молений, трапез, тризн, кровных и бескровных жертвоприношений и т.д. Традиционной пищей тюрков являются

мясомолочные продукты. Поэтому тюрки в жертву божествам и духам приносили домашних животных, соблюдая особые предписания. Правила соблюдались и во время раздачи и употребления пищи при проведении общественных трапез. Ритуальное кропление чаще всего совершалось при различных камланиях с жертвоприношениями, в том числе со специально приготовленными напитками. К ним относятся свежее молоко утреннего удоя – в чистом или разбавленном чаем виде. Кожаный или деревянный сосуд для приготовления кумыса, айрана служил символом изобилия и достатка семьи.

С древних времен сохранился ритуал окуривания ветками можжевельника или богородской травой. Обрядовые действия совершались в основном для очищения больного или жилища, окуривали жертвенных животных, жертвенный напиток и т.д. К атрибутам жертвоприношения относится опахало, вызывающее легкий ветерок, который символизировал появление духов. Для проведения жертвоприношения или какого-либо религиозного обряда не держали специальной ритуальной утвари. Все, что требовалось, изготавливали на месте. Для кропления из бересты делали палочки и маленький черпачок, которые после использования либо сжигали, либо оставляли на месте жертвоприношения. Не было стационарных жертвенников. При принесении в жертву домашних животных устраивали одноразовое жертвенное сооружение. Деревянную жердь, на которую вывешивали шкуру животного, принесенного в жертву, выставляли у березы, где совершали обряд. Здесь же сооружали лабаз на четырех кольях, куда складывали кости жертвенного животного, съеденного во время ритуальной трапезы. Для камлания устраивали односкатный балаган из березок, под который помещали жертвенную брагу в привезенной сюда посуде. Вареное мясо жертвенного животного ели обычно из деревянных блюд, бульон пили из деревянных чаш. После камлания их убирали и снова пускали в обиход. Вслед за жертвоприношением устраивались пиршества. Перед их окончанием пиалу от жертвенной араки или кумыса бросали в сторону священного огня. Если пиала вставала на донышко, значит, жертва принята божествами и духами, если опрокинулась – значит, жертва не принята (Безертинов Р.Н., 2004, с. 192-195).

Тенгрианство в памятниках археологии. Жречество и шаманизм в степях Евразии возникли не позднее эпохи бронзы, возможно, еще раньше. В средние века (в эпоху тюрков) тенгристско-шаманский культ имел отражение в наскальных рисунках, каменных изваяниях, погребальной обрядности. С представлениями тенгрианства соотносятся культы гор, неба, небесных светил, природных явлений, правителя-вождя, предков,

анимизм, сакрализация пространства, особые жертвенные места, однако эти представления принято определять обобщенно как традиционные верования.

Результаты археологических исследований на территории Казахстана помогают воссоздать среду обитания населения в древности и средневековье – культурное пространство, природные условия, уровень развития быта. Для реконструкции духовной сферы нужно понять, как вел себя человек в этом пространстве, что думал и чувствовал.

Для раннего периода «мифологической» эпохи или эпохи «мирового древа» характерно единение человека с природой, тождество микро- и макрокосмоса. Святилища бронзового века находились преимущественно в ущельях, в больших скалах. Каменные поверхности покрывались символическими изображениями и знаками, воспроизведениями божеств, людей и животных. В сценах, передающих представления родоплеменных культов, воплощалась циклическая последовательность существования человека и природы (рождение – жизнь – смерть). Храмы под открытым небом создавались в наиболее удобных и пригодных для их функционирования местах, в них учитывались космические и сезонные циклы. С почитанием солнца связано особое отношение к огню. В эпоху бронзы и раннего железного века зафиксировано сооружение огромных по размерам жертвенных курганов. Эти курганы входили в состав некрополей, но под ними не было обнаружено захоронений. По мнению исследователей, эти грандиозные сооружения выполняли функцию Мировой горы.

В эпоху становления кочевого хозяйства для святилищ чаще использовались вершины и склоны сопок. Исследователи предполагают, что это соотносится с культом неба и культом гор. Почитание вершин отмечено у хуннов, тюрков и тюркоязычных народов Алтая до недавнего времени.

Очередное изменение исторической ситуации в конце VI – начале VIII вв. было связано с приходом тюркских племен из районов Центральной Азии. Культовые объекты тюрков часто встречаются в местах расположения памятников предшествующего времени, объединяясь с ними в единый комплекс. По материалам археологии прослеживаются как инновации, связанные со сменой культур, изменением хозяйственной деятельности, передвижениями и объединениями племен, так и преемственность, и сохранение традиций, идущих из глубины веков.

Шаманско-тенгрианский комплекс или совокупность признаков, характеризующих духовную жизнь тюркских племен, прослеживается в погребально-поминальной обрядности, наскальных изображениях, ка-

менных изваяниях, предметах ювелирного искусства, оформлении наборных поясов, конского снаряжения, в рунических надписях.

В 2007 г. в центральном районе Шу-Илийских гор, в урочище Когалы, в верховье р. Сарыбулак А.Е. Рогожинским был обнаружен и осмотрен комплекс средневековых памятников. Здесь, в пределах небольшой окруженной мелкосопочником возвышенной долины, сосредоточено несколько групп памятников, образующих единый комплекс: курганные могильники, ритуальные ограды с антропоморфными стелами и балбалами, курган с каменными грядами-«усами», стоянки и наскальные изображения. На одной из стел вверху воспроизведено мужское лицо (рис. 8). Среднюю часть занимает жилище типа юрты с выступающим верхом, внутри него – седалище и сидящие на нем мужчина и женщина. Мужчина восседает в царственной позе со скрещенными ногами, у него заплетена коса, на поясе – меч. Женщина представлена в широком одеянии и в трехрогом головном уборе. Край одеяния женской фигуры закрывает линию сиденья, а ступни ее ног выступают из-под одежды. В правой руке женщины и левой руке мужчины – чаши. Справа от женской фигуры, рядом со спинкой сиденья находятся лук в налучье и колчан с расширенным основанием и верхом. Между изображением лица и «юртой» выбиты четыре тамгообразных знака (Рогожинский А.Е., 2010, с. 338-339, рис. 8).

Аналогичное воспроизведение пары персонажей на седалище в жилище, напоминающем очертанием юрту, представлено в ранней композиции Сулекской писаницы в Хакасии (VIII в.). Здесь трехрогие короны изображены у мужчины и женщины. И.Л. Кызласов предположил, что некоторые средневековые наскальные рисунки Хакасии, наиболее вероятно, передают канонические образы бога Тенгри и богини Умай (Кызласов И.Л., 1998).

Наследие тюрков зафиксировано на всей территории Республики Казахстан. Памятники с каменными изваяниями расположены на просторах Сарыарки – с верховьев р. Тургай и гор Улытау до Алтая и Тарбагатая. В Жетысу (Семиречье) исследованы тюркские святилища Мерке и Жайсан, в Северном Казахстане – святилище в долине реки Кумай. Уникальные материалы получены в результате исследований тюркских памятников в районе оз. Сарыколь в Восточном Казахстане. Тенгристско-шаманские элементы прослеживаются при исследовании памятников средневековой городской культуры.

В начале 2001 г. в степной части Жетысу было открыто святилище тюрков Жайсан (VI–X вв.), исследованием которого занималась А.М. Досымбаева. В составе святилища было открыто 27 культово-мемориальных комплексов, каждый из которых состоит из десятков погребальных

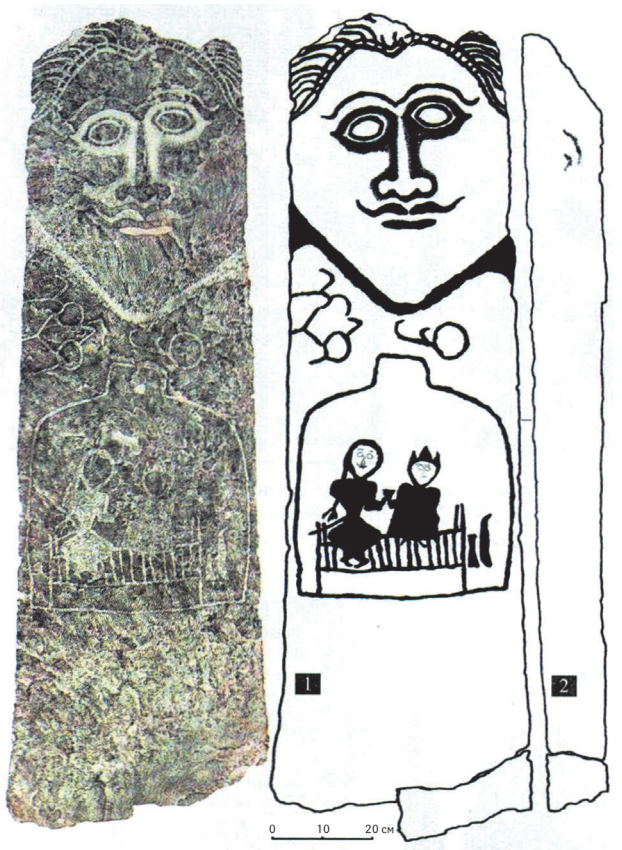


Рис. 8. Комплекс Когалы. Стела 2.
(Рогожинский А.Е., 2010)

и культовых сооружений. На территории святилища зафиксировано 38 изваяний. Памятники расположены на гребнях саев. Выявлена закономерность – погребальные сооружения находятся в западной части, а ритуальные конструкции – в восточной. В редких случаях ограды находились среди курганных групп или с западной стороны от культовых комплексов. Составной частью святилища Жайсан являются памятники тюркского наскального искусства и родовые тамги, нанесенные на скальные поверхности вблизи мемориалов. Родовые тамги встречаются среди петроглифов, на стелах и изваяниях. По замечанию А.М. Досымбаевой, территория концентрации культовых сооружений со статуями, алтарями и наскальными рисунками, письменностью и тамгами представляла собой общественный центр под открытым небом. Каменные изваяния воспроизводили образы возвеличенных предков, олицетворяли взаимосвязь двух начал: Тенгри – Неба и Йер-су – Земли-Воды (Новгородова Э.А., 1989).

Среди памятников тюркской культуры Жетысу особый интерес представляют святилища, расположенные в труднодоступных местах и сохранившиеся в непотревоженном состоянии. Таким уникальным объектом является святилище Мерке в Жамбылской области. Оно находится в зоне альпийских лугов на высокогорных плато Кыргызского Алатау: Сандык, Шайсандык, Аралтобе, Кашкасу, Улысай и др. Исследованием святилища в разное время занимались И.В. Аничков, В.А. Каллаур, Э.А. Новгородова, А.М. Досымбаева. Памятникам тюркской культуры Жетысу посвящены работы Я.А. Шера, А.М. Ахинжанова, Ю.А. Мотова и др.

К мемориальным комплексам Мерке относятся курганы с каменными изваяниями, сотни мемориальных конструкций. Э.А. Новгородова обследовала серию памятников, расположенных на высокогорном плато за перевалом Сандык. Святилища находятся на нескольких плато, отделенных друг от друга перевалами. Иногда на одном плато обнаруживается несколько скоплений каменных выкладок с изваяниями и без них. Было зафиксировано около пятидесяти каменных изваяний. Большинство из них находится в центре или в восточной части каменных выкладок и ориентировано лицом на восток, некоторые статуи установлены на курганах. С точки зрения Э.А. Новгородовой, исследованный памятник представляет собой святилище кыпчакских племен IX–XI вв. Преобладающими являются женские изваяния, за редким исключением все они высечены с сосудом в двух руках. На примере Сандыкского святилища было сделано предположение, что оградки и каменные выкладки, похожие на курганы, существовали в Казахстане вплоть до XI века. Каменные изваяния столбообразной формы со схематично переданными лицами существовали рядом и, очевидно, одновременно с более тонко проработанными скульптурами. Различие между двумя типами не хронологическое, а объясняется социальными причинами. Возможно, памятники Казахстана были промежуточным звеном между древнетюркскими каменными и половецкими изваяниями южнорусских степей. Канон изображения женщин в высоких головных уборах, без поясов и оружия, но с сосудом в двух руках приходит вместе с кыпчаками из Восточного и Южного Казахстана в южнорусские степи (Новгородова Э.А., 1989).

В настоящее время на святилище Мерке документировано, изучено и сохранено более 76 каменных скульптур, серия алтарей, четыре памятника рунической письменности, десятки родовых тамг, несколько скоплений наскальных рисунков. В районе реки Тогансай сконцентрировано максимальное количество культовых объектов святилища – курганы, изваяния, наскальные изображения. На террасах реки, в непосредственной близости от курганов с изваяниями, расположено множество алтарей с чашевидными лунками. А.М. Досымбаева отметила, что части камней с лунками не зарастают лишайниками и выделяются своим светлым цветом на фоне поросшего лишайником темного валуна. Внутренняя поверхность некоторых больших по размеру чашевидных углублений покрыта темным маслянистым раствором. На валунах с лунками выбиты тамги. Особенно интересен валун удлиненной формы с рунической надписью в одну строку высотой 40 см. Место расположения строки, высота букв и содержание (в переводе А.С. Аманжолова – «удовлетворись/

успокойся»), по мнению исследователей, свидетельствует, что надпись обращена к Небу. С северо-западной стороны к месту сосредоточения алтарей примыкают скопления наскальных рисунков. В непосредственной близости расположены курганы с изваяниями (более 40 статуй) (Досымбаева А.М., 2007, с. 88, 112-113, фото 65-66).

В космосе тюрков гора Буд-Тенгри являлась олицетворением божества высшего порядка Бод/Буд. Ю.А. Зуев перевел термин bodun не как «тело, существо, стан», а как символ единства каганского (мужского) и катунского (женского) начал, созидающих государство. В мировоззрении тюрков оплодотворяющая сущность Буд-Тенгри обеспечивает зарождение новой жизни в результате связи с богиней Йер-Суб, являющейся воплощением земли и всего тюркского государства. Дословный перевод, соответствующий индоиранскому «бут», – «идол, кумир». Празднества, воспроизводящие акт первотворения, были связаны с каменным богом. На них обязательно присутствовал камень «бот», который скатывался с горы. П. Голден привел данные о культе Тенгри у карачаевцев и балкар, отмечавших весной в его честь праздники с ритуальными танцами. Большие камни у них ассоциировались с культом Тенгри (Зуев Ю.А., Агелеуов Г., 1998; Досымбаева А.М., 2007; Golden P.B., 1998, с. 211).

В искусстве кочевников и горожан, проживавших на территории Жетысу и Южного Казахстана в V–XI вв., встречаются изображения фантастических животных, увенчанных тремя рогами, и людей в трехрогих головных уборах (рис. 9) (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 132-138). В 1969 году в Жамбылской области у села Майтобе на южном берегу озера Бийликуль был найден фрагмент каменной плиты с изображением лица человека в трехрогом головном уборе (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 66). Восемь каменных изваяний в трехрогих коронах были найдены в разное время на территории соседнего Кыргызстана в районе оз. Сонкуль и Иссык-кульской котловине (Шер Я.А., 1966, табл. XVI, *71*). На некоторых скульптурах обозначена верхняя одежда в виде мантии-накидки без рукавов. Подобные мантии-накидки, как атрибут женской верхней одежды, отмечены С.М. Ахинжановым на памятниках искусства Согда и Тохаристана. Он указал также на сходство с верхней накидкой у половецких женщин, воспроизведенной на изваяниях из южнорусских степей, и отметил, что у западной ветви половцев-кыпчаков существовал культ предков по женской линии. Обычай почитать женский образ, как и обычай ставить памятник умершему предку, по мнению С.М. Ахинжанова, не мог сразу возникнуть у половцев на их новой родине, а был вынесен из старых мест проживания, из кимако-кыпчакской среды. Каменные изва-

Рис. 9. Каменное изваяние в «трехрогом» головном уборе. Музей г. Тараз

яния в трехрогих головных уборах, будучи только женскими, несли на себе двойную смысловую нагрузку: почитание предка по женской линии и изображение шаманок, которым поклонялись племена кимако-кыпчакской группировки, ибо «только у кимаков в тот период прослеживаются пережитки матриархата в общественном устройстве» (Ахинжанов С.М., 1978, с. 67, 78-79).

Три рога или зубца встречаются на головных уборах уйгуров Восточного Туркестана. Они украшают головной убор князя на фреске из Муртука (Турфан) (Худяков Ю.С., 1983, с. 152-153, рис. 4). Мужской персонаж с поминальной картины на ткани IX–X вв. из Хочо представлен в трехрогой короне с покрывалом. Халат украшен круглыми медальонами со свернувшимся драконом. Надпись гласит, что это портрет «тенгри-хана Тотока» (Яценко С.А., 2000, с. 372, табл. 65, *11*). Ю.А. Зуев высказал предположение о связи выступов (рогов) с представлениями о драконе (Зуев Ю.А., 2002, с. 86-87). Изображение мужчины в трезубом головном уборе встречается на стенных росписях Пещеры 7. Известны также изображения музыкантов и участников соколиной охоты в трезубых головных уборах на высоком цилиндрическом основании в Кумтуре (Куча) и во дворце Кагана в Идикутшари (Турфан) (Яценко С.А., 2000, с. 372, табл. 65, 19, 23; Кибирова С., 2000, с. 475, табл. 83). То есть, в трезубых головных уборах могли изображаться люди, наделенные магическими свойствами или выполняющие магические функции. В связи с этим можно вспомнить изображения мужских персонажей, исполняющих танец с саблями, на серебряных блюдах из с. Слудка, дер. Больше-Аниковская, Верхнего Прикамья, дер. Мартынова, серебряном ковше из Коцкого городка (Даркевич В.П., 1976, рис. 20, 21, 22, 26-28).

В шаманизме три рога служат обозначением священной принадлежности богов, жрецов (Кызласов Л.Р., 1949, с. 50) и животных. На скалах Жетысу встречаются изображения трехрогого оленя (Ой-Джайляу), коней с тремя зубцами на гривах (Ой-Джайляу, Тамгалы) (Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1998, рис. 48, 86, 87). На городищах Жетысу и Южного Казахстана VIII–IX вв. были найдены глиняные фигурки в виде трехрогих животных (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, фото 59, 60).

Кони с тремя зубцами на гривах представлены на памятниках Хакасии (Сулекская писаница) и Алтая (Кудыргэ) (Археология СССР, 1981, рис. 21, *1, 2, 4, 5, 10*; Баялиева Т.Д., 1972, *7*). Изображения трехрогих козлов отмечены на шаманских бубнах населения Саяно-Алтайского нагорья, трехрогих оленей – на скальных поверхностях по реке Енисей (Потапов Л.П., 1935, с. 72, 130-136, рис. 4) и керамике чжурчжэней Приморья (Гусева Л.Н., 1983, с. 129, рис. 3). Рогатые животные «бура», воспроизведенные на бубнах, осмысливались и объяснялись некоторыми шаманами как «небесные кони», на них шаман путешествует в царство Эрлика и других духов. Изображения связывали с животными, чья шкура натянута на бубне. Совершая обряд, шаманы в своих обращениях именовали бубен названием этого животного. Представление о бубне как о ездовом животном шамана было свойственно многим народам Сибири (Неклюдов С.Ю., 1992, с. 72). Л.П. Потапов привел примеры тотемистических представлений, связанных с оленем, который считался предком шамана. После смерти шамана его «бура» переходит к другому шаману из данного рода, чем осуществляется наследственная, родовая преемственность шаманов. Весь род считал оленя своим животным предком, поклоняясь ему как родовому божеству, и олень непосредственно является тотемом. Несмотря на то, что многие народы Саяно-Алтайского нагорья не имеют теперь оленеводства, у них сохранились древние понятия. Например, у шорцев, телеутов, алтайцев шкура жертвенной лошади, вывешиваемая на месте жертвоприношения, называется «пура» → «бура» и связывается с оленем, а под душой жертвенной лошади понимается олень (Потапов Л.П., 1935, с. 140, 144). По сведениям В.И. Вербицкого, кожа с головой и ногами, содранная с жертвенного коня («пура») и вздетая на березовую жердь (тюкеле), называется байдара (Вербицкий В.И., 1893, с. 65-67). Л.П. Потапов заметил, что термином «бура» первоначально именовались дикие рогатые животные, а затем этот термин перешел на хозяйственно освоенного оленя и от него, позднее, по хозяйственной значимости на быка, верблюда, лошадь, то есть, на животных, хозяйственно освоенных на данной территории в более позднее время. Весьма интересным

кажется объяснение факта обнаружения в пазырыкском погребении на Алтае захороненной лошади в оленьей маске. Маскирование лошади под оленя, по мнению Л.П. Потапова, требовали религиозные представления, уже не отвечающие хозяйственной действительности. Седла лошадей, погребенных в Пазырыкском кургане, не имеют деревянных частей, стремян, набиты оленьим волосом и напоминают некоторый тип оленьих седел (Потапов Л.П., 1935, с. 135, 144-146). В соответствии с этим, вероятно, можно рассматривать изображения золотых крылатых коней с козлиными рогами на лицевой стороне головного убора из кургана Иссык и коней, захороненных в курганах могильника Берел.

Мировоззрение (вера), специфически выраженная через понятие тенгрианства – «благодатная почва» для принятия и развития различных конфессий и культур. В тенгрианстве нет сильного антагонизма к другим религиям. Чингисхан – основатель монгольского государства, считал источником своей власти волю Тенгри. Он не разрушал другие храмы и не запрещал религии.

Возможно, терпимость приверженцев тенгрианства к другим религиям связана с тем, что общечеловеческие нормы в мировых религиях одинаковые. Они направлены на гармонизацию личности и проповедуют нормы морали, несмотря на то, что в каждой религии имеются особенности в проведении обрядовой практики и делается упор на чем-то своем. Присутствие элементов язычества, сохраненных вопреки строгим церковным канонам, характерно для многих религиозных течений. Философия или вера, определяемая как тенгрианство, четко проявляется в архаичных (языческих) культах и обрядах.

Христианство и тенгрианство. В христианстве и тенгрианстве прослеживаются схожие признаки в обрядовой практике и символике. Так, важнейшим обрядом Тенгри, посвящением в веру является крещение водой. На Древнем Алтае новорожденных младенцев окунали в ледяную купель. После такого купания человек входил в мир Вечного Синего Неба. Двумя пальцами, соединенными вместе, на Востоке обозначали преданность Небу. Их опускали на лоб, на грудь, на левое плечо, на правое плечо. Этим движением тюрки просили у Бога Небесного защиты и покровительства. Свою покорность Тенгри-хану кыпчаки подчеркивали, используя древнейший символ – аджи, знак равностороннего креста, который наносили на лоб краской или в виде татуировки. Знаком Тенгрихана тюрки выбрали прямой равносторонний крест, его назвали «аджи». Этот символ связан с понятием Рум – мир, откуда все берет начало и куда все возвращается. Сначала аджи были просты в исполнении, потом стали

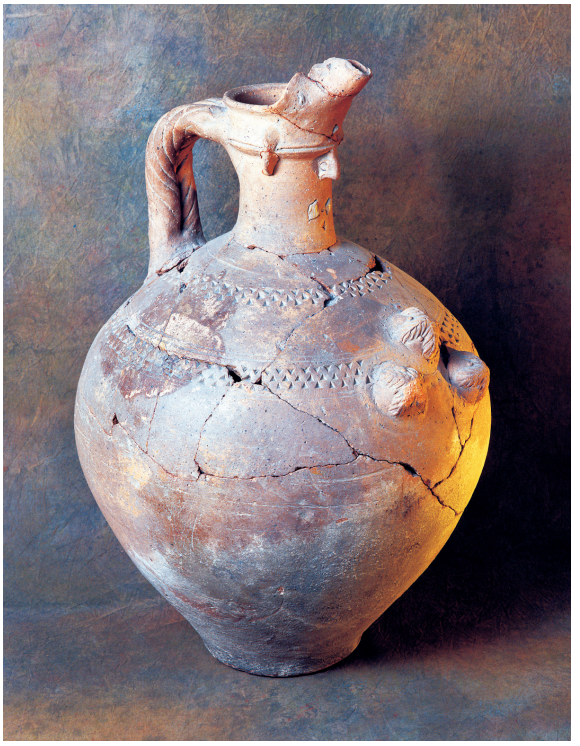


Рис. 10. Керамический сосуд из Талгара X–XI вв. Предположительно изображает божество Йер-су (?). (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005)

настоящими произведениями искусства. По мнению М. Аджи, в знаке креста и знаке Тенгри есть отличия. Если крест – это пересечение двух линий, то в знаке Тенгри пересечений нет. «Там изображен круг-солнце, от которого расходятся четыре луча». Иногда к знаку Тенгри (к кресту) прибавляли полумесяц. Этот знак древние тюрки понимали, как единство луны и солнца. Знак Тенгри вышивали на боевых знаменах. Его носили на груди, подвесив на цепочку (Аджи М., 1999). Знаки Тенгри украшали наборные пояса и конское снаряжение средневековых тюрков, у которых существовал культ воина-героя и героического предка.

Интересные сведения содержатся относительно принятия христианства в средневековой Хазарии. Савиры поклонялись единому божеству – Тенгри-хану, что демонстрировало их стремление создать какой-то общий культ бога-героя. Солнечные амулеты Тенгри-хана были распространены по всему Хазарскому каганату. Культ бога-героя переплетался с культом княжеской власти. Вероятно, сакрализация самого кагана началась с внедрения культа Тенгри-хана. Однако савирскому князю Алп-Иливетру, мечтавшему, видимо, отделиться от каганата, удалось на короткое время обратить свой народ в христианство. Святилища были разрушены, священные дубы сожжены, епископ Исраил «своими руками ломал амулеты и из них делал изображения креста господня» (Плетнева С.А., 1986, с. 33).

Иудаизм и тенгрианство. Взаимодействие мировоззрений иудаизма и тенгрианства зафиксировано письменными источниками и немногочисленными археологическими данными, полученными с территории Хазарского каганата (650–969 гг.). Средневековое государство, созданное кочевниками хазарами, выделилось из Западно-тюркского

каганата. В подконтрольную территорию Хазарского каганата входили земли современного Северо-Западного Казахстана. С государством хазар связана салтово-маяцкая археологическая культура. Культы и верования представлены общетюркскими языческими ритуалами с поклонением богу Тенгри и обожествлением кагана. Благодаря веротерпимой политике, в среду хазар проникали монотеистические религии – христианство и ислам. В VIII–X вв. правящий род и часть хазар перешли в иудаизм. Согласно текстам «Еврейско-хазарской переписки», отражающей хазарские традиции, выбор иудаизма был связан с тем, что его положения были общими для христианства и ислама. В археологическом материале отмечается сложность выделения признаков иудаизма. Идентификация иудейского погребального обряда VIII–X вв. на фоне рядовых ямных захоронений является затруднительной (Флеров В.С., Флерова В.Е., 2005).

К интересным археологическим подтверждениям взаимодействия тенгрианства и иудаизма относится находка в 1989 г. в городе Мариуполе (Украина) разрушенного захоронения, обнаруженного при прокладке траншеи. Находка представлена костными останками, керамическим сосудом и группой вещей. Захоронение было произведено не ранее VIII века. О том, что погребение относится к курганным, среди прочих признаков свидетельствовал характер сопроводительного инвентаря. Особый интерес представляет лепной керамический горшок с прочерченными на поверхности его тулова знаками. Один из них – равносторонний крест предположительно выполнял охранную функцию. Связывать изображение креста с проникновением в юго-западные земли каганата христианства, по мнению исследователей, нет оснований. Второй знак – изображение иудейского символа – меноры (светильника-семисвечника) в виде ромба на подставке. В верхней части ромба прочерчено семь вертикальных линий. Изображение не имеет прямых аналогов среди знаков на раннесредневековой керамике Крыма и Подонья (Кравченко Э.Е., Кульбака В.К., 2010, с. 275-282, рис. 2).

Ко времени принятия иудаизма относятся находки каменных надгробий с воспроизведением меноры и надписями. Они обнаружены при разных обстоятельствах – в погребениях, в выкладках в качестве вторичного использования и относятся к случайным находкам (Кашовская Н.В., Кашаев С.В., 2010).

Буддизм и тенгрианство. Тибетский буддизм махаяны в традиции школы Гелугпа, называющий Учения Будды «Желтой Верой» (в Тыве, Бурятии и Калмыкии) или «ламаизмом» (в западной и китайской литературе), считается составной частью духовно-культурного пространст-

ва Евразии, вовлеченной в зону культуры и истории всего буддийского мира.

Исследования показали, что тибетский буддизм контактировал с другими религиями народов Центральной Азии и, прежде всего, – с тенгрианством, а также с более архаичными «шаманскими» и иными верованиями посредством ассимиляции, синкретизма, мирного сосуществования, обогащения своего пантеона и культа за счет божеств и практики других религий. Признаки ламаизма в Туве относятся к XI – началу XIV вв. В религиозных верованиях тувинцев и восточных бурят происходило слияние местного шаманизма с ламаизмом, а среди некоторой части бурят этот синкретизм осложнялся христианскими представлениями и культами.

Приобщая к вере в Тыве, Бурятии, на территории Центрально-Азиатского и Алтай-Байкальского региона, буддийские ламы не отвергали тенгрианские культы, а наделяли их буддийскими функциями, добавив в свою культовую систему. Особое предпочтение относится к культу гор. По всей Центральной Азии до настоящего времени встречаются пирамидки из куч камней, посвященные «духам-хозяевам» местностей, которые, приобретя буддийское значение, сохранили древний тенгрианский космологический смысл. Универсальное значение культа гор в монгольском тенгрианстве обусловлено тем, что каждая священная гора, представленная камнем, скалой, пирамидальной кучкой камней, символизировала Мировую Гору – центр Вселенной. Это один из наиболее популярных культов и в тибетском буддизме (Опей-оол У.П.; Абаева Л.Л., 1992; Абаев Н.В.).

В Казахстане третий этап развития буддизма (XIII–XIX вв.) связан с приходом жонгар. Калмыки строили здесь храмы и монастыри. С буддизмом соотносятся наскальные изображения Будды и тибетские надписи. Наиболее известные из них представлены на скалах в ущелье Тамгалы-Тас, где высечено три изображения. Первое слева является образом Будды Шакьямуни в период достижения нирваны или просветления под «древом мудрости». Среднее изображение показывает Авалакитешвару – воплощение бесконечного сострадания всех будд. Правое изображение – это Манла Будда (Будда Медицины). Кроме изображений Будды, на камнях высечены воспроизведения буддийских мантр, главным образом «ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ» на тибетском языке, языке пали, монгольском и маньчжурском (Стобдан П., 2000, с. 251). В коллекции музея Института археологии имеется кайрак из окрестностей села Сумбе, расположенного в 20 км севернее Кегеня в Алматинской области, с тибетской надписью: «ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ».

Манихейство и тенгрианство. Манихейство – одна из мировых религий, которая распространилась в III–XIV вв. на территории от Египта до Кореи. В средние века эта религиозная система занимала значительное место в историко-культурной жизни многих народов Центральной Азии, в числе которых тюркские племена. Будучи в основе демократичным, учение Мани везде ориентировалась на традиционные верования и культы населения, включая местных богов в свой пантеон, совершенствуя свою доктрину. «Облачаясь в шаманский костюм», манихейство было привлекательным для тюркских кочевников Центральной Азии. В манихейских текстах Душа живая – это пять стихий-огланов Первочеловека, названных: Бог Зефира (tïntura tängri), Бог ветра (jil tängri), Бог света (jaruq tängri), Бог воды (suv tängri), Бог огня (ot tängri). Манихейская молельня могла размещаться в кочевой юрте рядом со ставкой предводителя (Зуев Ю.А., 2002, с. 251, 259-260). Согласно письменным источникам, в стране Аргу-Талас (Тараз) находились манихейские обители (Стобдан П., 2000; Кляшторный С.Г., 2006).

Уйгурский Эльтутмыш-каган (он же Бёгю-каган, 759–779 гг.), возвратившись из китайского похода в Ордубалык на реке Орхон в 763 г., провозгласил манихейское учение государственной религией. Сам каган принял манихейство раньше – в 762 г. В период 763–779 гг. манихейство признали древнехакасские правители. В VIII–XIII вв. в Сибири существовал крупный очаг северного ответвления манихейского вероучения. Центром его стала Хакасско-Минусинская котловина, а затем степи и горы всего Саяно-Алтайского нагорья. Раскопки археологов в Хакасии выявили два важнейших городских храмово-монастырских центра: один в степи, другой – в горах Батеневского кряжа. Степной город был столичным и располагался в дельте реки Уйбат, левого притока Абакана. На протяжении пяти веков в этом духовном центре действовало не менее одиннадцати манихейских храмов. Археологические данные и письменные источники (трактаты ал-Масуди и Димешки), позволили Л.Р. Кызласову предположить, что в «Уйбатском городе» одновременно функционировали центральный храм Солнца (Кюн-тенгри) и два святилища богини Луны (Ай-тенгри) (Кызласов Л.Р., 1998).

Реликтовые проявления манихейства сохранились до современности у саяно-алтайских тюрков (алтайцев, хакасов, тывинцев и др.), а также у обитающих на Оби и Енисее хантов, селькупов, кетов и эвенков. Они выражены в «шаманизме», «бурханизме» и в бытовых верованиях коренных народов, в лексическом составе их языков. Алтайские бурханисты вспоминают «людей в белых одеждах», приезжавших на Алтай и

учивших народ верить в единого бога. С точки зрения Л.Р. Кызласова, манихейскими по существу являются хакасские нагорные общественные моления небу, происходящие без участия шаманов; моления в гротах, ночные бдения в пещерах (Кызласов Л.Р., 1998). В Хакасии в гроте горы Тепсей были обнаружены рунические надписи с восхвалением бога Тенгри, выполненные, по мнению И.Л. Кызласова, манихейским проповедником в VIII–IX вв. (Амелин С.).

Маздеистские культы (авестизм) и тенгрианство. Археологические материалы свидетельствуют, что в конце VII–IX вв. на территории Жетысу (Семиречья) и Южного Казахстана были представители авестийской религии. Реликтовые проявления этого мировоззрения встречаются до XII в. (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005). Влияние, оказанное авестийской религией на шаманизм-тенгрианство, можно проследить на примере атрибутов, используемых в обрядовой практике. На городище Костобе в Таласской долине была найдена глиняная статуэтка VIII в., изображающая трехрогого козлика. Фигурка, вероятно, была повернута левым боком к источнику огня, так как на нем сохранились следы копоти. Среди статуэток, обнаруженных на Сукулукском городище в Шуйской долине, есть керамическая фигурка животного с ручкой на спине, его голова увенчана тремя выступами-рогами. Три рога отмечены на керамическом постаменте, который также относится к сукулукским находкам. На территории этого городища было найдено большое количество полусферических крышек и светильников. При исследовании характера законченности светильники, статуэтки и крышки были объединены в единый комплекс и представлены как «шамано-зороастрийские» атрибуты культа огня. Предположительно статуэтки и постаменты ставились возле светильника или другого вместилища огня, на них опирались края полусферических крышек, расположенных над источником огня (Чуйская долина, 1950, с. 115, 146).

Исследование этнографических материалов позволило предположит: трехрогие статуэтки воспроизводят образ священного животного шаманов «бура», способного перемещаться во все сферы мироздания. На резном дереве из дворца городища Куйрыктобе (VII–VIII вв.) представлены портретные изображения правителей тюркского племени кангаров-кенгересов и богов, известных по текстам Авесты. На доске, расположенной за троном правителя, под одной из арок представлена богиня справедливости Арштад – персонификация чести и правдивой прямоты в мыслях, словах и делах. В ее правой руке – весы треугольной формы, в левой – кошелек-мешочек, означающий награду, которая ожи-

дает праведных. Неуклонное следование Арштад обеспечивало правителю удачу и славу, символизированные в царственном нимбе – фарне. Трон богини представляет собой животное с туловищем и ногами коня, крыльями птицы, головами козла и барана. Он сопоставляется с образом бурака («бура»). У трона изображены коленопреклоненные люди (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 58, 76, 126, 130, рис. 24, 34).

На территории средневековых городищ в слоях VIII–XII вв. были обнаружены керамические кувшины с антропоморфными признаками. Эти сосуды служили воплощением богов Авесты и использовались в обрядовой практике, в том числе при проведении календарных праздников. В X–XI вв. встречаются редкие находки сосудов, которые отличаются от них своим оформлением. Эти сосуды также имеют антропоморфные признаки, они появились под влиянием авестийских. Такой кувшин был обнаружен в районе Талгара (рис. 10). По ряду признаков он определен как изображение божества Йер-су. Вероятно, этот сосуд был аксессуаром в ритуале моления Йер-су. Горлышко подобного сосуда было найдено в северо-западном районе рабада городища Талгар. Сосуд, похожий по оформлению, был обнаружен на городище Масанчи в Шуйской долине. На другом кувшине из Шуйской долины изображен амулет из окружностей, расположенных треугольником, подобно трем выпуклым шишечкам на тулове сосуда из Талгара (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 136, рис. 95).

Ислам и тенгрианство. Тенгрианство как вероучение, совокупность представлений о мире и жизни, оказало влияние на культуру, традиции, обычаи казахов и других тюркских народов задолго до принятия ислама. В Казахстане тенгрианство тесно переплетено с либеральным исламом. В настоящее время под тенгрианством подразумеваются почитание предков и обычаев, свободная религиозность, а также «тюркский эзотеризм». Многие обычаи и ритуалы, дошедшие до наших дней, связаны с древними верованиями. Историк, этнограф XIX века А. Левшин обращал внимание на то, что казахи из различных вероисповеданий предпочтение отдавали исламской религии, но при этом они не отличались фанатизмом, свойственным другим мусульманам (Левшин А.И., 1996, с. 313-314).

Кыргызы сохранили представления о божестве Йер-суб, выступавшем также под названием Джер-суу (Йер-суу), несмотря на многовековое господство у них ислама. С.М. Абрамзон сообщил о ритуале молений «джер суу таюу» по случаю болезней или других несчастий. С этой целью они отправлялись на один из ближайших мазаров. Там резали домашнее животное, приглашали угощаться родственников. Делали религиозное омовение *даарат,* читали молитву из Корана (Абрамзон С.М., 1990, с. 195).

Некоторые современные верования и обычаи связаны с почитанием святых в исламе. Исследования показали, что мусульманский культ святых возник на почве традиционных местных доисламских религий. В культе мусульманских святых сохраняются пережитки шаманизма, аграрных культов, почитания предков, древних анимистических представлений и тотемизма (Басилов В.Н., 1970). Казахский народ сохраняет религиозные традиции своих предков. Определяя место ислама в религиозной жизни казахов, исследователи называют его народным или бытовым. Ислам не вытеснил полностью прежние верования и практики, но основательно их разрушил. Существуя одновременно с исламом, традиции предшествующего времени обрели исламскую оболочку и нередко рассматриваются как элементы нового исламского мировоззрения (Мустафина Р.М., 2008). Верования казахов представляют собой палитру, состоящую из разных компонентов. Например, казахи верят во влияние звезды на счастье человека и в то, что каждая звезда соответствует душе человека, когда он умирает, то падает его звезда (Ермаганбетова К., 2013).

Можно привести лишь некоторые из представлений доисламского культа, сохранившиеся и сосуществующие с представлениями ислама. У многих народов есть понятия о женщине как хранительнице домашнего очага. В одной из казахских сказок говорится, как пери, жена визиря, превратилась в печь дома до возвращения своего мужа. На Памире священное курение на домашнем очаге может совершать женщина, принадлежащая к семье данного дома. Брачный обряд памирцев проводится у очага в доме невесты, а затем в доме жениха (Литвинский Б.А., 1981, с. 91). Подобный обряд, связанный с родовым культом, был у казахов. При первом появлении в юрте свекра или в своей свадебной юрте невеста-казашка лила сало в огонь очага, призывая со всеми присутствующими женщинами благословения «мать огня» и «мать Умай» (Толеубаев А.Т., 1991, с. 155-156).

Существуют представления о связи дерева, очага с рождением ребенка. У среднеазиатских народов существовал обычай зарывать послед и пуповину ребенка до трехмесячного возраста под плодовым деревом (Снесарев Г.П., 1969, с. 83). Шорцы и горноалтайские телеуты называли пуповину или плаценту умай (ымай) и имели обычай закапывать их в жилище вблизи очага. Богиня Умай была покровительницей домашнего очага и детей (Стеблева И.В., 1972). Алтайские шаманы считали, что жизнь каждого человека начинается с небесной зоны Вселенной, где она не имеет антропоморфной формы. Оттуда она посылалась божеством на землю в виде падающей звезды, через солнечный луч или через сдувание

шаманом «зародышей» на детей, висящих, как листья на священной березе. На землю они попадали через дымовое отверстие к изголовью очага, а затем к женщине. У некоторых этнических групп саяно-алтайских народов существовала вера в то, что кут (душа) как зародыш человека появляется в женщине через огонь во время сидения у изголовья очага. Кыргызы считали, что кут на детей и скот посылается женским божеством Умай через божество огня («мать-огонь») (Потапов Л.П., 1991, с. 36, 286).

Представления тенгрианства сохранились в орнаментах, песенных мотивах, творчестве. К символам тенгрианства относится шанырак казахской юрты. История народа откладывается в его памяти, формирует традиционные установки его культуры, а история культуры есть история его памяти. Цивилизованность государства определяется бережным отношением к культурному наследию.

Литература

Абаева Л.Л. Буддизм и культ гор в Бурятии. – М., 1992. – 140 с.

Абаев Н.В. Культ гор и героический эпос бурят как мифопоэтическая основа тэнгрианской религии. Режим доступа: http://tengrifund.ru/kult-gor-i-geroicheskij-epos-buryat.html

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенические и историко-культурные связи. – Фрунзе, 1990. – 480 с.

Аджи М. Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи. – М., 1999. – 82 с.

Амелин С. Вечная молитва Тенгри. Что за сокровище скрывает горное святилище древнего шамана? Режим доступа: http://gazeta19.ru/news/21567

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Отделение этнографии Известий Русского Географического общества. – Вып. 3-4. – Год шестой. – СПб., 1896. – С. 277-456.

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Астана, 2013. - 406 с.

Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. / Отв. ред. С.А. Плетнева. – М., 1981. – 304с.

Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978. – С. 65-79.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). – Алматы, 2005. – 236 с.

Басилов В.Н. Культ святых в исламе. – М., 1970. – 144 с.

Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе, 1972. – 168 с.

Безертинов Р.Н. Тэнгрианство – религия тюрков и монголов. – Н. Челны, 2000; Казань, 2004. – 447 с.
Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М., 1893. – 270 с.
Гусева Л.Н. О сюжетных рисунках на керамике чжурчжэней Приморья // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1983. – С. 122-130.
Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. – М., 1976. – 200 с.
Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы, 2007. – 168 с.
Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 676 с.
Ермаганбетова К. Верования казахского народа: языческие традиции и тенгрианство // Материалы IV-й междунар. научно-практ. конф. «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность». 09-10 октября 2013 г., Улан-Батор, Монголия. Режим доступа: http://tengrifund.ru/yazycheskie-tradicii-i-tengrianstvo.html
Зуев Ю.А., Агелеуов Г. Буд-Тенгри – божество древнетюркского пантеона // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 1998. – №1 (213). – С. 47-57.
Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002. – 338 с.
Зуев Ю.А. Манихейское святилище под Таразом // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2004. – №4. – С. 26-28.
Кашовская Н.В., Кашаев С.В. Иудаизм на Боспоре: археологический контекст // Хазары: миф и история. – М.; Иерусалим, 2010. – С. 283-304.
Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. – М., 1981. – С. 117-138.
Кляшторный С.Г. Древнетюркские племенные союзы и государства Великой Степи // С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. Степные империи Евразии. – СПб: Фарн. – 1994. – С. 8-91.
Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003. – 560 с.
Кляшторный С.Г. Манихейские обители в стране Аргу // Известия НАН РК. Серия обществ. Наук. – 2006. – №1 (252). – С. 121-124.
Кибирова С. Музыкальная культура // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. – М., 2000. – С. 385-537.
Кодар А. Тенгрианство в контексте монотеизма // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – №1 (2). – 2008. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Kodar/
Кравченко Э.Е., Кульбака В.К. Погребение хазарского времени из Мариуполя // Хазары: миф и история. – М.; Иерусалим, 2010. – С. 275-282.
Кулсариева А. Место тенгрианства в традиционной казахской культуре // Режим доступа: http://tengrifund.ru/konferencii/1-aya-konferenciya/mesto-tengrianstva-v-tradicionnoj-kazaxskoj-kulture
Кызласов Л.Р. К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК. – Вып. XXIX. – 1949. – С. 48-54.

Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице (Хакасия) // ЭО. – 1998а. – №4. – С. 39-53.
Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. – Серия 8. История. – 1998в. – №3. – С. 8-35.
Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. – Алматы, 1996. – 656 с.
Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). – М., 1981. – С. 90-121.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.–Л., 1951. – 92 с.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.–Л., 1959. – 112 с.
Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 1998. – 207 с.
Мустафина Р.М. Традиции почитания святых у казахов, образы которых связаны с официальной исламской традицией // Вестник КазНУ. – Серия вост. – 2008. – №3. – С. 31-37.
Неклюдов С.Ю. Тенгри // Мифы народов мира. – Т. 2. – М., 1992. – С. 500-501.
Новгородова Э.А. Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал г. Мерке) // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока. (Археологические источники). – М., 1989. – С. 136-176.
Опей-оол У.П. Взаимодействие буддизма и тэнгрианства в Центральной Азии (на примере Тувы). Национальный музей Республики Тыва (Кызыл, Россия). Режим доступа: http://tengrifund.ru/konferencii/2-aya-konferenciya/vzaimodejstvie-buddizma-i-tengrianstva-v-centralnoj-azii-na-primere-tuvy.
Плетнева С.А. Хазары. – М., 1986. – 93 с.
Потапов Л.П. Следы тотемистических представлений у алтайцев // СЭ. – 1935. – №4-5. – С. 72-148.
Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. – М., 1973. – С. 265-286.
Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.,1991. – 321 с.
Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. – Алматы, 2010. – С. 329-344.
Скобелев С.Г. Иконография образа богини Умай в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. – Вып. 2. – Новосибирск, 1999. – С. 162-167.
Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969. – 236 с.

Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. – М., 1972. – С. 213- 226.
Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. – М., 1976. – 214 с.
Стобдан П. Образы Будды в Казахстане // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2000. – №1. – С. 182-185.
Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата, 1975. – 270 с.
Токарев С.А. Пережитки родового культа у алтайцев // ТИЭ. – Т. 1. – М.-Л., 1947. – С. 139–158.
Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX вв.). – Алма-Ата, 1991. – 214 с.
Усманова М.С. Жертвоприношение земле и воде у северных хакасов // Из истории Сибири. – Вып. 19 – Западносибирский сборник. – Томск, 1976. – С. 240-243.
Флеров В.С., Флерова В.Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары. Материалы Первого и Второго международных коллоквиумов. – М., 2005. – С. 185-207.
Фукалов. И. «Кут» и влияние тенгрианства на сакральность власти у тюрков и кыргызов в раннем средневековье // Материалы IV-й международной научно-практ. конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность», 09-10 октября 2013. Улан-Батор, Монголия. Режим доступа: http://tengrifund.ru/kut-i-vliyanie-tengrianstva-na-sakralnost-vlasti.html
Худяков Ю.С. Орнамент наборных поясов из погребений Ник-Хая // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1983. – С. 144-153.
Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции / Сост. под рук. А.Н. Бернштама. – МИА, 1950. – Вып.14. – 158 с.
Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.–Л., 1966. – 140 с.
Шукуров Ш.М. «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. – М., 1983. – 176 с.
Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. / Пер. с анг. Е.В. Сорокиной. – К.; М., 2002. – 221 с.
Яценко С.А. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. – М., 2000. – С. 296-384.
Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I-III. Band II: Türkische Elemente im Neupersischen (alif bis tā). – Wiesbaden, 1965. – 670 s.
Golden P.B. Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia // Central Asiatic Journal. The Hague; Wiesbaden, 1998. – Vol. 42. – P. 180-237.
Roux Jean-Paul. La rèligion Turcs et des Mongols. – Payot, 1984. – 323 p.
Roux, Jean-Paul. Histoire de l'Empire Mongol. – Paris, 1993. – 263 p.

Б.А. Железняков

МАВЗОЛЕИ И ХАНАКА СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЯЛЫКА. О ПРОЦЕССАХ ИСЛАМИЗАЦИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ЖЕТЫСУ В XIII в.

В течение первой половины XIII века духовная культура региона Жетысу значительно изменилась. В начале этого периода регион – неотъемлемая часть региона Средней Азии, где происходил процесс развития культуры в рамках Мусульманского Ренессанса. Вместе с тем, ислам – одна из религий, которые господствовали в регионе Северо-Восточного Жетысу. Наряду с исламом в регионе сосуществовали и другие религии: несторианство, манихейство, буддизм, а также синкретичные и традиционные культы. Об этом говорят как источники, так и результаты археологических исследований. Ислам трудно распространялся среди населения, а регион долгое время оставался северо-восточным краем мусульманского мира. Этому могли способствовать и каракитайское завоевание, и отчасти континентальная торговля. С изменением политической ситуации – централизацией власти в Монгольской империи происходит полная централизация и в духовной сфере. Благодаря проведенным на городище Каялык исследованиям становится ясно, что два мавзолея представителей династии Караханидов, а также ханака, основанная орденом Ясавитов, явились первыми мусульманскими центрами в этом крупном городе на рубеже XII-XIII вв. К середине XIII в. ислам прочно входит в духовную культуру. Соборная мечеть, построенная в середине века, является свидетельством преобладания мусульманского населения в городе, а его культура имеет идентичные черты во всем мире ислама.

Ключевые слова: история религий, ислам, Восточный Жетысу, династия Караханидов, суфийские ордена, ясавиты, городище Каялык, мавзолеи, ханака.

Рис. 1, 2. Облицовочные терракотовые кирпичи Западного мавзолея Каялыка

В 2004 г. автором статьи под руководством К.М. Байпакова была исследована мечеть на городище Каялык. В 2005 г. при повторной зачистке нижнего пола (на глубине 5-7 см) была обнаружена монета (рис. 93 в кн. К.М. Байпаков, Д.А. Воякин Средневековый город Каялык). Эта монета оказалась четвертой, поступившей на хранение в ИА им. А.Х. Маргулана, за эти два года проведения полевых исследований, набор которых позволил П.Н. Петрову провести атрибуцию целой серии монет, по-видимому, относящихся к каялыкскому чекану середины XIII в. Вместе с тем, нумизматика все-таки является вспомогательной дисциплиной для произведения исторических реконструкций. Столичный характер Каялыка в первую очередь подтверждает целый комплекс мусульманских сооружений, относящихся к двум периодам: первый – конца XII в. и рубежа XIII вв., видимо, разрушенный в начале XIII в. Второй комплекс был возведен в середине XIII в. и активно функционировал до конца городской жизни в городе Каялык.

Северо-Восточный Жетысу – историческая область северных районов Западного Туркестана (Средней Азии) на границе с Восточным Туркестаном. Как сообщают источники, в ранее средневековье регион Жетысу в целом имел название Аргу. Регион стал родиной священных текстов, по-видимому, не только манихейских, местом, где имели свободное распространение и развитие самые разные религии. Центром региона на его северо-востоке стал город Каялык, который приобрел особое значение в монгольский период, когда в городе останавливались послы (например, Рубрук в 1253 г.), чеканилась монета (630-640–х гг.х или 1232/3-1242/3 гг.) (Байпаков К.М., Петров П.Н., 2007; Байпаков К.М., Воякин Д.А., 2007, с. 88-

90[1]), были большой базар и соборная мечеть. К середине XIII в. Каялык превратился в город с преимущественно мусульманским населением, с подобающей городской структурой, где наряду с крупными мусульманскими сооружениями до последнего городского пожара сохранялись культовые сооружения и других религий. Наличие культовых сооружений различных традиций при преобладании исламских характеризовало духовную городскую культуру этого города середины XIII в.

Рис. 3. Фрагмент эпиграфики внутренней гипсовой отделки Западного мавзолея

В Центральной Азии, как в естественном месте пересечения континентальных путей, месте средоточия самых разных интересов наиболее ярко прослеживалась ситуация значительной толерантности к самым разным культурам, мирного сосуществования самых разных религий на длительном отрезке средневековой истории. Географический центр Евразии являлся тем местом, где в разное время были проповеданы и имели распространение и развитие учения, возникшие в различных частях Евразии. Ценными источниками по жизни населения Центральной Азии служат свидетельства паломников, монахов, духовных лиц, составляющих значительную часть в общем объеме источников, свидетельств современников. Круг источников по раннесредневековому периоду крайне ограничен, с началом этапа относительно мирного распространения ислама круг источников расширяется и становится еще более разнообразным в монгольское время.

О постепенном преобладании мусульманской культуры среди многообразия других культур центрально-азиатского отрезка Шелкового пути свидетельствуют, например, свидетельства многочисленных западных католических миссионеров и послов (Святого Престола, западных монархов) к монгольскому двору, регулярно проходивших по Великому Шелковому пути, оставивших описания различных сторон жизни населения, в том числе и ее духовной стороны. Однако эти отрывочные

1 Раздел книги по нумизматике был написан известным нумизматом П.Н. Петровым.

Рис. 4. Перстни из женского захоронения Восточного мавзолея

сведения, которые могут быть и в значительной мере являются тенденциозными и ограниченными и свидетельствуют об очень субъективном понимании путешественником ситуации на момент посещения. О тенденциозности дошедших до нас свидетельств западных послов может свидетельствовать их слишком общее разделение всего населения регионов на мусульман и идолопоклонников (в то время, как помимо своих конкурентов несториан и, в каком-то количестве – мелькитов в регионе имели сильное распространение манихейство, буддизм). Поэтому когда сведения известных исторических личностей подтверждаются объективными археологическими источниками, они являются прочной основой для исторических реконструкций.

История процессов исламизации, их механизмы, хронология и периодизация, так называемые «приливы и отливы» канонического (ортодоксального) ислама в духовной и повседневной жизни населения Казахстана и Центральной Азии в ее исторической ретроспективе попрежнему крайне актуальны и находятся под пристальным вниманием не только культурологов, но и археологов. Возвращение большинства современных по сути атеистических обществ к «духовным основам» обсуждается крупнейшими учеными и политическими деятелями на конференциях, посвященных мировым религиям. Несмотря на определенные успехи в деле публикации материалов, касающихся регионов СНГ,

где исторически был распространен ислам[2], перед наукой стоят вопросы становления и развития этой наиболее поздней и массовой по числу приверженцев мировой религии. Дискуссионными остаются многие вопросы, связанные с процессами исламизации Южного Казахстана и Жетысу. Одна из точек зрения (причем наиболее распространенная) на процессы исламизации Казахстана была выражена Нуртазиной Н.Д.: «как процесс перехода от архаичной культурной системы тюрков к тюрко-мусульманской культурной системе и интеграции ее в универсальную исламскую цивилизацию» (Нуртазина Н.Д., 2010, с. 4), хотя могут быть и другие точки зрения.

Различные периоды истории распространения ислама исследованы неравномерно, в первую очередь благодаря отсутствию большого количества письменных источников по начальному этапу насильственного распространения, дополнявшихся экономическими льготами для обращенных. Гораздо лучше изучен период так называемого «мусульманского Ренессанса»[3] – следующей фазы распространения мусульманской культуры на волне развития культуры и науки. Одной из основных движущих сил на этой фазе продвижения мусульманской культуры являлись проповедники – суфии. Интерес к проблематике суфизма как явления, так и региональным его особенностям со стороны Запада вполне устойчив с момента первых культурных контактов. Тема суфизма и дервишей Центральной Азии хорошо исследована благодаря значительному интересу к этому явлению, проявлявшемуся со стороны западных ученых и путешественников. «Каждый образованный европеец, которому приходилось встречать дервишей на улицах Ташкента, Самарканда и других местностей Туркестана, без сомнения, задумывался над этими загадочными людьми (дервишами)» (Позднев П., 1886, с. 1). Автор этих строк (П. Позднев) описывает и ситуацию, которая сложилась к концу XIX в. в науке: «в русской литературе не было попыток обследовать учение дервишества», в то же время прослеживался значительный интерес со стороны западно-европейской общественности: «накопилось достаточ-

2 Напр.: Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Вып. 1 – 4. М., 1998 – 2003.

3 Известный исследователь проблемы А. Мец, предложивший пусть и дискуссионный, но вполне прижившийся термин «мусульманский Ренессанс» для определения периода истории мусульманской культуры, датируемого III-IV вв. хиджры (IX-X вв. н.э.) отмечал, что первые суфийские общины появляются приблизительно в 200/815 г. в Египте – в колыбели христианского монашества, сутью идей которых, по мнению значительного числа ученых, явился античный гностицизм. «Вновь появляются все признаки былой гностики: эзотеризм, институт мистерий, ступени познаний, теория эманации божества…» и т.д. Отмечал исследователь и сильное христианское влияние в ранних суфийских сочинениях. (Мец А., 1973, с. 234-235).

но и небольших заметок, и целых сочинений о дервишестве» (Позднев П., 1886, с. 1). Подчеркивает исследователь и значение первоисточников: «у самих мусульман существует большая самостоятельная литература по вопросу о дервишестве и самые лучшие, самые верные источники в этом случае представляют собою собственные произведения писателей – дервишей, каковы суфийские поэты Аравии и Персии» (Позднев П., 1886, с. 1-2). Тем самым, можно утверждать, что природа дервишества исследована достаточно подробно, прежде всего, благодаря обилию источников, дошедших до наших дней. В последнее время устойчивый интерес к теме проявляется и со стороны науки стран СНГ, в частности этнографов и источниковедов (Подвижники ислама …, 2003).

Западные ученые по-прежнему испытывают устойчивый интерес к суфизму. Среди последних западных исследователей можно привести: D. DeWeese и Д. Стюарт. Первый исследователь занимался проблемами распространения ислама в Золотой Орде. В своем исследовании он подчеркнул то значительное влияние традиционных религий на ислам в период Золотой Орды. DeWeese D. анализирует легендарные сведения об обращении в ислам Узбек-хана (правил 1313-1340 г.), в чем, видимо, преуспела загадочная личность Баба Тюклеса (DeWeese D., 1994). Д. Стюарт, в свою очередь, собрала все доступные данные источников по Ходжа Исхаку Вали (умер в 1589 г.) – одному из наиболее активных проповедников Накшбандийа, «разрушившего 18 языческих капищ, священных для казахов, кыргызов и калмыков» (Стюарт Д., 1999, с. 89-100).

Археологические источники по двум первым периодам распространения мусульманской культуры, на наш взгляд, распределены более равномерно, сравнительно с письменными источниками. Кроме того, с точки зрения более адекватного отражения логично было бы выделить и переходный этап, в котором наряду с экономическими и насильственными методами начинает преобладать культурная составляющая обращения в ислам, тем более что она имеет хронологические рамки Саманидской державы и начального этапа существования Караханидского каганата, до принятия ислама его кочевым населением.

После первого этапа, принесшего разрушения культовых центров старой религии, этот период, на наш взгляд, могут характеризовать городища, топография которых характеризуется мощной фортификацией и дворцовой архитектурой раннеисламского периода. Их следы красноречиво свидетельствуют о коренном историческом и культурном переломе, происходившем в обществе. Если о длинных стенах большинства крупных городищ Южного Казахстана и юго-западного Жетысу сохра-

Рис. 5. Рабочий момент. Выкладка пола и могильная яма Восточного мавзолея, остатки руин Западного, вскрытие одного из помещений ханака

нились лишь источники и упоминания исследователей начала XX в., то длинные стены Караспана сохранились практически не потревоженными, на участке длиной в несколько километров (Железняков Б.А., 2009, с. 174-195) и в этом смысле являются уникальными. Датировка этих стен временем Саманидов подтверждена археологически (Ергешбаев А., 2010, с. 165-168). Значительно выросли масштабы ирригационных сооружений, о которых можно судить по каналу, проходящему вдоль той же длинной стены Караспана, которые также упоминаются в переданных легендарным способом источниках (Исламизация и сакральные ..., 2008, с. 201). Значительно разнообразятся и культуры, возделываемые земледельцами (Баштанник С.В., 2006, с. 99-108). Происходит быстрое развитие городской культуры, изменяется структура городов, которая формируется вокруг новых культовых центров, городские ремесленные и аграрные предместья значительно разрастаются. Однако на первом этапе насильственной исламизации арабы испытали и значительные проблемы.

О неудачной попытке закрепиться на берегах Таласа арабов после победы 751 г. и начале строительства дворца наместника Халифата, по-видимому, могут свидетельствовать (оставшиеся) развалины «загадочного» Акыртаса, оставшиеся каменные блоки составляют план крупного дворца ближневосточного правителя времен Халифата (Байпаков КМ., Нортхедж А., 1997, с. 83-93; Хамед Мухаммед аль-Забен, 2000, с. 265-272)[4], который должен быть отметить значительную веху в продвижении на северо-восток. Планы памятника действительно имеют аналогии с сооружениями арабо-мусульманского мира VIII в., кроме того, комплекс имеет ориентацию на юго-запад, то есть, видимо, на Мекку. Закономерностям привязки интерпретации сооружения или даже целых городов в зависимости от ориентировок уже было уделено внимание (Байпаков К.М., Железняков Б.А., 2006, с. 56-64; Железняков Б., Шербаев Р., 2008, с. 76-87), причем в мусульманском мире традиция лишь была продолжена (Бартольд В.В., 1966, с. 537-542).

О периоде Ренессанса свидетельствуют мавзолеи, ханака, мечети, другие культовые сооружения домонгольской поры, возникавших зачастую у городских некрополей, святые места, которые сохранились полуразрушенными или перестроенными, а также вскрыты и исследованы археологами в последние десятилетия. Внешняя и внутренняя отделка, сохранившаяся главным образом на мавзолеях (Железняков Б.А., 2010, с. 139-145), свидетельствует об относительно быстром проникновении мусульманской символики, арабской эпиграфики и геометрического орнамента (гериха). Предметы быта, обихода долгое время сохраняют языческую символику, что наиболее отчетливо прослеживается в керамике (Железняков Б.А., 2008). Погребальный обряд – один из самых ярких археологических источников Центральной Азии, свидетельствующий в том числе и об исламизации населения. Здесь также на формирование новой обрядности влияние оказала длительная традиция. Так, первоначальный запрет на строительство поминальных сооружений был преодолен в IX в. Одним из первых был возведен мавзолей Саманидов – «жемчужина архитектуры» Средней Азии, выстроенная с учетом значительного числа обязательных требований, предъявляемых к культовым сооружениям доисламской поры (Булатов М.С., 1976). Позже мавзолеи строились уже с меньшим соблюдением подобных «языческих условностей». Например, наличия строго определенного числа окон, необходимых для постоянного слежения за светилом. В монотеистической системе к солнцу следовало относиться

4 Подробнее: (Карев Ю.В., 2000, с. 205).

лишь как объекту тепла и света, изучения, но никак не поклонения и обожествления. Соответственно культ солнца остается в названии михраба, в празднике Рождества, приуроченного к зимнему солнцевороту.

Значительный рассвет средневековой мусульманской культуры приходится на исторический период «мусульманского Ренессанса», являющийся наиболее успешным этапом исламизации для северо-восточных земель Центральной Азии и других территорий, отчасти затронутых арабскими походами и оказавших сопротивление, что прослеживается также на Кавказе. В распространении ислама на Северном Кавказе (в Дагестане) выделено три периода: 1– (рубеж VII-VIII – сер. X в.) – когда обращение происходило силой оружия; 2 – (вт. пол. X–XVI в.) – в который наряду с «отрядами воителей за веру» значительную роль сыграли суфии и миссионеры из Закавказья; 3- (XVII-XIX в.) – время, когда были приведены в соответствие нормы быта, права, частной и общественной жизни горцев (Бобровников В.О., Сефербеков Р.И., 2003, с. 172-174).

Для территории Южного Казахстана и Жетысу также была предпринята попытка **периодизации процессов обращения населения в ислам**. При текущем состоянии изученности вопроса показались достаточными основания для выделения нескольких периодов:

1) «Арабский» (усл. назв. по основной «движущей» силе) 730-е – нач. 750-х гг., когда было совершено несколько походов в Южный Казахстан и Жетысу. Но после 752-753 гг. арабам пришлось закрепиться в Самарканде и основные усилия по распространению ислама и расширению Халифата были приложены ими в Мавераннахре, а также соседних землях (Чач, Фергана). Возможно, предпринимались и более поздние (в рамках периода) походы в земли Южного Казахстана, но о них ничего не известно. Характеризуется разрушением капищ и других сооружений, имеющих отношение к «старым» культам.
2) «Саманидский» (по правящей династии, проводившей политику относительно мягкой, но настойчивой исламизации и, соответственно, расширения влияния своего государства) (820-сер. X в.). Период характеризуется тем, что распространение ислама происходило среди городского населения за «длинными стенами». Их возведение в Самарканде, Бухаре начали еще арабы. Они служили надежной защитой от не принявших на тот момент ислам воинственных кочевников, защищавших свои идеалы.
3) «Караханидский» – период, характеризуемый тем, что, его начало фиксируется не с момента прихода к власти Караханидов, а с момента принятия ислама значительной частью подданных державы Караханидов в середине X в. Распространение ислама имело устойчивый характер, про-

должалось и при карахытайких гурханах, и при Кучлуке, что указывает на уже не насильственные методы распространения. При могилах проповедников и представителей династии Караханидов возникают загородные ханака, в центре городов строят парадные соборные мечети.

4) Распространение ислама в условиях централизованного государства Золотая Орда имело, безусловно, свои особенности, главной из которых была значительная унификация как учения, так и всего комплекса культовой стороны и обрядовой практики, архитектуры, символики и т.д., культурной политики, проводимой в рамках единого государства[5].

Благодаря государственной поддержке как археологических, так и источниковедческих исследований в последнее время круг источников, как по процессам исламизации, так и распространению других религий средневековья, значительно расширился. Наши представления, в частности о процессе исламизации (одной из первых волн) на территории Северо-Восточного Жетысу, претерпели значительные уточнения.

Исламизация Северо-Восточного Жетысу происходила значительно позже, чем Таласской, Чуйской и Илийской долин. Как исторические, так и последние археологические источники свидетельствуют об исламизации Таласской долины в конце IX в. По археологическим источникам отчасти реконструируется исламизация Илийской долины, в частности, на городище Талгар. И.И. Копылов по косвенным данным датировал одно из первых значительных проникновений ислама в Талгар началом XI в. (Копылов И.И., Керекеша Л.И., 1993, с. 132).

До недавнего времени считалась надежно установленной дата исламизации Северо-Восточного Семиречья в XIV в. «Согласно наиболее распространенной точке зрения, ислам был официально введен в восточной части Чагатаева улуса при Туглук-Тимур-хане (1328-1362), основателе Могулистана». Начатая им религиозная политика была продолжена при его преемниках, особенно во время ханствования его внука Мухаммад-хана (1408-1416) (История Алматы, 2006, с. 343). Однако раскопки, осуществленные Институтом археологии им. А.Х. Маргулана под руководством К.М. Байпакова в 2004 г. мусульманских культовых объектов на городище Каялык, свидетельствуют о существовании мусульманского культового центра, состоящего из ханака и мавзолеев на рубеже XII-XIII вв., а также о крупной соборной мечети, построенной в середине XIII в., и сгоревшей с другими сооружениями верхнего горизонта в ходе городского пожара.

5 Предварительная информация по периодизации проникновения ислама (домонгольского периода) в Южный Казахстан опубликована (см. Железняков Б.А., 2009, с. 174-195).

Каялык (Кайлак, Кайалик) – центральный город Северо-Восточного Семиречья, возникший на северном ответвлении Шелкового пути и сопоставляется с городищем Антоновское (Койлык) – самым большим городищем Северо-Восточного Семиречья. Городище расположено на восточной окраине современного аула Койлык Саркандского района Алматинской области. Через южную часть городища проходит трасса Алматы – Усть-Каменогорск, непосредственно под горными прилавками Жетысуского (Джунгарского) Алатау, откуда выходит ближайшее к городищу ущелье Арабсай (название, явно связанное с первыми исламскими миссиями, следами пребывания которой являются остатки ханака) с небольшой речкой Ащибулак, имеющей незначительный, но постоянный сток. Территория городища была окружена крепостной стеной, которая теперь сохранилась высотой до 4 м. Наилучшим образом она сохранилась в восточной части городища на не занятой современными постройками территории городища. На территории, занятой постройками, стена сохранилась фрагментарно[6]. В плане стены города имели вид неправильного четырехугольника со сторонами от 750 до 1200 м, южная стена примыкает к подножью гор. Территория городища сохранила следы былой городской застройки, улиц, переулков, хорошо различимых и сейчас в топографии.

Академик К.М. Байпаков, инициировавший археологические исследования городища Антоновское и связавший его с городом Каялык, неоднократно подчеркивал, что этот город упоминается в источниках XI – начала XIII веков как столица карлукских джабгу, самостоятельного владения тюрков-карлуков в каганате Караханидов. Рубрук же о Каялыке и дороге к нему писал: «Переправившись через те горы, которые составляли отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на 25 дней пути в окружности. И эта равнина вся прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое море. Мы нашли там большой город по имени Кайлак, в котором был базар, и его посещали многие купцы. В нем мы отдыхали 12 дней, ожидая одного секретаря Бату, который должен был быть товарищем нашего проводника в устроении дел при дворе Мангу. Земля эта прежде называлась Органум» (Путешествие в …, 1993, с. 110).

В последнее время были опубликованы новые источники по исламизации Южного Казахстана и Семиречья. Среди них заслуженным интересом пользуется, в частности «Тарих нама», т.е. сакральная родословная

6 Село Ново-Антоновское было основано в начале XX в., в ходе археологических раскопок в верхнем горизонте иногда находятся яркие артефакты этого периода.

регионов Центральной Азии к северо-востоку от Мавераннахра. Одной из пяти опубликованных редакций является «Кайалик», где центром событий является город Каялык (легендарные описания исламизации города, сакральных родословных его проповедников). По версии составителей этот документ был увезен из Ясы в Каялык вместе с четырехлетним внуком Ходжи Ахмеда Ясави – Ахмад ходжа-ата, суфием Арслан-ходжа (Исламизация и сакральные …, 2008, с. 120, 138-139). Несмотря на то, что хронология источника не совпадает с официальной, вполне возможно, что пребывание суфийской миссии было прервано событиями начала XIII в. Если политика киданей во-многом была толерантна к мусульманству, то Кучлук проводил совсем иную политику, которая может быть прослежена по археологическим источникам. Редакция «Кайалик» содержит намного меньше фактических данных, по сравнению с другими, например, «Кара-Асман».

Исторический фон. В первой трети XII в. власть в Жетысу от Караханидов переходит к киданям (карахытаям), образовавшим обширную империю от Тихого океана вплоть до Мавераннахра, ставка киданьского гурхана находилась под Баласагуном на берегу реки Шу. Регион северо-восточного Жетысу, входя в империю киданей, находился под властью карлукского хана со столицей в Каялыке. Первые киданьские ханы относились к исламу терпимо, но при Чжилугу (середина XII в.) началось широкое мусульманское движение, направленное против киданей. Киданям удавалось контролировать ситуацию, но с появлением в 1209 г. в Жетысу найманов обстановка изменилась. Правитель найманов Кучлук оказался в восточных степях Казахстана вместе с остатками войск. Встав на службу каялыкского правителя, Кучлук фактически стал правителем северо-восточного Жетысу и до смерти Мамду-хана (правителя карлуков) управлял страной, стремясь оттеснить киданей и разделить их владения. Известно о нападении Кучлука на казну киданьского гурхана в Узгене в 1210 г. (Караев О.К., 1983, с. 188). Жетысу стал ареной междоусобных войн, мятежей и мусульманских восстаний до 1218 г. Видимо, комплекс ханака-мавзолеи Каялыка караханидского времени пострадали в это время.

Проблемы во взаимоотношениях местных племен карлуков, вошедших в державу Караханидов, и новых завоевателей региона киданей и найманов были традиционными для подобных случаев. Завоеватели, двигавшиеся в западном направлении, исповедовали «старые» (для Центральной Азии) культы и религии, главным образом, несторианство и буддизм, значительно смешанные с язычеством. Местное население, и не

только городов, в основном уже приняло ислам. В конце IX в. после взятия Тараза Саманидами христианская церковь там была перестроена в мечеть, аналогичные случаи происходили и в других городах, в частности в Мирки. Раскопки крупного культового сооружения в центре Тараза последних лет продемонстрировали, что под слоями, относящимися к раннесредневековой мечети, были сделаны находки, имеющие отношение к несторианскому сооружению. Христианские находки выставлены ныне в музее, устроенном в историческом здании бани Кали-Юнуса. Официально ислам стал государственной религией в Караханидском каганате в середине X в. С этого момента в городах появились монументальные, с богатым убранством сооружения мечетей, минаретов, мавзолеев и другая культовая архитектура. Среди них минарет Бурана, входивший в комплекс мечети города Баласагуна, мавзолеи Айша-Биби и Бабаджи-Хатун и раскопанные археологами остатки мечети на городище Орнек (средневековый город Касрибас), хорошо известны и комплекс мавзолеев и минарет в Узгене XI-XII вв.

О распространении ислама в северо-западных районах Восточного Туркестана, и непосредственно примыкавших к ним незадолго перед монгольским нашествием, писал В.В. Бартольд, говоря о владетеле Каялыка – Арслан-хане – мусульманине. Владетель соседнего крупного города Алмалыка также был мусульманином, притом, что оба владения были включены в империю киданей, принесших дальневосточную буддийско-христианскую культуру. В.В. Бартольд подчеркивает прогрессивный характер в то время мусульманской культуры и оживленный процесс распространения мусульманства даже под владычеством иноверцев. Цитируя Джувейни, В.В. Бартольд говорит о том, что мусульмане были министрами немусульманского императора, а возникали мусульманские владения там, где их раньше не было. В XIII в. при Марко Поло мусульманами уже были жители местности вокруг озера Лоб-Нор (Бартольд В.В., 2002, с. 110-110).

Распространение ислама в землях тюрков все в большей степени происходило невооруженным путем (по крайней мере, с X в.). Новая и прогрессивная мусульманская культура относительно легко позволяла опытным проповедникам-суфиям добиваться больших результатов. Эффект достигался за счет проповеди, адаптации учения к местным традициям и создания позитивного образа мусульманской культуры при вовлечении населения региона в новую религию. Не последнюю роль при этом играли и экономические выгоды. Значительная заслуга в деле распространения мусульманства принадлежала суфиям, основавшим не-

сколько конкурирующих между собой орденов, а духовная жизнь сосредоточивалась, кроме мечетей, еще и в ханака.

Мусульманская культура Средней Азии XI – начала XIV вв. была по преимуществу городской (по месту своего распространения). Отдельные замки правителей к этому времени утрачивают роль центров политики и культуры. В полном смысле это можно отнести и к Каялыку и его широкой округе. Общественная жизнь средневековых городов предполагала наличие двух центров – пятничную мечеть и базар. Сведения письменных источников и преданий подтвердились выявлением остатков соборной мечети, мавзолеев и ханаки – культового сооружения для дервишей-суфиев в результате исследований археологов в 2004 г.

Археологические исследования. Впервые археологические исследования на городище были проведены в 1964 г. К.М. Байпаковым. С 1998 г. раскопки, проводимые экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК под руководством академика К.М. Байпакова, приобрели систематический ежегодный характер. Археологические исследования 2004 г. в рамках программы «Культурное наследие» выявили значительное число культовых исламских объектов на городище Каялык. Это подтверждает сведения исторических источников о значительной роли ислама в средневековом городе. В первую очередь важнейшим аргументом является соборная мечеть столичного города (Байпаков К.М., Железняков Б.А. Отчет… в 2004 г.). Кроме того, результаты исследований значительно удревняют наши представления об исламизации региона.

По результатам археологических исследований на городище Антоновское следует, что в период второй половины XIII – начала XIV вв. город, по преимуществу мусульманский, с пятничной мечетью в центре города. Кроме того, можно утверждать положение об унификации архитектуры культовых сооружений, в частности, соборных мечетей на обширных пространствах государства Золотая Орда в раннезолотоордынский период, относящийся ко второй половине XIII – началу XIV вв. Та же ситуация наблюдалась в Улусе Чагатая, куда входили земли Каялыка. Уточнение времени строительства Соборной мечети на Каялыке, возможные причины и время разрушения требуют продолжения неоконченных раскопок и внутри, и снаружи мечети. Обращаясь к истории строительства Соборной мечети на городище Булгар, интересно отметить значительную продолжительность строительства таких крупных сооружений. По археологическим данным, фундамент мечети был заложен незадолго перед монгольским нашествием, а строительство было закончено лишь к началу XIV в. (Хлебникова Т.А., 1974, с. 22-23). Тем самым, исламская

культовая архитектура монгольского времени имела прочное основание в более ранней архитектуре аналогичного назначения.

Ханака и мавзолеи. О значительном распространении мусульманской культуры в домонгольский период свидетельствует комплекс ханака и двух мавзолеев (состоящий из двух выявленных раскопками 2004 г. мавзолеев). Комплекс, расположенный у северо-восточных ворот города, выстроенных, как предполагается, в конце XII – начале XIII в., и видимо, связанный с принятием ислама Караханидами, который мог растянуться во времени. Терракотовая отделка Западного мавзолея свидетельствует именно о строительстве мавзолея (комплекса) в период расцвета общей культуры мусульманского ренессанса, особенно небольшой на территории Северо-Восточного Жетысу. Сохранность мавзолеев плохая и, видимо, они были разрушены преднамеренно, а затем время завершило их окончательное превращение в руины. Об этом косвенно может свидетельствовать хорошая сохранность внутренней отделки из гипса, которая начинает страдать уже в первые десятилетия после постройки сооружения. Гипсовая отделка каялыкского мавзолея пострадала, скорее, от единовременного разрушения, но не от постепенного ветшания. Более того, следует добавить, что есть несколько доводов в пользу того, что комплекс был разрушен в период до массовой исламизации, случившейся в середине XIII в. Если значительные сооружения верхнего горизонта: мечеть, манихейский храм погибли в результате городского пожара, то никаких следов горения в развалинах мавзолея и ханака не было обнаружено. Непотревоженными сохранились участки стен, основание угловой колонны из жженого квадратного кирпича и отдельные участки выложенных кирпичом полов, под которыми в одном случае обнаружено четыре погребения – мужское, женское и два детских. Ширина сохранившегося участка стены 60 см, длина 1,3 м, примыкает к основанию угловой колонны мавзолея диаметром около 1 м (ширина кирпичной кладки, без штукатурки и деталей орнамента). Конструкция из квадратного жженого кирпича (хорошего качества) сохранилась на высоту до 70 см.

Погребения умерших в караханидское время людей были совершены по мусульманскому обряду. Как известно, согласно канонам ислама, в могилу вместе с погребенными вещи не кладутся, но бывают отступления от правил, свидетельствовавшие о начальном этапе исламизации. На скелете женщины были найдены золотые украшения: два перстня, серьга, подвески из спаянных из двух частей, полых внутри шариков, а также украшения из бирюзы и бисер. Украшения, а также относительно хорошо сохранившиеся крупные фрагменты богатого шелкового савана,

в которые были завернуты умершие, а также и само место захоронения (рядом с главным мавзолеем, фасад которого был богато украшен поясами из резной терракоты) говорят о высоком социальном положении погребенных. Погребальная камера была устроена так, что ее стенки были укреплены толстыми до 20 см шириной и более деревянными плахами из распиленного вдоль пополам бревна, прикрепленным к мощным бревнам, составлявшим крепкий каркас. Погребенные были положены на широкие деревянные доски, опиравшиеся на цельные бревна небольшого диаметра, напиленные по ширине погребения. Сверху они также накрывались широкими тонкими досками, а затем рядом из поперечных по отношению к усопшему бревен небольшого диаметра, которые, видимо, были прикреплены к внешней стенке камеры, но просели к моменту раскопок. Выше была выложена поверхность из сырцовых кирпичей размерами 36х18х9 см. На ней при раскопках были найдены фрагменты костей барана. На уровне поверхности пола устраивались надгробия из сложенных «елочкой» обожженных кирпичей размерами 26×12 см, обмазанных ганчевым раствором и побеленных известкой. Сохранилось два надгробия, сложенных по три кирпича в длину. Захоронение ребенка устроено в склепе размерами 130×85 см, сложенном из половинчатых жженых кирпичей (9 рядов в высоту).

Нужно отметить, что захоронения были сделаны на разной глубине. Женское (2) и подростковое (3) на глубине 115-118 см от поверхности вымостки пола мавзолея из жженых кирпичей. Детское (4), совершенное в склепе, перекрытом сверху деревянными плахами (из распиленных вдоль пополам бревен шириной 18-27 см) было осуществлено на глубине 85 см. Мужское (1) захоронение было на глубине 80 см.

Антропологические исследования погребенных еще не проводились. Приведем доступные краткие характеристики. Погребенный в первом захоронении мужчина имел плотное телосложение и физически был очень сильным, при небольшом росте около 163-165 см. Рост женщины из захоронения (2) был 148-150 см. Она, по-видимому, имела миниатюрную фигуру, тонкие черты лица. Мужчина, или скорее подросток, в третьем захоронении – рост 155 см, ширина могильной ямы 48-55 см. Скелет ребенка в склепе имел длину 105 см. Сохранность костей из детских захоронений 3 и 4 очень плохая, очевидно, что в связи с разрушением мавзолеев, деревянные детали каркаса могильной камеры начали быстро прогнивать. Это привело к просадке метровой толщи земли и сырцовых кирпичей над погребенными. В первую очередь раздавило детские черепа и кости. Во всех четырех захоронениях наблюдалось идентичное

положение костяка: на спине в вытянутом положении головой на С-СЗ, лицо повернуто на ЮЗ в сторону Кыблы (Мекки). В каждом случае совпадает и положение рук: ладонь левой руки лежит на солнечном сплетении, правая на низу живота.

Известно, что именно в XII в. на Среднем Востоке достигает небывалого расцвета техника резной терракоты. Порталы сооружений облицовывались плитами различных форм, на которые орнамент наносился до обжига. Узоры, не ограниченные более строгими стандартами кирпича, принимают разнообразные формы, сочетая геометрические, растительные и эпиграфические орнаментации (Воронина В.Л., 1973, с. 70). Из подобных же терракотовых плит была составлена облицовка известных (и считающихся одними из лучших среди мавзолеев XII в.) северного и южного мавзолеев в Узгене. Раскопанный и собранный на фрагментах терракоты облицовки портала эпиграфический и растительный орнамент с мавзолея на городище Каялык практически повторяет аналогичную облицовку Южного мавзолея в Узгене (дата постройки которого 1186-1187 гг.). Узгенский отличается утонченностью резьбы основного рисунка, главным образом за счет создания орнаментального фона под основным рисунком из повторяющихся мелких растительных сплетений. Можно предположить, что положение орнаментальных плит на мавзолее Каялыка с надписью очень декоративным (процветшим) куфи (буквы сплетаются в узлы и флероны) было аналогично Южному мавзолею в Узгене – на выкружке портала, судя по всему, каялыкский мавзолей был изготовлен, как и сама планировочная основа конструкции обоих сооружений, выстроенных в одном ритме с ханака.

Нужно отметить еще одно сходство – строительство мавзолеев в одну линию, вплотную, либо почти вплотную. В Каялыке, где пока раскопаны остатки двух мавзолеев – Западного относительно лучшей сохранности, а также соседнего – Восточного мавзолея, с сохранившимися вымощенным жженым кирпичем полом и захоронениями. В то же время западный мавзолей непосредственно примыкает к остаткам еще одного культового сооружения, предположительно к ханаке, и образует единый ансамбль, обращенный в сторону площади, на юго-восток. Ханака, где между стенами и фундаментом был проложен ряд бревен, была более легкой, но объемной постройкой, выстроенной с крестовидной основой плана в традиционной для большинства подобных сооружений этого времени манере.

На месте портала западного мавзолея Каялыка обнаружены фрагменты терракоты с несколькими орнаментальными мотивами: большая часть находок – это несложный гирих – переплетения геометрического

орнамента, в основу которой положен равноконечный крест с квадратом в центре, с четырех сторон сплетающихся с другими подобными же крестовидными переплетениями, значительное количество терракоты с фрагментами букв курсивом. Наиболее тонкая резьба со сложным рисунком, резьба по терракоте, судя по фрагментам, была у колонок, оформлявших переход от портала во входную нишу, а также в нише непосредственно над входом. Большинство из найденных фрагментов явно уступают изящной резьбе Узгена. Очевидно, было также несколько орнаментальных поясов: гирих, несложный повторяющийся геометрический орнамент, образованный четырьмя крестовидными фигурами, сплетающимися в одну фигуру через промежуточный квадрат, несколько видов растительного орнамента, фрагменты с эпиграфикой, узкие бордюры с геометрическим орнаментом. Глубина резьбы орнамента 1,6-2,5 см. Мавзолеи в Узгене портально-купольные, с восьмигранной подкупольной системой арочных парусов. Могут служить реконструкциями для почти полностью разрушенных каялыкских во многих отношениях.

Мавзолеи Узгена – усыпальницы Караханидов. Южный мавзолей в Узгене является самым поздним и наиболее насыщен резьбой среди узгенских мавзолеев. Считается, что он не имеет аналогов. Есть и то, в чем каялыкский мавзолей превосходит южный узгенский – в интерьере. Считается, что южный узгенский мавзолей его был лишен совсем. В Каялыке же обнаружено около сотни фрагментов отделки интерьера мавзолея. Выполненные из ганча (алебастровая штукатурка) детали отделки интерьера в значительно большей степени пострадали от времени, однако насчитывают несколько орнаментальных мотивов: эпиграфический, растительный, геометрический.

Из находок на мавзолее следует особо отметить многочисленные обломки резных плит, которыми отделывался фасад здания, составлявших орнаментальные пояса, заполненные геометрическим и растительным орнаментом. Причем в растительные мотивы были включены надписи арабскими буквами. Еще только предстоит по восстановлению богатства декора собрать и прочитать надписи, по крайней мере, для выяснения имен похороненных здесь людей.

Значительная заслуга в деле распространения мусульманской культуры принадлежала суфиям-ученым, основывавшим ханака и так называемые ордена в крупных городах, собиравшим в свои ряды наиболее ярких местных мыслителей.

Еще одно сооружение, на котором проводились раскопки в 2004 г.,– ханака. Раскопки не были завершены. Первоначальное предназначение

ханака (ханако) – обитель суфиев-дервишей, которые были устроены в соответствии с особенностями их ритуалов и жизни. Наряду с функциями широкой проповеди ислама, пожалуй, главным смыслом деятельности суфиев было развитие мистического учения для избранных с наставниками – пирами во главе. Зачастую шейхи захоранивались в ханака в особых местах, добавляя ханака к сопутствующим функциям гостиницы (завия) и медресе еще и мавзолея святого учителя. Истахри пишет о более чем 10 тысячах ханака в предмонольской Средней Азии (Мец А., 1966, с. 381). Исследователь архитектуры Среднего Востока С. Хмельницкий отмечает загадочность того факта, что из множества, казалось бы, политически нейтральных зданий сохранились единицы, в то время как дворцы и усыпальницы, принадлежавшие конкретным династиям, уцелели в значительно более полном объеме (Хмельницкий С., 1996, с. 277). Ханака, начиная с XIV в., сохранились лучше, в то же время их число было значительно ограничено.

Постройка в Каялыке, расположенная к юго-западу от западного мавзолея, – предположительно ханака, испытавшая на себе судьбу тысяч подобных же сооружений домонгольского периода. От сооружения остались лишь основания стен размерами 19,7×19,7 м в несколько рядов высотой, да и то не по всему периметру из квадратного жженого кирпича (26×26 см). Внутренняя площадь здания разделялась на небольшие квадратные и прямоугольные помещения, пять рядов по пять помещений, следующим образом – к каждому квадратному помещению, расположенному по всем четырем углам здания, примыкали по два помещения. Сгруппированные по четырем углам по три помещения были разделены по центру каждой стены расширениями центрального двора постройки. Таким образом, было двенадцать отдельных помещений, а тринадцать оставшихся секторов, объединенных в форме равностороннего креста, перекрытых общей кровлей, составляют центральное помещение для так называемых радений (см. план вскрытой части сооружения, рис. 7). О чем говорят четыре массивных, кубической формы камня – основания, очевидно, деревянных колонн, на которых держалось перекрытие кровли. Сооружение раскопано не полностью, но уже можно предположить его преднамеренное разрушение еще в средние века. Об этом может говорить массивное каменное ядро – очевидно, от метательной машины и наконечник стрелы, найденные при раскопках во внутреннем дворе ханака на поверхности пола. В результате сохранились лишь основания стен, сложенных в два ряда в высоту из квадратного жженого кирпича на фундаменте из пахсы. На кирпичи же были положены бревна (обнаруже-

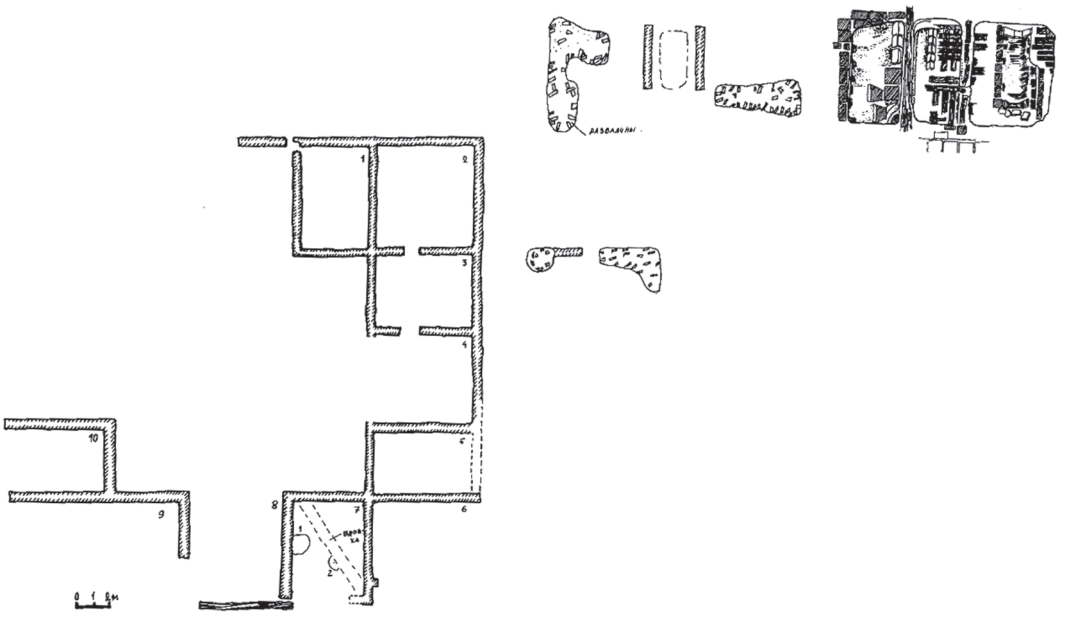


Рис. 6. План, выполненный ручной съемкой Т.С. Дощановой

ны фрагменты полуистлевших бревен). Сами стены, очевидно, были сложены из сырцового кирпича, остатки которого сохранились. В последние десятилетия прямо над сооружениями проходила оживленная проселочная дорога, по которой двигалась и тяжелая техника, довершившая разрушение некоторых участков стен ханака. Лучшую сохранность имеют кирпичные основания стен восточных помещений, где дорога проходила на более высоком уровне и разбила стены меньше.

В южных помещениях вскрыто четыре детских захоронения, совершенных по мусульманскому обряду. Одно из них прорезало пахсовую кладку основания стены, из чего можно предположить, что захоронения совершались уже после разрушения объекта, см. рис. (Байпаков К.М., Воякин Д.А., 2006, с. 161, рис. 43). Основание стен северо-западного угла здания могли быть разрушены при прокладке и длительном использовании дороги, спускавшейся к арыку. Квадратное в плане здание с симметричной планировкой помещений ханака повторяет и продолжает ту же ориентировку на юго-запад соседствующего с ней с северо-востока мавзолея, удачно вписываются в один ансамбль.

Раскопки примерно четверти ханака не завершены, возможно, что за мавзолеями дальше следовал городской некрополь, но и в раскопанных участках, по-видимому, содержатся надгробья захоронений. Стоит заме-

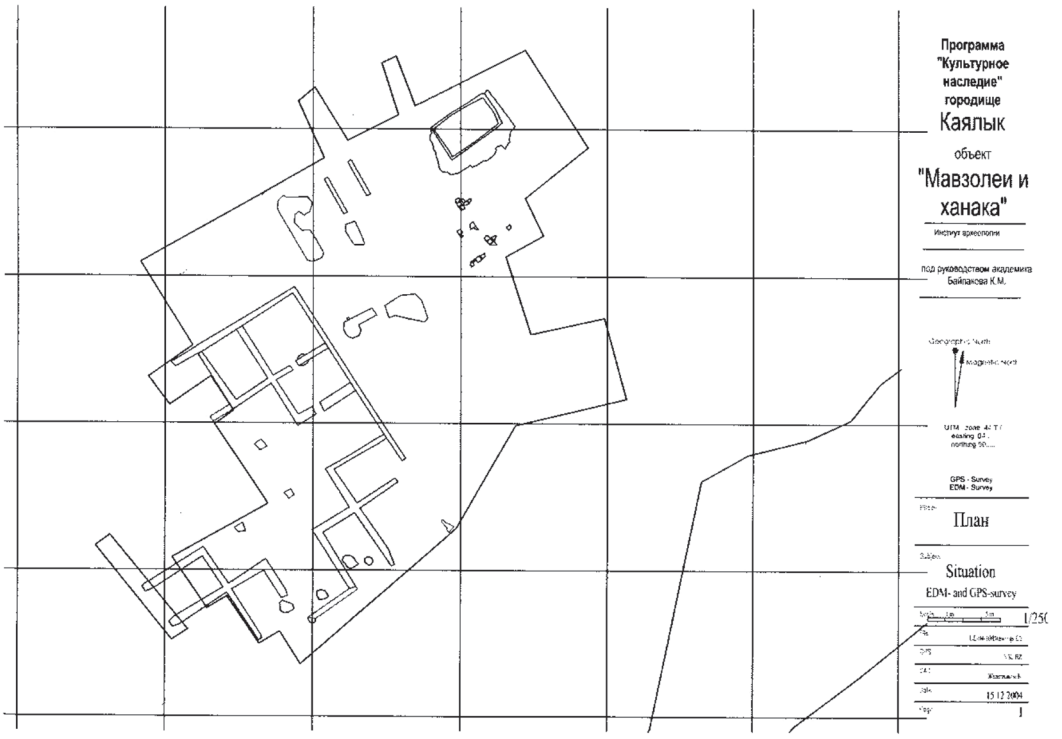


Рис. 7. Инструментальный план раскопа с указанием границ, остатков стен и руин мавзолеев и вскрытого участка ханака в 2004 г.

тить, что раскопанные захоронения (четыре детских одиночных и четыре в одной могильной камере) имеют одинаковую ориентацию головой на северо-северо-запад, лицо обращено на юго-запад.

Планировка ханака, нижняя часть которого вскрыта в 2004 г. на Каялыке, полностью согласуется с установившимися взглядами на строгое внутреннее устройство сооружений подобного предназначения на Среднем Востоке. Ханака Центральной Азии – компактные здания, обычно с центрическим устройством, равнофасадные. Обязательно наличие центрального купольного зала, для проведения особых ритуалов – радений, значительно отличавшихся обрядностью от обычных служений. Зачастую эти сооружения имели крестовидный план с жилыми помещениями по углам. В обширном исследовании по архитектуре средневековой Средней Азии С. Хмельницкий приводит данные всего лишь о четырех сохранившихся домонгольских ханака (одним из которых, по мнению автора, являлся загадочный Таш Рабат, что пока не получило единого одобрения у исследователей истории архитектуры). Остальные ханака в Мисриана –

у южной городской стены и два в Термезе: у некрополя Султан Саадат и у мавзолея Хакими Тирмези – имеют крестовидную планировку с четырьмя осевыми входами-нишами и сравнительно небольшие размеры 13-25 м (Хмельницкий С., 1996, с. 277). То есть каялыкский ханака был средних или чуть более средних размеров и является уникальным (самым северо-восточным суфийским сооружением домонгольской поры).

Археологическим раскопкам с 1998 г. подверглись несколько крупных, выделенных в топографии остатков сооружений. Археологические данные восстанавливают значительную часть культурной жизни этого средневекового города. Можно говорить о значительных и в своем роде уникальных мусульманских объектах Каялыка, сосредоточенных сначала в северо-восточной части города: мавзолеи, ханака и, очевидно, некрополь. Несколько позже, почти в центре города была выстроена Соборная мечеть, вместе с другими строениями культового назначения образовывавших крупный мусульманский комплекс, занимавший заметную часть города. Значительные размеры мечети, богатство убранства мавзолея говорят об активном распространении ислама в регионе, подтверждают столичный статус города.

Из раскопок предыдущих лет хорошо известен буддийский храм за северной стеной городища. Ведутся работы на предположительно несторианском поселении Лепсы. По результатам исследования объекта (крупного зала) у южной стены городища можно говорить о его культовом назначении и принадлежности к манихейскому культу.

Дальнейшая религиозная ситуация во многом зависела от политической. В период монгольского владычества ислам оказался очень стесненным. Хотя монголы были веротерпимы, но большинство из них оставались язычниками, как минимум до принятия ислама в качестве государственной религии. Многие ханы исповедовали буддизм или христианство, при них велась миссионерская деятельность в среде монголов и тюрков, что затрудняло дальнейшую исламизацию кочевников. Чагатай–хан – один из первых Чингизидов, который был противником ислама и оказывал покровительство христианам. Дженкши покровительствовал буддийским жрецам, при нём велась католическая пропаганда, прибывшим из Европы католическим миссионерам разрешалось строить церкви в Алмалыке. Однако его преемник Али-Султан устроил кровавое гонение против христиан, все католические миссионеры погибли, церкви были разрушены. Туглук-Тимур (1348-1343 гг.) – первый моголистанский хан, принявший ислам, а все его преемники уже носили мусульманские имена. Подданные же ханов оставались язычниками (Джуманалиев Т.Д., 2002).

Таким образом, вскрытые и изученные в ходе археологических раскопок 2004 г. мусульманские сооружения Каялыка, по-видимому, относятся к расцвету мусульманской культуры и в целом городской культуры региона в средневековый период. Крупная Соборная мечеть, построенная в центре столичного города карлуков, исследована впервые в регионе северо-восточного Жетысу. Возможно, будущие исследования выявят и мечети других типов, например, квартальная или поминальная – меньших размеров и домонгольского времени. Традиционно городу полагалась одна пятничная мечеть. Строительство подобной пятничной мечети знаменовало факт преобладания мусульманской культуры в городской среде, принятия ислама в качестве государственной религии. В то же время это было время, когда в Каялыке существовали буддийская, несторианская, манихейская и др. общины. Угасание полирелигиозной культуры северо-восточного Жетысу шло параллельно с прекращением городской культуры в XIV в.

Культовые сооружения, относящиеся к мусульманской культуре домонгольского времени, раскопанные на Каялыке, интересно и ярко характеризуют общее для Среднего Востока течение суфизма. Как известно, ранний канонический ислам отрицал всякое почитание святого и отрицал возведение намогильных сооружений. Ханака как культовые сооружения возникли на доисламской основе аскетического жития христианских или буддийских монахов и их скрытых учений.

Домонгольское время характеризуется наибольшим распространением суфизма. С формированием государства Золотая Орда произошла унификация учения, обрядов и сооружений. Это отчетливо прослеживается на другом памятнике городища Каялык, имеющем отношение к мусульманской культуре, – городской соборной мечети. Отснятые планы (инструментальный – автора этой статьи и ручной – Т.С. Дощановой) при проведении раскопок мечети в 2004 г. позволили архитектору И.Н. Емелиной провести ее графическую реконструкцию (первый вариант), выявить строгие закономерности плана (шаг колонн, пропорции и пр.). По мнению архитектора, выявившиеся при графическом анализе построения размеры встречаются в существующих исторических сооружениях подобного типа (мечеть Айтбая в г. Кызылорде) (Емелина И.Н., 2012, с. 80-92). Соборная мечеть по внешнему контуру стен не была докопана.

Таким образом, вскрытые в 2004 г. мусульманские сооружения Каялыка относятся к двум этапам массового проникновения этого мирового учения в регион северо-восточного Жетысу.

Литература

Байпаков К.М., Воякин Д.А. Средневековый город Каялык. Алматы, 2007. 263 с.

Байпаков К.М., Железняков Б.А. Отчет об археологических исследованиях на городище Каялык в 2004 г. // Архив ИА.

Байпаков К.М., Железняков Б.А. Сауран – город правоверных. // Nomad Kazakhstan, № 1(7), Алматы, 2006. С. 56-64;

Байпаков К.М., Нортхедж А. Новые данные об Акырташе. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. Алматы, 1997, № 1. С. 83-93.

Байпаков К.М., Петров П.Н. Кайалык – город Великой Монгольской империи. Нумизматический и археологический аспекты // Денежное обращение и торговля средневекового Казахстана. Материалы международной научно-практической конференции 8-10 июня 2006 г. Туркестан, 2007, с. 14-21.

Бартольд В.В. Ориентировка первых мусульманских мечетей. // Сочинения Т. VI. М., 1966. С. 537-542.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. М., 2002, 194 с.

Баштанник С.В. Остатки растений в средневековых памятниках долины р. Арысь // Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье. Туркестан, 2006. С. 99-108.

Бобровников В.О., Сефербеков Р.И. Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культов святых) // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 172-174.

Булатов М.С. Мавзолей Саманидов – жемчужина архитектуры Средней Азии. Ташкент, 1976. 128 с.

Воронина В.Л. Искусство Средней Азии и Казахстана //История искусства народов СССР. Т. 2. М., 1973. 163 с.

Джуманалиев Т. Д. Проблемы трансформации традиционной религии номадов в эпоху средневековья. // Выпуск 2. Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. Бишкек. 2002. С. 52-64.

Емелина И.Н. Графическая реконструкция мечети XIV в. на городище Каялык. // Изучение и сохранение культурного наследия Республики Казахстан. Сборник статей. Вып. 1. Алматы, 2012. С. 80-92.

Ергешбаев А. К вопросу о хронологии длинных стен городища Караспан (предварительные итоги) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. № 1 (274), Алматы, 2010. С. 165-168.

Железняков Б.А. Орнамент на керамике в караханидское время: о природе культурных взаимодействий территории Южного Казахстана// Известия НАН МОН РК. Сер. обществ. наук. Алматы, № 1, 2008. С. 156-172.

Железняков Б.А. Об особенностях формирования городских рабадов в IX-X вв. на юге Казахстана (городища с длинными стенами) // Известия НАН МОН РК. Сер. обществ. наук. № 1 (268). Алматы, 2009. С. 174-195.

Железняков Б.А. К истокам синкретизма в караханидском орнаментальном сюжете. Фарн и крест// Материалы II международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2010». Актобе, 2010. С. 139-145.

Железняков Б.А. К вопросу о сакральных ориентировках архитектурных сооружений Средней Азии античности и средневековья // История и археология Семиречья. Алматы. № 4/2011. С. 89-101.

Железняков Б., Шербаев Р. О раскопках и исследованиях Древнего Саурана// «NOMAD Kazakhstan». № 3(21), Алмты, 2008. С. 76-87.

Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях. Т. 2. – Алматы, 2008. 368 с.

Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Вып. 1 – 4. М., 1998 – 2003.

История Алматы. В двух томах. Том. 1. Алматы, 2006. 368 с.

Караев О. К. История государства Караханидов (X – начало XIII вв.). Фрунзе, 1983, с.

Карев Ю.В. Политическая ситуация в Мавераннахре в середине VIII века // Центральная Азия. Археология, история, культура. М., 2000. С. 205 – 218.

Копылов И.И., Керекеша Л.И. Талкиг (древний Талгар) – развилка Великого Шелкового пути //Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993. С. 132.

Мец А. Мусульманский Ренессанс. Изд. 2-е. М., 1973. 473 с.

Нуртазина Н.Д. Исторический процесс исламизации Казахстана (VIII-XVIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.и.н. Алматы, 2010.

Позднев П. Дервиши в мусульманском мире. Оренбург, 1886. 334 с.

Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. 336 с.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957. 272 с.

Стюарт Д. Сведения агиографической литературы по истории и религии казахов. //Шелковый путь и Казахстан. Материалы научно-практической конференции. – Алматы, 1999. С. 89-100.

Хамед Мухаммед аль-Забен. Об истории возникновения дворцовой архитектуры арабо-исламского мира// ИНАН РК. Серия общественных наук. Алматы, 2000. № 1. – С. 265-272;

Хлебникова Т.А. Исследование центра города Болгара в 1964-1970 гг.// Города Поволжья в средние века. М. 1974. С. 18-23.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI-начала XIII вв. Часть 1. Берлин-Рига, 1996. 336 с.

DeWeese D. Islamization and native religion in the Golden Horde. Pennsylvania. 1994. – 638 p.

М.Д. Калменов

ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ С ГОРОДИЩА ЖАЙЫК

Настоящая статья посвящена раскопкам в Жайыке в 2014 г. гончарной печи. Приводятся характеристики печи, фотографии и рисунок внешнего вида печи и её частей. Также приводится изображение найденной в раскопе джучидской медной монеты времени Узбек-хана.

Ключевые слова: Жайык, раскопки, круглая гончарная печь, медная монета.

В полевом сезоне 2014 г. были продолжены археологические исследования на городище Жайык. В 15-17 м к югу от «Малой усадьбы» (Байпаков К.М. и др., Уральск, 2002; Байпаков К.М. и др., Алматы, 2005; Калменов М.Д., 2013, Калменов М.Д., 2014) после снятия верхнего горизонта были обнаружены контуры круглой в плане темно-бурого цвета площадки диаметром около 8 м. Вся площадь вокруг контура была заполнена слегка рыхлой землей, смесь с золой. В северной части объекта найдено несколько мелких фрагментов, возможно, обгорелого сырца. После снятия следующего слоя в заполнении найдено большое количество фрагментов красноглиняной керамики. Среди них особо выделяется несколько фрагментов штампованной сероглиняной и поливной керамики, местами обнаружены крупные куски сырца и глиняные шлаки. После расчистки контура, где были сконцентрированы обгоревшие сырцы, выяснилось, что это гончарная печь.

Памятник представляет собой круглое в плане сооружение диаметром 1,25 м. В ходе зачистки во внутреннем заполнении обнаружено большое количество кусков природного мела, возможно, куски мела попали в период запустения памятника. После удаления фрагментов мела на глубине 60-65 см обнажились перекрытия топки печи. В четырех местах

Рис. 1. Гончарная печь после зачистки. Городище Жайык

перекрытия располагаются отверстия-продухи, которые служили для доступа горячего воздуха в верхнее отделение из топочной камеры. Они представляют собой круглые отверстия диаметром от 9 до 12 см, высотой 10-12 см, расположенные через каждые 30-40 см. Из-за плохой сохранности сказать что-либо конкретное о перекрытии обжигательной камеры и загрузочного отверстия трудно. Толщина глиняной массы перекрытия топки 9-12 см. Восточная часть перекрытия сильно разрушена. Сооружение было воздвигнуто из кирпичей размером 22×12×5, 25×12×6 см. Кирпичи печи, по-видимому, первоначально были сырцовые, об этом говорит тот факт, что с внешней стороны они сырцовые, а с внутренней красные, то есть обожженные. Кладка северо-западной части стен печи просела на 8-10 см. Перекрытия памятника были сооружены на глубине (от современного остатка горна) 55-60 см. На этой глубине с внутренней стороны четко прослеживаются следы слома перекрытия. В северо-западной части, где читается проседание кладки, с внешней стороны обнаружены контуры почти круглой в плане предтопочной ямы диаметром 2,10 м, глубиной от 0,90 до 1 м. Ниже дернового слоя идет слой разрушения мощ-

Рис. 2. Внутренняя кладка стены печи

ностью до 40 см. На глубине около 80 см обнаружен пол с зольным слоем толщиной 10 см. В слое были найдены обломки керамики XIII-XIV вв. Пол представляет собой утрамбованную белую золу толщиной 10 см, на которой местами прослежены обмазки с саманной глиной. В ходе расчистки заполнения ямы были обнаружены фрагменты красноглиняных стенок сосудов, костей животных и природного мела. Во время расчистки заполнения ямы была обнажена внешняя сторона печи, выявлены контуры и техника кладки стены горна. В восточном секторе горна для выяснения внешней кладки была заложена небольшая траншея размером 1,20×1,80 м. В результате были выявлены контуры кладки и с этой стороны. Кладка прослеживается на глубине до 50 см.

Таким образом, в результате произведенных работ было установлено, что гончарная печь была двухъярусной конструкции. Печь сохранилась плохо, уцелела только нижняя топочная камера, верхняя обжигательная разрушилась. Топка установлена в округлой яме-котловане, вырытой в материковом грунте. Стены топочной камеры сложены из сырцового кирпича размером 22×12×5, 25×12×6 см. В поздний период

Рис. 3. Продухи-отверстия печи

сооружение, по-видимому, использовалось для гашения извести. На это подсказывает факт скопления природной мели в самой печи и в предтопочной яме. По результатам археологических исследований последних лет, производство городища Жайык (печи по обжигу кирпичей, извести) (Калменов М.Д., 2013б, с. 205-214; Калменов М.Д., 2013в, с. 357-363; Калменов М.Д., 2013г, с. 37-45) по своему техническому развитию вполне соответствовало уровню технологий гончарного производства, который был достигнут в эпоху Золотой Орды.

Аналогичные гончарные печи раннесредневекового и средневекового времени известны в Хорезме на Кырккыз кале, Шемахе кале и других городищах (Вактурская Н.Н., 1952, с. 189-190; Неразик Е.Е., 1966, с. 154, Неразик Е.Е., 1976, с. 74). В Туркменистане гончарные печи также были двухъярусные, топки имели высоту 1,5-1,8 м (Лунина, 1974, с. 254-256). В Мерве, начиная с IX в., складывается три типа печей, которые будут характерны для периода развитого средневековья: это круглые печи без перекрытия топки, круглые двухъярусные с отверстиями-продухами в поду и двухъярусные прямоугольные (Лунина С.Б., 1962, с. 251). В Мерве получили распространение прямоугольные печи, появление которых

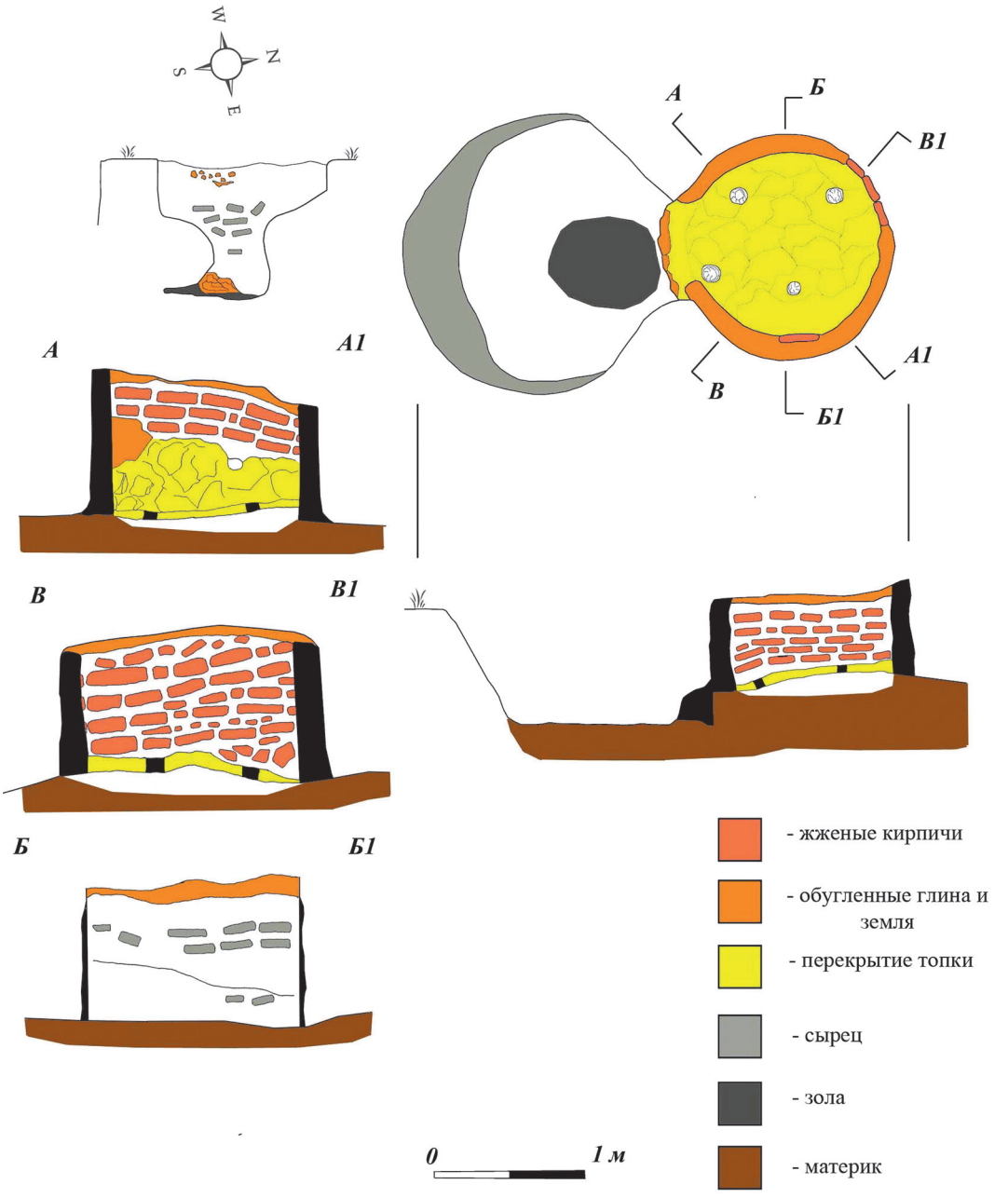


Рис. 4. Гончарная печь

связывается с увеличением производства (Масимов И., 1972, с. 35-37). Двухъярусные по конструкции печи были раскопаны в Кафыр-кале (Согд) (Беленицкий А.М. и др., 1973, с. 50).

Рис. 5. Пул ас-Сарая, 731 г.х., анонимный

Во время зачистки юго-западного сектора печи, на глубине 35-40 см была обнаружена медная монета. По мнению нумизмата П.Н. Петрова,* монета джучидская, монетный двор ас-Сарай, от даты видно только 73[1] г.х. (1331-1332 гг.) с надписью *ун алты данг*. Бит в правление Узбек-хана (рис. 5).

Во время работ 2002 г. также была найдена медная монета (Байпаков К.М. и др., 2005, с. 86), принадлежащая к пореформенному чекану хана Узбека, на ней была прочитана надпись: *Чекан Сарая 737*. Цифрами указан год чеканки 737/1336-1337 гг. В любом случае найденный нумизматический материал свидетельствуют о расцвете города в XIV в.

**Выражаю огромную благодарность П.Н. Петрову за предоставленную нумизматическую информацию.*

Литература

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Исследование средневекового города в окрестностях г. Уральска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана – Уральск. 2002. №1.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык – Алматы, 2005.

Белиницкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии – Л. – 1973.

Вактурская Н.Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха кала Туркменской ССР // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М. 1952 – Т. I.

Калменов М.Д. «Отчет об археологических исследованиях на средневековом городище Жайык», Уральск, 2013а // Архив Центра истории и археологии Западно-Казахстанской области.

Калменов М.Д. «Отчет об археологических исследованиях на городище Жайык», Уральск, 2014 // Архив Центра истории и археологии Западно-Казахстанской области.

Калменов М.Д. Кирпичеобжигательная печь с городища Жайык // «Поволжская Археология», Казань, 2013б – № 4 (6).
Калменов М.Д. Печь для сжигания извести с городища Жайык // Сборник статей «Археология Восточно-Европейской степи», Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции – Саратов, 2013в.
Калменов М.Д. «Объекты строительства на городище Жайык (13-14 вв.)» // «Вестник МИЦАИ» – Самарканд, 2013 г. – №18.
Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X-начала XIII вв. // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. – Ашхабад, 1962 – Т. XI.
Лунина С.Б. Эволюция и техника гончарного производства в средневековом Мерве // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. – Ашхабад, 1974 – Т. XV.
Масимов И. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе // Каракумские древности – Ашхабад, 1972 – Вып. IV.
Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма – М. 1966.
Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М. 1976 – Т. 9.

К.А. Руденко, ***Е.А. Беговатов***

РЕДКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С СЕМЕНОВСКОГО ОСТРОВА

В статье рассматривается археологический материал, найденный на Семеновском острове в Спасском районе Татарстана. Здесь в 1960-80-х гг. было выявлено более десятка археологических памятников разных эпох, в том числе и средневекового времени. Это I-V Семеновские селища. На окраине V Семеновского селища в 1980-х гг. были найдены монеты преимущественно эпохи Золотой Орды, разнообразные изделия из железа и цветных металлов. Выделяется находка золотого перстня с бирюзовой вставкой, датирующегося XIV в., что очень необычно для селищ. Интересна коллекция фрагментов бронзовых средневековых зеркал с различными изображениями. Они были обнаружены вместе с серебряными золотоордынскими монетами в подъемном материале. Изученные в статье находки позволяют утверждать, что в конце XIII – начале XV века на месте бывшего с. Семеновка существовало большое поселение, бывшее одним из торговых и ремесленных центров на этой территории.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Золотая Орда, Семеновское селище, зеркало, перстень, археология, дирхем, пул, ювелирные изделия.

Семеновский остров в Спасском районе Татарстана хорошо известен археологам Татарстана. После создания Куйбышевского водохранилища в 1955-1956 гг. в результате археологических разведок по берегам рукотворного моря, активно разрушавшихся водой, на месте бывшей д. Семеновка было выявлено несколько археологических памятников разных эпох. В последующие десятилетия их общее количество достигло почти десятка (Археологическая …, 1986, с. 64-67, №№ 395-410, 414, 415). Эти памятники почти ежегодно обследовались археологами ИЯЛИ КФАН СССР,

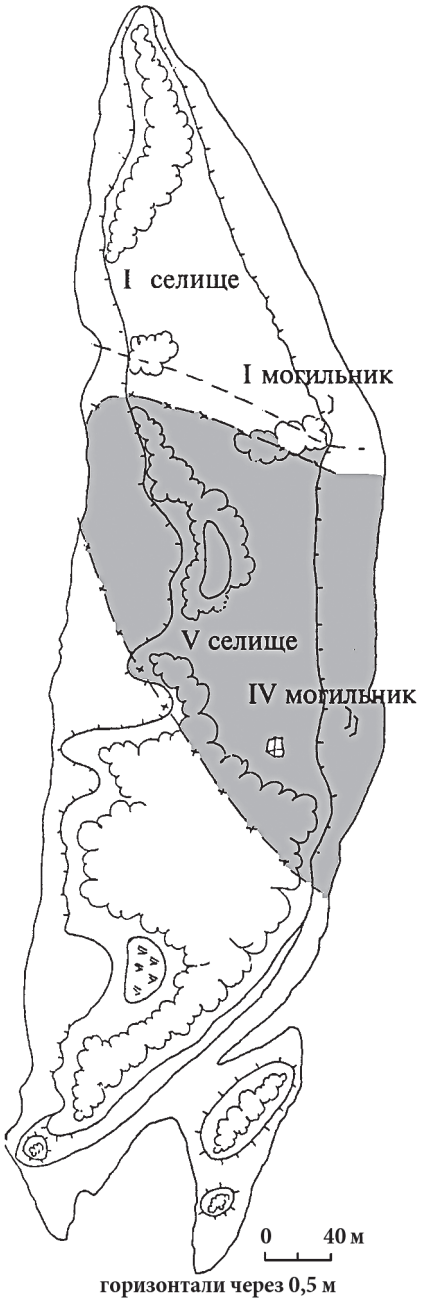


Рис. 1. Семеновский остров. План-схема

сначала отрядом Татарской археологической экспедиции под руководством А.Х. Халикова, а с конца 1970 – начала 1980-х гг. – Раннеболгарской экспедицией под руководством Е.П. Казакова. С начала 1980-х гг. ежегодные осмотры Семеновского острова проводились Е.А. Беговатовым (Беговатов Е.А., 1983, 1988, 1988а; Путеводитель…, 2011, с. 38, 39, №25, 33, 35).

К сожалению, подтопление острова водами Куйбышевского водохранилища, густые заросли деревьев и кустарника на нем, малая доступность острова, удаленного на достаточно большое расстояние от коренного берега не позволяли провести стационарные исследования этого памятника. Е.П. Казаков заложил здесь несколько шурфов и провел зачистки берегового обрыва (Казаков Е.П., 1991). Это позволило выяснить общую стратиграфию культурного слоя на острове. Археологи фиксировали размытые объекты, если уровень воды в водохранилище позволял это сделать, и проводили сборы подъемного материала. Но несмотря на эти данные, судить о том, что изначально представляли из себя археологические памятники на Семеновском острове сейчас не представляется возможным.

Подъемный материал с Семеновского острова, собранный почти за полвека, богат и разнообразен. Если не касаться находок ранних эпох – от каменного века и до Великого переселения народов, то львиная доля их принадлежит времени Волжской Булгарии и Золотой Орды. Среди интереснейших

находок: клад серебряных дирхемов X в., а также многочисленные отдельные монеты того же времени; небольшой клад серебряных ювелирных украшений XI – XII вв., находившихся в иранской бронзовой чаше (Руденко К.А., 1990); сотни стеклянных и каменных бус ближневосточного производства X в., металлические накладки поясного гарнитура IX – X вв., десятки сфероконических сосудов как целых, так и фрагментов. Е.П. Казаков предположил, что здесь располагалось одно из ранних торгово-ремесленных булгарских поселений (I – III Семеновские селища), расцвет которого приходился на вторую-третью четверть X в., то есть на период становления булгарского государства. Им же опубликована значительная часть находок с этих селищ (Казаков Е.П., 1991). В 2014 г. вышла обобщающая статья по нумизматическим находкам X в. в основном с I Семеновского селища (Беговатов Е.А., Казаков Е.П., Лебедев В.П., Мухаметшин Д.Г., Сингатуллина А.З., 2013, с. 47-63).

Не менее сенсационными были находки с V Семеновского селища, датированного золотоордынским временем и расположенного рядом с вышеупомянутыми селищами домонгольского времени (рис. 1). Рядом с V селищем в 1971 г. был обнаружен клад железных изделий XIV в. (Халиков А.Х., 1981, с. 102-107), крупнейший в Татарстане. На месте самого селища из размытого культурного слоя были собраны десятки серебряных и медных монет XIII – XIV вв., литая монетовидная подвеска, значительное количество железных и бронзовых изделий золотоордынской эпохи, фрагменты чугунных котлов и др. В 1962 г. на селище нашли клад из 2358 серебряных монет первой четверти XV в., чеканенных в основном в Булгаре (Археологическая …, 1986, с. 67, №414), а спустя 20 лет зафиксированы остатки, возможно, еще одного клада (Беговатов Е.А., Пачкалов А.В., 2006, с. 203; 2013, с. 183-196). К сожалению, только небольшая часть этих находок (кроме нумизматических) опубликована (Казаков Е.П., 1988, с. 75, 76, рис. 2, 3, 4; Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храмченкова Р.Х., 2012, с. 167, табл. 2, №7).

В настоящей статье рассматривается коллекция фрагментов металлических зеркал, собранная из разрушенного культурного слоя V Семеновского селища Е.А. Беговатовым в 1983-1987 гг. Большая часть их была обнаружена в разные годы примерно в одном месте в северной части этого поселения. С учетом того, что легкие по весу маленькие фрагменты зеркал в результате размыва культурного слоя селища перемещались прибоем и не сохранились in situ, то утверждать, что они были связаны исключительно с территорией их обнаружения, будет некорректно, но регулярность их находок именно в этом месте говорит о том, что этот факт не случаен.

В месте находок зеркал были найдены четыре серебряные монеты[1]. Первая, с именем каана Мунке (1251-1259 гг.), выпуск Булгарского монетного двора (Беговатов Е.А., Пачкалов А.В., 2013, №24-29) (фототабл. 1/1). Вторая – монета с тамгой Менгу-Тимура, время чеканки – 1266 ~ 1272 гг., место чеканки – Булгарский регион (Беговатов Е.А., Пачкалов *А.В.,* 2013, №43-44; Сингатуллина А.З., 2003, №205) (фототабл. 1/2); третья – анэпиграфный дирхам с наследной тамгой Менгу-Тимура, время чеканки – конец XIII – первая четверть XIV в., место выпуска – Булгарский регион (Беговатов Е.А., Пачкалов А.В., 2013, №42; Сингатуллина А.З., 2003, №195) (фототабл. 1/3). Последняя монета – данг Бирдибек-хана, Сарай ал-Джадида, 759/1357-1358 г. (Беговатов Е.А., Пачкалов А.В., 2013, №92) (фототабл. 1/4). Эти монеты указывают на возможное время формирования культурного слоя на данном участке памятника, но связаны ли они с другими находками в этой местности? Считаем, что, не имея раскопочного археологического контекста, утверждать это будет некорректно.

Находки металлических зеркал не редкость на булгарских памятниках, прежде всего, на городищах. Самая большая коллекция целых форм и фрагментов происходит с Булгарского городища (Руденко К.А., 2004). Встречаются они и на кочевнических некрополях XIV в., на территории, где когда-то существовал Булгарский улус Золотой Орды (Руденко К.А., 2013, с. 189-211). Существенно меньше их на селищах, хотя сказать, что это эксклюзивные находки, будет ошибочно. Единственно, что большая часть их обнаружена на памятниках в пойменной части Волги и Камы, размывающихся водохранилищами. Закономерность это или следствие того, что в результате размыва культурного слоя здесь количество находок в разы превосходит находки на других, не разрушающихся селищах? Упомянем находки фрагментов зеркал на Лаишевском селище (Чакма) (Руденко К.А., 1999, с. 97, рис. 11-1-8), а также Дамба I, Песчаный остров (яма №8) (Руденко К.А., 2001, рис. 47-5-13), III Семеновского и Полянкинского селищ (Руденко К.А., 2001, рис. 47-10,12), как и на селище Степное озеро (Руденко К.А., 2001, 48-6). Причем на селище Песчаный остров два зеркала были найдены при раскопках и датируются концом XIII – первой третью XIV в.

В целом зеркала, найденные на территории Булгарского улуса, отличаются большим типологическим разнообразием, которое выражается в разных приемах декорирования обратной стороны зеркала. К.А. Руденко, следуя систематизации Г.А. Федорова-Давыдова, разделил изученные булгарские зеркала на отделы в зависимости от имеющихся на них ри-

1 Выражаю благодарность А.И. Бугарчеву, за помощь в определении монет и указание на их публикацию Е.А. Беговатовым, как и ссылки на монографию А.З. Сингатуллиной (К.А. Руденко).

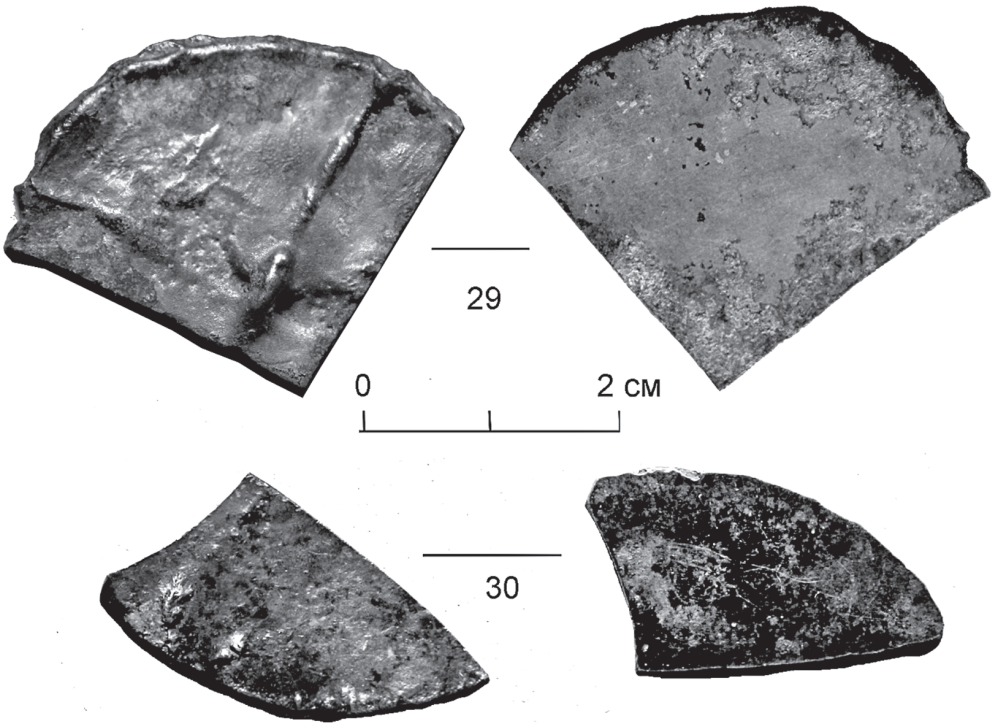


Рис. 2. Фрагменты зеркал, найденные у с. Именьково и на Булгарском городище

сунков (Руденко К.А., 2004). Фрагменты зеркал с V Семеновского селища (28 экз.) соответствуют 10 отделам (А, Б, Е, Ж, К, Л, Н, Ф, Ч, Ю). Часть мелких фрагментов нельзя соотнести с конкретным отделом или они условно отнесены к отделу А. Кроме того, в качестве аналогий были привлечены еще две находки зеркал, сделанные Е.А. Беговатовым у с. Именьково и на Булгарском городище (рис. 2).

Отдел А представлен 10 фрагментами (фототабл. 2/1-8, фототабл. 2а/9-10). Диаметр зеркала можно восстановить для 6 зеркал, и он равен 6 см, а в одном случае (фототабл. 2/5) – 7 см. Размер 6-7 см является определенным стандартом для многих зеркал этого отдела, хотя встречаются и более крупные экземпляры. Наличие ручек, их расположение на зеркале или их полное отсутствие по этим фрагментам установить невозможно, кроме того фрагмента, на котором сохранилась только сегментовидная петелька в центре зеркала с миниатюрным сквозным отверстием (фототабл. 2/7). Края у всех фрагментов плавно скошены наружу.

К этому же отделу относится и один фрагмент зеркала с Булгарского городища (рис.2/30). Реконструируемый диаметр его 6 см.

5

Фототабл. 1

№№1-4 - нумизматические находки с V Семеновского селища.
1- дирхам с именем каана Мунке (1251-1259), монетный двор Булгар; 2 – монета с тамгой Менгу-Тимура (1266 ~ 1272), Булгарский влайат; 3 – анэпиграфный дирхем с наследной тамгой Менгу-Тимура, время чекана – конец XIII – первая четверть XIV в., место чекана – Булгарский влайат; 4 – данг Бирдибека, Сарай ал-Джадида, 759 г.х. (1357-1358) (атрибуция А.И. Бугарчева); 5 – общий вида острова Семеновский

Такие зеркала датировать сложно, поскольку они бытовали как в домонгольский, так и в ордынский период. Поэтому дата здесь: XII – XIV вв. Хотя принятая в настоящее время дата металлических зеркал у булгар – эпоха Золотой Орды, но, по мнению К.А. Руденко, исключать начало их использования раньше – с XII в. или с начала XIII в. будет неверно.

К отделу Б – с концентрическими окружностями относится один самый маленький фрагмент зеркала из коллекции находок с этого памятника диаметром 5 см (фототабл. 2а/12). Сохранилась одна рельефная окружность, по которой, собственно, зеркало и обломано. Однако малый размер фрагмента может допустить и погрешность в определении размера, поэтому делать каких-либо выводов по этому поводу мы не будем.

Отдел Е – с крестовидным орнаментом представлен одним зеркалом диаметром около 5,5 см (фототабл. 2а/14) со скошенным бортиком. У него сегментовидная петелька со сквозным отверстием. Аналогичное зеркало, только чуть большего размера (диаметр 6,2 см) было найдено Е.А. Беговатовым у с. Именьково в Лаишевском районе РТ (рис. 2/29). Узкой даты не имеют. Возможно, к этому отделу относится и фрагмент (фототабл. 2а/13), однако из-за сильной коррозии точно определить эту принадлежность нет возможности.

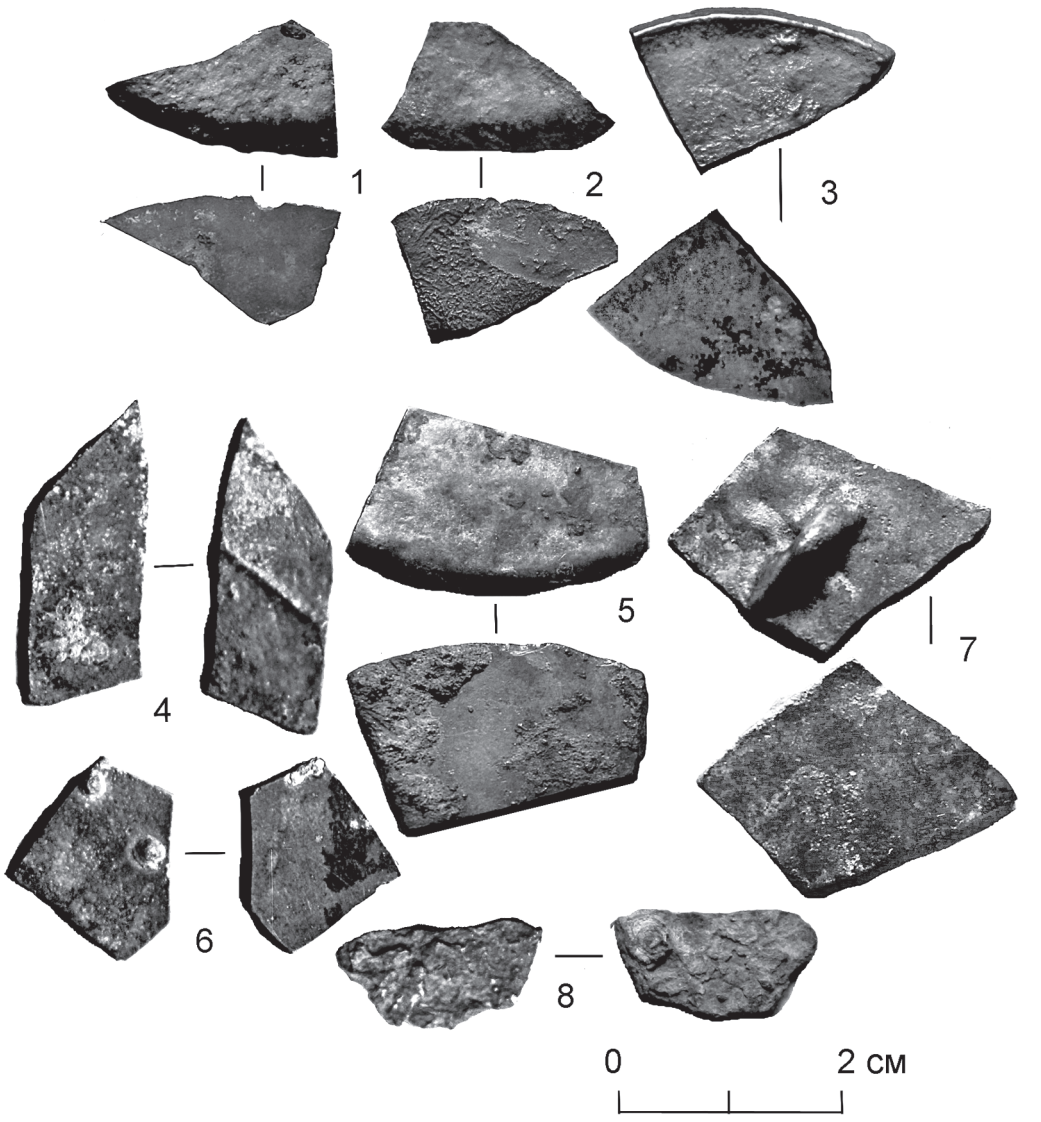
Отдел Ж, тип Ж-I – зеркало с крестовидно-арочным орнаментом (фототабл. 2б/17) диаметром 6,6 см. Одно из немногих типов зеркал с устойчивой композицией рисунка. Встречается часто в кочевнических древностях Дешт и Кипчака, особенно в XIII – XIV вв.

Тип Ж-II (фототабл. 2а/15; фототабл. 2б/16, 21) – аналогичный по композиции предыдущему типу, но с изображением нескольких арок. Эти зеркала чуть крупнее – их диаметр 7-8 см. Такой тип был очень распространен на Средней Волге с XIII в. (Руденко К.А., 2004, фото 1).

Отдел К – с изображением фигур божеств, представлен одним фрагментом от зеркала диаметром 8 см (фототабл. 2б/20). Это один из распространенных типов зеркал в Поволжье. Отливки их с нечитаемыми изображениями практически одинаковы (Руденко К.А., 2004, фото 2). Датируются концом XIII – XIV вв.

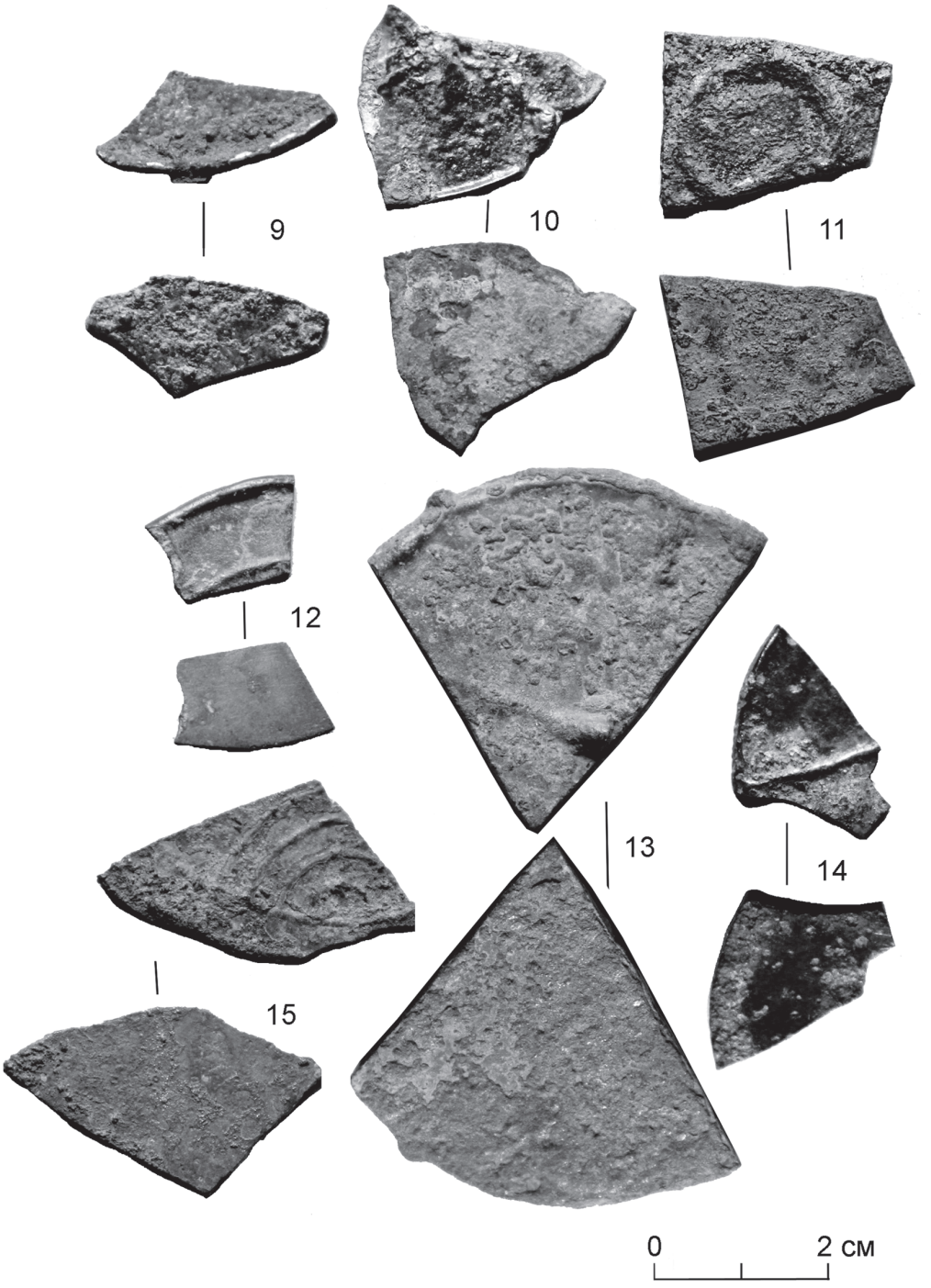
К отделу Л зеркал с изображением драконов предположительно отнесен один фрагмент (фототабл. 2в/26) от крупного изделия диаметром 9 см. Изображение плохо различимо и является лишь отдаленной копией оригинального изделия. Вероятная дата – XIV в.

Отдел Н зеркал с изображением рыб в этой коллекции разнообразный, хотя состоит всего из трех фрагментов (фототабл. 2в/23, 25, 27) от зеркал диаметром 8 и 9 см. Близок к возможному чжурчженьско-китай-



Фототабл. 2
Металлические зеркала с V Семеновского селища. 1-8:
отдел А (здесь и далее обозначение отделов по: Руденко, 2004)

скому оригиналу фрагмент с реалистичным изображением сазанов(?) в бушующем потоке вод среди водорослей (фототабл. 2в/25). Второй фрагмент от зеркала с контурным изображением рыб (фототабл. 2в/23) – символ водоема (пруда). Последний тип зеркал был популярен у кочевников, а первый, «классический» имел хождение больше у горожан



Фототабл. 2а

9-10: отдел А; 12: отдел Б; 14: отдел Е; 15: отдел Ж

(Руденко К.А., 2004, фото 3), хотя встречаются и в кочевнических захоронениях (Руденко К.А., 2015, с. 135-152). Датируются концом XIII – XIV вв. Интересен фрагмент (фототабл. 2в/27) со схематичным изображением классической схемы. Такие зеркала были распространены у кочевников Предуралья и Самарского Поволжья. Датируется преимущественно XIV в.

Фототабл. 2б
16-17, 21: отдел Ж; 20: одел К; 18,19 – неопределенные

От одного зеркала (фототабл. 2а/11) сохранилась только центральная часть, но с декоративной окружностью, что характерно для зеркал отдела Т.

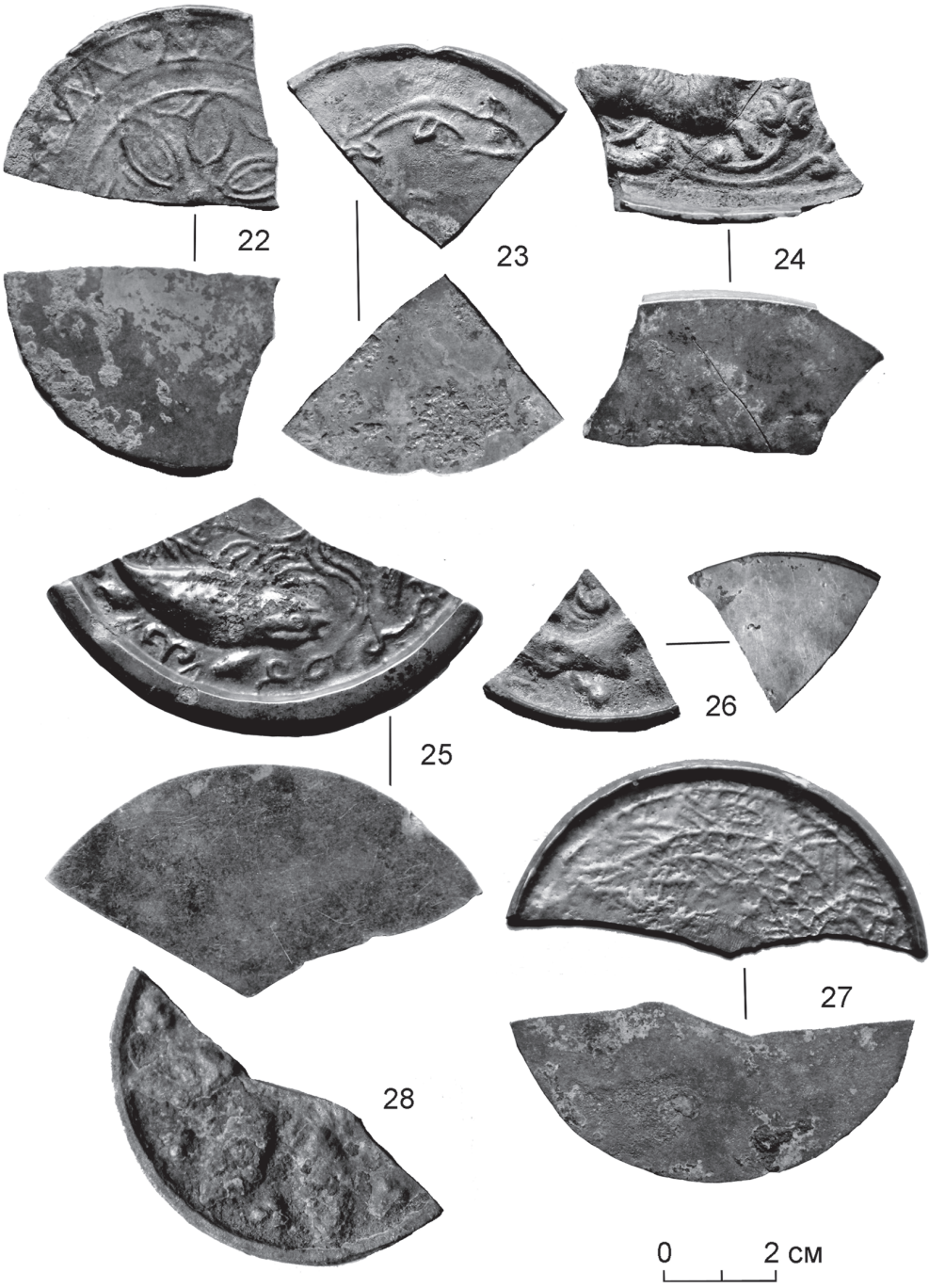
Отдел Ф-I – с рисунком в виде многолепестковой розетки представлен одним фрагментом (фототабл. 2в/22) от зеркала диаметром 7 см. Бортик у него скошен наружу; была ли ручка – неизвестно. В центральном поле изображена розетка с узкими лепестками, на фоне листьев(?). По краю зеркала – орнаментальный пояс из зигзагообразной линии. Такой тип орнамента нередко встречается на зеркалах, бытовавших в степях Предуралья и на Алтае в конце XIII – первой половине XIV вв.

Отдел Ч – с изображением бегущих животных (фототабл. 2в/24) представлен фрагментом крупного изделия диаметром 12 см. Рисунок четко проработан, вплоть до деталей бутона цветка. Такие зеркала встречаются достаточно часто (Руденко К.А., 2004, фото 6), но полных аналогий этому фрагменту нам не известно. Эти зеркала имеют зодиакальную символику и были популярны на мусульманском Востоке. Дата данного фрагмента – вторая половина XIII – XIV вв.

Отдел Ю – с орнаментом из ромбов представлен одним фрагментом от зеркала диаметром 6 см (фототабл. 2в/28). Такие зеркала встречаются не очень часто, причем как на городищах, так и на селищах (Руденко К.А., 2004, с. 124). Датируются XIII – XIV вв.

Несколько фрагментов зеркал трудно соотнести с каким-то конкретным отделом. Один из них принадлежит довольно крупному зеркалу диаметром 8 см с хаотичными, переплетающимися линиями (фототабл. 2б/19). Второй фрагмент от стандартного по размеру зеркалу диаметром 6 см с окружностью и прямыми линиями и маленькими арками (фототабл. 2б/18).

Набор зеркал с V Семеновского селища своеобразен. Это выражается, прежде всего, в том, что здесь отсутствуют изделия, очень популярные в Булгарском улусе, например, с изображением цветов (тюльпанов) (отдел Ц), Аль Бораков (отдел Ш). Хотя, конечно, это не может считаться закономерностью, учитывая случайность выборки с V Семеновского селища, но другой момент совершенно объективен – сильная фрагментированность изученных зеркал. Причем складывается впечатление, что это было сделано преднамеренно, поскольку обломать зеркало по кругу, чтобы остался невредимым, например, только его центр, силам природы это вряд ли удалось бы. Да и человеческим рукам нужно было приложить определенные усилия, чтобы провести такую процедуру. Объяснить это поломкой зеркала в результате бытового использования крайне сложно. По мнению К.А. Руденко, такой результат был следствием использова-



Фототабл. 2в

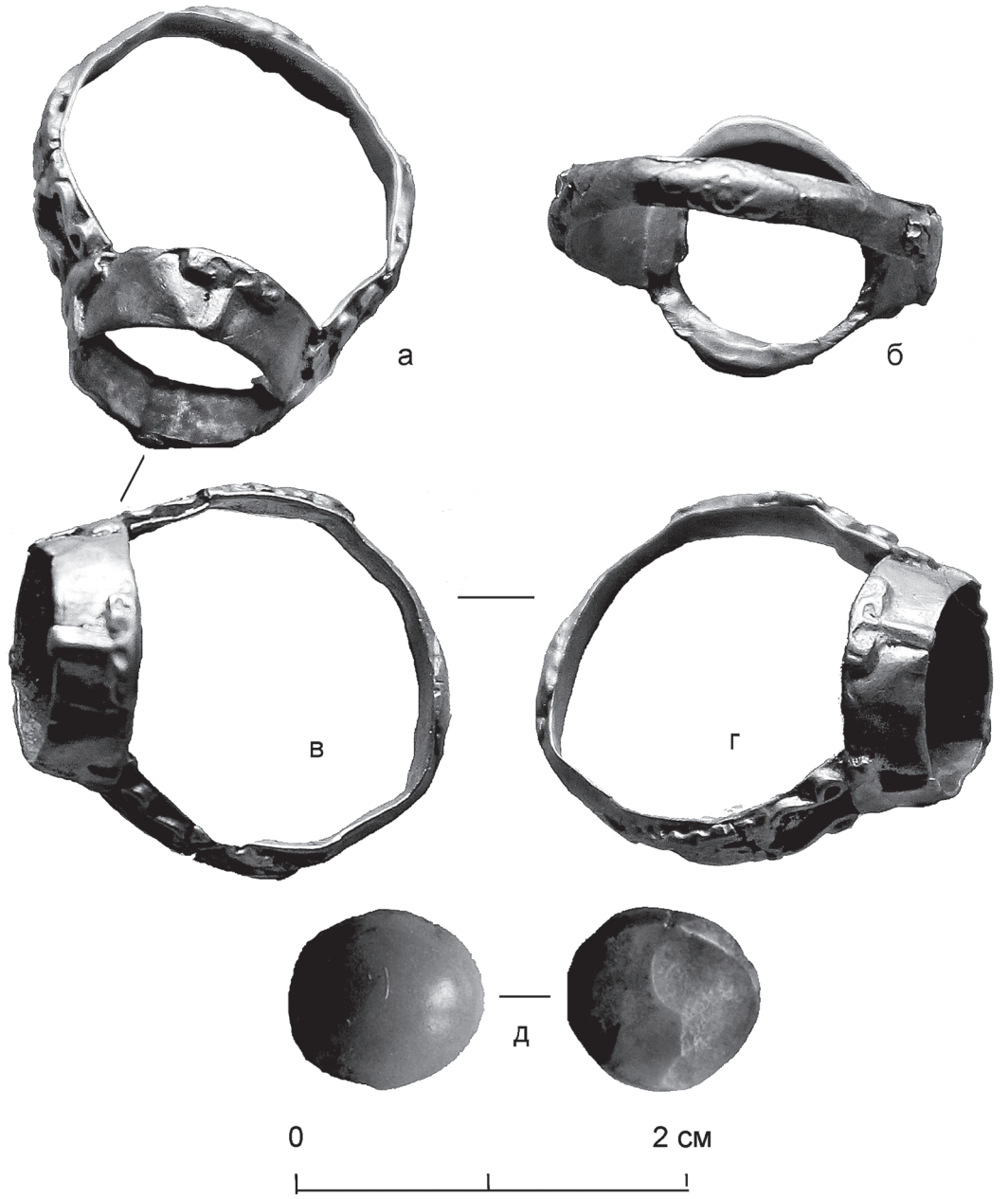
26: отдел Л; 23,25,27: отдел Н; 22: отдел Ф-І; 24: отдел Ч; 28: отдел Ю

ния поломанных зеркал либо для переплавки и повторных отливок новых зеркал, либо для изготовления каких-либо других ювелирных украшений. Иначе говоря, это сырье для ювелира.

Такая версия отчасти может быть подтверждена еще одной уникальной находкой с V Семеновского селища – золотым перстнем с бирюзовой вставкой (фототабл. 3). Перстень небольшого размера: высота его 2,2, ширина – 2,8 см, шинка диаметром снаружи – 2, изнутри – 1,7 см, толщина – 0,1 см (фототабл. 3/а-г). Диаметр каста у основания 1,3 см, высота – 0,5 см. Основание каста утрачено. Шинка кованая, треугольного сечения. Изгиб шинки напротив каста снаружи уплощена и на образовавшуюся в результате этого площадку был нанесен рисунок в виде трилистника (фототабл. 3/б). Каст усеченно-конической формы сделан из свернутой полоски золота и с боков припаян к шинке «встык». Перстень украшен накладными декоративными деталями: штампованными пластинками из золотой фольги, с изображением схематизированных растительных побегов. Эти накладки припаяны на месте стыковки шинки и каста, а также симметрично с двух других сторон каста, в последнем случае накладки меньшего размера. Бирюзовая вставка – типа кабошон (фототабл. 3/д).

Такие перстни – редкая находка не только на селищах, но и на городищах. Как правило, встречаются перстни несколько иного типа – с плоским щитком с гравированным на нем рисунком, хотя технологическая схема конструкции и сборки такого перстня в принципе одинакова (Григорьев В.В., Егоров В.Л., Руденко К.А., 2003, с. 508, рис.1-1). Такие перстни датируются в целом серединой – второй половиной XIV в. Они изготавливались в мастерских Сарая. Перстень с V Семеновского селища является привозным, скорее всего, иранским изделием XIV в. Близкие по оформлению и наличию накладных декоративных элементов золотые перстни встречены в Булгаре (Руденко К.А., 2015а, с. 455, кат. №264), однако абсолютного соответствия здесь нет.

Были ли находки фрагментов зеркал и перстня каким-то образом связаны между собой археологически: находились ли изначально в одном комплексе или горизонте культурного слоя – об этом мы никогда не узнаем, но сам факт наличия таких находок почти в одном месте и в сопоставлении с другими фактами, прежде всего находкой в 1971 г. клада бытовых и производственных изделий (Халиков А.Х., 1981, с. 102, рис. 1) в 100 м от самого поселения (V Семеновского селища), а также клад монет начала XV в. позволяет предполагать некое событие, объединяющее эти артефакты, все из которых, безусловно, имели в то время значительную материальную ценность.



Фототабл. 3

Золотой перстень с V Семеновского селища: а - общий вид; б - шинка перстня; в, г - вид сбоку; д - бирюзовая вставка

Оттолкнуться в данном случае можно от датировки клада железных изделий. Он был спрятан, скорее всего, во второй половине столетия или на рубеже XIV – XV вв. (датировка А.Х. Халиковым этого клада по находке шиферного прясла домонгольским временем и даже временем монгольского нашествия – ошибочна). Таких кладов, состоявших из инструментов, сельскохозяйственных орудий или бытовых вещей, чаще всего железных, скрытых во второй половине-конце XIV в. на золотоордынских памятниках, известно довольно много (например, Старо-Орхейский, Максимовский, Брик-Алгинский клады). Время изготовления и бытования большинства остальных предметов, как было показано выше, приходится на XIV в.

Таким образом, рассмотренный в настоящей статье комплекс находок с V Семеновского селища датируется в пределах второй половины XIV – начала XV в., и связан с наличием здесь богатой усадьбы ювелира или торговца.

Литература

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Часть I. / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.

Беговатов Е.А. Отчет по разведочным работам по берегам Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР за 1983 год. Казань, 1983 / Архив Института археологии АН РТ. Ф.4. – оп.1. – №25.

Беговатов Е.А. Отчет по разведочным работам в пределах ТАССР по берегам Куйбышевского водохранилища. Казань, 1988 / Архив института археологии АН РТ. – Ф.4. – Оп.1. – №32.

Беговатов Е.А. Отчет. Разведочные работы по берегам Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР за 1988 год. Казань, 1988а / Архив Института археологии АН РТ. – Ф.4. – Оп.1. – №35.

Беговатов Е.А., Пачкалов А.В. Новые находки джучидских монет в Волжской Булгарии // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. III международная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000). Тезисы докладов / отв. ред. В.В. Мурашова. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 202-203.

Беговатов Е.А., Пачкалов А.В. Новые находки джучидских монет в Республике Татарстан // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Материалы III международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000): Труды ГИМ, Вып.184. М.: ГИМ, 2013. С.183-196.

Беговатов Е.А., Казаков Е.П., Лебедев В.П., Мухаметшин Д.Г., Сингатуллина А.З. Нумизматические комплексы X века Семёновского острова (Республика Татарстан) // Поволжская археология. 4 (6)/2013. С.47-63.

Григорьев В.В., Егоров В.Л, Руденко К.А. Ювелирные изделия с Селитренного городища //Археология Восточно-европейской лесостепи. Материалы Всероссийской конференции. Пенза: Изд-во пед. ун-та, 2003. С. 507-512.

Казаков Е.П. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: КФАН СССР, 1988. С.71-82.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовьев Камы. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. – 176 с.

Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храмченкова Р.Х. Монетовидные литые подвески Волжской Болгарии // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань, 2012. С. 163–174.

Путеводитель по Научному фонду Музея археологии Республики Татарстан Института истории Ш. Марджани АН РТ. Казань: Изд-во «Яз»; Институт истории АН РТ, 2011. 220 с.

Руденко К.А. Бронзовая чаша из 1 Семеновского селища // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов 1 региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». – Горький: изд-во ун-та, 1990. С.211-217.

Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI – XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы международного полевого симпозиума. Ижевск-Глазов, 1999. С.73-102.

Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI-XIV вв. Казань: «Школа», 2001. 244 с.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 1-2 (12-13)/2004. С.111-156.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская Археология. 2/2013. С.189-211.

Руденко К.А. Трансформация китайских и чжурчженьских изобразительных сюжетов на металлических зеркалах Поволжья эпохи Золотой Орды // Средневековые древности Приморья / отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2015. С.135-152.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015а. 528 с.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: «Заман», 2003. 192 с.

Халиков А.Х. Семеновский клад железных изделий // Из истории ранних булгар / Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР Казань, 1981.-С.102-107.

Д.В. Сорокин

ГЕОФИЗИКА В АРХЕОЛОГИИ

В данной статье представлен материал по геофизическим методам исследований в области археологии. Рассмотрены наиболее яркие проекты, проводимые компанией Археологическая экспертиза на различных типах памятников. Рассмотрены основные принципы работы и перспективные возможности данной методики.

Ключевые слова: геомагнитное сканирование, георадар, неразрушающие методы исследования.

Археология как наука гуманитарная всегда привлекала к себе на помощь специалистов разного профиля – естественных, технических наук. Одним из таких проявлений было использование достижений в области геофизики. В результате появления приборов, позволяющих проводить исследование строения земли (магнитометры, георадары), археологи начали применять данный метод для выявления погребенных объектов бесконтактными методами.

С 1978 года российскими археологами проводятся исследования на памятниках при помощи магнитометров.

Принцип магниторазведки для поиска погребенных исторических памятников заключается в измерении естественного магнитного поля Земли с очень маленьким шагом и при минимальной высоте расположения датчика. При таких условиях съемки начинает работать необыкновенно чувствительный механизм, а именно сказывается присутствие в погребенных объектах различного количества магнитных окислов железа.

С 2002 года начинают применять приборы, основанные на методе геомагнитного сканирования.

В мировой практике уже на протяжении многих лет метод георадиолокации вместе с другими геофизическими методами входит в стандартный комплекс полевых археологических исследований. Традиционные археологические методы не позволяют гарантировать выявление объекта на больших площадях из-за значительных трудозатрат и ограничения по времени. Признанными достоинствами метода георадиолокационного зондирования являются применение неразрушающих, бесконтактных способов получения информации, высокая технологичность и относительно низкая стоимость работ.

Основным направлением в мировой археологии сейчас стало изучение археологических памятников без нарушения их структуры и целостности. Дистанционное изучение археологических структур очень важно, т.к. в ходе раскопок некоторые археологические объекты могут быть безвозвратно утеряны. Георадары в археологии применяются в различных исследованиях – от изучения памятников истории, которые никогда не будут раскопаны, до быстрого и дешевого изучения участка для планирования раскопок. Георадарные исследования могут проводиться на любых поверхностях, будь то чернозем, бетон, керамическая плитка и даже поверхность воды (исследование затопленных объектов).

Особенно актуально применение георадара на археологических объектах, которые находятся в зоне расширения объектов строительства или карьеров. В отличие от традиционных методов разведки и вскрытия, археологические исследования на таких объектах должны быть выполнены в самые короткие сроки. В таких условиях георадарная съемка помогает археологам быстро выполнить исследования и картирование захороненных археологических объектов, которые не проявляются на поверхности земли (остатки фундаментов, распаханные курганы и т.д.).

Георадар предназначен для выявления подповерхностных структурно-вещественных неоднородностей различной природы, обусловленных неравномерным увлажнением отложений, различным составом исследуемых пород, особенностями структуры и текстуры пород (пористостью, слоистостью), неоднородностью отложений или материалов, трещиноватостью и деформированностью среды включением инородных объектов.

Принципом действия георадиолокационного метода малоглубинной геофизики, известного еще как подповерхностная радиолокация или радиолокационное зондирование, является отражение высокочастотного электромагнитного сигнала от границ раздела в верхней части

разреза от стратиграфических границ, уровней водонасыщения, контуров захороненных объектов, фундаментов и т.п.

Интерпретация георадарных данных представляет собой достаточно сложную творческую задачу, поскольку теоретическая база метода и применяемый на стадии интерпретации математический аппарат разработаны слабо. Помимо этого, многие объекты приложения радиолокационного метода техногенно переработанные разрезы четвертичных отложений, культурные слои, подземные инженерные конструкции, археологические и другие объекты, обычно отличаются сложным и неоднородным строением, содержат множество различных включений и неоднородностей, неравномерно и прерывисто увлажнены, что создает сложную волновую картину на радарограмме и затрудняет сопоставление геофизических аномалий с реальными подповерхностными объектами.

Как и любые геофизические материалы, радиолокационные данные нуждаются в корректной заверке детальной геологической информацией о строении верхней части разреза территории работ (материалами бурения, описаниями шурфов, археологических раскопок). В случае исследования техногенных образований, а также погребенных объектов исторического и культурного наследия могут быть полезны отчеты по археологическим и реставрационным работам, исторические свидетельства, литературные источники и т.п.

В итоге, целью интерпретации радиолокационных данных является преобразование радарограмм в стратифицированные разрезы отложений, выявление и разделение естественных и техногенных погребенных неоднородностей, сопоставление их с реальными объектами и определение параметров последних (глубины, размеров, степени сохранности и др.).

В 2011 году японскими учеными из института NARA и компанией «Археологическая экспертиза» были проведены геомагнитные исследования на археологических памятниках могильнике сакского времени Боролдай и средневековом городе Сауран (рис. 1).

Для выполнения геомагнитного сканирования был использован георадар GSSI SIR-3000 с антенной частотой 400 и 200 Мгц, позволяющий проводить сканирование на глубину до пяти метров.

Данный метод исследования является новым для специалистов-археологов в Казахстане. Целью исследований было апробирование новых методов в области изучения археологических памятников. Для исследования было выбрано три типа объектов – курганы, сооруженные

Рис. 1. Тестирование прибора на городище Сауран, 2011.
Архив Археологической экспертизы

из земли и камня (могильник Боролдай), монументальное строение, сооруженное из жженого кирпича и сырца (дворец на городище Сауран), и объект с сырцовыми конструкциями (загородная мечеть на городище Сауран).

В результате исследований методом геомагнитного сканирования были получены результаты, позволяющие определить подземные конструкции на археологических памятниках неразрушающими методами. На примере трех типов объектов были выявлены структурные элементы конструкций на глубине от 30 см до 4,5 м. Также данный метод позволил определить как твердые по структуре материалы, такие как камень и жженый кирпич, так и близкие к грунту сырцовые конструкции. Результаты исследований показали перспективность данного метода применительно ко всем типам памятников. Внедрение данного метода позволит археологической науке перейти на качественно новый этап в области документирования объектов и предварительных (дораскопочных) исследований.

В 2012 году компания Археологическая экспертиза при финансовой поддержке Японского Трастового Фонда и ЮНЕСКО приобретает гео-

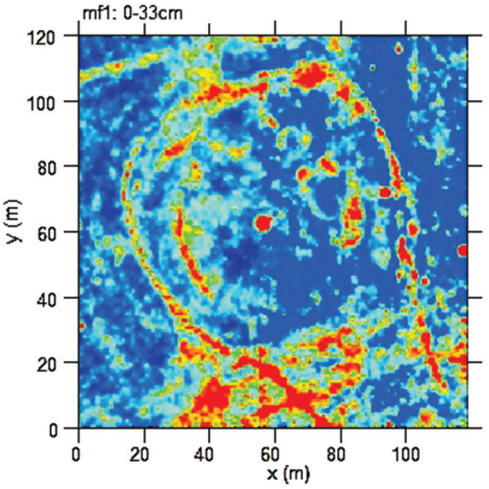


Рис. 2. Некрополь Жетытобе. Результаты геомагнитного сканирования

магнитный сканер GSSI SIR-3000 с антенной частотой 270 Мгц, позволяющий проводить сканирование на глубину до пяти метров.

Благодаря полученному опыту, специалисты компании проводят ряд исследований на памятниках археологии в Жамбылской области. Было проведено сканирование известного некрополя Жетытобе, расположенного вблизи города Тараз. Также геомагнитный сканер был использован в комплексных научно-исследовательских работах при исследовании городища Тараз и применялся в этом проекте в течение всего срока с 2012 по 2015 гг.

В результате этих работ были исследованы огромные площади погребенных археологических объектов с целью выявления перспективных участков для раскопок.

При исследовании курганов и межкурганного пространства на могильнике Жетытобе были выявлены как конструкции самой насыпи, так и прилегающие к насыпи, скрытые под толщей грунта каменные конструкции (рис. 2).

Исследования на городище Тараз дали огромный объем информации и подняли уровень специалистов компании на новый уровень. Цитадель древнего города Тараз во время начала исследований находилась на территории действующего центрального рынка, под 50 см толщей асфальтового покрытия и полутораметрового слоя крупной гальки со строительными отходами, выполняющих нивелировочный слой. Все это сильно затрудняло исследования, однако полученные результаты превзошли все ожидания. В результате исследований были выявлены конструкции внутриквартальной застройки, контуры крепостных стен.

На территории современной парковки были выявлены следы крупного здания. Впоследствии при проведении раскопок на этой территории было обнаружено древнее медресе (рис. 3).

Помимо археологической тематики, компания использует георадар и для решения других задач. Одним из таких примеров было его применение на мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави.

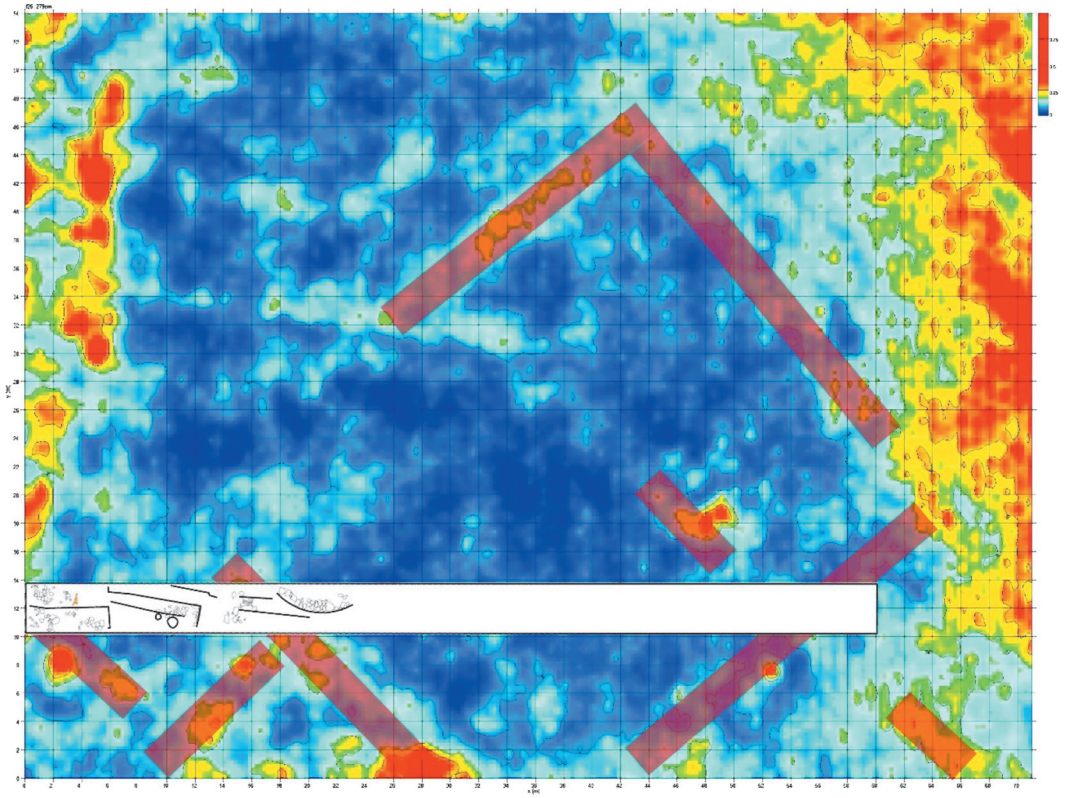


Рис. 3. Городище Тараз. Результаты геомагнитного сканирования на территории парковки

Целью научно-исследовательских работ было проведение геомагнитного сканирования окружающей памятник территории для выяснения причин увлажнения северной стены мечети.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- проведение экспериментального сканирования на полигоне;
- проведение геомагнитного сканирования окружающей мавзолей территории;
- проведение геомагнитного сканирования внутренних помещений мавзолея – асхана, кудукхана;
- проведение геомагнитного сканирования перекрытия мавзолея.

В соответствии с поставленными целями было проведено сканирование окружающей мавзолей территории, внутренних помещений и перекрытия. Для адаптации методики к местным условиям грунта были проведены тестовые геомагнитные исследования. Целью тестирования было выявление повышенной влажности грунта в различных условиях.

Рис. 4. Сканирование прилегающей территории мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави

Исследование памятника состояло из трех этапов: проведение геомагнитного сканирования окружающей территории памятника, внутренних помещений и перекрытия.

Основной задачей при сканировании окружающей территории было выявление водных источников, влияющих на увлажнение стен мавзолея. В результате анализа полученных данных в северо-западной и юго-западной частях мавзолея крупных участков с повышенной влажностью не выявлено. В юго-восточной и северо-восточной частях выявлен ряд аномалий высокой и средней плотности, возможно, относящийся к расположению водных источников (рис. 4).

Целью исследований внутренних помещений мавзолея было выявление стратиграфической ситуации, а также сравнительный анализ данных окружения и внутреннего пространства объекта. Сканирование проведено в двух помещениях – Кудукхана и Асхана.

Также проведены исследования на нескольких участках перекрытия с целью выявления дефектов в конструкции, а также возможных областей с повышенной влажностью. На основе анализа полученных данных дефектов на исследуемых участках не обнаружено.

Одним из важных этапов в освоении геомагнитного сканирования были работы на памятниках с сырцовыми конструкциями.

Первым опытом, как описано выше, было применение георадара на городище Сауран, однако результат был достаточно неоднозначным. Более масштабным и методически полным были применение данной методики на городище Акбешим в Кыргызстане.

По приглашению кыргызских археологов и специалистов из университета NARA, Япония, были проведены масштабные исследования по изучению сырцовых конструкций методом геомагнитного сканирования.

В результате проведенных работ было проведено сканирование на семи участках, на территории общей площадью 11 000 м^2.

Территория сканирования включала в себя жилые кварталы, оборонительные сооружения, загородную застройку, гидротехнические сооружения, а также территорию существующего раскопа.

Основной строительный материал верхнего строительного горизонта представлен сырцом. По диэлектрическим свойствам данный материал близок к грунту, находящемуся в заполнении слоя. Несмотря на это, использование геомагнитного сканера показало хорошие результаты.

На участках №№ 1, 2 были выявлены сырцовые конструкции квартальной застройки и межквартальная улица, на участках 3 и 5 выявлены конструкции оборонительных сооружений (рис. 5).

На основе полученных данных следует заключить, что данный метод является перспективным для исследования памятников с сырцовыми конструкциями.

После этого подобные исследования проводились на различных памятниках на территории Казахстана: городище Кескен-Куюк-кала в Кызылординской области, городище Куюк-мардан в Южно-Казахстанской области, городище Бозок в Астане. Все исследования дали положительный результат.

Одним из уникальных проектов было исследования кургана Кызылкабак в Атырауской области.

Целью исследований было выявление подповерхностных конструкций памятника путем проведения комплексных исследований методом геомагнитного сканирования.

Задачи:

- проведение геомагнитного сканирования курганной насыпи и около курганного пространства;
- проведение геомагнитного сканирования территории раскопа 2014-2015 года;

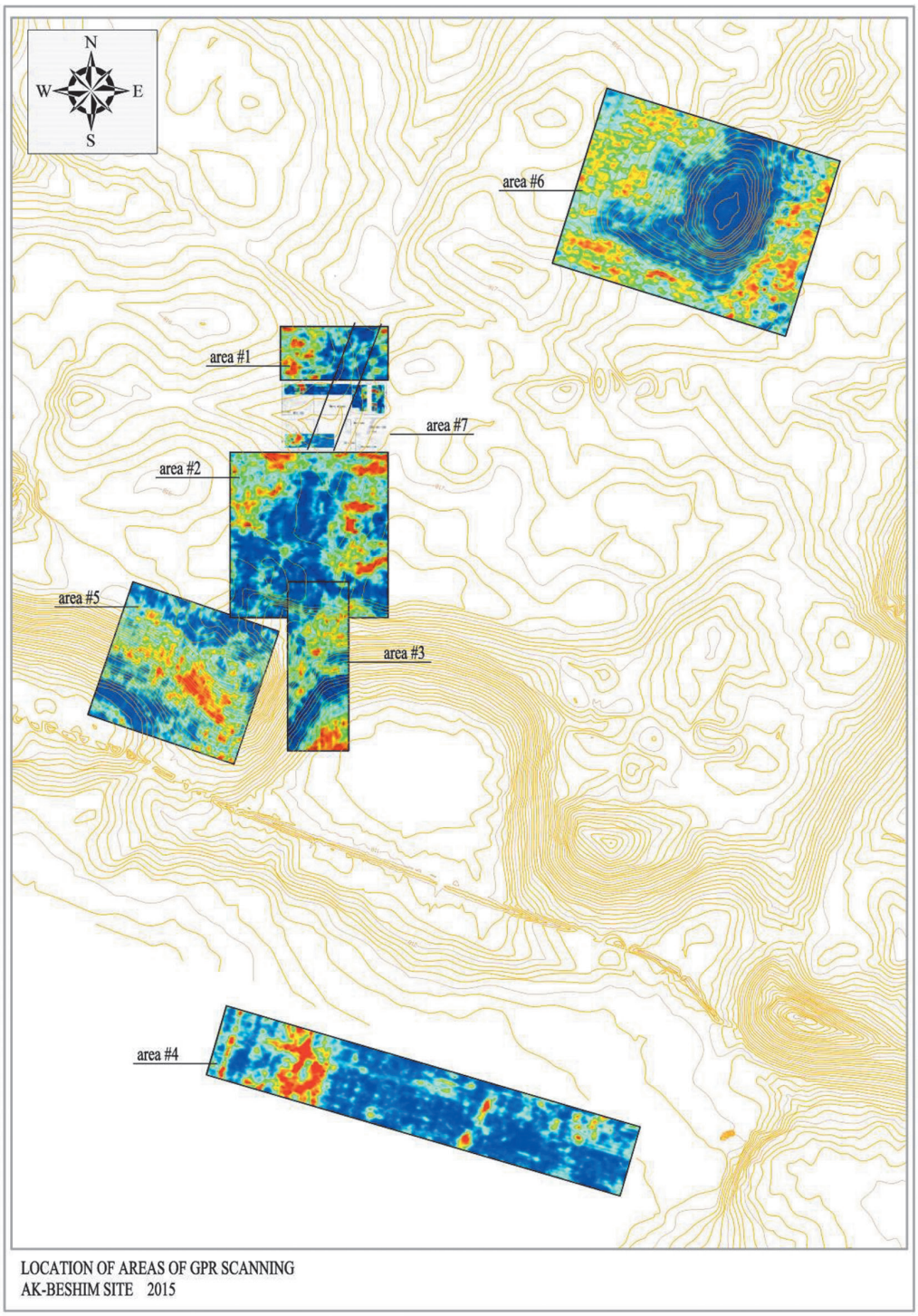


Рис. 5. Результаты сканирования на городище Акбешим

- проведение геомагнитного сканирования профилей раскопа 2015 года с привязкой к существующей стратиграфической ситуации.

Наиболее интересным было проведение корреляции данных геомагнитного сканирования профилей раскопа 2015 года с зафиксированной при раскопках стратиграфической ситуацией.

Как описывалось выше, конструкция кургана имеет сложную структуру, связанную с большим количеством поздних вмешательств, а также сложной структурой самой насыпи.

В результате анализа данных геомагнитного сканирования удалось выявить различные уровни волнового отражения грабительских перекопов и окружающих их слоев.

Посредством сравнения комбинации геофизических и археологических исследований получена информационная основа, позволившая значительно повысить точность геомагнитных исследований (рис. 6).

Наиболее масштабным и сложным в исполнении было исследование Боролдайского некрополя, расположенного на территории города Алматы.

Целью работ было проведение археологических научно-исследовательских работ по геосканированию Боролдайского некрополя с целью выявления факта наличия или отсутствия объектов историко-культурного наследия в южной части памятника, площадью 200 гектаров, для ускорения работ по хозяйственному освоению южной части Боролдайского плато и созданию археологического парка на территории некрополя.

В соответствии были поставлены следующие задачи:

- изучение архивных данных, включающее физико-географическую характеристику региона исследования, историю археологического изучения региона, историю изучения региона по материалам археологии;
- проведение плановой и топографической съемки Боролдайского некрополя и его окружения;
- определение точного месторасположения и особенностей скрытых археологических объектов в южной части некрополя Боролдай;
- определение степени разрушения выявленных археологических объектов;
- определение и маркировка археологических объектов в южной части некрополя Боролдай для последующих археологических исследований с учетом расположения объектов строительства;

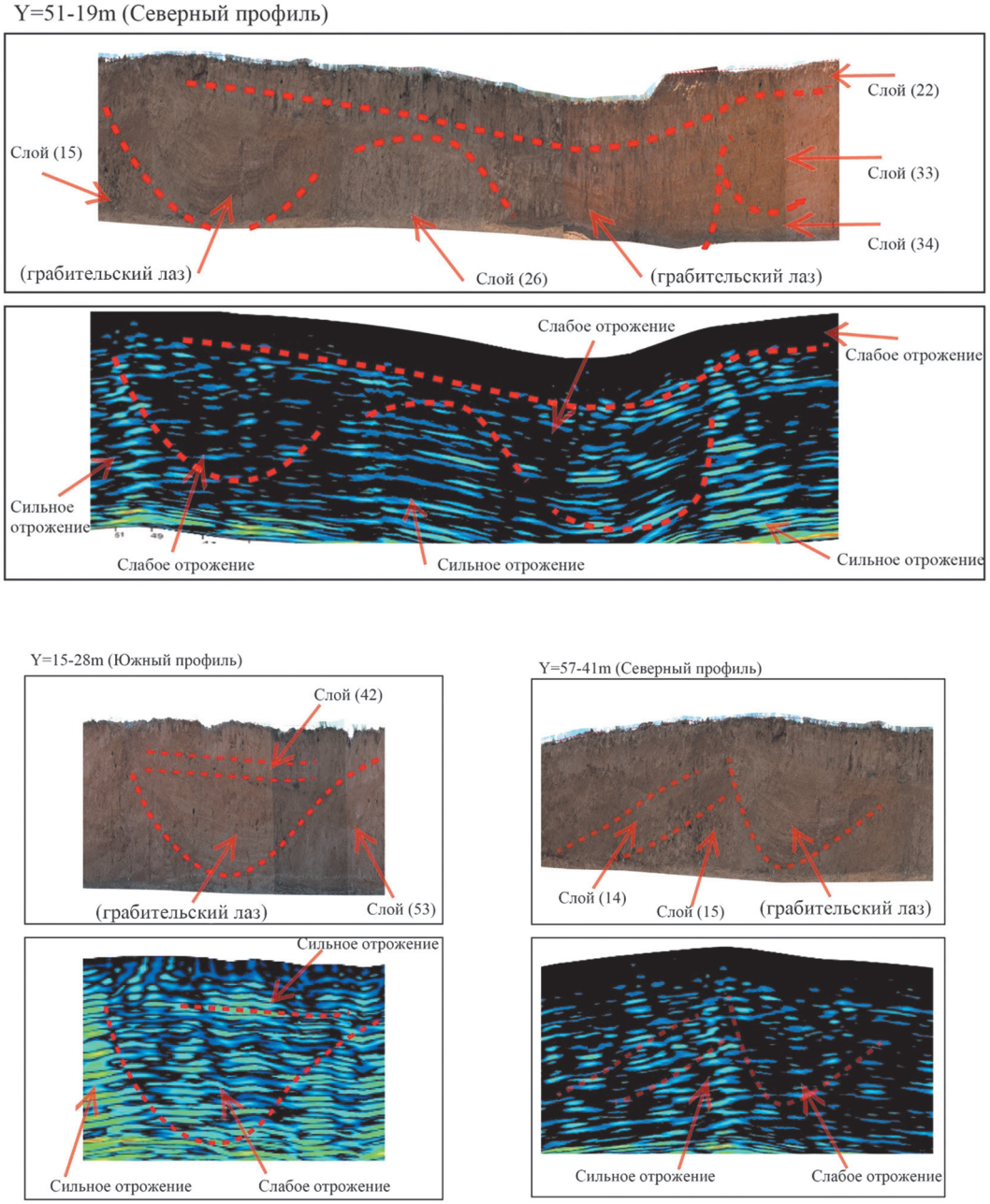


Рис. 6. Курган Кызылкабак. Фрагменты профилей с корреляцией данных геомагнитного сканирования

- определение конструктивных особенностей курганов и межкурганного пространства;
- проведено геомагнитное сканирование южной половины некрополя на площади 220 га.

В процессе проведения геомагнитного сканирования были выполнены следующие работы:

- проведена подготовка территории – скошены участки с травой, затрудняющей проведение сканирования, осуществлена очистка территории от бытового мусора (стекло, металл и т.д.);
- выполнена разбивка всей площади исследования на квадраты размером 50×50 метров. В результате отсканировано 600 квадратов на глубину от 0 до 2,2 метра, общая протяженность профилей составила 1 500 000 метров, количество профильных срезов 30 000 шт., количество плановых временных срезов 3 000 шт.

В результате обработки геомагнитных данных выявлены аномалии, предположительно являющиеся археологическими конструкциями. Все данные обрабатывались в среде GIS и имеют высокую точность позиционирования, что позволяет определять их координаты и конструкционные особенности с высокой точностью. Благодаря нераскопочным методам исследований удалось выявить как потенциальные объекты, так и конструкции, расположенные в межкурганном пространстве, представляющие собой остатки кольцевых выкладок, жертвенников, малых захоронений и т.д. Все данные являются интерпретацией и нуждаются в уточнении путем точечных археологических исследований.

Благодаря послойному анализу плановых временных срезов и профилей, удалось выявить конструктивные особенности и степень их сохранности. Вся территория могильника подвергнута антропогенному воздействию. В результате сельскохозяйственного освоения территории памятника был нанесен колоссальный ущерб конструкциям. На территории некрополя расположено большое количество полевых дорог, в юго-восточной части через территорию памятника проходит ЛЭП, вся площадь изрезана арыками для орошения, южную половину могильника с юга на север прорезает арык, состоящий из бетонных лотков, межкурганное пространство распахано плугом. На крупных курганах ранее были установлены тригонометрические пункты. Все курганы подверглись неоднократным ограблениям, о чем свидетельствуют ямы и западины на верхней части курганов. Также края курганов подрезаны в результате хозяйственного освоения территории. Все это повлияло на сохранность конструкций. В связи с этим данные исследования помо-

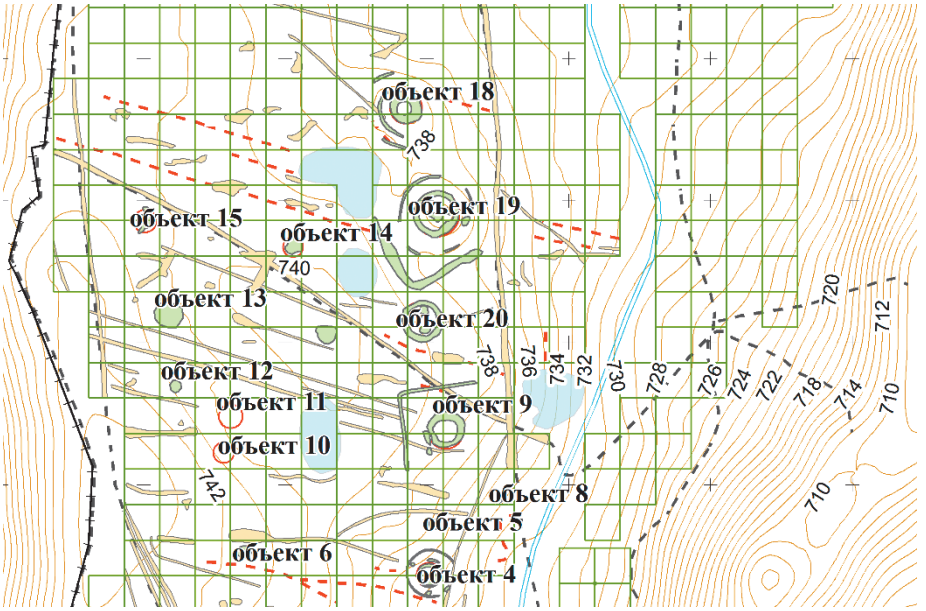


Рис. 7. Степень сохранности и особенности выявленных конструкций

гли выявить сохранившиеся фрагменты конструкций как самих курганов, так и конструкций, расположенных в межкурганном пространстве (рис. 7).

Для определения археологических объектов был использован метод сравнительных аналогий и интерпретации данных, полученных в результате обработки геомагнитных данных. Все данные коррелировались в ArcMap, в результате наложения геомагнитных данных на ситуационный план, топографическую съемку, спутниковый снимок, была проведена дифференциация объектов на поверхностные и погребенные. В результате этого были выявлены объекты, не относящиеся к нашему времени. Эти объекты были выделены в отдельный тип. В результате обработки мы получили план погребенных объектов и их положение по отношению к отсканированным квадратам.

Для отметки выявленных объектов выбран метод поквадратной маркировки. В качестве маркеров используются металлические таблички квадратной формы, размером 30×30 см, красного цвета. Данные маркеры устанавливаются в углах квадратов, в которых выявлены аномалии, интерпретируемые как археологические объекты.

Метод геомагнитного сканирования позволяет выявлять погребенные объекты с высокой точностью. В связи с этим описание конструк-

тивных особенностей выявленных объектов производится с высокой детализацией. Помимо этого, каждый объект привязывается к местности по трем осям координат. В результате описание представляет собой полную характеристику выявленных конструкций и глубину их залегания. В случае с курганами при послойном анализе обнаруженных объектов появляется возможность определения не только плановых особенностей, но и стратиграфии, что позволяет выявить более детальную информацию о формировании курганной насыпи. Также эта методика позволяет изучить внутрикурганные конструкции, такие, как могильная яма, деструктивные особенности насыпи, дополнительные захоронения и т.д..

В целом организация Археологическая экспертиза является единственной археологической компанией, так широко применяющей метод геомагнитного сканирования в своих научно-исследовательских работах. Накоплен богатейший опыт по работе на различных типах памятников и решения различных задач.

Компания проводит семинары международного уровня по применению новейших методов в археологии, таких, как геомагнитное сканирование, 3-мерное сканирование, метод фотограмметрии, применение современных высокоточных геодезических приборов в археологии и т.д.

А.А. Нуржанов

О КУЛЬТЕ ВОЛКА В ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

В религиозных верованиях хуннов, древних тюрков важное место занимали тотемистические воззрения. Тотемизм – это самая древняя форма религии. Первыми богами были определенные животные. Как известно, культ животных возник в древнейшие времена, когда первобытный человек еще не отделял, не противопоставлял себя природе, и все родоплеменные отношения, и сам первобытный человек отождествлялись с миром животных. Образ волка является одним из наиболее значимых животных символов разных народов мира. Во многих культурах он играет особую роль и имеет огромное культовое, ритуальное и социальное значение.

Ключевые слова: средневековье, древние тюрки, хунны, волк, религия.

В религиозных верованиях хуннов, древних тюрков важное место занимали и тотемистические воззрения. Тотемизм – это самая древняя форма религии. Первыми богами были определенные животные. Как известно, культ животных возник в древнейшие времена, когда первобытный человек еще не отделял, не противопоставлял себя природе, и все родоплеменные отношения, и сам первобытный человек отождествлялись с миром животных.

Образ волка является одним из наиболее значимых животных – символов разных народов мира. Во многих культурах он играет особую роль, имеет огромное культовое, ритуальное и социальное значение.

В мифах, фольклоре и волшебных сказках волк олицетворяет свирепость, коварство, жестокость, зло, но также храбрость и победу. Кроме того, при определенных обстоятельствах волк мог стать могучим защит-

ником беспомощных созданий. Общим для многих мифологий Евразии является сюжет о воспитании родоначальника племени (а иногда и его близнеца) волчицей. Известно множество историй о волках-прародителях: римская легенда о капитолийской волчице, вскормившей Ромула и Рема; древнеиранская – о волчице, вскормившей Кира, и т.д.

Волк мог служить эмблемой воинов и выступать в качестве атрибута бога войны. Важная роль отводилась волку в культе Марса в Риме и Одина в скандинавской мифологии (Культура ..., 1985, с. 114). В хеттской, иранской, греческой, германской и других индоевропейских традициях воины, отражая представление о волчьей стае как символе единой дружины, именовались волками и часто одевались в волчьи шкуры.

В египетской мифологии бог в образе волка Упуат почитался как бог – проводник, разведчик, а также покровитель умерших. Его эпитет – «вожатый» («тот, кто ведет»). Упуата называли первым бойцом Осириса и иногда отождествляли с ним.

В греко-римской традиции волк (иногда хтонический, трехглавый) был посвящен Марсу (Аресу): он символизировал доблесть и служил предзнаменованием победы. По преданиям священные животные Марса – дятел, конь, бык и волк – вели родившихся весной юношей, указывая им места для поселений. С культом волка был связан и древнейший праздник Луперкалий, праздник очищения и плодородия, возможно, связанный с обрядом инициации. Один из эпитетов Аполлона – Ликейский (волчий) – связывает его с волком или указывает на него, как на защитника от волков.

Результатом доместикации волка явилось появление собаки – первой помощницы палеолитических охотников. Отражение архаического двойного значения «собака-волк», нерасчлененность этих животных в сознании первобытного человека зафиксированы во многих языках. Слитность понятий «собака» и «волк» в мифологии и изображениях сохранилась даже после того, как были выработаны раздельные наименования для этих животных (Иванов В.В., 1975, с. 400)

Первые изображения волка в Центральной Азии появляются в наскальных композициях эпохи неолита. Ранние изображения волка можно разделить на несколько групп, которые имеют не только типологические сходства в изображении, но и дают возможность делать определенные выводы о роли образа волка в представлениях ранних кочевников. Основная масса изображений волка не несет на себе нагрузки, отражающей определенные представления о волке. Изображения отличаются техникой исполнения, различием поз и комбинациями с различными животными, в основном парнокопытными, в них можно выявить

Рис. 1. Скульптура волка (городище Кулан)

некие сходства, основываясь на которых, можно реконструировать первобытные представления о волке.

На основе сравнительно-исторического изучения фольклора и петроглифов Центральной Азии и Северной Америки академик А. П. Окладников приходит к выводу о возникновении культа волка и легенд о нем в каменном веке, когда охота играла в Центральной Азии ведущую роль, в связи с чем и возникает сюжет космической охоты, который из фольклора широко проникает в петроглифы многих племен и народов. По этому сюжету звезды на небе являются воплощением живых существ, когда-то живших на земле. По легендам и преданиям многих тюркоязычных народов, от исхода космической охоты на небе, продолжающейся уже много веков, зависит судьба всего мироздания, всей Вселенной (Окладников А.П., 1981, с. 43). Так, истоки легенд о волке выходят далеко за пределы тюрко-монгольского фольклора и связываются с творчеством многих племен и народов и первобытной мифологией о конце мироздания.

Наибольший интерес представляет изображение волка в тюркскую эпоху, когда каждое изображение можно трактовать, опираясь на письменные источники того периода. Так, древнетюркскую генеалогическую легенду о происхождении правящего дома Ашина иллюстрирует единственный пока эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата – стела с согдоязычной надписью (Бугутская надпись). В навершии стелы барельефа изображена волчица, под брюхом которой человеческая фигурка с отрубленными руками и ногами.

Внимание многих ученых привлекла легенда о происхождении алтайских тюрок: «Среди нескольких легенд о происхождении тюрок тугю, записанных в китайскую летопись, одна особенно ценна. Сообщив, что

в 40-х годах V века туг-ю жили на Южном Алтае и добывали железо для жуань-жуаней, китайский историк передает версию о том, что туг-ю происходят из племени со, обитавшего некогда на север от хунну. Первоначально их было 70 братьев, старший из них Нишиду родился от волчицы» (Киселев С.В., 1949, с. 276).

Есть в работах Н. Я. Бичурина легенды, связанные с хуннами. У Шаньюя хунну «родились две дочери чрезвычайной красоты», говорится в легенде. Вельможи Шаньюя считали их богинями. Шаньюй решил, что люди недостойны его дочерей и посвятил их небу. Построил дворец севернее столицы и там поселил своих дочерей со словами: «Молю небо принять их». Через четыре года около дворца появился старый волк, вырыл себе нору под дворцом и не уходил. «Меньшая дочь, рассказывается далее в легенде, – сказала: наш родитель поместил нас здесь, желая предоставить Небу; а ныне пришел волк; может быть, его прибытие имеет счастливое предзнамение. Меньшая сестра сошла к волку и вышла замуж и родила сына. Потомство от них размножилось и составило государство» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 214).

Чтобы в какой-то мере понять смысл приведенного варианта легенды, следует соотнести его с историей известных племен хунну, которые, если и не являлись «чистыми тюрками», то имели в своем составе мощный компонент таковых (Бернштам А.Н., 1951, с. 167).

Китайские источники сохранили исторические сведения, связанные с именем Ашины, нежели легенды. В результате межплеменных войн в средине V века Ашина с пятьюстами семействами вынужден был бежать к жужаньцам – в Южный Алтай и начал добывать им железо (Бичурин Н.Я., 1950, с. 22). Хунну первыми в Центральной Азии освоили железо. По китайским источникам, развитие металлургии позволило роду Ашина перевооружить свою армию и создать отборные части из латной кавалерии – фу-ли, т.е. бури – волки (Бичурин Н.Я., 1950, с. 229). По мнению Л. Н. Гумилева, Ашина был вождем дружины, с которой и бежал от хунны и сяньбийцев (Гумилев Л.Н., 1967, с. 12). И сама дружина Ашины имела, если можно выразиться, непосредственное отношение к легендарному прародителю. Е.Э. Бертельс об этом пишет следующее: «Китайские хроники VI века, сообщая данные о народе Тукью (Кок-Тюрк), указывают, что дружину тюркских вождей называли фу-ли, что значит (волк)» (Бертельс Е.Э., 1949, с. 74).

Почитание предков у тюрков (и монголов) нашло выражение в их тотемическом отношении к волку – предку Бозкурту, гаранту бессмертия тюрского народа, посланному Великим тенгри, о чем символизиру-

ет небесно-синий цвет шерсти Бозкурта. Древние тюрки считали, что их предки спустились с Неба и с ними небесный волк – сущность небесная, дух-предок, дух-покровитель. «Верования, связанные с Бозкуртом в мифологических текстах тюрков, делятся на три части: вера в Бозкурта как отца, основателя рода; вера в Бозкурта как спасителя. Предок Бозкурт являлся в те же исторические моменты, когда тюрский народ на грани вымирания, и всякий раз он стоял у истоков его возрождения. Бозкурт – незаменимый воитель, вождь, выводивший тюрков на путь боевых побед в периоды, когда бурлила их национальная жизнь и совершались великие походы» (Делорман А., 1990, с. 155). «Золотая волчья голова красовалась на тюркских победоносных знаменах» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 229).

Волчья голова в качестве знамени, встречающаяся на росписях VII-VIII веков, являлась главным военно-ритуальным знаком у древних тюрков и изготовлялась из драгоценных материалов. В конструкцию знамени с волчьей головой входило и «туловище» из ткани в виде открытого и отороченного фестонами длинного мешка, либо столь же узкого и длинного конуса, иногда расписанного чешуями и обшитого развевающимися «плавниками», с заостренным «хвостом» на конце. Так что знамя представляло собой волкоголового дракона, который на ветру развивался, изгибая туловище и, вероятно, издавал воющий звук.

Подобные знамена-драконы были чрезвычайно популярны с первых веков новой эры у хуннов, сарматов, римлян, даков, народов Средней Азии. Широко известно о знаменах с изображением золотой волчьей головы в Тюркском каганате, монгольской империи, у половцев. В иранской традиции такое знамя, напоминающее другие центральноазиатские (в том числе, тюркские), известно из Шахнаме.

Особый интерес представляют данные монгольского народно-поэтического творчества, отраженные в монгольской хронике 1240 года «Сокровенные сказания»: «Предком Чингизхана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал» (Лубсан Данзан, 1943, с. 79). Первым историком, обратившим внимание на эту легенду, был Рашид ад-Дин (Березин И.Н., 1868, с. 148). В переводе с монгольского языка Бурте-Чино значит «серый волк» (Березин И.Н., 1868, с. 149). Имя его жены Гоа-Марал переводится как «прекрасная лань» (Березин И.Н., 1868, с. 149).

Одно из монгольских племен, бермситы, ведет свое начало от волка: «Отец племени Берсит – волк(чино), живущий в лесу около озера, в котором жила маралиха, от них родился сын, родоначальник берситов» (Потанин Г.Н., 1881, с. 161).

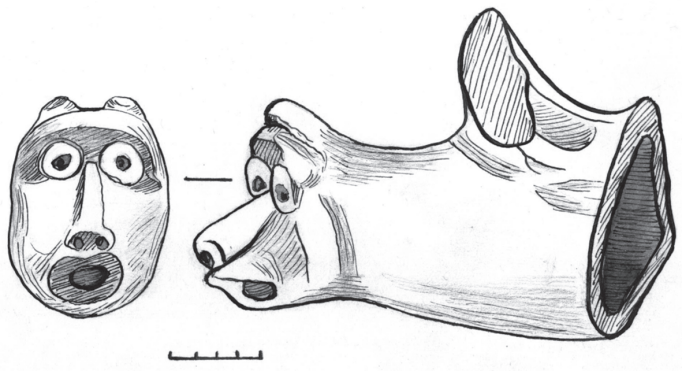


Рис. 2. Голова волка. Водолей (городище Кастек)

Обращаясь к материалам по истории монгольских племен, следует иметь в виду, что легенды и предания, связанные с образом волка, появились первоначально в тюркоязычной среде, причем задолго до того, как монгольские племена вышли на историческую арену. Это позволяет предположить, что приведенная легенда о происхождении Чингизхана попала в монгольскую хронику или из более ранних тюркоязычных письменных источников, или из уст представителей тюркских племен, обширные территории которых в XIII веке были заняты монголами.

Об этом же свидетельствуют и материалы эпоса «Чингизнаме», который в XIII-XIV веках сложился в тюркоязычной среде и «впитал в себя многое из древнетюркского фольклора» (Кероглв Х., 1976, с. 75). Вот что сообщается о рождении Чингиза в указанном памятнике: «Алангова забеременела без мужа». Она заявила: «На меня спускается луч солнца, от меня уходит волк». Тогда решили удостовериться. Трое мужчин стали караулить у шатра Аланговы. Незадолго до рассвета они заметили, как с неба спустился белый блестящий свет. Через некоторое время он обернулся светлогривым серым волком» (Кероглв Х., 1976, с. 76).

Рассмотрение образа волка в искусстве и традиционных верованиях народов Центральной Азии показало его неразрывную связь с охотничьей и военной элитой общества кочевников. Определение социальной роли образа волка невозможно без рассмотрения его семантики в этнической традиции народов Центральной Азии. В эпических произведениях и близких к ним по стилю исторических памятниках сохранились свидетельства социальной, культовой и идеологической оценки, и роли образа волка в центрально-азиатской традиции. Это поможет нам восстановить его место в указанных сферах человеческой жизнедеятельности, подтвердить выводы, сделанные на основе анализа других источников.

Древнейший пласт представлений о волке – хтоническом существе, противнике всего живого, чудовище-поглотителе – широко представлен

в изобразительных «текстах». Они сохранены и в более поздних фольклорных и изобразительных памятниках в качестве древней переосмысленной в плане подчинения человеку природной силы и качеств этого животного (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., 1987, с. 114).

Оппозиция «хищники-травоядные», канонично воспроизводимая в скифо-сибирском искусстве (сцены «терзания»), в поздней этической традиции теряет космологизм, зооморфные образы становятся поэтическими символами эпических героев. Военачальник родовой дружины сравнивается с волком (Батыр «истребляет врагов словно волк, напавший на овец»). В орхонских надписях сообщается: «Войско моего отца – кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам» (Кляшторный С.Г., 1987, с. 45-53).

У тюрко-монгольских народов сопоставление зверей и людей было обусловлено мифологическими представлениями. В наставлениях тюркским военачальникам, сохранившимся в текстах X-XII вв., перечисляются различные звери и птицы, определяющими свойствами которых должен обладать военачальник, среди них постоянно упоминаются «алчность волка» и «как у волка сила» (Кляшторный С.Г., 1987а, с. 18-27). В цепочке зооморфных образов волк (наряду с тигром и ловчими птицами) присутствует неизменно.

Известное отношение к образу волка имеет главный герой кыргызского героического эпоса «Манас», характеризуемый эпитетом «сивогривый» (көкжал). По этому поводу В.М. Жирмунский писал, что «сивогривым» в творчестве тюркоязычных народов называется волк, этот образ широко распространен в эпосе и фольклоре как тотемное животное (Жирмунский В.М., 1961, с. 122).

Существенное место занимает образ волка в огузском народном эпосе, в мифах, легендах и преданиях, в которых Огуз изображается как «легендарный предок тюрок, рожденный серым волком» (Гордлевский В.А., 1947, с. 318).

Типологически близкий к этому мотив встречается и в Огузнаме – уйгурской рукописи, хранящейся в Парижской национальной библиотеке (Кероглы Х., 1976, с. 328). В ней, в частности, сообщается, что зачат Огуз-каган от лучей света, которыми озарились глаза Ай-каган – матери героя (Кероглы Х., 1976, с. 39).

Обращаясь к народу в начале своих завоевательных походов, Огуз-каган говорит: «Я стал вашим каганом, возьмем-ка луки и щиты, тамгой пусть будет нам „благодать“, „сивый волк“ пусть будет ураном». Сивый волк приносит Огуз-кагану победу в одном из боев, а в трудный момент

указывает герою путь к спасению: Теперь двигайся с войском Огуз-каган. Веди сюда народ и беков, я буду тебе показывать дорогу» (Кероглы Х., 1976, с. 39).

Более подробно стадиальные модификации образа волка в тюркомонгольском эпосе рассмотрены Р. С. Липец. Она различает несколько мотивов: волк – тотем-первопредок, волк – проводник, волк – кормилец, воспитатель героя, волк – оборотень и, наконец, волк как символ воинской доблести предводителя родовой военной дружины, которая нередко сравнивается с волчьей стаей (Липец Р.С., 1981, с. 133).

Средневековые кочевники Центральной Азии унаследовали от своих предшественников многие изобразительные традиции. Мифические образы скифо-сибирского звериного стиля были унифицированы и творчески переработаны. Наряду с этим, обширный тюркский мир сохранил в своем искусстве ряд древнейших образов, воплощая их в мелкой пластике и монументальной скульптуре (Савинов Д.Г., 1984 с. 235).

Большой интерес представляет случайная находка в Жамбылской области. Найденный сосуд имеет грушевидную форму с узким горлышком, увенчанным скульптурным изображением головы животного. Высота сосуда 28,5 см, диаметр тулова 13,5 см. Сосуд изготовлен из светлой бронзы, выпуклые зрачки животного из красной меди обведены кружком с насечками по желтой бронзе. Короткие уши слегка оттопырены и заострены. Удлиненная форма морды и выгравированные детали носа и зубов типичны для волка. Сосуд наполнялся через отверстие в верхней части головы. Отверстие закрывалось крышкой, укреплявшейся на шарнире (крышка не сохранилась, от шарнира остались петельки). Содержимое выливалось из сосуда через прорезь в пасти животного (Ремпель Л.И., 1952, с. 79).

Резная глина как настенный декор средневековых построек уже в раннем средневековье получает распространение в городах Жетысу. Загородный дворцовый комплекс средневекового городища Кулан имел богатый и разнообразный декор. Они представлены фрагментами резьбы по глиняной штукатурке лепным барельефом и скульптурой из раскрашенной глины.

Фрагмент панно размером 60×50 см растительно-зооморфного содержания. Резьба графическая. На панно изображение волка. Задняя половина туловища утрачена. Зверь изображен в статичной позе, в профиль. Пасть оскалена, глаза узкие, злые. Выше сохранился завиток растительного орнамента, под ногами вьюн в виде синусоидально изгибающегося стебля с круто закрученными завитками. Низ композиции

обведен рамой из трех полос: двух узких и гладких и между ними широкой, орнаментированной вертикально расположенными листьями (Нуржанов А.А., 2011, с. 137).

В искусстве Средней Азии изображения животных издавна занимали особое место. В эпоху бронзы они связаны с представлениями о животном как о предке, у ранних земледельцев юго-западной части Средней Азии с мифологией и представлениями о космосе, населенном зверьми и животными. Так, волк, олень, бык, конь, баран, козел, кабан были в изначальной древности олицетворением сил природы и космоса. Олень и конь слыли солнечными божествами и нередко заменяли друг друга (Рempель Л.И., 1987, с. 22). Искусство восточных деспотий преломляет образы мифологии и развивает идею незыблемости власти сильных. В X-XII вв. генеалогия племен оттесняет космогонию и мифологию животных (Рempель Л.И., 1987, с. 28).

Чрезвычайно выразительно навершие рукояти плетки Ак-Кюна, оформленное в виде головы хищного зверя, напоминающего по всем признакам (длинная морда с открытой зубастой пастью и острыми, плотно прижатыми ушами) волка. «Всей фигуре бросающегося хищника придано устрашающее, подчеркивающее его силу мощь выражение» (Кызласов Л.Р., 1951, с. 50).

Атрибуты тела волка в поверьях и народной медицине служили талисманами, амулетами, лекарствами. У тюркоязычных народов были широко распространены обряды и обычаи, связанные с почитанием волка и отражавшие пережитки тотемизма. В них волк выступал как защитник от болезней, несчастий, всякого зла.

По поверью, волк помогает сохранить жизнь ребенка и роженицы. Так, только что родившемуся ребенку давали слюну волка (қасқырдың сілекейі) для того, что ребенок был храбрым, здоровым и не подвергался воздействию злых сил. Исключительное значение придавали шкуре с волчьей пастью, которые некоторые женщины берегли как средство, предохраняющее новорожденного от смерти. Шкуры вымачивали в воде, растягивали и пропускали через новорожденного. В прошлом это был один из широко распространенных обрядов, совершаемых родителями, у которых часто умирали дети.

Широко практиковалась в прошлом пришивание к детской одежде волчьего зуба как оберега от сглаза и злых духов. Древность их употребления подтверждается археологическими находками. Так, на территории Казахстана в погребениях эпохи бронзы встречены зубы хищных животных, в том числе зубы волка, в качестве амулетов. Подобные амулеты

ограждали людей от разных бед, болезней, «испуга», помогали при трудных родах и охраняли новорожденного, употреблялись для защиты скота, главным образом, от тех же волков. При этом употребляли все – шкуры волка, его кости, мясо, сухожилия, желчь, молоко и прочее (Потапов Л.П., 1958, с. 137).

На основе истоков широко распространенного у тюрко-монгольских народов игрища көк-бури (көкпар) С.П. Толстов приходит к выводу, что своими корнями оно восходит к тотемно-свадебнему ритуалу, где олицетворением мужского тотема являлся волк, а женского – козел (Толстов С.П., 1935, с. 14).

В этой связи следует указать на то, что кыргызы до сего времени считают целебным мясо козла, туша которого служит объектом спортивного состязания көк-бури. Поэтому сразу же после того, как туша-козла брошена победителем возле одной из юрт, ее разделывают на куски и раздают всем желающим. Те, кому мясо козла не досталось, не считают зазорным зайти в юрту и выпить бульон. Этот обычай не что иное, как отголосок причащения к тотему (Баялиева Т.Д., 1972, с. 23).

Волчица считалась прародительницей тюркских народов. С.Г. Кляшторный отмечал, что у тюрков, «существовало особое почитание волка, выраженное по преимуществу в военной символике». Пережитки культа волка неоднократно фиксировались у многих тюркских народов. Именно тюркские воины в китайских летописях называются волками, на этот счет есть любопытный пример в русской летописи. Накануне одной из битв кыпчакский хан Боняк (Бойнақ), чтобы узнать ее исход, решил погадать. В полночь он отъехал от стана и завыл по-волчьи. Ему «отвыся» (ответил) сначала один волк, но хан продолжал выть до тех пор, пока целый хор стаи не дал ему ответ. Это было перед сражением с венгерским королем Коломаном. Вернувшись, хан Боняк заявил, что завтра они победят. Так и случилось.

Таким образом, опираясь на рассмотренный материал, можно говорить об огромной социальной, культовой и ритуальной значимости образа волка с древнейших времен, сохраняющейся на протяжении тысячелетий. Широкое распространение зооморфных образов, в том числе и образа волка, в раннем искусстве кочевников Евразии не случайно, оно характеризует определенную стадию развития мировосприятия. Рассмотрев разные аспекты религиозных представлений, касающихся образа волка, мы можем утверждать, что в их основе лежит первоначальная сакрализация этого образа, основывающаяся на совокупности природных характеристик реального животного – волка. Образ волка стал

эпическим символом, а символ никогда не принадлежит какому-либо синхронному срезу культуры, он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его текстового окружения.

Литература

Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе, 1972.

Березин И.Н. Сборник летописей. История монголов. Соч. Рашид-Эддина. История Чингизхана до восшествия его на престол // ТВОИАО. – Ч. XIII. – СПб., 1868.

Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. – Л., 1951.

Бертельс Е.Э. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов // Советское востоковедение. – 1949. – Т. IV.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Т. 1.

Гордлевский В.А. Что такое «босый волк» // Известия АН СССР. – 1947. – Т. VI. – Вып. 4.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967.

Делорман А. Бозкурт // Хазар. – 1990. – №1.

Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса «Манас». Киргизский героический эпос «Манас». – М.,1961.

Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. // Известия АН СССР. – 1975. – Т. 34. – №5.

Кероглы Х. Огуский героический эпос. – М., 1976.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.-Л., 1949.

Кляшторный С.Г. Древнетюркская религия: проблемы реконструкции и генезиса //Инф. Бюлл. МАИКЦА. Спец. Выпуск, 1987. –С. 45-53.

Кляшторный С.Г. Древнетюркская цивилизация: диархронические связи и синхронические аспекты // СТ. – 1987а. – №3. – С. 18-27.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск, 1987. – С. 88-117.

Культура древнего Рима. – М. – 1985. – Т. 1.

Кызласов Л.Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай) // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVI.

Липец Р.С. «Лицо волка благословенно…» (Стадиальные изменения в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях). – СЭ. – 1981. – №1. – С. 121-134.

Лубсан Данзан. Алтантобчи («Золотое сказание»). – М., 1973.

Нуржанов А.А. Резной архитектурной декор дворцового комплекса городище Кулан // III Оразбаевские чтения: сб. матер. междунар. научно-практ. конф. – Алматы, 2011.
Окладников А.П. Петроглифы Чулытын-гола (Монголия). – Новосибирск, 1981.
Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881. – Вып. II.
Потапов Л.П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ АН СССР. – 1958. – Вып. XXX.
Рempель Л.И. Интересная археологическая находка в долине Таласа // ВАН КазССР. – 1952.– №4. – С. 79-81.
Рempель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродящие сюжеты в искусстве Средней Азии. – Ташкент, 1987.
Савинов Д.Г. Об одной традиции в искусстве звериного стиля // Скифо-сибирский мир: тезисы докл. II археологической конф. – Кемерово, 1984. – С. 135-137.
Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // СЭ. – 1935. – №9-10.

К.М. Байпаков, Б. А. Байтанаев, Р.В. Ильин, Е.С. Казизов, К.А. Жамбулатов, И.Р. Камалдинов, Ф.Ф. Хабибуллаев

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК УКРЕПЛЕННОГО МОНАСТЫРЯ АБЛАЙКИТ

В настоящей статье представлены предварительные результаты археологических раскопок укрепленного монастыря Аблайкит (Аблайхит) XVII века. В ходе раскопок исследованы остатки въезда и крепостной стены, храмовой платформы и хозяйственного комплекса. Находки представлены фрагментами орнаментированных кирпичей и плиток, металлическими изделиями и т.д. Уникальны находки фрагментов берестяных рукописей.

Ключевые слова: Аблайкит, археологические раскопки, буддизм, ламаизм, ойраты.

Создание и укрепление централизованного Джунгарского государства в XVII в. сопровождалось широким распространением тибетского буддизма. В этот период светские правители ойратов и духовные лидеры ламы основывают монастыри – хиты, или сумэ (Байпаков К.М., Ерофеева И.В., 2016, с. 95). Среди памятников этого периода на территории Казахстана известны Кабалгасун, или Калбагасун (Кабангасун, Калбасун) (1616 г.), позднее переименованный в Джалин-обо; Дархан-Цорджин-хит, или «Семь палат» (между 1639 и 1644 гг.); Кызылкент [1644 (1643?) г.]; Аблай-хит (1654 г.); Бошокту-хан-хит (1677-1678 гг.) (Ерофеева И.В., 2012, с. 336-338).

В настоящей статье представлены предварительные результаты археологических раскопок укрепленного монастыря Аблайкит (Аблайхит), проведенные РГКП «Институт археологии им. А.Х. Маргулана» по инициативе акимата Восточно-Казахстанской области.

Развалины храма Аблайкит расположены в 55 км к югу от г. Усть-Каменогорска и в 13 км к юго-востоку от с. Бозанбай на правом берегу р. Аблакетки.

Первое сообщение о строительстве Аблайкита было сделано Ф.И. Байковым, проезжавшим в составе русского посольства в Китай (1655 г.) (Материалы по истории …, 1974, с. 401- 402).

В XVIII веке усиливается интерес Петра I к Казахстану и Средней Азии. Было организовано несколько экспедиций, в том числе И.Д. Бухгольца (1715 – 1716 гг.) и И.М. Лихарева (1720 г.) к верховьям Иртыша. Именно с 1720 года, после основания Усть-Каменогорской крепости и получения Петром I рукописей, доставленных с Аблайкита, науке стал известен этот памятник (Рис. 1) (Княжецкая Е.А., 1989, с. 19-21). В 1735 году остатки монастыря обследовал геодезист В. Шишков, снявший план и сделавший зарисовки монастыря (Попов М.И., 1861, с. 439, 704). Краткие сведения об Аблайките можно найти у ученых-путешественников XVIII века – Ф.И. Страленберга (1730 г.), Г.Ф. Миллера (1750 г.), И.Г. Гмелина (1751 г.), П.С. Палласа (1786 г.), И.П. Фалька (1824 г.) (Свод памятников …, 2015, с. 45). В 1811 году Г.И. Спасский посетил Аблайкит, сделал подробное описание памятника и рисунок развалин, из которых видно, что в то время стены храма и ворота были еще целы. В 1826 году краткое описание здания дает К.Ф. Ледебур. Почти у всех авторов XIX века, касавшихся географии и истории Верхнего Прииртышья, – В.В. Радлова, А.И. Левшина, А. Гумбольдта, С.И. Гуляева, Ж.-А. Кастанье, П.П. Семенова-Тянь-Шанского – есть сведения об Аблайките (Свод памятников …, 2015, с. 45-46; Радлов В.В., 1894, с. 61-66).

Возникновение Аблайкита связано с историческими событиями, развернувшимися в XVII в. на территории Восточного Казахстана. Этот период связан с обширной ойратской экспансией, импульс которой исходил из глубин Центральной Азии (Попов М.И., 1861, с. 46-47). С ростом политической активности ойратов совпал период широкого распространения в их среде ламаизма, связанного с деятельностью миссионера, просветителя и реформатора письменности Зая-Пандиты. Именно Зая-Пандита в 1657 году освещал храм Аблайкита (Раднабхадра, 1999, с. 75).

Аблайкит представляет собой группу построек у юго-восточного склона горы (Рис. 2), огражденную каменной стеной, достигавшей высоты 3-5 м, проведенную в северной и западной частях памятника по скалам, служившим здесь дополнительной преградой. В северной части памятника стена огибает небольшое горное озеро. Основным объектом являются остатки прямоугольной платформы, на которой был возведен храм с предхрамовым помещением, к северо-востоку от него располагался жилой комплекс, а к западу небольшое хозяйственное помеще-

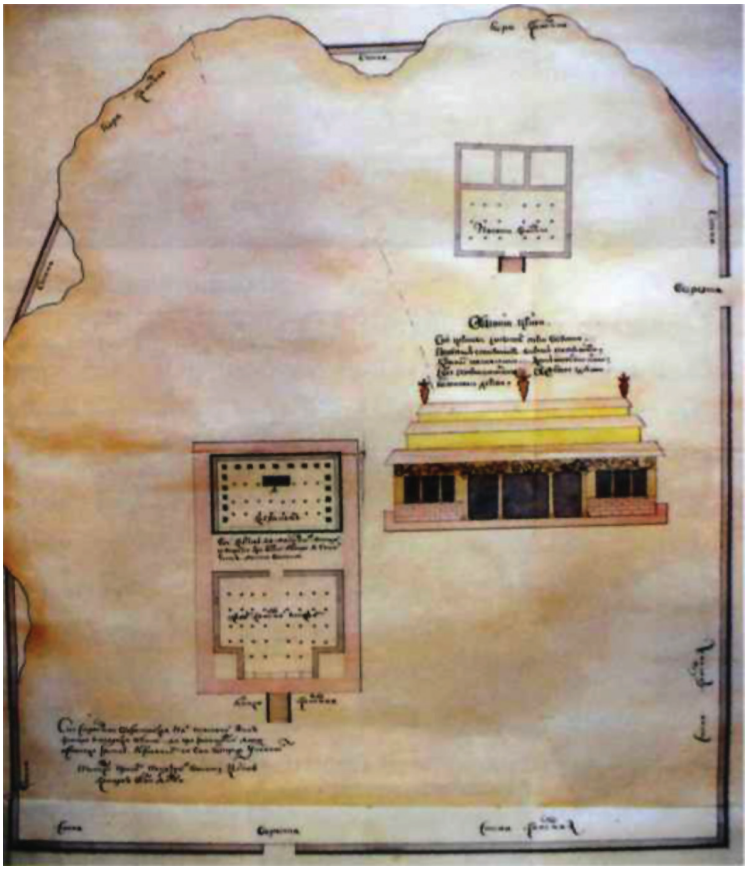


Рис. 1. Аблайкитские палаты. Чертеж начала XVIII в.

ние. Жилая часть комплекса на сегодняшний день представляет собой оплывший бугор с ямой в центре.

В ходе археологических работ были исследованы крепостная стена, храмовое и предхрамовое помещения, а также остатки хозяйственной инфраструктуры. Произведена аэрофотосъемка памятника с использованием беспилотного летательного аппарата (Рис. 3). На основе аэрофото и фотографий раскопов созданы стереофотограмметрические 3D-модели и подготовлены планы памятника.

Раскоп №1 – Крепостная стена. В ходе раскопок исследована южная часть крепостной стены с входным комплексом – «священными воротами» (рис. 4).

Крепостная стена представляет собой мощное оборонительное сооружение общей протяженностью по периметру 2125 м. Ее ширина составляет 3,4-3,6 м, а современная высота 1,2-1,7 м.

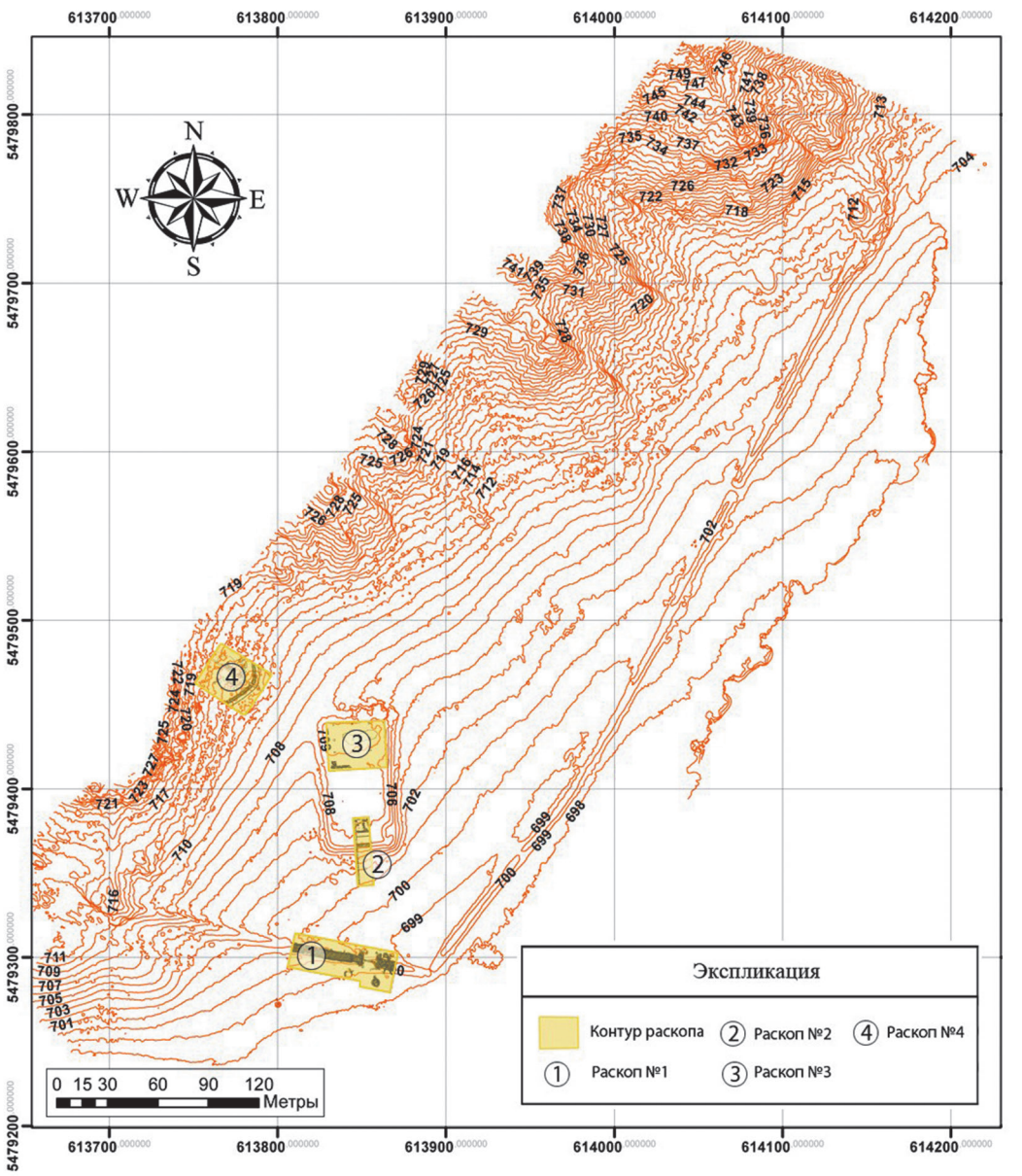


Рис. 2. Топографический план юго-восточной части Аблайкита

Стена была построена с учетом рельефа местности. Полезная площадь под храм, жилые и хозяйственные помещения находится в юго-восточной низменной долинной части памятника и огорожена самой мощной стеной. В 50 м от стены проходит ручей, который опоясывает комплекс с двух сторон. Ручей, разливаясь весной, становится трудно-

Рис. 3. Аэрофото Аблайкита. Вид на север

проходимым болотом до позднего лета. Таким образом, мощная крепостная стена является вторым оборонительным рубежом на подступах к храму. Первыми являются естественные природные преграды: с севера и запада – это горный хребет, а с востока и юга – это ручей и болото.

По результатам раскопок можно заключить, что возведение крепостной стены проводилось в несколько этапов. Первоначально место стены нивелировалось грунтом черного или коричневого цвета. Затем из плоского камня выстраивались внутренний и внешний фасады, внутреннее пространство между которыми забутовывалось глиной и дерном. Ширина каменной кладки фасадов 0,8-0,95 м. Камни клались в два ряда в сцепке друг с другом, ровным ребром всегда с лицевой стороны.

Фасады составлены из отдельных участков – блоков, как правило, без перевязки с другими блоками, и иногда отличающиеся характером кладки и размерами используемых камней. Каждый блок был в длину от 0,8-1 м до 1,5 м как с внутренней, так и с внешней стороны. Несколь-

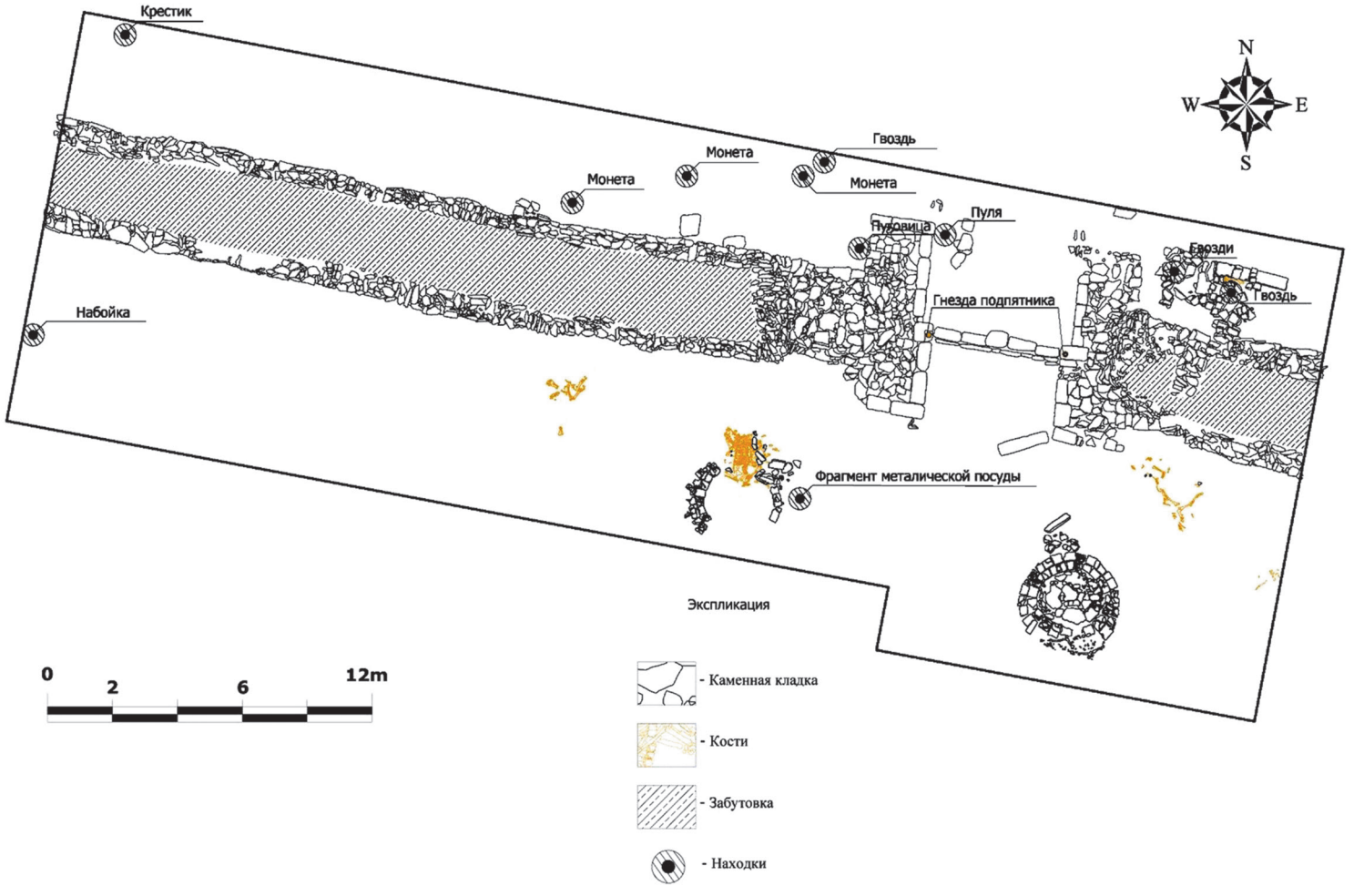


Рис. 4. План раскопа крепостной стены

ко блоков внешней каменной стены отличается от общей массы, если в основном камни блоков укладывались вдоль, то в трех блоках они уложены поперек.

В юго-восточной части раскопа располагался въезд («священные ворота» или «богдойн халга») (Рис. 5). От ворот сохранилась лишь нижняя часть входной группы, представляющая собой два прямоугольных основания арки, сложенные из плитняка и оформленные по краям плашмя уложенными прямоугольными гранитными блоками. Западное основание арки шириной 3,95 м и длиной 5,35 м. Восточное шириной 3,4 м и длиной 5,4 м.

Поверх каменных плит, вероятно, клали кирпич, о чем свидетельствуют остатки кладки в северной части западного основания арки. Размеры кирпичей: длина 38-41×16-23×6,5-9,5 см.

Расстояние между основаниями арки в южной части – 4,15 м, в северной 4,5 м. На центральной оси стены расположен порог, сооруженный из восьми вертикально вкопанных гранитных плит, подпертых изнутри 5 плашмя уложенными плитами.

На одной линии с порогом на противоположных концах фундамента арки, на крупных плитах выбиты и отшлифованы лунки диаметром 15 см и глубиной 10 см, в одной из которых сохранилась железная чашечка, выполнявшая функцию подпятника, с остатками древесины в ней. В западной лунке подпятник не сохранился, угол плиты здесь был сильно сточен от частого открывания ворот.

К югу от ворот выявлены два круглых кирпичных основания, вероятно, от мачт типа «тахилыйн модо». Основания круглой формы, диаметром 2,5 м и составлены из двух рядов кирпичей. Размеры кирпичей: 26-30×22-24×7-9,5 см. Внутреннее пространство было залито алебастровым раствором.

У ворот с внешней стороны и оснований мачт найдены скопления костей животных. Под основанием западной мачты в небольшой западине положено не менее четырех туш лошадей. Еще западнее в трех метрах лежали кости нижних конечностей верблюда. С южной стороны восточной мачты полукольцом в неглубокой западине располагалось большое скопление костей лошади, КРС и МРС.

К юго-востоку от ворот найдены нижние конечности и кисти рук человека, расположенные в анатомическом порядке. Судя по костям, умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. В области левого предплечья найдено каменное пряслице, а в районе ребер – два фрагмента металлических предметов.

Рис. 5. Общий вид «священных ворот». Вид на север

Вероятно, с внешней стороны въездной группы располагался портал, о чем свидетельствуют находки фрагментов декоративного кирпича и орнаментированных плиток. Здесь также найдены железные гвозди. В XVIII в. Аблайкит неоднократно посещался русскими военными, вывозившими уникальные рукописи и предметы искусства. Видимо, здесь, с внутренней стороны стены у ворот располагалась их временная стоянка. Так, здесь найдены монеты XVIII в., пуговица от мундира, нательный крестик и свинцовая пуля.

Храмовый комплекс Аблайкита расположен на прямоугольной платформе, размерами 80×45 м, ориентированной по линии север-юг. Высота площадки разная, что обусловлено наклоном поверхности. Так, с южной стороны высота составляет около 6 м, с северной стороны около 2 м. Храм, вероятно, был устроен на отдельной невысокой площадке, к которой позже была пристроена площадка предхрамового помещения.

По имеющимся архивным чертежам и планам комплекса, а также в ходе визуального осмотра площадки определено расположение помещений и дополнительных конструкций. Собственно храм, размерами примерно 45×20 м, расположен в северной части платформы. Всю осталь-

ную часть платформы занимает большое крытое предхрамовое помещение-двор, отделенное от храма свободным пространством, образующим своего рода коридор. С южной стороны в предхрамовое помещение вела лестница, фиксирующаяся в настоящее время в виде наклонного оплывшего пандуса.

На храмовом комплексе было заложено два раскопа. Раскоп №2 – на месте, где располагались лестница и вход в предхрамовое помещение. Раскоп №3 на храме.

Раскоп №2 – предхрамовое помещение. До начала раскопок с южной стороны храмовой площадки фиксировался плавный подъем – пандус шириной около 7 м. Вскрытие дернового слоя не выявило остатков лестницы, вероятно, она была разобрана на строительные материалы в прошлом. Вся платформа была укреплена мощной каменной стеной шириной около 2 м, предохраняющая платформу от расползания.

В северной части раскопа, уже непосредственно на площадке выявлены стены предхрамового помещения. Стена шириной 1,2 м сложена из крупных необработанных камней на глиняном растворе. Стена в прошлом была значительно разобрана. Возможно, в центральной части этой стены располагался высокий порог, что может быть подтверждено после углубления по всей поверхности раскопа до уровня пола. Еще одна стена, параллельная первой, найдена у северной стенки раскопа. В северо-западном углу раскопа выявлен угол стены или постамента, сложенного комбинированной кладкой из камней и обожжённых кирпичей.

В центре раскопа расчищен большой завал из камней, в центре которого найдена гранитная база колонны. Завал находится выше уровня пола и стен и, видимо, появился после запустения памятника.

Стратиграфическая ситуация на месте предполагаемого входа в предхрамовое помещение прослежена по западному борту раскопа. Здесь выявлено 3 слоя, связанных с устройством крыши предхрамового помещения, обвалившейся вниз между стеной и постаментом: верхний слой с находками черепицы (мощностью 20-55 см); слой глиняной обмазки крыши (мощностью 5 см) и слой сгоревших деревянных конструкций кровли (20-45 см).

Находки представлены большим количеством глазурованной и неглазурованной черепицы, декоративного кирпича и плиток, украшенных растительным орнаментом. Часть плиток покрыта зеленой глазурью. Железные гвозди двух типов: без шляпки и со шляпкой, образованной путем загибания гвоздя. Также найден железный прямоугольный брусок (возможно, штифт). Интересны находки трех обломанных

выгнутых керамических глазурованных плиток с прямоугольными штампами, возможно, также использовавшихся в качестве черепицы. На одной из плиток поверх глазури читается завиток, нарисованный черной краской.

Раскоп №3 – храм. Территория храма сильно пострадала от грабительских траншей и ям. На современной поверхности найдено большое количество фрагментов черепицы и жжёных кирпичей.

В ходе раскопок найдено 5 баз колонн, установленных на полу. Базы колонн однотипны – квадратные в нижней части и круглые в верхней, они вытесаны из цельных гранитных глыб. На одной из баз обнаружены остатки сгоревшего дерева от столба, среди которых встречаются мелкие окрашенные в красный цвет фрагменты.

Расчищен юго-западный угол пола храма и каменного основания стены. Высота стены здесь не превышает 20 см при толщине около 1 м. Пол вымощен маленькими каменными плитками и камнями. Расчистка пола пока не позволяет представить внутреннее пространство храма.

Исследования к югу от храма позволили выявить, что пол храма располагался выше уровня пола предхрамового коридора примерно на 70 см.

В ходе раскопок найдено большое количество фрагментов керамической черепицы. Важным открытием стали находки фрагментов берестяных рукописей, происходящие из дернового слоя (нижний слой пока не изучен).

Среди других находок отметим фрагменты обожжённых кирпичей и плиток, украшенных налепным растительным орнаментом (Рис. 6), а также железные и бронзовый гвозди. Интересна находка деревянной палочки для письма – калама.

Обожжённые кирпичи, найденные на раскопе, представлены тремя типами. Большие кирпичи размерами 42-?×22-24×(6 - 7?) 9-10 см (встречается два подтипа по толщине). Средние: 36-38×16-17×6-7 см. Небольшие декоративные кирпичи с одной закругленной или угловатой продольной стороной, как правило, покрытой зеленой глазурью. Размеры: ?×10-11×3-4 см.

Раскоп 4 – хозяйственный комплекс. До начала работ представлял собой руинированные остатки хозяйственных построек – ям округлой формы глубиной до 1,5 м, расположенных параллельно друг друга по линии запад-восток. Восточная яма по верху обложена крупными гранитными блоками различных форм. Ниже по склону был устроен небольшой ров и вал, возможно, остатки арыка для подачи воды в печи.

Рис. 6. Фрагменты кирпичей с растительным орнаментом

Над восточной хозяйственной ямой заложен раскоп, размерами 25×20 м, с оставлением по центру стратиграфической бровки запад-восток шириной 1 м. В ходе снятия дернового слоя на глубину 20 см выявлены ранее визуально не фиксировавшиеся каменные конструкции. Найдены обломки черепицы, кирпичей и куски железа.

Кризис ойратских государств и связанные с этим усобицы, натиск казахов-мусульман, стремившихся к возвращению своих кочевий, и Цинского Китая привели к запустению ламаистских храмов и монастырей ойратов на территории Казахстана. Но оставшиеся материальные литературные памятники продолжили жить, вызывая огромный интерес в научной среде.

Укрепленный монастырь Аблайкит занимает важное место среди памятников позднего буддизма Казахстана. Несмотря на то, что Аблайкит просуществовал всего 18 лет (1654-1671 гг.), здесь были собраны значительная библиотека рукописей и собрание буддийских реликвий, сыгравших значительную роль в становлении тибетологии (Княжецкая Е.А., 1989, с. 18-33).

Как видно по итогам проведенных исследований, постройки на территории монастыря представляют собой незаурядные архитектурные сооружения. Продолжение исследований позволит проследить своеобразие этого культового комплекса и открыть новые страницы в истории Казахстана.

Литература

Байпаков К.М., Ерофеева И.В. Буддизм в Казахстане // Промышленность Казахстана. - Алматы, 2016. № 2 (95). – С. 94-97.

Ерофеева И.В. Религиозно-культовые центры тибетского буддизма на территории Восточного Казахстана в XVII–середине XVIII веков // Буддизм ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию. – М.: «Алмазный путь», 2012. – С. 335–346.

Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева // Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия (география, история, этнография). – Вып. 26. – М., 1989. – С. 18–33.

Материалы по истории русско-монгольских отношений 1636–1654. Сб. док. / Сост.: М.Н. Гольман, Г.И. Слесарчук. – М., 1974.

Попов М.И. Татищев и его время. – М., 1861. – 796 с.

Радлов В.В. Сибирские древности. – Т. 1. Вып. 3. – Санкт-Петербург, 1894. – 178 с.

Раднабхадра. Лунный свет: история рабджам Зая-пандиты / Пер. с ойратского Г.Н. Румянцева и А.Г. Сазыкина. – СПб., 1999. – 176 с.

Свод памятников истории и культуры Уланского района Восточно-Казахстанской области. / Сост. Е.Ш. Амиров. – Алматы, 2015. – 100 с.

Давлатходжа Довуди,
Фаррух Сафоев

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ НА КУШАНСКОМ ГОРОДИЩЕ МИСИ АЙНАК В 2012 -2014 гг.

В статье рассматривается нумизматический материал из раскопок на городище Миси Айнак. Этот археологический памятник расположен в Афганистане в 40 км южнее города Кабула. За 2012-2014 гг. здесь было обнаружено более 5000 монет, 9 монетных кладов. Для анализа все находки были разделены на шесть групп, каждая из которых характеризует определенный хронологический период жизни города и того или иного государства. Монеты с Миси Айнака охватывают период со II – I вв. до н.э. до первой четверти VII века. На основе монетных данных можно уверенно сказать, что город Миси Айнак был основан в начале образования Великого Кушанского государства, а прекратил свое существование еще до завоевания Кабула арабами.

Ключевые слова: Афганистан, городище Миси Айнак, монеты, клады, Кушаны, Сасаниды, эфталиты.

Городище Миси Айнак находится в Лугарской области Исламской Республики Афганистан в 40 км к югу от города Кабула. Оно расположено на втором по величине медном месторождении в мире. Начало широкомасштабных археологических раскопок на этом городище связано с предстоящей разработкой этого месторождения государственной китайской металлургической группой, которая заключила соглашение с афганским правительством и арендовало месторождение на 30 лет. Раскопки финансируются китайской стороной через всемирный банк. Они были начаты афганскими археологами в 2009 г., а с 2011 г. к ним присоединилась международная экспедиция, в составе которой работали археологи из Европы, Америки, Азии и других стран. В 2012 г. для участия в раскопках

на Миси Айнаке были приглашены 9 таджикских археологов, в том числе авторы настоящей статьи. Приведенные в этой статье данные о монетах являются результатом нумизматических исследований, осуществленных авторами на месте на Миси Айнаке в ходе археологических раскопок.

В процессе археологических раскопок в 2012-2014 гг. на Миси Айнаке обнаружено более 5 тысяч монет. Они обнаружены во всех 22 раскопанных жилых комплексах. Монеты встречаются во всех слоях, начиная с дневной поверхности и до полов помещений. Они обнаружены как в виде кладов, так и единичных находок. Найдено 9 кладов, самые крупные из которых содержат 1007 и 856 монет. Остальные 6 кладов имеют в своем составе от 30 до 177 монет. Один маленький клад состоит из 4-х монет (см. таблицу 1). Только один клад объемом в 856 медных монет найден компактно в тайнике на стене, остальные найдены россыпью. Из девяти кладов два состоят из серебряных монет (52 экз. и 4 экз.), а остальные 7 (содержащие 2373 экз.) – клады, характеризующие медное обращение своего времени.

Монетные клады, найденные на Миси Айнак в 2012-2014 годах

Таблица 1

№ п/п.	Объект	Количество монет	Атрибуция	Датировка	Металл
1	045	856	Васудева II	III-IV	Медь[1]
2	055	1007	Канишка III и сасанидо-кушанские	III-IV	Медь
3	013	177	Сасанидо-кушанские и подражания монетам Канишки III	III-IV	Медь
4	013	87	Подражание монетам Васудевы и Канишки III, сасанидо-кушанские, Шапур II	III-IV	Медь
5	032 N	52	Сасанидские цари	IV	Серебро
6	052W	167	Шапур II	IV	Медь
7	042	49	Сасанидо-кушанские	III-IV	Медь
8	045	30	Васудева II	III-IV	Медь
9	013	4	Сасанидские цари	350-370	Серебро
Всего:		**2429**			

1 См. фототабл. 2 /16.

Все клады относятся к III-IV векам нашей эры. Два серебряных клада состоят из драхм сасанидских царей, остальные клады состоят из монет Васудевы II, подражаний монетам Васудевы и Канишки III, сасанидо-кушанских. Большинство монет (более 2700 экз.) представляют собой единичные находки. Их состав не отличается от состава кладов.

Найденные на Миси Айнак монеты по династической принадлежности можно разделить на 7 групп:

1. Подражания Гелиоклу	– 3 экз.
2 Кушанские	– 19 экз.
3. Подражания Васудеве и Канишке III	– более 2400
4. Сасанидские	– 61 экз.
5. Сасанидо-кушанские	– более 2400
6. Эфталитские	– 6 экз.
7. Индо-парфянские	– 1экз.

Группа I

К этой группе относятся кушанские монеты, чеканенные в подражании монетам последнего греко-бактрийского царя Гелиокла. Они все являются мелким номиналом (медные драхмы) и найдены на горе Айнак (Кухи Айнак). На их Л.с. находится изображение бюста царя; на О.с. двух монет находится изображение стоящего *Зевса*, а на одной монете – коня, идущего влево. Эти монеты датируются последней четвертью II – I вв. до н.э. Следует отметить, что они являются самыми древними монетами, найденными на городище Миси Айнак. Эти монеты были распространены на большом пространстве Центральной Азии – от юга Таджикистана и Узбекистана до Пакистана. Их присутствие на памятнике можно объяснить только двумя причинами: 1. власть эмитента – кушанского царя распространялась по всей этой территории; 2. территории к югу и юго-востоку находились в политической и экономической зависимости от кушанского царя Бактрии.

Группа II

Медные кушанские монеты в единичных экземплярах встречаются во многих жилых комплексах городища Миси Айнак. Самыми ранними среди них являются монеты Куджулы Кадфиза (см. таблицу 2). На л.с. одной из его монет находится изображение бюста царя в профиль вправо, вокруг греческая надпись *Басилеос* … (см. фототабл. 1/1). Имя царя сохранилось плохо, возможно, это имя царя Кабула Гермея. Изображение на О.с. тоже видно фрагментарно, возможно, это стоящее божество – *Зевс*?

Кушанские медные монеты,
найденные на городище Миси Айнак в 2012-2014 гг.

Таблица 2

№ п/п.	Имя царя	Количество монет, шт.	Датировка
1	Куджула Кадфиз	3	25 г. до н.э.-35 г.н.э.
2	Сотер Мегас	7	35-65 гг. н.э.
3	Вима Кадфиз	1	65-105 гг. н.э.
3	Канишка	5	105-128 гг н.э.
4	Хувишка	8	132-164 гг. н.э.
5	Васудева	1	184-218 гг.н.э.
Всего:		**25**	

Вокруг находится полустертая индийская надпись, вероятно, содержащая имя Куджулы Кадфиз. Е.В. Зеймаль опубликовал два типа монет Куджулы Кадфиза, чеканенных в подражание монетам Гермея (Зеймаль Е.В, 1967, с. 57). На основе этих монет некоторые исследователи считают, что Куджула Кадфиз в начале своего правления был вассалом Гермея. Однако маловероятно, чтобы правитель Бактрии был вассалом правителя одной области. Скорее всего, это просто подражательные выпуски, которые чеканил Куджула Кадфиз после захвата им Кабула для обеспечения местного денежного обращения. В отличие от подражаний Гелиоклу монеты Куджулы Кадфиза на юге Таджикистана и Узбекистана (Северная Бактрия) почти не встречаются (известна находка лишь одного экземпляра). Как полагают исследователи, это было связано с какими-то политическими изменениями, причем власть этого царя на Северную Бактрию не распространялась.

На городище Миси Айнак найдено 7 монет кушанского царя Сотера Мегаса **(**35-65 гг.), которого в последнее время идентифицируют с кушанским царем Вима Такту (см. фототабл. 1/2). Согласно Рабатакской надписи, он правил после Куджулы Кадфиза и был его сыном (Симс Вильямс, 1997, с. 3-10). Представлены монеты двух номиналов: крупного весом 8 г – 6 экз. и мелкого номинала весом 2 г – 1 экз. Изображения на них одинаковые: на л.с. помещен бюст царя в профиль вправо, а на о.с. – всадник, едущий вправо. Монеты этого царя были распространены весьма широко – от северной Индии и Пакистана до севера Средней Азии (Чач). Судя по монетам, он расширил границы кушанского государства, присоединив к нему новые территории в Средней Азии.

Фототаблица 1
1– Куджула Кадфиз; 2 – Сотер мегас; 3 – Хувишка. 4-5 – Васудева II; 6 – Канишка III; 7-8 – Шапур II; 9 – Серебряная позолоченная чаша с портретом Шапура II; 10 – Штамп на керамике с портретом Шапура II

Монеты Канишки I (105-128 гг.) представлены 5 экземплярами, найденными в разных местах археологического памятника. Изображения л.с. одинаково на всех типах: на л.с. изображен царь, стоящий перед алтарем огня. Круговая надпись, выполненная кушанским письмом на бактрийском языке, содержит титулы и имя царя. На о.с. находятся изображения различных зороастрийских богов – *Вадо* (Ветер), *Аташ* (Огонь) и другие.

Царь Хувишка (132-164 гг.) представлен 9 медными монетами разных типов. На л.с. в зависимости от типа изображен царь на слоне или на тахте. На о.с. находятся изображения различных зороастрийских богов – *Мах* и другие и индийский бог *Шива* (см. фототабл. 1/ 3).

Монеты Васудевы I (184-218 гг.) на Миси Айнаке встречаются редко, найден всего один экземпляр. На его л.с. изображен царь перед алтарем огня, а на о.с. *Шива* перед священным быком.

Группа III

Самыми многочисленными находками на городище Миси Айнак являются подражания кушанским монетам Васудевы II, Канишки III и сасанидо-кушанские монеты. Они встречаются повсеместно в большом количестве, как в виде кладов, так и отдельными экземплярами, и составляют более 90% монетных находок.

К III группе отнесены монеты Васудевы II и Канишки III. На л.с. монет Васудевы II, как и на монетах Васудевы I, находится изображение царя перед алтарем огня, а на о.с. – *Шивы* перед быком. На л.с. монет Канишки III тоже изображен царь, стоящий перед алтарем огня, а на о.с. – зороастрийская богиня *Ардохша* на троне. Однако изображения на них в отличие от предыдущих кушанских монет выполнены грубо и схематично. Поэтому Е.В. Зеймаль считает их подражательными выпусками, а западные нумизматы относят их к Васудеве II и Канишке III (Зеймаль Е.В., 1983, с. 241-250). В отличие от монет Васудевы II монеты Канишки III не имеют прототипа в медном чекане, известны лишь золотые монеты с аналогичными изображениями, которые, скорее всего, и послужили прототипом для медных монет. Попытки Е.В. Зеймаль выделить среди этих монет подлинные эмиссии и подражания вряд ли можно считать успешными, так как невозможно установить отчетливую границу между ними, а разница в степени стилизации изображений отражает процесс редукции в ходе продолжающейся чеканки.

По весу и размеру монеты Васудевы II из Миси Айнака можно разделить на три весовые группы: крупные весом 7-8 г, средние весом 3-5 г и мелкие весом 1-2 г. Монеты Канишки III можно разделить на две группы:

16

Фототаблица 2

11-12 – Шапур II; 13 – Эфталитская монета царя Хингила; 14 – Эфталитская монета; 15 – Индо-парфянская монета Царя Гондофара; 16 – Клад монет Васудевы II

крупные весом 6-8 г и мелкие весом 1-3 г. Относительно происхождения этих весовых групп можно сделать два предположения: 1. это разные номиналы одной эмиссии, которые чеканились и обращались одновременно; 2. это результат неоднократного снижения весового стандарта в ходе длительной чеканки. Судя по условиям находок и общему монетному контексту на городище Миси Айнак, мелкие подражания монетам Васудевы II и Канишки III находились в обращении вплоть до середины VII в.н.э. Примечательно, что все эти монеты (как крупные, так и мелкие) были распространены на огромной территории от юга Таджикистана до севера Пакистана. Это значит, что вся эта территория находилась под властью одной династии. Следовательно, подражательные выпуски нельзя считать продуктом монетных производств мелких владений. С другой стороны, подражания нельзя считать неполноценными монетами. Они были нормальными официальными средствами обращения, которые обслуживали сферу мелкой розничной торговли.

Группа IV

Вторую крупную группу составляют медные сасанидо-кушанские монеты. Представлены монеты Шапура II и Пероза. Выпуск этой группы начинается с правления Шапура II и продолжается при следующих сасанидских кушаншахах. На л.с. монет Шапура II находится изображение бюста царя в профиль вправо в высокой трехзубчатой короне, а на о.с. – алтаря с пылающим огнем. Представлены крупные экземпляры весом более 4 г и диаметром 16-19 мм и мелкие монеты весом около и более 2 г и диаметром 12-13 мм. Количественно преобладают мелкие монеты. На нескольких крупных монетах хорошей сохранности перед лицом царя читается имя царя, написанное кушанским письмом в форме *Шабор*, что соответствует сасанидскому Шапур.

Появление сасанидских монет в Миси Айнак связано с завоеванием кушанского государства Сасанидами. О времени завоевания, в том числе Кабульской области, имеются разные мнения. Херцфельд Е. (Herzfeld E, 1930) относит это событие к правлению Шапура I (241-272 гг.), а В.Г. Луконин и Р. Гёбл – к правлению Шапура II (309-379 гг.) (Луконин В.Г., 1967, с. 16-33). Сасанидские монеты, найденные на Миси Айнаке, имеют большое значение для решения этого вопроса. Дело в том, что на этом археологическом памятнике найдены монеты только Шапура II и среди находок нет ни одной монеты Шапура I. На этом основании можно заключить, что Кабул был завоеван именно при Шапуре II. Об этом же свидетельствует выпуск серебряных монет с его именем в Кабуле.

О популярности Шапура II в Кабулистане свидетельствуют не только находки его монет, но и другие факты. Так, на Миси Айнаке на объекте 51 найдено позолоченное серебряное блюдо с изображением Шапура II (фототабл. 1/9). Его портрет встречается и в штампах на керамических сосудах (фототабл. 1/10).

Английский нумизмат М. Митчинер, опубликовавший аналогичные медные монеты Шапура II, считает, что их выпускали в Кандахаре. Однако находки этих монет в большом количестве на Миси Айнаке наводит на мысль о возможности выпуска сасанидо-кушанских монет Шапура II и Пероза в этом городе. Об этом же свидетельствует наличие в составе клада с объекта 055 медной проволоки, из которой резали монетные кружки, затем из этих кружков чеканили монеты. Одна такая же медная проволока найдена на объекте 091N. Кроме этого во многих кладах встречаются медные заготовки, на которых осуществлялась чеканка монеты. Примечательно, что если кружок-заготовку ставили плоской стороной, монета получалась круглой или овальной формы, а если ставили ребром, то монета получалась квадратной, прямоугольной или продолговатой формы. Продолговатую форму имеют сасанидо-кушанские и подражательные кушанские монеты, найденные на Миси Айнаке (фототабл. 1 /4 и 5).

Редкий тип сасанидо-кушанской монеты найден на объекте 055. На ее л.с. находится изображение бюста царя в профиль вправо с высокой трехзубчатой короной. Такая корона характерна для монет Шапура II, найденных на Миси Айнаке (фототабл. 1/7 и 8). Поэтому о принадлежности этой монеты Шапуру II сомнений нет. На Миси Айнаке найдено большое количество медных монет Шапура II с аналогичной высокой зубчатой короной. На о.с. всех этих монет находится изображение алтаря огня. Это связано с религиозными воззрениями Сасанидов, государственной религией которых был зороастризм. Однако на о.с. одной монеты с объекта 055 находится изображение свастики. С чем было связана замена на этой монете изображения алтаря огня свастикой, пока трудно судить.

Как известно, свастика была древним знаком арийских племен, к которым принадлежали и Сасаниды. То есть свастика не была для них чуждым знаком-символом. Тем не менее, на сасанидских монетах, насколько нам известно, этот знак не встречался. Но свастика встречается на золотых монетах кушанского царя Васудевы и на кушано-сасанидских золотых монетах Варахрана II. Этот знак был широко распространен в Индии, где был связан с буддизмом и индуизмом. Свастику считают символом

движения, жизни, солнца, света и благополучия. Солнце в зороастризме ассоциируется с богом Митра. Интересно, что в индуизме свастика связана с культом бога огня *Агни*. Этот знак в Иране встречается в храмах огня. Нужно полагать, что свастика на медных монетах Шапура II появилась под влиянием кушан и индуизма, хотя связь этого знака с культом огня тоже способствовала этому.

На л.с. сасанидо-кушанских монет царя Пероза, найденных на городище Миси Айнак, находится изображение его бюста, а на о.с. – алтаря огня. Перед лицом царя на некоторых экземплярах хорошей сохранности читается его имя, написанное кушанскими буквами в форме *Бароз*, что соответствует сасанидской форме *Пероз*. Монеты этого царя количественно преобладают среди сасанидо-кушанских монет Миси Айнака.

Монеты Васудевы II и Канишки III относятся к III в., а сасанидско-кушанские – к IV в. Но во многих кладах они встречаются вместе, что свидетельствует об их совместном обращении. Эти монеты составляли основу денежного обращения в сфере мелкой повседневной торговли в III-IV вв. На основе монет можно заключить, что пик денежного обращения и расцвет города Миси Айнак приходится на IV в., т.е. на время правления Сасанидов.

Группа V

К этой группе относятся серебряные сасанидские монеты. На Миси Айнаке найден один клад серебряных сасанидских монет и 5 экз. отдельными экземплярами. Клад найден на объекте «032 южная». Состоит из 52 экземпляров. Представлена чеканная продукция 5 сасанидских царей:

1. Шапур II – 14 экз. (309-379 гг.)
2. Ардашир II – 7 экз. (379-383 гг.)
3. Шапур III – 13 экз. (383- 388 гг.)
4. Варахран IV – 15 экз. (388-399 гг.)
5. Йаздигурд I – 3 экз. (399-420 гг.)

На л.с. этих монет находится изображение бюста царя в профиль вправо. Вокруг пехлевийская надпись, содержащая имя и титулы царя. На о.с. изображен алтарь огня с двумя мобедами по сторонам. Монеты относятся к IV-началу V в. Цари, чеканившие эти монеты, правили последовательно друг за другом.

Группа VI

На городище Миси Айнак найдено шесть серебряных эфталитских монет. Из них 5 относятся к правителю Хингиле (фототабл. 2/13). На л.с.

этих монет изображен бюст царя в профиль вправо, а на о.с. – алтарь огня с двумя мобедами по сторонам. Голова царя удлиненная, деформированная. Тип монет заимствован у сасанидских монет, надписи на них индийские и бактрийские. Этот эфталитский царь правил в 430-490 гг. По мнению известного нумизмата Р. Гёбля, эти монеты чеканены в Кабуле.

Шестая эфталитская монета является анонимной. На её л.с. находится бюст правителя с бактрийской надписью CPI ShOYO (KAPISA) перед лицом царя и индийской (брахми) надписью вокруг.

На о.с. находится изображение головы божества в пламени. Исследователи относят это изображение к разным зороастрийским божествам – *Ахура Мазде*, *Анахите* или богу огня *Аташу*. По сторонам пехлевийская надпись. Как видим, на этой монете находятся надписи на трех языках: бактрийском, индийском и пехлевийском. Изображение на оборотных сторонах этих монет полностью заимствовано с монет сасанидского царя Хосрова II (591-628). Эти монеты чеканены в первой четверти VII в. (фототабл. 2/ 14).

Датировка городища Миси Айнак по монетам

Монеты имеют большое значение для датировки городища Миси Айнак. Самыми ранними монетами из Миси Айнака являются подражания монетам греко-бактрийскрго царя Гелиокла. Эти монеты датируются концом II – I в до н.э. К ранним относится монета Куджула Кадфиза, который правил с 25 г. до н.э. до 35 г. н.э.

Третьей ранней монетой является индо-парфянская монета царя Гондофара. На его л.с. находится изображение бюста царя в профиль вправо, а на о.с. – греко-римской богини победы Ника. Греческая надпись содержит имя и титул царя: *BACILEOC COTER YNDOФEROY* – царь спаситель Гондофар. Английский нумизмат М. Митчинер датирует эти монеты 20-5 гг. до н.э., а Гриб и Алрам – 20-50 гг. н.э.

Самими поздними монетами Миси Айнака являются эфталитские монеты, пять из которых датируются 430-490 гг., а одна – первой четвертью VII в.

На основе изучения монетных находок относительно времени существования городища Миси Айнак можно сделать следующее заключение: первые поселения на Миси Айнаке появились в конце I в. до н.э. или в начале I в. н.э. Вероятно, первые поселения появились на Кухи Айнаке, откуда происходят медные подражания монетам греко-бактрийского царя Гелиокла. Прекращение жизни на Мис Айнаке относится к первой четверти или середине VII в.

При датировке Миси Айнака следует учесть два момента: 1. по нашим расчетам, в 2012 – 2014 гг. на городище Миси Айнак обнаружено более 5000 монет, среди которых нет ни одной греко-бактрийской монеты.[2] Это однозначно свидетельствует о том, что в греко-бактрийском периоде город не существовал; 2. среди монетных находок нет ни одной мусульманской монеты. Этот факт однозначно свидетельствует о том, что город прекратил свое существование до прихода арабов.

На основе монетных данных можно уверенно сказать, что город Миси Айнак был основан в начале образования Великого Кушанского государства, а прекратил свое существование еще до завоевания Кабула арабами.

Литература

Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983, с. 241-250.

Зеймаль Е.В. Монеты великих кушан в Государственном Эрмитаже // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 9. Л., 1967, с. 57.

Луконин В.Г. Кушано-сасанидские монеты // Эпиграфика Востока. Вып. XVIII. Л., 1967, с. 16-33.

Симс Вильямс. Новые бактрийские документы // Вестник древней истории. №3, 1997, с. 3-10.

Herzfeld E. Kushano-sasanian Coins. Memoires of the Archaeological Survay of India. Calkutta, 1930.

2 Совсем недавно, в конце 2015 г. на городище Миси Айнак была найдена одна медная монета последнего греческого правителя Кабула Гермея, правление которого приходится примерно на 45-25 гг. до н.э. Однако эта находка не меняет наш вывод о времени появления города Миси Айнак.

А.Н. Горин

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И НУМИЗМАТИКИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ (по материалам монетных находок крепости Узундара)

Настоящая статья посвящена подробному изучению находок монет Селевкидов, Кушан, а также подражаний монетам Гелиокла, найденным в крепости Узундара в ходе археологических сезонов 2013-2014 гг. Узундара расположена около кишлака Сайроб в Байсунском районе Сурхандарьинской области Республики Узбекистан. В работе рассмотрен каждый тип найденных монет в отдельности, приведен анализ мнений различных авторов, касавшихся вопросов изучения этих монет, указаны места хранения аналогичных экземпляров различных номиналов, проанализирована топография находок. Были сформированы собственные представления и по некоторым конкретным историческим вопросам, и по особенностям применяемой методологии изучения и анализа продуции центрально-азиатских монетных дворов античного времени.

Ключевые слова: Узбекистан, крепость Узундара, город Ай-Ханум, Кампыртепа, монеты, Селевкиды, Бактрия.

В течение трех полевых сезонов 2013–2014 гг. проводились археологические работы по изучению горной крепости Узундара, расположенной около кишлака Сайроб в Байсунском районе Сурхандарьинской области Республики Узбекистан. Исследования проводились в рамках международной Тохаристанской археологической экспедиции (ТАЭ) Института искусствознания АН РУз (общее научное руководство – академик Э.В. Ртвеладзе). Работы на памятнике велись непосредственно сотрудниками Бактрийского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН (начальник Н.Д. Двуреченская) и сотрудниками ТАЭ[1].

1 Предварительные итоги работ см.: Двуреченская Н.Д., 2015; Ртвеладзе Э.В., Двуреченская Н.Д., 2015.

В ходе работ были найдены одна селевкидская, 15 греко-бактрийских, четыре подражания монетам Гелиокла и три монеты «Сотера Мегаса». За исключением двух монет *(Приложение, табл. 1, №№ 6, 8)*, все остальные монеты найдены в подъеме, при этом как внутри периметра крепостных стен, так и за их пределами[2].

1. Монета Антиоха I (ок. 295/281–261 гг. до н.э.)[3]

Медные монеты Антиоха I типа: *голова Афины в шлеме вправо / стоящая в ¾ поворота влево, крылатая Ника с лавровым венком в правой руке, по сторонам от изображения двустрочная легенда*: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ (*Βασιλέως Ἀντιόχου*) – [монета] Царя Антиоха *(Приложение, табл. 1, № 9; Фототабл. 2/4)*. На территории Бактрии впервые были найдены на городище Ай-Ханум (Bernard P., 1985, p. 52 (Antiochus I, séries IV/6), no. 72–75 *(дихалки и гемихалки)*, pl. 4). К северу от Амударьи они были обнаружены при раскопках храма Окса на городище Тахти-Сангин (пять *гемихалков*) и на городище Афрасиаб (один *гемихалк* найден при случайных обстоятельствах в 2011 г.). *Дихалк* с Узундары – первая паспортизированная монета данного номинала в Северной Бактрии. Кроме того, монеты этого типа представлены в частных собраниях А. Хоутона, Б. Критта, А. Спэра и нумизматической коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина (Houghton A., 1983, p. 62, no. 667–668, pl. 38; SC, vol. I, p. 157).

Иконографический тип: *голова Афины в коринфском шлеме вправо / стоящая в ¾ поворота влево, крылатая Ника с лавровым венком в правой руке и мачтой (στυλίς) в левой* впервые был введен Александром Македонским и считается основным типом его золотых монет. *Статеры* Александра этого типа чеканились в городах Македонии, Малой Азии (Лампсак, Абидос, Милет, Магнесия-на-Меандре, Тарс, Сарды и др.), Финикии и Сирии (Арад, Библ, Сидон, Тир, Дамаск и др.), в Египте (Мемфис), в Вавилоне и Сузах (Price M., 1991, vol. I, p. 72). Вслед за тем монеты данного «александровского» типа и легендой «царя Александра» продолжали выпускать Филипп III Арридей (323–317 гг. до н.э.), Птолемей (305–283 гг. до н.э.), Лисимах (305–281 гг. до н.э.), Антигон (306–301 гг. до н.э.), Деметрий (306–283 гг. до н.э.) (Price M., 1991, vol. I, p. 73–75). В госу-

2 В ходе археологических исследований крепости в 2015 г. фонд монетных находок существенно пополнился, были найдены: драхма Антиоха I, 2 дихалка Диодота, 25 халков (разных номиналов) Евтидема, обол Деметрия, драхма Евкратида, 5 подражаний монетам Гелиокла, 5 монет “Сотера Мегаса”, монета Вимы Кадфиза, подражание монетам Васудевы.

3 Как соправитель своего отца Селевка – 295–281 гг. до н.э., самостоятельное правление – 281–261 гг. до н.э. (первое упоминание царей – соправителей: Селевка и Антиоха, датируется 295/294 г. до н.э., см.: Смирнов С.В., 2013, с. 90, 123, прим. 46).

дарстве Селевкидов такие *статеры* эпизодичеки чеканились как от имени Александра, так и от имени Селевка I (305–281 гг. до н.э.), Антиоха I (281–261 гг. до н.э.), Антиоха II (261–246 гг. до н.э.) и Антиоха Гиеракса (242–227 гг. до н.э.). На основе этого типа появляются его производные. Известны *статеры,* на которых Ника вместо корабельной мачты держит пальмовую ветвь, эти выпуски также чеканились от имени Александра, Антиоха II и Селевка II (SC, vol. II, p. 207), последний выпускал даже драхмы этого типа (SC, vol. II, p. 208). Медные монеты этого типа выпускались Антиохом I, Селевком II, Антиохом III, на этих выпусках в левой руке Ники изображение пальмовой ветви встречается эпизодически (SC, vol. II, p. 212). В правление Антиоха I монеты типа: *голова Афины в шлеме вправо / стоящая в ¾ поворота влево, крылатая Ника, с лавровым венком в правой руке,* выпускались в Малой Азии (на монетном дворе Сард или Смирны) (SC, vol. I, p. 157, type 316; vol. II, pl. 69) и в Бактрии.

Впервые продукцию монетного двора Бактр выделил Э.Т. Ньюэлл на золотом *(статеры)* и серебряном *(тетрадахмы* и *драхмы)* чекане. Согласно его исследованию, впервые монетный двор Бактр был организован после того, как Антиох I был назначен соправителем в верхних сатрапий ок. 285 г. до н.э. В этот период здесь чеканились именные эмиссии Селевка и совместные царей «Селевка и Антиоха». Отличительной особенностью продукции стало использование монограмм в виде различных комбинаций букв *дельты, йоты и омикрона:* ΔΙ, , , , , , (ESM, p. 239–240, 246). П. Бернар в целом следует гипотезе Э.Т. Ньюэлла, но относит основание монетного двора в Бактрах ко времени ок. 295 г. до н.э. (*Bernard P.,* 1985, p. 37–38). Найденные при раскопках Ай-Ханум, неизвестные ранее медные монеты Антиоха I типа: г*олова Геракла в львиной шкуре вправо / бык Зебу, идущий вправо, голова Аполлона вправо / шлем с нащечниками в фас,* – он отнес к бактрийскому локальному чекану (Bernard P., 1985, p. 13, 43–51, séries IV/3, IV/4). А медь типа: *голова Аполлона в ¾ повороте / Ника вправо, воздвигающая трофей* (с монограммой) и *голова Аполлона / лира* (с монограммами Δ и), – к продукции монетного двора Бактр (*Bernard P.,* 1985, p. 13, 41–43, série IV/2; p. 51–52 série IV/5). Однотипные с узундаринским экземпляром монеты П. Бернар атрибутировал как бактрийский локальный чекан, возможно, монетного двора Ай-Ханум, но не настаивал на этом предположении. Он также отметил, что шлем на голове Афины по форме отличается от классического коринфского и назвал его «бактрийским» (Bernard P., 1985, p. 52). Всего за годы исследований Ай-Ханум был найден 61 халк Антиоха I разных типов и номиналов (Bernard P., 1985, p. 41–52, no. 14–75, série IV).

В двух недавних монографиях о селевкидском и греко-бактрийском чекане в Бактрии Б. Критт уже более определенно отнес их к чекану Ай-Ханум (*Kritt B.,* 1996, p. 25–30). Он возводит учреждение монетных дворов в Бактрии ко времени основателя династии – Селевка I в период его соправительства с Антиохом ок. 290–280 гг. до н.э. В Бактрии, по его мнению, было организовано два монетных двора Бактры и Ай-Ханум (Kritt B., 1996; *Kritt B.,* 2001, p. 167–184). Детальный критический анализ концепции Б. Критта был сделан О. Бопеараччи, который отстаивает атрибуцию бактрийских серий, в том числе и интересующих нас медных монет Антиоха I как продукцию монетного двора Бактр (Bopearachchi O., 1999). Авторы капитального каталога селевкидских монет А. Хоутон и К. Лорбер, следуя построениям Б. Критта, также считают халки Антиоха I выпусками Ай-Ханум (SC, vol. I, p. 157) и не только поддерживают концепцию Б. Критта, но выдвигают ряд собственных положений. На материалах монетных эмиссий времени Селевка I, Антиоха I и Антиоха II они выделяют продукцию девяти периодически работающих монетных дворов, расположенных в Бактрии (SC, vol. I, p. 185–187). Удивляет тот факт, что при предполагаемом для времени Антиоха I наличии в Бактрии и Маргиане девяти монетных дворов в Бактрах монет не чеканилось вовсе (SC, vol. I, p. 150–162). Главным признаком атрибуции служат стилистические изменения изображений, которые авторы считают определяющими для отнесения монет к различным сериям чекана и, соответственно, к продукции разных монетных дворов. При таком подходе получается, что на предполагаемых монетных дворах в ряде случаев выпускалось всего лишь 1–3 выпуска. Без сомнений, организация новых монетных дворов для чеканки таких масштабов совершенно невероятна. По поводу такой «гипертрофии чисто нумизматического подхода» Г.А. Кошеленко справедливо отмечал: «не подлежит сомнению, что столь значительное число монетных дворов, функционирующих в одно и то же время, никак не может отвечать исторической реальности того времени… попытка решить проблему с сериями, локализация которых авторам кажется невозможной, путем умножения числа монетных дворов – далеко не самый лучший метод» (Кошеленко Г.А., 2005, с. 201–202). А.И. Наймарк обратил внимание на то, что основным аргументом Б. Критта для отождествления монетного двора Ай-Ханум, служит наличие общего, по его мнению, знака ⏀ на монетах (в качестве монограммы) и на кирпичах (клейма), происходящих из Ай-Ханум. Однако в среднеазиатском общественном строительстве весьма распространенной практикой было использование рабочих бригад не только из того города, в котором осуществлялась

Фототаблица 1
Монеты Евтидема I (изображения увеличены в 2 раза)

стройка, но также из прилегающей к нему округи и соседних городов. Для учета продукции такие бригады применяли клеймение кирпичей знаками – символами их города. Реже на кирпичах писали название города, откуда прибыла бригада. В этой связи более правдоподобным выглядит предположение, что данный знак – символ вовсе не Ай-Ханум, а столицы сатрапии – Бактр (Марков Д., Наймарк А., 2012, с. 11–12). Остается добавить, что Ай-Ханум – уникальный памятник, единственный в своем роде греческий город, который подвергся систематическим раскопкам. Неудивительно, что наибольшее число селевкидской и греко-бактрийской меди происходит именно отсюда. Однако любые статистические выкладки на основании этого факта, как и атрибуция здесь нового монетного двора, преждевременны и некорректны в силу слабой в археологическом отношении изученности других памятников, в том числе столицы Бактрии и всего царства – Бактр. Кроме того, однозначного ответа на вопрос: какую функцию выполняли монограммы на селевкидских и греко-бактрийских монетах, еще нет. Это могли быть аббревиатуры монетных дворов, магистратов, ответственных за выпуск монет или знаки, функциональное назначение которых пока не известно (Curiel R., Fussman G., 1965, p. 69; Зеймаль Е.В., 1967а, с. 164–165; de Callataÿ F., 2012).

Но как бы не решался вопрос с атрибуцией монетных дворов, бактрийское происхождение *халков* Антиоха интересующего нас типа не вызывает сомнений. В музейных собраниях Узбекистана медные монеты Антиоха I весьма немногочисленны. Один *халк* хранится в собрании Государственного музея истории Узбекистана (ГМИУ) (Зеймаль Е.В., 1983в, с. 67, № 20; Мусакаева А., 1990, с. 18, № 6)[4], четыре монеты (два *гемихалка, халк* и *диихалк*) в Самаркандском музее (коллекция Б.Н. Кастальского)[5]. Одна монета хранилась в Душанбинском музее, коллекция А.Е. Маджи (Зеймаль Е.В., 1983в, с. 67, № 19, табл. XIII.*II*)[6].

В ходе археологических исследований *халки* Антиоха I найдены на Кампыртепа и в храме Окса на городище Тахти-Сангин. На последнем, как уже упоминалось вначале, были найдены еще пять *гемихалков*. При раскопках городища Дильберджин в Северном Афганистане были найдены 2 *халка* (Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т., 1976, с. 181, № 90, рис. 106;

4 По типу: голова Аполлона в ¾ повороте / Ника вправо, воздвигающая трофей.

5 Гемихалки и дихалк по типу: голова Аполлога в ¾ повороте / Ника вправо, воздвигающая трофей (Зеймаль Е.В., 1983в, с. 67, № 18, табл. XIII, II; Атаходжаев А.Х., Рапен К., Хасанов М.Х., 2014, с. 95–96, №№ 1–3, рис. 3.1–3). Халк по типу: голова Геракла в львиной шкуре вправо / бык Зебу, идущий вправо (Зеймаль 1983в, с. 67, № 12; Атаходжаев А.Х., Рапен К., Хасанов М.Х., 2014, с. 96, № 4. Рис. 3.4).

6 По типу: голова Аполлога в ¾ повороте / Ника вправо, воздвигающая трофей.

Фототаблица 2
1–2, 5. Монеты Евтидема I. 3. Монета Деметрия I. 4. Монета Антиоха I
(изображения увеличены в 2 раза)

Зеймаль Е.В., 1983в, с. 67, прим. 20; Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т., 1984, с. 126, № 120)[7]. Два *гемихалка* и один *халк* Антиоха I найдены на городище Гяур-кала в Маргиане (Smirnova N., 2007, p. 378. tab. 1, no. 2–4)[8].

В целом в Северной Бактрии и Согдиане медные монеты Антиоха I представлены довольно значительным числом – 28 экземпляров (или 31; данные неполные), разных типов и номиналов: 12 *гемихалков*, 12 *халков*, 2 *дихалка*, 2 монеты, номинал которых не определен и 3 монеты, атрибуция которых в силу разных причин невозможна (*Приложение, Табл. 2*).

2. Монеты Евтидема I (ок. 230/220–200 гг. до н.э.[9])

На изучаемом археологическом памятнике всего найдено 14 монет Евтидема: 13 – *дихалков* (*Приложение, табл. 1*, №№ 1–3, 5–7, 10–16; *Фототабл. 1/* 1–5; *Фототабл. 2/* 1–3, 5; *Фототабл. 3/* 1–5; *Фототабл. 4/* 1), 1 – *халк* (*Приложение, табл. 1*, № 4; *Фототабл. 1/* 4)[10]. Все монеты одного иконографического типа: *голова бородатого Геракла вправо / скачущий конь вправо, сверху и снизу от изображения двустрочная легенда:* ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ (Βασιλέως Εὐθύδημου) – [монета] Царя Евтидема. Различаются экземпляры между собой лишь толщиной монетного кружка, формой гурта и наличием мелкоточечного ободка. 13 экземпляров толщиной 3–5 мм имеют скошенный гурт. Одна монета гораздо тоньше (2 мм) и имеет обычной прямой формы гурт (*Приложение, табл. 1*, *№ 3*). Скошенной формы гурт у медных монет – характерная черта продукции монетного двора Бактрии при Селевкидах и Диодоте / Диодотах. Евтидем был последним правителем, кто чеканил медные монеты со скошенным гуртом, но во второй половине его царствования и при всех последующих правителях медные монеты чеканятся только с прямым гуртом. В условиях высокогорья металл найденных монет фактически не коррозирован. Практически все монеты ранних выпусков, за исключением одной (*Приложение, табл. 1, № 14*), несут на себе следы явной потертости, т.е. длительного обращения. Монета позднего выпуска

7 По типу: голова Геракла в львиной шкуре вправо / бык Зебу, идущий вправо.

8 Все монеты не известных ранее типов: голова рогатого коня вправо / якорь, голова царя в диадеме вправо / Афина (Ника?) вправо, голова царя в диадеме вправо / сидящий на троне Зевс влево, в правой руке держит Нику (?) с венком.

9 Исследователи приводят различные даты правления этого царя в зависимости от принимаемой ими даты для отпадения Бактрии от Селевкидов, как правило, помещая его через 20–25 лет после этого события. Из последних работ о дате возникновения Греко-бактрийского царства см., напр.: Балахванцев А.С., 2014а.

10 Три монеты из этого числа (Примечание, табл. 1, №№ 1–3) были опубликованы (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., Двуреченская Н.Д., Шейко К.А., 2014).

Фототаблица 3
Монеты Евтидема I (изображения увеличены в 2 раза)

(*Приложение, табл. 1*, № 3), напротив, демонстрирует идеальную сохранность, возможно, из-за того, что она была демонетизирована (т.е. была изъята из обращения), о чем свидетельствует просверленное в ней отверстие. На восьми монетах видны следы обрубки литников (*Приложение, табл. 1*, №№ 5–6, 10–11, 13–16). Для эллинистической эпохи отливка монет в групповых формах – типичная практика. Таким способом изготовлялись как монеты уже с готовым изображением, так и монетные заготовки для последующего чекана. Позволим себе привести высказывание одного из авторитетнейших российских нумизматов А.Н. Зографа: «Гладкие кружки для последующей чеканки изготовлялись в таких же групповых формах, с той только разницей, что в них нередко полой была лишь одна половинка формы, другая же половинка представляла почти плоскую крышечку. Делалось это с той целью, чтобы после отливки можно было извлекать монеты из формы путем опрокидывания. Вылитые в таких формах кружки всегда имеют одну сторону значительно меньшего диаметра, чем другую, и резко скошенный край… Предположение, что эта скошенность края достигалась путем обточки монет на вращающемся станке, неосновательно: если такая обточка и могла иметь место, то только для удаления следов литников. В большинстве других случаев об удалении этих следов мало заботились, и нередко значительные остатки литников видны по обеим сторонам диаметра монеты» (Зограф А.Н., 1951, с. 27).

По мнению исследователей, в начале своего правления Евтидем следовал практике чеканки медных монет своих непосредственных предшественников. В это время чеканились *дихалки, халки и гемихалки* с соотношением осей – III, VI, IX *часов* и скошенным гуртом. Во время восточного похода Антиоха III (ок. 223–187 гг. до н.э.) и войны с Евтидемом около 208–206 гг. до н.э. происходит реорганизация монетного производства. В этот период чеканятся халки с ориентацией осей XII ч. и прямым гуртом (IGISC, p. 45–46; Bernard P., 1985, p. 18, 60; Bopearachchi O., 1991, p. 47–49; Widemann F., 2009, p. 58–59)[11]. На некоторых из них появляется изображение якоря – государственного символа Селевкидов (Bopearachchi O., 1991, p. 162–163, série 22, pl. 4.*34*.). Это свидетельствует не только о проявлении лояльности Евтидема царю Антиоху III, но и указывает на дату

11 Однако Б. Критт полагает, что выпуск монет с прямым гуртом напрямую с походом Антиоха III не связан и начался еще до похода параллельно с выпуском меди со скошенным гуртом (Kritt B., 2001, p. 50, 100–106). Е.В. Зеймаль, единственный, кто полагал, что монеты со скошенным гуртом - это чекан Евтидема I, а с прямым гуртом – Евтидема II (Зеймаль Е.В., 1987, с. 193, прим. 26; Зеймаль Е.В., 1998, с. 355, прим. 113; Zeymal E.V., 1997, p. 90).

Фототаблица 4. 1. Монета Евтидема I. 2–4. Подражания монетам Гелиокла (изображения увеличены в 2 раза)

начала выпуска медных монет нового образца. Кроме того, числу фактов присутствия Антиоха III в Бактрии относятся также надчеканенные *халки* Антиоха I и Антиоха II. На них нанесен надчекан в виде якоря (Kritt B., 2001, p. 152, №№ 1–2). Отдельного внимания заслуживают *халки,* на которых в легенде присутствует имя Антиоха, по мнению Б. Критта, – Антиоха III (*Kritt B., Hoover O.D., Houghton A.,* 2000, p. 96, pl. 18, *3–4*; Kritt B., 2001, p. 152, №№ 3–4). Характерно также, что именно на пореформенных *халках* Евтидема появляется арамейская легенда MLK' – «царь» (Widemann F., 1989; Bopearachchi O., 1991/92, p. 12, fig. 66; Widemann F., 2009, p. 56, fig. 3–1). Выпуск этих монет исследователи напрямую связывают с утратой греками контроля над Согдом, на территории которого они и были отчеканены для обращения. По мнению исследователей, с потерей греками Согдианы начинается выпуск одной из самых распространенных групп подражаний монетам греческих царей в Согде – подражаний тетрадрахмам Евтидема I (Bopearachchi O., 1991/92, p. 12–13). Появление их связывают с тем, что Евтидем I, по-видимому, был вынужден платить номадам значительные по размерам выплаты – «выход» (Наймарк А.И., 2005б, с. 36–37; Наймарк А.И., 2008, с. 69; Смирнова Н.М., 2008, с. 79).

В целом специалисты придерживаются этой реконструкции проведения монетной реформы Евтидема I. Мнения расходятся лишь в некоторых деталях. Согласно Б. Критту, в Бактрии продолжали работать только два монетных двора – Бактра и Ай-Ханум. Выпуск медных монет со скошенным гуртом осуществлялся на монетном дворе Ай-Ханум на протяжении 225–208/6 гг. до н.э. вплоть до похода Антиоха III. В то время, как в Бактрах в период ок. 215–208/6 гг. до н.э. чеканились *халки* с прямым гуртом и монограммами , и без таковых. Халки с монограммой выпускались ок. 206 г. до н.э., а монограммой ок. 206–200 гг. до н.э. (Kritt B., 2001, p. 104–106; 149–150, 159–162). По М. Митчинеру, медные монеты первого типа выпускались ок. 230–205 гг. до н.э. на монетном дворе Бактр. Медные монеты второго типа выпускались на четырех монетных дворах Бактрии: без монограмм – Бактра, с монограммой – Панджшер, с монограммами и на неизвестных монетных дворах (IGISC, p. 45.). Ф. Хольт напротив выделяет продукцию только двух монетных дворов, на одном из них как серебряные, так и медные монеты обозначали монограммой , на втором – (Holt F., 1981, p. 37–38). Аргументов в пользу мнения любого из авторов явно недостаточно. Выделение четырех монетных дворов, выпускавших медные монеты, на основании наличия на этих монетах разных монограмм – явная натяжка. К тому же сомнительным выглядит факт наличия в Бактрии сразу четырех монетных дворов.

Фототаблица 5.
Монеты “Сотера Мегаса” (изображения увеличены в 2 раза)

Из всех греко-бактрийских монет медные выпуски Евтидема I наиболее широко представлены среди находок в Северной Бактрии. На сегодняшний момент на юге Узбекистана и Таджикистана известно 13 пунктов находок 61 монеты (или 64, данные неполные) (*Приложение, табл. 3*). В подавляющем большинстве это монеты первого, раннего типа, т.е. со скошенным гуртом. Халки этого типа присутствуют в составе трех смешанных кладов. В одном, найденном на городище Халкаджар (Хуросонский район, Хатлонская область, Таджикистан), находилось восемь монет (Довуди Д., 2009, с. 34–35, клад № 14), а в двух других, найденных в районе Уялы (один из них, возможно, из Курган-тюбе; точная информация отсутствует) – по одному экземпляру (Довуди Д., 2009, с. 27–28, 50–51, клады №№ 10, 18, фототабл. 6). Четыре халка (?; номинал неизвестен) хранятся в Государственном музее истории Узбекистана (*Мусака-*

ева А., 1990, с. 19, № 4). Два *дихалка*, поступившие из частных собраний, хранятся в собрании Галереи изобразительного искусства Узбекистана (ГИИУ, Ташкент) (Catalogue, 2000, no. 4; Catalogue, 2001, no. 4).

В ходе археологических работ монеты найдены на городищах Дальверзинтепа, Тахти-Сангин, Старый Термез, Джандавляттепа, Зартепа, Тепаи-Шах и Кампыртепа. Большая часть находок находилась в переотложенных слоях или была обнаружена в подъеме. Только халки с Кампыртепа, Старого Термеза и Тахти-Сангина найдены в слоях греко-бактрийского времени. По этой причине судить о масштабах их реального обращения можно только лишь на основе косвенных данных. К числу которых относится вышеуказанный факт их наиболее массового распространения относительно всей остальной греко-бактрийской меди в Северной Бактрии, а также местное производство. К югу от Амударьи *халки* Евтидема наиболее массово представлены находками из Ай-Ханум, откуда происходит 57 монет (Bernard P., 1985, p. 58–60). На других памятниках Афганистана эти монеты встречены в единичных экземплярах. По одной монете найдено в Кухна Масджид, Балхе (Fussman G., Guillaume O., 1990, p. 88, 91 (KM 1, B 1), pl. 4) и Дильберджине (Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т., 1984, с. 127, № 135). Две монеты хранились в Гератском музее (MacDowall D.W., Ibrahim M., 1979, p. 48, no. 7, pl. 1.*7*). Две монеты были найдены на городище Сиркап в Пакистане (Marshall J., 1951, vol. II, p. 738, no. 40–41; vol. III, pl. 236). Четыре монеты происходят из Туркменистана с Гяур-калы (Мерв) (Smirnova N., 2007, p. 380, no. 6–9).

Месторасположение Узундары еще при проведении разведочного изучения указывало не неординарный характер этого памятника, и раскопки лишь подтвердили это. Ущелье Узундара, расположенное к юго-западу от Дербентской стены, представляет собой узкий, извилистый и длинный проход, позволяющий обойти укрепленный стеной участок. Для предотвращения возможного маневра врага на единственном покатом восточном склоне горного кряжа Сусизтаг была возведена крепость (Двуреченская Н.Д., 2015, с. 126–127, рис. 2, 4). Стена кушанского времени, сложенная из кирпича-сырца, была обнаружена в 1986 г. исследованиями археологического отряда УзИСКЭ (Узбекистанской искусствоведческой комплексной экспедиции) под руководством Э.В. Ртвеладзе. Она построена близ кишлака Дербент в районе т.н. «Железных ворот» – между двумя горными массивами Сусизтаг и Сарымас и перекрывает наиболее уязвимый участок границы (Ртвеладзе Э.В., 1986). Несколько позднее было высказано предположение о наличии стены греко-бактрийского времени (Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., 1990, с. 44). Это предположе-

ние подтвердилось в 1990 г., когда исследованиями сотрудника Института археологии АН РУз Ш. Рахманова, а в дальнейшем и МАФУЗ (Французская археологическая миссия в Узбекистане), была найдена стена греко-бактрийского времени, сложенная из камня (Абдуллаев К., 1997, с. 58, Рахманов Ш., Рапен К., 2004, с. 151; Рапен К., Бо Э., Грене Ф., Рахманов Ш., 2006, с. 92; Rapin K., 2013, p. 65).

Первоначальная идея автора данной работы о том, что крепость была построена именно в правление Евтидема (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., Двуреченская Н.Д., Шейко К.А., 2014, с. 156–157), была выдвинута по двух причинам. Первая из них основана на интерпретации известного сообщения Полибия о заключении мира между Антиохом III и Евтидемом. Согласно ему, одной из причин снятия осады и заключения мира стал факт присутствия на границах государства кочевников и угрозе их возможного вторжения, о котором упомянул Евтидем в диалоге с одним из вельмож Антиоха III (Polyb. XI. 34). Исследователи как до, так и после раскопок стены близ «Железных ворот», неоднократно высказывали предположение о том, что граница Греко-Бактрии при Евтидеме пролегала по отрогам Западного Гиссара – Байсунтау и Кугитангу (которые в настоящее время отделяют Сурхандарью от Кашкадарьи и территории сопредельного Туркменистана)[12]. Учитывая общую топографию района Сузистага и Сарымаса, тесная логическая взаимозвязь расположения упомянутой стены и Узундары, мешающей ее обойти, сомнений не вызывала. Логично было предполагать, что оба сооружения одновременны. Вторая причина – факт находки трех монет Евтидема I (*Приложение, табл. 1,* №№ 1–3) на гребне каменного развала одной из стен крепости. Монеты, по всей видимости, попали в кладку в ходе ее возведения – практика, засвидетельствованная с античности и вплоть до наших дней (Потин В.М., 1993, с. 81, 200).

Однако впоследствии мнение автора претерпело изменения. В ходе работ 2014 года также в районе развалов кладок стен были найдены еще два дихалка – Евтидема I (*Приложение, табл. 1*, № 11) и Антиоха I (*Приложение, табл. 1,* № 9). Последний практически идельной сохранности, который не несет на себе следы износа, что свидетельствует о его быстром выпадении из обращения. Следовательно, в кладку стены, если он действительно в ней находился (то же самое можно сказать и о монетах Евтидема I), данный *дихалк* попал спустя незначительное время после выпуска, но никак не при Евтидеме, правление которого началось спустя приблизительно 30 лет после смерти Антиоха I, ведь в этом случае сле-

12 Наиболее подробно с историей вопроса, см.: Пьянков И.В., 1982, с. 34–54.

ды потертости были бы неизбежны. Правда, у этих рассуждений имеется уязвимое место. На гребнях стен были также найдены: подражание монетам Гелиокла (*Приложение, табл. 1,* № 20) и две монеты «Сотера Мегаса» (*Приложение, табл. 1,* №№ 21–22), которые датируются в первом случае I в. до н.э. – нач. II в. н.э., и кон. I – нач. II в. н.э. во втором. Поскольку в настоящий момент артефакты этого времени не найдены, остается допустить, что эти монеты попали в развалы кладки уже после того, как крепость была заброшена, а стены рухнули. На основании находок других категорий (керамика, наконечники стрел и пр.) время возведения крепости, по мнению руководителя раскопок: «еще предстоит определить, но уже несомненно, что оно относится не позднее, чем к первой четверти III в. до н.э.». При Евтидеме I происходит реконструкция, возможно, перестройка отдельных частей или всей крепости (Двуреченская Н.Д., 2015, с. 132). Однако важно, что на сегодняшний день самыми ранними монетами, найденными в слоях заполнения раскопанных помещений, являются *дихалки* Евтидема. Это в свою очередь означает, что все материалы, полученные в ходе раскопочных работ при любых датах, принимаемых для времени возникновения Греко-Бактрии (50–40-е гг. III в. до н.э.), не могут датироваться раньше середины III в. до н.э.

3. Монета Деметрия I (ок. 200–185 гг. до н.э.)

Монета относится к мелким серебряным монетам – *оболам* (*Приложение, табл. 1,* № 8; *Фототабл. 2/ 3*). Выпуск греко-бактрийских *оболов* впервые начинается при Евтидеме, но осуществляется эпизодически (по опубликованным данным известно всего четыре таких монеты: IGISC, 53, type 92; Bopearachchi O., 1991, p. 159, série 15, pl. 3.*G*) и лишь со времени правления Деметрия I этот номинал становится широко распространенным. Иконография серебряного чекана Деметрия стандартна для монет всех номиналов: *погрудное изображение царя вправо, на голове царя диадема и слоновий шлем, по кругу мелкоточечный ободок / Геракл в фас, в левой руке держит палицу и шкуру льва, а правой рукой возлагает на голову венок; слева в поле монограмма, по сторонам легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ* (Βασιλέως Δημητρίου) – [монета] Царя Деметрия (IGISC, p. 58, type 105; *Bopearachchi O.,* 1991, p. 165–166, série 3). На нашем *оболе* легенда частью утрачена: [Β]ΑΣΙΛΕΩΣ [ΔΗΜΗΤΡ]ΙΟΥ, монограмма – (Bopearachchi O., 1991, p. 450, tab. 3, no. 109). *Оболы* с такой монограммой имеются в собрании: кабинета медалей Национальной библиотеки, г. Париж (1 экз.: *Bopearachchi O.,* 1991, p. 166, série 3C, pl. 5.*9*); Американского нумизматиче-

ского общества (2 экз.; SNG. ANS, no. 199–200); Британского музея (2 экз.: Gardner P., 1886, no. 12; IGISC, p. 58, type 105d); Национального музея Афин (1 экз. из коллекции А. Сотирадиса: Bernard P., 1985, p. 142, pl. 12.*8*). Семь *оболов* с аналогичной монограммой происходят из т.н. Кулябского клада (Bopearachchi O., 1999/2000, p. 14, pl. XXI, *110–116*), один – из коллекции Аман ур-Рахмана (Bopearachchi O., Ur Rahman A., 1995, p. 90, no. 128). Единственный случай находки *обола* Деметрия с аналогичной монограммой в Узбекистане зафиксирован при раскопках городища Еркурган, Кашкадарья (Баратова Л.С., 2000, с. 131, № 2; Наймарк А.И., 2005а, с. 131–132, № 12; Атаходжаев А.Х., 2013, с. 272, № 48)13. В целом, находки оболов Деметрия на территории к северу от Амударьи довольно редки. Один найден на городище Кампыртепа (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 203, № 19), другой происходит из западной части Бухарского оазиса, район Айяктепа (Наймарк А.И., 2005а, с. 132, № 13; Атаходжаев А.Х., 2013, с. 272, № 49), и еще один, беспаспортный, с территории Таджикистана (из коллекции А.А. Семенова: Зеймаль Е.В., 1983а, с. 52, № 59; Зеймаль Е.В., 1987, с. 195, № 11). Один хранится в нумизматическом собрании ГИИУ (Catalogue, 2001, no. 5).

Находки серебреных монет этого правителя иных номиналов также большая редкость – 2 *драхмы* были найдены на Халчаяне (Пугаченкова Г.А., 1966, с. 109, рис. 74а; Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 45–46, табл. 1. *6–7*) и Дальверзинтепа (*Ртвеладзе Э.В.,* 1987, с. 66–67, № 5; ДЮУ. Кат. 257; КИДУ. Кат. 52.). *Тетрадрахма* Деметрия II найдена на городище Кургантепа, в кишлаке Чандыр Постдаргомского района Самаркандской области (Зеймаль Е.В., Вафаев Г., 1982, с. 41)14.

В литературе нет единого мнения по поводу количества греко-бактрийских царей с именем Деметрий и соотнесения данных письменных источников с монетной информацией об эмтенте с таким именем (с историей вопроса см.: Массон В.М., 1961, с. 39–45). В греко-латинской нарративной традиции имя царя Деметрия упомянуто трижды. О нем известно из сочинений Полибия (*Polyb*. XI. 34), Аполлодора Артемитского в передаче Страбона (*Strabo*. XI. 11. 1) и Помпея Трога в эпитоме Юстина (*Justin*. XLI. 6. 4). Кроме того, в итинерарии Исидора Харакского упоминается расположенный в Арахозии город Деметрия (*Isid. Char.* Mans. Parth. 19), основанный, по всей видимости, царем Деметрием (Кошеленко Г.А.,

13 По мнению А.И. Наймарка, эта монета представляет собой подражание оболам Деметрия (личное сообщение А.И. Наймарка от 13.02.2015 г.).

14 В недавно вышедшей первой части каталога археологических памятников Самаркандской области, вероятно, по недоразумению приведена фотография не данной монеты, а драхмы с Дальверзинтепа в зеркальном отображении (Каталог, 2011, с. 259).

1979, с. 142). Недавно Ж. Ружмоном и П. Бернаром было опубликовано первое эпиграфическое свидетельство, в котором был упомянут царь Деметрий. Надпись представляет собой стихотворное благопожелание некоего Гелиодота в честь «величайшего из всех царей Евтидема и его сына – «славного победителя», замечательного Деметрия». Надпись была вырезана на известняковом блоке, который, вероятно, представлял собой часть алтаря, упоминание которого имеется в надписи. Алтарь был воздвигнут в роще «посвященной Зевсу, в честь богини Гестии». Надпись, составленная в царствование Евтидема, фиксирует не известный ранее эпитет Деметрия – Каллиник («славный победитель»), которого, по мнению П. Бернара, он был удостоен за военные успехи во время войны с Антиохом III, но еще до похода в Индию (Bernard P., Pinault Ж.-Ж., Rougemont G., 2004, p. 333–356; Rougemont G., 2012, p. 255–258, no. 151).

Одна часть исследователей полагает, что был только один царь с именем Деметрий (Curiel R., Fussman F., 1965, p. 75–76; IGISC, p. 46–48; MacDowall D.W., 1989, p. 29–33), другая, что было два царя, время правления которых отделяет друг от друга определенный промежуток времени (Tarn W.W., 1938, p. 77–78; Narain A.K., 1957, p. 27–45; Фрай Р., 2002, с. 230). В русскоязычной литературе преобладала первая точка зрения, приверженцем которой являлся Е.В. Зеймаль. Согласно ей существовал только один правитель с таким именем. На первом этапе (ок. 206–90-е гг. II в. до н.э.), будучи соправителем своего отца Евтидема, он выпускал *драхмы и тетрадрахмы* типа: *погрудное изображение правителя вправо / стоящая Афина.* На втором этапе (после завоевания Индии – рубеж 90–80-х гг. II в. до н.э.) царь изображался в слоновьем шлеме, кроме того, начался выпуск мелких серебряных монет – оболов. Этапы чекана маркируются возрастными изменениями в портрете царя. На монетах первого периода он изображался молодым человеком, а на монетах второго периода – уже в зрелом возрасте (Зеймаль Е.В., Вафаев Г., 1982, с. 39; Зеймаль Е.В., 1998, с. 352–353). В настоящее время в западноевропейской литературе распространена вторая точка зрения. Монеты типа: *погрудное изображение правителя в слоновьем шлеме / венчающий себя Геракл* относят к чекану Деметрия I, а монеты типа: погрудное изображение молодого правителя вправо / стоящая Афина – к чекану Деметрия II (см. напр.: Cribb J., 2005, p. 208; Cribb J., 2007, p. 340; Errington E., Curtis V.S., 2007, p. 50; MacDowall D.W., 2005, p. 202–203; MacDowall D.W., 2007, p. 242; Widemann F., 2009, p. 60–69; Alram M., 2009, S. 183). Аргументы сторонников такой атрибуции выглядят более весомыми. В частности, О. Бопераччи отметил, что стиль изображения на этих монетах (высокий ре-

льеф и объемная передача деталей) наиболее близок к изображению на серебряных монетах Евкратида I и II, Гелиокла и Платона. Другая характерная черта для этих монет – наличие характерного ободка в виде т.н. «перлов» (или «бусин», т.е. чередующейся последовательности горизонтальных, продолговатых крупных штрихов и более тонких, коротких и вертикальных, иногда сдвоенных). Если судить по этим же критериям, монеты типа: *правитель в слоновьем шлеме / венчающий себя Геракл,* стилистически находятся в уместной для них последовательности – между монетами Евтидема I и II и перед выпусками Агафокла, Панталеона и Антимаха. При этом на монетах этих царей всегда наличествует мелкоточечный ободок (Bopearachchi O., 1991, p. 50–51).

* * *

Перед тем как перейти к рассмотрению подражаний монетам греко-бактрийского царя Гелиокла и кушанских монет с Узундары, остановимся на чрезвычайно важных вопросах исторической интерпретации находок эллинистических монет.

Исследователи-нумизматы в лице М.Е. Массона, Е.В. Зеймаля, Э.В. Ртвеладзе, А.И. Наймарка, К. Абдуллаева, А.Х. Атаходжаева и др. проделали большую работу по сбору данных о находках монет с территории Согдианы и Северной Бактрии, что значительно облегчает нашу задачу. Отрадно также, что динамика пополнения фонда монетных находок за последние два десятка лет поступательно увеличивается. Список эллинистических монет Согдианы в настоящий момент выглядит следующим образом[15]:

1. Гекатомн – 1 *диобол*;

2. Александр III Великий – 1 *тетрадрахма*, 3 *драхмы*, 1 *халк*;

3. Подражания афинским монетам – 2 серебряные и 1 медная;

4. Селевкидский чекан представлен 34 монетами, 30 из них – медные:

Селевк I – 1 *тетрадрахма*, 2 *драхмы*, и 2 *халка*;

Антиох I – 1 *тетрадрахма*, 16 *халков*;

Антиох II (включая монеты Диодота с именем Антиоха) – 7 *халков*;

Халк, отнесенный к чекану Антиоха (без детального описания) – 1;

Новый тип с именем Антиоха (вероятно, Антиох I) – 5 *халков*;

5. Греко-бактрийские монеты представлены 15 монетами, 5 из них медные:

Диодот I/II – 3 *халка* и 1 монета по типу серебряных (драхма?), но по описанию медная;

15 Атаходжаев А.Х., 2013, с. 249–263; 272–277; Naymark A., 2014, p. 15. С учетом дихалка с Сангиртепа (*Атаходжаев А.Х., Рапен К., Хасанов М.Х.,* 2014, с. 93–95).

Евтидем – 2 *тетрадрахмы* и 1 *халк*;

Деметрий – 1 *тетрадрахма* и 2 *обола* (один из них, возможно, подражание);

Антимах – 1 *тетрадрахма*;

Евкратид I – 1 *обол*;

Евкратид II – 1 *тетрадрахма*;

Гелиокл – 2 *тетрадрахмы*.

Всего 59 монет, из которых 38 медные.

В список эллинистических монет из Северной Бактрии включены только единичные находки, для которых известно точное место находки[16].

Селевкдский чекан представлен 13 медными монетами:

Селевк I – 1 *драхма*[17];

Антиох I – 11 халков; халки, отнесенные к чекану Антиоха (точная атрибуция невозможна) – 2 *(Приложение, табл. 2*);

Греко-бактрийские монеты представлены 104 (113) монетами:

Диодот I/II – 1 *тетрадрахма* и 10 *халов*[18];

Евтидем I – 1 медная плакированная *тетерадрахма*[19] и 61 (или 64 – данные неполные) *халков* (*Приложение, табл. 3*);

Деметрий I – 2 *драхмы*, 1 *обол* и 11 *халков*[20];

16 В него не попали эллинистические монеты из частных коллекций и музейных собраний, которые были собраны в южных областях Узбекистана и Таджикистана, но не имеют точных паспортных данных, а также кладовые находки, среди которых Амударьинский (Зеймаль Е.В., 1979), Кулябский (Bopearachchi O., 1999/2000) и три смешанных клада из Таджикистана (Довуди Д., 2009: клады №№ 10, 14, 18).

17 Селение Хонако (Ховалингский район), средневековое городище Шахр-и Мунк – 1 экз. (Довутов Д., 1997).

18 Тетрадрахма: Шахринау – 1экз. (Зеймаль Е.В., 1987, с. 192, № 1). Халки (разных номиналов): Старый Термез – 1 экз. (Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 18; Pidaev 1998: 51); Кампыртепа – 4 экз. (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 198–199, №№ 3–6); к. Симиганч – 1 экз. (Довуди Д., 2010, с. 338, № 40; с. 345, рис. 2.1); Тахти-Сангин (храм Окса) – 4 экз. (Zeymal E.V., 1997, p. 90, no. 155, 319, 336, 340). В музейных собраниях Узбекистана находились еще два халка Диодота, которые, вероятно, происходят из Старогом Термеза (Зеймаль Е.В., 1987, с. 192, прим. 20).

19 Селение Такназари (Файзабадский район) – 1 экз. (*Зеймаль Е.В.,* 1987, с. 193, № 3).

20 Драхмы: Халчаян – 1 экз. (Пугаченкова Г.А., 1966а, с. 109, рис. 74.а; Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 45–46, табл. 1.6–7); Дальверзинтепа – 1 экз. (Ртвеладзе Э.В., 1987, с. 66–67, № 5; ДЮУ. Кат. 257; КИДУ. Кат. 52). Оболы: Кампыртепа – 1 экз. (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 203, № 19). Халки (разных номиналов): Кампыртепа – 5 экз. (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 201–202, №№ 15–18; весной 2014 года найден еще один халк: В. – 6,86 г.; Д. – 25,4×24,8 мм; Оси – XII ч.); Старый Термез – 1 экз. (Абдуллаев К., 2006, с. 109, № 15); Канал Занг – 1 экз. (Абдуллаев К., 2006, с. 109, № 13); Джандавляттепа – 1 экз. (Абдуллаев К., 2006, с. 109, № 14; Abdullaev K., 2011, p. 173, no. 2, fig. 3.5.3–4); Зартепа – 1 экз. (Завьялов В.А., 2008, с. 151, 273, приложние 2, № 23); Мунчактепа – 1 экз. (Абдуллаев К., 2006, с. 108–109, № 12); Регар (Турсунзаде) – 1 экз. (Зеймаль Е.В., 1987, с. 194, № 10).

Евтидем II – 2 *халка*[21];

Агафокл – 1 *драхма* и 4 *халка*[22];

Евкратид I – 1 *тетрадрахма*, 1 *драхма*, 4 *оболов*, 1 *октупль*, 2 *халка*[23]; монеты, отнесенные к чекану Евкратида (точная атрибуция невозможна) – 2 экз.[24]; монеты Евкратида, найденные в ходе археологических работ и ныне утраченные – 4 обола[25];

Гелиокл I – 1 *драхма*[26];

Апполодот – 1 *халк*[27].

Всего 119 (128) монет, из которых 14 (20) серебряных и 105 (108) медных (включая купферникелевые).

Обращает на себя внимание факт весьма значительного, особенно для Северной Бактрии, количественного преобладания меди над серебром. Еще одно немаловажное обстоятельство – серебряные монеты представлены мелкими фракциями (*драхмы и оболы*). Все медные монеты являются продукцией монетного двора Бактр (или нескольких бактрийских монетных дворов, как полагают некоторые исследователи, см. выше). Однако не все обстоит столь просто. *Исторические реконструкции, связанные с вопросами политических границ историко-культурных регионов или денежного обращения монет того или иного периода, на основании только самого факта находки монет часто приобретают очень спекулятивный характер и потому некорректны.* В методологическом плане наиболее справедлива точка зрения Е.В. Зеймаля: «каждую най-

21 Кампыртепа – 1 экз. (*Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н.,* 2011, с. 205, № 20; купферникелевый); Тахти-Сангин (храм Окса) – 1 экз. (Zeymal E.V., 1997, p. 106, no. 350).

22 Драхма: Дальверзинтепа – 1 экз. (Русанов Д.В., 2001, с. 16, рис. 1.2). Халки: Зартепа – 1 экз. (Массон В.М., 1977, с. 141, рис. 1.1), Кампыртепа – 1 экз. (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 194, 205, № 31; индийский стандарт), Тахти-Сангин (храм Окса) – 2 экз. (Zeymal E.V., 1997, p. 106, no. 349, 351).

23 Тетрадрахма: Нурекское водохранилище (левый берег Вахша) – 1 экз. (Зеймаль Е.В., 1987, с. 196, № 15); Драхмы: Шахринау – 1 экз. (Зеймаль Е.В., 1987, с. 195, № 12); Кампыртепа – 1 экз. (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 203, № 21); Оболы: Тахти-Сангин (храм Окса) – 1 экз. (Zeymal E.V., 1997, p. 103, no. 270); Кампыртепа – 3 экз. (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 203–204, №№ 22–24); Халки (разных номиналов): Джандавлятта – 1 экз. (Abdullaev K., 2011, p. 173, no. 3, fig. 3.5.5–6; индийский стандарт); Тахти-Сангин (храм Окса) – 1 экз. (Zeymal E.V., 1997, p. 104, no. 326; индийский стандарт); Кампыртепа – 1 экз. (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 205, № 27; октупль).

24 Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 204, №№ 25–26.

25 Калаи-мир – 1 экз. (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 56, № 89); Кампыртепа – 3 экз. (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 191, прим. 108).

26 Тахти-Сангин (храм Окса) (Дружинина А.П., 2013, с. 180, фото № 10). Драхма Гелиокла, найденная на городище Кампыртепа и атрибутированная как прижизненный чекан, представляет собой раний тип подражаний (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 192–193, 205, № 28).

27 Тахти-Сангин – 1 экз. (Zeymal E.V., 1997, p. 103, no. 266; индийский стандарт).

денную монету нельзя, конечно, рассматривать как свидетельство того, что тот или иной царь правил там, где его монеты найдены (или, наоборот, считать, что раз монеты не найдены – значит, и власть такого-то царя не распространялась на эту территорию). Такая прямолинейность в осмыслении нумизматических данных может привести только к поверхностным и, главное, ошибочным выводам… Надежные выводы о политических границах в древности должны опираться на монеты, для которых известно не только географическое место находки, но и археологические обстоятельства их обнаружения (условия залегания, сопутствующие материалы, археологический комплекс или слой)»[28]. При несомненной справедливости вышеприводимого положения Е.В. Зеймаля нужно оговорить следующий важный момент в его построениях. Согласно его мнению: «скорее всего, власть первых Селевкидов распространялась лишь на какую-то часть правобережной долины Амударьи, поскольку по сведениям античных авторов границей между Бактрией и Согдианой служила река Окс (т.е. Амударья с р. Вахш в качестве истока), но никак не на всю территорию Согдианы» (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 29). Он также полагал, что открытые к северу от Амударьи археологические комплексы «никак не соответствуют нашим представлениям о расцвете эллинистичекой культуры в Греко-Бактрийском царстве, да и находок греко-бактрийских монет эти комплексы не дали... можно с уверенностью считать, что в Южном Таджикистане и в Южном Узбекистане под властью греко-бактрийских царей находились земли, непосредственно примыкающие к правому берегу Амударьи» (Зеймаль Е.В., 1998, с. 365). На момент написания этих строк (70–80-е гг. XX в.), такой категорический скепсис был оправдан. Но означает ли это, что надо отказаться от использования монет, найденных в подъеме вообще? И всегда ли наличие/отсутствие монет в синхронных им по времени слоях, говорит о присутствии/отсутствии греко-македонских насельников? Начиная с 90-х гг. прошлого века ситуация как с изучением археологических комплексов эллинистического времени, так и с находками монет этого времени изменилась, что позволяет в занчительной степени скорректировать наши представления и дать ответы на эти вопросы. Рассмотрим конкретные примеры.

На городище Кампыртепа из 31 эллинистической монеты, поднятых непосредственно из слоев с керамическим комплексами, датируемыми селевкидским и греко-бактрийским временем, происходят только три дихалка Евтидема и *обол* Евкратида (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н.,

28 Зеймаль Е.В., 1998, с. 364–365.

2011, с. 196). При этом в ближайшей округе городища раскопана печь для обжига керамики греко-бактрийского времени (Болелов С.Б., 2001, с. 15–30), а в пределах основной жилой площади выявлены две землянки и производственный комплекс из нескольких обжигательных горнов, террасный дом и масштабное жилое сооружение. Как производственный сектор, так и постройки датируются в пределах начала IV–III вв. до н.э. (Двуреченская Н.Д., 2012, с. 70–74; Болелов С.Б., 2013, с. 79–93; Двуреченская Н.Д., 2014, с. 100–121). Схожая ситуация наблюдается и на других памятниках Северной Бактрии. Больше трети эллинистических монет из храма Окса на городище Тахти-Сангин (всего их найдено 33 экз.) – подъемные[29]. Но сам факт существования и процветания храма в эпоху эллинизма, так и греческого населения, проживающего в городе, где он был расположен, сомнений у исследователей не вызывает. На Дальверзинтепа из четырех найденных здесь греко-бактрийских монет (см. выше) в слоях III–II вв. до н.э. найдена только одна монета – *драхма* Агафокла. Но при этом раскопан обжигательный горн эллинистического времени на цитадели городища (Восковский А., 2001, с. 12–14). Из всех греко-бактрийских монет, найденных на городище Старого Термеза (около 20 экз. из раскопок Ш.Р. Пидаева), только два халка Евтидема найдены в слое с керамикой III в. до н.э. (Пидаев Ш.Р., 1991, с. 223). Драхма Деметрия из Халчаяна найдена в подъеме, хотя самый ранний комплекс керамки датируется IV–III вв. до н.э. (Пугаченкова Г.А., 1966 а, с. 30–33, рис. 11).

В то же время на целом ряде памятников: Кызылтепа (Сверчков Л.М., У Син, Бороффка Н., 2013, с. 56, рис. 15–16), Курганзол (Сверчков Л.М., 2013, с. 111–114, 149–150)[30], Джандавляттепа (Абдуллаев К., Станчо Л., 2006, с. 12; Urbanova K., 2011, p. 104, fig. 2.4.*7*), стена в районе к. Дербент (Рапен К., Бо Э., Грене Ф., Рахманов Ш., 2006, с. 92; Rapin K., 2013, p. 65), Тамошотепа (Абдуллаев А., Бубнова М.А., Пьянкова Л.Т., 1975), в ходе археологических исследований были выявлены керамические комплексы эллинистического времени, но не было найдено ни одной монеты.

К северу от Гиссарского хребта, в Согдиане, наблюдается схожая ситуация. Редкий случай находки эллинистической монеты в синхронном ей по времени слое зафиксирован на городище Сангиртепа. Здесь был открыт культовый комплекс (храм), один из этапов функционирования

29 На «селевкидском» полу (пол 1 в коридорах №№ 3 и 6) найдена 21 монета: Антиоха I, Диодота, Евтидема I, Евтидема II, Агафокла и Евкратида (Zeymal E.V., 1997, p. 93; Зеймаль Е.В., 1998, с. 365, прим. 194; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р., 2000, с. 95).

30 Развернутую критику датировки памятника 328 г. до н.э. и других построений Л.М. Сверчкова см.: Кошеленко Г.А., 2015.

которого датируется временем Антиоха I. В настоящее время эллинистическая керамика III–I вв. до н.э. зафиксирована на 31 памятнике Каршинского оазиса (Сулейманов Р.Х., 2000, с. 53). На самом крупном из них Еркургане выявлены фортификация эллинистичекого времени и комплексы керамики (Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х., 1984, с. 42–67), но монет в ходе этих работ найдено не было, а две опубликованные эллинистические монеты (Диодота и Деметрия) с этого паямятника – из переотложенных слоев. В Самаркандском Согде наблюдается точно такая же, ставшая уже типичной, картина. В южных районах Самаркандского Согда в настящий момент зафиксировано более 30 памятников, на которых обнаружена керамика эллинистического времени (Исамиддинов М.Х., 2005, с. 58). В ляйлякском микрооазисе (к западу от Самарканда) исследователи насчитали 10 эллинистических памятников (крепостей), расположенных на трассе в Бухару (Иневаткина О.Н., 2011, с. 133), которая, согласно последним данным, была основана в конце IV в. до н.э. (Некрасова Е.Г., 1998). Примерно этим же временем (кон. IV – нач. III вв. до н.э.) датируется и начало обживания городища Пайкенд (60 км к юго–западу от Бухары; Отчет, 2013, с. 16–17, рис. 48–50). На Кумушкентетпа выделены два стратиграфических гороизонта с комплексами керамики IV–II вв. до н.э. (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 43–47). Комплексы эллинистической керамики найдены на Коктепа (Исамиддинов М.Х., 2010, с. 136, рис. 6–7), но монет в ходе работ найдено не было. На Бойсаритепа выявлены постройки и получен комплекс керамики эллинистического времени (Бердимурадов А.Э., Хасанов М.Х., Франческини Ф., 2009, с. 60–64, рис. 1–5). Отсюда происходят тетрадрахма Селевка I и селевкидская медная монета не известного ранее типа (Абдуллаев К., 2006, с. 106, 108, №№ 1, 3; Атаходжаев А.Х., 2013, с. 263, № 46). Однако из авторского описания контекста находки нельзя однозначно понять, происходят они из курганного погребения II–I вв. до н.э. или найдены в слое IV–III вв. до н.э. (Бердимуродов А.Э., Раимкулов А.А., Холматов Н., Франческини Ф., Мантеллини С., 2004, с. 52–53)[31].

На территории столичного городища Согда – Афрасиабе в течение последнего десятилетия на разных его участках в подъеме были найдены 25 селевкидских и 2 греко-бактрийские медные монеты (*Атаходжаев А.Х.,* 2013, с. 254–261, №№ 9–12, 14–17, 19–23, 25–30, 32–34, 36–38, 43–45 – Селевкиды; №№ 39, 41 – Греко-Бактрия). Некоторые исследователи выразили сомнение относительно достоверности самого факта их находки на том основании, что за весь 20-летний период работ француз-

31 Например, К. Рапен полагает, что тетрадрахма Селевка I происходит из погребения (*Rapin K.,* 2007, p. 47).

ской археологической миссии на Афрасиабе не было найдено ни одной монеты[32]. Но в свете вышеперечисленного, ситуация со случайным характером монетных находок на Афрасиабе не кажется столь уж невероятной и вполне сопоставима с той, что сложилась на других памятниках (сравните ниже, с ситуацией на городищах Старого Мерва). И точно также, несмотря на открытые здесь керамические комплексы раннеэллинистического и греко-бактрийского времени (Шишкина Г.В., 1975; Lyonnet B., 2012, p. 159–167), мощные оборонительные стены кон. IV – нач. III вв. до н.э. (историю исследований эллинистической архитектуры Афрасиаба см.: Кирилова О.В., 2005), монет в ходе исследований не зафиксировано. Учитывая находки многочисленных медных монет Антиоха I, исследователи связывают восстановление данного города после его разрушения в ходе событий похода Александра Македонского (*Strabo*. XI. 11. 4), с именем этого селевкидского царя (Lyonnet B., 2012, p. 159–167)[33].

Для наглядности рассмотрим ситуацию с монетными находками в соседнем историко-культурном регионе – Маргиане, который, без всяких сомнений, входил в состав царства Селевкидов. Наиболее показательный пример – городища Старого Мерва: Гяур-кала и Султан-кала. Здесь найдено 24 эллинистических монеты, при этом из археологических слоев (но не синхронных времени их выпуска, т.е. IV–II вв. до н.э.!) происходят всего лишь пять из них. Остальные монеты были найдены в подъеме, при этом значительная их часть при случайных обстоятельствах в период 1990–1993 гг. (подъемные сборы Г.А. Волчева; Смирнова Н.М., 1999, с. 256–259, монеты из слоя – №№ 6, 9–10, 13, 24)[34]. В то же время, за исключением

32 К. Абдуллаеву информация «о многочисленных (26 монет) находках эллинистических монет, якобы осуществленных за последние два года на отвалах раскопок городища Афрасиаб, представляется невероятной» и даже «фантастичной» (Абдуллаев К., Бердимурадов А.Э., 2010, с. 50, прим. 1). Такого же мнения придерживается и Э.В. Ртвеладзе (личное сообщение).

33 При этом, возможно, что город был не просто восстановлен, но и получил полисный статус, характерный для селевкидских колоний. Косвенным свидетельством этого служат находки медных монет Антиоха I уникального типа (Naymark A., 2014, p. 16–18; Горин А.Н., 2014б, с. 29–43). А.С. Балахванцев относит этот тип к чекану Антиоха II, связывая его с «появлением в Бактрии эллинских коллонистов с западного побережья Малой Азии» (Балахванцев А.С., 2014а, с. 23, прим. 8).

34 Примечателен факт интерпретации этой находки некоторыми исследователями: «Видимо, самым малоизученным периодом в истории Маргианы является эллинистический. Неслучайно этому периоду посвящено так мало исследований. Однако в последнее время ситуация начинает изменяться к лучшему. Связано это в первую очередь с появлением ряда публикаций находок монет эллинистического времени, которые создают твердую базу для исследований этого периода. Благодаря этим работам твердо установлено, что Маргиана не только вошла в состав государства Селевкидов, но и на протяжении примерно столетия составляла часть Греко-Бактрийского царства. Тем самым мы можем с полным правом рассматривать историю и культуру Маргианы в рамках истории и культуры Греко-Бактрии в целом» (Гаибов В.А., 2004, с. 600).

фортификационных сооружений, собственно массивов жилой застройки здесь не вскрыто. Если строго следовать логике Е.В. Зеймаля, тогда и Маргиану нужно исключить из списка территорий, на которые распространялась власть селевкидских и греко-бактрийских царей. При этом, как античная традиция, так и исследователи – археологи и историки относят основание города на месте Гяур-калы ко времени Александра Македонского (Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н., 2000; Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., 2006) или Антиоха I (Усманова З.И., 1989; Гаибов В.А., 2004, с. 606; Завьялов В.А., 2005, с. 91).

Таким образом, селевкидские монеты собственно в эллинистических археологических слоях, синхронных по времени их выпуска и обращения, найдены лишь на двух памятниках Бактрии и Согда – Тахти-Сангине и Сангиртепа, греко-бактрийские – на Тахти-Сангине, Кампыртепа, Дальверзинтепа, Старом Термезе. На всех остальных памятниках монеты найдены в переотложенном состоянии: в слоях более позднего времени или в подъеме. Ситуация типичная, учитывая тот факт, что количество памятников, на которых исследовались слои этого времени, единичны, к тому же эти слои, как правило, погребены под многометровыми толщами напластований последующих эпох, обстоятельство, которое уже не раз отмечалось в литературе (см. напр.: Сердитых З.В., Кошеленко Г.А., 1987, с. 240). Напомним, что «обычно новые сооружения возводились над выровненными руинами старых строений – из нее выделывали сырцовые кирпичи, из нее замешивали пахсу. И потому монеты, фрагменты керамики, мелкие хозяйственные остатки оказываются и в замесе самих строительных материалов, и в забутовочных массивах. Этим объясняется обнаружение монет явно более ранних в вышележащих слоях» (Пугаченкова Г.А., 1987, с. 99; ср.: Завьялов В.А., 2008, с. 80–83). Именно отсутствие «стерильных» городищ эллинистического времени к северу от Окса, таких как Ай-Ханум в Северном Афганистане, является основной причиной, по которой эллинистические монеты до сих пор в подавляющем своем большинстве найдены в переотложенном состоянии или в подъеме. В этой связи обращают на себя внимание монетные находки из Узундары. Характер этих находок имеет своеобразную специфику, отличающую их от залегания на других памятниках. Крепость расположена в горах. Все сооружения возводились не на лессовом материке, а на скальнике и сложены не из глины (кирпичей и пахсы), а из камня (хотя и на глиняном растворе). Процессы дефляции вели к разрушению каменных кладок, выветриванию и вымыванию культурного слоя, поэтому, как уже упоминалось выше, за исключением двух экземпляров монеты

найдены в подъеме. Только на отдельных участках, расположенных в естественных низинах или помещениях, вырубленных в толще скального массива, накопился значительный слой. При наличии таких уникальных условий, которые здесь сложились, не очень значительная по своим размерам и расположенная вдали от крупных городских центров крепость «подарила» своим исследователям 16 эллинистических монет.

В то же время нельзя просто отмахнуться от находок более чем 170 экземпляров эллинистических монет, найденных к северу от Амударьи, даже несмотря на случайный характер большинства из них. Учитывая их местное бактрийское происхождение можно предполагать, что они обращались как в Бактрии, так и в Согде. Многочисленные керамические комплексы эпохи эллинизма, найденные на многих памятниках, также не оставляют сомнений в том, что эти территории входили в состав Селевкидского и Греко-бактрийского царств. Отсутствие медных греко-бактрийских монет в Согде, за исключением монет Диодота, свидетельствует о том, что это был последний греческий правитель, чья власть распространялась на эту территорию. При Евтидеме, как со всей очевидностью показали раскопки Узундары, граница Греко-Бактрии проходила по отрогам западного Гиссара.

Кроме того, необходимо отметить еще одно важное обстоятельство – многоуровневый, разноэтничный характер экономических отношений в эллинистической Бактрии и Согде, на что обратил внимание Г.А. Кошеленко. Он, в частности, отметил: «Экономическая жизнь греческого общества была совершенно немыслима без монеты и развитого денежного обращения. В силу этого, для важной части населения среднеазиатского региона потребность в монете была крайне настоятельной, и ее необходимо было удовлетворять» (Кошеленко Г.А., 2006, с. 95). В то же время сама идея использования монетных кружков в качестве универсального средства обмена для местного населения была чуждой и привнесена в Бактрию и Согдиану только после похода Александра Македонского. Не приходится сомневаться, что работа местных монетных дворов при Селевкидах была в первую очередь направлена на запросы пришлых завоевателей и колонистов. О степени участия местного населения в процессе денежного обращения можно судить лишь косвенно, на основани того, как в целом происходило взаимодействие завоевателей и покоренного населения в государстве Селевкидов и Греко-Бактрии. Существуют две точки зрения относительно этого процесса. Согласно первой – в основанных селевкидами колониях основными поселенцами были исключительно греко-македоняне, а в уже существующих старых поселе-

ниях осуществлялось этническое разделение. Сегрегация была одним из принципов формирования нового городского пространства, по крайней мере, при первых Селевкидах. Греки и македонцы селились отдельно от местного населения (Смирнов С.В., 2013, с. 242–244). В правление первых царей династии Селевкидов «социальная дистанция между новым греко-македонским (доминирующим этноклассом) и старыми элитами сохранялась, хотя стоит признать, что наличие представителей туземного населения среди мелкого чиновничества в регионах характерно и для начального периода истории государства Селевкидов. Нижний же слой (доминирующего этнокласса) (жители колоний) еще долгое время сохраняет самоидентичность, пытаясь удержать экономическое и социальное преимущество в своих руках» (Смирнов С.В., 2014, с. 328). Сторонники противоположной точки зрения полагают, что Селевкиды сохранили и продолжили «восточную политику» Александра Македонского. Об этом свидетельствует набор войск из среды местного населения, совместное проживание в городах (как старых, так и вновь основанных) местных народов и греко-македонян, смешанные браки, участие местных элит в военном и политическом управлении государством и экономической жизни общества (с историей вопроса, см.: Балахванцев А.С., 2014б).

Важно отметить, что обе эти точки зрения основаны, как правило, на исторических свидетельствах о западных и центральных сатрапиях государства Селевкидов. О том, как происходили процессы взаимодействия в крайних восточных сатрапиях, данных нет. Это, разумеется, проблема отсутствия источников, но, тем не менее, выводы, сделанные на основании наблюдений над одними регионами, экстраполируются на другие, которые, несомненно, отличались своей этнической спецификой, социально-экономическим и политическим устройством. Имеется в этом споре и еще один нюанс, хронологический. Если сторонник первой гипотезы С.В. Смирнов говорит лишь о времени первых двух селевкидских царей, то А.С. Балахванцев – сторонник второй точки зрения, в поддержку своих рассуждений привлекает материал и второй половины III–II вв. до н.э. Вряд ли такой подход оправдан. Так, М.М. Дандамаева, привлекая данные об отношениях между колонизаторами и местным населением в селевкидской Вавилонии, неоднократно отмечает, что сегрегация была характерна именно для двух первых Селевкидов. Например, в Уруке греки изначально жили обособленно от вавилонян и впервые появляются в клинописных документах в 224 г. до н.э. Лишь приблизительно с последней четверти III в. до н.э. греки начинают проживать совместно с вавилонянами, причем часто на храмовой земле. «Как уже говорилось, каж-

дый греческий город был, по-видимому, основан на месте какого-нибудь старого поселения, и, следовательно, часть жителей этого нового города составляли вавилоняне. Однако жили греки и вавилоняне, по всей видимости, обособленно, и о последних мы не имеем никаких сведений» (Дандамаева М.М., 1985, с. 171–172; ср.: Дандамаева М.М., 1990, с. 6–7, 11). В конечном счете, М.М. Дандамаева приходит к выводу: «таким образом, два народа жили рядом, но каждый пытался сохранить устои своей привычной жизни. Так было при Селевкидах и, по-видимому, в начале парфянского периода. В надписях же и документах III–II вв. до н.э. из Дура-Эвропос и в декрете из храма Гареуса в Уруке греческие имена тонут в море "варварских"» (Дандамаева М.М., 1985, с. 175). К аналогичным выводам, но уже на основании анализа античной нарративной традиции, эпиграфики и данных археологии пришел и Г.А. Кошеленко. Он отмечал, что в раннеселевкидское время происходит решительный отказ от политики Александра Македонского и в области колонизации и государственного строительства. Новые созданные города создаются в форме полисов или же такой статус даруется ранее основанным городам. Гражданский коллектив полисов формируется только из македонян и греков: «... при первых Селевкидах освоение Востока проводится в соответствии с интересами греков, а не вопреки им, как это было при Александре» (Кошеленко Г.А., 1979, с. 220–221).

Однако надо признать, что для Бактрии времени войн диадохов и ранних Селевкидов (Селевка I и Антиоха I) конкретные данные о взаимодействии эллинов и коренного населения крайне немногочисленны, а об участии последних в товарно-денежных отношениях и вовсе отсутствуют. Косвенно об этом позволяют судить назначения на пост сатрапов Бактрии и Согдианы выходцев из местных элит. Так, сатрапом Парапомисад являлся Оксиарт – тесть Александра Македонского.

Исследователи отмечают участие многочисленных иранских воинских контингентов в войнах диадохов. Напрмер, в кавалерии Селевка в качестве легких конных лучников служили преимущественно иранцы, а в их числе и выходцы из Центральной Азии. Свою эффективность они особенно ярко продемонстрировали в 301 г. до н.э. в битве при Ипсе (Olbrycht M.J., 2005; Olbrycht M.J., 2013, p. 178).

Для последующего, греко-бактрийского времени, наиболее показательными являются эпиграфические свидетельства, полученные при исследовании Ай-Ханум. Здесь в ходе раскопок сокровищницы были найдены финансовые и хозяйственные документы, в которых фигурируют лица с именами иранского происхождения – Оксебоак, Оксюбадз,

Арианд, Тарз (или Парз), Ксатран и Уман, занимавшие должности казначеев (Rapin K, Grenet F., 1983, p. 326–332, 340, 373–378, no. 4a-c, 7, 15; Rougemont G, 2012, p. 216–218 220, 231, 233, no. 101–103, 106, 121, 124). При этом, как полагает К. Рапен, это были должности невысокого уровня, должность же директора банка занимали исключительно греки. Подобная практика социальной дифференциации была характерна и для птолемеевского Египта (Rapin K, Grenet F., 1983, p. 360). В финансовых документах засвидетельствованы различные, иногда довольно значительные суммы налогов в серебряных монетах (*драхмах*), доставленных в сокровищницу.

Комплектование армии Греко-Бактрии происходило в том числе и за счет местного населения, о чем прямо свидетельствует Полибий, упоминая 10-тысячную бактрийскую конницу в сражении на реке Арий (*Polyb. X.* 49) (Nikonorov V.P., 1997, p. 39). Не приходится сомневаться, что воины получали жалование или часть его монетой. Подтверждением этого служит уникальное документальное свидетельство. В 2007 году был опубликован документ на коже, найденный в Бактрии, который, по всей видимости, представляет собой контракт о выплате суммы в «100 драхм, отчеканенных в серебре» неким наемникам из числа «скифов» (Clarysse W., Thompson D.J., 2007, p. 273–277; Rougemont G., 2012, p. 193–194, no. 93)[35].

Тем не менее, масштабы распространения монетно-денежных отношений все еще остаются неизвестными. Характерно, что на материалах памятников Бактрии Б.А. Литвинским выделяется три зоны процесса эллинизации: первая – районы компактного расселения эллинов в полисах и военных колониях, где вся культура была однотипна айханумской; вторая – территории, прилегающие к греческим городам с тесным этнокультурным и религиозным взаимодействием местного и греческого населения; третья – периферийные территории, где в местную среду проникали лишь отдельные элементы эллинской материальной и духовной культуры (Литвинский Б.А., 2010, с. 460–461). Исходя из этого, можно выделить и компактные ареалы денежного обращения, как составной и неотъемлемой части процесса эллинизации. В центрах сатрапий – Бактра, Мараканда, где располагались монетные дворы, а в этническом отношении преобладали греко-македонские поселенцы и в основанных ими городах, таких как Ай-Ханум, а также наиболее важных пунктах: храмах (храм Окса на городище Тахти-Сангин), речных переправах (Кампырте-

35 В документе имеется дата – «30 год», вероятно по т.н. «эре Явана», которая началась в 175/4 г. до н.э. (Salomon R., 2005; Falk H., Bennett C., 2009, p. 206–211; Falk H., 2012, p. 135–136). Следовательно, это событие имело место в 145/4 гг. до н.э.

па), крепостях (Узундара), – уровень денежного обращения сопоставим с уровнем его развития в метрополии. На остальной сельской территории, где преобладало местное население, денежное обращение, вероятно, растворялось в море натурального обмена. Свидетельством чего служит отсутствие эллинистичсеских монет при раскопках небольших сельских поселений.

4. Подражания монетам Гелиокла (I в. до н.э. – I в. н.э.)

На Узундаре найдены четыре медных подражания монетам Гелиокла (*Приложение, табл. 1,* №№ 17–20; *Фототабл. 4/* 2–5). Прототипом для них послужили *драхмы* и *тетрадрахмы* одного из последних греческих правителей Бактрии – Гелиокла I (ок. 140–130 гг. до н.э.)[36]. Монеты-прототипы одного иконографического типа: *погрудное изображение правителя в диадеме вправо / стоящий Зевс в фас с пучком в правой руке и жезлом в левой, под пучком молний монограмма* 🜂, *по сторонам от изображения и под ним легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ ΔΙΚΑΙΟΥ (те-*

36 Точные годы правления этого царя неизвестны. В литературе можно встретить различные даты правления Гелиокла, см. напр.: ок. 130–110 гг. до н.э. (IGISC, p. 155); ок. 145–130 гг. до н.э. (Bopearachchi O., 1991, p. 74); ок. 80-е – 40-е гг. II в. до н.э. (Зеймаль Е.В., 1998, с. 360–361); ок. 150–140 гг. до н.э. (Наймарк А.И., 2005а, с. 133). Кардинальное омоложение дат правления предложил Дж. Крибб – ок. 125–90 гг. до н.э. (Cribb J., 2005, p. 214; Errington E., Curtis V.S., 2007, p. 55). Известны редкие датированные выпуски Гелиокла и его непосредственного предшественника Платона (помимо монограмм на них имеются комбинации греческих букв). Тетрадрахмы Платона датируются 47 и 48 гг. (сочетание греческих букв MZ, MH, MN: Curiel R., Fussman G., 1965, p. 35, no. 378–382, 383–385, 386–387; Bopearachchi O., 1991, p. 220–221, séries 2a–c, 3, pl. 24; Widemann F., 2007, p. 18, fig. 9–11), а Гелиокла – 57 г. (комбинация NZ: Curiel R., Fussman G., 1965, p. 43, no. 580–581; Bopearachchi O., 1991, p. 223, série 1,2, pl. 24). Известны также драхмы Гелиокла 83 г. (сочетание букв ΠΓ: Gardner P., 1886, p. 15, no. 30, pl. VII. 3; Bopearachchi O., 1991, p. 224, série 2, 20–21, pl. 24; Errington E., Curtis V.S., 2007, p. 51, fig. 52.12). Эти монеты, по мнению исследователей, датированы по “эре Явана” (175/4 г. до н.э.) и если данные комбинации букв действительно представляют собой даты, тогда в руках исследователей имеются своеобразные “реперные” точки для времени правления Платона – 128/7 и 127/6 гг. до н.э. и Гелиокла – 118/7 и 93/2 гг. до н.э. Кстати, тогда эти датированные монеты окончательно снимают с Гелиокла вину в “отцеубийстве” Евкратида, обоснованные сомнения в чем уже высказывались в литературе (см. напр.: Ставиский Б.Я., 1977, с. 99; Зеймаль Е.В., 1998, с. 361–362; историю вопроса см.: Захаров А.О., 2001, с. 7–8). Кроме того, имеются редкие подражания тетрадрахмам и оболам Евкратида, на которых также имеются буквенные обозначения. На оболе ΠΓ (83), а на тетрадрахмах NA (51) (IGISC, p. 295, type 496; Errington E., Curtis V.S., 2007, p. 51, fig. 52.13–14; Довутов Д., 1980, с. 126). Совсем недавно в объемном каталоге кушанских монет из собрания Американского нумизматического общества серебряные оболы–подражания Евкратида и серебряные же подражания тетрадрахмам и драхмам Гелиокла (см. ниже) с монограмми ΠΓ были отнесены к чекану юечжийских владений Шуангми и Думи соответственно, и датированы началом I в. н.э. (Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 27–28, no. 5–13, 23–24, 28).

традрахмы: Bopearachchi O., 1991, p. 222–223, série 1M, pl. 25.*7–9*; драхмы: Bopearachchi O., 1991, p. 224, série 2F, pl. 26.*22*)[37]. Подражания этому хронологически первому типу монет наиболее многочисленны (см. ниже). Позднее появляются подражания нового типа, являющиеся развитием первого типа. При сохранении искаженного изображения портрета правителя на аверсе, на реверсе монет второго типа появляется ранее не известное изображение шагающего влево коня (IGISC, p. 301, type 507; ISCH, vol. II, p. 218, type A22.1D. Изображение шагающего коня встречается только на сериях медных квадратных монет: греческого царя Гермея (ок. 90–70 гг. до н.э.) (Bopearachchi O., 1991, p. 329–330, série 9, pl. 54); парфянских царей – Митридата I (ок. 165–138 гг. до н.э.), Митридата II (ок. 123–88 гг. до н.э.), «неизвестного царя» (ок. 80–70 гг. до н.э.) и Дария (ок. 70 г. до н.э.) (Sellwood D., 1980, types 8.2, 24.33, 30.31, 36.19); индо-саскского царя Мауэса (ок. 90–50 гг. до н.э.) (ISCH, vol. II, p. 3, type 6.1)[38].

Выпуск этих монет был обусловлен завоеванием кочевниками территории Согда и Бактрии, в результате чего регулярный монетный чекан здесь прекращается и начинается выпуск так называемых «варварских подражаний». Объектами подражания стали селевкидские и греко-бактрийские монеты. Для номадов идея использования для обмена металлических денег (монет) была чуждой и поэтому ошибки при изготовлении монетных штемпелей были неизбежны. Этот процесс наиболее удачно разъяснил Е.В. Зеймаль: «Ошибки и отклонения от исходного прототипа постепенно – от одной «генерации» подражаний к другой – накапливаются, так что в конечном счете изображения теряют свой первоначальный смысл, «разлагаются», а надписи становятся нечитаемыми или вообще исчезают» (Зеймаль Е.В., 1975, с. 56). Параллельно этому процессу в каждой из групп подражаний (от “генерации” к “генерации”) падал вес монет и ухудшался состав металла (что особенно актуально и заметно для серебряных монет). Исходя из этих особенностей чеканки подражаний, основным методом их изучения является формально-типологическое исследование – возведение подражательных серий к монете-прототипу путем выстраивания типологических рядов для каждой из них. Ареал обращения подражаний имел строго очерченные границы, совпадавшие,

37 Авторы упомянутого в предыдущем примечании каталога кушанских монет все серебряные монеты с монограммой 🄰 относят к числу юечжийских подражаний (Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 28–29, no. 26–30).

38 На всех этих выпусках конь изображен шагающим вправо. Единственным исключением являются медные монеты одного из последних греческих правителей Западного Пенджаба – Гиппострата (ок. 65–55 гг. до н.э.) (Bopearachchi O., 1991, p. 359–360, séries 10–11, pl. 66). Однако на них хоть конь и обращен влево, он изображен статично стоящим.

по-видимому, с границами политических объединений или этнических групп, их выпускавших. Сам факт обращения "варварских подражаний" на определенной территории показывает, что она находится вне юрисдикции государств с развитой монетной системой. Одновременное существование "варварских" и цивилизованных обществ (по Е.В. Зеймалю) – необходимое условие для возникновения чеканки "варварских подражаний": "варварские подражания"... соответствуют определенной стадии не только экономического, но и социального развития. Такое общество обычно знает не царей, а только вождей, предводителей племен и разные формы советов старейшин; есть знать, но четкого расслоения на классы еще нет; как правило, городская жизнь в таком обществе слабо развита и нет своей письменности» (Зеймаль Е.В., 1975, с. 56, 58; Зеймаль Е.В., 1978, с. 193–194).

Необходимо учитывать два важных момента. Во-первых, ареал распространения монет той или иной группы подражаний указывает только лишь на границы распространения политической власти во владениях, где их выпускали. Эти границы могут не совпадать с границами археологических культур и территорией расселения определенных этнических групп, оставивших могильники на территории Узбекистана и Таджикистана. Во-вторых, судя по тому, что ареалы распространения разных групп подражаний накладываются друг на друга, данные границы постоянно менялись, вероятно, в результате военных конфликтов между разными объединениями номадов. При этом сам факт чекана подражаний свидетельствует, по крайней мере, о том, что власти, осуществлявшие выпуск этих монет, понимали значение монеты как средства политической прокламации (Наймарк А.И., 2008, с. 68).

Сведения о событиях, последовавших за падением Греко-бактрийского царства, отражены в крайне фрагментарных и зачастую противоречивых греко-римских и китайских источниках. Согласно китайским известиям, около 128 г. до н.э. территория к северу от реки Гуйшуй (Амударья) была завоевана народом юечжи. Страбон, сообщая о кочевниках, «отнявших у греков Бактриану», приводит их имена «асии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Иаксарта рядом с областью саков и согдианов, занятой саками» (*Strabo*. XI. 8. 2), им соответствуют «са(ка)рауки и азиане» и «азианские цари тохар» Помпея Трога (*Justin*. Prol. XLI–XLII). Существует многочисленная исследовательская литература, посвященная реконструкции политических событий, связанных с падением Греко-Бактрии. На основе анализа китайских хроник исследователи выделяли три этапа истории юечжий-

ского государства (см., напр.: Rosenfield J.M., 1967, p. 9–11; Зеймаль Е.В., 1968, с. 14; Давидович Е.А., 1976, с. 59–62; Ставиский Б.Я., 1977, с. 17). Первый этап описан китайским послом Чжан Цянем, который побывал в Бактрии ок. 130–125 гг. до н.э. и чьи сведения о западном крае попали в историческую хронику Шицзи. "Большие юечжи" завоевали область Дахя (к югу от реки Гуй-шуй), но сами располагались к северу от реки и вели там кочевой образ жизни. Южной границей государства "Больших юечжи" являлась область Дахя[39]. В Цаньханьшу зафиксирован следующий этап развития государства "Больших юечжи": правитель находится в городе к северу от реки Гуйшуй; южная граница страны не Дахя, а область Гибинь; имеются пять *си-хоу*[40], подчиненных "Большим юечжи"[41]. Наконец, в Хоуханьшу государство "Больших юечжи" описано как конфедерация, в которой имеется пять самостоятельных княжеских владений. Столица государства проходит к югу от реки Гуйшуй. Владения стали самостоятельными настолько, что одному из владетелей (си-хоу, ябгу) – гуйшуанскому – Киоцзюкю, пришлось покорять четыре других[42].

39 «Даюэчжи находится на запад от Дайюани, примерно в двух–трёх тысячах ли. Расположено к северу от реки Гуйшуй. К югу от него – Дася; к западу – Аньси, к северу – Канцзюй. [Населяют его] кочевники, они перемещаются, следуя за скотом; обычаи такие же, как у сюнну. Лучников примерно сто-двести тысяч. В старину, будучи в силе, [юэчжи] третировали сюнну... Вначале юэчжи жили между [округом] Дуньхуан и [хребтом] Цилянь. Когда [они] были разбиты сюнну, то ушли далеко. Миновав [Дай]юань, на западе напали на Дася и подчинили его. Затем основали крупный город к северу от реки Гуйшуй, сделав его ставкой правителя» (Сыма Цянь. 123. 6–7; пер. по: Вяткин А.Р., 2010, с. 201).

40 Вероятно, термин ябгу (бактр. ιαβγο, тюрк. yabγu, прк. yavuga–/yaüa–, гр. ζαοου) эквивалентен китайскому хи-хоу (xihou) (Sims-Williams N., 2010, p. 60–61, № 130). Значение понятия си-хоу (хи-хоу, хи-хэу) и его соотношение с понятием ябгу, до сих пор остается вопросом дискуссионным. Вероятные варианты интерпретации понятия си-хоу (хи-хоу, хи–хэу): племена (или роды) юечжей; группы племен из саков, местных бактрийцев и греков под управлением юечжей; территориально-административные единицы на завоеванной территории, не входившие в объединение юечжей (Thierry F., 2005, p. 472–475).

41 «И так Юечжи удалился на запад, прошел через Давань, напал на Дахя и покорил сие владение; столицу основал по северную сторону реки Гуй-шуй… Дахя собственно не имеет верховного государя, а каждый город поставляет своего владетеля. Народ слаб и боится войны: почему и покорен пришедшими юечжисцами. Находится пять хи-хэу, которые доставляют китайским посланникам съестные припасы: 1) Хюми хи–хэу, имеющий пребывание в городе Хомо… 2) Шуан-ми, хи-хэу, имеющий пребывание в городе Шуанми… 3) Гуйшуан, хи-хэу, имеющий пребывание городе Хоцзо… 4) Хэйтунь, хи-хэу, имеющий пребывание в городе Бомо… 5) Гаофу, хи-хэу, имеющий пребывание в городе Гаофу… Сии пять владений состоят в зависимости от Большого Юечжи» (Цаньханьшу. 96. 55–56; пер. по: Бичурин Н.Я. (Иакинф), 1950, с. 183–184).

42 «Когда дом Юечжи был уничтожен хуннами, то он переселился в Дахя, разделился на пять княжеских домов: Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хисейе и Думи. По прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский князь Киоцзюкю покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского. Он начал воевать с Аньси, покорил Гаофу, уничтожил Пуду и Гибинь, и овладел землями их. Киоцзюкю жил более 80 лет» (Хоуханьшу. 118–119; пер. по: Бичурин Н.Я. (Иакинф), 1950, с. 227).

В соответствии с изложенной концепцией исследователи атрибутировали подражания по типу монет греческих правителей, в том числе подражаний монетам Гелиокла, как чекан сокрушивших Греко-Бактрию кочевников и на основе топографии их находок определяли подконтрольную тому или иному владению территорию в Бактрии и Согде.

В настоящий момент в Северной Бактрии по находкам известны подражания оболам Евкратида двух типов – *царь в диадеме / колпаки Диоскуров* (Горин А.Н., 2014а) и *царь в шлеме / колпаки Диоскуров* (*Зеймаль Е.В.,* 1983а, с. 93–109), подражания драхмам Деметрия (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 194–195, 206, №№ 32–33), подражания чекану парфянского царя Фраата IV (ок. 38–2 гг. до н.э.) (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 129–139; Горин А.Н., 2013) и интересующие нас самые многочисленные подражания тетрадрахмам и драхмам Гелиокла[43]. Наиболее дробную классификацию последних разработал Е.В. Зеймаль. Имеющийся материал на основании иконографического типа и номиналов он разделил на следующие группы:

I). редкие серебряные подражания тетрадрахмам (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 111; Curiel R., Fussman G., 1965, p. 38–43, pl. XL.472, XLIX.582–583; MacDowall D.W., Ibrahim M., 1979, p. 48, no. 23; Mitchiner M., 1973, p. 53, no. 81–82, pl. IX; Whitehead R.B., 1914, p. 28, no. 134; IGISC, p. 298, type 501; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 28, no. 22–25; т.н. "имитации"[44]);

II). серебряные подражания *драхмам* (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 111; Smith V.A., 1906, p. 13, no. 2 (без ил.); Gardner P., 1886, p. 21, no. 10 (без илл.); Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 192–193, 205, № 28; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 28–29, no. 26–30; т.н. "имитации");

III). медные подражания *тетрадрахмам* Гелиокла (на о.с. стоящий Зевс (IGISC, p. 299, types 502, 504; ISCH, vol. II, p. 218, type A21.1T); наиболее многочисленная группа – шесть серий);

43 Помимо подражательных выпусков к чекану уничтоживших власть греков в Бактрии юечжей или саков исследователи относят и ряд именных, не известных до того, мелких серебряных монет (гемидрахмы и оболы): Фассора, Сападбиза, Арсейлиса, Пабеса, Пулагеса, Фсейгахариса, Танслимаидата, Наштена (IGISC, p. 303, types 509–511; Alram M., 1986, S. 290– 294, 296, no. 1257–1262, 1269–1269A, Taf. 40; ISCH, vol. II, p. 214, types A1–A7; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 27, no. 1–4).

44 Для выпуска подражаний групп I и II, не образующих протяженных типологических рядов, не исключалась возможность их появления в результате «деятельности безответственных частных лиц» (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 113). Согласно Н.М. Смирновой, «иммитационные» выпуски греко-бактрийских монет, в отличие от подражаний, представляют собой т. н. «посмертный» (наиболее распространенный термин в западной литературе) или инерционный чекан – государственную чеканку правителей, продолжавших чекан предшественника на тех же монетных дворах до последующей замены их или параллельном выпуске серий собственных типов (Смирнова Н.М., 1996, с. 46, прим. 13; Смирнова Н.М., 2005, с. 172).

IV). медные подражания *драхмам* Гелиокла (на о.с. стоящий Зевс; IGISC, p. 298–299, types 503, 505; ISCH, vol. II, p. 218, type A21.1D);

V). медные подражания *тетрадрахмам* Гелиокла (на о.с. шагающий конь влево; IGISC, p. 300, type 506; ISCH, vol. II, p. 218, type A22.1T);

VI). медные подражания *драхмам* Гелиокла (на о.с. шагающий конь влево, на редких экземплярах конь шагает вправо; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 49, no. 238). Весь чекан этих подражаний Е.В. Зеймаль разбил на восемь хронологически последовательных периодов, каждому из которых соответствует выпуск определенной группы или серии внутри нее: первый период – группы I и II; второй – группа III, серия 1; третий – группа III, серия 2; четвертый – группа III, серия 3; пятый – группа III, серия 4; шестой – группа III, серия 5; седьмой – группа III, серия 6; восьмой – группы IV, V, VI. Восьмой период выделен предположительно, и характерные для него изменения нельзя относить только к хронологическим (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 111–116.)[45].

Найденные на Узундаре подражания *тетрадрахмам* Гелиокла первого типа не укладываются в классификацию Е.В. Зеймаля. По ряду признаков одна из монет (Примечание, *табл. 1*, № 19) может быть отнесена как к серии III/1, так и III/2. Для серии III/1 характерны следующие особенности изображений и легенд: «портрет уже частично утрачивает пластическую детализацию и объемность, ... но волосы над диадемой (как и на монетах самого Гелиокла) изображены крупными, свободно лежащими прядями, каждая из которых “разделена” тонкими линиями», «изображение Зевса еще сохраняет характерную для прототипа постановку фигуры с опорой на правую ногу», «монограмма повторяет начертание, характерное для прототипа», т.е. все те признаки, что и на нашем экземпляре. Вместе с тем, начертание легенды более характерно для серии III/2: «в качестве опознавательного признака третьего периода может быть снова использовано начертание *каппы* в имени Гелиокла – в виде вертикального штриха с прилепленными к нему справа двумя точками». Точно так же обстоит дело и со второй *тетрадрахмой* – подражанием (Примечание, *табл. 1*, № 20), для которой характерны признаки серий III/2 и III/3. Для серии III/2 это: «Верхняя часть прически (на л. ст.) – над диадемой – становится у́же остальной части головы, пряди прически – крупные, вертикальные, с тенденцией к “упорядоченному” расположению рядами». Для серии III/3 это харктерные искажения в легенде: «*омикрон,* ранее изображавшийся точками, полностью перестает употре-

45 Ниже в тексте (и в примечание, табл. 4) в тех случаях, когда в публикациях приводятся метрологические показатели, типология монет указана по Е.В. Зеймалю.

бляться», «*альфа* почти всегда неотличима от *ламбды», сигма «*приобретает устойчивое квадратное начертание» (то же самое можно сказать и об *омеге*), *каппа* «превратилась в вертикальный штрих, не отличимый от *йоты*» (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 113). Обращает на себя внимание повышенный вес подражаний, свыше 16 г. при обычных 13–14 г.

Характерные типологические особенности для подражаний монетам Гелиокла второго типа в настоящий момент остаются невыделенными.

Как показывает топография находок, наиболее часто они фиксируются на территории Бактрии, где и осуществлялся их выпуск. К северу от Амударьи наиболее часто подражания монетам Гелиокла встречаются на памятниках долины Сурхандарьи и ее притоков, а также в долине Кафирнигана и частично Вахша. На памятниках Сурхандарьинской области Узбекистана зафиксировано 24 места находок подражаний Гелиоклу, найдено 116 монет. В Южном Таджикистане зафиксировано 15 мест находок, найдено 28 монет (см. Примечание, *табл. 4*). Обращает на себя внимание подавляющий перевес подражаний первого типа (132 экз.) над монетами второго типа (10 экз.). В свою очередь, из числа подражаний первого типа “тетрадрахмы” (117 экз.) имеют соотношение с “драхмами” (15 экз.) в соотношении приблизительно 8:1. К югу от Амударьи, в Северном Афганистане паспортизированные находки подражаний сделаны при раскопках: Балха (Bopearachchi O., 2009, p. 255, no. 12; *группа IV*), Ай-Ханум (Bernard P., 1985, p. 70–71, TF–51, pl. 10; *группа III*), Дильберджина (Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т., 1984, с. 125, 129, № 161; *группа V*) и Джагаттепа (Кругликова И.Т., 2004, с. 561, приложение III, № 107; *группа VI*). Две монеты найдены при раскопках храма в Сурх-Котале (Fussman G., Guillaume O., 1990, p. 19, no. T 26 (группа *IV*), T27 (*группа III*). Шесть монет происходят из сборов Ч. Массона в 1833–1834 гг. в Бегграме, а одна монета из Джелалабада (Masson Ch., 1834, p. 170–171, pl. X.*37*; *группа V, VI*)[46]. Еще несколько десятков монет, собранных Ч. Массоном в 1835–1836 гг. в Бегграме, остались неопубликованными (Cribb J., 2012, p. 34, tab. 12 (один экземпляр – *группа IV*; семь – *группа VI*). За пределами Бактрии находки подражаний представлены единичными находками. Одна монета найдена при раскопках ступы Дхармаражика (Dharmarājikā) в округе Таксилы (Marshall J., 1951, vol. II, p. 292, 801, no. 67; vol. III, pl. 236; *группа VI*), еще одна найдена при исследовании большой культовой пещеры Кашмирсмэст в 85 км от Пешавара (Nasim Khan N., Errington E., Cribb J., 2008, no.

46 Автор выражает свою искреннюю признательность Дж. Криббу за любезно присланную им данную статью.

31; группа *VI*). Одна монета хранилась в собрании Кандагарского музея (MacDowall D.W., Ibrahim M., 1978, p. 72, no. 33; *группа IV*)[47]. Девять монет происходят из коллекции Лахорского музея (Whitehead R.B., 1914, p. 28, no. 136–137 (*группа III*), 138–139 (*группа V*), 140–144 (*группа VI*). Два подражания тетрадрахмам обоих типов находятся в коллекции Аман ур-Рахмана (Bopearachchi O., Ur Rahman A., 1995, p. 114, no. 301–302). Одна монета найдена в Ферганской долине (городище Кайноват), еще одна в Маргиане (Массон М.Е., 1940, с. 54; Массон В.М., 1956, с. 63). Данная выборка, однако, лишь отражает существующее положение вещей, когда паспортизированные и стратифицированные находки происходят лишь из небольшой, но археологически наиболее изученной части региона – Северной Бактрии. В Северном Афганистане, к югу от Амударьи, археологические работы проводились эпизодически и, как правило, на небольших площадях.

Таким образом, топография монетных находок указывает на более широкий ареал распространения этих монет, чем считалось ранее (Ртveладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 26). Можно полагать, что обращались они на территории всей Бактрии. Характерно, что как к северу от Амударьи, так и к югу от нее найдены монеты обоих иконографических типов.

Время обращения подражаний монетам Гелиокла дают данные стратиграфического распределения монетных находок на двух северобактрийских памятниках Мирзакултепа и Кампыртепа. На Мирзакултепа выявлены два строительных горизонта со слоями, из которых получен керамический комплекс "раннекушанского" времени. Помещения возведены непосредственно на материке (Пидаев Ш.Р., 1978, с. 34–35, рис. 5). В ходе работ найдено 27 монет, в том числе: подражаний Гелиоклу – 9 экз., монет "Сотера Мегаса" (ок. 90/97–110/113 гг. н.э.)[48] – 16 экз., Вимы Кадфиза (ок. 110/113–125/127 гг. н.э.) и Канишки I (128–150 гг. н.э.) – по одному экземпляру. Монеты Вимы Кадфиза и Канишки I найдены в слое завала и относятся к периоду запустения; монеты "Сотера Мегаса" и подражания Гелиоклу – в слое заполнения помещений и на полах, что свидетельствует об их единовременном обращении (Пидаев Ш.Р., 1990а, с. 32–37; Пидаев Ш.Р., 1991, с. 96–97). В ходе раскопок «нижнего города» Кампыртепа (блоки-кварталы: А, Б, В, Г, Д), где все

47 Всего из Афганистана, по подсчетам Е.В. Зеймаля, происходят 23 подражания монетам Гелиокла, причем все – беспаспортные находки (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 117, прим. 36).

48 Хронология правления кушанских царей приведена в соответствие с уже ставшей общепринятой начальной датой Канишки I (НДК) – 128 г. н.э., см.: Falk H., 2001, p. 121–136; Falk H., 2004, p. 167–176.

помещения относятся к одному строительному горизонту, в надежных стратиграфических условиях залегания: в промазке штукатурки стен, полов, в напольных слоях и на материке, найдено 157 экземпляров монет "Сотера Мегаса", Вимы Кадфиза и Канишки I и нет ни одного подражания монетам Гелиокла (Горин А.Н., 2009, с. 116–117). Таким образом, можно полагать, что в Северной Бактрии они циркулировали вплоть до денежной реформы кушанского царя Вимы Кадфиза (о реформе см. напр.: Зеймаль Е.В., 1967б, с. 61; Bracey R., 2009). Еще одним синхронизмом для относительной хронологии этих выпусков служит факт совместной находки на городище Дильберджин подражания *тетрадрахмам* второго типа (группа V) вместе с оболом "Герая" (Кругликова И.Т., 1983, с. 40–43; Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т., 1984, с. 129, №№ 160-161). В настоящий момент после публикации обобщающей работы Дж. Крибба, посвященной этим монетам, широко распространена его точка зрения на атрибуцию их как бактрийского чекана Куджулы Кадфиза последних лет правления – ок. 80–90 гг. I в. н.э. (Cribb J., 1993; Cribb J., 2007, p. 352, fig. 79; p. 365; Smith D.S., 2001, p. 13; Errington E., Curtis V.S., 2007, p. 67). Однако надо отметить, что некоторые исследователи не разделяют эту гипотезу как в целом (Alram M., 1999, p. 23–25; Sachs C., 2003), так и в частностях[49].

Если со временем и местом выпуска подражаний Гелиоклу ситуация стала хоть немного яснее, то вопрос о принадлежности эмитента/эмитентов остается открытым по сей день. Приведем лишь небольшой, но наиболее распространенный перечень мнений.

В.М. Массон относил чекан подражаний Гелиоклу к выпускам всего племенного объединения юечжей, а затем предположил, что это мог быть чекан владения Гуйшуан вплоть до правления Куджулы Кадфиза (Массон В.М., 1956, с. 74; Массон В.М., Ромодин В.А., 1964, с. 153). Е.В. Зеймаль первоначально также предполагал, что эти выпуски – чекан владения Гуйшуан (Зеймаль Е.В., 1978, с. 202), но затем отметил «нельзя исключить (во всяком случае при ранних вариантах кушанской абсолютной хронологии), что наиболее поздние из подражаний монетам Гелиокла (с конем на об. ст.) – это выпуски, осуществлявшиеся уже при самом Куджуле Кадфизе» (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 125). Г.А. Пугаченкова предполагала, что эти монеты представляют собой чекан мелких владений, на которые распа-

49 Так, например, Э.В. Ртveладзе принимает толкование Дж. Криббом слова «Кушан» в легенде на монетах "Герая" как эпоним, но считает, что их выпуск осуществлялся с кон. II – нач. I в. до н.э. до I в. н.э. (Ртveладзе Э.В., 2000, с. 145–146). Близких взглядов придерживается и Р. Сеньор, но датирует выпуски этих монет ок. 25 г. до н.э. – 25 г. н.э. (ISCH, vol. II, p. 219, note 1).

лась Бактрия во II в. до н.э. (Пугаченкова Г.А., 1966а, с. 113). Впоследствии в одной из своих статей, посвященных этим монетам, она отмечала: «от рубежа II/I в. до н.э. и до первой трети I в. н.э. можно датировать чеканку юечжийскими правителями Бактрии монет типа варварского Гелиокла» (Пугаченкова Г.А., 1987, с. 107). Б.Я. Ставиский также полагал, что эти выпуски – чекан одного из владений юечжей (Ставиский Б.Я., 1977, с. 121). Э.В. Ртveладзе и Ш.Р. Пидаев считают, что «время правления Сотера Мегаса, вероятно, самое его начало, является terminus post quem для подражаний монетам Гелиокла», а начало их выпуска должно быть отнесено «ко времени, весьма близкому к правлению этого царя, т.е. к последней четверти II в. до н.э.» (Ртveладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 34; Ртveладзе Э.В., 2002, с. 128; Пугаченкова Г.А., Ртveладзе Э.В., 1990, с. 47–48). М. Митчинер атрибутировал эти выпуски как балхский чекан саков в период от конца II в. до н.э. вплоть до рубежа эр, когда юечжи, контролировавшие территорию к востоку от Кундуза, вновь завоевали Балх и начали завоевания к югу от Гиндукуша. Такого же мнения придерживается и К. Абдуллаев, полагая, что это мог быть чекан саков, которых затем подчинили юечжи (Mitchiner M., 1973, p. 51–52; IGISC, p. 155, 285; Абдуллаев К., 2000; Abdullaev K., 2011, p. 182). Относительно недавно Дж. Криббом было высказано предположение о том, что чекан подражаний монетам Гелиокла со стоящим Зевсом на о.с. – бактрийские эмиссии си–хоу (хи–хоу, хи–хэу) Думи I в. до н.э. – I в. н.э., в то время как подражания с конем – локальный бактрийский чекан “Сотера Мегаса” (Cribb J., 2007, p. 365; Cribb J., 2012, p. 21, tab. 8; Cribb J., 2014, p. 96; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 22, no. 24–25, 28–29, 42). Исследователи, уже начиная с А. Каннингэма, также обращали внимание на тот факт, что о.с. одного из типов монет “Сотера Мегаса” со стоящим Зевсом (тип IV, см. ниже) восходит к о.с. первого типа подражаний монетам Гелиокла (группы III–IV)[50]. В пользу отнесения подражаний Гелиокла второго типа к чекану “Сотера Мегаса” свидетельствуют редкие подражания монетам Гелиокла с тамгой “Сотера Мегаса”. Известны подражания *тетрадрахмам* и *драхмам* Гелиокла второго типа (группы V–VI), на которых одна из разновидностей тамги монет “Сотера Мегаса” () нанесена на круп лошади, при этом изображение не надчекан, а внесено в сам штемпель. Такие монеты известны в коллекции Д.С. Смита (Smith D.S., 2001, p. 14, fig. 9–10); собрании кабинета монет и медалей Британского музея (CM 1890–4–4–24: Cribb J., 2007, p. 353, fig. 82; Errington E., Curtis V.S., 2007, p. 69, fig. 61.*12*); и Американского нумизма-

50 См. с историей вопроса: Зеймаль Е.В., 1983а, с. 120–121.

тического общества (Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 49, no. 223, 227, 236). Первая паспортизированная находка происходит из культовой пещеры Кашир-смэст в 85 км к северо-востоку от Пешавара (Nasim Khan M., Errington E., Cribb J., 2008, No. 31)[51].

Таким образом, несмотря на то, что общий ход событий становления власти кушан на территории Бактрии остается все еще неизвестным, можно заключить, что в итоге подражания Гелиоклу остались единственной группой "варварских подражаний", чьи монеты продолжали находиться в обращении в период правления первых двух кушанских царей. Как показали археолого-стратиграфические наблюдения (находки этих монет вместе с монетами "Сотера Мегаса" на северобактрийских памятниках) и нумизматические данные позволяют датировать время выпуска подражаний монетам Гелиокла второго типа I в. н.э., обращались же они, как и монеты первого типа, вплоть до монетной реформы Вимы Кадфиза.

5. Монеты "Сотера Мегаса" (ок. 90–113 / 92–110 / 97–110 гг. н.э.).

На Узундаре найдены три монеты "Сотера Мегаса" (*Табл. 1,* №№ 21–23; *Фототабл*. 5/ 1–3).

Впервые эти монеты стали известны в 1827 г. благодаря публикации Дж. Тода. Затем на протяжении всего XIX в. к ним обращались английские исследователи Г. Вилсон, Э. Томас, Дж. Принсеп, Ч. Массон, А. Каннингем, П. Гарднер, а также Р. Рошетт (Франция) и К. Лассен (норвежец, работавший в Германии). В первой половине XX в. эти монеты были объектом пристального внимания В.А. Смита, Дж. Кеннеди, Р.Б. Уайтхеда, Э. Рэпсона, Дж. Маршалла и др. (Массон М.Е., 1950, с. 14–17; MacDowall D.W., 1968, p. 28–48). Во второй половине XX столетия к ним в той или иной стпени обращались Д.У. МакДауэлл, Р. Гебль, М. Митчинер, Дж. Крибб, Б.Н. Мукерджи, Ж. Фуссман, О. Бопеараччи и др. Одним словом, эти монеты всегда привлекали к себе внимание исследователей, и не в последнюю очередь желанием раскрыть их анонимность. Не останавливаясь подробно на многочисленных вопросах, связанных с этими примечательными монетами и истории их изучения, что не является задачей настоящей публикации и увело бы в сторону от нашей темы, отметим лишь наиболее значимые аспекты.

51 Подобные монеты см. также на сайтах: http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=30744; http://coinindia.com/MIG506v–474.2–tamgha.jpg; http://coinindia.com/MIG507b–646.10–tamgha.jpg.

В настоящее время известны следующие типы монет “Сотера Мегаса”[52]:

Тип I (Массон М.Е., 1950, с. 24–25, группа III; Mitchiner M., 1973, p. 65, no. 145, pl. XIV; IGISC, p. 767, type 1147–1149; Göbl R., 1993, S. 117, no. 53–54, Taf. 40; Cribb J., 1995/96, p. 111–112, type 1, fig. 11.*b–d*; ISCH, vol. II, p. 221, types B13.1T, B13.1D; MacDowall D.W., 2002, p. 167, type SM 1; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 49–50, no. 239–245, pl. 10). Медные “тетрадрахмы” (ок. 9,5 г.) и “драхмы” (ок. 2 г.): *всадник вправо, в правой вытянутой руке топор-клевец, голова повязана диадемой, концы которой развиваются за спиной. В поле справа, перед грудью коня тамга* 𐏂, *круговая легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΥΩΝ ΣΩΤΗΡ ΜΕΓΑΣ*[53] */ обращенный вправо Зевс, левой рукой опирается на скипетр (или копье), правая рука вытянута, справа в поле – ваза с цветами*[54]*, слева акшара кхароштхи vi, круговая легенда: maharajasa rajatirajasa mahatasa tratarasa*[55].

Тип II (Массон М.Е., 1950, с. 26, группа V; Mitchiner M., 1973, p. 63, no. 133, pl. XII; Göbl R., 1993, S. 117, no. 56, Taf. 40; Cribb J., 1995/96, p. 112–113, type 2, fig. 11.e; ISCH, vol. II, p. 221, type B14.1; MacDowall D.W., 2002, p. 168, type SM 2; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 50, no. 246–247, pl. 10). Мелкие медные анэпиграфные монеты (ок. 1,5 г.): *стоящая в фас мужская фигура (Геракл или Шива) со скипетром в правой руке и шкурой льва в левой, справа в поле акшара кхароштхи vi, слева тамга* 𐏂 */ женская фигура с рогом изобилия обращенная вправо (Тюхе или Ардохшо), слева в поле нандипада* 𐏃, *справа ваза с цветами. Кру́гом точечный ободок*.

Тип III (Массон М.Е., 1950, с. 24, группа II; Mitchiner M., 1973, p. 58, no. 100, pl. XII; Göbl R., 1993, S. 117, no. 57, Taf. 40; Cribb J., 1995/96, p. 113–114, type 3, fig. 12.a-*b*; ISCH, vol. II, p. 221, type B16.1; MacDowall D.W., 2002, p. 168, type SM 3; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 50–51, no. 248–251, pl. 10). Медные “тетрадрахмы” (ок. 13 г.): *погрудное изображение прави-*

52 Классификация по Дж. Криббу.

53 Часто в написании первого слова опущена последняя сигма. Для некоторых букв характерны «квадратные» и «лунарные» формы: Ϲ, С для сигмы; Ш, ω для омеги; Һ для эты; ε и Е для эпсилона. О палеографии легенд см.: Массон М.Е., 1950, с. 27–30, илл. 4; Mitchiner M., 1973, p. 56; для монет типа V: Cribb J., 2014, p. 92–95. Об использовании «квадратных» форм сигмы, омеги и омикрона на монетах индо-греческих и индо-скифских царей I в. до н.э. из последних работ см.: Балахванцев А.С., 2014в, с. 91.

54 В нумизматической литературе встречается определение этого предмета как алтаря с пылающим огнем или сосуда с цветами. На экземплярах хорошой сохранности видно, что это все же не алтарь. Вероятно, это известное с I в. до н.э. в буддийской иконографии изображение символа плодородия – сосуда с цветами – purna-ghata (Мкртычев Т.К., 1996, с. 220–221, рис. 67).

55 На редких экземплярах в конце легенды кхароштхи имеется имя v[e]ma a, v[e]ma asa (Cribb J., 1995/96, p. 112, type 1, variety a, c; Cribb J., 2014, p. 113, 126–128, fig. 25, 25a, 27, 27a).

теля в шлеме влево, в правой руке копье (или дротик), складки одежды скреплены фибулой на плече, слева в поле, перед лицом акшара кхароштхи vi, за головой тамга */ как Л.с. монет типа I.*

Тип IV (Массон М.Е., 1950, с. 25–26, группа IV; Mitchiner M., 1973, p. 58, no. 101, pl. XII; Göbl R., 1993, S. 117, no. 55, Taf. 40; Cribb J., 1995/96, p. 114, type 4, fig. 12.*c*; ISCH, vol. II, p. 221, type B15.1; MacDowall D.W., 2002, p. 168, type SM 4 Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 51, no. 252–257, pl. 10). Медные "драхмы" (ок. 4,2 г.): *погрудное изображение правителя в диадеме вправо, перед лицом тамга* */ стоящий в фас Зевс, в правой руке пучок молний, в левой – скипетр, под пучком молний монограмма* *или ее производные* , (т.е. те же знаки, что и на подражаниях монетам Гелиокла*),* круговая легенда: *ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΥΩΝ ΣΩΤΗΡ ΜΕΓΑΣ.*

Тип V (Массон М.Е., 1950, с. 18–24, группа I; Göbl R., 1993, S. 118, no. 58–72, Taf. 40; Cribb J., 1995/96, p. 114–115, type 5, fig. 12.*d–e*; ISCH, vol. II, p. 221, types B17.1vT, B17.D; MacDowall D.W., 2002, p. 168, type SM 5; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 45–48, no. 147–216, pl. 10). "Генеральный" чекан. Медные "дидрахмы" (аттический стандарт или "тетрадрахмы" редуцированного индийского стандарта; ок. 8,5 г.) и медные "драхмы" (индийский стандарт; ок. 2 г.): *погрудное изображение правителя (или божества) вправо в плаще, скрепленном фибулой на правом плече. В левой руке зажато копье (или дротик), от наконечника которого свисают две ленты. Вокруг головы лучистый нимб. Позади головы тамга* *(или* *), кру́гом точечный ободок / как л.с. монет типа I, но на некоторых монетах 4-зубчатая тамга –* .

Монеты типов I и II распространены на территории Гандхары и Западного Пенджаба, тип III в Бактрии, тип IV в Матхуре, тип VI в Кашмире (Cribb J., 2014, p. 96–100, 118, tab. 2). Исследователи отмечали, что монеты общегосударственного чекана (тип V) – наиболее поздний тип монет "Сотера Мегаса". Типологически и метрологически весь чекан "Сотера Мегаса" может быть разделен на 2 фазы. Монеты фазы 1 (типы I, II, IV) наследуют элементы типов подражаний монетам Гелиокла, монет Куджулы Кадфиза и индо–парфянских правителей (в частности, Сасана). Эти выпуски представляют собой локальные чеканы. После окончательного завоевания вышеуказанных территорий для укрепления экономической стабильности и унификации денежного хозяйства путем создания единого средства обмена была проведена монетная реформа. Монеты фазы 2 (типы III, V), представляют собой пореформенный чекан. При этом иконография монет типа V заимствована у монет типов III (О.с.) и

IV (*Л.с.*) (Cribb J., 1995/96, p. 121; Cribb J., 1998, p. 88; Alram M., 1999, p. 36). Хронологически это наиболее поздний и самый массовый тип монет "Сотреа Мегаса", распространенный на всем пространстве кушанского государства – от Бактрии до Матхуры. Найденные на Узундаре монеты "Сотера Мегаса" (*Табл. 1,* 21–23) относятся именно к нему. К северу от Амударьи по находкам известны исключительно эти монеты[56]. Мы не будем специально останавливаться на топографии находок, но отметим лишь, что находки монет "Сотера Мегаса", как и всех последующих кушанских царей (от Вимы Кадфиза до Васудевы), распространены как на землях, входивших в состав Кушанского царства – Афганистане, Пакистане, Северной Индии и южных областях Узбекистана и Таджикистана, так и далеко за пределами его предполагаемых границ. В среднеазиатском междуречье к северу от Гиссарского хребта (по нему пролегала наиболее вероятная граница государства Кушан) они встречаются в Хорезме, Чаче, Согде и Фергане.

Первым специальным исследованием на русском языке, посвященном монетам "Сотера Мегаса", стала работа М.Е. Массона. Эта статья стала отправной точкой для исследований специалистов по истории, археологии и нумизматике Кушанского государства, из бывшего СССР. На основе подробного всестороннего анализа монет из собрания Ташкентского и Самаркандского музеев, коллекции Б.Н. Кастальского, а также зарубежных публикаций М.Е. Массон пришел к выводу, что монеты "Сотера Мегаса" чеканились основателем кушанского царства Куджулой Кадфизом (Массон М.Е., 1950). В среднеазиатской археологической и нумизматической литературе на долгое время утвердилось авторитетное мнение этого исследователя. Для археологов в 50–70-е гг. XX в. стало нормой именовать монеты "Сотера Мегаса" чеканом Куджулы Кадфиза (см., напр.: Массон В.М., 1955, с. 40; Альбаум Л.И., 1960, с. 39; Пугаченкова Г.А., 1966а, с. 115–113). Практически единственным непримиримым оппонентом М.Е. Массона на протяжении более чем 30 лет выступал Е.В. Зеймаль (Зеймаль Е.В., 1960, с. 116–123; Зеймаль Е.В., 1965, с. 7–8; Зеймаль Е.В., 1983а, с. 165–169). Его критический анализ сохраняет свое значение до сих пор, несмотря на такие же, по степени постоянства, попытки Г.А. Пугаченковой отстоять справедливость взглядов М.Е. Массона (Пугаченкова Г.А., 1966б, с. 15–25; Пугаченкова Г.А., 1987, с. 103–107; Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., 1990, с. 51–52). Стало очевидным, что если и доказывать

56 По сведениям Д. Довуди несколько неопубликованных экземпляров типа I наряду с монетами типа V (медные «драхмы») находились в одном из кладов Южного Таджикистана см.: Довуди Д., 2009, с. 20, клад № 4.

тождество – “Сотер Мегас” = Куджула Кадфиз, то делать это нужно вне системы аргументов М.Е. Массона (Зеймаль Е.В., 1983а, с. 165–167).

С открытием Рабатакской надписи (Sims-Williams N., 1995/96; Sims-Williams N., 2008, 55–57) была установлена генеалогия первых кушанских царей и открыто имя ранее неизвестного царя Вимы Такту (об имени Вимы Такту, см.: Falk H., 2009, p. 105–116; Sims-Williams N., 2010, p. 110–111, no. 353), который приходился сыном Куджуле Кадфизу и отцом Виме Кадфизу. Имя Вимы Такту с титулом «царь царей, великий спаситель» удалось распознать и в ныне утраченной надписи из Дашт-и Навура[57], а также в надписях письмом кхароштхи на печати и на известной статуе сидящего царя из святилища в Мате (Матхура)[58]. Дж. Крибб соотнес монеты “Сотера Мегаса” с чеканом кушанского царя Вимы Такту (ок. 90–113 гг. н.э.).

Однако типологически именные выпуски Вимы Такту (типы VI–VII, по Дж. Криббу) с монетами “Сотера Мегаса” не связаны.

Тип VI (Cribb J., 1995/96, p. 115–116, type 6, fig. 13.*b–c*, 14; Falk H., 2009, p. 107). Медные монеты (ок. 10,5 г.): *Бык Зебу вправо, над ним нандипада* 𑀉 *справа в поле акшара кхароштхи bu / двугорбый верблюд вправо, справа в поле акшара кхароштхи chu, круговая легенда – maharayasa rayatirayasa devaputrasa vema tako mahatasa (Великий царь, царь царей, сын богов, Вима Таку великий).*

Тип VII (Cribb J., 1995/96, p. 116–118, type 7, fig. 15.*a–e*; ISCH, vol. II, p. 221, type B12.1–12.2; Falk H., 2009, p. 106; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 48, no. 221–222, pl. 9.)[59]. Медные монеты, стандарт аттических драхм (ок. 3,9 г.): *Бык Зебу вправо, над ним нандипада* 𑀉 *справа в поле акшара кхароштхи pa / двугорбый верблюд вправо, справа в поле акша-*

57 Надпись трехъязычная: на бактрийском, пракрите и неизвестным письмом. Большая часть текста утраченна безвозвратно, но удалось прочитать 1 строку на древнегреческом, 6 строк на бактрийском и 3 письмом кхароштхи: 1: σοθ΄ γορπιαου ιε΄ 2: ϸαονανδε ϸαι ι βωγο 3: ι στοργο ooεμο τακτοο 4: κοϸανο ι ραϸτογο ι λαδει– 5: γο ι βαγο ι ηζνογο κιδι πιδο ι 6: χοβε ιανε ϸαοδανε λφαχ– 7: το … – «(Явана) 279 (год), (месяц) горпей, 15 (день). Царь царей, великий спаситель, Вима Такту Кушан, праведный, справедливый, достойный почитания богов, следуя своей воле, завоевал царство...» (Sims-Williams N., 1995/96, p. 95; Sims-Williams N., 2008, p. 65); 1: *saṃ 1–1–100–20–20–20–10–4–4–1* (= 279) *gapiu na*(?)*ma 1*(?) [*ma*?]*sa*[*sa*] *di*⟨**vase 10–4–1*⟩2: *rajatirajasa* [*trata*](*rasa*?) *dhramikasa*(?) … 3: *vhema kuśasa pi* [.?]*gadapiṇa .śea …. sa* – «Год 279, месяц... Горпей, день ⟨15⟩, царь царей, великий..., законный Вима Куша...» (Fussman G., 1974, p. 22). Эра Явана началась в 175/4 г. до н.э., следовательно надпись датируется ±104 г. н.э.

58 На печати: *maharaja devaputra Vema Takhtua* – «[печать] Великого царя, сына богов, Вимы Такту»; на статуе: *mahārājo rājātirājo devaputro kuṣāṇaputro ṣāhi vema takṣumasya – «Великий царь, царь царей, сын богов, сын Кушана, царь Вима Таксума» (*Falk H., 2009, p. 110–113).

59 Собственно “типы” VI и VII – это один иконографический тип, но монеты различаются весом, размером и различными вариантами написания легенд и акшарами кхароштхи.

ра кхароштхи davu, круговая легенда – maharajasa rajatirajasa devaputrasa vema takho (Великий царь, царь царей, сын богов Вима Такху).

Иконографически они полностью копируют тип монет Куджулы Кадфиза (Зеймаль Е.В., 1967б, с. 56–56, тип 3, рис. 1.*3–4*; Alram M., 1986, S. 301, no. 1278–1281, Taf. 41; Göbl R., 1993, S. 116–117, no. 43–48, Taf. 40; MacDowall D.W., 2002, p. 167, type K 5; ISCH, vol. II, p. 220, types B11.1, B11.2). Легенда на них на пракрите, а не на греческом, отсутствуют характерная эпиклеза "великий спаситель" и тамга, вес этих монет отличается от веса монет безымянного царя и, наконец, найдены они, к настоящему времени, только на территории Кашмира (Cribb J., 1995/96, p. 119; MacDowall D.W., 2002, p. 167–169).

Известна еще одна уникальная монета, найденная в Хазаре (Пакистан), которая несет в легенде имя Вимы Такту: *Сидящая на троне фигура в кафтане, обращенная в фас, с головой, повернутой вправо. Слева от трона тамга* *, по кругу, начиная с IX часа, легенда ООНМО ТАК[ТО] / Две стоящие в фас, облаченные в кафтаны фигуры; по кругу, начиная с I часа, легенда ТАРО ОАNАХАО.* На основании этой монеты Дж. Крибб выделяет отдельный тип (VIII) (Cribb J., 1995/96, p. 118, type 8, fig. 15.*f*; Cribb J., 2014, p. 99, 116, 133, fig. 60).

Точка зрения Дж. Крибба практически сразу же получила признание среди исследователей (*Cribb J.,* 1995/96, p. 99–100, 118–123. См. напр.: Ртвеладзе Э.В., 1997, с. 68–69; ISCH, vol. II, p. 221; Мкртычев Т.К., 2002, с. 17; Массон В.М., 2006, с. 160, 271; Errington E., Curtis V.S., 2007, p. 68, 70; Falk H., 2009, p. 105; Bracey R., 2012, p. 118). Основанием для этого служит типологически промежуточное положение чекана "Сотера Мегаса" между выпусками Куджулы Кадфиза с одной стороны и Вимы Кадфиза с другой, что не единожды отмечали исследователи. В частности, титулатура на монетах Вимы Кадфиза целиком копирует титулатуру "Сотера Мегаса", схоже и начертание навершия тамги этих правителей (MacDowall D.W., 1968; MacDowall D.W., 1974, p. 248; MacDowall D.W., Wilson N.G., 1970, p. 227–228; Göbl R., 1976, p. 50–53; Зеймаль Е.В., 1983а, с. 168). Еще одним свидетельством связи и даже преемственности между "Сотером Мегасом" и Вимой Кадфизом служит уникальная медная монета Вимы Кадфиза впервые опубликованная в 1892 г. А. Каннингэмом (ISCH, vol. II, p. 221, type B18.1)[60]: *погрудное спаренное изображение двух, обращенных в противоположные стороны правителей; персонаж, обращенный влево, бородат, слева в поле перед его лицом тамга* *, персонаж, обращенный вправо,*

60 К сожалению, публикация А. Каннингэма осталась нам недоступной.

без бороды, справа в поле тамга ☥ *круговая легенда нечитаема / фигура, по всей видимости царя, обращенная вправо с вытянутой правой рукой над алтарем, за спиной различимы концы диадемы, круговая легенда нечитаема.* Кроме того, исследователями приводится и еще один аргумент чисто логического характера. Эмиссии всех без исключения кушанских царей очень значительны. Кушанские монеты – это наиболее массовый нумизматический материал, по крайней мере, в Бактрии и не только для эпохи античности[61]. Трудно представить, что Вима Такту ограничился лишь выпуском монет явно локального типа (типы VI–VII).

Однако, несмотря на всю логичность построений и аргументы Дж. Крибба и его сторонников, ряд исследователей по-прежнему подыскивают на роль эмитента монет "Сотера Мегаса" иного кандидата, нежели Вима Такту. Среди не согласных с гипотезой Дж. Крибба – Ж. Фуссман, Д. МакДауэлл, К. Зах, О. Бопеараччи (Fussman G., 1998; MacDowall D.W. 2002; Sach C., 2003, p. 174–175; Bopearachchi O., 2001, p. 417–420). Наиболее обоснованная попытка пересмотра гипотезы Дж. Крибба была предпринята относительно недавно О. Бопеараччи. Следуя за Ж. Фуссманом[62], он предположил, что выпуск монет "Сотера Мегаса" (ок. 92–110 / 97–110 гг. н.э.) осуществлялся неким "узурпатором" кушанского престола, который захватил власть после короткого правления Вимы Такту (ок. 90–95 / 95–100 гг. н.э.) (Bopearachchi O., 2007, p. 43–50; Bopearachchi O., 2008, p. 49–52; Bopearachchi O., 2012, p. 129–133). Об этом, по его мнению, свидетельствует то, что монеты "Сотера Мегаса" по фактуре, легенде, символам и иконографии отличаются от монет предшественника – Куджулы Кадфиза, с одной стороны, и монетами следующего за ним правителя – Вимы Кадфиза, с другой. Например, в легенде монет отсутствует слово "кушан", непременно присутствующее на монетах всех без исключения правителей династии. К тому же редкие именные монеты Вимы Такту и монеты "Сотера Мегаса" типологически не связаны между собой. О. Бопеараччи опубликовано несколько уникальных динаров и двойных динаров Вимы Кадфиза из состава большого клада (более 4000 золотых монет), якобы найденного в Пакистане. Они чеканены в честь отца Вимы Кадфиза – Вимы Такту. Легенда на этих монетах выполнена по-гречес-

61 Отмечая обилие находок монет "Сотера Мегаса", М.Е. Массон приводил следующие сведения: «Их очень много встречается в Афганском Туркестане и, как говорил доктор М.Г. Вячеслов, проездом из Афганистана, при нем в 1922 году они, наряду с прочими медными кушанскии монетами, имели даже рыночное обращение на базарах Мазар-и Шарифа в качестве разменной монеты, в которой ощущался тогда недостаток» (Массон М.Е., 1950, с. 32).

62 Критику гипотезы Ж. Фуссмана см.: Захаров А.О., 2004, с. 12–13; Захаров А.О., 2007, с. 109–111.

ки. На л.с.: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΟΗΜΟ ΚΑΔΦΙΣΗΣ – “царь Вима Кадфиз”; на о.с.: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΟΟΗΜΟ ΤΑΚΔΟΟΥ ΚΟΟΡ.ΑΟΥ ΥΙΟΣ – “сын царя Вимы Такту кушана” (Bopearachchi O., 2007, p. 43; Bopearachchi O., 2008, p. 8–9, série I–III; Bopearachchi O., 2012, p. 123–124). Эти монеты фиксируют собственное имя царя Вимы Такту, но без титула ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΩΤΗΡ ΜΕΓΑΣ, наличие которого можно было бы ожидать, если принимать тождество Вима Такту = “Сотер Мегас”. По мнению О. Бопеараччи, дополнительный аргумент, свидетельствующий о наличии правителя-узурпатора в кушанском государстве, – клады монет “Сотера Мегаса”, найденные в Пакистане. Клад из Малакада содержит 500 экз., клады из Чакдара и Барикота по 250 и 300 экз. соответственно. Однородный состав кладов (по О. Бопеараччи) объясняется тем, что монеты “узурпатора” “Сотера Мегаса” могли изыматься из обращения после восстановления на престоле законной династии (Bopearachchi O., 2007, p. 46, n. 49; Bopearachchi O., 2012, p. 130, p. 74). Примечательно, что к северу от Амударьи также найдены несколько кладов монет “Сотера Мегаса” – пять в Южном Таджикистане (Давидович Е.А., 1979, клад № 2; Зеймаль Е.В., 1983а, с. 293, 295, клады № 10, 18; Довуди Д., 2009, с. 16–21, клады №№ 3–4) и один в Южном Узбекистане (Массон М.Е., 1928, с. 285, № 5; Массон М.Е., 1950, с. 32)[63]. Однако Е.В. Зеймаль видел причину выпадения монет “Сотера Мегаса” в клады в ином, а именно в их обесценивании после монетной реформы Вимы Кадфиза (Зеймаль Е.В., 1983б, с. 41). В настоящий момент можно констатировать, чем бы не объяснялось это явление, несмотря на свою масштабность (от Гиссарского хребта до Пакистана), оно носило явно кратковременный характер. Как уже отмечалось выше, судя по стратиграфии монетных находок на памятниках Северной Бактрии, монеты “Сотера Мегаса” продолжали находиться в обращении и при Виме Кадфизе, и при Канишке I, по всей видимости, заменяя мелкие номиналы монет этих правителей, выпуск которых был эпизодическим.

Недавно вышедшая статья Дж. Крибба «Монеты Сотера Мегаса первого и второго кушанского царей Куджулы Кадфиза и Вимы Такто» открывает новую страницу в дисскусии о монетах “Сотера Мегаса” (Cribb J., 2014)[64]. После обстоятельного обзора истории изучения этих монет (часть из них изложена здесь выше) автор переходит к критическому рас-

63 Все найдены при случайных обстоятельствах и частью разошлись по рукам.

64 Основные положения этой статьи уже нашли свое отражение в каталоге кушанских монет Американского нумизматического общества: Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 39–44. Автор выражает свою искреннюю признательность Дж. Криббу за консультации и любезно присланные им данные работы.

смотрению гипотез последних лет и, в частности, к гипотезе О. Бопеарачи. Скрупулезные исследования Р. Брайси стилистических особенностей, штемпелей, метрологии и палеографии золотых монет Вимы Кадфиза (всего им учтено 236 экземпляров из музейных собраний и частных коллекций) выявили пять последовательных фаз в его чекане. Вышеупомянутые монеты "царя Вимы Кадфиза, сына царя Вимы Такту кушана", опубликованные О. Бопеараччи, теоретически самые ранние, на самом деле совмещают в себе признаки, характерные для фаз 1, 2 и 4. Кроме того, на о.с. отсутствуют легенды кхароштхи, имеющиеся на всех без исключения экземплярах. Наконец, на них видны следы вторичной правки штемпелей. Все эти факты вызвали сомнение в аутентичности монет данной группы и привели исследователей к выводу, что они представляют собой новоделы (Bracey R., 2009, p. 52–53; Cribb J., 2014, p. 86–90).

В своей интерпретации монет "Сотера Мегаса" Дж. Крибб основывается на тех свидетельствах, которые донесли до наших дней имя Вимы Такту. Таковыми являются уже упомянутые надписи из Рабатака, Дашт-и Навура и на статуе из Мата – на них, помимо имени, приведена и титулатура. Еще одним доказательством служит интерпретация имени Янгаочжен, которое, согласно китайской хронике Хоуханьшу, носил сын основателя кушанского государства Киоцзюкю – Куджулы Кадфиза. В том, что под древнекитайским i*ä*m (jam или wam) скрывается имя Вима, было известно давно, но вторая часть имени «гаочжен» не выводится ни из имени «Кадфиз», ни из «Такту». Г. Фальк предложил видеть во второй части имени китайскую транслитерацию имени «Кушан», все словосочетание читается как «Вима Кушан» (vhama kusha), что весьма близко к его упоминанию в надписи из Дашт-и Навура. Кроме того, как уже отмечалось выше, имя Вимы Такту имеется также на монетах типов VI–VII и VIII (Cribb J., 2014, p. 90–92).

Далее Дж. Крибб обращается к классификации "генерального" чекана "Сотера Мегаса" (тип V). Основой для нее послужили несколько тысяч осмотренных им монет из музейнных собраний и частных коллекций. Монеты этой группы чеканились в соответствии с редуцированным аттическим весовым стандартом – 8–8,5 г (*дидрахмы*), 2 – 2,1 г (*гемидрахмы*) по одной иконографической схеме: *погрудное изображение божества Митры / всадник (царь) на коне вправо.* Система номиналов отличается от монетного стандарта, использованного индо–саками и индо–парфянами, и указывает на начало проведения новой монетной реформы с целью создания системы государственного кушанского чекана. Характерно, что весовой стандарт медных монет обеих групп близок по своему значению

к весовому стандарту золотых монет Вимы Кадфиза, при котором они были впервые введены в обращение. Все эмиссии "генерального" чекана можно разделить на четыре последовательные фазы (Cribb J., 2014, p. 93–96):

1. Монеты этой фазы отличаются близостью стиля исполнения портрета на аверсе с портретами римских императоров Клавдия (41–54 гг.) и Нерона (54–68 гг.). Легенды на монетах выполнены "квадратным" письмом, тамга на аверсе и реверсе – четырехзубчатая. Выделены характерные признаки трех типов изображений прически персонажа на аверсе (бога Митра, по Дж. Криббу): a) локоны имеют форму тонких полумесяцев, которые расположены тремя рядами – два над диадемой и один под ней; b) ряды локонов имеют форму толстых полумесяцев, нижний, третий ряд под диадемой, изображен в виде тяжелого валика волос; c) ряды локонов овальной формы, нижний, третий ряд под диадемой, изображен в виде тяжелого валика волос.
2. Между первой и второй фазами чекана выделяется переходный период, отличием которого является использование курсивных *эпсилона* (ε) и *сигмы* (c), а также появлением на реверсе трехзубчатой тамги.
3. Все монеты этой фазы отличаются использованием трехзубчатой тамги и "квадратным" написанием букв легенды. Курсивное написание характерно только для *эпсилона* (ε), *сигмы* (c). Для прически персонажа на аверсе характерно использование типов b и c.
4. На монетах этой фазы появляется новый тип прически персонажа на аверсе (d): волосы выше диадемы изображены не двумя рядами, а одним сплошным, нижний ряд под диадемой изображен в виде тяжелого валика волос. На всех монетах изображена трехзубчатая тамга и курсивное написание беты (β), *эпсилона* (ε), *сигмы* (c) и *омеги* (ω). В настощее время монеты этой фазы наименее многочисленны относительно монет предыдущих и последующей фаз. При этом наиболее распространены медные *гемидрахмы*.
5. Наиболее массовая группа монет в "генеральном" чекане "Сотера Мегаса". Легенда выполнена смешанным "квадратно–курсивным" письмом. Курсивные *бета* (β), *эпсилон* (ε) и *сигма* (c), при квадратной омеге (ш), которая на финальной стадии становится также курсивной (ω). Дукт письма очень схож с письмом на монетах Вимы Кадфиза. Появляется новый тип прически персонажа на аверсе (e): прическа в виде двух рядов, верхний из которых изображен толстыми полумесяцами, а нижний, под диадемой – тяжелым валиком овальных локонов.

Далее Дж. Крибб обращается к рассмотрению локальных выпусков “Сотера Мегаса”. К перечисленным выше семи типам локальных выпусков он добавляет еще один. Это также уже упомянутый выше тип подражаний *тетрадрахмам* и *драхмам* Гелиокла с конем на реверсе (группы V–VI, по Е.В. Зеймалю) и тамгой “Сотера Мегаса” () (Cribb J., 2014, p. 96–100).

Наконец, завершает работу Дж. Крибба раздел об атрибуции монет “Сотера Мегаса” (Cribb J., 2014, p. 100–105). Система его доказательств выглядит следующим образом.

Напрямую о связи Вимы Такту с чеканом “Сотера Мегаса” свидетельствует монета типа VIII. На ней характерная трехзубчатая тамга соседствует с именем Вимы Такту. Косвенно на эту связь указывают монеты типа I в легенде кхароштхи, на которых имеется имя Вима. Начальные греческие буквы имени Вима – O или OO имеются на монетах типа III. Кроме того, Дж. Крибб видит сокращение этого имени в акшарах кхароштхи *vi* на монетах типов I, II и III.

Титулы “Спаситель” (ΣΩΤΗΡ) и “Великий” (ΜΕΓΑΣ) были использованы Вимой Такту в надписи из Дашт-и Навура (на бактрийском), Вимой Кадфизом в его монетном чекане (на греческом), Канишкой I (на бактрийском) в надписи из Рабатака. Эта титулатура использована и в безымянной надписи из Реха (на пракрите, письмом брахми). Таким образом, титул «Великий Спаситель» использовался в качестве официального, по крайней мере, на протяжении правления трех поколений кушанских царей.

Атрибуция монет “Сотера Мегаса” чекану кушанского царя Вимы Такту выглядит вполне оправданной. Однако остается нерешенной проблема их анонимности, которая породила среди исследователей проблему атрибуции этих монет. Их приписывают то предшественнику, то преемнику Вимы Такту или даже узурпатору кушанского престола. Отнесение их к чекану известного из китайских хроник полководца Вимы Кадфиза, завоевавшего Индию, не может быть принято, поскольку ареал распространения монет “Сотера Мегаса” охватывает всю территорию кушанского государства. Приписывание же этих монет некоему “узурпатору” кушанского престола также не может быть принято. Надпись из Рабатака ясно свидетельствует о непрерывной череде кушанских правителей от Куджулы Кадфиза до Канишки, т.е. в период, когда осуществлялся чекан эти монет.

Объяснение анонимности монет “Сотера Мегаса”, по мнению Дж. Крибб, было наиболее правдоподобно объяснено Д.У. МакДауэллом. Он предположил, что кушанский царь впервые введший анонимность, следовал примеру первого римского императора Гая Октавиана. После

того, как он стал безоговорочным обладателем верховной власти в государстве, он перестал пользоваться своим личным именем Гай Юлий Цезарь Октавиан, а вместо этого стал именоваться Император (победоносный полководец) Цезарь (когномен) Дий Филий (божественный, т.е. сын богов) Август (возвеличенный) (MacDowall D.W., 2002, p. 165, 167). Это предположение тем более выглядит правдоподобным, поскольку один из типов монет Куджулы Кадфиза подражает чекану монет Августа, а кушанский титул «сын богов» – devaputra (на пракрите) и ВАГЕПООРО (на бактрийском), калька *dei filius*. Эти римские параллели очень правдоподобно объясняют, если не доказывают, анонимность монет. Однако остается открытым еще один важный вопрос – о последовательности чекана разных типов монет.

Как уже отмечалось выше, первоначально после открытия Рабатакской надписи Дж. Крибб атрибутировал чекан "Сотера Мегаса" как выпуски Вимы Такту. При этом, как он отмечает, исходил из идеи, что "генеральный" тип (V) хронологически следует за локальными чеканами (типы I–III). В настоящий момент он полагает, что логика этого аргумента может быть легко оспорена. Ареалы локальных выпусков "Сотера Мегаса" ограничены отдельными частями империи Кушан, такими как Беграм и Таксила, тогда как "генеральный" тип был распространен во всем государстве. К этому времени и Таксила, и Беграм уже находились под властью Куджулы Кадфиза. Если считать, что чекан монет "Сотера Мегаса" начался с локальных типов, следующих за локальными же типами Куджулы Кадфиза, то они должны были бы в той или иной степени наследовать их элементы. Кроме того, количество их должно быть большим, а ареалы обращения близкими с ареалами распространения типов монет Куджулы Кадфиза. Фактически же локальные выпуски "Сотера Мегаса" имеют узкие ареалы распространения, число типов небольшое, а объем производства незначительный. Ареалы локальных чеканов сосредоточены только в Гандхаре, Матхуре и Бактрии, а объем их выпуска был очень небольшим. В качестве примера Дж. Крибб указывает на каталог кушанских монет музея Пешавара, в котором представлены монеты "Сотера Мегаса", найденные в Гандхаре. Все монеты "генерального" типа и нет ни одной монеты местной гандхарской чеканки. При раскопках Сонха ни одной монеты "Сотера Мегаса" ни местного, ни "генерального" типов не найдено вовсе. Локальные типы монет Куджулы Кадфиза выпускались в Бегграме и Таксиле – главных центрах кушанской чекани времени его царствования. На этих же монетных дворах выпускались и монеты "Сотера Мегаса" "генерального" типа.

Сравнительный анализ стиля изображений и ареалов распространения локальных типов с ареалом “генерального” чекана “Сотера Мегаса” отчетливо указывает на то, что их выпуск начался не раньше первых двух фаз чеканки монет “генерального” типа и продолжался параллельно с ним. Локальные монеты Гандхары, Матхуры и Бактрии в целом копируют изображения поздних фаз чеканки “генерального” типа (фазы 3 и 4). Эта относительная хронология выпусков дает новое понимание соотношения между ними.

Монеты “Сотера Мегаса” “генерального” чекана следуют сразу за локальными типами монет Куджулы Кадфиза. В Бегараме и Таксиле они послужили заменой для выпусков по типу подражаний монетам Гермея (Зеймаль Е.В., 1967б, с. 56–57, типы 1–2, рис. 1,1–2; IGISC, p. 681–683, type 1044–1047; Göbl R., 1993, S. 115–116, no. 15–35, Taf. 39; ISCH, vol. II, p. 220, type B6.1–6.2; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 30–33, no. 44–99, pl. 3–5). Из этого также следует, что Пешавар и Матхура были включены в состав государства кушан позже, чем начался выпуск монет “генерального” чекана. Локальный чекан Бактрии (тип III), был введен не после завоевания этой области, а для замены подражаний монетам Гелиокла с конем (и четырехзубчатой тамгой на его крупе) на реверсе, выпуск которых осуществлялся паралельно с выпуском монет ранних фаз “генерального” чекана.

Пересмотр относительной хронологии выпусков разных типов монет “Сотера Мегаса” дает иное понимание чекана этих монет в целом. Все типы монет “Сотера Мегаса” с именем Вимы Такту (типы I–III) являются локальными, что указывает на то, что выпущены они были на поздней стадии царствования этого царя. Исходя из этого, можно сделать вывод: начало выпуска монет “генерального” типа пришлось на промежуток между выпуском локальных типов монет Куджулы Кадфиза и “Сотера Мегаса” с именем Вимы Такту. Иными словами, нет оснований приписывать весь чекан “Сотера Мегаса” только лишь Виме Такту.

В Таксиле при Куджуле Кадфизе за подражаниями по типу монет Гермея следует локальный выпуск, подражающий римским императорским *денариям* (императора Августа, по Дж. Криббу) по типу: *голова в диадеме вправо / царь, сидящий на курульном кресле* вправо (Зеймаль Е.В., 1967б, с. 57, тип 4, рис. 1,5; IGISC, p. 688, type 1053; Göbl R., 1993, S. 116, no. 36–40, Taf. 40; ISCH, vol. II, p. 220, type B9.1; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 34–35, no. 103–113, pl. 5). Этот чекан можно рассматривать в качестве попытки провести локальную монетную реформу, чтобы стабилизировать денежную систему после девальвации подражаний монетам Гермея.

В Беграме, в отличие от Таксилы, подражания по типу монет Гермея сменяет “генеральный” чекан “Сотера Мегаса”. Введение этого чекана, основанного на редуцированном аттическом стандарте, также было призвано стбилизировать денежную систему. Если две локальные реформы в Таксиле и Беграме были осуществлены параллельно, то начало “генерального” чекана “Сотера Мегаса” приходится на последние годы царствования Куджулы Кадфиза. Косвенным свидетельством этого служит тот факт, что на монетах Куджулы Кадфиза по типу римских денариев царь, сидящий на курульном кресле, изображен с чеканом-клевецом в поднятой правой руке, т.е. с тем же оружием, какое держит в правой руке всадник на монетах “Сотера Мегаса”.

Замена подражаний по типу монет Гермея выпуском эмиссий “генерального” типа “Сотера Мегаса” на монетном дворе Беграма, вероятно, дала более ощутимые результаты, чем чекан по типу римских *денариев* на монетном дворе Таксилы. Успешное проведение денежной реформы в Беграме, в конечном счете, привело к выпуску монет “генерального” типа на остальной территории государства кушан. При этом их выпуск продолжался параллельно с именными выпусками.

Использование имени Вимы Такту на локальных выпусках (типы I–III), по всей вероятности, указывает на то, что эти новые типы были введены в обращение в период его царствования, и представляют доказательство тождества “Сотер Мегас” = Вима Такту. Индикатор, который отличает раннюю фазу чеканки монет “генерального” типа “Сотера Мегаса” (фаза 1) от более поздних фаз (2–4), и от локальных чеканов – четырехзубчатая тамга. Она использовалась только на первой фазе чекана монет “генерального” типа. Вскоре ее сменила трехзубчатая тамга, которая присутствует и на локальных типах монет “Сотера Мегаса”. Следовательно, четырехзубчатая тамга использовалась Куджулой Кадфизом, а трехзубчатая его сыном. Например, локальный чекан Бактрии при Куджуле Кадфизе начался с выпуска подражаний *тетрадрахмам* и *драхмам* Гелиокла, на реверсе которых изображен шагающий конь (с четырехзубчатой тамгой на его крупе). Его сменяет локальный выпуск монет “Сотера Мегаса” по типу: *царь в македонском шлеме / всадник вправо с трехзубчатой тамгой* (тип III), который относится ко времени Вимы Такту.

На именных монетах Куджулы Кадфиза по типу римских *денариев (голова в диадеме вправо / царь, сидящий на курульном кресле вправо)* из Таксилы, имеется другой символ – . Этот знак считается тамгой Куджулы Кадфиза, однако, в отличие от тамги “Сотера Мегаса” (), име-

ет мало общего с тамгами последующих кушанских царей, которые использовали ее с минимальными вариациями. Использование кушанами тамги в качестве государственного символа на монетах явилось следствием индо–парфянского влияния, в частности, чекана первого царя этой династии Гондофара (ок. 30–56 гг. н.э.). Использование тамг было типичным явлением для иранского мира, а их проникновение в кушанскую среду, по всей видимости, произошло в раннекушанский (юечжийский) период.

Начало чекана монет "Сотера Мегаса" при Куджуле Кадфизе также объясняет их анонимность. Предположение о том, что их выпуск начался в конце правления этого царя, не вызывает сомнений, поскольку время его правления охватывает значительный период времени. В надписях из Панджтара (122 г. = 77 г. н.э.) и Таксилы (136 г. = 90 г. н.э.)[65] личное имя Куджулы Кадфиза отсутствует, имеется только титул и упомянута принадлежность к роду кушан. Панджтарская надпись: «*maharayasa guṣaṇasa*» (великий царь кушан). Надпись из Таксилы: «*maharajasa rajatirajasa devaputrasa khuṣaṇasa*» (великий царь, царь царей, сын богов кушан)[66]. Эти надписи сделаны не самим Куджулой Кадфизом, но теми лицами, кто не счел нужным упомянуть имя царя для отождествления с ним. Подобная практика «анонимности» эмитента использовалась также на монетах и возникла под влиянием римской императорской чеканки (см. выше). Продолжение использования практики выпуска анонимных монет "Сотера Мегаса" ("генерального" типа) при Виме Такту, при условии, что уже могли быть отчеканены именные типы его монеты, вероятно, было административным шагом, призванным гарантировать успех реформы и свести на нет возможные риски, связанные с введением монет нового типа. Такие "замороженные типы" – обычный феномен в тех случаях, когда продолжение чекана монет определенного типа и веса важнее, чем подтверждение полномочий вступающего на престол правителя путем чеканки монет нового типа.

Библиография

Источники

Polyb. – Полибий. Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. Кн. I–XXXIX. М., 2004. Т. 1. С. 620. Т. 2. С. 33.

65 Обе надписи датируются по эре Аза, которая началась в 48/47 г. до н.э., см.: Falk H., 2012, p. 136–137; Falk H., Bennett C., 2009.

66 Konow S., 1929, p. 67–77, no. XXVI–XXVII.

Strabo – Страбон. География (в 17 книгах) / Пер., ст. и ком. Г.А. Стратановского, под общей редакцией проф. С.Л. Утченко. Редактор перевода О.О. Крюгер. Л., 1964. С. 483, 488.

Justin – Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога “Historiae Philippicae” / Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского, под ред. М.Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. 1955. № 1. С. 222.

Isid. Char. – Parthian Stations by Isidore of Charax. An Account of the Overland Trade Route between the Levant and India in the First Century B.C. The Greek Text, with a translation and commentary W.H. Schoff. Philadelphia, 1914. P. 9.

Сяма Цяць – Исторические записки (Ши цзи). Т. 9 / Пер. с кит. и коммент. под ред. А.Р. Вяткина; вступ. ст. А.Р. Вяткина. М., 2010 (ППВ. XXXII, 9).

Исследования

Абдуллаев К. О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху // РА. 1997. 4. С. 54–60.

Абдуллаев К. Еще раз о подражаниях монетам Гелиокла (к вопросу о политической истории Бактрии во второй половине II в. до н. э.) // ПИФК. 1999. Вып. VIII. С. 368–377.

Абдуллаев К. Археологические работы на Паенкургане в 2003 году (Байсунский район, Сурхандарьинская область) // АИУ – 2003 год. 2004. Вып. 4. С. 9–15.

Абдуллаев К. Находки эллинистических монет к северу от Амударьи – Окса // РА. 2006. № 3. С. 106–115.

Абдуллаев К., Станчо Л. Археологические работы на Джандавляттепа // АИУ – 2003 год. 2004. Вып. 4. С. 19–26.

Абдуллаев К., Станчо Л. Археологические работы на Джандавляттепа в 2004–2005 гг. (Шерабадский район Сурхандарьинской области) // АИУ – 2004–2005 годы. 2006. Вып. 5. С. 12–22.

Абдуллаев А., Бубнова М.А., Пьянкова Л.Т. Отчет о работах Яванского отряда в 1971 г. // АРТ. 1975. Вып. XI. С. 250–262.

Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

Альбаум Л.И. Живопись святилища Фаязтепа // Культура среднего Востока (с древнейших времен до наших дней). Изобразительное и прикладное искусство / Пугаченкова Г.А. (отв. ред.). Ташкент, 1990. С. 19–26.

Атаходжаев А.Х. Нумизматические данные к политической истории Согдианы IV–II вв. до н.э. // Scripta Antiqua. Древняя история, филология, искусство и материальная культура. Альманах. Том. 3. К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе / М.Д. Бухарин (ред.). М., 2013. С. 243–279.

Атаходжаев А.Х, Рапен К., Хасанов М.Х. Об античных археологических горизонтах Сангиртепа (по поводу находки монеты Антиоха I) // АУ. 2014. № 2(9). С. 87–98.

Аюпова Ф., Горин А. Подражания монетам Гелиокла и монеты “Сотера Мегаса” из Кампыртепа // МТЭ. Археологические исследования Кампыртепа. Вып. 2. Ташкент, 2001. С. 129–133.

Балахванцев А.С. Рождение Греко-Бактрии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014а. Том 13, выпуск 8: история. С. 21–27.

Балахванцев А.С. «Восточная политика» Александра Македонского и Селевкидов: разрыв или преемственность? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.). М., 2014б. С. 298–316.

Балахванцев А.С. Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма // РА. 2014в. № 4. С. 89–96.

Бердимуродов А.Э., Раимкулов А.А., Холматов Н., Франческини Ф., Мантеллини С. Результаты исследований Узбекско-Итальянской экспедиции в Самаркандской области // АИУ – 2003 год. 2004. Вып. 4. С. 51–56.

Бердимурадов А.Э., Хасанов М.Х., Франческини Ф. О работах на Бойсаритепа в 2007 г. // АИУ – 2006–2007 годы. 2009. Вып. 6. С. 57–64.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. II. М.; Л., 1950.

Болелов С.Б. Кампыртепа – античная крепость на Оксе: стратиграфия, периодизация, хронология // Scripta Antiqua. Древняя история, филология, искусство и материальная культура. Альманах. Том. 3. К юбилею Эдварда Васильевича Ртveладзе / М.Д. Бухарин (ред.). М., 2013. С. 75–132.

Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т. Монетные находки из раскопок Дильберджина // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. / Кругликова И.Т. (ред.). М., 1976. С. 172–182.

Вайнберг Б.И., Кругликова И.Т. Монеты из раскопок Дильберджина (II) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. Вып. 3 / Кругликова И.Т. (ред.). М., 1984. С. 125–140.

Гаибов В.А. Раннеэллинистическая керамика Маргианы // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 600–608.

Горин А. Монетные находки с Худоидоттепа // ИМКУ. 2008. Вып. 36. С. 261–263.

Горин А. Кушанский нумизматический комплекс Кампыртепа // Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXII. Культура, история и археология Евразии / Смирнов И.С. (ред.). М., 2009. С. 113–137.

Горин А. Стратиграфический шурф на городище Ялангтуштепа в 2008 г. // МТЭ. 2011. Вып. VIII. С. 80–101.

Горин А. Монеты из раскопок второго буддийского храма Дальверзинтепа (По материалам археологических исследований 2006–2007 гг.) // Дальверзинтепа. Итоги раскопок на втором буддийском храме. Сока, 2012. С. 173–190.

Горин А.Н. Парфянские монеты Кампыртепа // Scripta Antiqua. Древняя история, филология, искусство и материальная культура. Альманах. Том. 3.

К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе / М.Д. Бухарин (ред.). М., 2013. С. 302–329.

Горин А.Н. Подражания оболам Евкратида из Южного Узбекистана // KOINON ΔΩΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег / Синицын А.А., Холод М.М. (сост. и науч. ред.). СПб., 2014а. С. 80–89.

Горин А.Н. Новый селевкидский монетный двор: Самарканд – Мараканда // Материалы по художественной и духовной культуре Узбекистана / Пидаев Ш.Р. (отв. ред.). Ташкент, 2014б. С. 29–48.

Давидович Е.А. Первый клад тетрадрахм кушанца “Герая” // ВДИ. 1976. № 4. С. 56–78.

Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.

Дальварзинтепа 1996 – Дальварзинтепа шаҳристони (қадмшунослик тадқиқотлари якунлари). Токио, 1996.

Дандамаева М.М. Греки в эллинистической Вавилонии (по данным проспорографии) // ВДИ. 1985. 4. С. 155–175.

Дандамаева М.М. Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии // ВДИ. 1990. № 4. С. 3–26.

Двуреченская Н.Д. Юго-восточный узел фортификации крепости Кампыртепа (башня и входной комплекс-пристань) // ПИФК. 2013. Вып. 2 (40). С. 338–370.

Двуреченская Н.Д. Раннеэллинистический закрытый керамический комплекс террасного дома Кампыртепа // KOINON ΔΩΡΟΝ: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег / Синицын А.А., Холод М.М. (сост. и науч. ред.). СПб., 2014. С. 100–121.

Двуреченская Н.Д. Предварительные материалы археологических работ 2014 г. на крепости Узундара // ПИФК. 2015. Вып. 1 (47). С. 124–133.

Довуди Д. Монетные клады Таджикистана (находки 1980–2008 гг.). Душанбе, 2009.

Довуди Д. Монетные находки в Таджикистане в 1987 году // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 332–345.

Довутов Д. Драхма Селевка с городища Шахри Мунк // НЦА. 1997. Вып. 2. С. 5–8.

Довутов Д. Новая находка монеты, чеканенной в подражание тетрадрахмам Евкратида, в Таджикистане // ВДИ. 1980. № 4. С. 125–127.

Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 143–180.

Завьялов В.А. Оборонительные сооружения Антиохии Маргианской (Гяур Калы Старого Мерва) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100–летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года) / Никоноров В.П. (ред.). СПб., 2005. С. 90–98.

Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок на городище Зартепа). СПб., 2008.
Захаров А.О. Греко-Бактрия эпохи Евкратида I // Восток. Афро–азиатские общества: история и современность. 2001. № 4. С. 5–11.
Захаров А.О. О современном состоянии кушанской проблемы // Восток. Афро–азиатские общества: история и современность. 2004. № 2. С. 5–19.
Захаров А.О. Очерки истории традиционного Востока. М., 2007.
Зеймаль Е.В. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР // ИООН Тадж. ССР. 1960. Вып. 1 (22). С. 115–128.
Зеймаль Е.В. Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореф. канд. дисс. Л., 1965.
Зеймаль Е.В. Кундузский клад греко-бактрийских монет // ВДИ. 1967а. № 1. С. 160–165.
Зеймаль Е.В. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже // ТГЭ. Том IX. Нумизматика. Часть 3 / Быков А.А. (ред.). Л., 1967б. С. 55–86.
Зеймаль Е.В. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
Зеймаль Е.В. "Варварские подражания" как исторический источник // СГЭ. 1975. Вып. XL. С. 56–61.
Зеймаль Е.В. Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье / Луконин В.Г. (ред.). Л., 1978. С. 92–214.
Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.
Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983а.
Зеймаль Е.В. Северный (опыт историко–стратиграфической периодизации) // Бактрия–Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. ТД конференции, посвященной десятилетию Южно–Таджикистанской археологической экспедиции / Литвинский Б.А., Раевский Д.С., Ранов В.А., Тохаристан в кушанскую эпоху Сычева Н.С. (ред.). М, 1983б. С. 39–42.
Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности / Литвинский Б.А. (ред.). М., 1983в. С. 61–80.
Зеймаль Е.В. Греко-бактрийские монеты в нумизматическом собрании АН Таджикской ССР // Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография) / Ранов В.А. (ред.). Душанбе, 1987. С. 188–199.
Зеймаль Е.В. Греко-Бактрия. Парфия (III–II вв. до н.э.). Политическая история. Социальные отношения // История таджикского народа. Том I / Литвинский Б.А., Ранов В.А. (ред.). Душанбе, 1998. С. 338–376.
Зеймаль Е.В., Вафаев Г. Тетрадрахма Деметрия из долины Заравшана // ОНУ. 1982. № 5. С. 38–42.
Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951 (МИА СССР. XVI).
Иневаткина О.Н. Древний транспортный узел Самаркандского Согда на бухарской дороге // АУ. 2011. № 2 (3). С. 121–135.

Исамиддинов М.Х. Южные части Самаркандского Согда в период включения в империю Александра Македонского // Материалы по античной культуре Узбекистана. К 70-летию Геннадия Андреевича Кошеленко / Абдуллаев К. (ред.). Самарканд, 2005. С. 55–60.

Исамиддинов М. Стратиграфия городища Коктепа и некоторые стороны истории и культуры Согдианы эллинистического периода // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара / Абдуллаев К. (ред.). Ташкент, 2010. С. 131–140.

Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.

Каталог 2011: Каталог археологических памятников Узбекистана. Том I. Самаркандская область. Часть 1. Город Самарканд / Бердимурадов А.Э. (отв. ред.). Ташкент, 2011.

Кирилова О.В. К изучению эллинистической архитектуры Самарканда // Материалы по античной культуре Узбекистана. К 70-летию Геннадия Андреевича Кошеленко / Абдуллаев К. (ред.). Самарканд, 2005. С. 61–65.

Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

Кошеленко Г.А. [рец. на:] Houghton A., Lorber C. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. With Methodical Tables by B. Kritt. Part I. Seleucus I through Antiochus III. Vol. I–II. Lancaster; London: Classical numismatic Group, Inc., 2002. 487–488 pp. // ВДИ. 2005. 4. С. 200–203.

Кошеленко Г.А. Становление денежного обращения на эллинистическом Востоке // РА. 2006. № 3. С. 95–105.

Кошеленко Г.А. [рец. на:] Сверчков Л.М. Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент, 2013. Tashkent: SMI-ASIA, 2012. 182 с. // ВДИ. 2015. № 2. С. 206–212.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н. Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. 2000. № 1. С. 3–15.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. В защиту Александрии Маргианской // ПИФК. 2006. Вып. XVI / 1. С. 18–23.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Сатрапы Востока. Время Диадохов // Центральная Азия и Южная Сибирь. Альманах I / Потабенко С.И., Кошеленко Г.А. (ред., сост.). М., 2009. С. 159–169.

Кругликова И.Т. Обол кушанца «Герая» из Дильберджина // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 40–43.

Кругликова И.Т. Джагат-тепе // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 479–561.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки, архитектура, религиозная жизнь. М., 2000.

Марков Д., Наймарк А. Интересная бактрийская тетрадрахма Антиоха I // Нумизматические чтения 2011 года. Памяти Алексея Владимировича Фоми-

на. Москва, 21–22 ноября 2011 г. Тезисы докладов и сообщений / Ширяков И.В. (ред.). М., 2012. С. 9–12.
Массон В.М. Денежное хозяйство Средней Азии по нумизматическим данным // ВДИ. 1955. № 2. С. 37–47.
Массон В.М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла // ЭВ. 1956. Вып. XI. С. 63–75.
Массон В.М. Деметрий Бактрийский и завоевание Индии // ВДИ. 1961. № 2. С. 39–45.
Массон В.М. Зар-тепе – кушанский город в Северной Бактрии // История и культура античного мира / Кобылина М.М. (отв. ред.). М., 1977. С. 138–144.
Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб., 2006.
Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Том 1. М., 1964.
Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 г. по 1927 г. // Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1928. С. 280–293.
Массон М.Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И.В. Сталина // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 52–54.
Массон М.Е. Происхождение безыменного “царя царей – великого спасителя” // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия, вып. XI. Гуманитарные науки. Кн. 3 / Массон М.Е. (отв. ред.). Ташкент, 1950. С. 11–50.
Мкртычев Т.К. Purna-ghata на Кара-тепе // Буддийские комплексы Кара–тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978–1989 гг. / Ставиский Б.Я. (ред.). М., 1996. С. 220–223.
Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М., 2002.
Мусакаева А. Античные и раннесредневековые монеты Музея истории народов Узбекистана // Нумизматика Узбекистана / Г.А. Пугаченкова (ред.). Ташкент, 1990. С. 18–31.
Наймарк А.И. Находки греческих монет в Согдиане // НЭ. XVII / Кошеленко Г.А., Смирнова Н.М. (ред.). М., 2005а. С. 116–138.
Наймарк А.И. О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений / Молчанов А.А. (отв. ред.). М., 2005б. С. 36–37.
Наймарк А.И. О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане // ВДИ. 2008. 1. С. 55–70.
Наймарк А.И., Яковлев А. Две медные эллинистические монеты из Варахшинского массива земель древнего орошения // НЦА. 2011. Вып. X. С. 25–46.
Некрасова Е.Г. Нижние культурные слои Бухары: к характеристике первоначального заселения города // ОНУ. 1998. № 4–5. С. 43–51.
Отчет 2013 – Отчет о раскопках в Пайкенде в 2011–2012 годах // МБАЭ. 2013. Вып. XII.
Пидаев Ш.Р. Поселения Северной Бактрии кушанского времени. Ташкент, 1978.

Пидаев Ш.Р. Монетные находки из Мирзакултепа // Нумизматика Узбекистана / Пугаченкова Г.А. (отв. ред.). Ташкент, 1990а. С. 32–39.
Пидаев Ш.Р. Археологические работы на юго–восточном холме Зартепа // ИМКУ. 1990б. Вып. 24. С. 50–60.
Пидаев Ш.Р. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. № 1. С. 210–224.
Потин В.М. Монеты. Клады. Коллекции: очерки нумизматики. СПб., 1993.
Пугаченкова Г.А. Халчаян. (К проблеме художественной культуры Северной Бактрии). Ташкент, 1966а.
Пугаченкова Г.А. К дискуссии о «Сотере Мегасе» // Труды ТГУ. 1966б. 295. С. 15–25.
Пугаченкова Г.А. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии // ВДИ. 1967. № 3. С. 74–88.
Пугаченкова Г.А. К неутихающим дискуссиям: варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас // Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согда: античность, раннее средневековье. Материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986). Ташкент, 1987. С. 98–107.
Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989.
Пугаченкова Г.А., Ртveладзе Э.В. и др. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
Пугаченкова Г.А., Ртveладзе Э.В. Северная Бактрия–Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и средневековье). Ташкент, 1990.
Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.
Рахманов Ш., Рапен К. Стратегический пограничный узел железных ворот: меняющийся статус границ от греческих свидетельств до средневековых эпопей // TRANSOXIANA. История и культура. Академику Эдварду Васильевичу Ртveладзе в честь 60–летия – коллеги и ученики / Саидов А. (отв. ред.). Ташкент, 2004. С. 150–153.
Рапен К., Бо Э., Грене Ф., Рахманов Ш. Исследование в районе «Железных ворот»: краткое состояние проблемы в 2005 г. // ИМКУ. 2006. Вып. 35. С. 91–101.
Ртveладзе Э.В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия (предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана) / Массон В.М. (отв. ред.). Л., 1974. С. 74–85.
Ртveладзе Э.В. Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. 1986. № 12. С. 34–39.
Ртveладзе Э.В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987.
Ртveладзе Э.В. Селевкидские монеты Кампыртепа // ОНУ. 1989. № 2. С. 47–49.
Ртveладзе Э.В. Новые данные к истории государства кушан // ОНУ. 1997. № 5. С. 67–70.
Ртveладзе Э.В. К истории становления кушанского государства в Бактрии и Гандхаре // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000. С. 145–148.

Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002.
Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н. Эллинистические монеты Кампыртепа // ВДИ. 2011. № 4. С. 180–210.
Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., Двуреченская Н.Д., Шейко К.А. Монетные находки из крепости Узундара // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 151–159.
Ртвеладзе Э.В., Двуреченская Н.Д. Узундара – эллинистическая крепость в Бактрии (материалы рекогносцировочно-разведывательных работ 2013 г.) // АУ. 2015. № 2 (11). С. 37–46.
Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.
Русанов Д.В. Драхма Агафокла из Дальварзинтепа // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи / Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. (ред.). Ташкент, 2001. С. 15–18.
Сверчков Л.М. Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент, 2013.
Сверчков Л.М., У Син, Бороффка Н. Городище Кизылтепа (VI–IV вв. до н.э.): новые данные // Scripta antiqua. Древняя история, филология, искусство и материальная культура. Альманах. Том 3. К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе / Бухарин М.Д. (ред.). М., 2013. С. 31–74.
Сердитых З.В., Кошеленко Г.А. Проблемы истории и культуры Греко-Бактрии в литературе последних лет // СА. 1987. № 3. С. 237–251.
Смирнов С.В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013.
Смирнов С.В. «Доминирующий этнокласс» в государстве Селевкидов при Селевке I и Антиохе I: основные проблемы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.). М., 2014. С. 317–330.
Смирнова Н.М. О стиле монет греко-бактрийского царя Евкратида II (140–145 гг. до н.э.) // Монеты и медали (сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики) / Смирнова Н.М. (ред.). М., 1996. С. 41–66.
Смирнова Н.М. Греко-бактрийские и индо-греческие монеты из собрания Государственного Эрмитажа // НЭ. Вып. XVII / Кошеленко Г.А., Смирнова Н.М. (ред.). М., 2005. С. 139–180.
Смирнова Н.М. О ранних подражаниях тетрадрахмам Евтидема I (230–200 гг. до н.э.) // ВДИ. 2008. № 1. С. 71–79.
Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы циилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Ташкент, 2000.
Усманова З.И. Разрез крепостной стены Эрк–калы Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XIX. Ташкент, 1989. С. 21–61.
Фрай Р. Наследие Ирана / Пер. с англ. В.А. Лившица, Е.В. Зеймаля, под. ред. и с предисл. М.А. Дандамаева. М., 2002.
Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2. С. 60–78.

Abdullaev K. Numismatic finds (2002–2006) // Jandavlattepa. The Excavation Report for Seasons 2002–2006. Vol. 1. Results of excavations conducted by Charles University in Prague and Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan in Samarqand / Abdullaev K., Stančo L. (eds.). Prague, 2011. P. 172–183.

Alram M. Nomina Propria Iranica in Nummis, Materialgrundlagen zu den iranischen Personennamen auf antiken Münzen. Wien, 1986 (IPNB. IV).

Alram M. Indo-Parthian and early Kushan chronology: the numismatic evidence // Coins, Art and Chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands / Alram M., Klimburg–Salter D.E. (eds.). Vienne, 1999. P. 19–48.

Alram M. Münzprägung in Baktrien und Sogdien – von den graeco–baktrischen Königen bis zu den Kuschan // Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt – Asiens Kulturen im Wandel / Hansen S., Wieczorek A., Tellenbach M. (hsrg.). Mannheim, 2009. P. 183–191.

Bernard P. Fouil1es d'Aï Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco–bactrienne. Paris, 1985 (MDAFA. T. XXVIII).

Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G. Deux nouvelles inscriptions grecques de l'Asie centrale // Journal des Savants. 2004 (juillet – décembre). P. 227–356.

Bopearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991.

Bopearachchi O. The Euthydemus' Imitations and the Date of Sogdian Independence // SRAA. 1991/92. Vol. 2. P. 1–21.

Bopearachchi O. Les monnaies séleucides de l'Asie Centrale et l'atelier de Bactres // Travaux de numismatique greque offert à Georges Le Rider / Amandry M., Hurter S., Bérend D. (éds.). London, 1999. P. 77–93.

Bopearachchi O. La Circulation et la production monétaires en Asie Centrale et dans L'Inde du nord–ouest (avant et après la conquête d'Alexandre) // Indologica Taurinensia. 1999/2000. Vol. XXV. P. 15–121.

Bopearachchi O. Les données numismatiques et la datation du bazar de Begram // ΤΟΠΟΙ. 2001. Vol. 11/1. P. 411–435.

Bopearachchi O. Some observations on the Chronology of the Early Kushans // Res Orientales. Vol. XVII. Des Indo-Grecs aux Sassanides: données pour l'histoire et la géographie historique. Leuven, 2007. P. 41–53.

Bopearachchi O. Les premiers souverains kouchans: chronologie et iconographie monétaire // Journal des Savants. 2008 (janvier – juin). P. 3–56.

Bopearachchi O. Alfred Foucher et les etudes numismatiques bactriennes // Bouddhismes d'Asie monuments et literatures. Journée d'étude en homage à Alfred Foucher (1868–1952) / Filliozat P.-S., Leclant J. (éds.). Paris, 2009. 243–266.

Bopearachchi O. Chronology of the early Kushans: new evidence // Glory of the Kushans: Recent Discoveries and Interpretations / Jayaswal V. (ed.). New Delhi, 2012. P. 123–136.

Bopearachchi O., Ur Rahman A. Pre-Kushana Coins in Pakistan. Karachi, 1995.

Bracey R. The Coinage of Wima Kadphises // Gandharan Studies. 2009. Vol. 3. P. 25–74.
Bracey R. The Mint cities of the Kushan Empire // The City and the Coin in the Ancient and Early Medieval Worlds / López Sánchez F. (ed.). London, 2012 (BAR International series. 2402). P. 117–129.
Catalogue of antique and medieval coins of Central Asia. Vol. III. 100 coins from the collection of the National bank of Uzbekistan. Tashkent, 2000.
Catalogue of antique and medieval coins of Central Asia. Anniversary edition. 100 coins from the collection of the National bank of Uzbekistan. Tashkent, 2001.
Clarysse W., Thompson D.J. Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria // ZPE. 2007. Vol. 159. P. 273–277.
Cribb J. The 'Heraus' coins: their attribution to the Kushan king Kujula Kadphises, c. AD 30–80 // Essays in Honour Robert Carson and Kenneth Jenkins / Price M., Burnett A., Bland R. (eds.). London, 1993. P. 107–134.
Cribb J. The Rabatak Inscription, its historical implications and numismatic context. Part II / Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian inscription of Kanishka the Great // SRAA. 1995/96. Vol. 4. P. 97–123.
Cribb J. The end of Greek coinage in Bactria and India and its evidence for the Kushan coinage system // Studies in Greek numismatics in memory of Martin Jessop Price / Ashton R., Hurter S., Le Rider G., Bland R. (eds.). London, 1998. P. 83–98.
Cribb J. The Greek kingdom of Bactria, its coinage and its collapse // Afghanistan, ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest: actes du colloque international au Musée archéologique Henri-Prades-Lattes du 5 au 7 mai 2003 / Bopearachchi O., Boussac M.–F. (éds.). Turnhout, 2005 (Indicopleustoi: Archaeologies of the Indian Ocean. III). P. 207–225.
Cribb J. Money as a Marker of Cultural Community and Change in Central Asia // After Alexander. Central Asia before Islam / Cribb J., Herrmann G. (eds.). Oxford; New York, 2007 (Proceedings of the British Academy. 133). P. 333–375.
Cribb J. Rediscovering the Kushans // Glory of the Kushans: Recent Discoveries and Interpretations / Jayaswal V. (ed.). New Delhi, 2012. P. 3–56.
Cribb J. The Soter Megas coins of the first and second Kushan kings, Kujula Kadphises and Wima Takto // Gandhāran Studies. 2014. Vol. 8. P. 77–134.
Curiel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qunduz. Paris, 1965 (MDAFA. T. XX).
de Callataÿ Fr. Control marks on Hellenistic royal coinages: use, and evolution toward simplification? // RBN. 2012. Vol. CLVIII. P. 39–62.
Errington E., Curtis V.S. From Persepolis to Punjab: Exploring Ancient Iran, Afghanistan and Pakistan. London, 2007.
Falk H. The yuga of Sphujiddhvaja and the era of the Kuṣāṇas // SRAA. 2001. Vol. 8. P. 121–136.
Falk H. The Kaniṣka Era in Gupta Records // SRAA. 2004. Vol. 10. P. 167–176.
Falk H. The Name of the Vema Takhtu // Exegisti monumenta. Festschrift in Honour Nicolas Sims-Williams // Sundermann W., Hintze A., de Blois F. (hrsg.). Wiesbaden, 2009 (Iranica / Macuch M. (hrsg.). 17). P. 105–116.

Falk H. Ancient Indian Eras: An Overview // BAI. 2012 (2007). Vol. 21. P. 131–145.
Falk H., Bennett C. Macedonian Intercalary Months and the Era Azes // AO. 2009. Vol. 70. P. 197–216.
Fussman G. Documents épigraphiques kouchans // BEFEO. 1974. Vol. 61. P. 1–76.
Fussman G. L'inscription de Rabatak et l'origine de l'ère Saka // JA. 1998. P. 571–651.
Fussman G., Guillaume O. Surkh Kotal en Bactriane II. Les monnaies – Les petits objects. Paris, 1990 (MDAFA. T. XXXII).
Gardner P. Greek and Scythic kings of Bactria and India. Catalogue of Indian coins in the British museum. London, 1886.
Göbl R. A Catalogue of Coins from Butkara I (Swāt, Pakistan). Rome, 1976 (IsMEORepMem. IV).
Göbl R. Donum Burns. Die Kušānmünzen im Münzkabinett Bern und die Chronologie. Vienna, 1993.
Rapin C., Grenet F. Inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Aï Khanoum. L'onomastique iranienne à Aï Khanoum // BCH. 1983. Vol. 107 (1). P. 315–381.
Holt F. The Euthydemid Coinage of Bactria: Further Hoard Evidence from Aï Khanoum // RN. 1981. Vol. 23 (6e série). P. 7–44.
Huff D., Pidaev Ch., Chaydoullaev Ch. Uzbek–German archeological researches in the Surkhan Darya region // La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale: Termez et les villes de Bactriane–Tokharestan. Actes du colloque de Termez 1997 (La Bibliothèque d'Asie Centrale. 1) / Leriche P., Pidaev Ch., Gelin M. & Abdullaev K. (éds.). Paris, 2001.
Jongeward D., Cribb J., Donovan P. Kushan, Kushano-Sasanian, and Kidarite Coins from the Collection of the American Numismatic Society. New York, 2015 (Ancient coins in North American collections 11).
Konow S. Kharoshṭhī Inscriptions, with the Exception of Those of Aśoka (Corpus Inscriptionum Indicarum II, part 1). Calcutta, 1929.
Kritt B. Seleucid Coins of Bactria. Lancaster, 1996 (CNS. I).
Kritt B. Dynastic Transitions in the Coinage of Bactria. Antiochus–Diodotus–Euthydemus. Lancaster, 2001 (CNS. IV).
Kritt B., Hoover O.D., Houghton A. Three Seleucid notes // AJN. 2000. Vol. 12. P. 93–112.
Lyonnet B. Questions on the Date of the Hellenistic Pottery from Central Asia (Ai Khanoum, Marakanda and Koktepe) // ACSS. 2012. Vol. 18. P. 143–173.
MacDowall D.W. Soter Megas, the king of kings, the Kuṣāṇa // JNSI. 1968. Vol. XXX. P. 28–48.
MacDowall D.W. Implications for Kushan Chronology of the Numismatic Context of the Nameless King // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 27 сентября – 6 октября 1968 г. Т. I. М., 1974. P. 246–264.

MacDowall D.W. The Copper Coinage of Demetrius, the Son of Euthydemus // SAS. 1989. Vol. 5. P. 29–33.
MacDowall D.W. The Rabatak Inscription and the Nameless Kushan King // From Cairo to KabuLondon Afghan and Islamic Studies presented to Ralph Pinder-Wilson. London, 2002. P. 163–169.
MacDowall D.W. The Role of Demetrius in Arachosia and the Kabul valley // Afghanistan, ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest: actes du colloque international au Musée archéologique Henri–Prades–Lattes du 5 au 7 mai 2003 / Bopearachchi O., Boussac M.-F. (éds.). Turnhout, 2005 (Indicopleustoi: Archaeologies of the Indian Ocean. III). P. 197–206.
MacDowall D.W. Coinage from Iran to Gandhāra – with special reference to divinities as coin types // On the Cusp of Era. Art in the Pre-Kuṣāṇa World / Srinivasan D.M. (ed.). Leiden; Boston, 2007. P. 233–266.
MacDowall D.W., Ibrahim M. Pre-Islamic Coins in Kandahar Museum // Afghan Studies. Vol. 1. London, 1978. P. 62–77.
MacDowall D.W., Ibrahim M. Pre-Islamic Coins in Herat Museum // Afghan Studies. Vol. 2. In honour of sir Harold Bailey president of the Society for Afghan Studies 1972–1979. London, 1979. P. 45–53.
MacDowall D.W., Wilson .V.G. The references to the Kuṣāṇas in the Periplus end further numismatic evidence for its date // NC. 1970. Vol. X (7th series). P. 221–240.
Marshall J. 1951. Taxila. An Illustrated account of archaeological excavations carried out at Taxila under the orders of the government of India between the years 1913 and 1934. In three volumes. Cambridge, 1951.
Masson C. Memoir on the ancient coins found at Beghram, in the Kohistán of Kábul // JASB. 1834. Vol. III. P. 153–175.
Mitchiner M. The Early Coinage of Central Asia. London, 1973.
Naymark A. Seleucid Coinage of Samarqand? // JONS. 2014. Vol. 220. P. 15–20.
Naymark A., Yakovlev A. Two Seleucid coppers from the Bukharan oasis // JONS. 2011. Vol. 206. P. 6–8.
Narain A.K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957.
Nasim Khan M., Errington E., Cribb J. Coins from Kashmir Smast: New Numismatic Evidence. Peshawar, 2008.
Nikonorov V.P. The Armies of Bactria (700 BC – 450 AD). Vol. 1–2. Stockport, 1997.
Olbrycht M.J. Creating an Empire: Iran and Middle Asia in the Policy of Seleukos I // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб., 2005. P. 231–234.
Olbrycht M.J. Iranians in the diadochi period // // After Alexander. The Time of the Diadochi (323-281 BC) / Troncoso V.A., Anson E.M. (eds.). Oxford, 2013. P. 159–182.

Pidaev Sh.R. Termez during the Greco-Bactrian Period – In the light of new archaeological excavations // SRAA. 2003. 9. P. 1–14.
Price M.J. The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue. Vol. 1–2. Zurich; London, 1991.
Rapin C. On the way to Roxane. The route of Alexander the Great in Bactria and Sogdiana (328–327 BC) // Zwischen Ost und West Neue Forschhungen zum antiken Zentralisen. Wissenschaftliches colloquium 30.9 – 2.10.2009 in Mannheim / Lindström G., Hansen S., Wieszorek A., Tellenbach M. (hrsg.). Darmstadt, 2013 (AIT XIV). P.43–82.
Rosenfield J.M. The Dynastic Art of the Kushans. Berkeley; Los-Angeles, 1967.
Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie Centrale / Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. L., 2012.
Sachs C. Héraos // De l'Indus a l'Oxus. Archeologie de l'Asie Centrale / Eds. Bopearachchi O., Landes C., Sachs C (éds.). Paris, 2003. P. 173.
Salomon R. The Indo-Greek era of 186/5 B.C. in a Buddhist reliquary inscription // Afghanistan, ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest: actes du colloque international au Musée archéologique Henri-Prades-Lattes du 5 au 7 mai 2003 / Bopearachchi O., Boussac M.-F. (éds.). Turnhout, 2005 (Indicopleustoi: Archaeologies of the Indian Ocean. III). P. 359–401.
Sellwood D. An introduction to the Coinage of Parthia. London, 1980.
Sims-Williams N. The Rabatak Inscription, text and commentary. Part I / Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian inscription of Kanishka the Great // SRAA. 1995/96. 4. P. 77–96.
Sims-Williams N. The Bactrian Inscription of Rabatak: A New Reading // BAI. 2008 (2004). 18. P. 53–68.
Sims-Williams N. Bactrian personal names // IPNB. Band II (Mitteliranische Personennamen). Faszikel 7. Vienna, 2010.
Smirnova N. Some Questions regarding the Numismatics of Pre-Islamic Merv // After Alexander. Central Asia before Islam / Cribb J., Herrmann G. (eds.). Oxford; New York (Proceedings of the British Academy. 133), 2007. P. 377–388.
Smith V.A. Catalogue of the Coins in the Indian Museum Calcutta. Including the Cabinet of the Asiatic Society of Bengal. Oxford, 1906.
Smith D.S. Early Central Asian imitation III: Coinage of Heliokles I and the Kushan connection // The Celator. 2001. Vol. 15 (11 November). P. 10–15.
Tarn W.W. The Greeks in Bactria & India. Cambrige, 1938.
Thierry F. Yuezhi et Kouchans. Pièges et dangers des sources chinoises Afghanistan, ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest: actes du colloque international au Musée archéologique Henri-Prades-Lattes du 5 au 7 mai 2003 / Bopearachchi O., Boussac M.-F. (éds.). Turnhout, 2005 (Indicopleustoi: Archaeologies of the Indian Ocean. III). P. 421–529.
Urbanova K. Excavations in Sector 30: Preliminary research in the nearby environs

of Jandavlattepa // Jandavlattepa. The Excavation Report for Seasons 2002–2006. Vol. 1. Results of excavations conducted by Charles University in Prague and Institute of Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan in Samarqand / Abdullaev K., Stančo L. (eds.). Prague, 2011. P. 102–104.

Whitehead R.B. Catalogue of coins in the Panjab Museum, Lahore. Vol. I. Indo-Greek coins. Oxford, 1914.

Widemann F. Un monnayage inconnu de type gréco–bactrien à légende araméenne // Studia Iranica. 1989. 18. 193–197.

Widemann F. Civil Wars and Alliances in Bactria and North-Western India after the Usurpation of King Eucratides // EW. 2007. Vol. 57. P. 9–28.

Widemann F. Les successeurs d'Alexandre en Asie Centrale et leur heritage cultureLondon Essai. Paris, 2009.

Zeymal E.V. Coins from the excavations of Takht–i Sangin (1976–1991) // Studies in Silk Road Coins Art and Culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayma on his 65th birthday / Tanabe K., Cribb J. & Wang H. (eds.). Kamakura, 1997. P. 89–110.

Интернет ресурсы

www.zeno.ru (The Oriental Coins Database)
www.coinindia.com

Монеты, найденные в ходе полевых исследований крепости Узундара в 2013–2014 гг.

Таблица 1

№ №	Особенности изображений и легенд		Вес, г	Размер, мм	Оси, ч.	Место и обстоятельства находки		
	Л.с.	О.с.				Объект	Пом.	Слой
2013. Осень								
1	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. II, 1.		7,52	21×20,5	IX	В районе северного гребня крепостной стены	Подъем	
	Голова бородатого Геракла вправо. Гурт скошен. Без мелкоточечного ободка. Изображение потерто.	Скачущий конь вправо. Легенда неразличима. Изображение потерто.						
2	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. II, 2.		6,42	21,2×20,9	– // –	– // –	– // –	
	То же. Без мелкоточечного ободка. Изображение потерто.	То же. Сверху и снизу от изображения двустрочная, частью утраченная легенда: ΒΑΣΙΛΕ[ΩΣ] [Ε] ΥΘΥΔΗ[ΜΟΥ].						

3	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 55, type 97; Bopearachchi O., 1991, p. 162–163, série 22, *32–34*, pl. 4; Kritt B., 2001, p. 150–151, B3–A). Рис. II, 3.		7,2	23,7×24	XII	– // –	– // –	
	То же. Гурт прямой. В центре сквозное отверстие.	То же. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ. Кругом мелкоточечный ободок.						
2014. Весна								
4	Евтидем I. Халк (по типу: Bopearachchi O., 1991, p. 160–161, série 18, *31*, pl. 4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–2.). Рис. II, 4.		3,9	21,6×20,6	VI	Скальный комплекс цитадели	К Ю. –З от Пом. № 1	Подъем
	То же. Кру́гом мелкоточечный ободок. Гурт скошен. На уровне IX часа каверна.	То же. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ [ΕΥ] ΘΥ[ΔΗΜΟΥ]. Изображение потерто.						
5	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. II, 5.		7,88	21,8×22,7	– // –	К юго–востоку от цитадели	Подъем	
	То же. На уровне II часа следы обруба литника. Без мелкоточечного ободка.	То же. Легенда: [ΒΑ]ΣΙΛΕΩ[Σ] ΕΥΘΥΔΗΜΟ[Υ]						

6	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. III, 1.		7,35	21,7×22,3	III	Скальный комплекс цитадели	Пом. № 1	В заполнении, на глубине – 3,1 м
	То же. На уровне IV часа следы обруба литника.	То же. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩ[Σ] ΕΥΘΥΔΗ[ΜΟΥ]						
7	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. *III*, 2.		9,2	22,5×22,9	IX	– // –	К Ю. –З от Пом. № 1	Подъем
	То же. Без мелкоточечного ободка. На уровне III часа монетный кружок вырублен. Изображение потерто.	То же. Легенда значительно утрачена, различимо только первое слово, расположенное по дуге: [Β]ΑΣΙΛΕ[ΩΣ]. Изображение потерто.						

8	Дем. Обол (по типу: IGISC, p. 58, type 105; Bopearachchi O., 1991, p. 165–166, série 3C, pl. 5). Рис. III, 3.		0,65	10,8×11	XII	– // –	Тран-шея 1	В заполнении, у пола
	Погрудное изображение царя вправо, на голове царя диадема и слоновий шлем, по кругу мелкоточечный ободок.	Геракл в фас, в левой руке держит палицу и шкуру льва, а правой рукой возлагает на голову венок; слева в поле монограмма , по сторонам легенда: [Β]ΑΣΙΛΕΩΣ [ΔΗΜΗΤΡ] ΙΟΥ.						
2014. Осень								
9	Антиох I. Дихалк (по типу: Bernard P., 1985, p. 52 (Antiochus I, série IV/6), no. 72, pl. 4; Kritt B., 1996, p. 26 (Antiochus I, type IV 6), pl. 3.*H*; SC, vol. I, p. 157, type 452; vol. II, pl. 75). Рис. III, 4.		6,65	21,4×20,8	VI	Гребень южной стены (юго–западная часть крепости)	Подъем	
	Голова Афины в бактрийском шлеме вправо. Кру́гом точечный ободок. Гурт скошен.	Стоящая влево, в ¾ повороте, крылатая Ника с лавровым венком в правой руке. Кру́гом точечный ободок. По обеим сторонам от изображения, двустрочная (справа налево и сверху вниз) легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ.						

10	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. III, 5.		6,5	21,2×22,4	IV	За восточной стеной крепости. К С. –З. От цитадели	– // –
	Голова бородатого Геракла вправо. Гурт скошен. Штемпель смещен влево. На уровне XII–II ч. следы обруба литника. Изображение потерто.	Скачущий конь вправо, сверху и снизу от изображения двустрочная, частью утраченная легенда: [ΒΑΣΙ]ΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ. Кру́гом точечный ободок.					
11	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. IV, 1.		7,78	22×21,7	VI	Гребень южной стены, близ цитадели	– // –
	То же. На уровне I–II ч. следы обруба литника. Изображение потерто. Точечный ободок не сохранился.	То же. Легенда: [Β]ΑΣΙΛΕΩΣ [Ε]ΥΘΥΔΗΜΟΥ (второе слово полукругом). На уровне XI ч. каверна. Изображение потерто. Точечный ободок сохранился на уровне II–IV ч.					

12	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. IV, 2.		7,35	20,7×19,1	V	Внутр. фас восточной стены крепости у «входа»	– // –
	То же. Изображение потерто. Точечный ободок не сохранился.	То же. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ [Ε] ΥΘΥΔΗΜ[ΟΥ].					
13	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. IV, 3.		7,55	23,1×22,4	IV	Северо–западная часть цитадели	– // –
	То же. Изображение потерто. Точечный сохранился на уровне II–IV ч. На уровне II ч. следы литника.	То же. Легенда: [ΒΑΣΙΛΕΩΣ] [ΕΥΘ] ΥΔΗΜ[ΟΥ].					
14	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. IV, 4.		6,44	21,7×21	– // –	Северо–восточный склон холма цитадели	– // –
	То же. Точечный ободок сохранился на уровне с I по VI ч. На уровне II–III часа следы обруба литника.	То же. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟ[Υ]					

15	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. IV, 5.		8,18	21,3×22	V	Центральная часть крепости, к северу от дороги	– // –
	То же. Изображение потерто. Точечный ободок сохранился на уровне с I по VI. На уровне III ч. следы обрубов литника.	То же. Изображение потерто. Легенда: [ΒΑΣ]ΙΛΕΩ[Σ] [Ε] ΥΘΥΔΗΜΟΥ.					
16	Евтидем I. Дихалк (по типу: IGISC, p. 52, type 87; Bopearachchi O., 1991, p. 160, serié 17, pl. 3–4; Kritt B., 2001, p. 149, AK–1). Рис. V, 1.		9,21	21×21,6	XII	Юго–восточная часть крепости близ раскопа 1	– // –
	То же. Изображение потерто. Точечный ободок не сохранился. На уровне III и VII–X ч. следы обрубов литника.	То же. Точечный ободок сохранился на уровне с I по III ч. Легенда: [Β] ΑΣΙΛΕΩΣ [ΕΥΘ]ΥΔΗΜΟΥ.					

17	Подражание драхмам Гелиокла (по типу: Зеймаль Е.В., 1983а, с. 115–116, группа IV; IGISC, p. 298–299, type 503–505; ISCH, vol. II, p. 218, type A21.1D; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 29, no. 36, pl. 2). Рис. V, 2.		2,25	19,1×17,6	– // –	Ю.–З. угол крепости у дороги	– // –
	Погрудное изображение правителя в диадеме вправо. На шее видны складки плаща. Концы диадемы свисают за головой. Губы и подбородок переданы рельефными точками. Изображение потерто. Штемпель больше монетного кружка.	Стоящий Зевс со скипетром в левой руке и пучком молний в правой. По сторонам от изображения искаженная греческая легенда (справа налево и сверху вниз): […]ΙΛΕ Ո[…] Δ(?) ΙΙΛΕ[…].					

18	Подражание драхмам Гелиокла (по типу: Зеймаль Е.В., 1983а, с. 116, группа VI; IGISC, p. 301, type 507; ISCH, vol. II, p. 218, type A22.1D; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 49, no. 227–237, pl. 9). Рис. V, 3.		3,29	18,1×16,6	– // –	За южной стеной	– // –
	То же. Кру́гом ободок из «перлов» (чередующейся последовательности длинных, горизонтальных и коротких вертикальных штрихов). Штемпель смещен вправо и вверх. На уровне X–XI ч. след обруба.	Шагающий влево конь, с поднятой правой ногой. Грива, сочленения суставов и копыта переданы рельефными точками. Хвост свисает под прямым углом. Под ногами горизонтальная черта. Слева от изображения, в поле, шесть искаженных букв легенды: A/Λ(?) A/Λ(?)IIΛE. Поскольку штемпель больше монетного кружка, искаженные буквы справа от изображения и в экзерге попали под обрез. Можно различить лишь верхние части трех букв в экзерге: […] IIA[…].					

19	Подражание тетрадрахмам Гелиокла (по типу: Зеймаль Е.В., 1983а, с. 113, серия III/1; IGISC, p. 299, type 502–504; ISCH, vol. II, p. 218, type A21.1T; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 29, no. 33, pl. 2). Рис. V, 4.		16,12	32,4×31,1	– // –	Северо-западный угол цитадели	– // –
	То же. Ободок отсутствует. Изображение потерто.	Стоящий Зевс со скипетром в левой руке и пучком молний в правой, под ногами горизонтальная черта. Вокруг головы божества лучистый нимб (различимы три луча). Легенда практически без искажений: [ВА] ΣΙΛΕΩΣ [*Η*]ΛΙ·ΚΛΕ·ΥΣ ΔΙΙΑΙ·Υ. Каппа передана вертикальной чертой, омикрон рельефной точкой. Под пучком молний монограмма					

20	Подражание тетрадрахмам Гелиокла (по типу: Зеймаль 1983а: 113–114, серия III/2; IGISC: 299, type 502–504; ISCH. Vol. II: 218, type A21.1T; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 29, no. 31–32, 34, pl. 2). Рис. V, 5.		16,6	29,5×28	– // –	На гребне северной выносной стены	– // –
	Погрудное искаженное изображение правителя вправо.	То же. Легенда трехстрочная. Справа от изображения можно разобрать – [В]ΑΓ ΙΛΕΛΓ; слева – […] ΠΛΕ[…]; в экзерге – ΔΠΛΙΥ. Каппа передана вертикальной чертой с двумя точками, омикрон отсутствует, сигма «квадратной» формы. Под пучком молний монограмма Ш					
21	“Сотер Мегас” (по типу: Массон М.Е., 1950, с. 18–24, 1–я группа, класс 2; Göbl R., 1993, S. 118, no. 67–71, Taf. 40; Cribb J., 1995/96, p. 114–115, type 5d, fig. 12.*e*; ISCH, vol. II, p. 221, type B17.1D; MacDowall D.W., 2002, p. 168–169, type SM 5; Cribb J., 2014, p. 94–95, phase 2 (?), bust c; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 46, no. 160–171, pl. 7). Рис. ***VI***, 1.						

21	Погрудное изображение правителя (или божества) в плаще, скрепленном на правом плече, вправо. В левой руке зажато копье, от наконечника которого свисают две ленты. Вокруг головы нимб из 9 лучей (некоторые лучи переданы не линиями, а точками). Позади головы тамга . Кру́гом точечный ободок, который сохранился на уровне с IX по I ч.	Всадник вправо. В правой руке боевой топор (клевец – чекан). На голове высокий головной убор, повязанный диадемой, длинные концы которой развеваются за спиной. Под ногами лошади горизонтальная черта, перед грудью лошади тамга, аналогичная тамге на лицевой стороне. Хвост лошади свисает под прямым углом и перевязан узлами, которые переданы рельефными точками. Штемпель больше монетного кружка, поэтому верхняя часть букв круговой легенды попала под обрез. Можно разобрать лишь отдельные буквы 1–го и 2–го слов: [ΒΑΣΙ]ΛΕ[ΥΣ ΒΑΣΙ]ΛΕΩΝ [ΣΩΤΗΡ ΜΕΓΑΣ]. Омикрон и сигма «квадратной» формы.	2,14	13,2×13,4	– // –	– // –	– // –

<table>
<tr><td rowspan="2">22</td><td colspan="2">“Сотер Мегас”
(по типу: Массон М.Е., 1950, с. 18–24, 1–я группа, класс 2; Göbl R., 1993, S. 118, no. 67–71, Taf. 40; Cribb J., 1995/96, p 114–115, type 5c, fig. 12.d; ISCH, vol. II, p. 221, type B17.1D; MacDowall D.W., 2002, p. 168–169, type SM 5; Cribb J., 2014, p. 94–95, phase 3 (?), bust b; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 46, no. 160–171, pl. 7). Рис. VI, 2.</td><td>2,12</td><td>13,9×14,3</td><td>– // –</td><td>На гребне южной стены</td><td>– // –</td></tr>
<tr><td>То же. Вокруг головы 7–лучевой нимб. Кру́гом мелкоточечный ободок, сохранившийся на уровне с IX по I ч.</td><td>То же. Штемпель больше монетного кружка. Различимы только нижние части отдельных букв круговой легенды, не дающие связного чтения.</td></tr>
</table>

23	“Сотер Мегас” (по типу: Массон М.Е., 1950, с. 18–24, 1–я группа, класс 1; Göbl R., 1993, S. 118, no. 72, Taf. 40; Cribb J., 1995/96, p 114–115, type 5b, fig. 12.*e*; ISCH, vol. II, p. 221, type B17.1T; MacDowall D.W., 2002, p. 168–169, type SM 5; Cribb J., 2014, p. 94–95, phase 1, bust c; Jongeward D., Cribb J., Donovan P., 2015, p. 46, no. 160–171, pl. 7). Рис. VI, 3.		8,4	21,8×20,2	– // –	Северное подножие холма цитадели	– // –
	То же. Вокруг головы 10–лучевой нимб. Позади головы тамга 🌢. Монетный кружок растрескивается от центра и до уровня 10 ч. Кру́гом мелкоточечный ободок, сохранившийся на уровне с VI по XII ч.	То же. Штемпель смещен вправо и вверх относительно центра монетного кружка, поэтому круговая легенда большей частью попала под обрез. Буквы легенды «квадратной» формы. Различимы только часть второго и третье слово: [ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣ]ΕΙΛVШN ⵎШТЋР [МЕГАΣ]. Тамга 🌢					

Находки медных монет Антиоха I в Трансоксиане[67]

Таблица 2

Место находки	Монетный тип[68]											
	голова Аполлона в ¾ повороте / Ника вправо, воздвигающая трофей[69]			голова Геракла в львиной шкуре вправо / бык Зебу, идущий вправо[70]			голова Геракла в львиной шкуре вправо / вертикально стоящая палица[71]			голова Афины в коринфском шлеме вправо / Стоящая в ¾ повороте, крылатая Ника влево[72]		
	номинал			номинал			номинал			номинал		
	½	1	2	½	1	2	½	1	2	½	1	2
Северная Бактрия												
Тахти-Сангин («Храм Окса»)					1[73]					5[74]		
Кампыртепа		1[75]			1(?)[76]							

67 Знаком вопроса в таблице отмечены монеты, атрибуция которых вызывает сомнения по следующим причинам: в настоящий момент утеряны; место хранения неизвестно; отсутствуют метрологические показатели (т.е., номинал не определен), фото или прорисовки.

68 Монеты типа: *Олень идущий вправо / Кадуцей,* в данный список не включены, поскольку их атрибуция спорна. Исследователи относят их к чекану Антиоха I, Антиоха II или Диодота I (*Атаходжаев А.Х.,* 2013, с. 259, прим. 62).

69 Bernard P., 1985, p. 41–43 (Antiochus I, séries IV/1–2), no. 14–23, pl. 2; Kritt B., 1996, p. 25–26 (Antiochus I, type IV 1–2), pl. 3.D; SC, vol. I, p. 157–158, type 455–460; vol. II, pl. 75.

70 Bernard P., 1985, p. 43–45 (Antiochus I, série IV/3), no. 24–59, pl. 2–3; Kritt B., 1996, 26 (Antiochus I, type IV 3), pl. 3.E; SC, vol. I, p. 155, type 441–442; vol. II, pl. 74–75.

71 Kritt B., 1996, p. 36, pl. 4.L; SC, vol. I, p. 156, type 445–446; vol. II, pl. 75.

72 Bernard P., 1985, p. 52 (Antiochus I, série IV/6), no. 72–75, pl. 4; Kritt B., 1996, p. 26 (Antiochus I, type IV 6), pl. 3.H; SC, vol. I, p. 157, type 452–454; vol. II, pl. 75.

73 Zeymal E.V., 1997, p. 101, no. 128.

74 Zeymal E.V., 1997, p. 104–106, no. 329, 337–339, 353.

75 Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 183, 198, № 1.

76 В первой публикации данной монеты (Ртвеладзе Э.В., 1989), изображение по ошибке заменено фотографией халка Евтидема. В настоящее время, после очистки монеты, изображение на О.с. неразличимо (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 183, прим. 12; с. 198, № 2).

Хаитабадтепа											1(?)[77]	
Старый Термез		1(?)[78]									1(?)[79]	
Узундара												1[80]
Денау								1(?)[81]				
Согдиана[82]												
Афрасиаб	2[83]	4[84]		1[85]	3[86]		2[87]	1[88]		1[89]		
Окрестности г. Самарканда (левый берег Даргома)							1[90]					

77 Случайная находка, нынешнее местонахождение и номинал неизвестны. Из авторского описания: «Л.с. Голова Афины (?) вправо. Различимы лишь верхняя часть прически из прямых волос, глазная впадина, набровные дуги, переносица, нижний контур подбородка. О.с. Неразличима, в нижней части сохранились буквы: ...ΤΙΟ.... Частично верхняя часть буквы “Χ”» (Абдуллаев К., 2006, с. 108, № 4), трудно определить, к какому именно типу меди Антиоха I относится данная монета. Афина на бактрийских выпусках всегда изображалась в шлеме (т.е. без «прически из прямых волос»), а легенда «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ», где первое слово сверху, а второе снизу по отношению к изображению, присутствует только на халках типа: *голова Геракла в львиной шкуре вправо / бык Зебу идущий вправо*.

78 Место находки монеты неизвестно. Фото одной монеты было любезно показано Ш.Р. Пидаевым одному из авторов данной статьи. Номинал неизвестен.

79 В сентябре 2014 г. во время проведения международной конференции «Цивилизации Амударьи в системе мировой культуры» изображение данной монеты было показано в презентации доклада П. Лериша – руководителя французской археологической миссии, изучающей Чингизтепа. Номинал неизвестен.

80 См. выше, Табл. 1, № 9.

81 Находилась в коллекции В.П. Турчинского (Зеймаль Е.В., 1983в, с. 67, № 14, табл. XIII.II), нынешнее местонахождение и номинал неизвестны.

82 В список не включен «халк Антиоха I» из Бойсарытепа (Абдуллаев К., 2006, с. 108, № 3). Как оказалось, этот экземпляр представляет собой монету не известного ранее типа: *краб / пчела* (Атаходжаев А.Х., 2013, с. 263, № 46).

83 Атаходжаев А.Х., 2013, с. 259, 266, № 29; Атаходжаев А.Х., Рапен К., Хасанов М.Х., 2014, с. 96, рис. 4.

84 Атаходжаев А.Х., 2013, с. 258–259, 266, №№ 25–28.

85 Атаходжаев А.Х., 2013, с. 256, 266, № 14.

86 Атаходжаев А.Х., 2013, с. 256, 266, №№ 15–17.

87 Атаходжаев А.Х., 2013, с. 257, 266, №№ 19, 22.

88 Атаходжаев А.Х., 2013, с. 257, 266, № 20.

89 Атаходжаев А.Х., 2013, с. 257, № 23 (в подписи к иллюстрации на стр. 266, ошибочно указано – № 22).

90 Атаходжаев А.Х., 2013, с. 257, 266, № 21.

Сангиртепа			1[91]									
г. Джизак					1(?)[92]							
Окрестности Варахши		1[93]										
Всего	10			5 (7?)			5			8 (9?)		

91 Атаходжаев А.Х., Рапен К., Хасанов М.Х., 2014, с. 93–95, рис. 2.

92 Информация об этой монете приведена Э.В. Ртвеладзе со ссылкой на сведения Д.В. Бирюкова (Ртвеладзе Э.В., 2002, с. 163). Эти же сведения приводит и А.И. Наймарк (Наймарк А.И., 2005, с. 130 № 6). А.Х. Атаходжаев, также сообщая их в своей статье (уже и с метрическими данными!), добавляет, что описание данной монеты приведено в каталоге монет нумизматической коллекции Национального банка Узбекистана (Атаходжаев А.Х., 2013, с. 257, 266, № 18). На самом деле в указнном каталоге представлены две серебренные *тетрадрахмы* Антиоха I (Catalogue 2001: 14, no. 2–3). Само наличие этого «фантомного» *халка*, как и местонахождение, если он все–таки существует, в настоящий момент неизвестны, по этой причине в общий список он не включен.

93 Наймарк А.И., Яковлев А., 2011, с. 27–29; Naimark A., Yakovlev A., 2011, p. 7, no. 1; Атаходжаев А.Х., 2013, с. 258, 266, № 24.

Находки медных монет Евтидема I в Северной Бактрии

Таблица 3

Северная Бактрия				
Южный Узбекистан			Южный Таджикистан	
Приамударьинская зона	Долина р. Шерабаддарьи	Долина р. Сурхандарьи	Долина р. Кафирниган	Долина р. Вахш
Старый Термез – 8[94]	Узундара – 14[95]	Дальверзинтепа – 2[96]	Шахринау – 2[97]	Тахти–Сангин («Храм Окса») – 17[98]
Кампыртепа – 11 (12?)[99]	Джандавляттепа – 2[100]	–	Тамошотепа – 1[101]	–
Шортепа – 1[102]	Хаитабад – 1[103]	–	Тепаи–Шах – 1[104]	–
–	Зартепа – 1 (3?)[105]	–	Гиссарский канал – 1[106]	–
19 (20?)	18 (20?)	2	5	17

94 Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 45, №№ 2–5; Пидаев Ш.Р., 1991, с. 223; Pidaev Sh., 2003, p. 14, fig. 9 (ранний выпуск); Абдуллаев К., 2006, с. 107–108, №№ 6–7. Фото из архива Ш.Р. Пидаева, которому автор выражает свою искреннюю признательность.

95 См. выше, Табл. 1, №№ 1–7, 10–16.

96 Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др., 1978, с. 228, № 1, рис. 159.1; Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 45, № 1 (ранний выпуск); Дальверзинтепа, 1996, с. 42, № 63, с. 242, № 1, рис. 228–229 (ранний выпуск).

97 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 52, №№ 50 (поздний выпуск), 51 (ранний выпуск).

98 Zeymal E.V., 1997, no. 129, 321, 327–328, 330–335, 341, 346–348, 354, 368, 357.

99 Помимо восьми опубликованных монет (Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н., 2011, с. 188–189, 200–201, №№ 7–14; все монеты ранних выпусков), в 2013 г. на Кампыртепа были найдены две эллинистические монеты, обе со скошенным гуртом. Одна из них, крайне плохой сохранности, не определена, вторая представляет собой *дихалк* Евтидема (В – 6,34 г, Д. – 21,1×19,9 мм, Оси – V ч.). В 2014 г. найдены еще две монеты Евтидема – *гемихалк* и *дихалк* ранних выпусков.

100 Huff D., Pidaev Ch., Chaydoullaev Ch., 2001, p. 220 (ранний выпуск); Abdullaev K., 2011, p. 172–173, no. 1, fig. 3.5.1–2 (ранний выпуск).

101 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 52, № 48.

102 Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 45, № 6.

103 Абдуллаев К., 2006, с. 108, № 8 (ранний выпуск).

104 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 52, № 49.

105 Смирнова Н.М., 2005, с. 146, №№ 32 (?), 35 (?), 36 (ранние выпуски).

106 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 52, № 52.

Находки подражаний монетам Гелиокла в Северной Бактрии[107]

Таблица 4

Южный Узбекистан		
Долина р. Шерабаддарьи	*Долина р. Сурхандарьи*	*Правобережье р. Амударьи (район Термеза)*
Аккурган – 11[108]	Бараттепа – 4[109]	Айртам – 4[110]
Джандавляттепа – 7[111]	Дальверзинтепа – 5[112]	Мирзакултепа – 9[113]
«Железные ворота» – 1[114]	Занг – 1[115]	Кампыртепа – 19[116]
Узундара – 4[117]	Зартепа – 13 (?)[118]	Термез – 7[119]
Мунчактепа – 1[120]	Хаитабадтепа – 1[121]	Фаязтепа – 3[122]

107 Автор данной статьи, в недавней публикации посвященной подражаниям монетам Евкратида, допустил ряд досадных ошибок в таблице «находки подражаний монетам Гелиокла из Северной Бактрии» (Горин А.Н., 2014а, с. 88–89, приложение 1). Приводим исправленный вариант данной таблицы.

108 Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 50–51, 55–56, №№ 21, 29 (группа III); клад: №№ 51–57 (группа III, V–VI (?)).

109 Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 49–51, №№ 13–14, 20, 24 (группа III).

110 Пугаченкова Г.А., 1967, приложение, №№ 1–4, рис. 3–5; Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 49–51, №№ 4, 11, 19, 32 (группа III).

111 Абдуллаев К., Станчо Л., 2004, с. 23; Абдуллаев К., Станчо Л., 2006, с. 14; Abdullaev K., 2011, p. 173–174, no. 5 (серия III/1), 6 (серия III/2), 7–10 (группа III/?), 11 (группа V), fig. 3.5.9–20.

112 Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др., 1978, с. 228, №№ 2–5, рис. 159.1–2; Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 49, 52, №№ 12, 16, 34, 38 (группа III), 39 (группа V); Горин А., 2012, с. 186, № 21 (группа III).

113 Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 50, № 17 (группа III); Пидаев Ш.Р, 1990а, с. 32–33, №№ 1–8 (группа III), № 9 (группа IV).

114 Абдуллаев К., 1999, с.369, 375, прим. 16.

115 Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 53, № 43 (группа III).

116 Аюпова Ф., Горин А., 2001, с. 129, табл. 1, №№ 1, 3–4, 7–12 (группа III), 2, 5–6, 13 (группа IV); Ртвеладзе Э.В., Горин А., 2003, с. 159, 167, №№ 16 (группа VI), 83–84 (группа III); Двуреченская Н.Д., 2013, с. 351 (приложение, №№ 1, 5), 370, рис. 25.1, 5; вкл. 16, 1 (группа IV, VI). Еще одна неопубликованная монета была найдена в 2014 г.: В – 12,22 г. Д. – 31,5×30,5 мм (группа III).

117 См. выше: Табл. 1, №№ 17 (группа IV), 18 (группа VI), 19 (серия III/1), 20 (серия III/2).

118 Альбаум Л.И., 1960, с. 37, №№ 1–2 (группа III–IV), рис. 22.1–2; Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 48, 55, №№ 7, 50 (группа III); Пидаев Ш.Р., 1990б, с. 54; Завьялов В.А., 2008, с. 247, 252, 256–257 (приложение № 2): раскоп 6, домовладение «Б»: № 3 (группа III); домовладение «В»: №№ 56, 96, 98–99, 105–107 (группа III); улица «внутриквартальная»: № 10 (группа III).

119 Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 51–54, №№ 31, 42, 45 (группа III). В это число вошли монеты, найденные в близлежащей округе Термеза (№№ 46–49).

120 Неопубликованная монета из раскопок 2004 г. археологической экспедиции Международного караван–сарая культуры Икуо Хироямы, Академии художеств Республики Узбекистан (Ташкент). В. – 13,1 г. Д. – 29×31,9 мм. Оси – XII ч. (группа III). Выражаю свою искреннюю признательность К.А. Шейко – руководителю раскопок, за любезно предоставленную информацию об этой монете.

121 Ртвеладзе Э.В., 1974, с. 79; Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 50, № 22 (группа III).

122 Альбаум Л.И., 1990, с. 26.

Паёнкурган – 1[123]	Халчаян – 6[124]	Хатын–Рабат – 2[125]
Талашкантепа – 2[126]	Шералитепа – 6[127]	–
Худоидоттепа – 1[128]	Ялангтуштепа – 1[129]	–
Шортепа – 4[130]	–	–
Дабиль–Курган – 3[131]	–	–
35	37	44

123 Абдуллаев К., 1999, с. 369, 375, прим. 16; Абдуллаев К., 2004, с. 12.

124 Пугаченкова Г.А., 1966а, с. 111–113, рис. 74.б; Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 48–49, 51–52, №№ 8, 15, 25, 30, 35–36 (группа III–IV).

125 Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 49, №№ 9–10 (группа III).

126 Ртвеладзе Э.В., 1974, с. 75; Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 51, №№ 26–27 (группа III).

127 Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 47–51, №№ 2–3, 5–6, 17, 28 (группа III).

128 Горин А., 2008, с. 262, № 8 (группа IV).

129 Горин А., 2011, с. 88, рис. 18.2 (группа IV).

130 Пугаченкова Г.А., 1967, приложение, №№ 18–20, рис. 3–5; Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р., 1981, с. 47, 50–52 №№ 1, 23, 33, 37 (группа III–IV), 40 (группа VI).

131 Неопубликованные монеты из раскопок С.Б. Болелова (ГМИНВ, Москва) в 2003 г.: В. – 11,18 г. Д. – 27,8 мм. Оси – XII ч. (группа III); и В.С. Соловьева (ЕГУ им. Бунина, Елец) в 2014 г.: В – 13,73; 12,04 г; Д. – 30,8×30,4; 27,9×28,4 мм; Оси – XII ч. (группа III).

Таблица 4 (продолжение)

Южный Таджикистан[132]			
Долина р. Вахш	*Гиссарская долина*	*Долина р. Кызылсу*	*Куляб*
Тахти–Сангин («Храм Окса») – 3[133]	городище Чим-курган – 3[134]	Тепаи–Шоид – 1[135]	Саксанохур – 1[136]
Уштур–мулло – 1[137]	В 6 км к востоку от Гиссарской крепости – 170[138]	–	–
Яванское городище – 4[139]	к. Симиганч – 1[140]	–	–
городище Турткуль – 1[141]	Душанбе – 274[142]	–	–
–	Шахринау – 6[143]	–	–
–	Калаи–Шадмон – 1[144]	–	–
9	14	1	1

132 Помимо нижеприводимых в таблице монет, с территории Таджикистана происходит еще 3 монеты, место находки которых неизвестно. См.: Зеймаль Е.В., 1983а, с. 126–127, табл. 13–14, №№ 5б (серия III/3), 6 (серия III/4), 9 (серия III/5).

133 Zeymal E.V., 1997, p. 102–103, 107, no. 158 (серия III/5), 263 (группа VI), 369 (группа IV).

134 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 127–128, табл. 14–15, №№ 12 (серия III/5), 17 (серия III/6), 21 (группа VI).

135 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 127, табл. 14, № 14 (серия III/5).

136 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 126, табл. 13, № 4 (серия III/3).

137 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 127, табл. 14, № 18а (группа IV).

138 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 128, табл. 15, № 20 (группа VI).

139 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 126, табл. 13, №№ 3, 5а (серия III/3), 7–8 (серия III/4).

140 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 127, табл. 14, № 13 (серия III/5).

141 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 127, табл. 14, № 16 (серия III/6).

142 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 126, табл. 13, №№ 1–2 (серия III/3).

143 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 126–128, табл. 13–15, №№ 5 (серия III/3), 10–11 (серия III/5), 19 (группа V), 23–24 (группа VI).

144 Зеймаль Е.В., 1983а, с. 127, табл. 14, № 18 (серия III/6).

Б.А. Байтанаев

КАРАСПАНСКИЙ МЕДАЛЬОН

Настоящая публикация вводит в научный оборот артефакт – медальон, найденный в ходе археологических раскопок Борижарского некрополя VI-VIII вв. Установлено, что аналогичный медальон относится к позднекушанскому времени. Далее делается попытка рассмотреть вопрос о возможной датировке медальона, на основании сравнения иконографии изображения на нем с аналогичными изображениями на монетах Кушан.

Ключевые слова: Караспантобе, Борижарский некрополь, медальон, монеты, Кушаны, Хувишка

Городище Караспантобе расположено в среднем течении реки Арысь в Южном Казахстане и отождествляется исследователями со средневековым городом Арсубаникет, известным по письменным источникам домонгольского периода[1]. В послемонгольское время город носит другое название – Карасаман и Халадж Карасман (Подробней см.: Байтанаев Б.А., 2003, с. 62-73).

На протяжении ряда лет по Государственной программе «Культурное наследие» на Караспантобе проводились исследования, которые выяснили особенности его городской планировки, стратиграфии и типологии. Вместе с тем, изучалась и периферийная часть памятника, куда вошел и некрополь. Все это позволило утверждать, что Караспантобе в прошлом был крупным средневековым городским центром.

В 2009 году исследовались наусы (наземные склепы) Борижарского некрополя, расположенные небольшой группой к югу от городища

1 Географические координаты – 42 T 503806 UTM 4703783

Рис. 1. Караспанский медальон

Караспантобе[2]. В процессе раскопок одного из погребений был получен «стандартный» комплекс находок: керамика, изделия из камня, металла и чрезвычайно редкий медный медальон. На дне склепа, вымощенного битой керамикой, располагался потревоженный грабителями костяк человека с признаками искусственной деформации черепа. Аналогичные находки из данного науса имеются в погребальных комплексах самого Борижарского некрополя, исследованного ранее (Жуантобинская часть некрополя) (Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., 2005, с. 97-128) могильника городища Сидак VI-VIII вв. и не только (Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., 2005, с. 129-133), что позволило уверенно датировать по аналогиям находок весь археологический комплекс данного захоронения VI-VIII вв., кроме медальона, на котором следует остановиться более подробно.

Медальон был обнаружен под черепом захороненного, который, в отличие от основного костяка, находился в погребении in site и принадлежал при жизни, несомненно, усопшему. Он медный, изготовлен в специальной круглой (диаметр 45 мм) литейной форме и имеет в лицевой части рельефное (толщина 2-3 мм) изображение. Оборотная сторона медальона гладкая, на ней имеется характерная для пуговиц дуговидная петля (20×5×3,5мм), расположенная параллельно изображению лицевой стороны.

2 Географические координаты – 42 T 504280 UTM 4702788

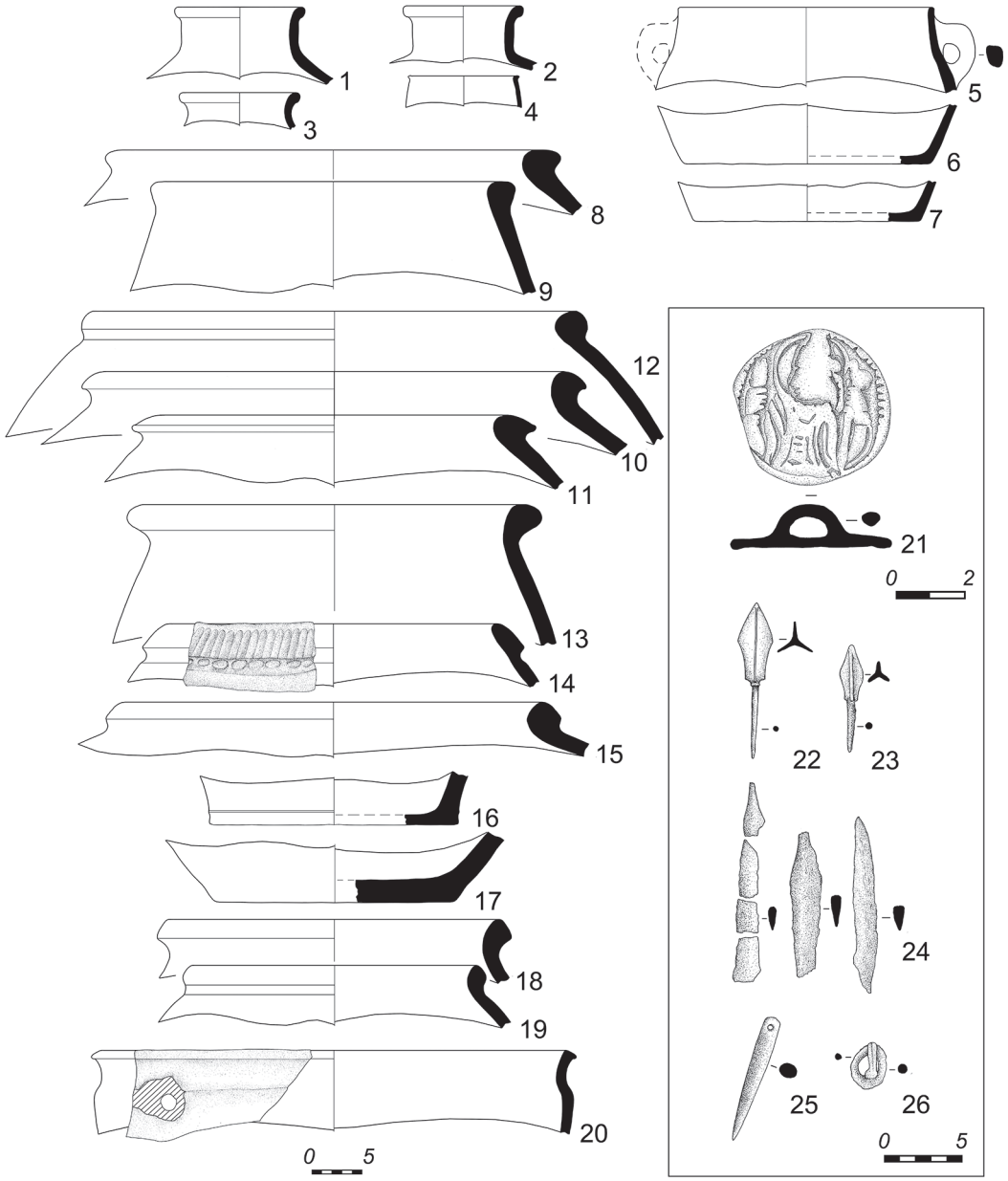


Рис. 2. Комплекс находок караспанского науса

Иконография предмета заслуживает особого внимания. На лицевой стороне рельефное поясное изображение человека с контурным нимбом. Голова повернута влево. Судя по износу, предмет был в длительном употреблении, вследствие чего детали головного убора и лица затерты и

поэтому слабо различимы. В профиле силуэта можно разглядеть головной убор, возможно, шлем(?). У затылка заметна опущенная вертикально скрученная лента головного убора, на что указывает ее основание, где обозначен выступающий узел. Складками выделена одежда, очевидно, кафтан. Обе руки согнуты в локте, расположены вертикально и сжимают в ладонях предметы. В левой ладони зажат шест, возможно, штандарт или копье. Верхнее основание шеста напоминает силуэт сидячей птицы. Правая рука сжимает вертикально расположенный предмет, похожий на жезл с навершием(?). Внешнее основание медальона выделено контуром с поперечными надрезами.

Рис. 3. Золотая монета хувишки

Поиски аналогии привели нас в мир Кушан, их монетному наследию. Близкий по форме, размеру и иконографии медальон был обнаружен в 1976 году В. А. Завьяловым во время раскопок квартала позднекушанского времени городища Зартепе. Эта находка тогда подтвердила рабочую гипотезу Р. Гёбля, приобретшего в 1962 году схожий медальон на базаре Пешевара и высказавшего предположение, что прототипами подобных медальонов являются кушанские правители, изображенные на золотых монетах Хувишки (Завьялов В.А., 1979, с. 151).

Возможно, прототипом Караспанского медальона также является золотой чекан Хувишки. Во всяком случае, параметры размеров Караспанского медальона соответствуют размерам медальона из Зартепе. По классификации Е.В. Зеймаля, золотые монеты Хувишки имеют 12 фаз чекана и два хронологических периода (период А и период Б).

Иконография Караспанского медальона, в соответствии с исследованиями Е.В. Зеймаля, характерна для периода Б (5-12-я фазы чекана), где обязательным является наличие контурного нимба вокруг головы царя, одежды в виде кафтана и сопутствующая атрибуция – жезл с навершием в правой руке, копье в левой руке, подпертое плечом, головной убор с бантом или лентой в затылочной части и др. (Подробней см.: Зеймаль Е.В., 1969, с. 55-86; Зеймаль Е.В., 1983, с. 205-211, табл. 23).

Остается открытым вопрос датировки Караспанского медальона. Наличие в погребении сопутствующего археологического материала (керамика, изделия из камня, металла) VI-VIII вв. не позволяет датировать данный медальон позднекушанским временем, как это сделано было ранее на основании изучения культурных слоев городища Зартепе В.А.

Завьяловым. К тому же собственно сама хронология чекана монет правителей позднего периода Кушанской империи имеет в историографии ряд спорных дат и гипотетических допущений. Это обстоятельство не позволяет точно установить исследователям абсолютные даты чеканов золотых монет Хувишки, и следует согласиться с мнением Э.В. Ртвеладзе, установившего на основе анализа различных источников временной ряд существования монет, соответствующий, несомненно, временным рамкам Кушанского царства в пределах второй трети I в. н.э. – первой половины III в. н.э. В середине этого ряда укладываются чеканы монет Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки (Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В., 1990, с. 54-56).

Традиция изображать правителей на основе прототипа монетного чекана наблюдается и позже в торевтике Восточного Ирана. Показательным в этом отношении является эфталитская серебряная чаша V в. из Чилека и Пенджабская чаша из британского музея. В середине дна этих чаш помещено погрудное изображение мужчины, изготовленное по портретному аналогу эфталитских монет (Маршак Б.И., Крикис Я.К., 1969, с. 67-68).

Караспанский медальон, очевидно, так же, как и золотые монеты Хувишки, бытовал длительное время и, возможно, передавался по наследству. Он был похоронен вместе с последним его хозяином, который, вероятно, являлся представителем местной аристократии или имел особый социальный статус в обществе, подчеркнутый наличием данного медальона.

Литература

Байтанаев Б.А. Древний Испиджаб: Средневековые города Южного Казахстана на Великом Шелковом пути: Издание второе, переработанное и дополненное. Шымкент-Алматы, 2003.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.

Завьялов В.А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975-1976 // Советская археология. 1979. №3.

Зеймаль Е.В. Монеты великих Кушан в Государственном Эрмитаже // Труды Государственного Эрмитажа. Т.IX. 1969.

Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе,1983.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент. 1990.

Маршак Б.И., Крикис Я.К. Чилекские чаши // Труды Государственного Эрмитажа. Т.X. 1969.

Г. Бабаяров

ТАМГИ НА ДОИСЛАМСКИХ МОНЕТАХ ОТРАРА

В статье рассматриваются монеты доисламского периода, выпускавшиеся в Отраре. Особое внимание уделено тамгам и надписям. В статье собрана информация обо всех видах тамг – трех, которые встречаются на продукции монетного двора Отрара, известных на сегодняшний день. Одна из тамг на отрарской монете рассматривается как тамга Тюргешского каганата. Приводятся изображения монет. Соответственно, свои выводы автор основывает на изучаемом нумизматическом материале.

Ключевые слова: Отрар, Южный Казахстан, монеты, тамги, Западно-Тюркский каганат, Тюргешский каганат.

Известный на сегодня нумизматический материал показывает, что к доисламским монетам Отрара следует отнести пять типов монет, из которых два типа имеют легенды (с титулом “Тутук Алп-кагана” и тамгой в форме ⋉), выполненные согдийском письмом, а три – анэпиграфные: 1) с тюргешскими тамгами – 👁; 2) с изображением льва (с тамгой в форме ⊨/⊨); 3) с парным портретным изображением (с тамгой ⋉) (рис. I).

Итак, эти монеты следующие (все прорисовки монет, которые приводятся ниже, принадлежат нумизмату В. Шагалову):

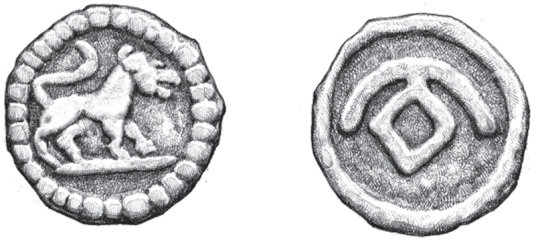
Тип I. Монеты с изображением льва[1]

1 За критерий типа здесь приняты изображения и надписи на каждой стороне монеты. Если изображение на одной стороне монеты изменено (будь то тамга, содержание надписи и т.п.) – это означает, что монета другого типа.

Л.с. Ободок круговой точечный. Изображение идущего вправо льва. Грива передана крупными завитками. S-образный хвост заполняет пространство над спиной. Под лапами у льва прямая черта.

О.с. Ободок круговой точечный. В центре поля – тамга в форме ⋉, вокруг которой согдийская легенда в две строки, выполненная полукурсивом и читаемая против часовой стрелки. Первая строка легенды начинается в точке 8 часов и предварительно читается как*'wkwrtyk? 'δpw x'γ'n twtwx – член рода/династии тутук Алп-кагана*. Вторая строка начинается в точке 10 часов и предположительно читается как *ZN(H) 'wk/n (β)γ(') n 'nwt – Это'wk/n божественная опора*.

Тип II. Монеты с изображением льва и тамгой Тюргешей. Анэпиграфные



Л.с. Ободок круговой точечный. В поле: изображение идущего вправо льва. Грива передана крупными завитками. S-образный хвост заполняет пространство над спиной. Под лапами у льва прямая черта.

О.с. Ободок круговой линейный. В поле: тамга в форме , идентичная тамгам, занимавшим место на монетах Тюргешских каганов.

Тип III. Монеты с изображением льва. Анэпиграфные

Л.с. Ободок круговой линейный. В поле изображение идущего вправо льва. Грива передана крупными завитками. S-образный хвост заполняет пространство над спиной. Под лапами у льва прямая черта.

О.с. Ободок круговой линейный. В поле: тамга в форме (или).

Тип IV. Монеты с квадратным отверстием и титулом
Алп-каган Тутук

Вариант 1.

Л.с. Ободок круговой линейный. В центре: узкой линией изображен квадрат, в котором пробито квадратное отверстие. Вокруг размещена согдийская легенда. Справа от квадратного отверстия тамга в форме ⋈. Легенда начинается в точке 1 час и читается против часовой стрелки как *'δpw x'γ'n twtwx – Тутук Алп-кагана*.

О.с. Сквозное квадратное отверстие в центре. Поверхность гладкая.

Вариант 2.

Л.с. Ободок круговой линейный. В центре: узкой линией изображен квадрат, в котором пробито квадратное отверстие. Вокруг размещена согдийская легенда. Справа от квадратного отверстия тамга в форме ⋈. Легенда начинается в точке 1 час и читается против часовой стрелки как *'δpw x'γ'n twtwx – Тутук Алп-кагана*. От предыдущего варианта данная монета отличается тем, что тамга расположена усиками не к ободку, а к изображенному квадрату.

О.с. Сквозное квадратное отверстие в центре. Поверхность гладкая.

Тип V. Монеты с парным портретом

Л.с. Ободок круговой точечный. В поле: погрудное изображение правящей четы – правителя и правительницы.

О.с. Ободок круговой линейный. Посередине тамга в форме ⋈.

Одним из вопросов, связанных с доисламскими монетами Отрара, является наличие на о.с. анэпиграфных монет Отрара с изображением барса тамги в форме 👁 (рис. I, *2*), которая нашла свое отражение на о.с. монет Тюргешского каганата (699–766). Как известно, данная тамга, занявшая место на согдоязычных монетах Тюргешского каганата и других археологических памятниках (наскальная живопись, керамика и др.), найденных в своем большинстве на центральной территории Семиречья, таких городищах, как Ак-Бешим (Суяб), Красная речка и в их округе, по мнению абсолютного большинства исследователей, является тамгой правящего рода Тюргешей и их государства.

В отличие от монет Западно-Тюркского каганата (568-740), на которых представлены различные варианты лирообразной тамги (*Бабаяров Г., Кубатин А.,* 2011, с. 295–303), на монетах Тюргешского каганата имеется лишь одна основная тамга, занявшая место на монетах с квадратным отверстием посередине по китайскому образцу и с согдийской легендой *βγy twrkwš x'γ'n pny* –"Божественный/Господин Тюргешский каган", а также на нескольких типах монет тюргешского круга из Семиречья [например, на т.н. монетах Тухусов (Тухси)] (Смирнова О.И., 1981, с. 397–400). Кроме того, надчекан в виде тамги Тюргешей был выявлен на Сасанидских серебряных монетах из Тохаристана (Баратова Л.С., Лившиц В.А., 2002, с. 21–26). Наличие на этих монетах, наряду с данной тамгой, также надчекана согдийском письмом *x'γ'n*– "каган" позволяет говорить, что тюргешские каганы, подобно правителям западных тюрок (надчеканы с титулами *каган*, *тегин* и *тархан*), посредством надчеканов узаконивали хождение Сасанидских монет на территории своего государства (как минимум, на территории Тохаристана, являвшегося их вассалом). Но не исключена возможность того, что надчеканы были проставлены правителями Тохаристана на имя своих сюзеренов.

Итак, каким образом можно объяснить наличие тамги тюргешей на монетах Отрара? Во-первых, следует отметить, что наличие на монетах с данной тамгой изображения барса, характерного для монет Отрара, но не характерного для монет тюргешей и их круга, которые чеканились по китайскому образцу, позволяет относить их к Отрару. Это подтверждается также и тем, что большинство находок монет этого типа происходит

с городищ на территории бассейна средней Сырдарьи (Бурнашева Р.З., 2010, с. 327–336).

Наличие тамги тюргешей на монетах правителей Отрара более логично объяснить следующим образом. Так, в последние годы было выявлено, что доисламские монеты Средней Азии, в частности, часть монет Чача, Согда и Тохаристана чеканились с присущей для них традиционной тамгой, происхождение которой связано с предыдущими эпохами, а часть с тамгами, связанными с западными тюрками. Например, в Чаче чеканились монеты наряду с тамгой в форме , также с тамгами в форме и . Монеты с первой тамгой были чеканены местной династией Чача, а с другими тамгами – Тудунами и Тегинами Чача соответственно. Кроме того, в ту же эпоху в Чаче чеканились монеты с тамгами в форме / / , / , чекан которых связан не с правителями Чача, а с Западно-Тюркским каганатом (Бабаяров Г., Кубатин А., 2011, с. 295–303).

Схожая ситуация наблюдается и в Согдийской конфедерации. На ряде монет Панча (в частности, на монетах с квадратным отверстием посередине), который являлся одним из владений Согда, вместе с выражениями *pncy MR'Y – Правитель Панча* или *pncy – Панч* заняли место тамги в форме , , , , происхождение которых, с большой долей вероятности, можно связать с тамгами в форме / / (или / /), нашедших отражение на собственных монетах Западно-Тюркского каганата, чеканенных в Чаче. Основанием для этого предположения являются монеты с тамгами в форме , , , (или , , ,), большинство находок которых происходят с Самарканда и Пенджикента, а также их округи. Хотя до сих пор не выявлено, с каким владением связан их чекан, но близость их с монетами Западно-Тюркского каганата в иконографическом плане, а также сходство тамг позволяет считать, что, возможно, их чекан связан с тюркскими династиями Согда.

Таким образом, можно предполагать, местные династии и династии тюркского происхождения Согда чеканили монеты как на свое имя, так и на имя своих сюзеренов. Представители местной династии Самарканда чеканили монеты с традиционной тамгой Самарканда в форме , на части которых занял место их традиционный титул *MLK'= Ихшид*. Наличие монет на части монет Самарканда с этой тамгой, наряду с термином *xwβ – Правитель*, титула *x'γ'n – каган*, позволяет говорить, что эти монеты были чеканены местными правителями именем своих сюзеренов – Западно-Тюркских каганов, или же династией тюркского происхождения, установившей власть в Согде. Так, это подтверждается и тем, что на аверсе нескольких типов монет с У-образной тамгой заняло место

изображение правителя с чертами, характерными для древних тюрок, а на реверсе этих монет имеются согдийские легенды с выражениями *xwβ twrnyn – Правитель Турнин* или *Туранский правитель ,xwβ twrnyn x'γ'n – Правитель Турнин*. *Каган* или *Туранский правитель каган* (Бабаяров Г., Кубатин А., 2012, с. 11–23) (прежнее чтение *xwβ twrk – Сильный правитель* или *Государь Турак* (Смирнова О.И., 1981, с. 92-93; Лившиц В.А., 1986, с. 39, 45).

Если считать, что вышеупомянутое положение было присуще также и Отрару той эпохи, то можно сказать, что на первом этапе Тутуки Отрара чеканили монеты на имя своих сюзеренов – Западно-Тюркских каганов, а затем, когда они стали подданными Тюргешских каганов, стали чеканить свои монеты с их тамгой в качестве политического акта, указывающего на зависимость Отрара от Тюргешского каганата. При этом следует отметить, что О.И. Смирнова в свое время также считала, что сочетание тюргешской тамги с изображением льва на монетах Отрара могло иметь место только в двух случаях: если эти монеты принадлежали тюргешам, заимствовавшим для своих монет тип лицевой стороны у своих предшественников в районе, или если они были выпущены местными аборигенами, признавшими свою зависимость от тюргешей и, соответственно, поместившими на своих монетах тамгу своего сюзерена. При этом отмечая, что разрешить этот вопрос предстоит в будущем (Смирнова О.И., 1981, с. 56–57). Как показывает материал, верным оказалось второе предположение исследовательницы.

Таким образом, три типа монет – два типа с титулом *Тутук Алп-кагана* (1. с изображением льва/барса; 2. с квадратным отверстием в центре) и с парным портретом, на которых заняла место тамга в форме , можно считать монетами Отрарского владения первого этапа, которые были чеканены в эпоху Западно-Тюркского каганата. Тип монет с тамгой в форме и изображением льва/барса следует относить к монетам Отрара второго этапа, а время их чекана к периоду Тюргешского каганата. Среди монет Отрара особняком стоят монеты с тамгой в форме (или) (рис. I, *3*). Однако дать ответы на вопросы: когда были чеканены эти монеты, к периоду какого из двух упомянутых выше каганатов следует их относить, на сегодня пока не представляется возможным.

Итак, здесь уместен вопрос, имеются ли параллели тамге в форме (или //), которая считается собственным символом владения Отрар, в памятниках материальной культуры Средней Азии и соседних с ней регионов? Первым делом следует отметить, что идентичные тамги на согдоязычных доисламских монетах других историко-культурных

Рис. 1. Доисламские монеты Отрара

областей Средней Азии отсутствуют. Частично схожая по форме с тамгой Отрара тамга в форме (или) заняла место на монетах Согда с изображением парного портрета правящей четы, чекан которых предположительно относится к Панчу или Самарканду (Бабаяров Г., Кубатин А., 2012, с. 11–23).

Кроме монет, тамга в форме (или), которая проявляет очень близкое сходство с тамгой на монетах Отрара, заняла место среди тамг, найденных на поверхности скал хребта Каратау (Шавгар/Карачук) (Самашев З. ..., 2010, с. 100), который являлся северной границей владения Отрар. Большое сходство, а также учитывая то, что, кроме Алтая, подобные тамги не встречаются в других регионах, позволяет связывать эту тамгу с Отраром. Хотя среди наскальных рисунков Алтая (совр. Горный Алтай, Россия) тамги в форме (или), (или) встречаются редко (Ямаева Е.Е., 2004, с. 37, 43), однако велика вероятность того, что тамги этого типа связаны с древними тюрками.

Заслуживает внимания и тот факт, что частично схожая тамга в форме и ее различные варианты выявлены на обширной территории от Монголии до Восточной Европы (Северный Кавказ, Причерноморье,

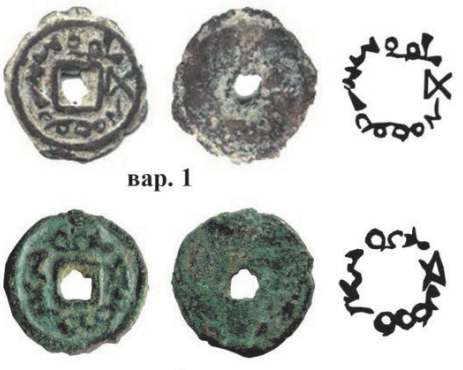
1 2

x	w	t	w	t	n	’	γ	’	x	w	p	δ	’	k	y	w / t	r / k	w	r / k	w	t / ’	№
																						1
																						2

стр. 1

t	w	n	’	n	’ (?)	γ (?)	β (?)	n / k	w	’	H(?)	N	Z	№
														1
														2

стр. 2



вар. 1

Рис. 1-b. Прорисовка легенд Отрарских монет

Болгария): , , , (Монголия), (), () (Хакасия–Минусинск), (Горный Алтай), (), (Семиречье), () (Плиски/Болгария) (см. Яценко С.А., 2001, с. 147, 179, рис. 29, 19; Досымбаева А.М., 2013, 403–428; Рогожинский А.Е., 2010, с. 329–344). Самое важное то, что подобные тамги издревле были присущи древнетюркским и кочевым иранским этносам Средней Азии и имеют обширный ареал распространения.

Литература

Бабаяров Г., Кубатин А. К вопросу о генезисе тамг на монетах Западно-Тюркского каганата // Матер. междунар. науч. конф.: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана 12-15 декабря 2011 г. Алматы. – Том II. – Алматы, 2011. – С. 295–303.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. – М., 1981.

Баратова Л.С., Лившиц В.А. О согдийских надчеканах на Сасанидских монетах и подражаниях им // Культурное наследие Средней Азии. – Ташкент, 2002. – С. 21–26.

Бурнашева Р.З. Изобразительный мотив льва на монетах Чача и Отрарского оазиса конца VII – нач. VIII в. // Казахстан и Евразия сквозь века. История археологии, культурное наследие. Сб. науч. трудов, посвящ. 70-летию со дня рожд. акад. НАН РК К.М. Байпакова. – Алматы, 2010. – С. 327–326.

Бабаяров Г., Кубатин А. Доисламские монеты Согда: новые чтения и интерпретации легенд // Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида. ЎзР ФА Археология институтида 2012 йил 6-7 апрельда ўтказилган ёш олимлар Республика конференцияси материаллари. – Самарқанд: ЎзР ФА Археология институти нашриёти, 2012. – С. 11–23.

Лившиц В.А., Мамбетуллаев М.М. Остракиз Хумбуз-тепе // Памятники истории и литературы Востока. Статьи и сообщения. – М., 1986.–С. 34-45.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. – Алматы, 2010.

Ямаева Е.Е. Родовые тамги алтайский тюрок. – Горно-Алтайск, 2004.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М., 2001.

Досымбаева А.М. Тамги // Западный Тюркский каганат. Атлас. (под. ред. А. Досымбаевой, М. Жолдасбекова). – Астана, 2013. – С. 403–428.

Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. междунар. научн. конф. – Алматы, 2010. – С. 329–344.

В.Г. Кошевар, А.В. Алай

МОНЕТЫ ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ КАРАХЫТАЕВ

Новые находки необычных медных монет XII в., отождествляемых с чеканом карахытаев в Кыргызстане, позволили авторам провести новое, более подробное их исследование с целью уточнения атрибуции. Плохое качество чеканки этих монет, а к тому же и ошибки в монетных легендах не позволяли корректно прочесть не только выпускные круговые, но порой и надписи в поле монет. Найденный кладик в 227 экземпляров, а также использование монет из частных коллекций позволили установить, что все монеты, на которых читается год выпуска, имеют один и тот же год 548/1153-54 г. и стоит имя багдадского халифа ал-Муктафи. Монеты с именем халифа ал-Мустаршида оказались также датированы 548/1153-54 годом. То есть указанный год не соответствует времени правления этого халифа. В результате проведенного исследования удалось уточнить атрибуцию исследуемых монет и исправить ошибки и неточности, допущенные другими публикаторами.

Ключевые слова: Кыргызстан, городище Красная Речка, Бурана, Баласагун, медные монеты, XII век, карахытаи, гурхан.

Впервые монеты этого периода были выявлены Б.Д. Кочневым в частных коллекциях, среди находок, происходящих с городищ Красная Речка и Бурана (Восточная часть Чуйской долины) (Кочнев Б.Д., 2001, с. 50-52). Затем М.Н. Федоровым были опубликованы монеты из кладов, найденных на тех же городищах (Fedorov M., 2004, p. 322-327, Pl. 40; Fedorov M., 2006, p. 409-414, Pl.78-79). По этим публикациям можно заключить, что монеты начали чеканить в конце правления халифа fqjNnÀ»A ал-Мустаршида (512-529 г.х.) и продолжали интенсивно чеканить в период

правления халифа Ó°ℕ´À»A ал-Муктафи (530-555 г.х.). Б.Д. Кочнев обозначил единственную дату 538/1143-44 г., а М.Н. Федоров добавил новые 527/1132-33 г., 529/1134-35 г., 531/1136-37 г., 535/1140-41 г. и несколько не ясных 52?-53? гг.

Многообразие штемпелей, в том числе с надписями, содержащими ошибки и искажения, были отмечены Б.Д. Кочневым уже при изучении первых монет. Имея в своем распоряжении только «более полусотни» плохо сохранившихся монет, он указывал, что «расположенное на *о.с.* монет в верхней части поля слово является не ясным: jÀm (S.h.d) или «напоминающим» f¬m (Soghd)» (Кочнев Б.Д., 2001, с. 51). При изучении монет из клада с городища Красная Речка М.Н. Федоров прочитал «не ясное» слово как: fÎ¬m (Sa`id), f¬m (Sa`d) или jÈJ»A (al-Bahr) (Fedorov M., 2004, p. 323-324), а при изучении монет из клада с городища Бурана добавил варианты: Å¬m (Saghin), Å¬â(?) и ¾Ìâ(?) (Fedorov M., 2006, p. 410, 412-414). На основании чтения «не ясного» слова как имен правителей М.Н. Федоров предложил хронологию их правления (Fedorov M., 2004, p. 324; Fedorov M., 2006, p. 413).

В 2009 году юго-западнее городища Бурана был найден еще один клад аналогичных монет. Всего было изучено 227 монет, поднятых с площади ~10×10 м (№1-185, 216, 228-234)[1]. Тара, в которой изначально мог находиться клад, не обнаружена. Кроме того, авторами дополнительно исследованы монеты, найденные в разных местах Восточной части Чуйской долины и хранящиеся в частных коллекциях (№186-192, 235-238), а также выставленные на сайте Oriental Coins database – www.zeno.ru.

Оформление монетного поля у подавляющего большинства изучаемых монет, как с упоминанием халифа ал-Мустаршида, так и халифа ал-Муктафи, однотипно.

Вариант 1. Эмитент не указан. Фототабл. 1/1.

Л.с. Внешний ободок не сохранился. В поле: калима в три строки:

É» ¹ Íjq Ü/ÊfYË É½»A/ÜA É»A Ü

Вокруг квадратом – выпускные сведения (всегда без упоминания монетного двора), с вариантами распределения слов по сторонам квадрата.

Вариант 2. Эмитент не указан. Фототабл. 1/2.

Л.с. Картуш – двойной линейный ободок, расположенный квадратом, присутствует (внешний ободок не сохранился, если он был). Такой картуш фиксируется только у трех монет (№158, 191, 210) с именем алл-Муктафи. За картушем сохранились фрагменты вводной формулы и выпускных сведений.

О.с. Два ободка: внешний – линейный круговой (Fedorov M., 2004, Pl. 40, 1, 6; Zeno:

№35218, 35219), внутренний – двойной круговой. Между ободками видны фрагменты суры Корана (по всей видимости, айат 33 суры 9).

В поле – калима и теофорное имя халифа:

- для монет с упоминанием халифа ал-Мустаршида в три строки:

É½»Bl fqjNnÀ» /A É½»A ¾Ìm /i fÀZ¿ ;

- для монет с упоминанием халифа *ал-Муктафи* всегда с É½»Bl вместо положенного É½»j¿Ü, и еще с различными искажениями, сокращениями и вариантами распределения слов/букв в три строки:

(!)É½»Bl Ó°N´À»A É½»A ¾Ìmi fÀZ¿

Вверху «не ясное» слово, чтение которого вызывает полемику.

Наблюдение о технике изготовления монет. Следы от обрубки широких перемычек указывают на чеканку монет из заготовок, отлитых в виде цепочек кружков округлой формы, соединенных перемычками. Разница между наибольшим и наименьшим диаметром одного монетного кружка достигает 3 мм. Визуально цвет монетного сплава делится на две группы: большинство «красные» (цвет сплава с преобладанием меди) и меньшинство «желтые» (цвет бронзового/латунного сплава). Изучение состава монетного сплава не проводилось.

1. Монеты с упоминанием халифа ал-Мустаршида.

Таких монет в кладе выявлено 10 экз. (№21, 38, 61, 80, 84, 118, 123, 161, 188, 201)**.** При общем небольшом количестве известных монет с упоминанием халифа ал-Мустаршида мы пока можем говорить о трех разных штемпелях о.с. монеты.

Чтение частично сохранившихся выпускных сведений на л.с. позволяет восстановить год на монете №21 (фототабл. 1/3) как:

[ÒÔB¿ o Àa Ë] ÅÎ¬ [IiA] / ÒÎÏBÀQ ([5]48 г.х.)

На монете №61 (фототабл. 1/4) как:

[ÒÔB¿] o Àa Ë [Å]Î¬I [iA / ÒÎÏ]BÀQ (548 г.х.)

Первый напрашивающийся вывод – при чеканке монет №21 и 61 были использованы не соответствующие по датировке штемпеля о.с. При этом видится несколько сомнительным, чтобы штемпеля с упоминанием в легенде халифа ал-Мустаршида (возможная эмиссия не позже 529/1134-35 г.) были сохранены почти 20 лет до 548/1153-54 г., при отсутствии уверенных сведений о чеканке монет в Чуйской долине в этот период. Последний известный к настоящему времени чекан монет в Куз Орду относится к 494/1100-01 г. (Кошевар В.Г., 2009, с. 74-75).

Варианты оформления поля монет

Монеты с именем халифа ал-Мустаршида

Монеты с именем халифа ал-Муктафи

Фототаблица 1

Собственно говоря, мы пока не знаем ни одной монеты исследуемого типа с упоминанием халифа ал-Мустаршида с надежно читаемой (или надежно восстанавливаемой) датой, соответствующей годам его правления. Б.Д. Кочнев предполагал чеканку в период правления халифа ал-Мустаршида только по его упоминанию на о.с. монеты, при этом, не

указывая на монеты с чтением соответствующих дат. М.Н. Федоров опубликовал в кладе Краснореченского городища две монеты, чеканенные с именем халифа ал-Мустаршида, предлагая им соответствующую датировку (Fedorov 2004: 324, 327, Pl 40, №1, 2). Но, как показало изучение опубликованных фотографий этих монет, на первой из них прочитанное «семь» является «не ясным» словом f¬m. На второй монете после изучения аналогичных монет в лучшей сохранности, чеканенных такими же штемпелями л.с., уверенно читается (или восстанавливается) год 548 г.х.. Таким образом, мнение о чеканке изучаемых монет в период правления халифа ал-Мустаршида, несомненно, требует глубокого и всестороннего исследования.

На о.с. монет №№ 38, 61, 188 слово вверху может быть прочитано как f¬m. Иных вариантов чтения «не ясного» слова на монетах с упоминанием халифа ал-Мустаршида пока не отмечено.

2. Монеты с упоминанием халифа ал-Муктафи.

На о.с. монет №13, 45, 75, 120, 172, 158, 191, 210, 115 обращает внимание особенное написание имени халифа *ал-Муктафи* над широкой полосой. Возможно, что таким образом резчики на штемпеле «исправили» упоминание халифа *ал-Мустаршида биллах* на *ал-Муктафи биллах.* Такой штемпель известен только один и был использован при чеканке о.с. всех монет этой группы (фототабл. 1/5), при различных штемпелях л.с.

Монеты №№ 13, 45, 75, 120 отчеканены одним штемпелем л.с. На монетах №45 (фототабл. 1/6), 75, 120 восстанавливается ... o Àa ÒÄ / m Á[Çi f»A] , но этого недостаточно для однозначного прочтения года (возможные варианты [5]50 г.х. или [5x]5 г.х. в пределах времени правления халифа).

Монеты №№ 158, 191, 210 отчеканены разными штемпелями л.с.

Чтение монеты №158, частично сохранившей выпускные сведения на л.с., позволяет восстановить часть года [ÒÖB¿ o Àa]Ë ¨Ii[A] ([5]4x г.х.).

Монета №115 (фототабл. 2/7) чеканена двумя штемпелями о.с., одним из которых является рассматриваемый вариант.

О.с. В поле калима и упоминание имени халифа:

(!)É¼»BI Ó°N´À» / A É¼»A ¾Ìmi / fÀZ¿

На о.с. монет №№ 45, 115, 191 слово вверху может быть прочитано как j¨m.

Монета №172 в силу плохой сохранности не информативна.

Монеты №№ 1, 65, 76, 135 отчеканены одной парой штемпелей.

На монете №135 в четвертой четверти восстанавливается [ÒÖB¿] o Àa (фототабл. 2/8), но этого недостаточно для однозначного чтения года.

Фототаблица 2

О.с. В поле калима и упоминание имени халифа:
Ó°N´À» / A É¼»A ¾Ìmi / fÀZ¿

Слово вверху может быть прочитано как f ¨m .

Монеты №№ 3, 9 отчеканены одной парой штемпелей.

Чтение надписей на монетах позволяет восстановить часть года
[ÒÖB¿] o Àa . . . / [ÒÎÄ]BÀQ Ò[Äm] (5x8 г.х.) (фототабл. 2/9, 10).

О.с. В поле калима и упоминание имени халифа:

(!)É¼»BI Ó°N´À»/AA É¼»A ¾Ìm/i fÀZ¿

Слово вверху может быть прочитано как f¨m .

Монеты №№ 14, 27, 39, 156, 169, 180 отчеканены одной парой штемпелей.

При одинаковом с предыдущими монетами вариантом штемпеля л.с., вариант штемпеля о.с. монет №№ 35, 53, 105 уверенно не определяется.

Чтение надписей на монетах позволяет восстановить часть года oÀa (!)ÉäB¿ ÒÄm (фототабл. 2/11, 12). Интерпретация (!)ÉB¿ возможна, но надежнее отложить ее до выявления монет с более полными надписями и уточнения хронологии выпусков монет.

О.с. В поле калима и упоминание имени халифа:

(!)ABI Ó°N´À»A/É¼»A ¾Ìmi/fÀZ¿

На большинстве монет слово вверху может быть прочитано как f¨m.

Монеты №№ 10, 73 отчеканены одной парой штемпелей, у №134 л.с. иным штемпелем. Сопоставление надписей на монетах №№ 10, 73 позволяет восстановить часть года: [oÀ]a ÒÄm Á[Çif»A] (возможные варианты [5]50 г.х. или [5x]5 г.х. в пределах времени правления халифа) (фототабл. 3/13).

О.с. В поле калима и упоминание имени халифа:

(!) É¼»BI Ó°N´À»/A É¼»A ¾Ìm/i fÀZ¿

Слово вверху может быть прочитано как j¨m .

Монеты №№ 71,160 отчеканены одной парой штемпелей.

Сопоставление надписей на л.с. монет позволяет восстановить часть года:

[ÒÖB¿] oÀa ÅÎ¨[liA] (54x г.х.)

О.с. В поле калима и упоминание имени халифа:

(!)É¼»BI Ó°N´À»A/É¼»A ¾Ìm/i fÀZ¿

Слово вверху может быть прочитано как f¨m .

Монеты №№ 56, 90, 109, 171 отчеканены одной парой штемпелей.

На л.с. монеты №56 (фототабл. 3/14) уверенно читается год:

[ÒÖB¿] oÀaË ¨I/iA ÒÎÄBÀQ (548 г.х.)

Следует отметить хорошо сохранившееся серебрение поверхности этой монеты!

О.с. В поле калима и упоминание имени халифа:

.... Ó°N´À»/AA É¼»A ¾Ìmi/fÀZ¿

На л.с. монеты №90 (фототабл. 3/15) уверенно читается год:

[ÒÖB¿ oÀaË] ¨I/iA ÒÎÄBÀQ ([5]48 г.х.)

Слово вверху может быть прочитано как f¨m .

Монеты №№ 19, 186 отчеканены одной парой штемпелей. Год на монетах не сохранился.

О.с. В поле калима и упоминание имени халифа:

(!)É¼»BI Ó°N´À»/A É¼»A ¾Ìm/i fÀZ¿.

Слово вверху может быть прочитано как f¨m .

Монеты №№ 16, 50, 62, 192 отчеканены одной парой штемпелей.

На л.с. монеты №16 (фототабл. 3/16) читается: [o À]aË ¨I [iA] (54x г.х.).

На о.с. слово вверху может быть прочитано как j¨m .

3. Монеты с упоминанием халифа ал-Муктафи и значительными искажениями в написании «не ясного» слова.

Для монет этой группы нам видится следующее. Если бы надписи на изучаемых монетах были выполнены безошибочно, с хорошей каллиграфией, то, несомненно, следовало бы рассматривать все варианты чтения «не ясного» слова. При отмеченном всеми исследователями монет этого типа общем невысоком уровне написания легенд на большинстве вариантов монет, к тому же с ошибками и искажениями, интерпретация каждого из многочисленных предлагаемых вариантов «прочтения» загадочного слова видится неуместной (фототабл. 3/17-18, 4/19-21).

4. Монеты с упоминанием халифа ал-Муктафи и украшениями в поле на л.с. и о.с. монет.

Украшение на л.с. монет между 2 и 3 строкой калимы (фототабл. 3/22).

Украшение на о.с. ниже «не ясного» слова (фототабл. 3/23).

Третья четверть круговой надписи на л.с. монет №№ 52,150,151,177 заканчивается словом *ад-дирхам* [ÁÇ]if»A (фототабл. 3/24, 25).

В четвертой четверти круговой надписи на л.с. монет №№ 129, 234, возможно, (?)§ Bm Á[Çif»A] (фототабл. 5/26 и 27). Интерпретация этого фрагмента надписи возможна, но следует отложить ее до выявления монет с более полными надписями.

В четвертой четверти круговой надписи на л.с. монеты №137 читается: [ÒÎÄ]BÀQ ÒÄ[m] , что позволяет восстановить год как [5x]8 г.х.

В четвертой четверти круговой надписи на л.с. монет №№ 40, 51, 138, 147 (№138 наличие украшения неуверенно), возможно (?)[Ó]h»A ËÇ (фототабл. 5/28, 29). Интерпретация этого фрагмента надписи также затруднена, но следует отложить ее до обнаружения монет с более полными надписями.

Фототаблица 3

На о.с. в поле калима и упоминание имени халифа:

(!)É¼»BI Ó°N´À»A/É¼»A ¾Ìm/i fÀZ¿.

Слово вверху на монетах этой группы может быть прочитано в как f¨m или fÎ¨m.

Фототаблица 4

5. Монеты двойного чекана с упоминанием халифа ал-Муктафи.

Выявлено пять перечеканенных монет (двойной удар, смещение штемпелей), №№ 64, 86, 89, 100, 140.

На монете №140 (фототабл. 5/30) уверенно читается год: 548 г.х. На монете №89 (фототабл. 5/ 31): 54х г.х.

Фототаблица 5

В результате проведенного исследования можно заключить, что на монетах клада зафиксирована пока единственный уверенно читаемый (или уверенно восстанавливаемый), год 548 г.х. Этот же год читается (или релевантно восстанавливается) на некоторых иных, доступных для просмотра монетах [ZENO: №30050].

Перечень проиллюстрированных монет

№ фото-табл./ в фототаблице	№ в кладе	Год, г.х.	«Непонятное» слово	Диаметр, мм	Вес, г	Примечание
1/1	235	548	-	-	-	Тип оформления 1
1/2	158	[5]4x	-	20,8-22,9	2,85	Тип оформления 2
1/3	21	[54]8	-	20,9-23,7	2,31	ал-Мустаршид
1/4	61	548	f¨m	20,4-23,5	2,55	ал-Мустаршид
1/5	13	-	-	19,7-21,8	2,88	ал-Муктафи
1/6	45	[5x]5 или [5]50	j¨m	22,8-24,4	2,48	ал-Муктафи
2/7	115	-	j¨m	20,8-21,7	3,02	ал-Муктафи
2/8	135	5xx	f¨m	20,6-24,0	2,06	ал-Муктафи
2/9	3	[5x]8	f¨m	20,1-21,8	2,67	ал-Муктафи
2/10	9	[5x]8	f¨m	23,1-23,7	2,66	ал-Муктафи
2/11	169	o Àa Éä/B¿ ÒÄm	-	20,3-21,7	2,74	ал-Муктафи
2/12	180	o Àa Éä/B¿ ÒÄm	f¨m	18,8-21,0	2,18	ал-Муктафи
3/13	10	[5x]5 или [5]50	j¨m	19,5-23,0	2,67	ал-Муктафи
3/14	56	548	f¨m	22,3-23,6	2,95	ал-Муктафи
3/15	90	[5]48	f¨m	21,1-22,4	3,05	ал-Муктафи
3/16	16	54x	j¨m	23,5-23,8	2,74	ал-Муктафи
3/17	36	-	искажено	20,6-21,1	2,8	ал-Муктафи
3/18	67	-	искажено	21,8-24,3	2,79	ал-Муктафи
4/19	155	-	искажено	19,0-21,4	1,97	ал-Муктафи
4/20	28	-	искажено	20,0-23,7	2,12	ал-Муктафи
4/21	68	-	искажено	20,5-21,6	2,4	ал-Муктафи
4/22	-	-	-	-	-	Украшение на л.с. между 2 и 3 строкой калимы
4/23	-	-	fÎ¨m	-	-	Украшение на о.с. ниже «не ясного» слова
4/24	129	-	f¨m	20,1-20,9	2,07	
4/25	234	-	f¨m	19,9-20,2	2,53	
5/26	151	-	fÎ¨m	20,9-22,6	1,9	(?)§ Bm Á[Çi f»A]
5/27	177	-	fÎ¨m	19,9-22,2	4,06	(?)§ Bm Á[Çi f»A]

5/28	147	-	-	21,0-21,8	1,96	(?) [Ó]h»Ä ËÇ
5/29	51	-	f¨m	19,2-20,4	1,92	(?) [Ó]h»Ä ËÇ
5/30	140	548	-	21,4-24,9	2,23	
5/31	89	54x	-	20,1-22,0	2,19	

Если учесть, что в 1153/547-48 г. приходит к власти новый правитель карахытаев – *гурхан* Западного Ляо – Елюй Йилье, то значительная эмиссия с датой 548 г.х., скорее всего, маркирует начало его правления. Следует заметить, что эта дата совпадает со временем чеканки в Самарканде дирхамов в 547-548/1151-1154 гг. с титулом *гурхан* [Кочнев Б.Д., 1997, с. 261/ №1031-1034, 262/ №1035-1037], который соотносится с тем же правителем.

Статистика вариантов написания «не ясного» слова показывает, что в большинстве случаев его можно читать как j¨m, f¨m или fÎ¨m. Полагаем, что при неизменном составе и расположении надписей в поле изучаемых монет определяющими правильное значение спорного слова будут являться монеты начала эмиссии, т.е. с упоминанием халифа ал-Мустаршида. В этом случае чтение f¨m (как *sa'd = счастье, успех, удача*) видится предпочтительным. Все остальные предлагаемые варианты чтения следует рассматривать как палеографические искажения. Следует отметить, что слово f¨m ранее встречалось в караханидском чекане на дирхамах Тараза 429/1037-38 г. [ZENO: №101041, 105543, 105682] и Шалджи 429/1037-38 г. [ZENO: №105826,105830].

В итоге можно заключить, что каких-либо имен или титулатуры, принадлежащих Караханидам или карахытаям, на изучаемых монетах не выявлено. Место чекана на монетах не обозначено и устанавливается по месту выявления кладов и отдельных монет – восточные регионы Чуйской долины. В 1134/528-29 г. Баласагун (Balāsākūn, ÆÌ˜mÝIË , отождествляется с городищем Бурана) был завоеван карахытаями и стал их столицей.

Примечания

1. Как видно на фотографии л.с. монеты (Fedorov M., 2004, p. 327, Pl 40, №1), слева сохранились следы кругового двойного ободка, известного только для оформления о.с. монет (Fedorov M., 2006, p. 410-413). Справа и вверху фрагменты вводной формулы и выпускных сведений, расположенных квадратом без какого либо обрамления, что известно только для оформления л.с. монет. Совмещение вариантов оформления л.с. и о.с. монет возможно в единственном случае – если рассматриваемая монета является перечеканенной. Со-

хранившееся от надписей о.с. монеты «не ясное» слово f¨m было «прочитано» М.Н. Федоровым как «семь». Соответственно, реконструированный год как 527 г.х. следует считать ошибочным.

2. М.Н. Федоров восстанавливает год как 52х г.х., исходя их сохранившихся нечетких фрагментов (Fedorov M., 2004, p. 327, Pl 40, №2, ZENO: №29292), подгоняя её под время правления халифа ал-Мустаршида. Проведенное сравнение л.с. этой монеты с иным экземпляром монеты, отчеканенным этим же штемпелем л.с. (ZENO: №30050) (см. приложение №1), предполагает прочтение года не иначе, чем 548 г.х. Из чего следует, что описанная монета – мул: л.с. с датой 548 г.х., а о.с. с упоминанием халифа ал-Мустаршида (512-529/1118-1134 гг.).

Две значимые монеты Краснореченского клада с упоминанием халифа ал-Мустаршида и две монеты Буранинского клада были датированы М.Н. Федоровым не по факту чтения года выпуска на них, а как хотелось видеть этому автору – периодом правления халифа ал-Мустаршида (Fedorov M., 2006, p. 410, 414, Pl 78, № 5,12). Этот факт требует дополнительно изучения упомянутых М.Н. Федоровым монет на предмет чтения года выпуска и проведения сравнительного штемпельного анализа. Но из-за низкого качества фотографий в публикации, при плохой сохранности монет сделать это без просмотра самих монет in visy не представляется возможным.

3. *По прочтенному году 531 г.х.* Необходимо отметить, что данная монета является перечеканенной (Fedorov M., 2004, p. 327, Pl 40, №3). Слева, на л.с. монеты видны конечные буквы первых двух строк калимы, с о.с. монеты A [É½»A ¾Ìm]/i [fÀZ¿]. Надпись вверху на л.с. монеты является, скорее, фрагментом первой строки калимы [Ü]A É»A [Ü], чем частью года, которая, кстати, никогда в караханидском чекане не размещалась в такой позиции. Таким образом, год 531 г.х. пока следует считать прочтенным ошибочно.

По чтению года 535 г.х. На нескольких монетах, опубликованных М.Н. Федоровым (Fedorov M., 2006, p. 414, Pl 78, №№ 1, 4, 10), и среди монет изучаемого клада отмечены экземпляры, на которых год заканчивается на oÀa. Однако слов, обозначающих десятки и сотни в дате, ни на одной из этих монет не сохранилось. Таким образом, год может восстанавливаться в пределах времени правления халифа ал-Муктафи не только как предлагается [53]5, а еще как [54]5, [5]50 или [55]5 г.х. Таким образом, год 535 г.х. пока не следует считать релевантным чтением.

По чтению года 538 г.х. Скорее всего, видимое на нескольких монетах ¨l [с *гайн* без верхней части буквы (Приложение 2)] явилось основа-

нием для чтения Б.Д. Кочневым десятков в дате, как *тридцать* – [ÅÎ]R¼Q. М.Н. Федоров восстанавливает год всех монет, заканчивающихся на *восемь*, как 538 г.х. (Fedorov M., 2004, p. 327, Pl 40, №4; Fedorov M., 2006, p. 414, Pl 78, № 2, 3, 8, 11). При этом ни одной монеты с полным чтением года и уверенным чтением числа десятков им не опубликовано. Изучение аналогичных монет клада показало, что на нескольких экземплярах после ÒÎÄBÀQ хорошо читаются буквы iA, которые позволяют уверенно восстановить значение десятков в дате как [ÅÎ]¨IiA. Таким образом, год 538 г.х. пока следует считать ошибочно прочтенным.

Приложение №1

Рис. 1. ZENO, №29292

Рис. 2. ZENO, №30050,
[ÒÖB¿ o]Àa Ë ÅÎ¨I / iA ÒÎÄBÀQ

На о.с. в поле:
f ¨m
i fÀZ¿
A É¼»A ¾Ìm
É¼»BIfqjNnÀ»

Приложение №2

Рис1. [ÒÖB¿ o]Àa Ë [ÅÎ]¨I / iA ÒÎÄBÀQ ÒÄm

Литература

Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (часть 2) // ВИИСИД. Вып.5. М., 1997, с. 245-314.

Кочнев Б.Д. Нумизматические памятники, связанные с карахытайским завоеванием Средней Азии // Девятая ВНК. Великий Новгород, 16-21 апреля 2001 г. ТД. СПб., 2001, с. 50-52.

Кошевар В.Г. Новые находки караханидских монет в Иссык-Кульской котловине // Н.М. Пржевальский и российские подвижники в изучении истории и культуры Центральной Азии, вып. 2. – Материалы научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского 26-27 июня 2009 г. Бишкек, 2009, с. 73-77.

Fedorov M. A Hoard of Khytai Copper-lead Alloy Silver-washed Dirhams from the Krasnaia Rechka Hillfort // The Numismatic Chronicle, №164. London, 2004, p. 322-327, Pl 40.

Fedorov M. A Hoard of Khytai Copper-lead Alloy Silver-washed Dirhams from the Burana Hillfort // The Numismatic Chronicle, №166. London, 2006, p. 409-414, Pl. 78-79.

www.zeno.ru – Интернет ресурс: Oriental Coins database.

А.А. Гомзин

ИВАНОВСКИЙ И ПОЛОВСКИЙ КЛАДЫ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ

В статье публикуются два клада куфических монет, найденных в 2012-2014 гг. в Нижегородской и Рязанской областях. Проводится анализ их состава, определяется время тезаврации.

Ключевые слова: клады дирхамов, Поочье, Аббасиды, Тахириды, Саманиды, третья четверть IX в., первое десятилетие X в., локальные зоны обращения.

Бассейн р. Оки является достаточно богатым в плане находок серебряных куфических монет, которые уже давно привлекают внимание исследователей. Вместе с тем здесь есть и территории, где до недавнего времени дирхамы VIII-X вв. не были известны, наряду с землями, откуда появляются новые интересные материалы. К числу первых относится Нижегородская область, где обнаруживаемые монеты рассматриваемого периода только-только начинают вводиться в научный оборот[1]. Ко вторым – Рязанская, где число находок достаточно велико и продолжает обнаруживаться еще. В данной статье публикуются два новых клада куфических монет, происходящих из указанных регионов.

1 К настоящему времени с территории Нижегородской области опубликованы дирхамы из Корниловского и Клинского могильников (Бейлекчи В.В., 2005, с.62, №4, 9-10; с.69, №1; Гомзин А.А. Куфические монеты…, 2013, с.35-40). Изданный В.П. Лебедевым и А.С. Орловым Вачский (Короваевский) клад, на наш взгляд, в действительности является либо совокупностью одиночных дирхамов, либо остатками более позднего, чем установлено авторами, клада, не отражающими объективно его датировку (Лебедев В.П., Орлов А.С., 2014, с.16-18). Об этом свидетельствует состав изученной ими выборки, не соответствующий особенностям кладов Поочья первого и второго десятилетий X в. (подробнее об особенностях кладов указанных периодов см.: Гомзин А.А. Восточное монетное серебро… , 2013, л.165, 194 и настоящую статью). Еще не менее трех кладов дирхамов и несколько одиночных монет пока не опубликованы.

Первый клад найден в 2-3 км к югу от с. Ивановское Дивеевского района Нижегородской области на берегу небольшого пруда в 2012 г. Клад был распахан и разошелся между местными жителями, сведений об упаковке не имеется. Общие его размеры установить не получилось, известно лишь, что речь может идти о нескольких десятках дирхамов.

Автору настоящей статьи удалось ознакомиться с фотографиями 11 монет, метрологические характеристики дирхамов остались неизвестны. 10 экземпляров целые и один представляет собой обломок примерно в половину дирхама. Он же является старшим в изученной выборке. Все монеты аббасидские, за исключением одной, относимой к чекану Тахиридов. Младшими являются три дирхама халифа ал-Му'тазза 253/867 г.

Шесть из 11 экземпляров отчеканены в Средней Азии в монетных мастерских Самарканда и Шаша, являются наиболее поздними монетами выборки. Самаркандские дирхамы при этом составляют большинство (4 экз.). На единицу им уступают монеты ал-Мухаммадийи, составившие основу ранней части выборки.

Список монет Ивановского клада 2012 г.

Номера монет в приведенных списках соответствуют номерам в фототаблицах №№1-4.

Аббасиды

ал-Мансур (136-158 /754-775 гг.)

1) ал-Басра, год чеканки утрачен (отломлен), по типу – 139-145/756-763 гг.

Обломок около 1/2.

2) ал-Мухаммадийа, 150/767-768 г. (Тизенгаузен В.Г., 1873, с. 82, №790; Lowick N., 1996, p.192-193, №1600). Целый экземпляр.

Харун ар-Рашид (170-193/786-809 гг.)

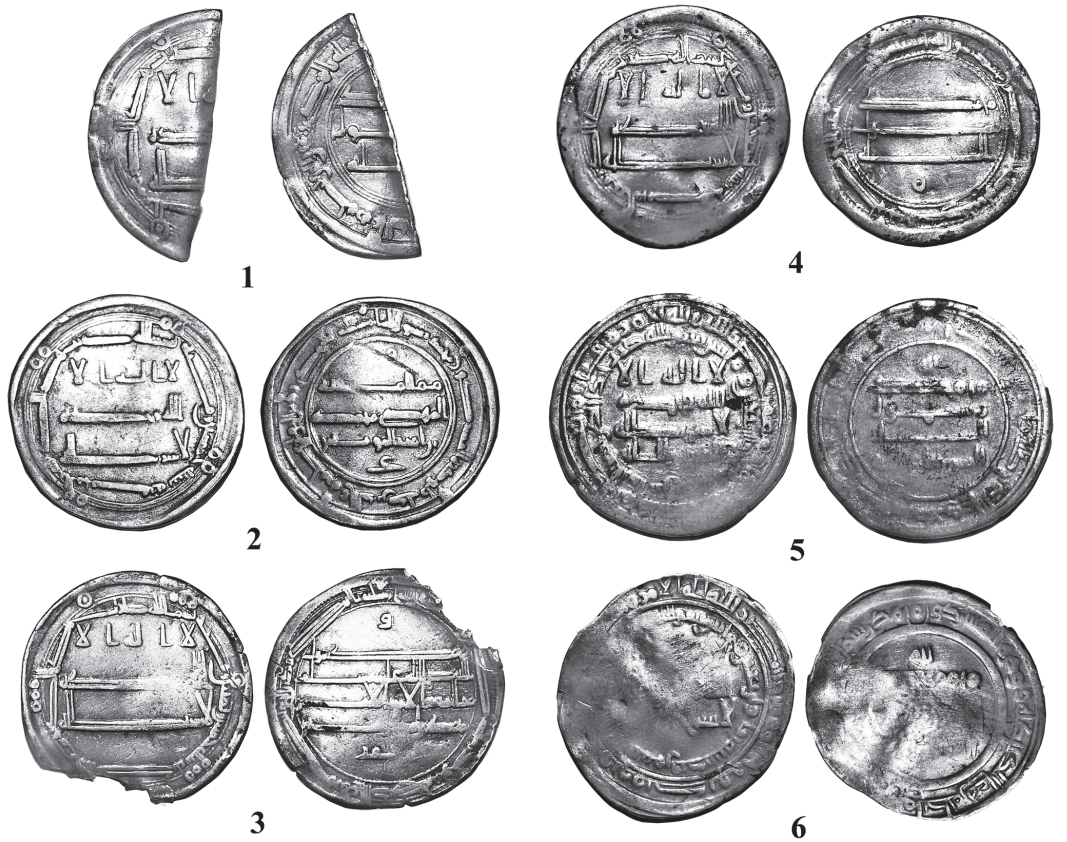
3) ал-Мухаммадийа, 185/801-802 г. (Тизенгаузен В.Г., 1873, с.154, №1374; Nicol N.D. Vol.3, 2012, №1464). Целый, край обломан.

4) ал-Мухаммадийа, 190/805-806 г. (Тизенгаузен В.Г., 1873, с.164, №1473; Lowick N., 1996, p.218-219, №1892). Целый, немного помят.

ал-Мутаваккил 'ала-ллах (232-247/847-861 гг.)

5) аш-Шаш, 244/858-859 г. (Tornberg C.J., 1848, p.141, №88; Nicol N.D. Vol.4, 2012, №617).

Целый.



Фототабл 1. Монеты Ивановского клада

ал-Муста'ин биллах (248-251 /862-866 гг.)

6) Самарканд, 248/862-863 г. (Марков А.К., 1896, с.101, №93). Целый, помят.

7) аш-Шаш, 249/863-864 г. (Марков А.К., 1896, с.101, №94; Nicol N.D. Vol.4, 2012, №618).

Целый, о.с. не прочеканена, либо отчеканена залипшей в штемпеле монетой.

ал-Му'тазз биллах (251-255 /866-869 гг.)

8) Самарканд, 253/867 г. (Марков А.К., 1896, с.102, №107-113; Nicol N.D. Vol.4, 2012, №575).

Целый, наклонная царапина на первой строке поля л.с.

9) Самарканд, 253/867 г. (Марков А.К., 1896, с.102, №107-113; Nicol N.D. Vol.4, 2012, №575).

Целый, немного помят.

10) Название монетного двора не видно, 253/867 г. Целый, плохо прочеканен или потерт, немного погнут, с трещинками, край с надрубом.

Тахириды

Тальха б. Тахир (207-213 /822-828 гг.)

11) Место и год чеканки не видны, по типу – Самарканд, 207-211/822-827 гг.

Целый, плохо прочеканен или потерт, край немного обломан, с трещинками[2].

Судя по дате младших монет, на которые приходится и абсолютный максимум количества экземпляров в выборке, сокрытие клада не могло произойти ранее 868 г. Учитывая отсутствие в его составе саффаридских дирхамов, монет с характерным набором из двух отверстий, серебряных вещей и серебряного лома, вместе и по отдельности обнаруживаемых в кладах бассейна Оки последней четверти IX – первого десятилетия X в., рассматриваемая находка относится к группе кладов 3-й четверти IX в.

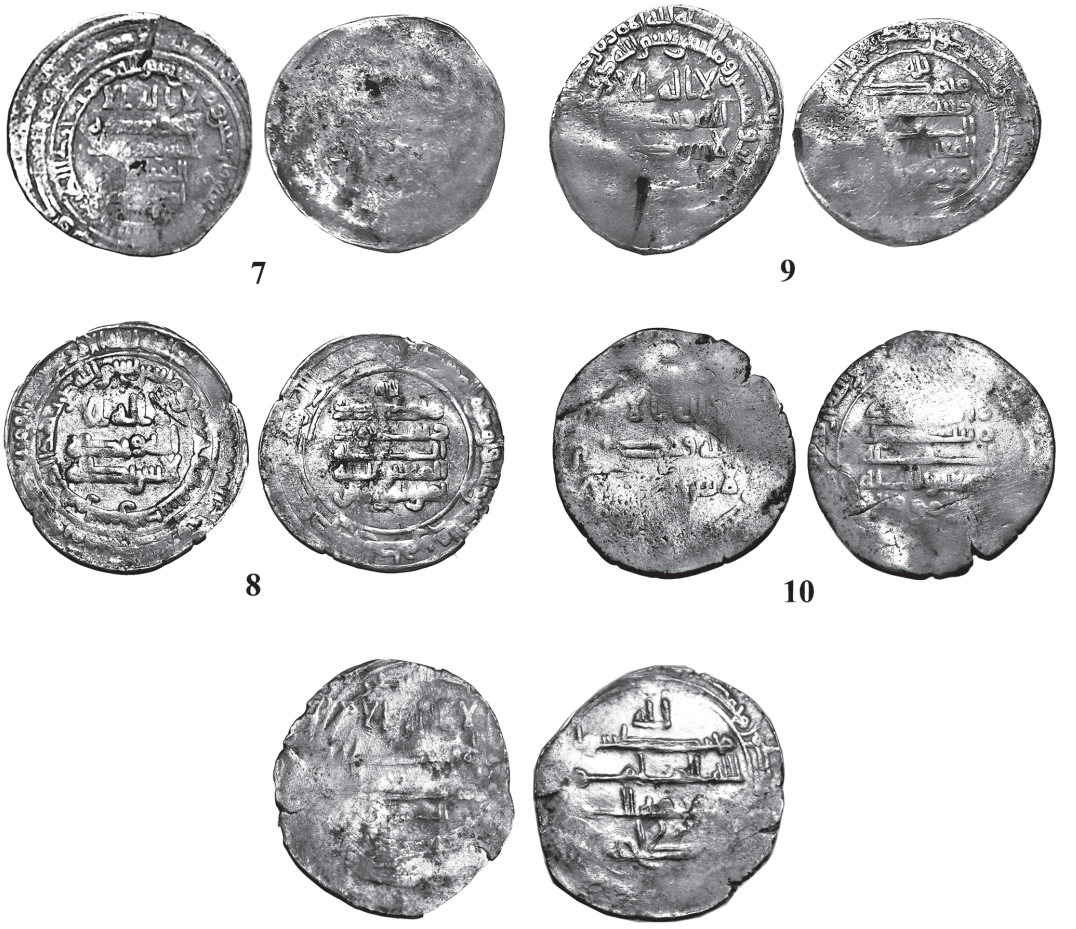
Нельзя исключать, что формирование клада может быть связано с функционированием двух мордовских селищ, расположенных к востоку-юго-востоку от с. Ивановское. На них обнаружены материалы 2-й половины I тыс. н.э. и X-XIII вв. (Николаенко Т.Д., 2004, с.238-239, №445-446).

Второй клад собирался в 2013-2014 гг. на огороде на окраине с. Половское Спасского района Рязанской области. Более точное место установить не удалось. На окраинах села и поблизости от него известны три городища и два неукрепленных поселения, но культурного слоя и раннеславянских материалов IX-X вв. на них не зафиксировано (АКР: Рязанская область. Ч.1, 1993, с.197-198, №696-699; АКР: Рязанская область. Ч.3, 1996, с.169-170, №1988)[3].

В общей сложности было найдено 16 монет, из которых 15 экземпляров целые и один обломок размером примерно в четверть монетного кружка. Монеты располагались в земле россыпью без следов какой-либо

2 Если ориенталисты XIX в. тахиридскими полагали все дирхамы, выпускавшиеся во владениях, находившихся под управлением этой династии, вне зависимости от наличия имен ее представителей на монетах, то среди современных нумизматов-исследователей единой точки зрения по этому вопросу нет. Кто-то совсем не выделяет тахиридский чекан в серебре, считая его аббасидской эмиссией, а кто-то относит к нему дирхамы с проставленными на них именами Тахиридов (см., например: Album S., 2011, p.146; Nicol N.D. Vol.3, 2012, №924-928).

3 Автор выражает свою признательность заведующему отделом археологии РИАМЗ В.В. Судакову за консультацию по хронологии упомянутых памятников.



Фототабл 2. Монеты Ивановского клада

упаковки и разошлись по рукам. Для исследования оказались доступны изображения 13 экземпляров, их метрологические характеристики остались неизвестны.

Все дирхамы саманидские. Старшими являются самаркандский 281/894-895 г. и шашский 281-282/894-896 гг. экземпляры, отчеканенные от имени амира Исма'ила б. Ахмада. Младшим – шашский дирхам 296/908-909 г. амира Ахмада б. Исма'ила. Большинство в кладе составляют монеты Шаша (10 экз.), присутствуют также дирхамы Самарканда (2 экз.) и Нисабура (1 экз). Абсолютный максимум количества монет приходится на 292/904-905 г. – 3 экз.; цепочка погодового чекана одна, включает дирхамы 291-294/903-907 гг.

По дате младшей монеты сокрытие клада произошло не ранее 909 г. Учитывая географические и хронологические особенности его состава и факт продолжения поступления саманидских дирхамов в Поочье во втором десятилетии X в. в увеличивающихся объемах, время тезаврации клада, очевидно, может быть соотнесено с датой младшей монеты или следующим за ней годом.

Список монет Половского клада 2013-2014 гг.

Исма'ил б. Ахмад (279-295/892-907 гг.)

халиф ал-Му'тадид биллах (279-289/892-902 гг.)

1) Самарканд, 281/894-895 г., на л.с. – одна круговая легенда, имя амира с отчеством

[Марков А.К., 1896, с.115, №47-48(?)]. Целый, о.с. – двойной удар.

2) Место чеканки стерто или не прочеканилось, 28х г.х., имя амира без отчества, по типу и палеографии надписей – аш-Шаш, 281-282/894-896 гг. Целый.

3) Самарканд, 287/900 г. (Тизенгаузен В.Г., 1853, с.96). Целый, немного погнут, край обломан. Атрибутирован по общему фото клада, где видна круговая легенда с выпускными сведениями; отдельных изображений владелец не предоставил.

халиф ал-Муктафи биллах (289-295/902-908 гг.)

4) аш-Шаш, 291/903-904 г., третья и четвертая строки поля л.с.:

Абу-л Хусайн вали ад-давла / ал-вазир. (Тизенгаузен В.Г., 1853, с.103, №1). Целый, немного погнут.

5) аш-Шаш, 291/903-904 г., третья и четвертая строки поля л.с.:

Абу-л Хусайн вали ад-давла / ал-вазир (Тизенгаузен В.Г., 1853, с.103, №1). Целый.

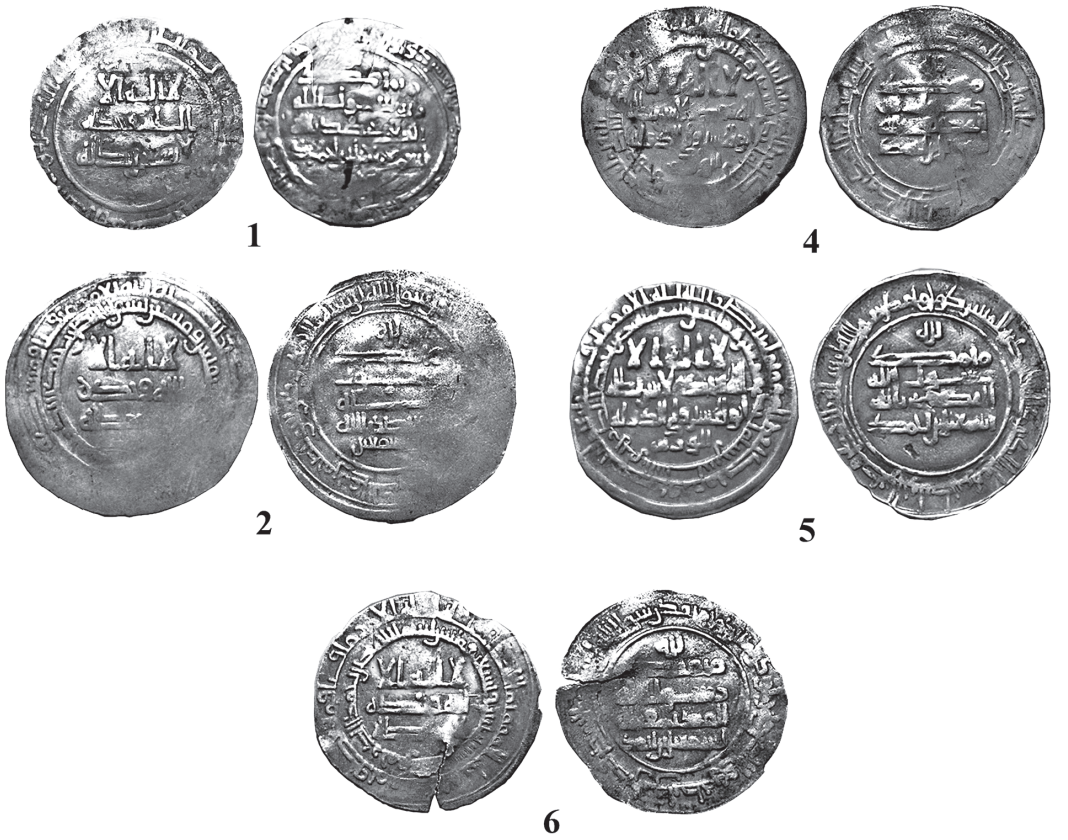
6) аш-Шаш, 292/904-905 г. (Тизенгаузен В.Г., 1853, с.105, №4). Целый, с трещиной, край немного обломан.

7) аш-Шаш, 292/904-905 г. (Тизенгаузен В.Г., 1853, с.105, №4). Целый, немного погнут, край помят.

8) аш-Шаш, 292/904-905 г. Целый. Тип монеты остался невыясненным, так как находчик не сохранил фото.

9) Нисабур, 293/905-906 г. (Leimus I., 2007, p.208, №1020). Целый, край немного погнут и помят. Два пробитых с о.с. отверстия на круговой легенде на 8:30 и 9:30.

10) аш-Шаш, 293/905-906 г. (Тизенгаузен В.Г., 1853, с.110, №2). Целый, край надломлен.



Фототабл 3. Монеты Половского клада

11) аш-Шаш, 294/906-907 г. (Тизенгаузен В.Г., 1853, с.114, №1). Целый, край немного погнут.

Ахмад б. Исма'ил (295-301 /907-914 гг.)

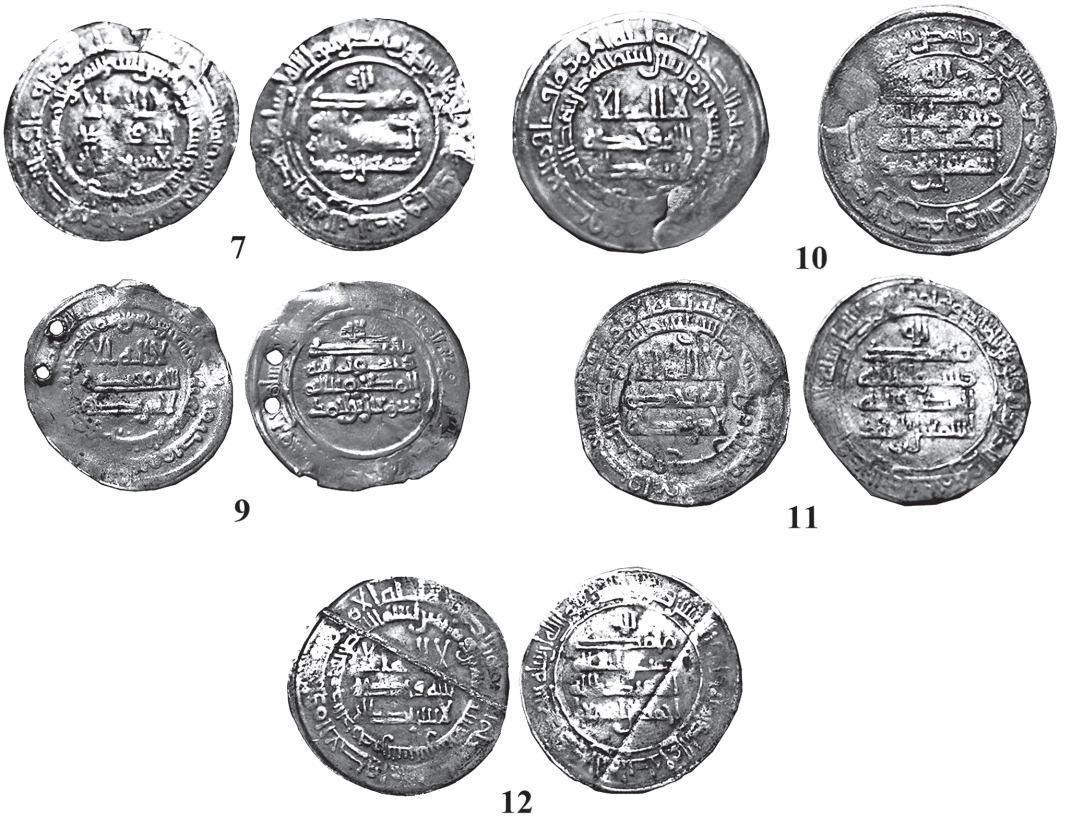
халиф ал-Муктадир биллах (295-320/908-932 гг.)

12) аш-Шаш, 296/908-909 г. (Тизенгаузен В.Г., 1853, с.121, вариант 1). Целый, надломлен для отделения фрагмента примерно в 1/3.

Исма'ил б. Ахмад или Ахмад б. Исма'ил

13) Монетный двор и год чеканки утрачены (отломлены), по палеографии надписей – аш-Шаш. Обломок около 1/4. Атрибутирован по общему фото клада, где видна л.с.; отдельных изображений владелец не предоставил.

По династическому, географическому и хронологическому составу клад близок находке, обнаруженной в 1928 г. примерно в 10 км к северо-западу от с. Половское по противоположному – левому берегу Оки в



Фототабл 4. Монеты Половского клада

песках около оз. Казарское (подробнее о составе клада и библиографию по нему см.: Гомзин А.А., 2003, с.169-176; Гомзин А.А., 2006, с.44-48; Гомзин А.А. Восточное монетное серебро… , 2013, л. 248-252, №31).

Казарский клад аналогично – в основном состоял из саманидских дирхамов (32 экз.) с небольшой примесью аббасидских монет (2 экз.) и подражаний (4 экз.). В нем также доминировали шашские дирхамы (20 экз.), присутствовали монеты Нисабура и Самарканда (по 2 экз.), но географический состав в целом был несколько шире и включал монетную продукцию Андарабы и Балха (по 4 экз.), Арминийи и ал-Маусила (по 1 экз.).

Младшей монетой тоже являлся шашский дирхам Ахмада б. Исма'ила 296/908-909 г. Цепочка погодовой чеканки более длинная и включает экземпляры 285-296/898-909 гг. (30 экз.), но большинство в ней составляют монеты 291-295/903-908 гг. (22 экз.) с экстремумами, приходящи-

мися на 291/903-904 и 293/905-906 гг. (по 6 экз.) и локальным максимумом 295/907-908 г. (4 экз.), непосредственно предшествующим году выпуска младшего дирхама.

Изучение кладов куфических монет бассейна Оки показало, что здесь в первом десятилетии X в. существовали две локальные зоны обращения дирхамов. Условной границей между ними были реки Осетр и Москва. На территориях к западу от них продолжали использоваться монеты, составлявшие основу кладов второй половины IX в., в то время как в землях к востоку было зафиксировано массовое появление саманидских дирхамов Исма'ила б. Ахмада и Ахмада б. Исма'ила, наглядной иллюстрацией чему и служит Казарский клад (подробнее см.: Гомзин А.А. Восточное монетное серебро… , 2013, л.165, 194). Обнаружение в этом регионе нового, близкого по составу находке 1928 г. клада хорошо подтверждает сделанное ранее наблюдение. Последующие находки первого десятилетия X в. в Поочье, очевидно, позволят еще более детализировать эту картину.

Таким образом, введение в научный оборот Ивановского и Половского кладов расширяет и дополняет наши представления об особенностях и географии использования куфических монет в бассейне Оки.

Литература

АКР: Рязанская область. Ч.1. М., 1993. 272 с.

АКР: Рязанская область. Ч.3. М., 1996. 210 с.

Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). М., 2005. 278 с.

Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2013. 499 с.

Гомзин А.А. Куфические монеты из погребения Клинского могильника // Нумизматические чтения 2013 года. Москва, 19-20 ноября 2013 г. Материалы докладов и сообщений. М., 2013. С.35-40.

Гомзин А.А. Материалы к истории обнаружения и реконструкции состава клада куфических монет, найденного близ озера Казарское в 1928 г. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.4. Рязань, 2003. С. 169-176.

Гомзин А.А. Очерки истории изучения денежного обращения Среднего Поочья. Вып.1. Рязань, 2006. 75 с.

Лебедев В.П., Орлов А.С. Два клада рубежа IX-X и XIII-XIV вв. из Нижегородской области // Нумизматика Золотой Орды. 2014. №4. С.16-21.

Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 872 с.
Николаенко Т.Д. АКР. Нижегородская область. Ч.1. М., 2004. 385 с.
Тизенгаузен В.Г. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873. 428 с.
Тизенгаузен В.Г. О саманидских монетах // ЗАО. T.VI. Отделение I. СПб., 1853. С.1-237.
Album S. Checklist of Islamic Coins. Third Edition. Santa Rosa, 2011. 324 p.
Leimus I. Sylloge of Islamic Coins 710/1-1013/4 AD. Estonian Public Collections. Tallinn, 2007. 448 p.
Lowick N. Early ʻAbbāsid Coinage: A Type Corpus. 132-218 H / AD 750-833. [A Preprint]. London, 1996. 521 p., 29 pl.
Nicol N.D. SICA. Vol.3. Early ʻAbbasid Precious Metal Coinage (to 218 AH). London, 2012. 114 p., 89 pl.
Nicol N.D. SICA. Vol.4. Later ʻAbbasid Precious Metal Coinage (from 219 AH). London, 2012. 98 p., 79 pl.
Tornberg C.J. Numi Cufici Regii Numophylacii Holmiensis, Quos Omnes in Terra Sueciae Repertos. Upsaliae, 1848. 404 p., 14 tab.

В.В. Колода

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВОСТОЧНЫЕ МОНЕТЫ ГОРОДИЩА МОХНАЧ И ЕГО ОКРУГИ

Статья посвящена находкам серебряных монет, обращавшихся в Хазарском каганате, и найденным на территории городища в селе Мохнач Змиевского района Харьковской области (Украина), а также в ближайшей округе этого населенного пункта – на селищах Мохнач-П и Мохнач-Т. Отмечается небольшое количество артефактов нумизматического характера – 5 монет с городища Мохнач, 5 с селища Мохнач-П и 1 с селища Мохнач-Т. В составе находок присутствуют монеты династий Сасанидов, Омайадов, Аббасидов и Саманидов. Среди них есть целые, обломанные и обрезанные вкруг. Большинство монет укладывается во временной промежуток VIII – начало IX вв., что соответствует началу освоения и утверждения населением Хазарского каганата лесостепной территории Северского Донца.

Ключевые слова: Северный Донец, салтовская археологическая культура, Хазарский каганат, восточные монеты, нумизматические находки, куфические дирхамы, сасанидские драхмы.

Одним из достаточно хорошо исследованных памятников лесостепной территории Хазарии является городище, что расположено в с. Мохнач Змиевского района Харьковской области (Украина). Памятник находится на высоком, треугольном в плане мысу правого берега Северского Донца (правый приток Дона). Вблизи него расположено 18 открытых поселений (рис. 1); на 15 из них выявлены культурные отложения или артефакты салтовской археологической культуры (середина VIII – середина X вв.), которая, по мнению большинства её исследователей, соответствует древностям народов, входивших в состав Хазарского каганата. История создания

и изучения, как городища, так и его значительного по площади микрорегиона, неоднократно освещалась в научной литературе (Колода В.В., Колода Т.О., 2001, с. 42–45; Колода В.В., 2007, с. 9–15; Колода В.В., Горбаненко С.А., 2010, с. 16–18; Горбаненко С.А., Колода В.В., 2013, с. 23–24 и др.).

В настоящий момент в результате раскопок и сборов с поверхности здесь выявлено 11 доступных для исследования восточных монет,[1] 9 из которых следует отнести к куфическим дирхемам, 2 – к сасанидскому кругу нумизматических артефактов. По 5 монет выявлено на городище, где к настоящему времени исследованная площадь составляет более 8,5 тыс. м^2, а также на селище Мохнач-П[2] (исследовано раскопами ≈ 4 тыс. м^2)[3]; одна монета обнаружена на селище Мохнач-Т (рис. 1). Определение монет было сделано в разное время специалистами по нумизматике,[4] мы же посчитали своим долгом ввести их в научный оборот, чему и будет посвящена данная работа.

Из 5 монет с городища 3 обнаружены на большом (северном) дворе городища в культурных отложениях салтовской археологической культуры, 2 – на самом маленьком по площади (южном) дворе городища в культурных отложениях славянского периода (рис. 2). Последний из указанных периодов связан с проживанием здесь во второй половине X – середине XI вв. небольшой группы северянского населения (роменская археологическая культура).

Монеты с городища Мохнач

Г-1: Выявлен в 1999 г. в культурном слое раскопа-5 на роменской части городища (рис. 2) рядом с жилищем «А» (Колода В.В., 1999, с. 6).

Саманиды. ***Дирхам. Исма'ил ибн Ахмад, аш-Шаш, 280/893-894 г.***[5].

Пробито 2 круглых отверстия, обратная сторона сильно потёрта (вероятно, от долгого ношения), вес – 2,19 г (рис. 3).

Г-2: Выявлен в 2005 г. комплексе № 8 (захоронение кузнеца) раскопа-11 на салтовской части городища (рис. 2) – (Колода В.В., Свистун Г.Е., 2005, с. 55; Колода В.В., 2006, с. 213–216).

1 Один дирхам найден на городище в середине XX в. (Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П., 1977, с. 77), однако его самого или его изображения нам отыскать не удалось, поэтому мы его не включили в данную сводку.

2 Селища близ городища Мохнач имеют не цифровые, а буквенные (кирилличные) обозначения, что было начато ещё Б.А. Рыбаковым в 1950 г., когда рядом с городищем им было открыто первое открытое поселение.

3 Практически 100% исследованной площади припадает на раскоп-1 в южной части поселения.

4 Пользуясь случаем, выражаю свою глубокую признательность и благодарность Андрею Гомзину, Вячеславу Кулешову, Константину Кравцову и Валентину Лебедеву за сотрудничество.

5 Атрибуция В. Кулешова.

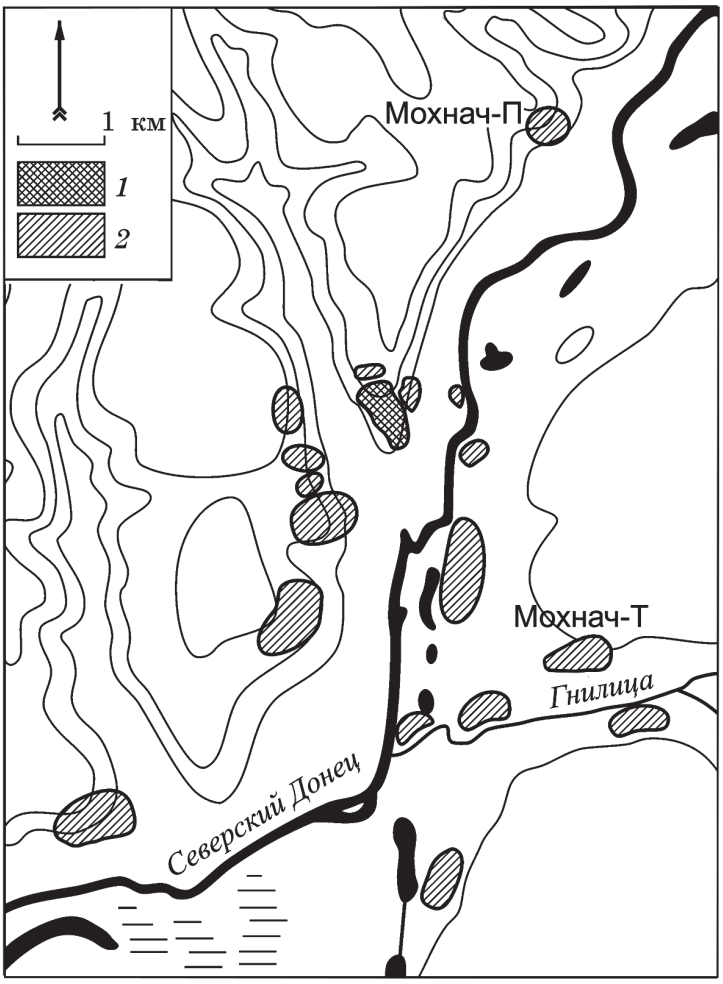


Рис. 1. План микрорегиона с центром на городище Мохнач.
Условные обозначения: 1 – городище, 2 – селища.

Аббасиды. *Дирхам. Харун ар-Рашид, Мадинат [ас-Салам], год утрачен.*

Наиболее вероятная датировка выпуска – *в интервале 179-193/795-809 гг., но по облику шрифта ближе к 795–801 гг.*[6]**.** Половина обрезанной вкруг и разломанной пополам монеты сохранилась в двух неравных фрагментах, вес – 0,99 г (рис. 3).

Г-3: Обнаружен в 2010 г. в культурном слое раскопа–10 на большом (северном) дворе городища (рис. 2) рядом с зерновыми ямами (Колода В.В., 2010, с. 14).

6 Атрибуция В. Кулешова.

Омайады. ***Дирхам. Анонимный, монетный двор утрачен, 124/741-742 г.***[7]

Половина обрезанной по кругу и разрезанной пополам монеты, вес – 1,13 г (фототабл. 1).

Г-4: Выявлен в 2001 г. на отвалах раскопа–5 на роменской части городища (рис. 2) рядом с жилищем «В» (Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н., 2007, с. 48).

Подражание саманидскому дирхаму.

Л.с. Подражание именному дирхаму Исмаила ибн Ахмада.

Датировка ~ *297–302/909–914 гг.*

О.с. Искажённые, но узнаваемые имена: халифа ал-Муктафи *(289-295/901-907 гг.)* и амира Исмаила б. Ахмада *(279-295/892-907 гг)*. По стилю надписи – подражание дирхаму монетного двора, скорее всего, аш-Шаш (~ *300/912-913 г.*).[8] Монета обрезана вкруг, вес – 1,2 г (фототабл. 1).

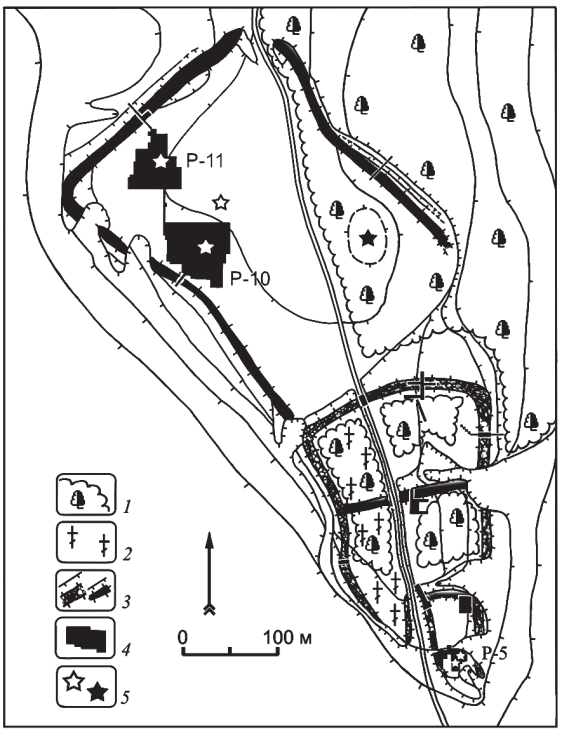


Рис. 1. План городища Мохнач.
Условные обозначения:
1 – границы леса, 2 – современное кладбище, 3 – «каменные» и земляные валы, 4 – раскопы, 5 – места обнаружения монет.

Г-5: Поднят в 2012 г. с поверхности в залесенной части северного двора (рис. 2).

Аббасиды. ***Дирхам. Харун ар-Рашид, монетный двор и год обрезаны.***

По типу – Ифрикийа, *180/796-797гг.* В поле о.с. – калима. Над ней стоит имя – Хартама (Harthama), а под ней – кружок. Хартама б. А'йан был наместником Ифрикийи в 179-181 гг.х., но дирхамы такого типа известны пока только для 180 г.х. (Тизенгаузен В.Г., 1873, с.143, № 1283).[9] Монета обрезана вкруг и сильно стёрта, вес – 1,1 г (фототабл. 1).

7 Атрибуция В. Кулешова.
8 Атрибуция В. Лебедева.
9 Атрибуция А. Гомзина.

Незначительное количество монет дает возможность высказать некоторые соображения относительно поступления монет в различные периоды существования населения на городище (для полноценного анализа данных явно недостаточно). Самая ранняя (Г-1) и самая поздняя (Г-4) монеты найдены на «славянской» южной части городища. Относительно поздней монеты (Г-4) отметим, что, несмотря на её датировку началом X в., её весовой стандарт соответствует середине X в для обрезанных дирхемов в среде северянских племён (Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В., 2014, с. 27–28, илл. 14). Эта дата вполне укладывается в хронологию начала роменского периода существования городища (см. выше). И, следовательно, могла быть инструментом торговли. Ранняя монета с южного двора (Г-1) имела отверстия для ношения на теле, что косвенно подтверждается большей потёртостью с одной (оборотной) стороны (фототабл. 1/Г-1). Скорее всего, она была средством аккумуляции серебра «про запас» («на чёрный день»), а, возможно, и талисманом (оберегом). Дирхемы северного двора укладываются в довольно узкий хронологический промежуток (середина – вторая половина IX вв.),[10] что соответствует начальному этапу планомерного заселения салтовской лесостепи (в том числе и Мохначанского микрорегиона).

Монеты с селища Мохнач-П (рис. 1)

П-1: Выявлен в 2009 г. в культурном слое раскопа–1 (Колода В.В., 2009, с. 14).

Подражание аббасидскому дирхаму.

Подражание продукции монетного двора Мадинат ас-Салам, *148-153/765-770 гг.*[11] В монете пробито отверстие, обрезана вкруг,[12] вес – 0,96 г (фототабл. 2).

П-2: Выявлен в 2011 г. в культурном слое раскопа–1 (Колода В.В., 2011, с. 14–15).

Сасаниды. ***Драхма. Хосров II Парвиз, 590–628 гг. – 33-й год правления***, монограмма монетного двора ***ART (Ардашир-Хварре в провинции Парс)***[13].

10 Мы намеренно не затрагиваем перманентной дискуссии исследователей по поводу сроков тезаврации монет в землю и превращения их из предметов/объектов экономики в археологический артефакт, что требует отдельного рассмотрения в специальной работе.

11 Атрибуция В. Кулешова.

12 По письменному сообщению В.В. Енукова: способ обрезки и аналогии кладам дирхемов с Курского Посемья даёт дату обрезки – середина X в.

13 Атрибуция К. Кравцова.

Фототаблица 1. Монеты с городища Мохнач

В монете пробито отверстие, небольшой сохранившийся фрагмент отогнут и отломан при расчистке монеты, вес – 2,77 г (фототабл. 2).

П-3: Поднят с поверхности в 2013 г. близ раскопа-1 (находится в частной коллекции).

Драхма. Йахйа б. Михнак. Табаристан, 130 г. табристанской эры / 165/781-782 г.[14]***.*** Часть монеты обломана в древности (округлые, затёртые края излома) и утрачена, вес сохранившейся части – 1,5 г (фототабл. 2).

14 Атрибуция К. Кравцова.

П-4: Выявлен в 2014 г. в культурном слое раскопа–1 (Колода В.В., Свистун Г.Е., 2014, с. 36).

Омайады. ***Дирхам. Анонимный. Монетный двор и год утрачены.***

Время выпуска – 78–132/697–750 гг., но по аналогии с монетой, что найдена на территории Болгарии с сохранившимися выпускными данными, можно атрибутировать этот экземпляр так: место чеканки – Мерв, 81/700-701 г.[15]. Монета обрезана вкруг, надрезана пополам и отломлена, вес – 0,7 г (фототабл. 2).

П-5: Поднят с поверхности в 2015 г. в северной части поселения (находится в частной коллекции).

ʻАббасиды. ***Дирхам. Харун ар-Рашид, монетный двор утрачен, [1]71/787-788 г.***

По типу монетный двор – ал-ʻАббасийа [Тизенгаузен В.Г., 1873, с.125, № 1132(?)][16]. Меньшая часть обрезанной вкруг и разрезанной монеты, вес – 0, 5 г (фототабл. 2).

Незначительное количество монет практически исключает анализ этой группы находок на селище Мохнач–П. Заметим, однако, что большинство из них (кроме П-2) укладываются в VIII в., а со всеми возможными максимальными сроками тезаврации – не выходят за пределы самого начала IX в., то есть соответствуют началу освоения данного региона салтовским населением.

Монеты с селища Мохнач-Т (рис. 1)

Т-1: Поднят с поверхности в 2013 г. на южной окраине поселения на полевой дороге (находится в частной коллекции).

Омайады. ***Дирхам. Анонимный. Монетный двор утрачен, 97/715-716 г.*** [17].

Соответствует времени правления халифа Сулаймана. Экземпляр представляет собой половину обрезанной вкруг и разрезанной монеты – 1,2 г (фототабл. 2).

Таким образом, подавляющее большинство монет укладывается во временной промежуток VIII – начало IX вв., что соответствует началу освоения и утверждения населением Хазарского каганата лесостепной территории Северского Донца. Монеты, скорее всего, были принесены

15 Атрибуция В. Лебедева.
16 Атрибуция А. Гомзина и В. Лебедева.
17 Атрибуция А. Гомзина.

Фототаблица 1. Монеты с городища Мохнач

сюда переселенцами и сберегались в семьях качестве своеобразного «отложенного депозита» на крайний (непредвиденный) случай. Наличие монет не только на городище, а и на соседних селищах свидетельствует в пользу того, что сельскохозяйственная округа города, располагавшегося некогда на месте городища Мохнач, имела определённую экономическую самостоятельность и не находилась в прямой экономической зависимости от города. Работы на памятниках Мохначанского микрорегиона продолжаются, что вселяет надежду на выявление новых монет.

Литература

Бейдин Г., В., Григорьянц М.Н. Клады и монеты Харьковщины. – Харьков, 2007. – 122 с.

Горбаненко С.А., Колода В.В. Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. – Київ, 2013. – 236 с.

Колода В.В. Отчёт об археологических исследованиях Средневековой экспедицией ХГПУ им. Г.С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине. / НА ИА НАНУ. – № 1999/99.

Колода В.В. Археологические исследования Харьковского педуниверситета в 2005 г. //АДУ 2004 – 2005: Збірка наукових праць. – Вип. 8. – Київ-Запоріжжя, 2006. – С. 213–216.

Колода В.В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динамка заселення його округи // Археологія. – 2007. – № 2. – С. 9–15.

Колода В.В. Отчёт о работе Средневековой экспедицией Харьковского национального педагогического университета в 2009 году (селище Мохнач-П» в Змиевском районе Харьковской области) / НА ИА НАНУ. – № 2009/175.

Колода В.В. Отчёт о работе Средневековой экспедицией Харьковского национального педагогического университета в 2010 году (городища Мохнач и Коробовы Хутора в Змиевском районе Харьковской области) / НА ИА НАНУ. – № 2010/132.

Колода В.В. Отчёт о работе Средневековой экспедицией Харьковского национального педагогического университета в 2011 году (селище Мохнач-П» в Змиевском районе Харьковской области) / НА ИА НАНУ – № 2011/б.н.

Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. – Киев, 2010. – 216 с.

Колода В.В., Колода Т.О. Старожитності с. Мохнач та його округи // Археологічний літопис Лівобережної України. – Полтава, 2001. – Ч. 2. – С. 42–45.

Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северской земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. Сб. науч. статей. Серия «Археология евразийских степей» – Вып. 18. – Казань, 2014. – С. 6–160.

Колода В.В., Свистун Г.Е. Отчёт о работе Средневековой экспедицией Харьковского национального педагогического университета в 2005 году. / НА ИА НАНУ – № 2005/6.

Колода В.В., Свистун Г.Е. Отчёт о работе Средневековой экспедицией Харьковского национального педагогического университета в 2014 году (городище Мохнач и селище Мохнач–П, Змиевской район Харьковской обл.) / НА ИА НАНУ – № 2014/б.н.

Тизенгаузен В.Г. Монеты Восточного халифата. – СПб., 1873. – 442 с.

Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии КУкраины: Харьковская область. – Киев, 1977. – 156 с.

В.А. Винничек, К.М. Киреева

О НАХОДКЕ БРАКТЕАТОВ В СЕРЕБРЯНОМ СВЕРТКЕ
(краткое сообщение)

Летом 2015 года во время распашки поля близ поселка Ивановка Шемышейского района Пензенской области местными трактористами был найден сверток из серебряной фольги длиной 50 мм и диаметром около 20 мм. При помощи термообработки фольгу удалось выпрямить. Оказалось, что сверток состоит из двух листов круглой формы. Кроме того, внутри него обнаружились три брактеата с парными отверстиями – подражания арабским дирхемам. На одном из них П.Н. Петров прочитал дату 364/974-975 или 374/984-985 гг., что позволяет сделать вывод о принадлежности находки к концу X в. Толщина круглых пластин составляет от 0,05 до 0,26 мм, а толщина брактеатов от 0,06 до 0,09 мм. При помощи электронного микроскопа «Sigma» и энерго-дисперсионного спектрометра «Inca» были проведены рентгеноспектральные анализы одного из брактеатов и круглой пластины, которые показали, что серебра в брактеате содержится 78,21%, а в пластине – 62,83%. В обоих случаях в сплаве в качестве лигатуры применена медь.

Обследование поля, на котором был обнаружен сверток, выявило значительный комплекс керамики, которая представлена лепной посудой, характерной для мордовских археологических памятников VIII – начала XI вв.

Следует отметить, что во время археологических исследований Армиевского курганно-грунтового могильника (Верхнее Посурье) IX – XI вв., который находится всего лишь в 22 км южнее Ивановского селища, были зафиксированы два подобных серебряных брактеата (Лебедев В.П., Винничек В.А., 2005, с. 407, 411).

Как показали исследования комплексов верхнесурских средневековых памятников булгарского времени, монетная система в домонголь-

ское время в регионе отсутствовала. В большинстве монет (дирхемов и фельсов) имеются отверстия для ношения их в составе ожерелий (Лебедев, Винничек, 2005, с. 417-418). В качестве средства платежа выступали слитки серебра и других цветных металлов (Винничек В.А., Киреева К.М., 2012, с. 21-23). Верхнее Посурье в предмонгольский период являлось юго-западной территорией Волжской Булгарии. Именно поэтому на верхнесурских памятниках нередко обнаруживаются лепешковидные серебряные платежные слитки, скрученные в трубку, либо их фрагменты со следами скручивания, (Винничек В.А., Киреева К.М., 2012, с. 26).

Таким образом, Ивановское селище оставлено мордвой и датируется VIII – началом XI в., а найденный на поселении сверток с брактеатами является следствием первых контактов местного населения с волжскими булгарами. В начале XI в. Волжская Булгария колонизировала земли Верхнего Посурья, в результате чего в регионе многие мордовские поселения прекратили свое существование, а на месте некоторых из них возникли города и поселения с материальной культурой, характерной для булгар.

Литература

Винничек В.А., Киреева К.М. Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI – XIV вв. Пенза. 2012.

Лебедев В.П., Винничек В.А. Нумизматические находки с домонгольских памятников Верхнего Посурья // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк. 2005. С. 407-420.

А.Ф. Кочкина

ДВЕ МОНЕТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ С БОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ВОЛГИ

Наименее разработанная тема, связанная с нумизматическими исследованиями, – изучение монетовидных подвесок XI-XII вв., происходящих, в частности, с территории Волжской Булгарии. В статье рассматриваются 2 монетовидные подвески, происходящие с Муромского городка под Самарой и с Красносюндюковского I городища под Ульяновском, найденные в ходе археологических исследований этих памятников. Устраняется ряд неточностей, связанных с первой публикацией подвески с Красносюндюковского I городища, приводится качественная фотография этого экземпляра. Дан краткий обзор мнений различных авторов и результатов исследований по поводу состава металла подвесок. Обнаружена стилистическая связь между «надписями» на подвеске с Красносюндюковского I городища и с Васильевского селища. Введена в научный оборот подвеска с Муромского городка. Подчеркнута важность и значимость находки таких артефактов именно с учетом археологического контекста.

Ключевые слова: монетовидная подвеска, домонгольский период, волжская Булгария, Муромский городок, Красносюндюковское I городище, XI-XII вв.

Находки предметов нумизматики на археологических памятниках дают исследователям возможность более точно датировать раскопанный объект или памятник в целом. Особое место среди находок этого круга занимают литые монетовидные подвески, которые косвенно являются отражением денежного обращения эпохи средневековья в странах Восточной Европы и в Волжской Булгарии домонгольского периода в частности

В настоящей публикации вводятся в научный оборот предметы, происходящие из раскопок Красносюндюковского I городища в Ульяновской области и Муромского городка в Самарской области: подвеска из подражания куфической монете с первого памятника (рис.1) и фрагмент монетовидной подвески (рис.2) со второго памятника.

Что касается первого предмета, то он уж неоднократно привлекал внимание или как объект исследования, или в качестве аналогий, в том числе и специалистов по восточной нумизматике (Лебедев В.П., Винничек В.А., 2003, с. 381). Однако в первой публикации материалов раскопок городища иллюстрация подвески была недостаточно четкой (Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 1993, с. 215, рис. 14-9), и это привело к ошибочному определению аналогий в последующих работах. Представляется, что рисунок и фотография в настоящей публикации позволит исследователям использовать более объективно этот материал в дальнейшем.

Подвеска была обнаружена в 1991 г. на Красносюндюковском I городище на раскопе I (кв. 27, пл. 2). Красносюндюковское I городище примыкает к юго-восточной окраине с. Красное Сюндюково Ульяновского р-на Ульяновской области, которое расположено в 46 км от г. Ульяновска. Оно представляет собой археологические остатки малого города Волжской Болгарии домонгольского периода, общая площадь городища составляет 50 га, включая укрепленный детинец площадью около 3 га. Городище окружено пятью селищами, составляющими пригород, а в совокупности с Красносюндюковским II городищем, расположенным в 1 км к северовостоку, и еще тремя селищами образует крупный ремесленно-торговый центр в Правобережных землях Волжской Болгарии (Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 1993; Кочкина А.Ф., 1997, с. 183-185). Судя по материалу, городище относится к числу наиболее ранних болгарских городищ, которое синхронизируется с памятниками типа Измерского селища, исследованного Е.П. Казаковым в устье Камы в Волжском Левобережье (Казаков Е.П., 1991). Период активного функционирования памятника охватывает XI-XII вв., следы монгольского нашествия по материалам исследований не зафиксированы, очевидно, город прекратил существование в результате русско-булгарских военных конфликтов XII в.

Найденная на городище подвеска имеет круглую в плане форму диаметром 3,0 см, толщиной 0,1 см, ушко для подвешивания имеет следующие размеры: высота 0,8 см, ширина 0,4 см, толщина 0,1 см, диаметр отверстия 0,2 см. Вес подвески 4,52 г (отличие от первоначального веса (Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 1993, с. 200) связано с тем, что подвеска была подвергнута чистке). Подвеска отлита в форме вместе с ушком.

Диск слегка вогнут. Ушко расположено перпендикулярно плоскости подвески. Лицевая и оборотная стороны подвески определены по следам крепления ушка, которое на оригинале подвески было выполнено, видимо, пайкой. Так называемый шов от пайки ушка на основу образца отчетливо фиксируется на оборотной стороне подвески (рис.1-1а).

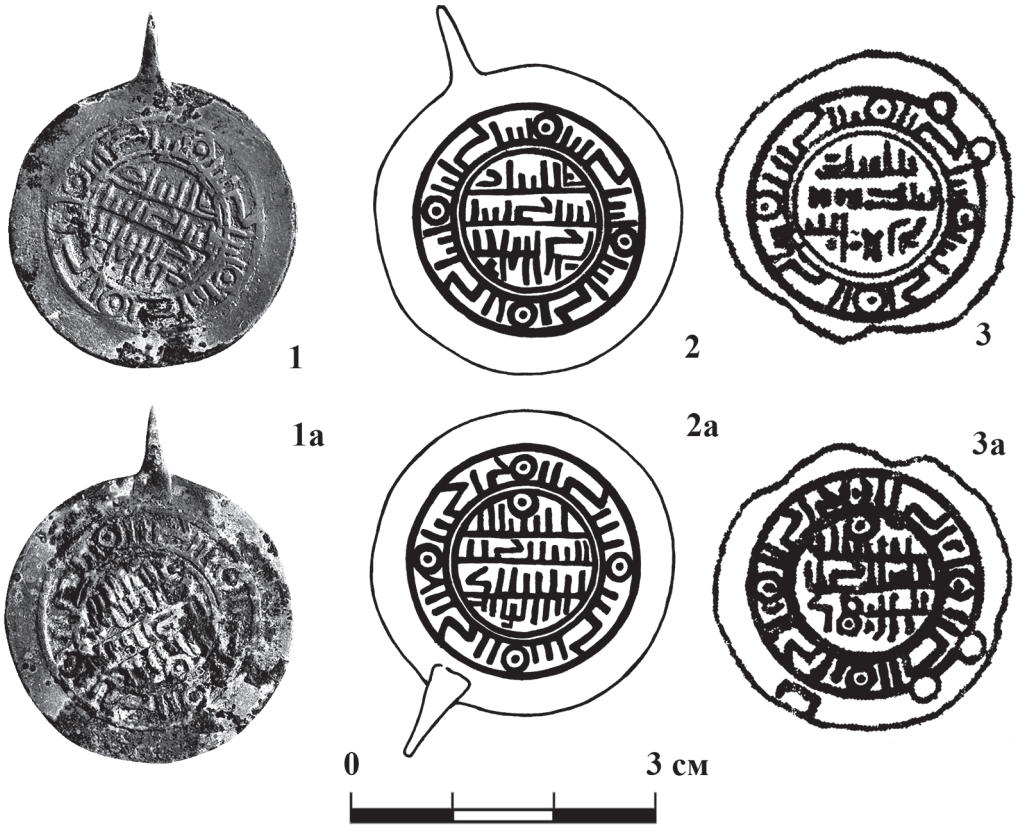


Рис. 1.
1, 1а – Литая монетовидная подвеска, Красносюндюковское I городище (фото);
2, 2а – Литая монетовидная подвеска, Красносюндюковское I городище (рисунок);
3, 3а – Литая монетовидная подвеска, Васильевское селище – без масштаба
(по: Лебедев В.П., Винничек В.А., 2003, с. 390, рис.3-1).

Первоначально материал подвески был определен как биллон на основании визуального осмотра. Безусловно, пока не сделан химический анализ металла, окончательно установить исходный материал затруднительно. Подвеска имеет серый цвет, на поверхности – пятна темно-серого цвета, что прослеживается на фотографии (рис. 1 – 1, 1а). В области ушка заметны очаги окислов красноватого и зеленоватого цвета, что может характеризовать материал,

из которого изготовлено изделие, как медносодержащий сплав. Расчет величины плотности даже с учетом погрешности на ушко подвески дал величину 6,4 г/см^3, что существенно ниже плотности серебросодержащих сплавов. Таким образом, можно говорить о том, что подвеска изготовлена из оловянистой бронзы, возможно, с добавками свинца или цинка. Это предположение согласуется с данными результатов исследования монетовидных подвесок из Верхнего Посурья, имеющих наиболее близкое сходство с анализируемым изделием (Лебедев В.П., Винничек В.А., 2003, с. 381-382). При этом окончательное заключение о составе сплава оставляем до проведения химического анализа.

При атрибуции подвески исследователями была получена консультация Г.А. Федорова-Давыдова (Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 1993, с. 200). Впоследствии Герман Алексеевич в своей статье написал, что подвеска представляет собой «серебряное подражание куфическому дирхему» (Федоров-Давыдов Г.А., 2001, с. 95, №20). Это определение материала оказалось не соответствующим действительности.

Изображение так называемой надписи слаборельефное, но четкое. «Надписи» на лицевой и оборотной сторонах расположены по отношению друг к другу почти на 180◦. Ушко подвески прикреплено под углом к надписям, который определен как 7/11 час. (Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храмченкова Р.Х., 2012, табл. 1-25). Они состоят из четырех строк на обеих сторонах, но не являются тождественными. «Надпись» в круге разделена на четыре части кружком с точкой в центре. Публикуя литые монетовидные подвески Верхнего Посурья, В.П. Лебедев и В.А. Винничек предположили, что подвеска с Васильевского селища (рис.1-3, 3а) могла быть отлита в той же форме, что и подвеска с Красносюндюковского I городища (Лебедев В.П., Винничек В.А., 2003. С.381; Лебедев В.П., Винничек В.А., 2005, с. 413). Как отмечалось выше, недостаточно четкая публикация рисунка последней и вызвала подобное заключение. Для сравнения эти две подвески даны на рис. 1, причем изображение васильевской подвески (рис.1-3, 3а) дается в порядке, обратном авторской публикации, с тем, чтобы более отчетливо прослеживалось общие и различные черты изделий. Действительно, сходство изображений бросается в глаза, но, если посмотреть на детали, то заметно и различие. Во-первых, красносюндюковская подвеска выполнена более аккуратно, доводка края проведена тщательно, во-вторых, отливка производилась с ушком, васильевская подвеска отливалась сразу с двумя боковыми отверстиями, как пишут сами исследователи (Лебедев В.П., Винничек В.А., 2003, с. 381). Хотя близость подобных изделий, вероятно, не случайна, не исключено, что они производились в каком-то одном центре, а впоследствии распространялись на территории Волжской Болгарии. Возможно, появление новых материалов и их анализ позволят в будущем приблизиться к пониманию этой ситуации.

Второй предмет – фрагмент, вероятно, также литой монетовидной подвески, имитирующей арабскую монету неопределенного типа, найден на Муромском городке. Муромский городок представляет собой остатки одного из крупнейших городов Волжской Булгарии домонгольского времени площадью 150 га внутри укреплений и более 400 га с пригородом (Матвеева Г.И., 2000, с. 249-258). Возникновение города на Самарской Луке связано с укреплением ведущих позиций Волжской Болгарии в транзитной торговле между Востоком и Западом, скорее всего, это происходит в начале XI в. Город, в ближайшей округе которого существовало более 20 поселений, являлся административным, ремесленным и торговым центром южных земель Волжской Болгарии. За многие годы раскопок на городище обнаружена только одна нумизматическая находка – германский денарий XI в. (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986, с. 284).

Фрагмент монетовидной подвески происходит с раскопа XXVIII из сооружения 63. Сохранилось немногим более половины диска, имеющим круглую в плане форму диаметром 3,0 см, толщиной 0,1 см, вес составляет 2,39 г. Изделие имеет серый цвет, но на поверхности ярко выражены крупные очаги медных окислов темно-красного и зеленоватого цвета. Очаги хорошо заметны на фотографии (рис. 2 – 1, 1а). Расчет величины плотности металла дал значение всего 4,8 г/см^3. Низкий показатель плотности металла, видимо, еще связан с тем, что металл основы сильно корродирован и стал пористым. Таким образом, можно предположить, что предмет изготовлен из медного сплава с добавками олова. Более точно состав сплава можно будет установить после проведения химического анализа.

Рис.2.
1, 1а – Литая монетовидная подвеска. Муромский городок.

Края диска имеют утраты. В средней части круга внутри концентрических линий прослеживаются слегка углубленные линии, имитирующие арабскую надпись. Сохранность и качество предмета затрудняют

его детальную характеристику. Публикации подобных изделий с других болгарских памятников, к сожалению, не удалось обнаружить. По устному сообщению В.С. Кулешова[1], научного сотрудника отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, такие находки, оставаясь малоизученными, встречаются на памятниках X-XI вв. преимущественно в Рязано-Окском регионе и восточнее, вероятно, связанных с раннесредневековой мордвой. Следует заметить, что в последние годы на Муромском городке, выявлена группа керамики, которая имеет сходство с керамикой мордовского населения Саровского городища (Кочкина А.Ф., 2014, с. 42-43).

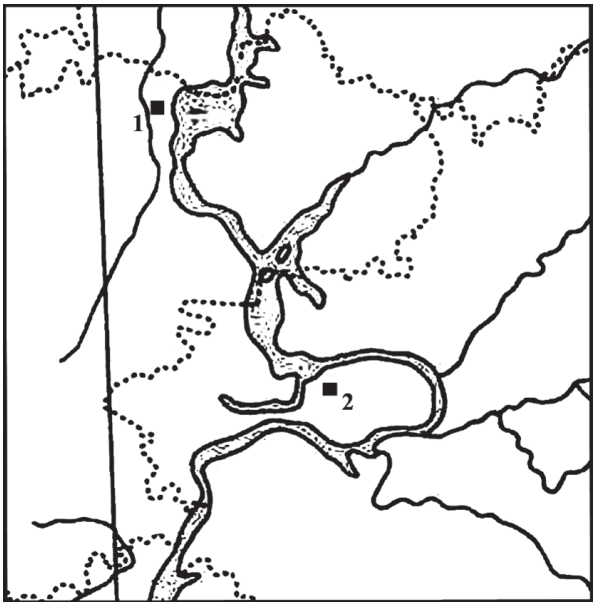


Рис. 3. Карта памятников с находками подвесок.
1 – Красносюндюковское I городище; 2 – Муромский городок.

На основании единичных предметов делать какие-либо глубокие выводы неправомерно, однако необходимо учитывать такие находки в комплексе им подобных и в археологическом контексте. К сожалению, довольно значительное число литых монетовидных подвесок с территории Волжской Болгарии лишены именного такого контекста.

Значимость этих изделий для понимания процессов прекращения монетного обращения на рубеже X-XI вв. в Поволжье признается специалистами (Мухаметшин Дж.Г., 2000, с. 1006).

1 Автор выражает благодарность В.С. Кулешову за консультацию.

Литература

Васильев И.Б, Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, Куйбышев. кн. изд-во, 1986. 232 с.

Лебедев В. П., Винничек В.А. Восточные монеты X века и монетовидные подвески с домонгольских поселений Верхнего Посурья // Археология Восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов. Всероссийской науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения видного российского археолога А.Е. Алиховой (11-14 ноября 2002 года). Пенза: Пензен. гос.педуниверс., 2003. С. 376-391.

Лебедев В.П., Винничек В.А. Нумизматические находки с домонгольских памятников Верхнего Посурья //Степи Европы в эпоху средневековья. Том IV. Хазарское время. / Гл. ред.: А.В. Евглевский. Донецк: Дон НУ, 2005. С. 407-420.

Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храмченкова Р.Х. Монетовидные литые подвески Волжской Болгарии // Нумизматика Золотой Орды. Выпуск 2./ Отв.ред. Миргалеев, И.М.– Казань: Изд-во «Яз», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С.163- 174.

Кочкина А.Ф. Города Волжской Болгарии X – начала XIII вв. в системе расселения (на материалах Свияжско-Кильненского междуречья) //Труды VI Международного конгресса славянской археологии = Works of the VIth International congress of slavic archaelogy, В. Новгород, 26-31 авг. 1996 г. / Редкол.: В.Л. Янин (пред.) и др. – М., 1997. С.180-187.

Кочкина А.Ф. Новые материалы о производственной деятельности на Муромском городке // Роль общества археологии истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья. Сборник тезисов конференции, посвященной 135-летию Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. г. Казань, 4-5 февраля 2014 г. – Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. С. 38-43.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Археологические исследования на I Красносюндюковском городище в 1991 году // Археологические исследования в Поволжье. / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. С. 183-219.

Матвеева Г.И. Волжская Болгария (X век – 1236 год) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред.: Васильева И.Н., Матвеева Г.И. Москва: Издательство «Наука», 2000. С.248-267.

Мухаметшин Д.Г. Источниковая база изучения денежного обращения в Поволжье VI-XI вв. // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1-3 июня 1999 г. /Редколлегия: Ф.Ш. Хузин и др. – Казань: Изд-во “Мастер-Лайн”, 2000. – С.103-107.

Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Нумизматика в историческом музее. Нумизматический сборник. Т. XIV. Памяти С.А. Яниной. / Отв. ред. А.С. Беляков, А.А. Молчанов. Труды ГИМ. Вып. 115. М.: ГИМ, 2001. С.89-100.

Е.Ф. Шайхутдинова, А.Г. Ситдиков, Р.Х. Храмченкова

ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЫХ МНОГОСЛОЙНЫХ МОНЕТ САМАНИДСКОГО ТИПА МЕТОДОМ СКАНИРУЮЩЕЙ ЭЛЕКТРОННОЙ МИКРОСКОПИИ[1]

На протяжении многих лет исследование серебряного нумизматического материала проводилось лишь на основе внешнего визуального осмотра целых и фрагментированных образцов и по письменным источникам и затрагивало в основном типологизацию монет по историко-культурному происхождению. Изучение химического состава и технологии изготовления монетного материала долгое время было сопряжено с рядом трудностей. Значительный прогресс в области аппаратного изучения материалов в настоящее время позволяет произвести исследования микроструктуры без сложной пробоподготовки и с хорошим разрешением снимков. В данной статье приводятся исследования монетного материала методом сканирующей электронной микроскопии, которая позволяет изучить послойно химический состав и структуру поперечного излома монетного материала. С помощью этого метода была выявлена отличительная особенность в технологии изготовления литых монет династии Саманидов, найденных на территории Волжской Болгарии. В результате исследования были выделены три монеты, битые по литым заготовкам с нетипичной структурной слоистостью металла.

Ключевые слова: серебряные монеты, Саманиды, X век, Волжская Булгария, Семеновское селище I, Биляское селище II, структура, сканирующая электронная микроскопия, литье.

1 Работа выполнена в рамках гранта РФФИ №15-46-02179 «Мультидисциплинарное исследование средневековых серебряных монет археологических памятников Волжской Булгарии».
Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Важное место в комплексном изучении поселений Волжской Булгарии занимает проблема историко-культурного, технологического и территориального происхождения археологических находок из цветных и благородных металлов. Монеты как исторический и культурный объект являются индикатором широких торгово-экономических связей Болгарского государства с регионами различной отдаленности. Изучение специфики производства монет в совокупности с исторической интерпретацией нумизматических артефактов позволят определить особенности элементного состава в зависимости от их происхождения и времени хождения, а также закономерности их распространения в Волжской Булгарии, как крупного средневекового торгового и культурного центра.

Изучаемые монеты найдены в ходе раскопок Семеновского и Измерского селищ на территории Республики Татарстан (Россия). Измерское селище расположено в месте слияния двух самых больших рек Восточной Европы – Волги и Камы (Казаков Е.П., 2001, 2001а; Археологическая карта, 1986). Семеновское селище I является одним из наиболее изученных и богатых на археологические находки поселений. В средневековье оно входило в систему торгово-ремесленных центров Булгарского государства. Поселение расположено на одном из многочисленных островов Камского Устья, образованных в результате создания Куйбышевского водохранилища (Беговатов Е.А., 2013). Остров находится на левом берегу затопленной реки Красная – левого притока реки Волга. На территории этого археологического памятника на протяжении многих лет находят многочисленные артефакты, датирующиеся X веком: куфические дирхемы, бусы, серебряные и бронзовые витые браслеты, янтарь, серебряные слитки, керамические, бронзовые и железные изделия (Беговатов Е.А., 2013). Куфические монеты Семеновского I селища представлены широким диапазоном монетных дворов саманидских амиров от Исмаила б. Ахмада (892–907 гг.) до Нуха II б. Мансура (976–997 гг.) (Беговатов Е.А., 2013).

Ранее часть серебряных монет была изучена на предмет химического состава (Беговатов Е.А., 2013а). Из исследованного комплекса нумизматического материала были выделены три монеты, имеющие трехслойную структуру. Для определения особенностей их изготовления монеты были проанализированы естественно-научными методами.

В представленной работе приведены результаты исследований методом оптической и электронной микроскопии, которые были получены для 3 серебряных дирхамов, имеющих различную датировку.

Образцы для исследований.

№1. Монета №51 (см. фототабл. 1/1). Наименование монетного двора – *аш-Шаш*, при амире *Насре ибн Ахмаде* (301/914 – 331/943 г.) в 330/942 г. Указано теофорное имя багдадского халифа: *ал-Муттаки лиллах*. Монета найдена в ходе раскопок Семеновского селища I.

№2. Монета №57 (см. фототабл. 1/2). «Брактеат». *Наср ибн Ахмад*. Теофорное имя багдадского халифа: *ал-Муктадир билах* (295/907 – 320/932 гг). Поскольку подобной продукции саманидские монетные дворы не изготавливали, можно полагать, что это продукция местных производств. На монете имеется несколько отверстий, что свидетельствует о её использовании в качестве украшения, для которого она, возможно, и была сделана. Датировать артефакт можно в широких хронологических границах – 301-331 г.х., а, возможно, и позднее. Этот «брактеат» обнаружен на Измерском селище.

№3. Монета №124 (см. фототабл. 1/1). Монетный двор *Самарканд*, саманидский амир *Мансур I ибн Нух* (350/961 – 365/976 гг.) в 363/973-974 г. Указано теофорное имя багдадского халифа: *ал-Мути лиллах*. Монета найдена при раскопках Семеновского селища I.

Подготовка образцов к анализу.

Для выявления внутренней структуры был отломан микрофрагмент от каждой монеты. Объектом изучения явились боковые изломы, поэтому отбор полного по высоте фрагмента был обязательным условием для получения объективной картины. Аналитические исследования проводились методом оптической и электронной микроскопии на оборудовании Axio Observer Z1, Axio Imager.Z2m и AURIGA CrossBeam с энергодисперсионным спектрометром Inca X-Max в КНИТУ-КАИ (г. Казань).

Методика анализа:

- образец фиксировался на токопроводящий углеродный скотч на алюминиевый держатель;
- зафиксированный на держатель образец помещался в камеру электронного микроскопа;
- зондирование проводилось с выбранного участка на поверхности исследуемого образца.

Оборудование и режимы.

В ходе электронно-микроскопического анализа использовался режим VPSE (детектирование вторичных электронов в режиме низкого вакуума) для визуализации общей морфологии покрытия в панорамной съемке, а также для проведения микрозондового количественного и качественного анализа (20 кВ, 800 пА).

Микрозондовый рентгеноспектральный анализ образцов на базе энергодисперсионного спектрометра INCA X-Max (чувствительность 127 эВ) включает в себя определение состава образцов, построение спектров и карт распределения элементов. Для визуализации участков определения состава были сделаны снимки на оптическом микроскопе AxioObserver Z1.

Результаты исследований.

Проведенные исследования методом сканирующей электронной микроскопии шести монет с Семеновского селища I (Khramchenkova R., 2015) позволили выявить среди них одну монету, которая характеризуется литой структурой в 3 диффузионно-связанных между собой слоя. Наличие недеформированных разнонаправленных и различных по размеру кристаллов в слоях свидетельствует о необычном способе изготовления монетной заготовки – трехэтапная наливная технология изготовления листа (Khramchenkova R., 2015). Монетный двор на монете указан – *аш-Шаш*, эмитент *Наср II ибн Ахмад*, 330/942 г.

Данная технология весьма необычна в связи с тем, что требует глубоких знаний о природе расплавленного металла, и его поведения в различных средах и агрегатных состояниях. Для подтверждения теории об уникальности технологии изготовления трехслойных монет были проведены исследования дополнительно еще 11 серебряных монет династии Саманидов. Из общей массы образцов выявлены два артефакта, аналогичные по структуре монете №1, из них одна (№2) – является репликой монеты Насра II ибн Ахмада – односторонняя монета («брактеат»); а другая №3 – является практически целой монетой Мансура I ибн Нуха, 363/973-974 г. Ниже приводится описание структуры и химического состава изученного нумизматического материала.

Монета №1 имеет наложенный рыхлый внешний слой толщиной 30-35 мкм. Снаружи этот слой состоит из высокопробного серебра – 95%, в контакте с внутренним слоем монеты наружный слой содержит 5,19% меди. Внутренний слой монеты имеет кубическую зернистую структуру и помимо серебра содержит примерно 7% меди и 2% свинца. Зерна представлены равномерными, хорошо переплавленными конгломератами. Внутри монеты имеются также включения медного сплава, состоящие из 87,5% меди и 12,5% серебра (Khramchenkova R., 2015).

Монета имеет трехслойную структуру. Диффузионная связь слоев высокая. Толщина поверхностного слоя 1 достигает 60-70 мкм, внутреннего слоя варьируется в широких пределах от 80-90 до 280-300 мкм, толщина поверхностного слоя 2 также варьируется в широких пределах, в

зависимости от внутреннего слоя (фототабл. 1/4). Внутренний слой монеты имеет явную литую крупнозернистую структуру, размер зерна 60-140 мкм (фототабл. 1/5). Поверхностные слои имеют пористую и мелкозернистую структуру, размер зерна 20-40 мкм (фототабл. 1/5). О литом происхождении монеты свидетельствует высокая степень диффузии слоев монеты и разная их структура. Внешние слои монеты имели явно высокую скорость теплообмена и доступ к воздуху, поскольку носят следы газовой микропористости. Внутренний слой монеты имел меньшую скорость теплоотдачи, отсюда крупнозернистая равномерная структура. Наиболее вероятный способ изготовления монетной заготовки – вырубка из литого слоистого листа. Изготовление такого листа, вероятно, происходило в три этапа:

1 этап. Наливался слой расплавленного серебра высокого качества с небольшой примесью меди, при этом его охлаждение происходило в среде с высоким температурным градиентом.

2 этап. На полученный слой серебра сверху заливался сплав серебра более низкой пробы с примесью меди и свинца. Охлаждение происходило гораздо медленнее, чем на первом этапе.

3 этап. На еще не затвердевший слой предыдущего металла сверху выливали серебро того же состава, что и в первом слое.

Отсюда высокая неравномерность по толщине внутреннего и внешнего слоев (фототабл. 1/4).

«Брактеат» №2 с именем Наср ибн Ахмад изготовлен из высокопробного серебра. Содержание (по суммарному спектру) серебра составляет 85,24%, меди – 4,43%, свинца – 0,95%. Медь растворена в центральном слое монеты. На фототабл. 1/6 видно, что образец, кроме центрального слоя, имеет еще 2 внешних слоя. Их химический состав отличается от внутреннего слоя: внешние слои содержат 88,71% серебра, а во внутреннем слое на 5,5% меньше.

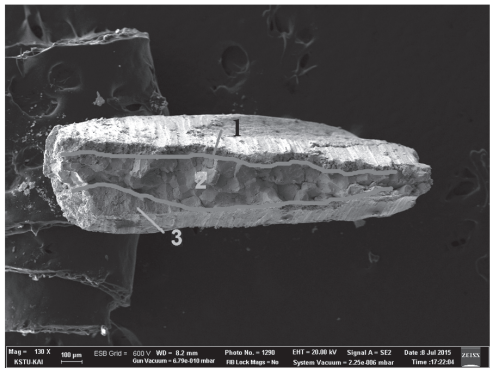
Внутренний слой монеты не имеет явных признаков пластической деформации, скорее всего, монета сделана из литой пластины. Есть вероятность, что ее изготавливали наливным способом аналогично монете №1 (фототабл. 1/6).

В отличие от первой монеты образец №2 является репликой или оттиском. Структура дендритная с четкой направленностью их роста в одну сторону, что указывает на наибольший градиент температуры (фототабл. 1/6). Вероятно, внутренний слой 2 являлся основой, на который затем наливали наружные слои. Скорость охлаждения среднего слоя была крайне низкой, что способствовало образованию дендрит-

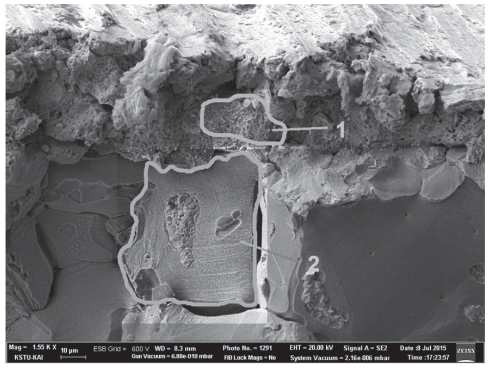
1

2

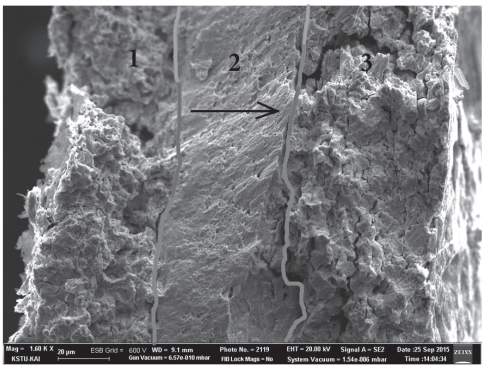
3-1



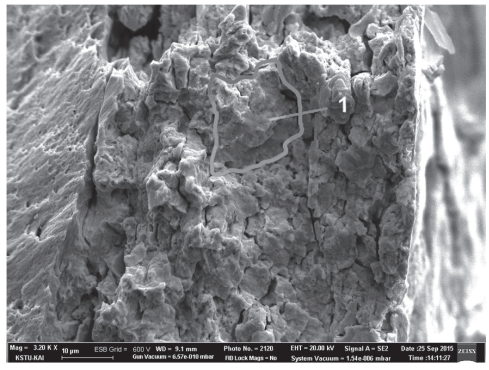
4



5

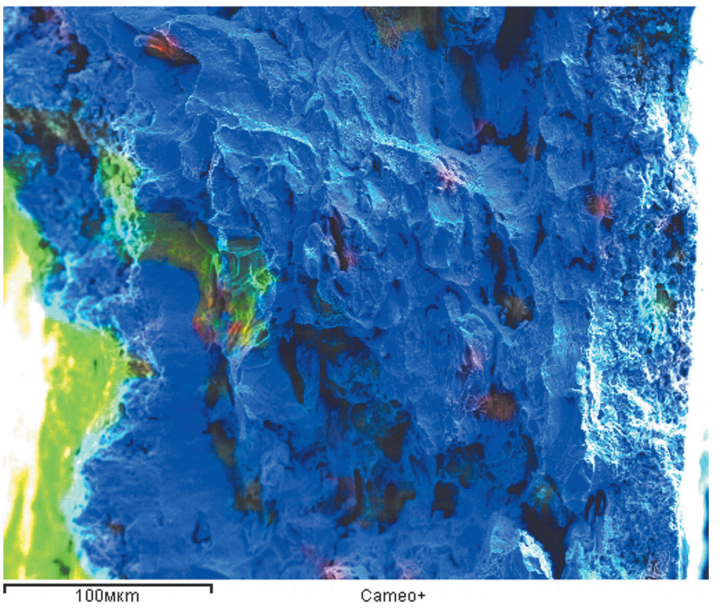


6

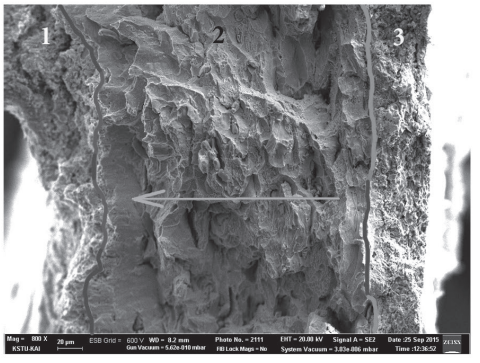


7

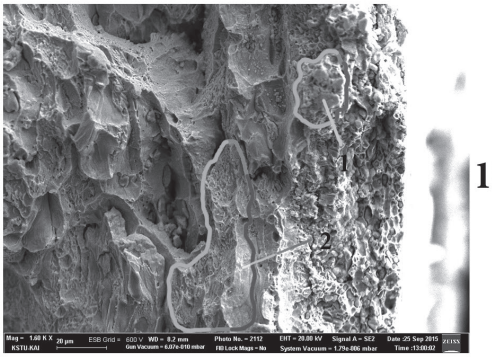
Фототабл.: 1. Монета №1 Наср ибн Ахмад 330/942 г., аш-Шаш.
2. Монета («брактеат») №2. Наср ибн Ахмад (301-331 гг.х. или позднее).
3. Монета №3. Мансур ибн Нух, 363/973 г., Самарканд. 4. Слоистая структура монеты №1:1, 3 – внешний слой; 2 – внутренний слой.
5. Зерна внешнего и внутреннего слоя монеты №1: 1 – зерно (кристалл) внешнего слоя; 2 – зерно (кристалл) внутреннего слоя, 6. Слоистая структура монеты №2:1, 3 – внешний слой; 2 – внутренний слой; стрелка указывает направление роста дендритов.
7. Зерна внешнего и внутреннего слоя монеты №2: 1 – зерно (кристалл) внешнего слоя



8



9



10

Фототабл.: 8. Карта распределения химического состава по излому монеты №3:
оранжевый цвет – Cu; голубой – Ag; зеленый – Pb и Cu
9. Слоистая структура монеты №124: 1, 3 – внешний слой; 2 – внутренний слой
10. Зерна внешнего и внутреннего слоя монеты №3:
1 – зерно (кристалл) внешнего слоя; 2 – зерно (кристалл) внутреннего слоя

ной структуры. Толщина внешнего слоя 1 – 40-50 мкм, внутреннего слоя 2 – 50-55 мкм, внешнего слоя 3 – 55-65 мкм (фототабл. 1/6). Примерный размер сечения зерна внешнего слоя 20-30 мкм (фототабл. 1/7). В целом, несмотря на схожесть технологии изготовления реплики №2 с монетой №1, механизмы образования структуры опровергают их идентичность. Важно также отметить, что, в отличие от монеты №1, реплика №2 подвергалась сильному травлению.

Монета №3 эмитента Мансура I ибн Нух – из высокопробного серебра. Содержание по суммарному спектру внутреннего слоя серебра составляет 84,61%, меди – 14,59%, свинца – 1,80%. Расплав серебра и меди является равномерным в центральном слое монеты. Чистота наружного слоя серебра в монете достигает 90,91%. На фототабл. 2/8 видно, что внутренний серебряный сплав содержит включения растворенной меди и свинца. Однако одна сторона монеты заражена соединением свинца с медью, что, вероятно, обусловлено переносом с чекана для изготовления монет.

В отличие от первой монеты образец №3 имеет дендритную структуру с четкой направленностью их роста в одну сторону, что указывает на наибольший градиент температуры (фототабл. 2/9). Скорость охлаждения среднего слоя была крайне низкой, что способствовало образованию дендритной структуры. Примерный размер сечения видимых дендритных образований 20-30 мкм (фототабл. 2/10). Направление роста кристаллов внешнего слоя 3 перпендикулярно плоскости излома. Размер поперечного сечения зерна внешнего слоя примерно 10-15 мкм (фототабл. 2/10). Таким образом, в целом несмотря на внешнюю схожесть технологии изготовления монеты №3 с монетой №1, механизмы образования структуры опровергают их идентичность. Важно также отметить, что в отличие от монеты №1 монета №3 подвергалась сильному травлению.

Проведенные исследования изломов монет показали, что монеты №1 и №3, а также оттиск №2 имеют трехслойную структуру. Монета №1 в отличие от двух других образцов имеет равноосную крупнозернистую структуру срединного слоя, что указывает на равномерное изменение градиента температур. Вероятно, ее изготавливали в режиме нон-стоп, то есть неостывший второй слой залили сверху третьим слоем жидкого металла.

Технология изготовления монет №3 и №2 имеет другую природу. Внутренний слой заливался на медленно охлаждаемую гладкую поверхность. После образования корочки на неостывший металл срединного слоя заливался расплав серебра более высокой пробы. После охлаждения двух слоев, литой лист снимался с площадки, переворачивался и снова заливался высокопробным серебром. Поэтому образцы №3 и №2 имеют дендритную структуру срединного слоя с четкой направленностью кристаллов на одну сторону монеты. Внешние слои монеты №3 и оттиска №2 полностью протравлены и имеют рыхлую пористую структуру, в то время как поверхность монеты №1 не подвергалась травлению.

Как было показано выше, технология изготовления серебряных монет отличается в порядке нанесения слоев. Отличается также химический состав монет: наружный слой монеты №1 имеет более высокую пробу – 95%, а у двух других монет – 90%. Структуры монет №1 и №2 сильно отличаются. Интересным является факт идентичности монеты №3 и оттиска №2, которые имеют сходную структуру и, вероятно, изготавливались по определенной отработанной технологии. Следует заметить, что время изготовления монеты №2 неизвестно, поэтому идентичность структуры металлов обоих образцов, возможно, свидетельствует не только об их изготовлении по одной технологии, но и о близком времени изготовления этих монет (монета №3 бита в 973 г.х.). Однако для таких далеко идущих выводов (о возможности датировки монет по технологическим приемам их изготовления) требуется дальнейшее системное изучение дирхамов с целью получения необходимого количества информации, достаточного для статистического анализа.

Литература

Казаков Е.П. Клады Семеновского острова // Клады, хронология, интерпретация. Казань, 2001. С. 120-123.

Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Казань: Академия наук СССР. Казанский филиал, 1986. 110 с.

Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII веков низовий Камы. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001а. С. 176

Беговатов Е.А., Казаков Е.П., Мухаметшин Д.Г., Сингатуллина А.З. Нумизматические комплексы X века с Семеновского острова (Республика Татарстан) // Поволжская археология. № 4(6). 2013. С. 47-63.

Беговатов Е.А., Лебедев В.П., Храмченкова Р.Х. Химический состав серебряных монет X века I Семеновского селища (Республика Татарстан). Поволжская археология. №3(5). 2013а. С. 169-173.

Khramchenkova R., Begovatov E., Shaykhutdinova E., Safina I., Sitdikov A. Investigation of silver coins of the 10th century Semenovsky Villages (Volga Bulgaria) // Proceedings of the 1st International Conference on Metrology for Archaeology. Benevento – Italy, October 21 - 23, 2015. Pp. 407-412.

А.И. Бугарчёв

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ СИМДЖУРИДОВ (911 – 1002 ГГ.) ПО НАРРАТИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ И В ПАМЯТНИКАХ НУМИЗМАТИКИ

В предлагаемой работе собраны сведения о политической истории средневековой восточной династии Симджуридов с привлечением нумизматических материалов. Прослежено развитие рода, из которого вышли многие именитые военачальники и администраторы провинции Хорасан. Начиная с начала X в. они находились на службе у Саманидских амиров, постепенно поднимаясь по карьерной лестнице – от воинов-гулямов до владетеля независимого государственного образования в конце X в. Нумизматические памятники этой эпохи, собранные по различным источникам, служат дополнением к историческим событиям. В некоторых случаях монеты уточняют и исправляют сведения, освещенные прежними исследователями. По надписям на динарах прослеживается изменение в титулатуре различных представителей династии Симджуридов – от проставления имени Абу-л-Хасана Мухаммада с титулом ал-вали в 358 г.х. и *насир ад-давла* в 367 г.х., до титула *сейид ал-умара* его сына Абу Али в 382 г.х. и титула *амир ал-джалил* другого сына Абу-л-Хасана – Абу-л-Касима Али. Последний несколько месяцев 387 г.х. правил в Джурджане как независимый государь.

В конце очерка приводится таблица золотых, серебряных и медных монет, чеканившихся с 358/968-969 г. до 387/997-998 г. в Герате и Нишапуре (в подавляющем большинстве), а также кратковременно в Сиджистане (372 г.х.), Мерве (382-383 гг.х.), Андарабе и Джурджане (387 г.х.).

Ключевые слова: история, Хорасан, Симджуриды, Саманиды, Буиды, Газневиды, Нишапур, Герат, динар, дирхам, X век.

Летом 2001 г. сотрудниками археологической экспедиции Казанского Государственного университета в районе с. Билярска (Алексеев-

ский район Татарстана) был найден клад, состоявший из куфических дирхамов конца X – начала XI вв. Всего в кладе находилось 1785 целых и обломанных монет. Позднее был определен династийный состав клада: Мамуниды (хорезмшахи II династии), Зийариды, Буиды, Саманиды, Симджуриды и Караханиды (Беговатов Е.А., 2005, с. 31).

Особый интерес представляли 13 монет Симджуридов. Необходимо отметить, что монеты Симджуридов и ранее встречались в кладах монет X века, находимых на территории Татарстана, например, в Чистопольском кладе 1885 г. и в кладе из с. Крещеный Баран 1905 г.

В ходе поиска информации о представителях этой династии выяснилось, что целенаправленно историей данной династии до сих пор никто не занимался. В трудах средневековых авторов X – XIV вв. сохранились лишь обрывочные сведения о деятельности отдельных лиц, относящихся к Симджуридам. Многочисленные исторические нестыковки в датах, именах и событиях из первоисточников некритически использовались в исследованиях ученых XX в. В опубликованных генеалогиях приводились неполные списки династов и приблизительные даты их жизни (напр., Bosworth, 1996).

Что касается публикации нумизматических памятников правления Симджуридов, то здесь наблюдалась явная неопределенность со статусом династии. В трудах нумизматов XIX в. (Френ Х.М., 1832, Тизенгаузен В.Г., 1855) монеты с именами Симджуридов помещались в разделы саманидских монет. Позднее, начиная с Инвентарного Каталога А.К. Маркова, симджуридские монеты стали выделяться в отдельный раздел как субдинастия государства Саманидов.

Весь этот разнообразный и несостыкованный материал привел меня к мысли попытаться собрать и систематизировать всю доступную мне информацию о жизни и деятельности симджуридских династов и сопоставить ее с данными нумизматики. В сокращенном варианте эта работа была опубликована в 2013 г. (Беговатов Е.А., Бугарчев А.И., 2013). Здесь представлен самый полный на сегодня вариант исследования. В итоге получилась история династии, которая прошла несколько этапов своего развития:

I. Первоначально – это полностью преданные своим амирам воины-гулямы, сумевшие за счет личных качеств стать умелыми командирами и администраторами.

II. Затем, возвысившись до губернаторов провинций и сипахсаларов («генералов»), они почувствовали свою силу и незаменимость и стали влиять на внутреннюю и внешнюю политику всего саманидского государства.

III. Далее, через измену правителям дома Самани, через союзы с бывшими врагами и сражения с бывшими союзниками пришли к независимому правлению. И в конце концов были уничтожены еще более сильными династиями – Газневидами и Караханидами.

В общем, такой путь развития государств и/или отдельных династий был характерен как для X века, так и для более позднего времени в истории Востока.

СИМДЖУР

Впервые Симджуриды появляются на исторической сцене при саманидском амире Ахмаде б. Исмаиле (295-301/907-914 гг.). Абу Имран Симджур (Симджур Девати) – тюркский гулям предыдущего амира Исмаила б. Ахмада (279-295/892-907 гг.), был послан вместе с другими военачальниками завоевывать Сиджистан (провинцию Систан) в мухарраме 298 / сентябре-октябре 910 г.

Он получил грамоту на управление Систаном в рамадане или шаввале 298 г.х. / май-июнь 911 г. (Тизенгаузен В.Г., 1855, с. 23), хотя сам город был завоеван саманидскими войсками только 1 зул-хиджа 298 / 1 августа 911 г. (Тарихи Систан, 1974, с. 281-282).

На следующий день, 2-го зу-л-хиджа / 2 августа Симджур вступил в управление провинцией, но пробыл здесь недолго – около 3-х месяцев. Амир Ахмад передал управление провинцией Систан своему двоюродному брату Мансуру б. Исхаку, который пришел в Систан 12-го раби-I 299 / 8 ноября 911 г. (Тарихи Систан, 1974, с. 281-282).

Второй раз Симджур стал правителем города и области в шаввале или зу-л-када 300 / май-июль 913 г. по распоряжению того же Ахмада и управлял на сей раз более продолжительное время – 10 месяцев. Мансур б. Исхак был назначен правителем города Нишапур.

В месяце джумада-II 301 / январь 914 г. амир Ахмад был убит. Когда об этом стало известно в Систане, войско покинуло Симджура и 8-го рамазана 301 /8 апреля 914 г. тот вынужден был бежать из города в провинцию Кухистан, так как эта область была его личным владением. Кухистан находился в 9-ти днях пути от Нишапура и в 8-ми днях пути от Герата (МИТТ, 1939, с. 177).

После джумада-I 303 / ноябрь-декабрь 915 г. против Симджура в Кухистан выступил Абу Исхак Зайдави. Симджур был вынужден покинуть и эту провинцию, однако в наступившем 304 г.х. (с 5 июня 916 г.) он вернулся с войском, в сражении победил Абу Исхака и вернул себе управле-

ние областью. Это случилось до джумада-II 304 /до декабря 916 г. (Тарихи Систан, 1974, с. 292).

В 306 г.х. (наступил 14 июня 918 г.) в борьбу за власть в Систане включился Ахмад б. Куддам (306-310/918-922 гг.). Он вступил в город Систан в шаввале 306 / марте 919 г. Одним из отрядов войска Ахмада командовал Симджур. В период между месяцами зу-л-хиджа 308 г. и раби ал-аввал 309 г. (период с апреля до августа 921 г.) Симджур вместе с Мухаммадом ал-Балами упоминается среди военачальников, оборонявших Мерв от различных мятежников (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 97).

В союзе с Ахмадом б. Куддамом Симджур участвовал в ряде сражений и вместе с ним попал в плен (после битвы в рамазане 310 / январе 923 г.). На каком этапе Симджур присоединился к Ахмаду б. Куддаму, не ясно, но уже в том же 310 г.х. Симджур был послан саманидским амиром Насром (301-331/914-943 гг.) против мятежника ал-Утруша, захватившего Джурджан (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 98). Симджур выступил с четырьмя тысячами всадников и остановился в двух фарсахах (12-14 км) от Джурджана. После месяца осады города ал-Утруш вышел с войском в восемь тысяч дайламитов и джурджанцев для сражения в поле. Часть сторонников Симджура опоздала к началу битвы и саманидскому войску вместе с самим Симджуром пришлось отступить. Войдя в брошенный саманидский лагерь, воины ал-Утруша стали грабить брошенное в спешке имущество. Но тут подошел опоздавший отряд и напал на дезорганизованную толпу мародеров. Были убиты около четырех тысяч воинов ал-Утруша. Другая часть его войска, преследовавшая отступавшего Симджура, вернулась к лагерю и, увидев своих людей убитыми, отступила в Астарабад. Туда же пришел и сам ал-Утруш с остатками войска.

Узнав о победе своего опоздавшего отряда, Симджур с остальным войском вернулся назад и занял Джурджан. Ал-Утруш оставил наместником в Астарабаде Макана б. Кали и ушел в город Сари. Симджур со своим союзником Мухаммадом ал-Балами (с которым несколько лет назад оборонял Мерв) подошел к воротам Астарабада и осадил город. Однако осада стала затягиваться. Саманидские командиры вступили в тайные переговоры с Маканом. Они пообещали тому выплатить деньги с условием, что тот сдаст город, а саманидские военачальники объявят о завоевании Астарабада. Получив обещанное, Макан ушел в Сари. Симджур и ал-Балами заняли Астарабад, назначили своего наместника, а сами отправились в Нишапур. Тем не менее, деньги оказались потрачены впустую: узнав о том, что саманидское войско покинуло Астарабад, Макан снова вернулся в этот город, а позже захватил и Джурджан (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 98-99).

Позднее, в 314 г.х., в месяце джумада-II / сентябрь 926 г. амир Наср занял город Рей, и через два месяца покинул его. После себя он на короткое время передал управление Реем Симджуру (*Фасмер P.P.,* 1912, с. 21).

Умер Симджур между 318 и 326 годами (930-936 гг.) (Bosworth C., 1996, 175).

ИБРАХИМ ибн СИМДЖУР

Еще при жизни отца, в период 310-314/922-926 гг. Ибрахим б. Симджур был губернатором Хорасана (Bosworth C., 1996, 175).

В 328 году (с 18 октября 939 до 5 октября 940 г.) Макан б. Кали, правивший в Джурджане, перестал подчиняться саманидскому амиру, и против бунтовщиков было отправлено войско из Нишапура. В конце 328/940 г. Джурджан был приведен в подчинение, а правителем города был назначен Ибрахим б. Симджур. Он оставался в Джурджане до мухаррама 329/октября 940 г., после чего отправился с саманидским войском снова завоевывать Рей. В это время в Рее правили Зийариды – братья Вашмигир и Мардавидж. Против них интриговали Буиды братья Имад ад-Давла и Рукн ад-Давла. Они хотели при помощи саманидского войска изгнать Зийаридов из Рея, а затем расширить свои владения в Хорасане. Зийариды вынуждены были оставить Рей и в 330 г.х. (с 26 сентября 941 до 15 сентября 942 г.) Вашмигир признал над собой власть Саманидов (Ибн Ал-Асир, 1996, с. 110-111).

В раджабе 333 / марте 945 г. в Нишапур приехал сам амир Нух б. Наср (331-343/943-954 гг.) и в месяце рамадан / май 945 г. назначил Ибрахима наместником Нишапура. В мухарраме 335 / августе 946 г. в Нишапур вошли сторонники Ибрахима б. Ахмада (дяди правящего амира), взбунтовавшиеся против центральной власти. В базе данных zeno.ru есть динар Нишапура 335 г.х. с именем Ибрахима б. Ахмада (вес 4,36 г) (Z/68384), в каталоге И. Леймуса издан дирхам Ибрахима б. Ахмада, чеканенный в Нишапуре в 335 г.х. (*Leimus I.,* 2007, с. 76, №16). Известны также дирхамы из базы данных zeno.ru (Z/114717, Z/145519). По мнению В.В. Бартольда, сторонники Ибрахима б. Ахмада изгнали Симджурида из Хорасана (Бартольд В.В., 1964, с. 498). По Ибн Ал-Асиру – Симджурид присоединился к бунтовщикам и вместе с ними в месяце раби-I 335/ октябре 946 г. пошел завоевывать Мерв, где в это время находился амир Нух (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 119) (но, скорее всего, Ибн Ал-Асир спутал двух Ибрахимов – Ибрахима б. Ахмада и Ибрахима б. Симджура).

Ибрахим б Симджур умер в 337 г.х. / 11 июля 948 - 1 июля 949 г. (Бартольд В.В., 1963, с. 308).

Монеты с именами Абу Имрана Симджура Девати и Ибрагима б. Симджура не известны.

МУХАММАД ибн ИБРАХИМ ибн СИМДЖУР

Абу-л-Хасан Мухаммад появляется на исторической сцене в начале правления Саманида Абдалмалика I б. Нуха (343-350/954-961 гг.). В период раби-I – раджаб 344 / июнь – октябрь 955 г. сипахсалар Хорасана Бакр б. Малик, назначенный на эту должность в августе 954 г. (Бартольд В.В., 1963, с. 309), пригласил Абу-л-Хасана на должность шихна («коменданта») в Нишапуре. Бакр плохо заботился о войске, унижал свое окружение, и против наместника была отправлена жалоба в Бухару. В рамадане 345 / декабре 956 – январе 957 г. Бакр был вызван саманидским амиром в столицу и там казнен (Гардизи, 1991, с. 76).

После Бакра правителем Хорасана стал Абу-л-Хасан. В 346/957 г. (по Гардизи – в 347 г.х.) ему привезли диплом и знамя на должность сипахсалара (Бартольд В.В., 1963, с. 310). «Амир Абу-л-Хасан чинил много насилий в Нишапуре и жалобы на него постоянно доходили до правителя Бухары», и в итоге в месяце джумада-II 349 / августе 960 г. его сняли с этой должности (Гардизи, 1991, с. 76).

В 350/962 г. при новом амире Мансуре б. Нухе (350-365/961-976 гг.) командование в Хорасане было передано Абу Мансуру. Позднее он восстал против Саманидов и призвал на помощь Буида Рукн ад-Давла Хасана. Абу-л-Хасану Симджуриду было приказано выступить против союзников – Абу-Мансура и Рукн ад-Давла, и он изгнал бунтовщиков. Абу Мансур был отравлен. Как победитель, Абу-л-Хасан прибыл в Нишапур в качестве сипахсалара в месяце зу-л-хиджа 350 / январь-февраль 962 г. На этот раз он правил более осмотрительно и заслужил похвалы у современников: «Он всех расположил к себе. Пять лет он провел в Нишапуре и никуда не двигался» (Гардизи, 1991, с. 78).

В 356 г.х. (с 17 декабря 966 до 6 декабря 967 г.) саманидский амир Мансур приказал собрать войско для очередного похода на Рей, где правил изгнанный из Хорасана Буид Рукн ад-Давла. Главнокомандующим в этом походе был назначен Зийарид Вашмигир, а Абу-л-Хасан с хорасанским отрядом был подчинен ему. Но кампания сорвалась из-за скоропостижной смерти Вашмигира в мухарраме 357 / декабре 967 г. Место главнокомандующего занял его сын Бисутун (357-367/967-978 гг.), который поспешил заключить мир с Рукн ад-Давла и перешел под его покровительство (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 142-143).

В следующем 358 г.х. (с 25 ноября 968 г.) положение Абу-л-Хасана в качестве правителя Хорасана осложнилось. Войско потребовало жалования. Абу-л-Хасан попросил деньги у своего сюзерена – амира Мансура. Однако вместо денег амир прислал ответ: «Деньги для войска надо взять у Бисутуна» (Гардизи, 1991, с. 79), то есть открыто приказал идти войной на Зийарида Бисутуна, правившего в Джурджане. Перед лицом такой опасности Бисутун бежал в Табаристан к Буидам. Воевать же непосредственно с Буидами Абу-л-Хасан не мог. Без денег и без войска он не удержал свою провинцию в подчинении. В это же время халиф ал-Мути (334-363/946-974 гг.) из Багдада послал Бисутуну халат и стяг на владение Табаристаном, Гурганом, Салусом и Руйаном (то есть, на часть земель, формально подчиненных Саманидам), а также титул «защитник державы» *(захир ад-давла)* (Лихачев А.Ф., 1887, с. 59). Этим жестом багдадский халиф хотел ослабить влияние саманидского амира в регионе. В базе данных zeno.ru приведены дирхамы, битые в Джурджане в 358 году: №81746 – от имени Бисутуна без титула, № 52683 – от имени Захир ад-Давла Бисутуна. Таким образом, данные нумизматики подтверждают, что эти события произошли в 358 г.х. (25 ноября 968 – 13 ноября 969 г.).

Амир Мансур должен был послать войска для завоевания Гургана, а Симджурида хотел снять за оставленный Хорасан. Узнав о грозящей отставке, Абу-л-Хасан приехал в Бухару. «Амир Абу-л-Хасан был человек весьма коварный и хитрый. Он пустил в ход много ухищрений» (Гардизи, 1991, с. 79). Через отдельных придворных он добился у Мансура прощения и вернулся в третий раз в Нишапур в чине сипахсалара. Более того, он получил в управление также область Мерва. Его сын Абу Али Мухаммад б. Мухаммад впервые упоминается в 358 г.х., когда присвоил деньги и имущество, оставленные в некоторых округах Хорасана бывшим правителем Кермана (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 146).

В 358 г.х. имя Абу-л-Хасана Мухаммада с титулом *ал-вали* (правитель) появляется на монетах. Известен динар Нишапура (№1) 358 г.х. В 360 г.х. динары с именем Симджурида чеканятся в Герате (№3). Гардизи пишет, что, получив халат и грамоту на управление Хорасаном, Абу-л-Хасан «очень обрадовался и назначил самого любимого сына, чтобы он состоял при нем» (Гардизи, 1991, с. 81).

К 361 г.х. (24 октября 971 – 1 октября 972 г.) относится крупный дипломатический успех Симджуридов. Абу-л-Хасан смог организовать заключение мира между Саманидом Мансуром и Буидами Рукн ад-Давла и его сыном Адуд ад-Давла. По условиям этого мира Буиды обязались выплачивать Мансуру ежегодно 15 000 динаров [по Гардизи (с. 80) –

200 000 динаров; по Бейхаки (1969, с. 252) – «четырежды тысячу тысяч дирхамов», то есть 4 миллиона]; сын Мансура Нух женится на дочери Адуд ад-Давла. Деньги стали высылаться ежегодно из Рея – столицы Буидов, но не в Бухару, а в Нишапур, где находился Абу-л-Хасан.

12 шавваля 365 / 13 июня 976 г. умер амир Мансур б. Нух. К этим 10-ти месяцам 365 г.х., до смерти Мансура, относится динар Герата (см. табл. 1, №10) с именем Абу-л-Хасана – *ал-вали Мухаммад*, и именем его сына Абу Али – Мухаммад – на другой стороне. С именем *ал-вали Мухаммад* и именем следующего амира – Нуха б. Мансура в оставшиеся два месяца 365 г.х. чеканен динар Нишапура (см. табл. 1, №11).

Саманидским амиром в тринадцатилетнем возрасте стал Нух б. Мансур (365-387/976-997 гг.). Он породнился с Абу-л-Хасаном (взял в жены его дочь), присвоил ему титул «Поборник Державы» *(насир ад-давла)*, подтвердил его полномочия, «а также поручил дело поставок продовольствия и отстройки Нишапура, Герата и Кухистана» (Гардизи, 1991, с. 81). По нумизматическим данным, уточняющим сведения Гардизи, титул *насир ад-давла* Абу-л-Хасан получил в 367 г.х. (с 19 августа 977 до 8 августа 978 г.): на монете №13 (динар Герата 367 г.х.) он назван *ал-вали*, а на монете №14 (динар Герата того же года) – уже с новым титулом.

В этом же 367 г.х. возникла вражда между Симджуридами и новым саманидским везиром Абу-л-Хусайном Утби. Амир Нух назначил Утби везиром в месяце раби-II 367 / в ноябре-декабре 977 г., а до этого спросил совета (очевидно, формального) по этому кандидату у Абу-л-Хасана. Тот в ответе написал: «Абу-л-Хусайн [Утби] молод». Об этом нелестном отзыве стало известно Утби. Он затаил обиду и, получив-таки должность везира, стал порочить Симджурида перед амиром: «Абу-л-Хасан слаб, не справится с делами, он хочет нажиться на казне, на выколачивании налогов, зря амир Нух породнился с ним» (Гардизи, 1991, с. 81). События 361 года, когда при заключении мира с Буидами деньги пошли не в Бухару, а в Нишапур, отчасти подтверждают эти обвинения. Да и сам Симджурид к тому времени почти перестал подчиняться центральному правительству.

В конце концов, Нух послал в Хорасан письмо об отставке Абу-л-Хасана. Это произошло в середине шаабана 371 / в феврале 982 г. (Бартольд В.В., 1963, с. 313). Для большего общественного резонанса Утби приказал послу объявить об отставке принародно, громким голосом. Гардизи красочно описал это событие: «Когда посланец прибыл в Нишапур, амир Абу-л-Хасан стоял посреди свиты. Посланец передал извещение в таком виде, как приказал везир. Амир Абу-л-Хасан помрачнел, пришел в ярость и сказал: «Я правитель Хорасана, а сипахсалар – мой

Фототаблица 1
1 – Нишапур, 358 г. (Казан, №358); 5 – Герат, 361 г. (Албум, лист 205, №35556);
9 – Нишапур, 364 г. (Болдуин, 14 – 326); 14 – Герат, 367 г. (Албум, лист 224, №800014);
18 – Нишапур, 370 г. (Эльзен, 906); 21 – Сиджистан, 372 г. (Z/№141273);
22 – Герат, 373 г. (Албум, лист 206, №39693);
24 – Нишапур, 376 г. (Албум, лист 206, №23862)

сын Абу Али. Клянусь Аллахом, я им покажу звезды при дневном свете» (Гардизи, 1991, с. 81). Провокация везира вроде бы удалась – Абу-л-Хасан распорядился готовить войска для выступления против центрального правительства, но на следующий день передумал и прислал письмо о го-

товности принять отставку. На смену ему на должность сипахсалара Хорасана амир Нух назначил хаджиба Абу-л-Аббаса Таша (когда-то он был гулямом отца Утби и был предан нынешнему везиру (Бартольд В.В., 1963, с. 313) и присвоил тому почетное прозвище *Меч Державы (Хусам ад-Давла)*. Таш прибыл в Нишапур в шаабане 371 / в феврале-марте 982 г. Известен динар 371 г.х., чеканенный в Нишапуре с этим почетным прозвищем Хусам ад-Давла (Эльзен, №907; Album S., Auc. 7, №303; в числе лотов этого же аукциона приведены динары чекана Нишапура также с лакабом Таша *Хусам ад-Давла* следующих годов: 372, 373, 375, 376 (№№298, 297, 296, 299). Дирхам Нишапура 372 г.х. с именами Нуха б. Мансура и Насира ад-Давла (Добровольский И.Г., Шагурина Г.Б., 2004, №21) надо признать ошибочно атрибутированным: либо год не 372 или в имени хорасанского правителя (не «Насир», а «Хусам»).

Еще за два месяца до этих событий, в месяце джумада-II 371 / в декабре 981 г. Буид Адуд ад-Давла захватил Джурджан и Табаристан и изгнал оттуда Зийарида Кабуса и его покровителя, своего брата Фахр ад-Давла. После февральской отставки Абу-л-Хасана изгнанники прибыли в Нишапур к новому правителю Хорасана Ташу и послали письма к амиру Нуху, прося помощи. Амир и везир приказали оказывать беженцам почет и направили к ним войско. В этом войске одним из командиров был Фаик ал-Хасса, знаменитый полководец и интриган (на монетах его имя впервые появляется в 354 г.х.; Тизенгаузен В.Г., 1855, с. 216). Войско подошло к Джурджану, и в битве, состоявшейся в рамадане 371 / в мае 982 г., саманидско-зийаридская коалиция проиграла буидскому войску. Но тут неожиданно умер Адуд ад-Давла (в шаввале 372 / в июне 982 г.). Буиды не смогли воспользоваться победой. «Буидское войско остановилось и в Хорасан не пошло, а не то оно разорило бы Хорасан и Таша» (*Гардизи,* 1991, с. 82). Побежденные союзники – Таш, Фахр ад-Давла и Кабус вернулись в Нишапур. Амир Нух приказал им готовиться к новому походу, но внезапная смерть везира Утби сорвала эти планы (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 150-151).

Это было политическое убийство, произошедшее в этом же в 372/982 году. Два саманидских военачальника – Абу-л-Хасан Симджурид и Фаик составили заговор, и по их приказанию наемники-мамлюки убили везира. Так Абу-л-Хасан мстил за свою грубую отставку в Нишапуре годичной давности (в 371 г.х.).

После отстранения от правления Хорасаном Абу-л-Хасан находился в провинции Кухистан. Во второй половине 372 г. он был отправлен в Систан, где когда-то начинал карьеру и был наместником его дед, пробыл там более 4-х месяцев (шаабан – зу-л-хиджа 372 – январь – апрель 983 г.),

чтобы примирить Хусайна б. Тахира и Халафа б. Ахмада. К этому времени соперничество за место правителя Систана между Хусайном и Халафом длилось уже более трех лет. К прибытию Симджурида в Систане уже находилось саманидское войско, присланное из Бухары. Его и возглавил Абу-л-Хасан. Он осадил Халафа в крепости Арк, считавшейся одной из самых неприступных. Как уже не раз бывало ранее, Симджурид предложил Халафу сделку: тот сдает крепость, а Абу-л-Хасан с победой уводит саманидское войско из Систана. Халаф принял условия и добровольно ушел из крепости. Симджурид занял крепость, велел начать чтение пятничной проповеди на имя Нуха б. Мансура (то есть объявил жителям округи о верховенстве саманидской власти) и назначил начальником гарнизона Хусайна б. Тахира (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 141). Известен динар, выпущенный в Систане в 372 г.х. от имени амира Нуха б. Мансура и самого Абу-л-Хасана (фототаблица 1/21). После отъезда из Систана Абу-л-Хасана соперничество за власть в регионе не прекратилось. К Халафу в раджабе 373 / декабре 983 г. пришел Абу-л-Касим, наместник Кухистана, другой сын Абу-л-Хасана, брат Абу Али (Тарихи Систан, 1974, с. 322, с. 462). Только после этого в раджабе 373 г.х. в Систане был заключен мир.

В самом саманидском государстве борьба за должности не прекращалась. Несмотря на поражение от Буидов, Таш был вызван обратно в столицу, чтобы занять освободившуюся после смерти Утби должность везира. Место правителя Хорасана оказалось свободным, и сюда из Кухистана поспешил вернуться Абу-л-Хасан. В Нишапуре он объединился с Фаиком. Узнав об этом, везир Таш собрал войско и выступил из Бухары в Мерв. Однако столкновения удалось избежать – соперники сумели мирно разделить власть. Хорасан остался за Ташем, Балх – у Фаика, а Кухистан – у Симджуридов. Установилось хрупкое равновесие.

Но, закрепив за собой Хорасан с Нишапуром, Таш уже не мог занять место везира, и на эту высокую должность амир Нух в 373 / с 15 июня 983 г. назначил Абд Аллаха б. Узайра, который был противником и семьи Утби, и Таша. Новый везир начал принимать меры для устранения Таша, надеясь вернуть в Хорасан Абу-л-Хасана. Таш понял, что потерял поддержку центрального правительства в Бухаре и обратился за помощью к Буиду Фахру ад-Давла (после смерти своего брата Адуд ад-Давла в 374 г.х. он занял престол в Рее; Булгаков П.Г., 1972, с. 72). Фахр прислал деньги и отправил войско в Нишапур. Сам Таш в этот момент находился в Мерве и, воспользовавшись его отсутствием, Симджурид и Фаик вытеснили присланный буидский отряд из Нишапура. Это произошло после месяца раби-I 376 / июль-август 986 г., так как в этом месяце получил

отставку очередной везир Абдаррахман, и после этого Абу-л-Хасан снова получил пост сипахсалара в Хорасане. На монете (фототаблица 1/24) чекана Нишапура 376 г.х. он назван *ал-вали Насир ад-Давла.* Бывшего везира Таша понизили до правителя городов Нисы и Абиварда. Отступивший буидский отряд остановился недалеко от Нишапура. Вскоре к ним присоединился сам Таш. Начавшиеся столкновения продолжались несколько дней. Чуть позднее от Фахра ад-Давла подошло подкрепление – еще две тысячи всадников, и Абу-л-Хасан вынужден был оставить Нишапур. Все эти события произошли еще в 376 г.х. (закончился 2 мая 987 г.).

После ухода Симджурида из Нишапура Таш вступил в город и обратился к амиру Нуху, чтобы вернуть его доверие и получить поддержку, но из этого ничего не вышло. Пока Таш находился в Нишапуре и пытался примириться с саманидским амиром, Абу-л-Хасан прибыл из Нишапура в соседний Кухистан, где начал собирать свое разбежавшееся войско. К нему пришло и подкрепление из Бухары (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 152-155). Также Абу-л-Хасан попросил помощи у соперника Фахра, другого представителя династии Буидов, Шарафа ад-Давла сына Адуда ад-Давла (того самого, чья смерть в 372 г.х. спасла Хорасан от буидского нашествия). Шараф ад-Давла прислал две тысячи человек. Вместе с этим подкреплением и подошедшим к этому времени Фаиком Абу-л-Хасан под Нишапуром нанес поражение войску Таша. Эта битва произошла 7-го шаабана 377 / 2 декабря 987 г. (Бартольд В.В., 1963, с. 314). Симджурид снова возглавил Хорасанский удел (см. см. табл. 1, №24-25; фототабл. 1/24 и 2/25), чеканенные в последние 5 месяцев 377 г.). Именно такой порядок чеканки динаров (Абу-л-Хасан, Нишапур 376 г. – Таш, Нишапур 376 и 377 годов – Абу-л-Хасан, Нишапур 377 г.) иллюстрируют исторические события.

Разбитый и изгнанный из Хорасана Таш прибыл к Фахру ад-Давла в Джурджан. Буидский правитель его принял с почетом, отдал в управление Джурджан и Астарабад, а сам отправился в Рей. В следующем 378 г.х. (с 21 апреля 988 до 10 апреля 989 г.) Таш умер в Джурджане от чумы, хотя Ибн Ал-Асир пишет, что он пробыл в Джурджане три года (с. 154). После смерти Таша его воины разбрелись, а большинство влилось в войско сына Абу-л-Хасана – Абу Али в Хорасане. В этом же году умер и сам Абу-л-Хасан Симджурид: «однажды отправился в Хурмек. Он любил некую девушку-служанку, лег с ней спать. Он возлежал на лоне ее и отдал душу в месяце зу-л-хиджа 378 г.» (*Гардизи,* 1991, с. 83), то есть в марте-апреле 989 г. (Бартольд В.В., 1963, с. 314).

МУХАММАД ибн МУХАММАД ибн ИБРАХИМ ибн СИМДЖУР (АБУ АЛИ МУХАММАД)

В 376-378 / 986-989 годах сын Абу-л-Хасана Абу Али Мухаммад правил в Герате (см. табл. 1, №25-26, 29-32; фототабл. 2/25). При жизни отца у него не было титулов, на монетах он назван просто – Мухаммад б. Мухаммад, или Абу Али. После смерти Абу-л-Хасана Нишапур охранял другой его сын – Абу-л-Касим Али б. Мухаммад. Как пишут источники, «враги пытались братьев поссорить», но Абу-л-Касим в 379 г.х. (с 11 апреля 989 до 30 марта 990 г.) перевел казну и войско умершего отца в Герат к брату. После смерти отца Абу Али стал претендовать на должность наместника Хорасана. Амир Нух вроде бы согласился с его притязанием и даже отправил посла с грамотой на правление. Но неожиданно для Абу Али посол по дороге свернул в Герат, который после ухода Симджуридов занял Фаик. Ему и были доставлены почетные одежды и грамота на управление Хорасаном. Абу Али понял, что его обманули.

Началось соперничество между бывшим союзником и сыновьями покойного Абу-л-Хасана. Получив должность наместника Хорасана, Фаик выступил против своего соперника, однако Абу Али ускоренным маршем опередил Фаика и разбил его войско между Бушенджем и Гератом, заставив уйти в город Мерверруд. Теперь Абу Али стал уже требовать отцовскую должность. Амир Нух вынужден был согласиться и отдать ему в управление весь Хорасан вместе с Гератом, который до этого конфликта некоторое время принадлежал Фаику (Материалы по истории киргизов, 1973, с. 55).

Нух б. Мансур назначил Абу Али сипахсаларом и «отличил его почетным званием Столпа Державы в году 381» (Гардизи, 1991, с. 83-84). В то же время монеты показывают, что у Абу Али еще не было громких почетных прозвищ – в 381 г.х. он был только *ал-вали* (см. табл. 1, №39). Интересно отметить, что в этот период его секретарем был племянник убитого везира Утби – Мухаммад ал-Утби, будущий знаменитый историк.

К следующему, 382 году х. (начался 9 марта 992 г.), Абу Али, почувствовав слабость амира, «захватил все Предречье и завладел султанскими доходами, рудниками, предприятиями и имениями, и оказывал амиру Нуху сколько мог пренебрежения. Установил для себя титул «амир амиров» и остановил чтение с минбаров хутбы на имя Нуха» (Гардизи, 1991, с. 84). Данные нумизматики снова уточняют слова Гардизи: на дирхаме Мерва 382 г.х. стоит титул не *амир амиров*, а *глава амиров*, и имя саманидского амира не исчезло с монет (что ожидалось бы вместе с отменой имени Нуха на пятничной молитве) (см. табл. 1, №40).

Еще в 381 г.х. Абу Али пошел на прямую измену своему сюзерену – он написал письмо Караханиду Богра-хану Харуну с предложением разделить Саманидское государство следующим образом: Богра-хану будет принадлежать Мавераннахр, а Абу Али останется править Хорасаном (Булгаков П.Г., 1972, с. 36-37; Кочнев Б.Д., 2006, с. 151; Бартольд В.В., 1963, с. 318).

Несколько ранее (точное время не установлено) разбитый Симджуридом Фаик собрал своих сторонников в Мерверруде и выступил против центрального правительства, направившись в сторону Бухары. Амир Нух отправил против него войско, и Фаик снова проиграл сражение. После этого полностью изменивший Саманидам Фаик тоже стал призывать Караханида Богра-хана завоевать саманидское государство.

В 382 г.х. в месяце раби-I караханидские войска вошли в столицу Саманидов – Бухару и пробыли там с 7 мая по 17 августа 992 г. (Кочнев Б.Д., 2006, с. 150). У Ибн Ал-Асира написано, что захват Бухары произошел в 383 г. (с. 155). В столице к Караханидам присоединился изменник Фаик (Ал-Утби, 1988, с. 25). Он попросил себе в управление Балх и по распоряжению Богра-хана отправился туда.

После потери Бухары амир Нух вынужден был бежать от Караханидов в Амуль и там стал собирать своих сторонников. Он призывал Абу Али придти с войсками на помощь, «прося смиренно у него помощи» (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 157), но Симджурид отказывался помочь ему. Тогда Нух вынужден был обратиться к другому своему вассалу – Сельджуку, который находился в Дженде [это значит, Сельджук не умер «приблизительно в 380 году», как пишет А. Али-заде (Али-заде А., 2007, с. 346)]. Тот отправил на помощь своего сына с отрядом воинов (МИТТ, 1939, с. 365).

У самого Абу Али отношения с главой Караханидов не сложились – Богра-хан стал обращаться с ним как со своим вассалом, то есть не признал Симджурида равным себе (Кочнев Б.Д., 2006, с. 151). В.В. Бартольд пишет, что после охлаждения отношений между Богра-ханом и Абу Али последний, наконец, согласился присоединиться к амиру Нуху, но потребовал себе *титул приближенного (вали) повелителя правоверных* (Бартольд В.В., 1963, с. 320-321).

Еще в Амуле, в изгнании, Нух сделал тактический ход. Он отдал город Абивард в подчинение хорезмшаху Абу Абдаллаху, правителю Хорезма, а город Нису – амиру Джурджана Мамуну. Эти города входили во владения Абу Али, и Нух такими пожалованиями хотел создать Симджуриду новых врагов. Также амир хотел отблагодарить обоих вассалов за помощь, которую они оказали амиру во время его пребывания в Амуле (*Бартольд В.В.,*

1963, с. 322). Нису Абу Али уступил (и это впоследствии спасло ему жизнь), а Абивард отказался отдать наместникам хорезмшаха: «Абиверд числится и записан как собственность моего брата, и пока диван (правительство) не даст мне замену, не будет отдан Абиверд» (Ал-Утби, 1988, с. 31). Из-за этого отказа хорезмшах затаил обиду на Симджурида.

Наконец, судьба улыбнулась Саманидам. В этом же 382-ом году Богра-хан заболел и вынужден был покинуть Бухару. По дороге он умер от геморроя. Посланный в помощь Нуху сельджукский отряд запоздал и смог только пограбить обозы отступающих Караханидов. После этого сельджуки возвратились в Дженд.

Амир Нух вернулся в свою столицу (17 августа 992 г.), и теперь уже потребовал к себе Абу Али с войском и деньгам. На этот раз Абу Али заколебался. После совещания с приближенными он принял решение подчиниться Саманиду и приказал собирать дары для амира, которые намеревался преподнести тому в знак примирения. В это время против вернувшегося в Бухару амира выступил с войском Фаик. Он намеревался занять столицу и подчинить себе все государство. Однако у амира Нуха уже собралось свое войско, и он выслал его против мятежного Фаика. «Между сторонами произошло жестокое сражение. С обеих сторон было много убитых» (Ал-Утби, 1988, с. 28). Фаик был разбит и с небольшим отрядом был вынужден искать союза со своим недавним соперником за пост Хорасанского правителя – с Абу Али. Бывшие враги встретились в Мерве. Абу Али обрадовался своему новому союзнику, и все дары и деньги, собранные в Хорасане (и приготовленные для амира Нуха), отдал Фаику (Бартольд В.В., 1963, с. 321; Ал-Утби, 1988, с. 28-29).

Когда Нух узнал о заключении союза между Абу Али и Фаиком, он обратился к другому своему формальному вассалу – Абу Мансуру Себуктегину, могущественному правителю Газны, будущему основателю династии Газневидов. Они договорились о встрече, которая и состоялась в Кеше (Ал-Утби, 1988, с. 29). При этой встрече, понимая безвыходное положение Нуха, Себук-тегин не стал исполнять все ритуалы поклонения: он, ссылаясь на свой возраст, при встрече не сошел с коня и не поцеловал землю (Бертельс Е.Э., 1960, с. 287). Амир вынужден был все это стерпеть. После переговоров государи разъехались собирать войска.

Узнав об этой встрече, Абу Али прибыл в Нишапур из Мерва (см. дирхам Мерва 382-383 гг. – см. табл. 1, №35 и 37; фототабл. 2/35) в раджабе 383 / в августе-сентябре 993 г. Война стала неизбежной. Амир Нух из Бухары выступил в Мерв, а оттуда – в Герат. По дороге к нему присоединился Себук-тегин с большим войском, в котором было около двухсот сло-

нов, захваченных в свое время в Индии. Уже заранее амир Нух назначил Себук-тегина сипахсаларом Хорасана.

Абу Али вместе с Абу-л-Касимом и другими братьями, с примкнувшими Фаиком и Зийаридом Дара б. Кабусом тоже подошли к Герату из Нишапура. К ним присоединился отряд, присланный Буидом Фахром ад-Давла. Все стали готовиться к битве.

Незадолго до столкновения Абу Али обратился к Себук-тегину. Он попросил его помочь примириться с Нухом. Себук-тегин в письмах и в личных беседах с саманидским амиром добился прощения для Абу Али, но с условием, что Симджуриды заплатят штраф и в трехмесячный срок доставят в казну 15 миллионов дирхамов (Ал-Утби, 1988, с. 32).

Абу Али и его окружение посчитали такой исход дела очень благоприятным для себя. Но все испортила роковая случайность. Группа молодых людей из войска Симджуридов, без приказаний и разрешений, самовольно совершила набег на лагерь Себук-тегина. Было убито несколько человек, в том числе начальник гарнизона. Эта стычка перечеркнула все договоренности. Разгневанный Себук-тегин приказал своему войску готовиться к сражению (Ал-Утби, 1988, с. 31-33). Перед боем Себук-тегин применил военную хитрость. Он знал, что в его окружении есть симджуридский осведомитель, но до поры до времени не подавал виду. Себук-тегину стало известно, что союзник Симджуридов Дара б. Кабус хочет во время битву перейти на его сторону. Себук-тегин вызвал шпиона, поручил некое дело и при нем стал говорить одному из своих командиров: «Дескать, Абу-л-Касим, Фаик и Дара сдадутся мне на милость, и один из них согласился схватить Абу Али и выдать нам» (Гардизи, 1991, с. 85). Через доносчика все это стало известно Абу Али.

Уже накануне битвы, состоявшейся 15 рамазана 384 / 23 октября 994 г. (Бартольд В.В., 1967, с. 477), часть войска покинула Абу Али. Зийарид Дара во время битвы действительно изменил Абу Али и перемет-нулся на сторону Саманидов – Себук-тегинидов. Увидев, что слова его осведомителя частично начинают сбываться, Абу Али подумал, что брат Абу-л-Касим и Фаик тоже изменят ему. Он бросил войско и бежал. В итоге коалиция Симджуридов и Фаика проиграла коалиции Саманидов и Газневидов – Себук-тегину и его сыну Махмуду (будущему султану Газны).

После этой победы Нух присвоил Себук-тегину титул *Поборник веры и державы (Насир ад-Давла ва-д-дин)*, а его сыну Махмуду – титул *Меч Державы (Сайф ад-Давла)*. Также Махмуд получил должность сипахсалара, которую раньше занимал его отец Себук-тегин.

Фототаблица 2
25 – Герат, 376 г. (Албум, лист 218, №48441); 35 – Герат, 380 г. (Z/№64768);
36 – Нишапур, 380 г. (Z/№13959); 42 – Мерв, 383 г. (Лихачев, №11). 44 – Нишапур, 384 г.;
49 – Джурджан, 387 г. (оба дирхама из Билярского клада)

Разбитые Абу Али и Фаик отступили к Нишапуру, а Себук-тегин стал преследовать их. В последний день шавваля 384 / 7 ноября 994 г. он вступил в Нишапур (Бейхаки, 1969, с. 198) и отдал город в управление сыну Махмуду. Известны два типа динаров Махмуда с титулами *ал-вали Сайф ад-Давла*, чеканенные в Нишапуре в 384 г.х. (см. Z/90393 и 125928). Следуя вышеизложенным историческим событиям, монеты Махмуда с этим годом были выпущены в последние два месяца 384 г.х.

Военные действия на время прекратились. Амиры отправились в свои столицы: Нух вернулся в Бухару, Себук-тегин – в Герат, а его сын Махмуд остался в Нишапуре управлять Хорасаном.

Абу Али последовал путем Таша семилетней давности. Он отправился в Джурджан и попросил помощи у Буида Фахра ад-Давла. Буидский правитель приказал выделить ему 2 миллиона дирхамов за счет податей Джурджана (Ал-Утби, 1988, с. 34).

Наступил 385 год хиджры (с 5 февраля 995 г). Сначала Абу Али хотел выступить из Джурджана и завоевать области Фарс и Керман, но потом решил вернуть ставший родным Хорасан (Бейхаки, 1969, с. 202). Узнав о том, что Себук-тегин покинул Нишапур, Абу Али и Фаик снова запросили денег у Фахра. На этот раз Буид отказал им. Тем не менее, союзники набрали войско, и первого дня месяца раби-I 385/ 5 апреля 995 г. выступили из Джурджана. Брат Абу Али – Абу-л-Касим на этот раз воздержался от похода и остался в городе. Газневид Махмуд с отрядом вышел навстречу мятежникам, но после небольшого столкновения в окрестностях Нишапура отступил и вернулся к отцу в Герат. Абу Али остановился в Нишапуре (см. табл. 1, №42-43; фототабл. 2/42), хотя приближенные и советовали преследовать Махмуда и не дать тому объединиться с отцом.

Себук-тегин и его сын Махмуд снова стали собирать войска. Вместе с другими вассалами в Герат пришел систанский правитель Халаф б. Ахмад. Противоборствующие армии выступили в поход и встретились в окрестностях города Тус у деревни Андарах. Себук-тегин не хотел войны и перед сражением отправил гонца к Абу Али (все-таки престиж семейства Симджуридов был еще высок). Он предложил Симджуриду мир, пообещал пост наместника своего сына Махмуда в Нишапуре и ходатайство перед саманидским амиром о прощении для строптивого вассала. Абу Али заколебался и собрал совет своих приближенных.

«Что за разговоры! – сказали все, – нужно драться» (Бейхаки, 1969, с. 208). Битва состоялась в воскресение, за 10 дней до конца джумада-II 385 / 22 июля 995 г., и Абу Али снова проиграл сражение. На этот раз разбитый Абу Али направился к Буидам в Рей. Там его с почетом принял Фахр ад-Давла. «Всякий раз, когда приглашал его к столу, посылал за ним лошадь в полном убранстве и все это оставлял ему» (Гардизи, 1991, с. 8).

Через некоторое время Абу Али тайком вернулся в Нишапур «ради какой-то женщины». Там его опознали и попытались задержать, но он смог избежать ареста и направился в Хорезм. В Хазараспе он остановился в чьем-то саду. Пришли приближенные местного хорезмшаха, принесли угощение и сказали, что на следующий день придет сам хорезмшах Абу Абдаллах. Однако еще ночью хорезмийцы ворвались в сад, арестовали Абу Али и увезли в Хорезм. Это случилось в первый день рамадана 385 / 28-29 сентября 995 г. (Бартольд В.В., 1963, с. 324-325, прим. 1). Хорезмшах

собирался отправить пленника к саманидскому амиру. Так пишет Гардизи о периоде после последней битвы (с. 86).

По Ибн Ал-Асиру (с. 160-161), разбитые Фаик и Абу Али бежали в Абивард, оттуда в Мерв и, наконец, в Амуль. В Амуле Абу Али написал амиру Нуху, прося о прощении. Амир вроде бы согласился, но с условием, что Абу Али порвет отношения с Фаиком, отправится в Гургандж (Ургенч) и останется у местного правителя Мамуна. Фаик пытался остановить своего союзника, говорил, что это хитрость и ловушка со стороны амира. Но Абу Али не послушал его и направился в Гургандж. Сам же Фаик отправился к Караханидам.

Вблизи Хазараспа Симджурид был пленен отрядом хорезмшаха и увезен в Кят. Хорезмшах Абу Абдаллах, по-видимому, не знал о том, что Абу Али едет по распоряжению Нуха, и «думал оказать ему услугу пленением его опасного врага» (Булгаков П.Г., 1972, с. 38). Так излагает события Ибн ал-Асир.

Но тут Абу Али неожиданно получил свободу. Соперник хорезмшаха, амир Гурганджа Мамун (тот самый, который получил город Нису в 382 г.х.) воспользовался сложившейся ситуацией и послал военный отряд в Хорезм. Хорезмшаха схватили, Абу Али освободили и всех отправили в Гургандж. Там Абу Абдаллаха казнили, и хорезмшахом, объединив 2 государства, стал ал-Мамун б. Мухаммад, основатель II династии Хорезмшахов–Мамунидов. Исторический факт: из-за этой смены власти из Хорезма был вынужден бежать великий ученый Беруни (Булгаков П.Г., 1972, с. 38-39).

Мамун принял Абу Али с почетом и поддержал его деньгами.

В это время прибыл посол от амира Нуха. Он стал звать Абу Али в Бухару, обещая высочайшее прощение. Абу Али послушался, и через много лет вернулся с покорностью к Нуху. Сначала его встретили с почетом, встречать вышли везир Ибн Узейр и военачальник Бектузун. Но позже Симджурид был схвачен с 18-ю братьями и приближенными и всех их отвели в тюрьму. Это было уже в 386 г.х. (наступил 25 января 996 г.) (Гардизи, 1991, с. 86).

По Бейхаки, «в течение нескольких дней, покуда он (Абу Али) являлся к амиру (Нуху), его войско и нескольких предводителей уничтожили. В час вечерней молитвы Абу Али с 15-ю человеками отвели в кухандиз и там заперли в месяце джумада II 383 г.» (Бейхаки, 1969, с. 204). Как видно из вышеизложенных фактов, год у Бейхаки написан ошибочно: если месяц правильный, то джумада-II 386 г.х. соответствует июню 996 г.

Узнав о пленении Абу Али, Себук-тегин, находящийся в Балхе, стал требовать у Нуха отдать ему пленника. Себук-тегин писал, что Хорасан

не успокоится, пока Абу Али находится в Бухаре. Нух колебался, не выдавать Симджурида советовал и везир Ибн Узейр, но амир все-таки уступил требованиям своего вассала, и в шаабане 386 / сентябре 996 г. Абу Али и один его гулям были отправлены в Балх. Абу Али въехал в Балх верхом на муле в ножных оковах. Позже Нух передумал и стал требовать вернуть обратно Абу Али. Амир говорил: «Соседние государи нас грызут [за это]». Но еще до прибытия саманидского посла Себук-тегин переправил Симджурида в свою столицу Газну, в крепость Гардиз (Бейхаки, 1969, с. 204).

Сын Абу Али, Абу-л-Хусайн, ушел в Рей к Фахру ад-Давла. Там он жил в почете, ему ежемесячно выдавали 5000 дирхамов. «Из страсти к одной женщине или гуляму он вернулся в Нишапур и там скрывался. Амир Махмуд приказал его разыскать. Его поймали, отправили в Газну и заперли в крепость Гардиз» (Бейхаки, 1969, с. 205), то есть вместе с отцом.

В 387 г.х. (с 14 января 997 до 2 января 998 г.) умерли или были убиты основные действующие лица этого исторического периода: в пятницу 14 числа раджаба 387 / 23 июля 997 г. умер саманидский амир Нух б. Мансур, в шаабане 387 / августе 997 г. – Буид Фахр ад-Давла, в шаабане же – амир Себук-тегин, в 387 г. (до смерти Себук-тегина?) были убиты в крепости Гардиз Симджуриды Абу Али Мухаммад б. Мухаммад и его сын Абу-л-Хусайн. «Его гроб в раджабе 388 / июль 998 г. был доставлен в Каин, в Кухистане; по утверждению духовенства (которому Абу Али всегда покровительствовал), при вскрытии гроба тело, облаченное в одну лишь рубаху из белой шерсти, было найдено неповрежденным» (Бартольд В.В., 1967, с. 477-478). В этом же 387 году умер и хорезмшах Мамун – правитель Хорезма.

АЛИ ибн МУХАММАД ибн ИБРАХИМ ибн СИМДЖУР

По интернет-каталогам известны динары Герата 373 и 375 годов. На них стоит имя Али (см. табл. 1, №22-23; фототабл. 1/22). Возможно, что здесь назван Абу-л-Касим Али – брат Абу Али Мухаммада. Однако по рукописным источникам нам пока ничего не известно об этом периоде в истории Герата.

В месяце раби-I 385 / в апреле 995 г. Алу-л-Касим отказался от выступления против Махмуда Газневида и оставался в Джурджане, в котором в это время чеканились дирхамы от имени Фахра ад-Давла (по Л. Тредвелу – в 385, 386 и 387 годах; Treadwell L., 2001, p. 243). Симджурид признал себя вассалом Махмуда б. Себук-тегина. Амир Нух попытался привлечь его на свою сторону и даже назначил правителем Кухистана. «Однако

вскоре, по-видимому, в том же 995-м году, и он, уже в одиночку поднял мятеж, был разбит Махмудом, бежал к Фахру» и вернулся в Джурджан (Булгаков П.Г., 1972, с. 38-40).

Абу-л-Касим пробыл в Джурджане с 385 по 388/995-998 гг. После смерти Фахра ад-Давла в шаабане 387 / августе 997 г. в оставшиеся 5 месяцев этого года он чеканил монету уже без упоминания саманидского амира, как полностью независимый правитель (см. табл. 1, №48-49; фототабл. 2/49).

После смерти Себук-тегина (в шаабане 387 г.х.) его сын Махмуд, бывший правителем Хорасана с месяца шавваль 384 г.х., вынужден был отправиться в Газну, чтобы отвоевать себе престол Газневидского государства. На опустевшее место правителя Хорасана саманидский амир Мансур б. Нух назначил Бектузуна. Утвердившись в своей столице, Махмуд стал требовать у амира свой пост в Хорасане. Мансур ответил ему отказом. Махмуд использовал этот отказ как предлог для разрыва отношений с домом Самани и выступил с армией к Герату.

В месяце раби-I 388 / в марте 998 г. Абу-л-Касим Симджурид, подстрекаемый неугомонным Фаиком, напал на нового сипахсалара Хорасана – Бектузуна, вассала Мансура б. Нуха, но был разбит под Нишапуром и бежал в Кухистан (Булгаков П.Г., 1972, с. 72; Бартольд В.В., 1963, с. 326). Вскоре Абу-л-Касим примирился с Бектузуном, они породнились по женской линии и Бектузун вернулся в Нишапур (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 167).

В этом же 388 г.х. на несколько месяцев Джурджан перешел под власть малолетнего Буида Маджда ад-Давла, а в шаабане 388 / августе 998 г. после ряда сражений с Буидами в Джурджан вступил Зийарид Кабус.

На следующий 389 г.х. (начался 23 декабря 998 г.) Абу-л-Касим прибыл с многочисленным войском к следующему саманидскому амиру – Абдалмалику б. Нуху, который стал правителем в сафаре 389 / в феврале 999 г. (предыдущий амир Мансур был свергнут в результате заговора Фаика и Бектузуна). Все собрались в Мерве – сначала Фаик и Бектузун, потом амир Абдалмалик, затем Абу-л-Касим, примирившийся с Бектузуном. С ними был и Зийарид Дара б. Кабус (тот самый, который в сражении 384 г.х. изменил Симджуридам прямо на поле битвы). Против них из Герата выступил Махмуд б. Себук-тегин, полностью вышедший из подчинения Саманидам. Оба войска сошлись в Мерверруде. Сначала начались переговоры, которые вроде бы закончились следующим соглашением: Бектузун останется сипахсаларом Хорасана, в том числе области Нишапура, а область Балха и город Герат будут принадлежать амиру Махмуду.

Махмуд был доволен, что мир достался ему без кровопролития (все-таки он не хотел войны с Саманидами), и за 4 дня до конца месяца джумада-I 389 / 16 мая 999 г покинул войско. Командующим вместо себя он оставил брата – амира Насра б. Себук-тегина (Бейхаки, 1969, с. 566).

И вновь, как в 384 г.х., в историю вмешалась случайность.

Узнав, что Махмуд уехал, Дара б. Кабус начал подстрекать саманидских воинов напасть на обозы Газневидов. «Множество людей [из саманидского войска – А.Б.], жаждя золота и одежд, помчались без приказа и согласия предводителей и напали на обоз и войско амира Махмуда» (Бейхаки, 1969, с. 566). Это случилось 3 джумада-I 389/ 22 мая 999 г. Наср принял бой и поспешил оповестить брата. Махмуд не успел далеко отъехать, вернулся и вступил в сражение. Саманидские войска были разгромлены. Таким образом, для Саманидов весь Хорасан был потерян окончательно.

Махмуд приказал читать хутбу в Хорасане на имя халифа ал-Кадир би-л-лаха, так как до этого хутба читалась на имя умершего еще в 381 г. халифа ат-Таи ли-л-лаха. Потерпевшие поражение Абдалмалик и Фаик вернулись в Бухару, Бектузун – в Нишапур, а Абу-л-Касим отступил в Кухистан. Один из главных интриганов эпохи Фаик умер в шаабане 389 / в августе – сентябре 999 г.

В довершение всех саманидских бед в начале месяца зу-л-када этого года (в октябре 999 г.) в беззащитную Бухару пришли войска нового караханидского правителя Насра б. Али. Он вошел в город 10 зу л-када / 23 октября (Бертельс Е.Э., 1960, с. 288), схватил Бектузуна, Абдалмалика с братьями и родственниками и отправил всех в Узгенд (Кочнев Б.Д., 2006, с. 155).

В 390 г.х. (начался 13 декабря 1000 г.) последний представитель Саманидов Исмаил б. Нух бежал из плена, переодевшись в женское платье (Бертельс Е.Э., 1960, с. 289). Прибыв в Хорезм, он принял имя *ал-Мунтасир (Победоносный)* и объявил себя саманидским амиром. К нему стали собираться люди и остатки войск. После этого Исмаил двинулся к Нишапуру.

После битвы с наместником Хорасана Насром б. Себук-тегином 28 раби-I 391 / 26 февраля 1001 г. Исмаил вступил в Нишапур, собрал налоги и отступил в Джурджан к Зийариду Кабусу б. Вашмигиру. Кабус поддержал Саманида, дал денег (тридцать тысяч динаров и много тысяч дирхамов), богатые дары и посоветовал захватить Рей – столицу своих врагов – Буидов. В это время различные ветви этой династии были заняты борьбой друг с другом, и город некому было защищать. Возможно, Кабус преследовал и еще одну цель – выпроводить беспокойного союз-

ника из Джурджана. В подчинение Исмаилу были направлены два сына Зийарида (Ал-Утби, 1988, с. 38).

Исмаил последовал совету Кабуса – пошел с войском к Рею и осадил его. Видя, что спасения нет, жители Рея «соблазнили высших чинов его войска, вроде Абу-л-Касима б. Симджура и других, и раздали им деньги, чтобы те заставили Исмаила удалиться. Те так и сделали: уменьшили в его глазах значение Рея, приукрасили в его глазах возвращение в Хорасан» (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 179). Из этого сообщения становится ясно, что во всех этих передвижениях Абу-л-Касим находился рядом с Исмаилом и имел на него большое влияние. В итоге Исмаил снял осаду Рея, ушел к Дамгану, потом вернулся в Нишапур в шаввале 391 / в августе 1001 г. Сыновья Кабуса с частью войска покинули Исмаила и вернулись в Джурджан.

Наср б. Себук-тегин с подошедшим на помощь из Герата отрядом двинулся к столице Хорасана. Амир Исмаил выслал против него Абу-л-Касима. После нескольких столкновений Наср вытеснил саманидского эмиссара из Нишапура.

Исмаил отступил к Абиварду и хотел двинуться в Джурджан. Однако на этот раз Кабус не стал пускать Саманидов в свои области (так как они не последовали его совету захватить Рей) и выслал против них две тысячи горцев-курдов (из этой цифры мы видим, что на данный период у Исмаила было меньше воинов). Саманиды были отбиты, и в войске, утомленном постоянными поражениями, начались волнения. Чтобы успокоить своих людей, Абу-л-Касим предложил идти к городу Серахсу. Местный правитель оставался предан дому Саманидов (Ал-Утби, 1988, с. 40). Тем временем Нишапур снова занял Наср и выступил дальше. В окрестности Серахса состоялась битва, в которой он снова победил. Е.Э Бертельс пишет, что у Серахса столкнулись Саманиды и Караханиды, видимо, это описка (Бертельс, 1960, с. 290). Исмаил с частью войска бежал. Абу-л-Касим Али и еще несколько его командиров попали в плен и были доставлены в Газну. Было это в раби-I 392 / в январе-феврале 1002 г. (Ибн Ал-Асир, 2006, с. 176). Дальнейшая их судьба неизвестна.

В дальнейшем представители семейства Симджуридов в истории не отметились.

Последний саманидский правитель Исмаил после трех лет скитаний был убит в месяце раби-I 395 / в декабре 1004 г.

Выражаю искреннюю благодарность Е.А. Беговатову, А.Р. Варданяну и П.Н. Петрову за их помощь при написании этой работы.

Золотые, серебряные и медные монеты с именами Симджуридов, 358-387 гг.х.

Таблица 1.

№	Название монеты	МД	Год х.	Имя и / или титул	Литература
1	динар	Нишапур	358	Л.с. Над с.в. – ал-вали, под с.в. - Мухаммад	Казан, №985
2	динар	Нишапур	359	Как №1	Z/85900
3	динар	Герат	360	Как №1	Албум, Л. 255, №900045
4	динар	Нишапур	360	Как №1	Z/117739
5	динар	Герат	361	Как №1	Албум, Л.205, №35556
6	динар	Нишапур	361	Как №1	Z/111425
7	динар	Нишапур	362	Как №1	Лен-Пул, с.106; Федоров-Давыдов, с.188
8	динар	Нишапур	363	Как №1	Z/85923
9	динар	Нишапур	364	Как №1	Болдуин, аук. 14, №326
10	динар	Герат	365	Л.с. Под с.в. – Мухаммад, слева от с.в. непрочитанное слово. О.с. под с.в. – ал-вали Мухаммад	Z/27950
11	динар	Нишапур	365	Л.с. как №1. О.с. – под с.в. Нух б Мансур	Z/140929; Федоров-Давыдов, с.188
12	динар	Герат	366	Л.с. Под с.в. – Мухаммад, слева от с.в. непрочитанное слово. О.с. под с.в. – ал-вали Мухаммад	Z/13865
13	динар	Герат	367	О.с. Под с.в. – ал-вали Мухаммад	Z/62796

14	динар	Герат	367	Л.с. Как №1. О.с. Аллах/ Насир/ Мухаммад/ расул Аллах/ ат-Таи-биллах Нух б. Мансур/ ад-Давла	Албум, Л. 224, №800014
15	динар	Нишапур	367	Как №14	Z/90334
16	динар	Нишапур	368	Как №14	Z/127522
17	динар	Нишапур	369	Л.с. Как №1. О.с. Под с.в. – Насир ад-Давла	Албум, Л. 114, №25
18	динар	Нишапур	370	Как №17	Эльзен, 906; zeno.ru, №90333
19	двой-ной динар	Нишапур	371	Как №17	Z/41575; вес 7,53 г.
20	динар	Нишапур	371	Как №17	zeno.ru, №103541, вес 4,01 г.
21	динар, фрак-ция	Сиджи-стан	372	Л.с. Насир/ ат-Таи/ Аллах/ ад-Давла	Z/141273, вес 1,32 г.
22	динар	Герат	373	Над с.в. – Али	Албум, Л. 206, №39693: «с име-нем Симджурида Али»
23	динар	Герат	375	Над с.в. – Али	Албум, Л. 156, №25
24	динар	Нишапур	376	О.с. Под с.в. – ал-вали Насир ад-Давла	Албум, Л. 206, №23862
25	динар	Герат	376	Л.с. Под с.в. – Мухам-мад б. Мухаммад	Албум, Л. 218, №48441
26	динар	Герат	377	Как №25	Z/111269
27	динар	Нишапур	377	Как №24	Z/13867, 111270
28	ирхам	Нишапур	377	Как №24	Савельев, 400, №6
29	фельс	Герат	377	Л.с. Ал-Хасан/ б. Али. О.с. В поле - … Абу Али/ Мухаммад; по кругу - …Абу Али б. Насир ад-Давла	Z/14008

30	фельс	Герат	377	Л.с. Как №29. О.с. По кругу – …Абу Али б. Насир ад-Давла	Z/41277
31	динар	Герат	378	Как №25	Албум, Л.176, №23; Z/139478
32	фельс	Герат	378	Как №29	Z/14009
33	ирхам	Нишапур	379	О.с. Под с.в. – ал-вали (б.?) Насир ад-Давла	Z/104206
34	динар	Герат	380	Л.с. Над с.в. – ал-музаффар-али. О.с. Под с.в. – Мухаммад б. Насир ад-Давла	Z/64768
35	ирхам	Нишапур	380	Л.с. Под с.в. – Мухаммад	Z/13959
36	ирхам	Нишапур	[381]	Л.с. Над с.в. стерто, под с.в. – (Абу Али?)/ Мухаммад б. Насир/ ад-Давла	Z/13879
37	ирхам	Нишапур	38 (1?)	Л.с. Над с.в. – ал-вали, под с.в. – Абу Али Мухаммад б. Насир ад-Давла	Марков, 182, №10
38	ирхам	Мерв	(379-381)	Л.с. Под с.в. – Абу Али Мухаммад б. Мухаммад	Марков, 182, №11
39	ирхам	Герат	381	Л.с. Над с.в. – ал-амир ал-музаффар (?), под с.в. - ал-вали Мухаммад б. Насир/ ад-Давла	Z/96391
40	ирхам	Мерв	382	Л.с. Под с.в. – сейид ал-умара Абу Али	Лихачев, №11
41	динар	Нишапур	383	Л.с. Под с.в. – сейид ал-умара/ Абу Али. О.с. под с.в. Икбал	Z/119200
42	ирхам	Мерв	383	Как №41	Савельев, №10; Лих., №11
43	динар	Нишапур	384	Как №41	Марков, 182, №9

44	ирхам	Нишапур	384	Л.с. Под с.в. – сейид ал-умара Абу Али/ Икбал	Марков, 182, №9; Z/115004 – л.с. без «Икбал», о.с. внизу поля - ? (Икбал?)
45	динар	Нишапур	385	Л.с. Под с.в. – сейид ал-умара Абу Али, слева – Икбал	Болдуин, DG33235
46	ирхам	Нишапур	385	Л.с. сейид ал-умара / Абу Али. О.с. под с.в. Икбал	Беговатов, №5 а
47	ирхам	Андараба	(382-385)	Как №44	Савельев, №11; Лихачев, №11
48	дирхам	Джурджан	387	Л.с. Над с.в. – Икбал, под с.в. – Али б. Насир ад-Давла. О.с. под с.в. …/ амир ал-джалил / (неясное слово) / Абу-л-Касим	Беговатов, №6, Z/1334
49	ирхам	Джурджан	387	Л.с. Над с.в. – Икбал, под с.в. – ал-амир ал-джалил / Абу-л-Касим. О.с. под с.в. Али б. Насир ад-Давла	Беговатов, №7; Z/96121

Примечание.
с.в. – символ веры.
Z/№ – монета номер в интернет ресурсе zeno.ru

Литература

Ибн Ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих. Полный свод историй. Ташкент. 2006.

Али-заде А. Хроники мусульманских государств (I-VII вв. хиджры). М.: УММА. 2007. 445 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. I. 1963. 760 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, ч. 2. 1964. 657 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. VII, 1967. 663 с.

Беговатов Е.А. Заметка по нумизматике Прикаспийских государств рубежа X-XI вв. (Саманиды, Симджуриды, Буиды, Зийариды) // Древности Поволжья: эпоха средневековья. Казань: РИЦ «Школа» 2005. 220 с.

Беговатов Е.А., Бугарчев А.И. Монеты династии Симджуридов // Нумизматические чтения 2013 года. М.: «Триумф принт». 2013. С. 42-47.

Бейхаки Абу-л-Фазл. История Масуда. 1030-1041 гг. М. 1969.

Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы / Избранные труды. Т. I. М.: Изд-во Восточная литература. 1960. 556 с.
Булгаков П.Г. Жизнь и труды Беруни. Ташкент: «Фан». 1972. 428 с.
Гардизи Абу Саид. Зайн ал-Ахбар. Украшение известий. Ташкент: «Фан». 1991. 173 с.
Добровольский И.Г., Шагурина Г.Б. Клад куфических монет начала XI в. из селения Красный Баран (б. Крещеный Баран) в Татарстане // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб.: изд-во СПб. ГУ. 2004. 372 с.
Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991-1209). М.: «София». 2006. 344 с.
Лихачев А.Ф. Чистопольский клад из куфических монет второй половины X века, открытый в 1885 году. Казань. 1887. 32 с.
Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб. 1896. 873 с.
Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л.: изд-во Академии Наук СССР. 1939. 612 с.
Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.: «Наука». 1973. 280 с.
Савельев П.С. Нумизматические заметки // Известия Русского археологического общества. Т. III, 1861.
Тарих-и Систан («История Систана»). М.: «Наука». 1974. 574 с.
Тигенгаузен В.Г. О саманидских монетах // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Т. I. 1855.
Тизенгаузен В.Г. Нумизматические новинки // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества, новая серия. Т. VI, 1891.
Тюнибекян В. Древние и средневековые монеты Туркменистана. Киев: НИИСЭП. 2003. 128 с.
Ал-Утби. Тарих-и Йамини // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. Ташкент: «Фан». 1988. 413 с.
Фасмер Р.Р. Куфические монеты Переяславского клада. 1912.
Федоров-Давыдов Г.А. Клад золотых монет X века из Самарканда // Историко-археологический сборник. М.: Изд-во Московского Университета. 1962. 365 с.
Album S. A Checklist of Islamic Coins. II Ed. 1998. 151 p.
Album S. Auction I, December 2007.
Bosworth C.E. The new Islamic dynasties. A chronological and genealogical manual. N. Y. 1996.
Kazan W. The coinage of Islam. Beirut. 1983.
Dorn B. Inventaire des Monnaies des Khalifes Orientaux et de plusieurs autres dynasties. P. II. St.-Petersbourg. 1877.
Elsen J. Liste 212, oct.-nov. 2000.

Leimus I. Sylloge of Islamic coins 710/1-1013/4 AD. Tallinn. 2007. 446 p.
Lane- Poole St. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. V. IX. London. 1889.
Treadwell L. Buyid Coinage. A die corpus (322-445 A.H.). Ashmolean Museum Oxford. 2001.
Интернет ресурс – www.elsen.be
Интернет ресурс – www.mortonandaden.com
Интернет ресурс – www.sixbid.com (Baldwin auc., lot 326)
Интернет ресурс – www.stevealbum.com
Интернет ресурс – www.zeno.ru

Е.И. Нарожный, Ф.Б. Нарожная

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НУМИЗМАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIII-XV ВВ. (Историографический аспект)

Статья посвящена становлению, развитию и современному состоянию научного интереса к нумизматике Золотой Орды с территории Северного Кавказа. Предпринята попытка критического источниковедческого анализа всего накопленного и опубликованного научного багажа в области нумизматики Золотой Орды и в большей степени именно Северного Кавказа с 1740-х гг. и до наших дней. Статья разбита на разделы: «начальный» этап; современный этап; прочие предметы, связанные с денежным обращением на Северном Кавказе; о монетных дворах XIII-XV вв. на Северном Кавказе; некоторые дискуссионные вопросы. Перечень литературы представляет собой самостоятельную и полезную библиографическую справку по освещаемым вопросам. Авторами затронуто большое количество проблемных вопросов нумизматики Золотой Орды, указаны достоинства и недостатки различных работ.

Ключевые слова: Золотая Орда, Северный Кавказ, нумизматика, Маджар, Джулат, монеты в захоронениях, весовые гирьки, китайские монеты, индийские танка.

Золотоордынская нумизматика за последние десятилетия сделала заметный «рывок», что наглядно демонстрируют серийные издания материалов сразу нескольких научных форумов.[1] Не менее актуальна данная проблематика и в давно продолжающихся научных сериалах сборников

1 Укажем лишь на международный научный форум: «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV вв.», а также I-XVIII «Всероссийские нумизматические конференции», регулярно объединяющих нумизматов для оперативного обсуждения как новых материалов, так и назревших проблем.

статей,[2] не говоря уже о ряде монографий и монетных каталогов.[3] Периодически интересующая нас проблематика обсуждается и на страницах различных, историко-археологических изданиях, среди которых следует назвать такие сериалы научных трудов, как «Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии», «Степи Европы в эпоху средневековья», «Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа», «Материалы и исследования по археологии Кубани» и др. Такая активность наглядно демонстрирует не только потребность в некотором обобщении всего накопленного за это время опыта, но и необходимость создания соответствующих историографических и источниковедческих очерков, посвященных как истории становления и развития научного интереса к северокавказской части нумизматики золотоордынского времени, выявлению в этом опыте проблемных или даже дискуссионных подходов и пр. Подобная работа неизбежно выведет на потребность создания исчерпывающих сводок накопленного материала с последующим и исчерпывающим их анализом.

Отдельные, хотя не всегда исчерпывающие и не во всем позитивные, попытки проведения такой работы уже предпринимались (Пачкалов А.В., 2008б, с. 157-158; 2011б, с. 68-73 и др.),[4] но и они демонстрируют нерешенность поставленных задач, со всей очевидностью являя и потребность в создании максимально полных и отнюдь не избирательных историографических обзоров. В особенности это касается опыта северокавказских исследователей-предшественников, уже давно приложивших немало усилий в сборе и накоплении, а затем и исследовании нумизматических материалов с территории золотоордынских владений на Северном Кавказе. Отчасти данному аспекту проблемы посвящена и предлагаемая ниже работа.

В первую очередь, необходимо определиться с начальным этапом в деле зарождения, становления и поступательной эволюции научного

2 В особенности «Нумизматика и эпиграфика» и «Эпиграфика Востока». Периодически стали выходить и другие научные издания, среди которых особо следует указать «Нумизматику Золотой Орды» (Вып.1-5), «Древности Поволжья и других регионов».

3 Это известные всем нумизматам и специалистам по истории и археологии Золотой Орды монографии А.З. Сингатуллиной, А.Л. Пономарева; каталогов Ю.Е. Пырсова, Р.З. Сагдеевой, и др.

4 К сожалению, данный опыт учитывал далеко не все актуальные моменты, связанные с изучением северокавказского нумизматического наследия – об этом см.: Нарожная Ф.Б., 1999б, с. 40-42; . 2000а, с. 14-15; 2000ж, с. 95-86; 2001а, с.18-21; 2004, с. 331-339; Нарожная Ф.Б., Сухацкая Л.Л,.1999, с.14-16 и др. Отметим еще одну негативную особенность: при публикации сводок обобщающего характера, таковые публикуются (см.: Пачкалов А.В., 2005а, с. 203-207) без ссылок на соответствующий опыт своих предшественников (см.: Нарожная Ф.Б.1999а, с. 32-34; 2000е, с. 25-26; 2003а, с. 122-124; Нарожная Ф.Б., Сухацкая Л.Л.,1999, с. 14-16 и др.).

интереса к нумизматике золотоордынского времени и определить «основные этапы» такого изучения, их характер и содержание.

1. «Начальный» этап:

До недавнего времени «начальный этап» в становлении научного интереса к нумизматике Золотой Орды с территории Северного Кавказа характеризовался следующим образом. «Начало научному изучению монетных находок, происходящих из памятников Центрального Предкавказья, положили две поездки с исследовательскими целями на Северный Кавказ Клапрота в 1807 и 1808 гг. (в частности, он посетил город Маджар, откуда вывез коллекцию золотоордынских монет). В 1832 г. известный востоковед и нумизмат Х.М. Френ описал ряд монет ханов Золотой Орды, происходящих из памятников Центрального Предкавказья» (Прокопенко Ю.А., 1997, с. 66). Чуть позднее данное предположение Ю.А. Прокопенко попытался развить А.В. Пачкалов (Пачкалов А.В., 2009, с. 70-74). В частности, он справедливо указывает на одну из малоизвестных версий русскоязычного извлечения из сочинения Г.(Ю.) Клапрота, опубликованную в «Московском телеграфе» (Клапрот Ю., 1825). Однако суждения А.В. Пачкалова на этот счет вызывают серьезные возражения (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2012б, с. 94-103).

Невозможно ныне начало интересующего нас этапа связывать и с деятельностью другого выдающегося нумизмата – Х.М. Френа (о нем см.: Федоров-Давыдов Г.А., 1984, с. 176, 1985а. 160 с. 4-5; Нарожная Ф.Б., 2000д, с. 21-27; 2001б, с. 188-189; Недашковский Л.Ф., 2008, с. 117-122). Со всей очевидностью первые проявления такого интереса необходимо увязывать с 1740-ми годами, когда на должность астраханского губернатора был назначен В.Н. Татищев. В пределы подведомственной ему территории входила и значительная часть Северного Кавказа; на юго-востоке периферия губернии ограничивалась р. Сулак, на юге – р. Терек и впадающей в него р. Сунжей. На западе границы губернии выходили к р. Кубани (об этом см: Нарожный Е.И., 2003б, с. 111-117; 2004а, с. 134-136; 2004б, с. 109-115).[5] Известно: астраханский губернатор не только сам проехал

5 Помимо интереса к золотоордынской нумизматике с территории Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, В.Н. Татищев способствовал и зарождению интереса к архитектурному наследию Золотой Орды и, в т.ч., к мавзолеям городища Маджара. Сегодня давно опубликованный рисунок (копия литографии М. Некрасова - художника, специально присылавшегося для В.Н. Татищева), известный еще, как минимум, с XIX века (Нарожный Е.И., 2011б, с. 42-48), сначала был опубликован в черно-белом цвете (Аджимамедов Р.Е., 1992). Цветной вариант копии этой же литографии ныне многократно растиражирован (Зиливинская Э.Д., 2009, с. 52-62; Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., 2012, с. 83-93; Зиливинская Э.Д., 2013, с. 309-339; Зиливинская Э.Д. Капарулина О.А., 2013, с. 82-97 и др.).

значительную часть степной территории вверенной ему губернии, но и нередко бывал на развалинах некоторых золотоордынских городов не только Нижнего Поволжья (Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986, с. 232-239), но и Северного Кавказа (Нарожный Е.И., 2004а, с. 134-136; 2004б, с. 109-115). Впоследствии он снаряжает для изучения развалин золотоордынского Маджара и его округи «на пять верст», как минимум, две «экспедиции». По результатам их деятельности, а также и своих поездок В.Н. Татищев сообщал в РАН: по реке Ахтубе нередко обнаруживают «много медных и серебряных монет, реже – золотых» (Василий Никитич, 1989, с. 284-285). То же самое относится и к золотоордынским объектам на Северном Кавказе. При этом губернатор брал обязательство и впредь присылать самые достопримечательные из таких находок в РАН.

По свидетельству С.Г. Гмелина, в июне 1772 г. побывавшего на р. Куме, посетившего развалины Маджара: «бывший астраханский губернатор Татищев в 1735 г.[6] … послал несколько человек с сильными военным прикрытием для исследования маджарских развалин». Они-то, якобы, и передали затем В.Н. Татищеву «разные монеты, которые этот историк принял за скифские» (Цит. по: Шестаков П.Д., 1884, с. 12). При этом С.Г. Гмелин сетовал: «Многие и много рыли в окрестностях этого города (Маджара – Авт.) не ради истории, а ради золотых, серебряных и медных монет, которые находят здесь там и сям» (Цит. по: Шестаков П.Д.,1884, с. 12).

К XVIII столетию относятся и другие смутные сведения о погребенных в подземной части мавзолея Борга-Каш (современная Ингушетия). По трем арабоязычным надписям, сохранившимся до сих пор над входом внутрь мемориального сооружения, памятник относят к 1405-1406 гг. Судя по свидетельству нескольких современников XVIII в., в подземелье мавзолея находилось восемь (по другим данным, «несколько …») скелетов в парчовых одеждах и с монетами на груди (Семенов Л.П., 1946, с. 4-13). Длительное время эта информация вызывала некоторые сомнения в ее достоверности. Косвенные данные – документальное описание скандальной истории конца XIX в., случившейся со «святыми мощами», изготовленными сектантами-молоканами из «нетленных тел» из подземелья этого мусульманского мавзолея (Нарожный Е.И., 2003а, с. 39-45; 2005б, с. 77-85), позволяет считать: сведения очевидцев XVIII в., в т.ч. и о монетах на погребенных, вполне реальны.

6 Эта дата явно ошибочна. Обе маджарские «экспедиции» были отправлены губернатором на р. Куму в самом начале 1740-х гг. (Нарожный Е.И., 2003, с. 111-117; 2004а, с. 134-136. и сравни: Зиливинская Э.Д., 2009, с. 52-62; Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., 2012, с. 83-93; Зиливинская Э.Д., 2013, с. 309-339; Зиливинская Э.Д. Капарулина О.А., 2013, с. 82-97).

XIX столетие ознаменовалось появлением ныне хорошо известных работ уже упоминавшегося «князя восточной нумизматики» – Х.М. Френа (Fraehn Ch. M., 1826; Френ Х.М., 1832). Опираясь на ряд монетных находок, в основном из частных собраний, состоявших из сборов в Поволжье(?) и собственное прочтение на них названий монетных дворов, Х.М. Френ указал на возможность существования в золотоордынское время нескольких таких центров, якобы чеканивших различные монеты на территории Северного Кавказа. Это «Маджар» и «Маджар-ал-Джедид», локализованные им на р. Куме (территория современного г. Буденновска на Ставрополье) (Френ Х.М., 1832, с. 5, №26, с. 44), а также «Серир», место нахождения которого нумизмат предполагал на территории современного Дагестана (Френ Х.М., 1832, с. 45). Следующий монетный двор – «Шигунь» Х.М. Френ локализовал на левобережье среднего течения р. Терек (Френ Х.М., 1832, с. 45), подразумевая под ним развалины крупного Шелкозаводского (Шелковского) укрепления хазарского времени (Нарожный Е.И., 1986, с. 28-30; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н., 2003, с. 89-114). Город и одноименный монетный двор – «Джюллада», выпустивший свои монеты в «692 или 696» г.х., т.е., в 1293 или 1296/7 гг., российский ученый предлагал искать на Верхнем Тереке (Нарожный Е.И., 1986, с. 28-30; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н., 2003, с. 89-114).

Приведенные отождествления и локализации Х.М. Френа постепенно вошли в научный оборот без критического их обзора, хотя внимание к ним периодически возобновляется и продолжает проявляться и ныне.

Тогда же была опубликована уже упоминавшаяся нами выше небольшая часть перевода на русский язык из сочинения Г.(Ю). Клапрота. В ней приводились не только любопытные сведения о золотоордынском Маджаре, но и вполне внятные описания коллекции золотоордынских монет, якобы собранных им собственноручно на этом городище (Клапрот Ю., 1825, с. 110-125). Указанные описания, как мы уже отмечали, послужили основанием для некоторых обобщений и выводов, в том числе и о степени вклада Г.(Ю.) Клапрота в изучение золотоордынской нумизматики (Прокопенко Ю.А., 1997, с. 66; Пачкалов А.В., 2009, с. 70-74). Однако предположение подтверждается не во всем: вся описанная Клапротом коллекция – это монетные сборы из окрестностей Маджара, предоставленные ему местными жителями (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2012б, с. 94-103).

Наибольшее количество монет XIII-XV веков были выявлены в середине-конце XIX века. Среди них особо примечательны два крупных клада

монет грузинской царицы Русудан, случайно обнаруженных в ходе строительства двух российских укреплений – Хадыженского (на Кубани) и Надеждинского (Верхняя Кубань) редутов (Виноградов В.Б., 1990, с. 55-62). Оба клада периодически привлекали внимание вплоть до недавнего времени, вызвав небольшую дискуссию по поводу определения причин их появления, а также в уяснении места обоих кладов в событиях XIII в. Еще несколько крупных кладов монет XIII-XIV вв. и XV в. («Петровский» клад, клады у сел. Сандатово и Ейска), обнаруженные в это же время, впоследствии были учтены в обобщающих сводках монет и кладов Е.А. Пахомова, Г.А. Федорова-Давыдова и др.

Наибольшее количество других кладов и находок единичных монет эпохи Золотой Орды приходится на период, последовавший после окончания на Северном Кавказе т.н. «кавказской войны» и завершения здесь военных действий. Включение региона в пределы Российской империи, обозначило интенсивный интерес со стороны российских исследователей к этим «новым» территориям (российскому Кавказу), во многом определившим появление значительного количества монетных находок и их кладов с территории Северного Кавказа. Находки происходили не только из случайных сборов в ходе масштабного хозяйственного освоения региона; другая их часть стала следствием откровенно грабительских разрытий объектов археологии, лишь незначительная толика которых попадала в фонды открывавшихся на Северном Кавказе музеев, приобреталась представителями Археологической комиссии или другими лицами, например, графиней П.С. Уваровой. В конечном итоге активизировались и археологические исследования в регионе, также пополнявшие нумизматическую коллекцию интересующего нас времени,[7] масштабные и широкие в географическом отношении археологические раскопки разновременных археологических объектов (Нарожный Е.И., 2010б, с. 9-17). Именно на этот период приходится появление монетных находок золотоордынского времени, по-прежнему происходящих не только из раскопок, но и в виде приобретения у частных лиц, как правило, «промышлявших» разграблением археологических памятников Северного Кавказа.[8] Помимо сведений

7 Часть интересующего нас нумизматического материала вошла составной частью в обобщающие сводки монетных находок с территории региона, составленных Е.А. Пахомовым (о ней ниже). Абсолютное большинство таких сведений впоследствии использовал Г.А. Федоров-Давыдов, значительно дополнив их новыми данными (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 94-193; 1963, с. 163-221).

8 Процесс разграбления разновременных археологических памятников достаточно хорошо описывают современники, например, графиня П.С. Уварова (Уварова П.С., 1900, 254-269 и сл.).

П.С. Уваровой, о находках «татарских монет» из горной Ингушетии (Уварова П.С., 1900, с. 254-269), или об «арабоязычных» монетах с горы Свистун на Ставрополье (Уварова П.С., 1902, с. 214), и из осетинского Махческа (Уварова П.С., 1900, с. 254-269, табл. CXI).[9]

Наряду с П.С. Уваровой, сведения об отдельных находках монет эпохи Золотой Орды есть и у других авторов этого времени. В некоторых случаях подобные сведения, вернее, варианты прочтения легенд золотоордынских монет вызывают определенные сомнения.[10]

Начало XX века ознаменовалось не только исследованием разнотипных археологических памятников, но и массовыми грабительскими «раскопками» таких памятников. Согласно известным документальным источникам, часть таких находок (не только монеты и их клады, но высокохудожественные изделия и каменные изваяния) поступала в распоряжение губернских властей, в открывавшиеся музеи; другая их часть выкупалась закупочными комиссиями, а сведения о таких приобретениях получили отражение на страницах ОПК и ИАК. Наиболее интересные и выразительные предметы и нумизматические материалы поступали в Императорский Эрмитаж. Как известно, нумизматические материалы там определялись известным нумизматом и главным хранителем Эрмитажа А.К. Марковым (о нем см.: Калинин В.А., Лепехина Е.В., 2008, с. 54-55). Значительная часть этого материала получила отражение в «Инвентарном каталоге» А.К. Маркова (Марков А.К., 1896). На этом этапе, несмотря на все итоги и достигнутые успехи, заметно активизировалась «нумизматика Маджара». Археологические раскопки, проведенные В.А. Городцовым на городище, привели и к появлению коллекции мо-

9 См.: Уварова П.С., 1900, с. 254-269, табл. CXI). Определить указанные монеты невозможно, хотя они могут быть определены относительно других данных. Вместе с интересующими нас «арабскими монетами» Махческого могильника, как известно, П.С. Уварова приводит и другие, приобретенные ею предметы. Среди них был стеклянный сосуд итальянского происхождения (Крамаровский М.Г., 1988, с. 80-81; 1995, с. 52-54; Кетбаева М.З., 2010, с. 182-183; Кузнецов В.А. Кетбиева М.З., 2010, с. 244-246; Кузнецов В.А., 2012, с. 99-109). Находка эта ныне не единственная на территории Северного Кавказа (Нарожный Е.И., 2011в, с. 70-72). Однако связывать распространение таких сосудов на Северном Кавказе из Маджар, на чем настаивают М.З. Кетбиева и В.А. Кузнецов, ошибочно. Согласно М.Г. Крамаровскому, это продукция итальянских стеклодувов из Крыма 1480-х годов. Второй сосуд из Махческа М.З. Кетбиева и В.А. Кузнецов называют «кашинным», не учитывая выводов Ю. Миллера, отнесшего кувшин к раннеосманским (XVI в.) (Миллер Ю., 1972, с. 139). Уточнения позволяют предполагать, что и «арабоязычные монеты» из Махческа, приобретенные П.С. Уваровой, относятся к XV-началу XVI вв. (Нарожный Е.И., 2011в, с. 70-72).

10 В свое время в литературе, например, указывалось о находках якобы золотоордынских монет в подкурганном захоронении у городища Татартуп под Владикавказом: (Надеждин П.П., 1902, с. 425. Семенов Л.П., 1947, с. 13).

нет отсюда (Городцов В.А., 1911). Несмотря на то, что полученная тогда коллекция не стала предметом специального изучения, интерес к маджарским монетным находкам не угас. Отчасти собирательскую деятельность на этом памятнике продолжил Г.Н. Прозрителев (Прозрителев Г.Н., 1906; 1911).

Принципиально новый этап в системе накопления и осмысления монетных находок и кладов с территории Северного Кавказа был связан с деятельностью проф. Е.А. Пахомова (о нем см.: Пахомов Е.А., 1982, с. 206; Пачкалов А.В., 2006, с. 151-152). Е.А. Пахомов создал на то время исчерпывающую сводку интересующих нас монет, впоследствии использовавшихся и используемых поныне (Пахомов Е.А., 1926; 1928; 1940; 1949а; 1949б; 1954, 1957; 1959; 1966). В тот же период времени, в рамках подготовки будущей «Археологической карты Дагестана», небольшая сводка интересующих нас находок с территории Дагестана была составлена М.И. Исаковым (Исаков М.И., 1959, с. 186-203). Достойным завершением столь длительного этапа, накапливавшего исходный нумизматический материал, вероятно, следует считать выход в свет двух знаковых работ Г.А. Федорова-Давыдова – «Клады джучидских монет» и «Находки джучидских монет» (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 94-193; 1963, с. 163-221). Известный советский ученый и после выхода указанных работ, вплоть до своей смерти, по-прежнему будет заниматься нумизматикой Золотой Орды. Указанные выше работы представляли собой не только максимально полные на то время сводки находок кладов и единичных монет Золотой Орды со всей территории бывшего Улуса Джучи, включая и Северный Кавказ. Они представляли собой и попытку обстоятельного осмысления динамики и специфики торгово-денежных отношений золотоордынского государства. Естественно, что какие-то положения, сформулированные тогда, впоследствии уточнялись, дополнялись и корректировались. Для нас важно и другое: выход в свет указанных публикаций фактически открыл «новую страницу» в дальнейшем интересе и изучении нумизматики золотоордынского времени на Северном Кавказе.

2. Современный этап

Здесь можно выделить несколько направлений. В первую очередь, это накопление нумизматических материалов в результате археологических исследований. В отличие от предыдущего времени, что следует отметить особо, авторы раскопок почти во всех случаях обращаются к нумизматам для атрибуции найденных монет, что раньше не делалось.

В качестве консультантов в известных случаях выступали Я.А. Янина, М.Е. Масон,[11] а затем Г.А. Федоров-Давыдов, Э.В. Ртвеладзе и др.

В это время активные археологические работы велись, прежде всего, на территории ряда причерноморских и приазовских городищ периода античности и их широких округ. Среди подъемного материала, происходящего с античных памятников, в также и из раскопочных материалов с их территории, появлялись отдельные монеты XIII-XV вв. или их группы (Голенко К.В., 1952, с. 147-155). С конца 1950-х гг. на Северном Кавказе плодотворно работает Северо-Кавказская археологическая экспедиция (СКАЭ) под руководством Е.И. Крупнова. Среди разноплановых итогов таких работ можно назвать и участие в сборах различных артефактов, включая и монеты, происходящие с территории Прикаспийской низменности и Маджара (Крупнов Е.И., 1957, с. 172;). Правда, раскопки средневекового городища Верхний Джулат дали всего лишь единичную монетную находку (Милорадович О.В., 1963, с. 87-106). Из раскопок на Нижнем Джулате было раскопано всего пять монет периода Тохтамыша (Виноградов В.Б., Деппуева А.Б., 1987, с. 75-85; 1990, с.10).

Более результативными с интересующей нас точки зрения оказались археологические исследования, проводившиеся уже отдельными отрядами СКАЭ. Среди них укажем на исследования полуподземных склепов в высокогорной Чечне (Марковин В.И., 1963, с. 250-274). Среди преднамеренно пробитых золотоордынских монет оттуда оказался и один экземпляр русской монеты (Марковин В.И., 1963, с. 250-274; 1965, с. 57-78 и сл.)

Уже в 1974 году выходит статья старшего научного сотрудника сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского НИИ Р.А. Даутовой (о ней см.: Нарожный Е.И., 2012, с. 225-226), создавшей фактически первую после Г.А. Федорова-Давыдова подробную сводку монетных находок золотоордынского времени из высокогорной Чечни. В эту сводку преимущественно вошли монетные находки (все пробитые) из погребений, исследованных ею в горах Чечни. Исследователь предложила такие монеты рассматривать как «украшения, обереги или талисманы» (Даутова Р.А., 1974, с.7 5-82).

Особый вклад в дело дальнейшей активизации научного интереса к нумизматическим находкам нашего региона сыграл д.и.н., проф. В.Б. Ви-

11 По словам современников и очевидцев, М.Е. Массон, ежегодно приезжавший отдыхать на Кавминводы, никогда не отказывал в просьбах определения восточных монет. Получив монеты, он сначала сам «чистил» их: по словам тех же очевидцев, «М.Е. Массон признавал очистку монет только вручную». Зажав монетку между большим и указательными пальцами руки, он тер ее все время, невзирая на то, что находится на процедурах, гуляет или общается с коллегами.

ноградов, до 1992 года работавший в Чечено-Ингушском государственном университете им. Л.Н. Толстого, затем вместе с группой коллег перебравшийся в г. Армавир Краснодарского края. Опираясь на сведения об интересующем материале из сводок Е.А. Пахомова и Г.А. Федорова-Давыдова, В.Б. Виноградов все время их дополнял новыми данными (Виноградов В.Б., 1985а, с. 69-70). Незначительная часть монетных находок XIII-XV вв. была собрана в полупустынной территории Северо-Западного Прикаспия (Виноградов В.Б., Петренко В.А., Мялковский В.А., 1979, с. 45-58), а также на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР (Виноградов В.Б., 1981, с. 11-15; 1982, с. 64-76) и Северной Осетии (Виноградов В.Б., 1985б, с. 112-125).

Среди его заслуг было усиление интереса к находкам монет не только восточного происхождения, но и, к примеру, монет закавказских и, в первую очередь, монет грузинской царицы Русудан; на основе этих и других находок закавказских монет на территории Северного Кавказа прошло обсуждение проблем хронологии северокавказских древностей. В результате полемики с В.И. Марковиным были предложены принципы разделительной границы, отделяющей периоды «раннего» от «позднего средневековья». Среди монетных находок, «открывающих» позднее средневековье, называются и упомянутые монеты грузинской царицы Русудан (Виноградов В.Б., 1985б, с. 112-125).

Нумизматические материалы, помимо использования их в качестве источников в научно-исследовательской практике, В.Б. Виноградов активно внедрял и в учебный процесс, разработав соответствующее учебное пособие и соответствующую учебную программу (Виноградов В.Б., 1981, с. 17-20). Ему же принадлежит и небольшая книга «Судьбы древних монет», в которой были собраны и проанализированы известные на тот момент монеты эпохи Золотой Орды. (Виноградов В.Б., 1982, с. 53-76), сразу же получившая достаточно широкий резонанс (Федоров-Давыдов Г.А., 1982; Шеллов Д.Б., 1983. №4; Mikolajczyk A., 1984).

Между тем, известная на то время коллекция монет пополнялась не только за счет новых случайных находок, но и в результате планомерных раскопок. Укажем на новые работы Р.А. Даутовой и Х.М. Мамаева (Даутова Р.А., Мамаев Х.М., 1974, с. 266-270, с. 267, рис. 2, 1-2; 1979, с. 78-79, фото 1-2, с. 84-85 и др.), способствовавшие появлению новых нумизматических материалов, главным образом, из высокогорной Чечни и Ингушетии. Существенно эту коллекцию не только расширили, но и разнообразили (за счет появления новых монетных образцов) новостроечные (охранно-спасательные археологические) исследования на территории

Шуанского («Мохде») (Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1989, с. 15-71) и Келийского и др. могильников высокогорной Ингушетии (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1988, с. 44-46; Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И., 1990а, с. 23-25; 1990б, с. 129-140; Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1992, с. 5-20; Нарожный Е.И., 1998, с. 7-15; Нарожная Ф.Б., 2004, с. 331-339; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2011, с. 190-196; 2012в, с. 66-73; Нарожная Ф.Б., 2007, с. 94-97 и др.). В это же время, хотя и несущественно, но увеличивалась и коллекция монет золотоордынского времени с территории равнинной и степной зон Чечни и Ингушетии (Нарожный Е.И., 1998, с. 7-15). Предпринимались и попытки уточнения и идентификации монетных находок на основе различных документальных источников, среди которых были и упоминания о монетных находках из осетинского святилища Реком (Нарожная Ф.Б., 2003б, с. 88-90). В то же время появились сведения и о единичных находках золотоордынских монет с крупных северокавказских бытовых памятников, место которых в системе политико-экономического диктата Золотой Орды до сих пор не определено. Это сведения о монетах с Ильичевского (в верховьях Урупа) и Нижне-Архызского городища (Верхняя Кубань) (Тебуев Р., Хатуев Р., 2002, с. 66-71), с территории Кавказских Минеральных вод (Волоков И.В., 2011, с. 116-120) и других мест Ставрополья (Виноградов В.Б., Березин Я.Б., Савенко С.Н., 1983, с. 112-116; Бабенко В.А., 2009, с. 18-26; Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2010, с. 325-328; 2013, с. 291-310), включая и Маджары (Волков И.В., 2001, с. 109-118; Нарожный Е.И., Фоменко В.А. 2006, с. 175-181; Лебедев В.П., Павленко В.М., 2008, с. 415-486; Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2010, с. 325-328; 2013, с. 291-310 и др.).

Продолжалось накапливание сведений о монетных находках XIII-XV веков, происходивших с территории Прикубанья. Некоторые монеты – из подкурганных древностей (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1993, с. 109, 92-114; Нарожная Ф.Б., 2003з, с. 122-124; Марченко И.И., Пьянков А.В., 2002, с. 168-213; Волков И.В., Петерс В.Г., 2004, с. 255, рис.1,1-2, с. 253-262; Волков И.В., 2007, с. 26, 26-32; Волков И.В., 2003а, с. 235-244; 2005, с. 348-379; Гончаров Е.Ю., Чхаидзе В.Н., 2005, с. 343-347 и др.; Нарожный Е.И., Соков П.В., Тищенко И.Б., 2014, с. 374-376 и др.). Другие нумизматические материалы связаны с конкретными бытовыми памятниками – остатками средневекового культурного слоя в округе античной Патреи (Голенко К.В., 1952, с. 147-155; Волков И.В., Петерс В.Г., 2004, с. 255, рис.1,1-2, с. 253-262), «поселением» или «городищем» Ангелинский Ерик (Федоров-Давыдов Г.А., 1963; Волков И.В., 2005, с. 348-379), ныне сопоставляемого со средневековым «городом Шахрак» (Волков И.В., 2005, с. 348-379), с поселением и

прилегающим к нему грунтовым могильником «Железнодорожное-2» (Василиненко Д.Э., Жеребилов С.Б., Тищенко И.Б., 2014, с. 329-330; Нарожный Е.И., Соков П.В., Тищенко И.Б., 2014, с. 374-376). Увеличилось и количество случайных находок монет XIII-XV веков с территории Краснодарского края (Волков И.В., 2003а, с. 235-244; Гончаров Е.Ю., Чхаидзе В.Н., 2005, с. 343-347.), включая еще один клад (Пачкалов А.В., 2009, с. 70-74), позволивший вновь поднять вопрос о денежной реформе 710 г.х. (Петров П.Н., Судитский Я.В., Сердюков П.В., 2005, с. 142-205).

В последнее время появилась обстоятельная статья В.П. Лебедева и В.Г. Ситника, введшими в научный оборот накопленные к настоящему времени монетные материалы золотоордынского времени, связанные с городищем Нижний Джулат в Кабардино-Балкарии и его округой (Лебедев В.П., Ситник В.Г., 2012, с. 192-210). На фоне слабой археологической изученности данного бытового объекта на Тереке статья имеет «прорывной» характер в деле дальнейшего изучения специфики денежного обращения и торгово-экономической истории этого микрорегиона Северного Кавказа. Остается сожалеть лишь о том, что собранный в статье материал никак не связан с раскопочными данными отсюда.

В качестве еще одного «направления» в развитии интереса к нумизматике региона на современном этапе был приоритетный интерес к монетным находкам с территории золотоордынского Маджара. После В.Н. Татищева, Г. Клапрота, сведений В.А. Городцова и Г.Н. Прозрителева и других авторов сборы монет связаны с Е.И. Крупновым, Т.И. Минаевой, обобщениями Н.Г. Волковой и др. Новый этап в истории данного интереса был определен исследованиями научного сотрудника из г. Ташкента Э.В. Ртвеладзе. Он не только опубликовал несколько статей по нумизматике Маджара (Ртвеладзе Э.В., 1968, с. 53; 1971, с. 77-85; 1972а, с. 159-161; 1972б, с. 42-55; 1972в, с. 260-271), но и кандидатскую диссертацию (Ртвеладзе Э.В., 1975), в которой нумизматические материалы сыграли одну из главных ролей. В последующие годы «пульсирующий» интерес к нумизматике выразился в появлении довольно многочисленных публикаций, посвященных истории происхождения различных сведений о части маджарских находок монет (*П*рокопенко Ю.А., 1997, с. 66-69). При этом, правда, было допущено немало досадных фактологических ошибок (об этом см.: Нарожная Ф.Б., 1999б, с. 40-42; 2001, с. 18-21; Нарожная Ф.Б., 2000е, с. 14-15 и др.). Предпринимались и попытки сбора сведений о географии распространения монет маджарских чеканов за пределами округи данного городища. Одним из первых таких инициаторов был еще Е.А. Пахомов, вслед за которым такую же сводку предложил

Ю.А.Прокопенко(ПрокопенкоЮ.А.,1995,с.28-35;2001,с.191-194),азаними А.В. Пачкалов (Пачкалов А.В., 2003, с. 350-352).[12] Кроме того, были предприняты новые попытки обобщения сведений не только о «нумизматике Маджара», но и новым находкам маджарских монет за его пределами (Прокопенко Ю.А., 2001, с. 191-194; Пачкалов А.В., 2003, с. 350-35; 2008, с. 283-286; 2012, с. 368-370). Между тем, в указанных выше сводках не учтены некоторые находки маджарских монет, например, из состава Чистопольского клада 1881 года (Татарстан) (Каталог, 1884, с. 386, II); есть они и в составе обширного клада (более 24000 монет Золотой Орды, близ станции Каратун в Татарстане)(Мухаметшин Д.Г., 2002, с. 84). В его составе есть 5 монет маджарских дангов Тохтамыша, а также 11 экземпляров дангов этого же хана чекана Маджара 797 г.х. (Павленко В.М., Лебедев В.П., 2005, с. 34, №26, с. 27; Лебедев В.П., Павленко В.М., 2008, с. 415 -486).

Ныне известны находки маджарских монет на территории современной Чечни.[13] Как справедливо указывают В.П. Лебедев и В.Т. Павленко (Лебедев В.П., Павленко В.М., 2004, с. 82-84), новый тип маджарских монет – «дирхем Токты», зафиксирован на Хмелевском селище под Саратовом (Лебедев В.П., Павленко В.М., 2004, с. 82-84; 2008, с. 415 -486 и ср.: Гумаюнов С.В., 2002, с. 56-72). Еще 7 таких же дирхемов + 2 маджарских дирхема Токты нового типа разных вариантов происходят с других объектов того же самого региона (Гумаюнов С.В., Лебедев В.П., 2007, с. 120). Три серебряных данга Тохтамыша чекана в Маджаре (792 г.х.) оказались в составе клада из 440 монет, обнаруженных в 1997 году на Водянском городище (Федоров-Давыдов Г.А., 2003, с. 95, № 1396; Лебедев В.П., Павленко В.М., 2008, с. 418). Монеты маджарского чекана ныне известны и на территории Крыма (Хромов К.К., 1998, с. 41-42).

Определенный интерес представляют исследования Е.Ю. Гончарова, не только оказывавшего содействие в определении тех или монетных находок с различных территорий Северного Кавказа, включая Тамань и Маджары (Гончаров Е.Ю., Чхаидзе В.Н., 2005, с. 343-347; Гончаров Е.Ю., Нарожный Е.И., Соков П.В., Тупиков Ю.Н., 2012, с. 188-192), но и его анализ монетного материала, в т.ч. о деятельности Маджарского

12 В.М. Лебедев и В.П. Павленко отметили данную работу А.В. Пачкалова как наиболее «подробную сводку упоминаний в литературе XIX-XX вв. монет» (Лебедев В.П., Павленко В.М., 2008, с. 418), хотя на самом деле это не совсем так и «пальму первенства» следует «вернуть» Е.А. Пахомову.

13 Одна медная монета с надчеканкой, по Э.В. Ртвеладзе являющейся маджарской, найдена на территории Алхан-Калинского городища в Чечне (Нарожный Е.И., 2008, с. 525-542). Из ближайших окрестностей городища происходят еще две медные монеты с такой же надчеканкой (неопубликованы).

монетного двора, о продолжении жизнедеятельности на данном городище и после походов эмира Тимура (Гончаров Е.Ю., 2005а, с. 97-102; 2005б, с. 97-102; 2012, с. 306-308 и др.). Однако наиболее важным шагом в изучении нумизматики Маджара стало обстоятельное исследование В.П. Лебедева и В.М. Павленко (Лебедев В.П., Павленко В.М., 2008, с. 415-486), наиболее полно отражающее этапы, историю и специфические черты денежного обращения этого золотоордынского города.

В качестве еще одного, уже третьего по счету направления следует назвать попытки создания обобщающих сводок монетных кладов и отдельных находок золотоордынского времени применительно уже не к отдельным золотоордынским центрам, а территории отдельных, административно-территориальных единиц Северного Кавказа.

Не претендуя на всемерный охват всех проблем, высветившихся в ходе накопления и посильного анализа нумизматических материалов с территории Северного Кавказа, все же необходимо указать на несколько из них.

К настоящему времени были подготовлены хотя и разобщенные (привязанные к современному административно-территориальному делению региона) сводки монетных находок XIII-XV вв. С той или иной мерой полноты такие сводки «покрывали» территорию Дагестана (Исаков М.И., 1959, с. 186-203; Гусев С.В., 995, с. 68-78 и сл.; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2001, с. 130-132)[14] и Прикаспийской низменности (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2003, с. 198-203), территории современной Чечни (Даутова Р.А., 1974, с. 75-78; Виноградов В.Б., 1981, с. 20-28; 1982, с. 50-60; Нарожный Е.И., 1998, с. 7-14; Федоров-Давыдов Г.А., 2003, с. 95, №1396; Нарожный Е.И., 2010, с. 20-30 и сл.),[15] Ингушетии (Даутова Р.А., 1974, с. 75-78; Виноградов В.Б., 1981, с. 20-28; Виноградов В.Б., 1982, с. 50-60; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1988, с. 44-46; Нарожный Е.И., 1998, с. 7-14; Нарожная Ф.Б., 2004, с. 331-339; 2005, с. 343-347; Нарожный Е.И., 2010, с. 20-30 и сл.; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2011, с. 190-196, Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2012 в, с. 66-73),[16] Северной Осетии (Нарожный Е.И., 1996, с. 93-95; То же: Нарожный Е.И., 2008, с. 622; Нарожный Е.И., 1998, с. 10-12),

14 Спецификой части указанных работ являлось то, что сводка М.И. Исакова учитывала монетные находки с территории Дагестана только до конца 1950-х годов. В монографии С.В. Гусева интересующие нас монеты «завершались» данными о монетах первой трети XIII в.

15 Следует особо подчеркнуть: несмотря на существующие сводки сведения о новых монетных находках продолжают поступать – см.: Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И., 2012, с. 121-130; Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., 2014, с. 43-55.

16 И в этом случае есть причины к очередному обновлению данных сводок из-за появления новых монет – см.: Нарожный Е.И., 2010а, с. 266-267.

Кабардино-Балкарии (Виноградов В.Б., Деппуева А.Б., 1987, с. 75-85; 1990, с. 12-23; Лебедев В.П., Ситник В.Г., 2012, с. 192-210),[17] Ставрополья и Карачаево-Черкессии (Виноградов В.Б., Березин Я.Б., Савенко С.Н., 1983, с. 112-116; Прокопенко Ю.А., 1995, с. 4-28),[18] Краснодарского края (Пачкалов А.В., 2005а, с. 203-207)[19] и Адыгеи (Виноградов В.Б., Хушт М.А., 2003). Но и они уже не отражают в полной мере весь накопленный материал.

Приведенные выше работы, в ряде случаев содержащие мелкие неточности или иные погрешности, тем не менее наглядно демонстрируют одно: в ближайшей перспективе необходимо создание полной и максимально исчерпывающей сводки монет и кладов XIII-XV вв., что может стать своего рода «стартовой площадкой» и для дальнейшего специализированного исследования всего нумизматического материала с территории нашего региона.

II. Прочие предметы, связанные с денежным обращением на Северном Кавказе

Сегодня, помимо монетных кладов и находок единичных монет, в регионе известны и иные предметы, так или иначе связанные с денежным обращением рассматриваемого исторического отрезка времени.

17 Приводимые А.В. Пачкаловым сведения о новых монетных находках «с Нижнего Джулата» (Пачкалов А.В. 2012б, с. 127), трудно соотносить с монетами, недавно опубликованными В.П. Лебедевым и В.Г. Ситник (Лебедев В.П., Ситник В.Г., 2012, с. 192-210). Определенный интерес вызывает упоминание о кладе с Нижнего Джулата (Пачкалов А.В., 2012б, с. 127). Обратим внимание и на вывод, сделанный А.В. Пачкаловым: «Примечательно почти полное отсутствие на памятнике монет первой половины-середины XIV в., что позволяет полагать, что в это время населенный пункт на месте Нижнего Джулата был небольшим или вовсе не существовал. Подъем его пришелся на конец XIV в.» (Пачкалов А.В., 2012б, с. 127). Весьма странно, что указанный автор не учитывает стратиграфических наблюдений, публиковавшихся несколько раз и основанных на анализе разреза вала Нижнего Джулата. Анализ этот показал, что вал был уничтожен в конце 1230-х годов, т.е., вскоре после окончания завоевательной кампании монголов на Северном Кавказе. Возрождение жизни на памятнике наблюдается все-таки не в конце XIV в., а в начале периода «великой замятни», когда кем-то из местных золотоордынских владельцев по всему периметру ранее разрушенного внешнего вала устраивается мощное фортификационное сооружение (Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., 1990, с. 9-11; Нарожный Е.И., 1998, с. 8-14; Нарожный Е.И., 2011, с. 160-175). Судя по материалам, в свое время опубликованным Г.А. Федоровым-Давыдовым, подобные фортификационные сооружения известны и на территории Чувашии.

18 Новые дополнения см.: Пачкалов А.В., 2012а, с. 127.

19 О новых монетных находках, не вошедших в сводку (см.: Волков И.В., 2003а, с. 235-244; Волков И.В., Петерс В.Г., 2004, с. 255, рис.1,1-2, с. 253-262; Волков И.В., 2005, с. 348-379; Волков И.В., 2007, с. 26, 26-32; Пачкалов А.В., 2012б, с. 127; Василиненко Д.Э., Жеребилов С.Б., Тищенко И.Б., 2014, с. 329-330; Нарожный Е.И., Соков П.В.,Тищенко И.Б., 2014, с. 374-376). Известно, что золотоордынские монеты были встречены и при исследовании могильника поселения «Жуково» в том же Крымском районе Краснодарского края, однако они продолжают пока оставаться не опубликованными.

К примеру, известны находки фрагментированных «рычажных весов», как считается, использовавшихся «для взвешивания монет». Они изготовлены из костяных, иногда орнаментированных пластинок. Такие предметы известны не только в золотоордынском Азаке (Волков И.В., 1991, рис. 9). Есть они в Дербенте, фрагменты таких же, но пока не опубликованных находок известны среди подъемного материала со Старогладовского поселения в Чечне и с городища Верхний Джулат в Северной Осетии, а также и с территории золотоордынского города Маджара.[20]

Известны и другие артефакты, связываемые как с денежным обращением, так и с торговыми операциями.

В 2006 г. вышла статья В.Н. Шалобудова и Э.Р. Устаевой (Шалобудов В.Н., Устаева Э.Р., 2006, с. 275-277), продублированная два года спустя (Шалобудов В.Н., Устаева Э.Р., 2008, с. 395-397). В ней было опубликовано несколько весовых гирек, происходящих с территории Таманского городища (Шалобудов В.Н., Устаева Э.Р., 2006, с. 275-277; 2008, с. 395-397). Из 7 металлических гирек, в разные годы обнаруженных на территории этого памятника, как полагают авторы, ссылаясь при этом на наблюдения А.Г. Мухамадиева (Мухамадиев А.Г., 1983, с. 30), только «гирьки под №№ 3 и 6», с весом, соответственно, в 9,4 и 9,37 г, могут быть сопоставимы с «единицей веса в 3,133 и 3,123 гр., что равно весовому дирхему – 3,12 г из мискаля в 4,464 гр., получившему, как подчеркивают далее авторы, широкое распространение в золотоордынское время – XIII-XV вв.» (Шалобудов В.Н., Устаева Э.Р., 2006, с. 275-277; 2008, с. 396). К этому же времени они относят и последнюю находку гирек – гирьку №7. При этом подчеркивается: все три гирьки (№№3, 6, 7): «появившись в золотоордынское время, могли использоваться и во время крымско-османского господства на Таманском полуострове вплоть до XVIII века» (Шалобудов В.Н., Устаева Э.Р., 2006, с. 275-277; 2008, с. 396-397).

При проведении охранно-спасательных археологических исследований 1982 г. в высокогорной Ингушетии в полуподземном склепе №128 Шуанского склепового могильника «Мохде» среди раскопочного материала был обнаружен «бронзовый штамп с рельефным изображением льва в круге диаметром 2,4 см» (Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1989, с. 53, №60, с. 54, рис. 21,4; Нарожный Е.И., 1994, с. 62; То же: Нарожный Е.И., 2008а, с. 328; Нарожный Е.И., Фоменко В.А., 2006, с. 175-181, 178, рис.1, 1-2; Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.,

20 Маджарский экземпляр не опубликован, находился в экспозиции временной выставки Пятигорского краеведческого музея, приуроченной к 100-летию со дня рождения выдающегося кавминводского краеведа-исследователя – А.П. Рунича

2015, с. 151-155). Еще один такой «штамм» происходит с территории Маджарского городища (Нарожный Е.И., Фоменко В.А., 2006, с. 175-181). В.Ю. Коваль упоминает еще одну такую находку с территории Краснодарского края (точнее неизвестно) (Коваль В.Ю., 2013, с. 26 и сл.); в литературе нередко подобные предметы называются еще «печатями» или «пломбами» и «штампами». Оба предмета с Северного Кавказа (из склепа №128 и с Маджар), близки таким же предметам, которые В.Ю. Коваль, основываясь на материалах из Болгара, рассматривает как весовые гирьки. Если версия, идентифицирующая «пломбы-печати» с весовыми гирьками, получит свое дальнейшее развитие, особый интерес вызывает вышеотмечавшаяся находка из высокогорной Ингушетии. Не без оснований считается, что средневековые обитатели высокогорья Северного Кавказа практически, не использовали деньги как платежное средство, хотя версия требует отдельных оговорок. Тем не менее, появление здесь такой «гирьки» требует уяснения причин появления такого предмета, вероятнее всего, связанного с территорией находящегося неподалеку золотоордынского города Верхний Джулат (Дедяков-Татартуп), построенного в самом начале отрезка (с золотоордынской стороны) Дарьяльского горного прохода. Этот средневековый город, несмотря на свою слабую археологическую изученность, как минимум в XIV в. играл роль «исходного» пункта если не прямых, то опосредованных, в т.ч. и меновоторговых операций с населением высокогорной зоны Восточного Придарьялья.

Завершая обзор рассмотренных выше артефактов, нельзя не остановиться на еще одном аспекте затронутой проблемы, вынесенном нами в нижеследующий раздел статьи.

III. О монетных дворах XIII-XV вв. на Северном Кавказе

Выше мы уже указывали: несколько монетных дворов, якобы чеканивших свои монеты на территории северокавказских владений Золотой Орды, выделил и локализовал в нашем регионе Х.М. Френ. Основываясь на собственном прочтении названий таких центров и без какой-либо аргументации в отношении предлагаемой им локализации, нумизмат «поместил» здесь сразу пять таких центров – «Маджар» и «Маджар-ал-Джедид», «Шигунь», «Серир» и «Джюллад». Г.А. Федоров-Давыдов спустя много лет также опубликовавший свой список монетных дворов Золотой Орды, на что мы уже тоже указывали, из всего «списка Х.М. Френа» оставил на Северном Кавказе лишь оба маджарских и серирский монетные дворы. Об остальных монетных дворах из «списка» Х.М. Френа он ничего

не сообщал. Укажем мы и на точку зрения Х.А. Хизриева, без какой-либо аргументации он высказал убеждение в том, что практически каждый из известных на Северном Кавказе «городов» эпохи Золотой Орды якобы обязательно чеканил свои собственные монеты (Хизриев Х.А., 1983, с. 10), хотя данное утверждение выглядит дискуссионным (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2002, с. 41-43).

В 1977 году грузинской исследовательницей Ц.М. Гваберидзе была предпринята попытка обоснования локализации на Северном Кавказе еще двух монетных дворов («Алагир» и «Карджин»), чеканивших свои монеты в основном от имени Ильханов (Гваберидзе Ц.М., 1977, с. 117-125). Правда, в литературе были известны и находки монет кратковременных выпусков в Алагире нескольких монетных эмиссий от имени золотоордынских ханов. Впоследствии версия Ц.М. Гваберидзе была подтверждена сначала в ее кандидатской диссертации, а затем и в монографии (Гваберидзе Ц.М., 1983, с. 3-16; 1986). Гипотезу Ц.М. Гваберидзе поддержал Г.И.Джапаридзе в своем дополнении к «новым сведениям» известного списка монетных дворов Ц.М. Цамбвуэра (Zambauer E., 1968), включив в этот список новые монетные дворы, локализованные Ц.М. Гваберидзе на территории Северной Осетии (Джапаридзе Г.И., 1984, с. 80-88). Предположения Ц.М. Гваберидзе о нахождении указанных монетных центров на территории Северной Осетии, помимо Г.И. Джапаридзе, разделили и другие грузинские нумизматы (Дондуа Г., 2010, с. 149-150), а также отдельные кавказоведы (Кузнецов В.А., 2003, с. 17-18; Гутнов Ф.Х., 2011).[21] Однако оснований для североосетинской локализации ни «Алагира», ни «Карджина», как представляется, ныне нет и искать указанные монетные дворы Ильханов, вероятно, следует где-то на территории современного Азербайджана (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2004, с. 322-330). А.В. Акопян, параллельно занимавшийся данной проблемой, справедливо отмечает, что название данного монетного двора («Алагир») другие нумизматы читали иначе, как «Алагиз» или «Элегис». При этом А.В. Акопян предлагает локализовать «Алагир» на

21 Ф.Х. Гутнов, разделяя мнение В.А. Кузнецова в том, что монетный двор «Алагир» мог находиться где-то неподалеку от современного и одноименного Алагира в Северной Осетии. Между тем, оба исследователя демонстрируют не столько стремление в изучении реальности такой локализации, сколько в желании значительного удревнения времени основания осетинского города. К тому же с точкой зрения Ц.М. Гваберидзе, судя по всему, авторы знакомы опосредованно, т.е., через ссылки из «вторых рук». Между тем, в статье Ц.М. Гваберидзе основным лейтмотивом является мысль о том, что в XIV веке происходит фактическая аннексия Грузией, вассальной от Хулагуидов, части территориальных владений средневековой Осетии, находившейся под властью Золотой Орды, что никак и ничем пока не подтверждено.

территории Армении (об этом см.: Акопян А.В., 2010, с. 137-153). Между тем, версия все-таки не снимает с повестки дня вероятность «азербайджанской» локализации данного монетного двора (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2012а, с. 362-364).

Не менее спорной является и локализация монетного двора «Джюллад» (в современной общепринятой транскрипции – «Джулат»), впрочем, как и его идентификация с одним из городищ на Верхнем Тереке. К примеру, в 2004 г. А.В. Пачкалов, рассматривая вопрос об этом «Джулате», поставил уже и вопрос даже о «нумизматике Джулата» (Пачкалов А.В., 2004, с. 142; То же см.: Пачкалов А.В., 2008в). Фактически А.В. Пачкалов предпринял попытку развития предположения Х.М. Френа, которая, тем не менее, к этому времени была подвергнута критическому анализу, оставшемуся, вероятно, не известным А.В. Пачкалову (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2002, с. 39 – 45; 2004, с. 322-330). Этот обзор продолжает до сих пор оставаться им «незамеченным», поскольку та же самая версия, лишь с незначительными дополнениями, была повторена уже несколько раз. Например, А.В. Пачкалов возвращается к ней при обзоре списка «мифических» и недостоверных монетных дворов Золотой Орды (Пачкалов А.В., 2005б, с. 136), а затем и при характеристике «монетного обращения Верхнего и Нижнего Джулата» (Пачкалов А.В., 2011а, с. 174-175). Никак не комментируя версию Х.М. Френа о локализации в регионе города и монетного двора «Шигунь», А.В. Пачкалов рассматривает локализацию Х.М. Френом монетного двора «Серир» (Пачкалов А.В., 2005б, с. 137). А.В. Пачкалов дополняет список северокавказских монетных дворов ссылками на версию В.В. Григорьева, в свое время опубликовавшего монету, на штемпеле которой предлагалось читать: «Кабарда Джедид» (Новая Кабарда). На монете имя хана читалось отрывочно – «…ибик». Предпочтение в возможной идентификации остатка в надписи этого имени отдавалось Бердибеку II или Шадибеку (Григорьев В.В., 1864, №20 и. ср.: Пачкалов А.В., 2005б, с. 137). В.В. Григорьев, правда, не исключал, что название монетного двора можно читать и как «Крым ал-Джедид». А.В. Пачкалов считает: «возможно также и чтение Кафа ал-Джедид» (Пачкалов А.В., 2005б, с. 137); в любом случае, северокавказская локализация этого монетного центра на Северном Кавказе отпадает.

Еще один монетный двор, выпускавший генуэзско-татарские монеты с большой «Т» на аверсе, предположительно располагавшийся на Северо-Западном Кавказе, вслед за некоторыми своими предшественниками, помещает здесь И.В. Волков (Волков И.В., 2003а, с. 17-29). Оттал-

киваясь от давней версии на этот счет, в свое время опубликованной кубанским историком Е.Д. Фелицыным, предполагавшим возможность выпуска таких монет в итальянской Копе, И.В. Волков предварительно обозначил несколько вариантов возможной локализации Копы на Кубани (Волков И.В., 2003а, с. 17-29). Между тем указанная проблема локализации интересующего монетного двора имеет и другие варианты; исчерпывающую историографию которой продемонстрировал В.П. Кирилко (Кирилко В.П., 1999, с. 137-141). Согласно его наблюдениям, «у Абуко, одного из дворянских родов племени Кабертай адыгского народа, тамга имеет композицию, тождественную символу, изображенному на лицевой стороне атрибутируемых аспров». При этом совсем не исключается и возможность чеканки интересующих нас монет в Крыму (Кирилко В.П., 1999, с. 137-141, с. 140).

Таким образом, на территории Северного Кавказа в разные годы было локализовано, с разной степенью достоверности, около десятка монетных центров, и только два из них якобы чеканили монеты Ильханов, остальные – монеты Джучидов и в одном случае генуэзско-татарские монеты. Проверка приводимых при этом аргументов, показала следующее.

Монетные дворы «Алагир» («Алагиз» или «Элегис»), как и второй монетный двор – «Карджин», помещаемые Ц.М. Гваберидзе, а вслед за ней Г.И. Джапаридзе, В.А. Кузнецовым, Ф.Х. Гутновым и др., на месте одноименного современного североосетинского города Алагир не имеет под собой реальной основы. Его настоящее местоположение следует искать где-то в Закавказье, на территории современного Азербайджана или Армении.

Монетный двор «Джулат», локализованный Х.М. Френом на Верхнем Тереке, основываясь на чтении лишь одной монеты, вызывает много вопросов. А.В. Пачкалов указывает на еще несколько монет этого типа, ведя ныне речь, как мы уже отмечали, даже о «нумизматике Джулада» (Пачкалов А.В., 2004, с. 142; 2005б, с. 137; 2008в). Утверждая о том, что «Джулат» – это название, известное по письменным источникам, а «Джулад» – это два археологических объекта на Верхнем Тереке, А.В. Пачкалов запутывает читателя. В исторической литературе, а именно в сочинениях Шами и Йезди, в той их части, где описывается последовательность движения войск среднеазиатского амира Тимура по отношению к р. Терек, источники действительно упоминают Джулат, но не как город, или же искомый монетный двор, а некую «область Джулат» (Сборник., 1941. Т.2, с. 104-146). «Область» та находилась где-то на Ниж-

нем, а не на Верхнем Тереке, где ее локализуют многие кавказоведы.[22] В другом случае, источник содержал сведения бывшего крестоносца И. Шильтбергера, после плена и службы на османского султана, возвращавшегося в Европу через Северный Кавказ, который упомянул «гористую страну Джулад» (Путешествие, 1867, с. 1-158, с. 33-34, с. 56). По мнению кавказоведов, сведения об этой «стране» вполне реально сопоставимы с окрестностями городища Верхний Джулат, в русских летописях больше известного под именем «Титяков»-«Дедяков» (Пчелина Е.Г., 1963, с. 152-161); а в фольклоре горцев региона этот «город» известен как «Татартуп» (Семенов Л.П., 1947, с. 3-40).[23] Помимо упомянутой монеты, на которой Х.М. Френ прочитал интересующее нас название монетного двора, впрочем, как и на приводимые А.В. Пачкаловым монеты, они никак не связаны с Северным Кавказом (Пачкалов А.В., 2011а, с. 174-175)[24]. Х.М. Френ, вероятно, прекрасно знал об упоминании письменными источниками «области Джулат», что, вероятно, и стало основанием для его локализации монетного двора «Джулат» на Верхнем Тереке. По всей видимости, версией Х.М. Френа, позднее воспользовался и офицер Генерального штаба Отдельного Кавказского корпуса И. Бларамберг. Подготовив около 1833 г. свой, как считается, компилятивный труд по истории и географии региона, на что справедливо обращает внимание Х.М. Мамаев (Мамаев Х.М., 1986, с. 86, 93, прим. 75), именно И.Ф. Бларамберг способствовал оформлению «наукообразной путаницы» о двух Джулатах: пытаясь таким образом разделить существовавшие к тому времени сведения о двух безымянных золотоордынских городищах на Тереке, находившихся неподалеку друг от друга. Он и «присвоил» им названия – «Верхний Джулат» и «Нижний Джулат» (Бларамберг И.Ф., 1996, с. 60-76). Оба «придуманных» названия быстро закрепились за городищами и прочно вошли в научный оборот и историографию.

Следует учитывать и другое: упоминавшаяся Х.М. Френом монета «Джулата», впрочем, как и остальные монеты, на основе которых он

22 Вопрос о локализации «области Джулат» продолжает оставаться открытым. На наш взгляд, если прислушиваться к наиболее разумным точкам зрения, эта область находилась поблизости от места впадения различных рукавов р. Терек в Каспийское море. Ее центр в виде крупного золотоордынского поселения («города») впоследствии (1588 год) был перекрыт деревянными постройками русских Терок – см.: (Голованова С.А., Нарожный Е.И., 2005, с. 253-276).

23 На наш взгляд, это фольклорно-топонимическое название городище получило после 1295 года – об этом см.: (Нарожный Е.И., 2010б, с. 15-43).

24 С территории городища Верхний Джулат опубликована пока единственная, реально происходящая из раскопок монета (Милорадович О.В., 1963, с. 99, рис. 8,15). Есть сведения о монетных находках отсюда, находящихся в частных коллекциях (Пачкалов А.В., 2011а, с. 174-175), однако детальными сведениями на этот счет мы не располагаем.

локализовал и другие северокавказские монетные дворы, своим происхождением даже никак не связаны с Северным Кавказом, хотя иногда в литературе утверждается обратное (Прокопенко Ю.А., 1997, с. 66). Судя по лаконичным данным востоковеда, все интересующие нас монеты – из какой-то одной или нескольких частных коллекций, скорее всего, связанных со сборами на территории средне- или нижневолжских (?) городищ, любезно предоставленных нумизмату (Нарожная Ф.Б., 2000 д, с. 21-27; 2001б, с. 188-189). По этим причинам альтернативное и весьма осторожное предположение А.В. Пачкалова о возможном соотнесении типа таких монет («Джюллада») из каталога Х.М. Френа с типом монетных чеканов Биляра имеет больше шансов соответствовать действительности (Пачкалов А.В., 2005б, с. 136), очень даже вероятно. Резюмируя сказанное, вполне определенно можно считать, что монета «Джюллада» в той трактовке, в какой предложил ее воспринимать еще Х.М. Френ, на сегодняшний день вызывает больше вопросов, и установленный еще в начале XIX века «факт» остался всего лишь интересной гипотезой, однако сегодня ничем не подтверждающейся. И еще, при всей неопределенности с локализацией монетного двора «Джулат» на Северном Кавказе в специальной литературе появились многие неточности, связанные с «пересказами» версии Х.М. Френа относительно возможной локализации «Джулата». Так Э.В. Ртвеладзе, на что в литературе уже указывалось (*Виноградов В.Б., Деппуева А.Б.,* 1987, с. 75-85; 1990, с. 41), ввел ошибку: ссылаясь на Х.М. Френа, он пишет о двух серебряных монетах «Джулата» (Ртвеладзе Э.В., 1976, с. 108). Напомним, «князь восточной нумизматики» опирался на легенду одной медной монеты, а вот дату на ней он читал двояко. Отсюда и ошибка Э.В. Ртвеладзе, скорее всего, по памяти, эти разночтения дат монеты воспроизведшего, как даты двух разных монет, перепутав и материал, из которого эта монета отчеканена. Тем не менее, ссылаясь на указанные страницы работы Х.М. Френа, ошибка Э.В. Ртвеладзе «перекочевала» сначала в работы Ц.М. Гваберидзе (Гваберидзе Ц.М., 1977, с. 117-125), а затем В.А. Кузнецов (Кузнецов В.А., 2003, с. 159)[25] и Ф.Х. Гутнова (Гутнов Ф.Х., 2011).

Версия Х.М. Френа относительно локализации монетных дворов «Маджара» и «Нового Маджара» единственная, не вызывающая никаких сомнений.

Монетный двор «Серир», выделенный Х.М. Френом, на самом деле имел и другой вариант прочтения – «Сарай», хотя в свой список «городов,

25 На это также уже указывалось в литературе – см.: (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2004, с. 325; Нарожный Е.И., 2005в, с. 43, прим.1).

в коих чеканились монеты» Золотой Орды, он приводит название монетного двора, как «Серир» (Френ Х.М., 1832, с. 45). Вслед за ним, «Серир» там же, к северо-западу от Дербента», помещал и Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 189). Еще позднее «серирский» монетный двор, не учтенный в уже упоминавшейся книге Э. Цамбауэра, также в качестве очередного дополнения к ней называет и Г.В. Джапаридзе (Джапаридзе Г.И., 1984, с. 82, №62). Как представляется, версия о «Серире» близ Дербента также искусственная, вероятно, во многом была навеянная сведениями из восточных источников о «царстве Серир». В 2002, а затем и в 2003 гг. мы ссылались на предположение о том, что точно такой же тип «серирских» монет был опубликован В.П. Лебедевым из коллекции Саратовского музея и других, частных коллекций. В частности, мы подчеркивали: «Совсем недавно на новые находки монет с аналогичными «серирскому» штемпелями, обратил внимание В.П. Лебедев (Лебедев В.П., 2000, с. 281). В частности, нумизмат заметил: «Сейчас известно, по крайней мере, 5 таких динаров разных штемпелей: 2 – в собрании Саратовского музея… и 3 – в частных коллекциях». В.П. Лебедев уверенно читает часть легенды на этих монетах как Динар/Чекан/Сарая» (Лебедев В.П., 2000, с. 280). Данное уточнение имеет принципиальное значение, т.к. оно делает достоверным второй вариант предположения Х.М. Френа, совсем не исключавшего возможности прочтения названия этого монетного двора, как «Сарай» (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2002, с. 41-43; 2004, с. 328), но по каким-то причинам отдавшего предпочтение переводу этого названия как «Серир». С другой же стороны, мнение В.П. Лебедева делает нереальными любые суждения о существовании в XIII-XIV вв. монетного двора под названием «Серир» на территории современного Дагестана» (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2002, с. 41-43; 2004, с. 327-328).

В связи с уточнениями укажем и на тождественную точку зрения, А.В. Пачкалова, фактически поддержавшего приведенные выше предположения (Пачкалов А.В., 2005б, с. 139).

Монетный двор «Шигунь». Х.М. Френ, напомним, локализовал его на Среднем Тереке без особых уточнений на этот счет. По всей видимости, нумизмат подразумевал находившиеся здесь руины Шелкозаводского (Шелковского) укрепления хазарского времени (Нарожная Ф.Б., 2000д, с. 20; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н., 2003, с. 89-114); тем более, данное городище было известно в России, как минимум, со второй половины XVIII в. («зафиксировано на картах не позднее 1762 г.») (Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., 2010, с. 118, №25), что, наверное, и побудило Х.М. Френа соотнести название с монеты и данный археологический объект.

Таким образом, из всех, ранее локализовавшихся Х.М. Френом на Северном Кавказе монетных дворов, реально здесь существовали лишь два, реально чеканивших монеты в «Маджаре» и «Маджар – ал-Джедиде».

Вместе с тем вне внимания исследователей оказался еще один монетный двор XIV в. – город Дербент, название которого присутствует на золотоордынских монетах (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2004, с. 328), включая и период противоборства Тимура с Тохтамышем (Лебедев В.П., 1985, с. 63-79).

Наряду с вопросом о достоверности локализаций целого ряда монетных дворов на Северном Кавказе, продолжают оставаться дискуссионными и другие аспекты, связанные с иными монетными находками в регионе, часть из таких вопросов мы рассмотрим в следующем разделе данной статьи.

IV. Некоторые дискуссионные вопросы

При анализе северокавказских монетных находок XIII-XV вв. сегодня необходимо учитывать точку зрения В.Б. Виноградова, в свое время предложившего при исторической атрибуции таких материалов обязательно учитывать специфику (ландшафтную зону) их обнаружения. Так, часть монет, включенных им в подборку материалов, составивших отдельную главу его небольшой книги, была названа: «Из казны Золотой Орды» (Виноградов В.Б., 1982, с. 59-64), происходит с территорий равнинно-плоскостной зоны региона, подконтрольной Золотой Орде и почти всегда входившей в систему ее прямого и непосредственного политико-экономического диктата. Другая часть находок – монеты из высокогорья региона. В.Б. Виноградов рассматривал их в следующем разделе своей работы – «Дирхемы в горах» (Виноградов В.Б., 1982, с. 67-70). Подобное разделение было обусловлено тем, что абсолютное большинство монетных находок из высокогорной части региона, как правило, имеет одно или несколько специально пробитых отверстий или же, что реже, припаянное ушко. Все приспособления предназначались для привешивания или подвешивания, что само по себе существенно меняет характер находимых в горной зоне монет. Р.А. Даутова, к примеру, обратив внимание на данное обстоятельство, опираясь, главным образом, на подобные находки в погребальных комплексах исключительно мусульманских (Золотая Орда, Хулагуиды Ирана и т.п.), вполне справедливо показала, что в таких находках следует видеть, прежде всего, украшения, обереги или талисманы (Даутова Р.А., 1974, с. 75-78). Сегодня в погребальных комплексах высокогорной зоны золотоордынского периода известны монеты и дру-

гих монетных эмиссий, также пробитых и использовавшихся явно не по прямому своему назначению. Среди них несколько редких монет (всего 5 или 6 экз.), являющихся подражаниями куфическим монетам, но с надчеканами в виде тамгообразных знаков «дома Бату» (Нарожный Е.И.,1998). Помимо них известны монеты грузинской царицы Русудан (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.,1988, с. 44-45; Нарожный Е.И., 1997, с. 23-25; 2007а, с. 78-80), т.н. кааники, например, Менгу-каана тбилисского чекана (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1988, с. 44-45; Нарожный Е.И., Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю., 2005, с. 303, рис. 4,11), грузино-хулагуидские (Нарожный Е.И., 1998, с. 10-12; Нарожная Ф.Б., 2007, с. 94-97), хулагуидские (Нарожная Ф.Б., 2000г, с. 5-7; 2005, с. 343-347) и европейские (Нарожный Е.И., 1998, с. 10-11; Нарожная Ф.Б., 2003а, с. 122-124. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2000, с. 124-126 и др.).

Наличие пробитых в монетах отверстий, реже – следов припоя к ним «ушек» для привешивания, на наш взгляд, имеет немаловажное значение для реального восприятия подобных монет. Вероятно, такие монеты, прежде чем в них пробивались отверстия, сначала и, возможно, разными способами «изымались» из непосредственного торгово-денежного оборота, который осуществлялся не в высокогорье региона, т.е. вне зон традиционного проживания горцев региона. Происходило все это на соседних равнинно-плоскостных территориях, на которых, как представляется, горцы не обитали. В высокогорье такие монеты попадали не сразу, и совсем не обязательно по одним и тем же причинам, т.е., самыми разнообразными путями и способами. Таким образом, предназначавшиеся для высокогорья монетные экземпляры почти сразу теряли свои изначальные («нумизматические») функции, приобретая совершенно иные. Какими именно функциями они начинали обязательно обладать, ответить однозначно невозможно. Однако следует учитывать, что в прижизненной, т.е. повседневной практике, такие монеты действительно, как это показала Р.А. Даутова, могли быть частью монисто, талисманами и оберегами. В последнем случае на такую их роль указывают «замысловатые» знаки арабского письма. Такие монеты (из Золотой Орды или Хулагуидского Ирана), подобно другим предметам с арабской эпиграфикой, например, перстни, также попадавшие в высокогорье с территории золотоордынской равнины, вполне могли ассоциироваться и с различными элементами золотоордынской повседневности, такими, как «престиж», «богатство», социальный этикет и пр. Возможно, что именно по этим причинам, будучи искусственно пробитыми, совершенно в разных ипостасях пробитые монеты затем превращались в составную часть

погребального инвентаря, совсем не противореча, к примеру, канонам существовавшей у них традиционной погребальной обрядности, характеризующейся превалированием синкретизма и преимущественного бытования т.н. «этнизованного христианства» (Нарожный Е.И., 2014, с. 147-153).

Помимо существования уже упоминавшейся нами специальной статьи Р.А. Даутовой, попытавшейся определить функции восточных монет в системе погребальной обрядности горцев Северо-Восточного Кавказа, сегодня появились и другие. Отмечу две недавние, основательно фундированные статьи П.Н. Петрова (Петров П.Н., 2013а, с. 177-206; 2013б, с. 191-216), взвешенно и довольно рассудительно предложившего свои видения на этот счет. Тем не менее, данная проблема будет еще долго оставаться открытой, дискуссионной, привлекая к себе внимание не только со стороны археологов и нумизматов. В свое время на существование такой разницы в оценке свойств нумизматического материала, открытого в результате археологических раскопок, демонстрировавшихся как археологами, так и нумизматами, указывал В.М. Потин (Потин В.М., 1986, с. 69-162; 1993). Подобная разница ныне не только сохраняется, но и будет сохраняться впредь, пока усилия всех заинтересованных специалистов не завершатся коллективными обсуждениями.

Находки в погребениях высокогорья мусульманских (арабоязычных или арабографичных) – не исключение, поскольку в рамках одного могильника они соседствуют с захоронениями, внутри которых были пробитые монеты иного происхождения, в т.ч. «христианского» (закавказские и европейские), нередко с внешне выраженными атрибутами христианской принадлежности изображенных на них людей или символики (Нарожная Ф.Б., 2000б, с. 42-43). Подобные артефакты неизбежно ставят вопрос не только об отношении к данной категории археолого-нумизматического материала, но и о той роли, которую такие монеты могли, хотя бы теоретически, выполнять. Другими словами, мы вновь возвращаемся к уже порядком забытой дискуссии, одно время имевшей место между археологами и нумизматами (об этом см.: Потин В.М., 1986, с. 7-74 и сл.). На ее фоне вполне однозначно можно считать, что монеты в системе погребальной обрядности – это, прежде всего, часть погребального инвентаря. Более сложно воспринимать ситуацию, когда тот же самый инвентарь, включая и входящие в его состав монеты, без каких-либо конкретных комментариев и доказательств называют «заупокойными дарами» (Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2013, с. 296). Но и в этом случае объяснение факта наличия монеты в погребении, даже

если это «дар», не снимает закономерного вопроса: «для чего этот или такой «дар»?

Как известно, все артефакты, зафиксированные внутри захоронения, вне зависимости от конкретного набора таких предметов, в конечном итоге подразделяют на различные категории. К примеру, сабля, наконечники стрел, остатки колчана и пр. – это «предметы вооружения». Аналогично «распределяют» и иные предметы погребального инвентаря. Таким образом, и монеты из такого же инвентаря необходимо выделять в отдельную категорию – «нумизматический материал». Какую конкретную информацию нумизматического или общеисторического свойства такой материал может дать, здесь можно спорить. Вместе с тем сложно согласиться с точкой зрения о слабых возможностях такого материала, как датирующего (*П*етров П.Н., 2013б, с. 193). Я полнее солидарен с тем, что «…мы не знаем самого главного, когда имеем дело с монетами из погребений – принципа подбора монет для помещения их в погребение в каждом конкретном случае!!!» (Петров П.Н., 2013б, с. 198). Но при всей подобной неопределенности наличие хотя бы одной монеты, например, в кочевническом захоронении – несомненная удача. Известное отсутствие надежных критериев и маркеров для их датировки, как правило, приводит к датировке подобных комплексов в рамках широкого хронологического периода, определяемого временным размахом: «XII-XIV вв.». Вынужденный характер такой датировки, а иногда и чрезмерная осторожность в подобной атрибуции кочевнических захоронений, как уже отмечалось не раз (Нарожный Е.И., 2005в, с. 7; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 20011, с. 5-15), сильно затрудняет объективность восприятия, т.к. в указанном временном диапазоне: («XII-XIV вв.») «соединяются» сразу несколько исторических отрезков – «половецкое» время, «домонгольский период» и «золотоордынское время». При этом каждый из указанных отрезков времени, в свою очередь, можно подразделять на внутренние периоды. Появление точно таких же захоронений, но с монетой, как минимум, резко сужает возможную дату захоронения, позволяя речь вести хотя бы о его относительной датировке, а отсюда – о более реалистичной этнокультурной характеристике и т.п.

То же самое относится и к погребальным памятникам высокогорной зоны Северного Кавказа. В качестве одного из примеров такого использования монет следует указать опыт, когда монеты, в основном закавказские, послужили опорой для более или менее четкого разграничения понятий «раннее…» и «позднее средневековье» (Виноградов В.Б., 1985б, с. 112-125). Как справедливо считает П.Н. Петров, «в большинстве кон-

кретных случаев требуется применение индивидуального подхода к изучению данного вопроса в каждом погребении» (Петров П.Н., 2013б, с. 191-216, 193).

Некоторые авторы вполне справедливо указывают и на необходимость внимательного изучения микротопографии расположения монетных находок внутри погребального комплекса (Пигарёв Е.М., 2000; Парусимов И.Н., 2007 и др.). В принципе, такой подход и можно рассматривать, собственно, как индивидуальный подход. Но на практике и он не всегда позитивен. Сошлюсь на опыт такого подхода, продемонстрированный В.А. Бабенко и Ю.Д. Обуховым, апеллируя только к двум работам – Е.М. Пигарева (Пигарёв Е.М., 2000) и Д.В. Васильева (Васильев Д.В., 2007). Оба автора приводят все известные им случаи обнаружения монет в погребальных комплексах на Ставрополье, выделяя немногочисленные их группы, в которых сосредоточены погребения, где монетные находки зафиксированы «в кошеле» на поясе, «во рту» и пр. (Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2013, с. 291). В результате оба автора предлагают рассматривать такие монеты только как «монеты-украшения». Либо же, вслед за указанными ими предшественниками, они атрибутируют такие монеты как «оболы Харона» (Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2013, с. 305). При этом была высказана и мысль о том, что «Появление погребений с монетами позволяет по-новому рассмотреть денежное обращение в округе Маджара» (Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2010, с. 327), без изменений повторив эту же мысль и три года спустя (Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2013, с. 302). Сформулированная оригинальным образом мысль, подразумевавшая, кажется, возможности использования таких монет при характеристике монетного обращения в округе Маджара. Назвав ее «серьезным просчетом», П.Н. Петров не без юмора заметил: «следует уточнить, что речь, видимо, идет о монетном обращении в царстве Аида, а не в округе Маджара. Но это уже за пределами возможности земной науки» (Петров П.Н., 2013б, с. 198, прим. 3).

Что же касается вопроса, связанного с определением возможных функций монет в погребениях, то он поднимался в литературе задолго до называемых В.А. Бабенко и Ю.Д. Обуховым. Это не только уже упоминавшаяся нами неоднократно Р.А. Даутова, но и целый ряд других исследователей (М.Е. Массон, И.Н. Парусимов, В.И. Мамонтов, И.В. Волков и др.) (об этом см.: Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007, с. 33).

Не отрицая совсем возможности помещения в погребения монет в качестве т.н. «обола Харона», все же необходимо отметить: никто из сторонников данного предположения не приводит никаких серьезных

доводов в пользу его существования у поздних кочевников Восточной Европы, впрочем, как и других обитателей высокогорья, тождественных или же близких аналогов мифологии с участием Харона. В системе погребальной обрядности кочевников-«язычников», если даже допускать существование у них вариантов мифов о Хароне, насколько они калькируются на идеологические представления кочевников-мусульман, с их верой в не менее мифических аль-Бораков? Наверное, монеты в таких случаях обязательно должны были нести все-таки какую-то иную семантическую нагрузку.

Наличие в погребениях, кроме монет, других артефактов, предназначавшихся, как считается, для «жизнеобеспечения» в потустороннем мире, на наш взгляд, совсем не исключает и точно такой же предназначенности части монет в захоронении, особенно тех из них, которые помещались в кожаные кошели. Такой подход совсем не противоречит, к примеру, возможности использования монет из погребений в качестве историко-нумизматического источника (Потин В.М., 1993, с. 5-20 и сл.), пусть даже и с резко сократившимися его возможностями (Петров П.Н., 2013б, с. 193).

Сегодня существует еще одна версия, довольно своеобразно трактующая факты наличия монет в погребальных комплексах.

Но прежде, во многом стоит согласиться с одним из выводов П.Н. Петрова в том, что «…монеты из погребений ни в коем случае априори нельзя рассматривать в качестве монетной массы, характеризующей монетное обращение в данной местности, тем более, аналогичной кладовой!» (Петров П.Н., 2013б, с. 198). Тем не менее, находки монет в погребениях иногда трактуют и совсем по-другому.

Здесь мы обращаем внимание на недавнюю сводку «новых кладов монет Золотой Орды», опубликованную А.В. Пачкаловым (Пачкалов А.В., 2002, с. 178-210). Эту статью он позиционирует как «продолжение работ Г.А. Федорова-Давыдова», которая содержит в себе «сведения обо всех, известных (ему – Авт.) кладах, не вошедших в три обзорные работы Германа Алексеевича» (Пачкалов А.В., 2002, с. 178). В конечном итоге предлагаемый им таковой список «новых кладов» заметно возрос, в т.ч. и применительно к территории Северного Кавказа.

А.В. Пачкалов, при публикации «новых кладов», учел, например, два таких «клада» из Ингушетии, один «клад» из Кабардино-Балкарии и еще два «клада» из кочевнических захоронений в Калмыкии (Пачкалов А.В., 2002, с. 178). Эти «клады» весьма своеобразны: в составе одного из них А.В. Пачкалов называет «три золотоордынских дирхема Пулада», битых

в Хаджи-Тархане (Пачкалов А.В., 2002, с. 178, №5, 55). Источником информации, судя по ссылке, стала наша с Д.Ю. Чахкиевым публикация разрушенного воинского захоронения у сел. Верхний Алкун (Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И., 1990б, с. 131). Однако в ней речь идет не о трех, а о двух таких монетах из погребения. В склепе №128 Шуанского могильника «Мохде», как справедливо отмечает А.В. Пачкалов, действительно было выявлено сразу пять медных монет (Пачкалов А.В. 2002, с. 178, №5, 56). Но все они, во-первых, пробитые, с отверстиями для привешивания и к тому же были выявлены не вместе, а на разных уровнях (в разных «слоях») заполнения данного склепа с коллективным (остатки нескольких десятков человек) характером погребений в усыпальнице (Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю., 1989, с. 15-71). На наш взгляд, в этом случае, если следовать логике А.В. Пачкалова, речь следует вести не од одном, а, как минимум, двух «кладах» отсюда.

Не менее спорно и отнесение к «кладу» нескольких золотоордынских монет из Верхнего Чегема в Кабардино-Балкарии (Пачкалов А.В., 2002, с. 178, №6, 57). Как известно, данный «клад» представлял собой монисто, долгое время хранившееся в частной коллекции и включавшее в себя в основном монеты XVIII в., среди которых было и несколько джучидских (Виноградов В.Б., Деппуева А.Б., 1987, с. 75-85). Как, откуда и когда золотоордынские монеты попали в состав данного монисто, неизвестно, хотя подобная практика включения в украшение-монисто монет более раннего времени – не редкость (Нарожная Ф.Б., 1999а, с. 32-34).

Немного удивляет и тот факт, что указанный перечень «новых кладов» с территории Северного Кавказа, включающий в себя в основном монеты из погребений, на этом ограничивается, хотя подобных случаев обнаружения более одной монеты в одном захоронении ныне известно гораздо больше. Например, А.В. Пачкалов почему-то в список таких «кладов», не включает находку сразу 48 серебряных монет на Маджарах, находившихся внутри захоронения у стоп погребенного (Городцов В.А., 1911, с. 97). Такое количество монет вполне могло быть сопоставимо с кладом. Однако если принимать во внимание тот факт, что обычно преднамеренно и заведомо спрятанные предметы (в т.ч. и монеты) укрывались на время для того, чтобы потом вернуться и забрать спрятанное. В тех случаях, когда владелец по каким-то причинам не забирал их, предметы превращались в «клад». В данном случае подобное сокрытие монет с преднамеренным вскрытием захоронения(?), предусматривавшего затем повторную «операцию» в случае возвращения такого «клада» владельцу, выглядит не совсем логичным. По этой причине, наверное,

появление 48 серебряных монет внутри погребения следует рассматривать совершенно в ином семантическом контексте, когда такие монеты могли играть и роль своего рода «накопления», ориентированного на возможность их использования(?) в потусторонней жизни, но отнюдь не являвшихся ни «кладом», ни, тем более, 48 «оболами Харона». Кстати, представляя подобные «клады» в основном из монет в погребениях, А.В. Пачкалов избегает комментариев их функциональной роли в захоронении, предпочитая видеть в них только «клады». Тем не менее, рассматривая точку зрения А.В. Пачкалова, также относящуюся к проблеме определения функций монет в погребениях, укажем на ее тождественность точке зрения Г.А. Федорова-Давыдова, изложенной им в посмертном издании книги «Денежное дело Золотой Орды». Эта работа, по понятным причинам, не учитывается А.В. Пачкаловым, т.к. вышла в свет через год после рассматриваемой публикации А.В. Пачкалова.

В самом начале второй части этой книги Г.А. Федорова-Давыдова: «Новые клады золотоордынских монет» выдающийся отечественный нумизмат подчеркивал: «По-прежнему я включаю в сводку не только клады, но и все совместные находки монет, даже если их всего два экземпляра» (Федоров-Давыдов., 2003, с. 73). Далее, как бы подтверждая это утверждение, автор в перечне именно кладов называет две монеты из раскопок в склепе из сел. Бугарой (Федоров-Давыдов Г.А., 2003, с. 90, № 118б), ныне уже не «Советского», как указано, а Шатоевского района Чечни. Там же упомянуты по две серебряные монеты из захоронений могильников Ватан-Корт и Ушкалой в том же районе Чечни (Федоров-Давыдов Г.А., 2003, с. 90, №№118в-118г). Идея в принципе понятна, но насколько реально такое сопоставление монет из погребений с «кладом»? Вероятно, ответов на этот конкретный вопрос может быть много, и каждый из таких ответов должен базироваться на индивидуальной оценке той или иной ситуации.

Среди других дискуссионных материалов с территории Северного Кавказа особое место занимают, к примеру, монеты (как единичные находки, так и в виде двух крупных кладов), битые от имени грузинской царицы Русудан, и тяготеющая к ним монета хорезмшаха Джелал-ад-Дина. Два клада монет Русудан были случайно обнаружены при закладке и строительстве в XIX в. российских укреплений – Хадыженского и Надеждинского редутов. При всей скудности и разобщенности имеющихся сведений, указанные монеты рассматриваются не только как прямые свидетельства сохранения северокавказско-грузинских связей в этот период (Виноградов В.Б., 1990, с. 55-62). Попытки сопоставления монет

этих кладов с «имуществом» бежавших на Северный Кавказ «офицеров и чиновников» из окружения Русудан, разбитых Джелал ад-Дином во время осады и взятия им грузинской столицы – г. Тбилиси (Прокопенко Ю.А., 1995а, с. 58- 61; 1995б, с. 45-49), не убеждает и не учитывает других возможностей. Между тем, следует обратить внимание на наблюдения И.Л. Джалагания. Опираясь на известные факты находок других монетных кладов Русудан в Закавказье, а также кладов монет грузинской царицы с примесью монет Джелал-ад-Дина, исследовательница полагает следующее. Монеты Джелал-ад-Дина – это перечеканка от его имени монет той же самой Русудан, составлявших основу захваченной им тбилисской казны, доставшейся ему в качестве трофея после взятия им грузинской столицы (Джалагания И.Л., 1979, с. 110).

Следуя картографической локализации таких монет и кладов, И.Л. Джалагания вполне обоснованно предполагает, что после падения Тбилиси и последовавшего нового выпуска своих монет отступившей царицей Русудан заметно восстановление и даже некоторое оживление торгово-экономических связей грузинского царства с окружающими территориями. Предположение это опирается на находки нескольких монет Русудан и, кажется, пока единственной монеты Джелал-ад-Дина, ныне известных в округе города Дербента (Пахомов Е.А., 1949а, №1114; Джалагания И.Л., 1979, с. 110-111). Они и свидетельствуют, как считает И.Л. Джалагания, о вовлечении в процесс указанного возрождения торговли и широкой округи не только Ширвана, но и округи города Дербента с прилагающими территориями (Джалагания И.Л., 1979, с. 110-111 и сл.). Следуя уже этим предположениям, необходимо учитывать и единичные находки таких монет Русудан на Северном Кавказе, помимо самого Дербента, ныне известных из сел. Майртуп в Чечне, а также и на территории г. Краснодара (Гусев С.В., 1995, с. 69-70 и сл.; Нарожный Е.И., 1997, с. 23-25; Прокопенко Ю.А., 2000, с. 42-51), явно тяготеющих к уже упоминавшимся Надеждинскому и Хадыженскому кладам монет Русудан. Все указанные монеты не пробиты и, скорее всего, в силу каких-то причин могли быть изъяты из непосредственного денежного обращения в регионе после 1226 года. На время возможного изъятия таких монет из обращения и их сокрытия в виде двух крупных (Надеждинского и Хадыженского) кладов, косвенно указывает, например, еще одна находка, но уже не медной, а серебряной монеты Русудан, происходящей из г. Азов Ростовской области (Федоров-Давыдов Г.А., 1985. с. 47). Датировка монеты, как справедливо заметил Ю.А. Прокопенко, Г.А. Федоровым-Давыдовым была указана неверно. Ю.А. Прокопенко относит ее к 1230-м гг. (Прокопенко Ю.А., 1995а,

с. 58-61;1995б, с. 58-61). Если принимать уточнение, получается: интересующий нас монетный материал мог иметь хождение не только в Грузии и Закавказье, но и на Северном Кавказе, а также и на Дону практически вплоть до начала второй военной кампании Чингизидов конца 1230-х гг. (Нарожный Е.И., 2007а, с. 78-80; 2010б, с. 14-20 и сл.). Все это в принципе вполне объясняет и причины сокрытия двух таких кладов на Верхней Кубани.[26]

Необходимо учитывать и наличие другой группы монетных находок монет Русудан. В основном монеты этой группы происходят из высокогорной Ингушетии. Как правило, все они из погребений (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1988, с. 44-46). Еще несколько таких же монет из захоронений в т.н. «скальниках» Северной Осетии.[27] Представляется, что их распространение здесь, несмотря на близость горных зон Ингушетии и Осетии, откуда монеты происходят, к сезонному торгово-транспортному Дарьяльскому горному проходу, скорее всего, было обусловлено иными и не совсем связанными с торговлей причинами.

В письменных источниках, описывавших ход уже упоминавшегося выше вторжения Джелал ад-Дина на территорию Грузии, сообщалось: буквально накануне выхода Джелал ад-Дина к подступам Тбилиси грузинская царица Русудан обращается к северокавказским горцам-соседям за военной помощью. Получив согласие, она «отверзла врата Дарьяльские, впустила (в Грузию – Авт.) овсов,[28] дурдзуков»[29] и других горцев «тех мест» (Цулая Г.В., 1980, с. 190-205; Нарожный Е.И., 2007б, с. 143-151). Несмотря на оказанную ими военную помощь войскам грузинской царицы, союзники так и не смогли удержать в своих руках Тбилиси. Потерпев поражение от отрядов хорезмшаха Джеалал ад-Дина, они отступают. Исследователи считают: Русудан в 1226 году отчеканила новую серию своих монет (Джалагания И.Л., 1979, с. 110-120 и сл.). Допустимо полагать, что

26 Здесь необходимо учитывать специфику выбора мест под российские укрепления XIX века – господствующие высоты, обзор, неприступность и т.п. Такие же условия предъявлялись и для выбора мест под средневековые поселения и городища. Вероятно, выбор мест под Надеждинский и Хадыженский редуты и привел к тому, что оба они и были «посажены» на средневековые бытовые памятники, скорее всего, погибшие в ходе завоевательной кампании 1238-1239 годов, когда оба клада, наверное, были спрятаны в их культурных слоях.

27 Первоначально в литературе речь шла о двух медных монетах Русудан из «пещер» («скальников») Дзивгиса – см.: Тменов В.Х., 1985, с. 130-131; Виноградов В.Б., 1985б, с. 115. Позднее выяснилось: в указанном комплексе было не две и не три такие монеты, как указывалось первоначально (Виноградов В.Б., 1985б, с. 115), а сразу 5 медных монет Русудан (Тменов В.Х., Цуциев А.А., 2003, с. 86-89).

28 Овсы – грузинское название аланов-осетинов.

29 Как считается, под данным этнонимом источников обычно подразумевались предки современных ингушей.

подобная потребность была продиктована не только потерей государственной казны, захваченной Джелал ад-Дином, но и для полного расчета Русудан с ее военными союзниками, включая и упоминавшихся источником овсов и дурдзуков Восточного (Нарожный Е.И., 2007а, с. 78-80). Вероятно, уже после такого «расчета» Русудан с военными союзниками (овсами и дурдзуками), интересующие нас монеты и оказались на территории Восточного Придарьялья. Затем в силу отсутствия необходимости в них (специалисты полагают, что в высокогорной зоне этого микрорегиона монеты в качестве платежей не использовались), часть монет постепенно и превращается в составные части монист, подвесных и привесных украшений, талисманы или обереги, а в таком «новом» качестве они постепенно оказываются и в погребальных комплексах горцев.

Вероятно, таким же способом в высокогорье попадали и другие монеты, включая монеты грузино-хулагуидские, хулагуидские, а также и единичные монеты европейского и закавказского происхождения (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1988, с. 44-46; Нарожная Ф.Б., 2004, с. 331-339; 2007, с. 94-97; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2000, с. 124-126; Нарожная Ф.Б., 2000 г, с. 5-7; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2009, с. 53-64, то же: Narozhny E.I., Naroznaya F.B., 2009, p. 53-64; 2011, с. 190-196; 2012в, с. 66-73).

Рассматриваемые монеты демонстрируют еще один аспект проблемы: на территории золотоордынских владений Северного Кавказа и в их приграничье наряду с собственно золотоордынскими монетами в разные периоды жизнедеятельности этого государственного образования нередко оказывались и монеты иного происхождения.

Среди них, как известно, были находки китайских монет. Одна из них, поднятая на территории Маджара, была опубликована Ю.Д. Обуховым (Обухов Ю.Д., 2001, с. 127-130). Вторая такая же монета происходит из кочевнического захоронения, рисунок которого находился в распоряжении грозненского краеведа-исследователя М.П. Севостьянова (Нарожный Е.И., 2005а, с. 226-244). В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухов, сравнивая маджарскую находку с рисунком монеты из архива М.П. Севостьянова, практически усомнились в их тождественности (Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2010, с. 227). Монету из кочевнического захоронения близ Ачикулака они определили только как «близкую китайской монете из Маджара» (Бабенко В.А., Обухов Ю. Д., 2013, с. 304).

В 2011 г. П.Н. Петров указал нам на упоминавшуюся выше публикацию В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухова 2010 года, заметив, что опубликованное Ю.Д. Обуховым «определение» китайской монеты с Маджар, несмотря на якобы консультацию Н.В. Ивочкиной, неверно. Сославшись

на это письмо, позволили себе заметить лишь то, что В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухов, в последнее время, публикуя различные артефакты из Маджар, включая и очень редкие и даже оригинальные предметы, не всегда адекватно представляют реальные их определения специалистами (Нарожный Е.И., 2011, с. 134-135). Восприняв эту реплику кажется, совсем по-другому поводу, оба автора сочли необходимым «обратить внимание Е.И. Нарожного» почему-то на комплекс других монет, выразив при этом надежду на то, что новая (в 2013 г.) их публикация «поможет …сформировать (Е.И. Нарожному – Авт.), собственное мнение», без опоры на «неопубликованную работу П.Н. Петрова» (Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2013, с. 300, прим. 14). Но речь, уважаемые оппоненты, совсем не о том. К тому же иногда бывает весьма полезным ознакомиться и учесть и чужое мнение. Поскольку к настоящему времени точка зрения П.Н. Петрова по поводу ситуации, сложившейся вокруг правильности определения китайской монеты с Маджар, ныне уже опубликована, а В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухов вновь дублируют «старую ошибку», нам ничего не остается делать, как частично процитировать точку зрения П.Н. Петрова. Вероятно, это будет способствовать устранению всех недоразумений на этот счет.

В частности, П.Н. Петров отдельно остановился «на некорректной атрибуции китайской монеты династии Южная Сун авторами В.А. Бабенко (г. Ставрополь) и Ю.Д. Обуховым (г. Буденновск): «Монета из Ачикулака близка китайской монете из Маджара, относящейся к периоду правления императора Цзя-Тай (1201-1204)» (Бабенко В.А., Обухов Ю.Д., 2010, с. 227). Китайская монета из Маджар была опубликована Ю.Д. Обуховым раньше (Обухов Ю.Д., 2001, с. 128) с аналогичной атрибуцией, причем со ссылкой на крупнейшего нумизмата в области китайской нумизматики – Нину Владимировну Ивочкину. Совершенно очевидно, что авторы незнакомы с китайской нумизматикой, в противном случае так исказить атрибуцию Н.В. Ивочкиной невозможно! Цень-тай – это не имя императора, а девиз его правления, годы, когда действовал этот девиз этого правления – 1201-1204 гг. Храмовое имя императора было Нин Цзун. Это имя давалось императору посмертно и далее употреблялось устойчиво во всех письменных источниках. Личное имя этого императора (прижизненное) – Чжао Ко. Он имел во время своего кратковременного правления лишь один, указанный выше девиз. Верна мысль о том, что монета из захоронения в Ачикулаке лишь «близка» монете из Маджара. Неуверенность автора в одинаковости этих монет кроется, надо полагать, в разном их размере – маджарская 34 мм (Обухов Ю.Д., 2001, с. 128), а ачикулакская – 42 мм… Но размер ачикулакского экземпляра

установлен не по монете, а по рисунку. Монеты с таким девизом правления отливались из двух металлов (бронзы и железа), разных номиналов, отличающихся между собой размерами, но монеты размерами более 35 мм (номиналов 3 вэнь) монетные дворы не производили, т.е. диаметр рисунка реально превышает реальный диаметр самой монеты. Поэтому номинал ачикулакской монеты устанавливается только по каллиграфии иероглифов (у меньших номиналов каллиграфия отличается). Итак, монеты маджарская и ачикулакская одинаковые – …= сань вэнь цянь = три вэнь цянь» (Петров П.Н., 2013б, с. 197, прим. 2).

Вместе с тем, указанные выше находки китайских монет, вероятно, не единственные. Следует, к примеру, учесть сведения В.А. Городцова, к сожалению, без всякой конкретики назвавшего среди археологических находок с территории Маджара и находки «китайских монет» (Городцов В.А., 1911, с. 184), и которые без каких-либо объяснений длительное время называли еще «сиамскими монетами» (Прокопенко Ю.А., 1995г, №14). Однако подобное «определение» этих монет неверное (об этом см. Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2009, с. 53-64; то же см.: Narozhny E.I., Naroznaya F.B. 2009, p. 53-64).

На территории Северо-Западного Прикаспия, правда, без какой-либо уточняющей конкретики, находки «китайских монет» упоминал и Е.И. Крупнов (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2003, с. 198-203; 2009, с. 53-64; то же см.: Narozhny E.I., Naroznaya F.B., 2009, p. 53-64). Ныне известны еще два экземпляра китайских монет из Гудермесского района Чечни (Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И., 2012, с. 121-130), но они пока не опубликованы.

Рассматривая причины, условия и возможные пути появления китайских монет на Северном Кавказе, П.Н. Петров, например, критически рассматривает доводы Ю.Д. Обухова на этот счет. При этом он «категорически не согласен и с однозначностью вывода Е.И. Нарожного и Ф.Б. Нарожной (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2009, с. 52-61) о том, будто появление китайских монет на Северном Кавказе было связано с торговыми отношениями Золотой Орды и Китая», в результате которых монеты «и получили здесь свое распространение. Никакого особенного распространения китайские монеты в Улусе Джучи не получали никогда, поскольку не являлись на этой территории средством платежа и обращения (т.е. не были деньгами)…». Вероятно, они – лишь «материальные доказательства существовавших в XIII-XIV вв. контактов сначала с китайской частью территории Великой Монгольской империи, а затем с державой Хубилая. О характере этих отношений (торговые или неторговые) китайские мо-

неты не сообщают ровным счетом ничего. Находки редких экземпляров – это явно случайные утраты столь же случайно «застрявших» монет так далеко от мест их изготовления и обращения. И кто знает, сколько лет они могли служить амулетами, пуговицами или украшениями, прежде чем попасть в землю?» (Петров П.Н., 2013б, с.2 03, прим. 6).

На данном этапе восприятия известных находок китайских монет такое их объяснение вполне может устроить, хотя продолжает оставаться ощущение некоторой недоработанности проблемы. Возможность восприятия ачикулакской монеты в качестве «пуговицы» заманчива, но опять-таки трудно доказуема. Настораживает и наличие в данном комплексе поясной пряжки, весьма сильно напоминающей пряжки из других «раннеджучидских захоронений», специально исследовавшихся М.Г. Крамаровским. В таком случае «монгольская» атрибуция погребения кочевника, сопровождавшегося пряжкой, да и монетой, с хронологической точки зрения выглядят приемлемыми. Присутствие в комплексе поясной чаши, возможно, несколько более позднего времени, дает некоторые основания предполагать, что остатки пояса, представленного лишь пряжкой (других предметов поясной гарнитуры, обычных в таких случаях, нет) – возможное свидетельство вторичного(?) использования в захоронении архаичных(?) предметов, каковыми можно рассматривать как пряжку, так и китайскую монету. На возможную связь находок китайских монет с какими-то бытовыми или, скорее всего, религиозно-погребальными традициями именно монголов, вероятно, могут указывать и другие находки. В том числе и монеты более ранних китайских монет, к примеру, хорошо известных в монгольских захоронениях Восточного Забайкалья (Ковычев Е.В., 1981, с. 75, рис. 2, 8-12). Среди них были и монеты со следами их подвешивания(?) на ремешке(?).

Другие китайские монеты, о которых упоминали В.А. Городцов, Г.Н. Прозрителев (с Маджар) и Е.И. Крупнов (с территории Северо-Западного Прикаспия), – «статистический факт», позволяющий утверждать лишь о том, что о таких находках указанные авторы вели речь во множественном числе. Но и в этом случае интересующая нас проблема по-прежнему продолжает оставаться открытой.

Очередным дискуссионным аспектом в восприятии и атрибуции монет являлась и потребность определения одной из трех серебряных монет, находившихся, по одной версии, в шкатулке, погребенной из кургана № 12 (раскопки Н.И. Веселовского 1896 года). По другой версии, монета эта вместе с двумя остальными находилась в кошеле, хотя на данном этапе это не столь уж и важно.

До определенного момента нумизматические находки из погребения в кургане №12 Белореченского могильника в принципе особо никого не интересовали. Лишь изредка авторы довольствовались сведениями Е.А. Пахомова, в частности, датировавшего монеты из этого захоронения следующим образом – это монета «Узбека 1320 г., Шадибека 1401 г. и Сеид-Ахмеда (1302-1419 гг.) (Пахомов Е.А., 1957, с. 36). В.П. Левашова все три монеты из шкатулки описывала так: «серебряные, золотоордынские: хана Узбека 1320 г., Шадибека 1401 г. и (без указания года), Сеид-Ахмета, царствовавшего в 1402-1419 гг.» (Левашова В.П., 1953, с. 105, 184). При всей неопределенности с указанной монетой Сеид-Ахмета никто практически не сомневался в правильности определения этих монет – ни в определении их дат, ни в отношении Сеид-Ахмета и пр. В 2001 г. было высказано предположение о возможной идентификации этого эмитента с Сеид-Ахметом – «одним из Ахматовых детей», хотя сведений о чеканке им каких-либо монет тогда не было. По документальным источникам было известно и то, что одно время он активно действовал не только в Прикубанье, но и в Крыму (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2001, с. 124-137). Других возможных претендентов на роль этого Сеид-Ахмета к 2001 году (т.е., к моменту выхода статьи), нам не было известно. В 2006 году с предложенной, хотя и вероятностной датировкой монеты с именем Сеид-Ахмета не согласился И.В. Волков. Максимально полно продемонстрировав свою эрудицию, он составил «альтернативный список» – подборку всех, известных к этому времени (2006 г.) претендентов на эту роль, все же уклонившись от каких-либо рекомендаций. Вполне ожидаемо прозвучало и его заключение: для того, чтобы окончательно определиться с возможным претендентом на роль Сеид-Ахмета, от имени которого была отчеканена интересовавшая нас монета, необходимо съездить в Эрмитаж и там смотреть монету (Волков И.В., 2006, с. 278-328).

Данную проблему, судя по информации М.Г. Крамаровского, решил П.Н. Петров, уточнивший возможную датировку монеты (Крамаровский М.Г., 2009, с. 464-465, прим. 11; 2012, с. 443). Сошлемся и на П.Н. Петрова, отметившего: «…изначально ошибочная атрибуция младшей монеты из кошелька из Белореченского курганного погребения №2 (раскопки Н.И. Веселовского), относимой В.Б. Виноградовым, Е.И. и Ф.Б. Нарожными к чекану Саид-Ахмада «II» 886 г.х.=1481 г.[предположительно из-за отсутствия на тот момент известных им аналогий], приводит к ошибочной (омоложенной) датировке погребения, на что указал М.Г. Крамаровский (Крамаровский М.Г., 2009, с. 464-465, прим. 11; 2012, с. 443-465). Во всех статьях разных авторов с нумерацией ханов с именами Саид-Ахмад на-

блюдаются неточности из-за того, что в 2005 г. был обнаружен еще один эмитент, и он имеет «порядковый номер 1», что не учитывается публикаторами. Поэтому уточним, что Саид-Ахмад, правивший в 886 г.х., – это Саид-Ахмад III. Монета же из Белореченского погребения принадлежит Саид-Ахмаду II (около 838 г.х.)(Крамаровский М.Г., 2009, с. 464-465, прим. 11)» (Петров П.Н., 2013б, с. 196, прим.1), «а Саид-Ахмад I краткосрочно правил в 819 г.х.)(Рева Р.Ю., 2005, с. 57-59; Петров П.Н., 2013б, с. 196, прим. 1).

Таким образом разрешившаяся ситуация, на наш взгляд, имеет еще один позитивный итог: уточнение датировки интересовавшей монеты наглядно демонстрирует то, что среди курганов Белореченского могильника, обычно и суммарно датировавшихся «XIII-XV вв.», в перспективе может появиться возможность для вычленения групп курганов и погребений, относившихся к разным хронологическим отрезкам времени, включая и весь XV в.

Среди монетных материалов с территории Северного Кавказа, также неоднозначно трактуемых сегодня, есть несколько русских монет. Среди них – «псковская денга», упомянутая В.А. Городцовым, происходившая с территории золотоордынского Маджар. Серебряная «деньга XV в.» была приобретена В.А. Городцовым у одного из местных крестьян для предоставления ее впоследствии в МАО (Городцов В.А., 1911, с. 178). А.В. Пачкалов датировку В.А. Городцова, на наш взгляд, не совсем обоснованно удревняет (Пачкалов А.В., 2008а, с. 283), но нельзя исключать и другую возможность, например, в соотнесении этой «денги» с псковскими монетами, выпускавшимися с «конца 1424 –по начало 1425 гг.» (Гайдуков П.Г., 2002, с. 169-173).

Еще три русские монеты были в составе упоминавшегося выше, т.н. «Петровского» клада серебряных монет 1902 г. (23886 монет клада) (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 1999, с. 24-25). Первая монета – Владимира Ольгердовича; вторая – Ивана III; последняя монета – Ивана IV. Несмотря на использование данной информации различными исследователями (Ильин А.А., 1947, с. 73; Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 175, № 257; Нарожная Ф.Б., 2000ж, с. 25-26 и др.), указанные монеты особо не комментировались. Сегодня можно уверенно полагать, что монета Владимира Ольгердовича, впрочем, как и монета Ивана III, вполне реалистичны для исторического контекста, в рамках которого сформировался «Петровский» клад (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2015). Но при этом следует соглашаться и с наблюдением Г.А. Федоров-Давыдова, который был твердо убежден в том, что монета Ивана IV «неправильно определена или же случайно причислена к кладу» (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с.175).

Еще одна русская монета – «московская денга» была найдена в 1960 г., в склепе №4 у сел. Верхний Кокадой (Аргунское ущелье Чечни). В.И. Марковин, публикуя ее, назвал самой «ценной и важной» находкой. Она – из серебра, с пробитым отверстием для привешивания. На аверсе – поясная фигура человека с секирой и мечом в руках. Частично срезанная надпись, распложенная вокруг фигуры, все же позволяет прочесть: Печать князя великого. На обороте, в квадратной рамке, в переводе с арабского: Токтамыш хан, да продлит Аллах царствие его. В.И. Марковин предположил: монета «может быть датирована концом XIV и не позднее первой четверти XV в.» (Марковин В.И., 1963, с. 250-274). Как справедливо считал В.Б. Виноградов: вместе с тем «Н.Д. Мец склонилась к мысли, что «денга» принадлежит чекану Дмитрия Донского (1359-1380 гг.). В последующих работах В.И. Марковин принял эту версию как наиболее достоверную, точнее сказать – единственную. Его информация нашла отражение в сводке джучидских монет Г.А. Федорова-Давыдова и в других работах по истории Чечено-Ингушетии» (Виноградов В.Б., 1982, с. 71-73 и сл.).

Указанные русские монеты относятся к началу XV в. наряду с единичными находками других европейских монет, происходящих, главным образом, из высокогорной Ингушетии (Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2011, с. 190-196; 2012в, с. 66-73), также требуют отдельного и специального изучения.

На этом фоне не меньший интерес по-прежнему вызывают находки золотых индийских монет, связанных, прежде всего, с Маджарами. Интерес к находкам был определен публикациями Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе Э.В., 1968, с. 53; 1972в, с. 260-271), впоследствии продолженный другими исследователями (Прокопенко Ю.А., 1995а, с. 28-35; Нарожная Ф.Б., 2000в, с. 222-223; Волков И.В., 2001, с. 109-118; Нарожная Ф.Б., 2003в, с. 173-188; Лебедев В.П., Павленко В.М., 2008, с. 415-486). Причины распространения золотых монет делийских султанов на территории Северного Кавказа (в Прикумье, главным образом, на Маджарах) разные авторы определяют по-разному. В частности, вслед за Э.В. Ртвеладзе некоторые авторы полагают, что золотые монеты – это плата за покупаемых здесь лошадей. «По предположению Э.В. Ртвеладзе, делийских купцов, как товар, интересовали лошади местной породы», – пишет, к примеру, Ю.А. Прокопенко. Это предположение подтверждается наблюдениями В.А. Кузнецова», полагающего, что купцов интересовали имевшиеся у северокавказских аланов породистые верховые лошади, писал о наличии у них особых пород – результата скрещивания местных лоша-

дей «со знаменитым среднеазиатским конем ахалтекинской породы») (Кузнецов В.А., 1971, с. 80; Прокопенко Ю.А., 1995а, с. 31). Наиболее предпочтительная версия Г.А. Федорова-Давыдова, увязывающая появление таких монет на территории Золотой Орды в связи с известной разницей курсов стоимости серебра и золота в Индии и на территории Улуса Джучи (Нарожная Ф.Б., 2003в, с. 173-188; Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б., 2012б, с. 94-103). Определенный интерес представляет и предположение А.В. Пачкалова (Пачкалов А.В., 2008а, с. 285), связанное со случайной находкой в золотоордынском Поволжье штемпеля для чеканки индийских монет (Евстратов И.В., 2005, с. 72-74). Правда, штемпель для монет иного типа, нежели ныне известных на территории Золотой Орды, что стимулирует ожидание новых находок таких монет, тем более, что за пределами Поволжья и Северного Кавказа известны достаточно разнообразные золотые монеты индийских султанов (The Indian., 1990). Тем не менее, сам факт находки штемпеля весьма интересен.

Трудно согласиться и с попытками связать все увеличивающееся количество индийских монет с территории Маджарского городища с составами одного, двух или даже трех «кладов» (Прокопенко Ю.А., 1995а, с. 28-35; Волков И.В., 2001, с. 109-118; Лебедев В.П., Павленко В.М., 2008, с. 415-486; Пачкалов А.В., 2008а, с. 285 и ср.: Нарожная Ф.Б., 2003, с. 173-188).

Таким образом, накопленные к настоящему времени сведения о монетных находках и кладах эпохи Золотой Орды на территории Северного Кавказа – одна из актуальных проблем, требующих, во-первых, максимально полной и единой сводки таких находок с последующей их историко-культурной атрибуцией.

Литература

Аджимамедов Р.Е. Страницы истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск. 1992. 172 с.

Акопян А.В. К реконструкции маршрутов торговых путей Кавказского региона в XIV в. Локализация монетного двора «Алагир» (=Алагиз=Элегис) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. Памяти И.С. Чичурина / Под ред.Т.Н. Джаксон. М.: «Индрик». 2010. С. 137-153.

Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Вып. 3. М. – Армавир: АКМ. 1993. С. 92-114;

Бабенко В.А., Обухов Ю.Д. Монеты в погребениях Золотой Орды на территории Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-куль-

турного населения Северного Кавказа. Вып. XI: Археология, краеведение, музееведение. М.: «Памятники исторической мысли». 2013. С. 291-310.

Бабенко В.А., Обухов Ю.Д. Монеты в погребениях Маджара и его округи // Материалы III международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18-21 октября 2010 г.). Астрахань: АГУ. 2010. С. 325-328.

Бабенко В.А. Сырцовые погребальные сооружения эпохи Золотой Орды в Центральном Предкавказье и Калмыкии // Донские древности. Вып.10: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (г. Азов. 30 сентября-3 октября 2008 г.). Азов: АКМ. 2009. С. 18-26;

Бларамберг И.Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во. 1996. 135 с.

Василиненко Д.Э., Жеребилов С.Б., Тищенко И.Б. Археологические исследования средневекового поселения «Железнодорожное-2» в Крымском районе Краснодарского края (Предварительное сообщение) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (г. Москва, 21-25 апреля 2014 г.). М.: ИНДРИК. 2014. С. 329-330;

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: АГУ. 2007. 156 с. + ил.

Виноградов В.Б. К вопросу о грузинском влиянии в X-XIII вв. на Северо-Восточное Причерноморье // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону: РГУ. 1990. С. 55-62.

Виноградов В.Б. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИГУ. 1981. 40 с.

Виноградов В.Б. Новые находки и сведения о средневековых монетах на территории Чечено-Ингушетии // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн-е изд-во. 1985а. С. 68-75

Виноградов В.Б. Нумизматические материалы в проблеме хронологии периодизации в позднесредневековой истории Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ. 1985б. С. 112-125.

Виноградов В.Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чеч.-Инг. кн-е изд-во. 1982. 98 с.

Виноградов В.Б., Березин Я.Б., Савенко С.Н. О чем рассказывают монеты // Ставрополье. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во. 4/1983. С. 112-116.

Виноградов В.Б., Деппуева А.Б. Монетные находки и клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ. 1987. С. 75-85.

Виноградов В.Б., Деппуева А.Б. Старинные монеты-свидетели прошлого. Нальчик: «Эльбрус». 1990. 80 с.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII-XIV вв. // Научная конференция: «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных)» / Под ред. В.В. Джапаридзе. Тбилиси: «Мецниереба». 1988. С. 44-46.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах // МИАК. Вып.1. Краснодар. Кубанский государственный университет. 2001. С. 124-137.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н. О Шелкозаводском городище хазарского времени // МИАСК. Вып.1. Армавир: РИЦ АГПИ. 2003. С. 89-114.

Виноградов В.Б., Хушт М.А. Новые случайные монетные находки из Адыгеи. (Серия: Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 39) / Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир - Тахтамукай. 2003. 25 с.

Волков И.В. Атрибуция некоторых вещей из золотоордынского Азака // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. 1991. С. 166-172.

Волков И.В. Нумизматические и эпиграфические находки на Маджарах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2. Археология. Антропология и палеоклиматология. М.: «Памятники исторической мысли». 2001. С. 109-118.

Волков И.В. О месте чеканки генуэзско-татарских монет с большой «Т» на аверсе // ДК. Вып.19. Краснодар: КГАМЗ. 2003а. С. 17-29.

Волков И.В. О некоторых находках монет из Краснодарского края // МИАК. Вып.3. Краснодар: Кубанский государственный университет. 2003б. С. 235-244.

Волков И.В. Золотоордынское поселение Ангелинский Ерик в Краснодарском крае (Предварительное сообщение) // МИАК. Вып. 5. Краснодар: Куб. ГУ. 2005. С. 348-379.

Волков И.В. Размышления о хронологии, исторической географии и точности // МИАК. Вып. 6. Краснодар: Кубанский государственный университет. 2006. С. 278-328.

Волков И.В. Поливная керамика могильника Черный Ерик-1 // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв. II международная научная конференция. Тезисы докладов. (Ялта, 19-23 ноября 2007 г.). Ялта. 2007. С. 26-32.

Волоков И.В. Случайные находки монет в районе Пятигорска // ИАА. Вып. 10. Армавир- Краснодар-Москва. 2011. С. 116-120.

Волков И.В., Петерс В.Г. Средневековый керамический комплекс поселения у. сел. Гаркуша // МИАК. Вып.5. Краснодар. Кубанский государственный университет. 2004. С. 253-262.

Гайдуков П.Г. Псковские монеты XV в. // Десятая ВНК: Москва, 15-20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 169-173.

Гваберидзе Ц.М. Взаимоотношения Грузии с Ильханским Ираном и государством Джелаиридов. Тбилиси: «Мецниереба». 1986. 160 с. (на груз. яз.).

Гваберидзе Ц.М. Монетное дело и монетное обращение в Восточной Грузии XIV века. Автореф. канд. дис. Тбилиси. 1983. 16 с.

Гваберидзе Ц.М. О новом монетном дворе в Северной Осетии // Нумизматический сборник памяти Д.Г. Капанадзе. Тбилиси: «Мецниереба». 1977. С. 117-125.

Голенко К.В. Монеты из случайных находок в Патрее (1947-1950 гг.) // ВДИ. №3. М.: Наука. 1952. С. 147-155.

Голованова С.А., Нарожный Е.И. Городище «Трехстенный городок» (XIII в. – 1668 г.) // МИАСК. Вып. 5. Армавир: РИЦ АГПИ. 2005. С. 253 – 276.

Гончаров Е.Ю. Джучидские тамги на монетах города Маджар // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. (Махачкала. 23-26 апреля 2012 г.). Махачкала: издательский дом: «Тавраевъ». 2012. С. 306-308.

Гончаров Е.Ю. Монетные дворы Улуса Джучиева // Труды международных нумизматических конференций: «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV вв.». I МНК-Саратов 2001; II МНК-Муром. М.: «Нумизматическая Литература». 2005. С. 97-102.

Гончаров Е.Ю. Монетные дворы Улуса Джучиева // Труды международных нумизматических конференций: «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV вв.». I МНК – Саратов 2001; II МНК- Муром. М.: «Нумизматическая Литература». 2005б. С. 97-102.

Гончаров Е.Ю., Нарожный Е.И., Соков П.В., Тупиков Ю.Н. Новые монетные находки с территории Краснодарского края (Публикация случайных находок) // МИАСК. Вып. 13. Армавир, Краснодар. 2012. С. 188-192.

Гончаров Е.Ю., Чхаидзе В.Н. Находки средневековых монет на территории Таманского полуострова // ММАК. Вып.5. Краснодар. Кубанский государственный университет. 2005. С. 343-347.

Городцов В.А. Результаты археологических на месте развалин Маджар в 1907 году // Труды четырнадцатого Археологического съезда в Чернигове. Т.III. М. 1911. С. 163-208.

Григорьев В.В. Несколько новых видов и вариантов Джучидских монет // ТВОРАО. Казань. 1864. Т.VIII. С. 319 -354.

Гумаюнов С.В. Нумизматический материал XIII-XIV вв. Саратовская область Ч. 1. Монетные сборы с Хмелевского селища // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV: Нумизматический сборник. Т.3. Нижний Новгород. 2002. С. 56-72.

Гумаюнов С.В., Лебедев В.П. Обзор Маджарского чекана Токта хана // Труды МНК VI. Волгоград. М.: «Нумизматическая литература». 2005.

Гусев С.В. Северо-Восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают. М.: Наука. 1995. 100 с.

Гутнов Ф.Х. Северный Кавказ в золотоордынский период: основные проблемы

экономики (ч. 2) // Дарьял. Владикавказ. 2011. №5 / Электронный ресурс: darial-online.ru

Даутова Р.А. Функции арабоязычных монет в позднесредневековых могильниках Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. Грозный: ЧИГУ. 1974. С. 75-82.

Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Аланская катакомба XIV в. у сел. Ушкалой // СА. 3/1974. С. 266-270.

Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Новые материалы по средневековой археологии горной Чечни // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн-е изд-во. 1979. С.78-85.

Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (По раскопкам Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии / Под ред. Х.М. Мамаева. Грозный: ЧИНИИИСФ, 1989. С. 15-71

Джалагания И.Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V-XIII вв. Тбилиси: «Мецниереба». 1979. 200 с.

Джапаридзе Г.И. Новые добавления к работе Э. Замбауэра «Die Münzprägungen des Islams» // ЭВ. Вып. XXII. Л.: «Наука». 1984. С. 80-88.

Дондуа Г. Взаимоотношения Грузии с Золотой Ордой в XIV в. по нумизматическим данным // Международная научная конференция: «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов (Тбилиси, 25-27 июня 2009 г.). Тбилиси: «Меридиани». 2010. С. 149-150.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-М. 2011. 260 с.

Евстратов И.В. Штемпель для чеканки индийской золотой танка с Селитренного городища // Тринадцатая ВНК. (Москва, 11-15 апреля 2005 г.). Тезисы докладов и сообщений. М.: «Альфа - Принт». 2005. С. 72-74.

Егоров В.Л., Юхт А.И. В.Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // СА. М.: Наука. 1986. № 1. С. 232-239.

Зиливинская Э.Д. Архитектурные памятники Маджара по рисункам и описаниям XVIII века // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI: Археология, краеведение, музееведение. М.: Памятники исторической мысли. 2013. С. 309-339.

Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // ЗЦ. 3/2009. С. 52-62.

Зиливинская Э.Д. Капарулина О.А. Неизвестные рисунки маджарских мавзолеев из фондов Государственного Русского музея //Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В.А. Кузнецова. Сборник статей. М. 2013. С. 82-97.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Мавзолеи Маджара в описаниях и рисунках XVIII в. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Сиб. отд-е РАН. 2(50)/2012. С. 83-93.

Ильин А.А. Топография кладов древних русских монет X-XI вв. и монет удельного периода. Ч. II. Л. 1924. С. 35, №39.
Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте) МАД. Т.1. Махачкала. Даг. кн. изд-во. 1959. С. 186-203.
Калинин В.А., Лепехина Е.В. Хранители Эрмитажа: А.К. Марков и А.А. Ильин // Нумизматика. М. 19/2008. С. 54-55.
Каталог монет Чистопольского клада 1861 года, принадлежащих Казанскому обществу археологии, истории и этнографии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. III. 1880-1882 гг. Казань. Типография Императорского университета. 1884. С. 360-394.
Кетбаева М.З. Италия и Китай в Дигории (к вопросу об интерпретации находок XIX в. из Махческа) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (г. Магас, 26-30 апреля 2010 г.). Магас. 2010. С. 182-183.
Кирилко В.П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // Stratum plus. СПБ-Кишинев-Одесса. 1999. С. 137-141.
Клапрот Ю. Исследования о развалинах мажарских на реке Куме// Московский телеграф. Ч. III- IV. М. 1825. С. 108-120.
Коваль В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // ПА. Казань. 4(6)/2013. С. 9-33.
Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья //Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск. 1981. С. 73-79
Крамаровский М.Г. Кавказские находки итальянского стекла (к характеристике торгового пути: «Венего-Лигурия-Крым-Северный Кавказ»в XV в.) // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала. 1988. С. 80-81.
Крамаровский М.Г. Лигурия - Крым - Северный Кавказ // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина. 1986-1994 гг. СПб: ГЭ. 1995. С. 52-54.
Крамаровский М.Г. Мангупская находка: сельджукские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь. 2009. С. 464-465.
Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. СПб.: «Евразия». 2012. 400 с.
Крупнов Е.И., 1957. Первые итоги работы Прикаспийской экспедиции // СА. 2/1957. С. 167-178.
Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе: «Ир». 1971. 198 с.
Кузнецов В.А. Археологические данные о происхождении дигорских Бадилят // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып.1. Нальчик. 2012. С. 99-109.
Кузнецов В.А. Кетбиева М.З. Италия и Китай в Дигории (К вопросу об импортной посуде XV века из Махческа) // Россия на рубеже тысячелетий: общество, наука, образование. Вып. 9. Минеральные Воды. 2010. С. 244-246.
Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X-XV вв. Владикавказ. 2003. 192 с.

Лебедев В.П. Новые данные о раннеджучидском чекане Хорезма и Сарая // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Сборник научных статей. Донецк: ДГУ. 2000. С. 277-282.
Лебедев В.П. Серебряные монеты Азербайджана времени войн Тимура и Тохтамыша // ЭВ. Вып. XXIII. Л.: «Наука». 1985. С. 63-79.
Лебедев В.П., Павленко В.М. Монетное обращение золотоордынского города Маджар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк: ДГУ. 2008. С. 415 -486.
Лебедев В.П., Павленко В.М. Неизданные джучидские медные монеты из Маджара // Двенадцатая ВНК. Тезисы докладов и сообщений (Москва, 19-24 апреля 2004 г.). М. 2004. С. 82-84.
Лебедев В.П., Ситник В.Г. Комплекс серебряных джучидских монет из Нижнего Джулата (Кабардино-Балкария) // МИАСК. Вып.13. Армавир-Краснодар. 2012. С. 192-210.
Левашова В.П. Белореченские курганы // Тр. ГИМ. Вып. XXII. М. 1953. С. 105, 184.
Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х. Археологические памятники Шелковского района ЧР (Материалы к археологической карте) // ВАН ЧР. Грозный. 2(13)/2010. С. 114-122.
Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И. Археологические памятники Гудермесского района Чеченской Республики (материалы к археологической карте) // ВАН ЧР. Грозный: изд-во АН ЧР. 1(16)/2012. С. 121-130.
Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. Из истории русско-северокавказских военных контактов в XIII-XIV вв. // Итоги и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом: Тезисы докладов / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: ЧИГУ. 1990. С. 9-11.
Мамаев Х.М., Нарожный Е.И. Новые археологические материалы эпохи золотоордынского времени в Чечне // ВАН ЧР. Грозный: изд-во АН ЧР. 3(23)/2014. С. 43-55.
Мамаев Х.М. Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн-е изд-во. 1986. С. 79-93.
Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб. 1896.
Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука. 1965. 128 с.
Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР. 1963. С. 250-274.
Марченко И.И., Пьянков А.В. Курган 37 могильника Лобанова Щель // МИАК. Вып.2. Краснодар: КубГУ. 2002. С. 168-213.
Миллер Ю. Художественная керамика Турции. Л.: «Аврора». 1972. 184 с.
Милорадович О.В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // Археологические памятники Северной Осетии. МИА № 114: Средневековые памятники Северной Осетии. М.: Наука. 1963. С. 87-106.

Мухаметшин Д.Г. Каратунский клад // Десятая ВНК. Тезисы докладов и сообщений (Псков, 15-20 апреля 2002 г.). М. 2002. С. 83-84.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М.: Наука. 1983. 196 с.

Надеждин П.П. Кавказский край. Тула. 1902. 260 с.

Нарожная Ф.Б. Еще раз о находках монет ХШ-XVI в. из погребальных комплексов Северного Кавказа // Шестые чтения по археологии Средней Кубани. Тезисы конференции. Армавир: АГПИ. 1999а. С. 32-34.

Нарожная Ф.Б. О некоторых неточностях в учебных пособиях по археологии, истории и нумизматике // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Международная научно-практическая конференции. Ч.2. Славянск-на-Кубани: СФ АГПИ. 1999б. С. 40-42.

Нарожная Ф.Б. Некоторые задачи и перспективы изучения нумизматических материалов Северного Кавказа в XIII-XV вв.// Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы VIII краевой межвузовской, аспирантско-студенческой конференции. Армавир-Краснодар. 2000а. С. 14-15.

Нарожная Ф.Б. Нумизматические находки Северного Кавказа и христианство// Христианству-2000 лет. Тезисы региональной конференции. Армавир: АГПИ. 2000б. С. 42-43.

Нарожная Ф.Б. О золотых монетах делийских султанов на Маджарах//Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. Сб. тезисов. Вып.6. Армавир: АГПИ. 2000в. С. 222-223.

Нарожная Ф.Б. Монеты Ильханов XIII-XIV вв. в горах Чечни и Ингушетии//На стыке гор и равнин: проблемы взаимовоздействия. Армавир: АГПИ. 2000г. С. 5-7.

Нарожная Ф.Б. Х.М. Френ и начальный этап изучения нумизматических находок XIII-XIV вв. Северного Кавказа // Вопросы северокавказской истории. Сб. статей. Вып.5. Армавир: АГПИ. 2000д. С. 21-27.

Нарожная Ф.Б. О монете Владимира Ольгердовича из состава «петровского» клада монет на Кубани//Седьмые чтения по археологии средней Кубани (Краткое изложение материалов). Армавир: АГПИ. 2000е. С. 25-26.

Нарожная Ф.Б. Из опыта использования нумизматических материалов в преподавании истории в общеобразовательной школе //Теория и практика воспитания студента в педагогическом вузе. Сб.тезисов. Вып.1. Армавир: АГПИ. 2000ж. С. 95-86.

Нарожная Ф.Б. Еще раз о «реалиях в нумизматике Северного Кавказа на рубеже XX-XX1 в.» // Вопросы северокавказской истории. Вып.6. Ч.1 .Армавир: АГПИ. 2001а. С. 18-21.

Нарожная Ф.Б. К вопросу о происхождении золотоордынских монет с северокавказскими штемпелями из публикации Х.М. Френа // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции. – Ч. 1. М. – Ставрополь: СГУ. 2001б. С. 188-189.

Нарожная Ф.Б. О еще одной находке трапезундского аспра на Кубани // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. – Армавир. 2003а. С. 122-124.

Нарожная Ф.Б. О монетных находках из осетинского святилища Реком // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 24-26 апреля 2003 г). Ставрополь. 2003б. С. 88-90.

Нарожная Ф.Б. О находках золотых делийских динаров на Маджарах (Ставропольский край) // МИАСК. Вып. 1. Армавир. 2003в. С. 173-188.

Нарожная Ф.Б. Материалы к библиографии публикаций, содержащих сведения о нумизматических находках XIII-XV веков // МИАСК. Вып. 4. Армавир: АГПУ. 2004. С. 331-339.

Нарожная Ф.Б. К своду монетных находок XIII-XV веков с территории Республики Ингушетии // МИАСК. Армавир: АГПУ. 2005. С. 343-347.

Нарожная Ф.Б. Новые монетные находки золотоордынской поры с территории Северного Кавказа // АЖ. Армавир: АГПУ. 2007. № 1. С. 94-97

Нарожная Ф.Б., Сухацкая Л.Л. Нумизматические исследования Северного Кавказа: современный этап // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Материалы VI международной научно-практической конференции. Ч.1. Армавир: АГПИ. 1999. С. 14-16.

Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Металлические «штампы» с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып.15. Армавир-Краснодар. 2015. С. 151-155.

Нарожный Е.И. О городских монетных дворах XIII-XIV вв. на Северном Кавказе // Н.П. Гриценко – исследователь русско-вайнахского исторического общества и классовой борьбы в дореволюционной Чечено-Ингушетии: Тезисы докладов. республиканской научно-пропагандистской конференции. Грозный, 1986. С. 28-30.

Нарожный Е.И. К историко-культурной атрибуции двух предметов XIV в. из горной Ингушетии // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов региональной конференции. Кисловодск. 1994. С. 62.

Нарожный Е.И. Сведения о монетных находках XIII-XV вв. на территории Северной Осетии // XX юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Ставрополь. 1996. С. 93-95

Нарожный Е.И. Монеты грузинской царицы Русудан на Северном Кавказе в контексте событий пер. пол. XIII в // Историческое регионоведение – вузу и школе. Материалы V Региональной конференции – Славянск-на-Кубани. СФ.: АГПИ. 1997. С. 23-25.

Нарожный Е.И. Восточные и западные инновации золотоордынского времени у населения Верхнего и Среднего Притеречья. Автореф. канд. дис. Воронеж: ВГУ. 1998. 28 с.

Нарожный Е.И. Об одном казусе со «святыми мощами» у старообрядцев Северного Кавказа (о судьбах захоронений в мусульманском мавзолея Борга Каш) // История и естествознание. Научный и научно-методический ежегодник. Вып.2. Армавир: АГПУ. 2003а. С. 3945.

Нарожный Е.И. В.Н. Татищев как организатор первых исследований Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. Приложение. 2003. № 12. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ. 2003б. С. 111-117.

Нарожный Е.И. В.Н. Татищев и золотоордынские памятники Северного Кавказа // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Под ред. Л.Т. Яблонского. М.: ИА РАН – РГНФ. 2004а. С. 134-136.

Нарожный Е.И. О северокавказском контексте в государственной деятельности В.Н. Татищева // Научная мысль Кавказа. Приложение. 1. Ростов-на-Дону. 1/2004б. С. 109-115.

Нарожный Е.И. О некоторых находках XIII-XIV вв. с территории Грозненской области (По материалам личного архива грозненского краеведа М.П. Севостьянова) // МИАСК. Вып. 5. Армавир: РИЦ АГПУ. 2005а. С. 226-244.

Нарожный Е.И. Об одной истории со «святыми мощами» (О судьбе погребений в мавзолее Борга-Каш) // История и культура народов Северного Кавказа. Сб. научных трудов. Вып. 2. Пятигорск: ПГТУ. 2005б. С. 77-85.

Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир: АГПИ. 2005в. 210 с.

Нарожный Е.И. О специфике денежного обращения на Северном Кавказе в первой трети XIII века // XIV ВНК. С-Петербург-Гатчина 16-21 апреля 2007 года. Тезисы докладов и сообщений. СПб.2007а. С. 78-80.

Нарожный Е.И. Новые публикации грузинских письменных источников (Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. Перевод со старогрузинского Г.В. Цулая. Вып.1. М. 2005. 142 с. Г.В. Цулая. Святые и мученики в истории Грузии (Апографические этюды. М. 2006. 216 с.) // АЖ. Армавир: АГПУ. 2007б. №1. С.143-151.

Нарожный Е.И. К историко-культурной атрибуции двух предметов XIV в. из горной Ингушетии. (XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск. 1994) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII: «Крупновские чтения». 1971-2006 гг. М.: «Памятники Исторической мысли». 2008а. С. 328.

Нарожный Е.И. О находках золотоордынского времени с территории Алхан-Калинского городища (Чечня) // Древности Юга России. Сборник памяти А.Г. Атавина. М.: ИА РАН. 2008б. С. 525-542.

Нарожный Е.И. Сведения о монетных находках XIII-XV вв. на территории Северной Осетии. (XX юбилейные международные «Крупновские чтения» по

археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов – Ставрополь, 1996. С. 93-95) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII: Крупновские чтения.1971-2006 гг. М. Памятники исторической мысли. 2008в. С. 622.

Нарожный Е.И. Позднекочевническое захоронение из-под г. Новокубанска (Новокубанский район Краснодарского края): некоторые аспекты датировки и культурной атрибуции // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. (Магас. 26-30 апреля 2010 г.). Тезисы докладов международной научной конференции. Магас. 2010а. С. 266-267.

Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII-XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимовоздействия. Автореф. докт. дис. Владикавказ: СОГУ. 2010б. 86 с.

Нарожный Е.И. Из истории изучения золотоордынских владений Северного Кавказа // ЗН. Вып.2. Материалы международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова (Казань, 29-30 марта 2011 г.). Казань. 2011а. С. 160-175.

Нарожный Е.И. Из истории литографий с видом маджарских мавзолеев // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов. Сборник материалов межрегиональной научной конференции. К 100-летию со дня рождения и 25-летию памяти А.П. Рунича. (Пятигорск, 17-18 ноября 2011 г.) / Под ред. С.Н. Савенко. Пятигорск: ПГМК. 2011б. С. 42-48.

Нарожный Е.И. Крымские импорты XV века с Северного Кавказа // III международная научно-практическая конференция: «Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме». Тезисы докладов и сообщений конференции (Ялта, 27-30 апреля 201 г). Ялта. 2011в. С. 70-72.

Нарожный Е.И. «Золотоордынское наследие» А.П. Рунича и некоторые аспекты изучения золотоордынского периода истории Центрального Кавказа //Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов. Сборник материалов межрегиональной научной конференции. К 100-летию со дня рождения и 25-летию памяти А.П. Рунича. (Пятигорск, 17-18 ноября 2011 г.). Пятигорск: ПКМ. 2011г. С. 134-135

Нарожный Е.И. Даутова Р.А. – первый археолог-горянка Северного Кавказа // МИАСК. Вып.13. Армавир-Краснодар. 2012. №13. С. 225-226.

Нарожный Е.И. Конфессиональный синкретизм XIII-XV вв. в погребальных обрядах населения Северного Кавказа // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Материалы II международной научной конференции. Барнаул: изд-во АлГУ. 2014. С. 147-153.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Еще раз о «Петровском» кладе монет из Прикубанья // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: Сб. тезисов. Армавир: АГПИ. 1999. С. 24-25.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Пражский грош из горной Ингушетии // Проблемы всеобщей истории. Вып. 6: Международный сборник статей. Армавир: РИЦ АГПА. 2000. С. 124-126.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. К своду монетных находок XIII-XIV в. на территории Республики Дагестан // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь. 12-15 апреля). Ставрополь: СГУ. 2001. С. 130-132.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О локализации некоторых «городов» XIII – XIV вв. на Северном Кавказе // История и обществознание. Научный и учебно–методический ежегодник. Вып. 1. Армавир: РИЦ АГПИ. 2002. С. 39 – 45.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О находках китайских монет XIII века с территории Прикаспийской низменности // Проблемы всеобщей истории. (Международный сборник научных и научно-методических трудов). Вып. 8. Армавир. Редакционно-издательский центр Армавирского государственного педагогического института. 2003. С. 198-203.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О монетных дворах Северного Кавказа XIII-XV вв. // МИАСК. Вып. 4. Армавир: РИЦ АГПИ. 2004. С. 322-330.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Евразийские монеты XIII века с территории Северного Кавказа (Историко-археологические этюды) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Сиб. отд-е РАН. 2009. №1. С.53-64.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Средневековые монеты из высокогорной Ингушетии // Проблемы археологии Кавказа. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию. Б.Н. Воронова. (10-11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум. 2011. С. 190-196.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Вновь о локализации монетного двора «Алагир» // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и материалы. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции (Махачкала, 23-28 апреля 2012 г.). Махачкала. Издательский дом Мавраевъ. 2012а. С. 362-364.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Из истории начального этапа нумизматических исследований Маджара (некоторые дискуссионные аспекты) // НЗО. Вып. 2. Казань: «ФАН». 2012б. С. 94-103.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. Нумизматические материалы XIII-XIV вв. из высокогорной Ингушетии // НЗО. Вып. 2. Казань: «ФАН». 2012в. С. 66-73

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. «Петровский» монетный клад на Кубани: некоторые итоги и перспективы изучения // НЗО. Вып. 5. Казань. 2014 (в печати)

Нарожный В.Е., Чахкиев Д.Ю. Погребение №15 Келийского могильника (горная Ингушетия) // МИАСК. Вып.5. Армавир: РИН АГПУ. 2005. С. 291-304

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей (МИАСК. Вып.7) / Под ред. С.Н. Савенко. Армавир-Ставрополь: РИЦ АГПИ. 2007. 228 с.

Нарожный Е.И., Соков П.В., Тищенко И.Б. Охранно-спасательные археологические исследования на грунтовом могильнике поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (г. Москва, 21-25 апреля 2014 г.). М.:ИНДРИК. 2014. С. 374-376.

Нарожный Е.И., Фоменко В.А. Новые находки предметов эпохи Золотой Орды с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 6. / Под ред. Е.И. Нарожного. Армавир. АГПУ. 2006. С. 175-181.

Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. Некоторые данные о погребальных комплексах XIV в. высокогорной Ингушетии // Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии / Под ред. Х.М.Мамаева. Грозный: ЧИНИИСФ, 1992. С. 5-20.

Недашковский Л.Ф. Христиан Мартин Френ (1782-1851 гг.). К 225-летию со дня рождения // РА. М.: Наука. 1/2008. С. 117-122.

Обухов Ю.Д. Китайская монета с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II: Археология, антропология, палеоклиматология. М.: «Памятники исторической мысли». 2001. С. 127-130

Павленко В.М., Лебедев В.П. Нумизматические «новинки» из Маджара // Труды МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков».. III МНК (Старый Крым, 3-9 октября 2004 г.). М.: Нумизматическая литература. 2005. С. 27-34.

Парусимов И.Н. Еще раз об «оболе Харона» // Античные цивилизации и варварский мир. в Подонье-Приазовье (Тезисы докладов). Новочеркасск. 2007.

Пахомов Е.А. // Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М.: «Радио и связь». 1982. С. 206.

Пахомов Е.А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Вып II. Баку: Аз. ФАН СССР. 1928.102 с. + карты-вклейки.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып III. Баку: Аз. ФАН СССР. 1940. 94 с.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып IV. Баку: Изд-во АН Аз. ССР. 1949а.116 с.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып V. Баку: Изд-во АН Аз. ССР. 1949б. 64 с. + карты-вклейки.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып VI. Баку: Изд-во АН Аз. ССР. 1954. 92 с.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып VII. Баку: Изд-во АН Аз. ССР. 1957. 86 с.
Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып VIII. Баку: Изд-во АН Аз. ССР. 1959. 80 с.
Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып IX. Баку: Изд-во АН Аз. ССР. 1966. 124 с.
Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. Вып. 1 (Труды общества обследования и изучения Азербайджана. Вып. 3). Баку. Издание общества обследования и изучения Азербайджана. 1926. 100 с.
Пачкалов А.В. Новые клады монет Золотой Орды // ДПДР. Вып. IV, т. 3. Н-Новгород. 2002. С. 178-210.
Пачкалов А.В. Монетное дело Маджара (Маджара ал-Джедид) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь. СГУ. 2003. С. 350-352.
Пачкалов А.В. Нумизматика Джулата // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. М. 2004.
Пачкалов А.В. Новые монеты XIII-XV вв. в Краснодарском крае // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 2005а. С. 203-207
Пачкалов А.В. «Мифические» и недостоверные монетные дворы Джучидов // НС ГИМ. Т. XVII (Труды ГИМа. Вып.151). М.: ФГУК «ГИМ». 2005б. С. 134-143.
Пачкалов А.В. О научном наследии выдающегося нумизмата-востоковеда Е.А. Пахомова // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик. 2006. С. 151-152.
Пачкалов А.В. Иноземные монеты на Маджарском городище // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ. 2008а. С. 283-286.
Пачкалов А.В. Новая русскоязычная литература по нумизматике Золотой Орды (V МНК – Волгоград, 2006 г.) // Труды МНК: «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV вв.». IV МНК – Болгар. 2005 г.; V МНК – Волгоград, 2006 г. М.: «Нумизматическая литература». 2008б. С. 153-161.
Пачкалов А.В. Нумизматика Джулата // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов – М. 2004) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII: Крупновские чтения. 1971-2004 гг. М.: Памятники исторической мысли. 2008в.

Пачкалов А.В. Из истории находок мусульманских монет на Северном Кавказе: сборы Г.Ю. Клапрота на Маджарском городище // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып.1. Ставрополь. СГУ. 2009. С. 70-74.

Пачкалов А.В. О монетном обращении Верхнего и Нижнего Джулата // Труды III (XIX) ВАС. Т.II. С-Пб-М. Великий Новгород. 2011а. С. 174-175.

Пачкалов А.В. Нумизматика: история науки, современное состояние и перспективы // Гуманитарные науки. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. М. 4/2011. С. 68-73.

Пачкалов А.В. Новые данные по монетному обращению Средневекового Кавказа // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. (Махачкала. 23-26 апреля 2012 г.). Махачкала. Издательский дом «Тавраевъ». 2012а. С. 368-370.

Пачкалов А.В. Новые материалы по денежному обращению Крыма и Кавказа в средние века: находки монет Джучидов и Гиреев // НЗО. Вып. 2. Казань: «ФАН». 2012б. С.124-130.

Петров П.Н. Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (1) // ЗО. Казань: «ФАН». 1/2013а. С. 177-206.

Петров П.Н. Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (2) // ЗО. Казань: «ФАН». 2/2013б. С. 191-216.

Петров П.Н., Судитский Я.В., Сердюков П.В. Проводилась ли Токтой общегосударственная реформа 710 г.х. Кубанский клад времен Узбек-хана // Труды МНК: «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV вв.». I МНК –Саратов 2001; II МНК- Муром 2003. М.»Нумизматическая литература». 2005. С. 142-205.

Пигарёв Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк: ДГУ. 2000.

Потин В.М. Монеты, клады, коллекции. Очерки нумизматики. С-Петербург: «Искусство-СПБ». 1993. 303 с., 32 л. ил.

Потин В.М. Введение в нумизматику // Тр. ГЭ Т. XXVI. Вып.6: Нумизматика. Л.: «Искусство», Ленинградское отд-е. 1986. С. 69-162.

Прозрителев Г.Н. Маджары. Один из древнейших городов Северного Кавказа. Ставрополь. 1906. 32 с.

Прозрителев Г.Н. Развалины древнего хазарского города Маджары. Ставрополь. 1911. 30 с.

Прокопенко Ю.А. К вопросу о находках золотоордынских монет в Центральном Предкавказье // Из истории земли Ставропольской. Вып. 1. Ставрополь. Издательство СГУ. 1995а. С. 28-35.

Прокопенко Ю.А. К вопросу о находках на Северном Кавказе грузинских монет чекана царицы Русудан // Проблемы взаимодействия национальных культур: Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур». Ч.2: «Межэтнические отно-

шения в полиэтническом регионе». Астрахань. Изд-во АГУ. 1995б. С. 58-61.

Прокопенко Ю.А. Грузия и Северный Кавказ в первой половине XIII века (Некоторые этнополитические построения по нумизматическим данным) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы III-го всероссийского научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения С.И. Руденко. Омск: Изд-во ОГУ. Ч. 1. 1995в. С. 45-49.

Прокопенко Ю.А. Клады и находки единичных монет на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкесии (к вопросу о древних путях в центральном Предкавказье) // Из истории Земли Ставропольской, Вып.1.Ставрополь. Изд-во СГУ. 1995 г. С. 4-28.

Прокопенко Ю.А. Из истории изучения нумизматики Центрального Предкавказья // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой (г. Ставрополь. 26-27.01.96 г.). Ставрополь. 1997. С. 66-69.

Прокопенко Ю.А. Находки монет царицы Русудан и Джелал-ед-Дина Мангуберта на Северном Кавказе в свете трагических событий первой половины XIII века // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник научных статей. Вып. 3. Ставрополь: Изд-во СГУ. 2000. С. 42-51.

Прокопенко Ю.А. О торговых связях Маджара XIV-XV вв. по данным картографии кладов // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции. Ч. 1. (Ставрополь. 11-14 сентября 2001 г.). М-Ставрополь. 2001. С. 191-194.

Путешествие И. Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Перевел с немецкого и снабдил комментариями Ф.К. Брун // Записки Императорского Новороссийского университета. Т.1. Одесса. 1867. С. 1-158.

Пчелина Е.Г. О местонахождении ясского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе // МИА № 114: Археологические памятники Северной Осетии. М.: Наука. 1963. С. 152-161.

Рева Р.Ю. Неизвестный Сейид-Ахмад // XIII ВНК. (Москва. 11015 апреля 2005 г.). Тезисы докладов и сообщений. М. 2005. С. 57-59.

Ртвеладзе Э.В. Динар Мухаммеда Туглака //Вокруг света. М. 1968. №7. С. 53.

Ртвеладзе Э.В., Новые данные о монетном чекане города Маджар // НС ГИМ.Ч. IV. Вып. III. М.: ГИМ. 1971. С. 77-85.

Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // СА. М.: Наука. 3/1972а. С. 159-161.

Ртвеладзе Э.В. О медных именных монетах Тохтамыша и подражаниях им // ЭВ. Т. XXI. Л.: Наука. 1972б. С. 42-55.

Ртвеладзе Э.В. Два динара делийских султанов с городища Маджар // СА. №1.М.: Наука. 1972в. С. 260-271.

Ртвеладзе Э.В. Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII-XIV веках и ее связей со Средней Азией. Автореф. канд. дис. Л. 1975. 24 с.

Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // АЭС. Т.IV. Грозный. Чеч.-Инг. кн-е изд-во. 1976. С.103-128.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л. Т.2. 1941.
Семенов Л.П. Мавзолей Борга-Каш. Дзауджикау. 1946. 40 с.
Семенов Л.П. Татартупский минарет. Дзауджикау. 1947. 46 с.
Тебуев Р., Хатуев Р. Очерки истории карачаево-балкарцев. Москва, Ставрополь. 2002. 212 с.
Тменов В.Х. Исследование пещерных склепов у сел. Дзивгис // АО 1983 года. М.: Наука. 1985. С. 130-131.
Тменов В.Х., Цуциев А.А. Некоторые дополнительные данные об алано-грузинских связях XIII-XIV вв. (Грузинские монеты в склепах Дзивгиса) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 24-26 апреля 2003 г.). Ставрополь: СГУ. 2003. С. 86-89.
Уварова П.С. Коллекции Кавказского музея. Т. 2. Археология. Тифлис. 1902. 320 с.
Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Т.8. М. 1900. 600 с.
Федоров Г.Б. Топография кладов с литовскими слитками // КСИИМК. Вып. XXIX. Л. 1947. С. 73-80.
Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. Т.1. М.: Изд-во АН СССР. 1960. С. 94-193.
Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. T.IV. М.: «Наука». 1963. С. 163-221.
Федоров-Давыдов Г.А. Новая книга о монетах // Газ.: «Грозненский рабочий». 19.12. Грозный. 1982 .
Федоров-Давыдов Г.А. Х.М. Френ – нумизмат и эпиграфист (к 200-летию со дня рождения) //НЭ. Т. XIV. М. 1984. С. 176-179.
Федоров-Давыдов Г.А. Древние монеты-свидетели прошлого. Популярная нумизматика. М.: МГУ. 1985а. 160 с.
Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки восточных монет VIII-XIII вв. на территории Восточной Европы // ЭВ. Т. XXIII. Л.: Наука. 1985б. С. 43-50.
Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: «ПАЛЕОГРАФ». 2003. 352 с.
Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПБ. 1832.
Хизриев Х.А. К вопросу об историческом значении Куликовской битвы для народов Северного Кавказа // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII - начало XX в.). Грозный. Чеч.-Инг. кн-е изд-во. 1983. С. 6-18.
Хромов К.К. Новые находки монет с надчеканками города Маджар // НФ. Киев. 2/1998. С. 41-42.
Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV века о народах Кавказа // КЭС. T.VIII. М.: Наука. 1980. С. 190-205.

Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Новые археологические материалы золотоордынского времени из горной Ингушетии // Актуальные проблемы археологии и этнографии дореволюционной Чечено-Ингушетии / Под ред. М.Б. Мужухоева. Грозный: ЧИНИИИСФ. 1990а. С. 20-25.

Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного горского воина нач. XV в. из с. Верхний Алкун (Горная Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Под ред. Ю.С.Худякова и Ю.А. Плотникова. Новосибирск: Сиб. отд. АН СССР. 1990б. С. 129-140.

Шалобудов В.Н., Устаева Э.Р. Средневековые гирьки с таманского городища // МИАК. Вып. 6. Краснодар: КубГУ. 2006. С. 275-277.

Шалобудов В.Н., Устаева Э.Р. Средневековые гирьки с таманского городища // Древности Юга России. Сборник памяти А.Г. Атавина. М. ИА РАН. 2008. С. 395-397.

Шеллов Д.Б. Рецензия на книгу В.Б. Виноградова «Судьбы древних монет» // ИСКНЦВШ. Серия: общественные науки. Ростов-на-Дону. 4/1983.

Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре // Труды IV АС. Т. I. Отделение II. Казань. 1884. С. 3-16.

Fraehn Ch. M Recenpio Numorum Muhammedanorum.Petropolis. 1826;

Mikolajczyk A. Witaliy Borysowicz Vinogradov. Sudibu drievnich moniet. Groznyi,1 982 // Biuletyn numizmatyczny. № 1-2 (189-190). Warsawa. 1984).

Narozhny E.I. and. Naroznaya F.B. Eurasian coins of the 13th century from the northen Caucasus // Archaelogy Ethnology & anthropology of Eurasia.- Novosibirsk. 2009. № 1. P. 53-64.

The Indian Gold An introduction to the cabinet of the gold coins in the Indian Museum by B.N. Mukherjee with the assistance of T.N. Raychaudhuri. Calcutta.: Indian Musemu. 1990. 100 p. + An Album – Plate I-XI.

Zambauer E. Die Münzprägungen des Islams.Wiesbaden. 1968.

О.В. Голубев, В.П. Лебедев

МОНЕТНЫЙ КОМПЛЕКС XIV в. ИЗ с. КОПОВКА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

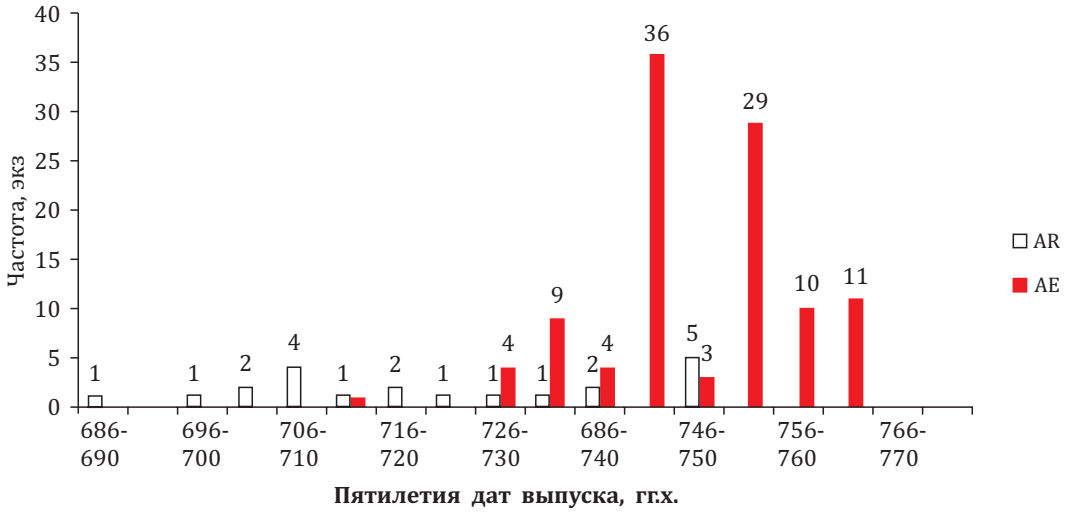
Статья посвящена находке монет, сделанной недалеко от села Коповка Пензенской области. В осмотренном авторами комплексе присутствовали как серебряные (23 экз.), так и медные (180 экз.) монеты Золотой Орды. Комплекс единичных находок маркирует небольшое поселение в хронологических рамках – конец XIII в. – и не позднее 765/1363-1364 г. Среди находок отсутствуют пулы Тагай-бека, то есть это поселение прекратило свое существование до завоевания Мохшанских земель этим амиром. Нумизматический материал подробно изучен, результаты изучения приведены в статье.

Ключевые слова: Пензенская область, Золотая Орда, монеты, нумизматический комплекс, Мохши, Укек,

Осенью 2014 г. авторам удалось ознакомиться с монетным комплексом, собранным на поле между р. Вад и с. Коповка Пензенской области. Комплекс состоял из 203 монет Золотой Орды (23 серебряных и 180 медных). После атрибуции всех монет комплекса выяснилось, что определимых монет оказалось все 23 серебряные и 162 медные монеты, а 18 пулов были стерты или сильно корродированы. Пользуясь предоставленной возможностью, в дополнение к комплексу из Коповки были добавлены еще 4 интересные монеты, происходящие из других мест Пензенской области. Описание всех определимых монет приведено в *приложении*. Метрологические параметры удалось определить не для всех, а лишь для части монет.

Хронологический состав комплекса графически охарактеризован на гистограмме 1. Серебряные монеты примерно равномерно охватывают

~ 60-летний интервал от даты старшей монеты комплекса чекана Сарая 688/1289 г. по 748/1347-1348 г. Наличие нескольких дирхемов, выпущенных и обращавшихся до реформы Токты 1310 г., должно означать, что поселение на этом месте существовало и функционировало, начиная не позднее, чем с последнего 10-летия XIII в.



Гистограмма 1. Хронологическое распределение монет комплекса из Коповки с 5-летним округлением дат выпуска.

Рассмотрим теперь состав серебряных монет по ханам и монетным дворам (табл. 1). Ранний чекан рубежа XIII-XIV вв. представляют часть дирхемов Токты и анонимные выпуски Сарая и Укека, а чекан XIV в. – пореформенные данги Токты и все экземпляры с именами Узбека и Джанибека чеканки столичных центров, а также 2 данга Мохши.

Эмитенты и монетные дворы серебряных монет комплекса Коповка

Таблица 1

Эмитент	Количество в			Монетный двор	Количество в	
	экз.	%			экз.	%
Токта	6	26,1		Укек	2	8,7
Узбек	10	43,5		Сарай	8	34,8
Джанибек	5	21,7		Сарай ал-Махруса	5	21,7
Анонимные	2	8,7		Сарай ал-Джадида	5	21,7
Всего:	23	100,0		Мохши	3	13,0

Медные монеты комплекса охватывают полувековой интервал, смещенный почти на четверть века позже – с 713/1313 г. по дату младшей монеты чекана Джадида 765/1363-1364 г. с явным максимумом, приходящимся на 740-755 гг.х. Отсутствие пулов рубежа XIII-XIV вв. не должно удивлять, так как в Поволжском регионе Золотой Орды они в это время не чеканились. Состав пулов по ханам и монетным дворам приведен в таблице 2, из которой видно, что более половины экземпляров составляет чекан Мохши, а с учетом Мохши ал-Махруса и Нуричата – почти ¾. При этом более 80% пулов анонимные. Хотя именных пулов в комплексе немного, обращает на себя внимание полное отсутствие многочисленных вариантов пулов Тагай бека (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №35а-в – 36; 40-41) и более редких монет Пулада б. Буга-Шаха (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №43-44) 767-768 гг.х. С этим обстоятельством согласуются и даты нескольких поздних пулов комплекса – Хизр-хана 762, Килдибека 763 и анонимный чекана Джадида 765 гг.х. Такой же результат известен для крупного монетного сбора на Никольском селище в Пензенской области (Винничек В.А., Лебедев В.П., 2004, с. 119-148). Одной из возможных причин прекращения жизнедеятельности на обоих поселениях может быть их разрушение князем города Бельджамен – Тагаем при завоевании им в начале 1360-х гг. Наручади (Винничек В.А., Лебедев В.П., 2004, с. 146). Другой причиной замирания этих поселений могла являться повторная пандемия чумы, достигшая этих мест в 1364 г. (Карамзин Н.М., 1997, с. 170-171).

Эмитенты и монетные дворы пулов комплекса Коповка, поддающихся атрибуции

Таблица 2

Эмитент	Количество в			Монетный двор	Количество в	
	экз.	%			экз.	%
Анонимные	132	81,5		Мохши	89	55,0
Узбек	4	2,5		Мохши ал-Махруса	5	3,1
Килдибек	3	1,9		Нуричат	23	14,2
Хизр	1	0,6		Сарай	4	2,5
				Сарай ал-Джадида	15	9,3
Дискуссионен	20	12,3		Базджин	2	1,2
Подражания	2	1,2		Укек	20	12,3
				Джадида	2	1,2
				Подражания	2	1,2
Всего:	162	100,0		Всего:	162	100,0

Рис.1. Рисованные реконструкции публикуемых монет:
3 – анонимный дирхем Укека типа «ромб»: 4 – Токтогу, дирхем Укека б/г; 19 – анонимный пул, Нуричат 713 г.х.; 20 – тоже, но не датирован; 31П – подражание пулу Мохши 753 г.х.; 33 – пул Мохши 657/756 г.х.; 38П – подражание пулам Мохши; 39 – пул (Нуриджан/ Мохши?) 761 г.х.; 48 – пул чекана Джадида б/г; 1* – анонимный дирхем (Укека) с тибетской легендой; 3* – Нуричат, 766 г.х.; 4* – пул Мохши 751/753 гг.х.

Обратимся теперь к типологии исследуемых монет. Все типы серебряных монет комплекса неоднократно опубликованы и их изображения не стали приводиться ввиду их слабой сохранности. Исключение сделано для двух дирхемов Укека из-за их многовариантности и редкости (рис.1/3, 4) и фототабл. 1/3. Аналогично и для большинства пулов, в том числе и для многих типов чекана Мохши, по которым в 2011 г. издан Каталог всех монет (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, с. 67-92). В то же время монетный комплекс из Коповки впервые за прошедшие 4 года позволил дополнить этот каталог новыми типами и вариантами пулов.

Все они изображены в виде рисованных реконструкций на рис. 1 и в виде фотографий в фототаблицах 1 и 2.

В первую очередь отметим впервые выявленный датированный вариант пула с дискуссионной атрибуцией №19 (рис.1/19; фототабл. 1/19) – «Бузинкар, Нуриджан» (Янина С.А., 1970, с. 198, №3) с современным чтением Нуричат, а также «Чекан Укека» (Пырсов Ю.Е., 2002, с. 6 №4).

Л.с. В центре картуша (квадрат вписан в точеный ободок) – тамга Менгу-Тимура.

В четырех секторах – по виньетке.

О.с. В поле: *Чекан / Нур(ичат?)/ 713* (название места выпуска искажено, цифра 3 в зеркальном исполнении).

Обнаружение экз. пула этого типа, датированного 713 г.х., по нашему мнению, завершает дискуссию по его атрибуции: не оправдалось прочтение Ю.Е. Пырсовым легенды, относившего пул к чекану Укека, так как его монетный двор после 707 г.х. прекратил свое существование. Из двух вариантов прочтения места выпуска пулов этого типа, предложенных С.А. Яниной, испытание временем не выдержало ни одно. Наиболее корректным в настоящее время стоит признать чтение *Нуричат*.

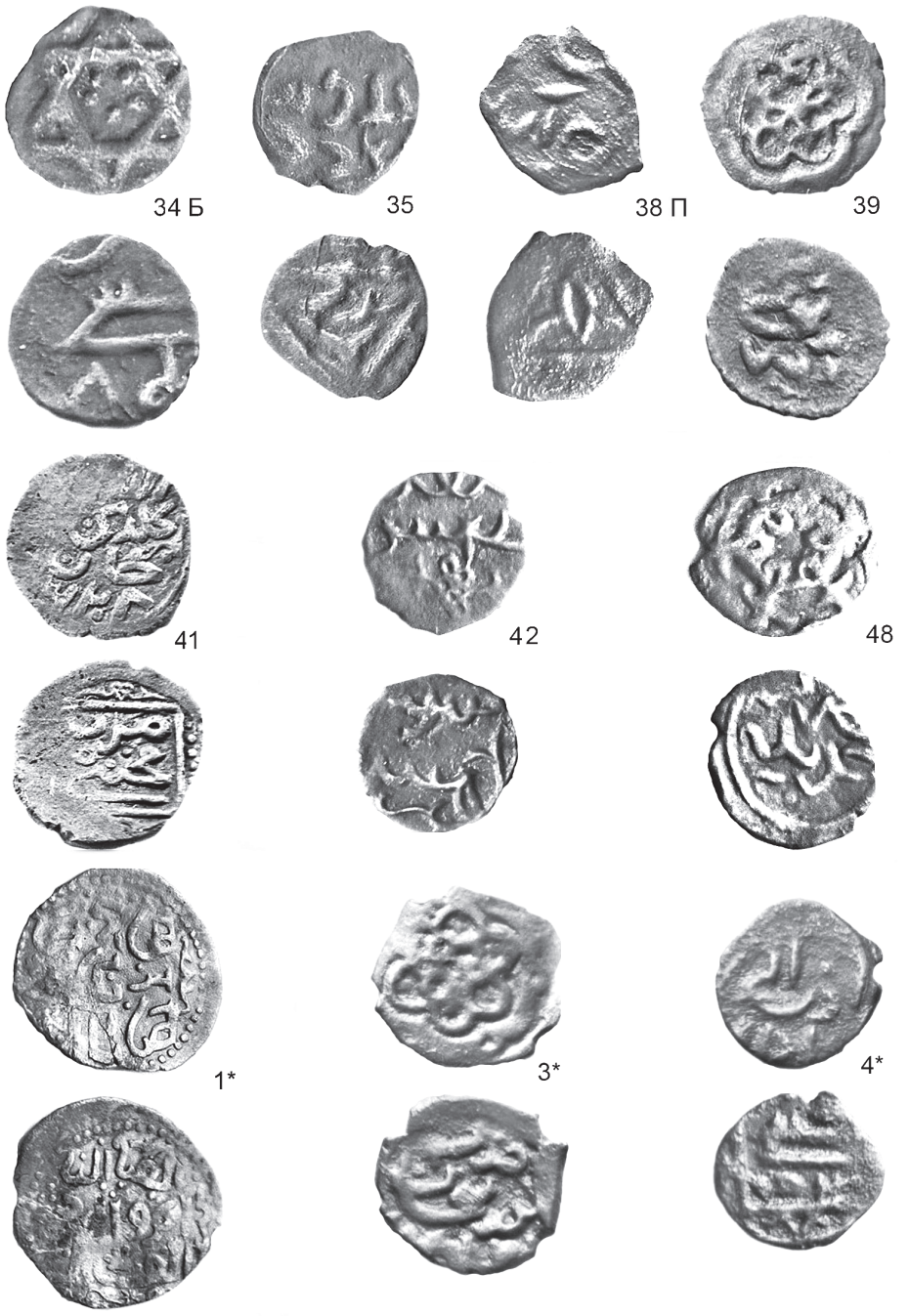
Под №33 в комплексе имеется пул Мохши типа (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №26) 756 г.х., дата выпуска которого, на первый взгляд, кажется следующего 757 г.х. (рис. 1/3; фототабл. 1/33). Однако низ первой цифры отрезан краем монеты, а цифра 5 в зеркальном виде, хотя на всех экземплярах обоих вариантов пулов 756 г.х. она в прямом изображении. Поэтому приходится признать всю дату этого варианта вырезанной зеркально и год его выпуска тогда окажется 657 = 756 г.х.

Интересна и находка пула известного типа (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №29) 762 г.х., но другого 761 года выпуска (рис.1/39; фототабл. 2/39):

Л.с. В поле двойная 6-лепестковая розетка.

Фототаблица 1.
Фотографии монет №№ 3, 19, 20, 31П, 33, как на рис.1, а также 24 – ал-Махруса 744 г.х.; 26а.б – Мохши 745 г.х.; 28 – пул 751 г.х. и 30 – пул 753 г.х

.



Фототаблица 2.
Фотографии монет №№ 38П, 39, 47, 48, 1*, 3*, 4*, как на рис. 1, а также 34б – пул 857/758 г.х.; 35 – Килдибек, Мохши (7)62 г.х.; 41 – Килдибек, Мохши 328/763 г.х.; 42 – Укек б/г. и 35 – Килдибек, Мохши (7)62 г.х.

.

О.с. В поле легенда в 3 строки, чтение второй строки неискаженное и неоднозначное:

761 / (?) PBVÍ jÅ / L j y или 761 / (?) Ór Z¿ f¼l / L j y

то есть *Бито [в] Нуричате 761 или Чекан города Мохши 761.*

В комплексе присутствуют два неизданных подражания пулам Мохши с нечитаемыми легендами на л.с., одно (рис.1/31П; фототабл. 1/31П) подражает пулам 753 г.х., другое (рис.1/38П; фототабл. 2/38П) – пулам с треугольной рамкой (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №№ 28а-д).

Из монет, добавленных к комплексу с других мест Пензенской области, не издан любопытный пул с разными датами на обеих сторонах (рис. 1/4*; фототабл. 2/4*):

Л.с. В поле:

751 / Ï N»A ÆËA

Ун алты / 751 = шестнадцать / 751.

О.с. В квадрате:

753 / Ór Z¿

Мохши / 753

Штемпель о.с., по-видимому, аналогичен о.с. пула Мохши 753 г.х. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, № 23). А вот на л.с. – он, очевидно, случайно оказался смешанным – верхняя строка от легенды л.с. пулов 722-723 г.х., а нижняя – от о.с. пула 751 г.х. [может быть (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №21)].

Два экземпляра с искаженной датой неизвестного варианта анонимного пула 762 г.х. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №29а.б) завершают данную публикацию (рис.1/3*; фототабл. 2/4-3*):

Л.с. сдвоенная 6-лепестковая цветочная розетка в лепестковом ободке с кружками на стыках.

О.с. *Бито [в] /* Нуричате */766.* В дате цифра единиц вырезана зеркально вместо 762 г.х.

Литература

Беляев В.А., Евстратов И.В. Укекский дирхам с легендой тибетским письмом // Нумизматика Золотой Орды. Казань, 3/2013. С. 27-34.

Винничек В.А., Лебедев В.П. Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным // ДПДР. Вып.V, М., 2004.

Евстратов И.В., Гумаюнов С.В. Вес, размер и достоинство серебряных монет, че-

каненных в Сарае и Укеке в XIII-нач. XIV в. // Труды МНК-II, Муром 2003. М., 2005. С. 103-129.
Карамзин Н.М. История Государства Российского. Книга вторая. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. С.170-171.
Клоков В.Б., Лебедев В.П. Джучидские монеты с Водянского городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.I. Донецк, 2000. С. 303-344.
Кротков А.А. Два собрания джучидских монет // Труды Ниж.-Волж. общества краеведения. Вып. 37. Саратов. 1930.
Лебедев В.П., Гумаюнов С.В. Обзор чекана золотоордынского двора Мохши // STRATUMplus. №6. 2011, p. 67-90.
Мохаммадиев А. Древнехазарские и булгаро-татарские монеты (на татарском языке). Казань, 1986.
Пырсов Ю.Е. Четыре слова на монете // Годы и люди, вып.6. Саратов, 1992.
Пырсов Ю.Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань, 2002.
Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб., 1832.
Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // МИА 42. М., 1954.
Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г. // Материалы и исследования по археологии СССР, №80. М., 1960.
Янина С.А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959-1962 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970.

Приложение

Состав и атрибуция монет комплекса

Данги (23 экз.)

1. Анонимный дирхем Сарай 688 г.х. 1 экз. Испорчен двойным ударом. (Евстратов И.В., Гумаюнов С.В., 1997, ф/т 13/13).
2. Токтубек, Сарай 699 г.х. – хронограммой: ﻩ w ¢ = 699. 1 экз. В=1,7. (Евстратов И.В., Гумаюнов С.В., 1997, ф/т 16/33).
3. Анонимный дирхем, Укек, тип «ромб». 1 экз. Фототабл. 1/3. (Евстратов И.В., Гумаюнов С.В., 1997, ф/т 19 № 57).
4. Токтогу (по-уйгурски), Укек, не датирован. 1 экз. (Рис.1/4). В=1,49. (Янина С.А., 1960, с. 215, №10б; Винничек В.А., Лебедев В.П., 2004, фото 18,54).
5. Токтогу, Сарай ал-Махруса 710 г.х. 4 экз., в том числе 1 обрезок в ½. В=1,0; 1,2; 37; 1,40; 1,57. (Френ Х.М., 1832, №28).
6. Узбек, Мохши 713 г.х. ½ данга. 1 экз. В=0,7. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №3).

7. Узбек, Мохши 717 г.х. 1 экз. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, 7-1).
8. Узбек, Мохши, б/г, искаженный чекан. 1 экз. В=1,54. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №23в).
10. Узбек, Сарай 717 г.х. 1 экз. (Френ Х.М., 1832, №31).
11. То же, но Сарай ал-Махруса 722 г.х. 1 экз. В=1,46, Д=16,2. (Френ Х.М., 1832, №38).
12. Узбек, Сарай 734 г.х. 1 экз. (Янина С.А., 1954, № 51).
13. То же, но Сарай 737 г.х. 2 экз. В=1,49, Д=15,2. (Френ Х.М., 1832, таб.1, №11).
14. Узбек, Сарай, год не виден. 2 экз. В=1,5; 1,54.
15. Джанибек, Сарай ал-Джадида 746 г.х. 2 экз. (Янина С.А., 1954, №54).
16. Джалал ад-Дин Махмуд Джанибек, Сарай ал-Джадида, 746 г.х. (числительными). 1 экз. (Янина С.А., 1954, №55).
17. Джанибек, Сарай ал-Джадида 747 г.х. 1 экз. В=1,36. (Френ Х.М., 1832, №79).
18. Джалал ад-Дин Махмуд Джанибек, Сарай ал-Джадида, 748 г.х. 1 экз. (Френ Х.М., 1832, № 84).

Определимые пулы комплекса. (162 экз.)

Пулы чекана Мохши и Нуричата (117 экз.)

19. Анонимный пул, Нуричат(?), 713 г.х. 1 экз. Рис.1/19; Фототабл. 1/19. В=0,7, Д=14,5. Не издан.
20. То же, но без года выпуска. 15 экз. Рис.1/20; Фототабл. 1/20. В= 0,84; 0,86; 0,89; 0,90; 1,10; 1,12; 1,14; 1,21; 1,23; 1,51 г. (Янина С.А., 1970, с. 198 №3; 7, №38).
21. Узбек, Мохши 726 г.х. 4 экз. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, № 3).
22. Анонимный пул Мохши, год не виден (тип 731 г.х.). 9 экз. В=1,02. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, № 6 а,б).
23. То же, но 741 г.х. Фототабл. 1/23. 16 экз. В=0,86. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №11).
24. Анонимный пул Мохши ал-Махруса 744 г.х. 3 экз. Фототабл. 1/24. В=1,46, Д=13,5-16 и 2 экз. слабой сохранности. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №15а).
25. То же, но другой вариант. 2 экз. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №16а).

26а.б. Анонимный пул Мохши 745 г.х. 15 экз. Фототабл. 1/26а,б. В=0,79; 0,85; 0,95; 1,04; 1,05; 1,10; 1,45. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №17а,б).

27А. То же, но без года выпуска. 4 экз. В=0,94: 1,22. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №19а).

27Б. То же, но грубое исполнение обеих сторон. 10 экз. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №19б).

28. Анонимный чекан Мохши 751 г.х. 4 экз. Фототабл. 1/28. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №21).

29. То же, но 752 г.х. 2 экз. В=0,96; 1,03. Д=15. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №22).

30. То же, но 753 г.х. 9 экз., 3 из них одной пары штемпелей. Фототабл. 1/30. В=1,12; 1,32; 1,34. Д=15-16. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №23).

31П. Подражание предыдущему пулу Мохши без года выпуска. 1 экз. Рис.1/31П; Фототабл. 1/31П. В=1,04. Д=15-17. Не издан.

32 Анонимный чекан Мохши 756 г.х. 6 экз. Фототабл. 1/32. В=0,9; 1,1. Д=14. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, № 26а).

33. То же, но 657 (=756) г.х. 1 экз. В=1,35. Д=15. Не издан.

34А. То же, но год 758. 1 экз. В=1,43. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, № 27а).

34Б. То же, но год вырезан зеркально 857 (=758) г.х. 2 экз. Фототабл. 2/34б. В=1,524 1,57. Д=15,0. Оба чеканены одной пары штемпелей. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, № 27б).

35. Килдибек, Мохши (7)62 г.х. 2 экз. Фототабл. 2/35. В=0,95; 1,01 Д=14-15. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №28а).

36. Анонимный пул Мохши без года. 1 экз. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №28в-2).

37. То же, но другое исполнение. 2 экз. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №28д).

38П. Подражание пулам Мохши. Рис.1/38П; Фототабл. 2/38П.1 экз. В=0,93. Д=13-16. Не издан.

Л.с. Фрагмент неясной легенды, начинаемый со слова Чекан … .

О.с. *Тамга-образный знак в треугольнике.*

39. Анонимный пул Нуричата(?) 761 г.х. 1 экз. Рис.1/39; Фототабл. 2/39. В=1,75. Д=17,5. Не издан [как (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №29а.б, но год 761)].

40. То же. Но 762 г.х. 6 экз. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, № 29а).

41. Килдибек, Мохши 32(8)=763 г.х. 1 экз. Фототабл. 2/41. (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №32 б-2).

Пулы других монетных дворов (43 экз.).

42. Пулы с легендами уйгурским письмом. Укек, не датированы. 20 экз. Фототабл. 2/42.
    В= 0,85; 0,91; 1,0(3); 1,1;1,2(4); 1,23; 1,36; 1,5. (Кротков А.А., 1930, № 66; Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, с. 28, №2; Пырсов Ю.Е., 1992, с. 106-112).
43. Анонимные пулы Сарая со львом и восходящим солнцем над спиной, тип Сарай 737 г.х. 4. экз. (Френ Х.М., 1832, №56).
44. Анонимные пулы с двуглавым орлом, тип Сарай ал-Джадида, без года. 3 экз. (Френ Х.М., 1832, №387).
45. Анонимные пулы с цветочной розеткой типа Сарай ал-Джадида 752-753 гг.х. 12 экз. (Френ Х.М., 1832, №97-98).
46. Анонимный пул, Базджин 753 г.х. 2 экз. (Френ Х.М., 1832, №101).
47. Анонимный пул с цветочной розеткой, Джадида 765 г.х. 1 экз. В=2,0. (Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2000, с. 313 №47).
48. Анонимный пул с цветочной розеткой, Джадида без года. 1 экз. Рис.1/48; Фототабл. 2/48. В=2,28. Д=17,8. (Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2000, с. 313 №48а).
49. Хызр, Сарай ал-Джадид 762 г.х. 1 экз. (Френ Х.М., 1832, №128).

Полностью стертые пулы – 18 экз.

Некоторые монеты из других мест Пензенской обл. (4 экз.).

1*. Анонимный дирхем (Укека), без указания места и года выпуска. 1 экз. из Малиновки (нежилое село) Наровчатского р-на. Рис.1/1*; Фототабл. 2/1*. (Беляев В.А., Евстратов И.В., с. 27-34).
2*. Анонимный пул с цветочной розеткой чекана Джадида без года. 1 экз. (как №48). Из Малиновки (нежилое село) Наровчатского района.
3*. Анонимный пул с цветочной розеткой, Нуриджан 766 г.х. 2 экз. Рис.1/3*; Фототабл. 2/3*. Не издан. Найдены в Наровчате и Каменском районе. По типу (Лебедев В.П., Гумаюнов С.В., 2011, №29а,б), но год искажен.
4*. Мохшинский пул с двумя датами на обеих сторонах 751 и 753г.г.х. Найден в Пачелмском районе с. Кашаевка. 1 экз. Рис.1/4*; Фототабл. 2/4*. Не издан.

Сокращения, принятые в приложении: б/г – без года; В – вес, г; Д – диаметр, мм; AR – серебро; AE – медь.

Р.Ю. Рева

ПОШТЕМПЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БУЛГАРСКИХ МОНЕТ ШАДИБЕКА (НОВЫЙ ВЗГЛЯД)[1]

В настоящей статье приводятся результаты поштемпельного анализа серебряных монет хана Шадибека, битых в Булгаре в начале XV в. Автор уделил внимание способу сравнения штемпелей разных монет на предмет нахождения одноштемпельных монет (хотя бы по одной стороне монеты) с помощью компьютерной программы. Построена сетка штемпельных связей для тех экземпляров, изображения которых оказались доступны. Приводится подробный каталог изученных монет с обозначением каждого штемпеля. Рассмотрены все встретившиеся в литературе изображения и описания монет, сделана попытка атрибутировать их, исходя из результатов проведенных исследований. В результате анализа, полученного в ходе исследования материала, выяснилось, что монетный чекан в Булгаре был восстановлен в 805 г.х. (1402 г. н. э.) по весовой норме, близкой к 0,78 г. Монетный чекан был возобновлен с привлечением высококлассных мастеров. Помимо указанного года монеты чеканились в 806 и 807 гг.х. с указанием года на монетах, причем уже в 806 г.х. весовая

1 Этот доклад был почитан на VII-й международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV вв.» (7-13 сентября 2008 г., Бахчисарай, Крым), посвящённой 85-летию Е.А. Давидович. Несмотря на то, что за прошедшие 7 лет автор накопил в своей базе данных большое количество информации о новообнаруженных кладах и единичных находках булгарских монет Шадибека, что привело к выявлению не описанных в этой работе штемпелей и штемпельных связей, а также монет, позволяющих произвести дорисовку представленных здесь штемпелей, каждая новая находка подтверждала основные выводы, сделанные в этом докладе. Так как труды VII-й МНК не публиковались, а актуальность темы несомненна, автор принял решение, при катастрофической нехватке времени, представить на суд читателя текст 2008 года, не оставляя надежды на написание работы, в которой будут учтены все вышеуказанные и будущие находки нумизматических объектов, а также появившиеся публикации, содержащие исследуемый материал.

норма чеканки была понижена. В промежуток времени с 808 по 810 гг.х. чекан осуществлялся с использованием ранее изготовленных или вырезанных в подражательной манере штемпелей. Были проанализированы сообщения о существовании монет, несущих на себе другие годы выпуска, однако существование иных годов чеканки пока не подтверждается.

Ключевые слова: Золотая Орда, монеты, Шадибек хан, поштемпельный анализ, Булгар, атрибуция монет.

В 2005 году на IV МНК «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XII-XV веков», проходившей в Булгаре, автор настоящего сообщения сделал совместный с В.П. Лебедевым доклад, посвященный поштемпельному анализу монет Шадибека булгарской чеканки. Однако после просьбы автора к участникам конференции о присылке материалов на обсуждаемую тему очень многие коллеги откликнулись и переслали огромное количество интересующей нас информации, добавившей новые штемпельные связи. Таким образом, уже к моменту передачи статьи редактору стало ясно, что она безнадежно устарела, поэтому было принято решение не отправлять прочитанный доклад в печать, а доработать с учетом полученной информации. Кроме того, еще во время работы над докладом выяснилось, что авторы имеют разный взгляд на очень важные вопросы, которые не позволяли прийти к общему мнению. В связи с этим было решено сделать раздельные публикации. С видением вопроса о булгарском чекане Шадибека В.П. Лебедевым можно ознакомиться в следующей статье: (Лебедев В.П., 2007, с. 19-21). Отличная точка зрения на этот вопрос будет изложена в настоящей работе. Рассматриваться здесь будут только серебряные монеты. Чеканка медной монеты Шадибек-хана требует отдельного исследования.

В начале XV века после почти семидесятилетнего перерыва монетный двор Булгара возобновил свою работу. Первые монеты этого чекана несут на себе имя хана Шадибека (802 – 810 г.х.). Впервые монеты этого хана, чеканенные в Булгаре, опубликовал в 1826 Х.М. Френ (Fraehn Ch. M., 1926, p. 362-367). В этом труде булгарский чекан Шадибека представлен монетами 16 разновидностей (среди которых одна медная). Начинается рассмотрение монет с экземпляра, который исследователь с некоторыми сомнениями относит к 804 г.х. Далее следуют монеты с датами 805, 806, 807, 809 (с искаженной цифрой 9), кроме того, здесь описаны варианты с ошибочными датами 706, 907, 28?! К сожалению, данная работа не снабжена иллюстрациями и проверять

атрибуцию монет по ней крайне затруднительно. Однако в книге 1832 года Х.М. Френ приводит изображения нескольких монет из описанных в «Recensio…» (Френ Х.М., 1832, с. 31-32, таб. VIII). П.С. Савельев приводит описание булгарских монет Шадибека с новыми годами: 808 г.х. (Савельев П.С., 1865, с. 307, № 543) и 108 г.х. (последний год автор предлагает читать как 810 г.х.) (Савельев П.С., 1865, с. 308, № 545). Изображений самих монет Шадибека булгарского чекана в этой работе также не приведено. В кладе 1911 г. из деревни Сосновка Казанского уезда А.К. Марков обнаружил булгарские монеты Шадибека 802, 803, 804, 805, 806, 807, 809 гг.х. (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 168. Клад № 197). Таким образом, уже к началу XX века было сообщено о существовании булгарских монет Шадибека чекана с 802 по 810 г.х. включительно.

В кладах, находимых с середины XX века, изучением которых занимались Г.А. Федоров-Давыдов, А.Г. Мухаммадиев и другие, несмотря на немалое количество монет, мы встречаем упоминание булгарских монет Шадибека только 805, 806 и 807 гг.х. Так, в Нимич-Касинском кладе было около 100 булгарских монет Шадибека[2], в Измерском кладе – 109 шт., в кладе из с. Караульная Гора – 6 шт. (Мухамадиев А.Г., 1983, с. 154-155). Так что же произошло? Куда исчезают монеты с оставшимися датами? И были ли они чеканены вообще, или исследователи XIX века просто неправильно прочли на них годы выпуска? Решению этих и других вопросов мы и посвятим настоящий доклад.

Проблема и подходы к ее решению

История Золотой Орды первой четверти XV в. изучена слабо. Основной причиной этого является отсутствие собственных летописей. Иноземные источники освещают только небольшие фрагменты из череды событий, происходивших на территории этого государства, при этом они весьма путаны и часто противоречат друг другу. Наиболее достоверным источником, способным помочь в реконструкции событий этого периода, являются монеты.

К сожалению, монеты этого периода обладают несколькими недостатками, что затрудняет их изучение:

1. Они очень маленькие по размеру – размер монетной заготовки, как правило, меньше размера штемпеля и при чеканке на монету часто попадает лишь несколько букв или даже только их фрагменты, при этом сами штемпели достаточно небольшого размера.

2 У В.Ф. Каховского (Каховский В.Ф., 1960, с. 96-125) и Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 170. Клад 202б.) приводятся разные данные.

2. Штемпель монеты не несет (за редким исключением) сведений о годе выпуска.

3. Не всегда указывалось и имя эмитента.

4. Техника исполнения надписей, по сравнению с XIV веком, заметно ухудшается. Не всегда идеально правописание. Часто штемпели вырезались безграмотными мастерами, которые просто копировали некое сочетание черточек и ямочек. Иногда резчики штемпелей были просто неопытными, и поэтому легенды или части монетных легенд изображены зеркально.

5. И, наконец, малое количество самих монет (по сравнению с тем же XIV в.).

Монеты же Булгара XV века, пошпемпельный анализ которых мы продолжаем настоящей публикацией[3], по весовым нормам в полтора раза меньше, чем монеты, чеканенные в это же время на южных монетных дворах Золотой Орды. Поэтому те трудности, с которыми сталкивается исследователь джучидских монет XV века при изучении этих образцов, только усугубляются. Именно этим и объясняется мизерное количество или полное отсутствие изображений или даже прорисовок булгарских монет XV века в публикациях наших предшественников. Исключением из этого правила является статья А.Г. Мухамадиева «Два клада татарских монет XV века» (Мухамадиев А.Г., 1966, с. 259-273). В ней представлены рисунки 83 штемпельные пар джучидских монет XV века, из них 3 – для булгарского Шадибека. В 1983 году эти же рисунки без каких-либо изменений были перенесены в монографию (Мухамадиев А.Г., 1983, таб. XVI). Рисунки были сделаны вручную и достаточно схематично, многие части монетных легенд прочитаны и зарисованы неверно. Атрибутировать по ним монетный материал крайне затруднительно, особенно когда на определяемую монету не попала часть штемпеля, содержащая имя эмитента. Но необходимо отметить, что для своего времени статья «Два клада…» была огромным прорывом в джучидской нумизматике, так как, по сути, явилась первой попыткой собрать по кусочкам, систематизировать, а затем и явить миру пусть даже и схематичное, но такое большое количество изображений джучидских монет XV века. О каком-то художественном, близком к руке резчика графическом представлении монетного штемпеля, собранного по кусочкам, в то время можно было только мечтать. К счастью, современное развитие компьютерной техники позволяет восстанавливать по маленьким фрагментам более крупные, а иногда и полностью реконструировать

3 К настоящему моменту уже опубликовано моё исследование по булгарскому чекану хана Кибака (Рева Р.Ю., 2008, с. 126-127).

картинку всего штемпеля. Данное исследование проводилось с использованием программного продукта Adobe Photoshop 7.0. Присланные сканированные изображения монет (было обработано более 250 изображений, к сожалению, не все они были снабжены данными о весе монет) сначала приводились к одному масштабу (1200 dpi), затем на монету с хорошо сохранившимися максимально удаленными частями накладывался слой, на котором прорисовывались с 50-процентной прозрачностью сохранившиеся части штемпеля. В дальнейшем получившаяся маска перемещалась на следующую монету. В случае, если маска ложилась достаточно хорошо (имеется ввиду совпадение всех линий при наложении изображений), новая монета признавалась одноштемпельной предыдущей и на маску дорисовывались недостающие части с новой монеты. Если же маска «не садилась», то на новой монете рисовалась новая маска, а штемпель признавался другим. Таким образом, удалось получить изображения 21 лицевого и 30 оборотных штемпелей, а также выявить 48 штемпельных связей[4]. В дальнейшем происходил анализ того, каким способом и в каком порядке необходимо развернуть получившуюся сетку из штемпельных сочетаний на бумажном листе, при этом постараться добиться того, чтобы получившаяся гребенка, помимо легкости восприятия материала, ещё и разворачивалась в максимально возможном хронологическом порядке. В нашем случае был применён следующий порядок построения гребенки.

1. **Группы.** Распределение монетных штемпелей в группы по порядку расположения надписей в легенде штемпеля.
2. **Дата.** Распределение штемпелей внутри группы в хронологическом порядке.
3. **Простота.** Линии, соединяющие два штемпеля, должны быть как можно короче и иметь по возможности минимальное количество пересечений с другими подобными линиями.

4 Здесь необходимо отметить, что описанная выше технология компьютерной реконструкции штемпеля уже достаточно давно успешно используется для решения многих проблем в русской нумизматике (Клещинов В.Н., Гришин И.В., 1998, с. 13-82; Зайцев В.В., 2003, с.166-168; Тростьянский О.В., 2005, с. 117-120; Волков И.В., 2007, с. 172-174 и др.). Автор данного сообщения использует данную технологию с 2003 года, уже после передачи в печать статьи о монетном чекане хана Дервиша (Рева Р.Ю., 2005, с. 159-164, 207-209), в которой автор использовал устаревшую «карандашную» технику прорисовки, за что подвергся справедливой критике. Справедливости ради, могу сказать, что во время написания той статьи автор не ставил себе целью проведения поштемпельного анализа монет Дервиша. Я хотел тогда показать основные типы монет этого эмитента. После этого я поставил себе задачу проведения именно поштемпельного анализа монетного чекана XV века. К настоящему времени, помимо уже опубликованных работ (Рева Р.Ю., Шарафеев Н.М., 2004, с. 91-93; Рева Р.Ю., Шарафеев Н.М., 2005, с. 57-59; Рева Р.Ю., 2008, с. 126-127), мной реконструированы в данной технике монетные штемпели Булгара с момента восстановления чекана при Шадибеке до, примерно, 822 г.х.

4. **Оформление.** При всех равных условиях штемпель, выполненный наиболее грамотно и изящно, должен быть расположен выше других.

Примененная в этом исследовании техника «восстановления» штемпеля и принципы построения штемпельной гребенки достаточно хорошо проявили себя в ходе настоящего исследования. В дальнейшем эта методика будет проверена и модернизирована на монетной продукции следующих после Шадибека эмитентов там, где применялись чеканы с указанием годов выпуска. Впоследствии планируется отработанную схему исследования применить для изучения недатированных эмиссий. Особенно ценно это будет в тех случаях, если удастся восстановить картину правлений ханов, сведения о которых мы не можем почерпнуть из других источников. Параллельно с работой над графической информацией будет проводиться и совершенствоваться обработка метрологических данных, которые призваны подтверждать либо опровергать выводы, сделанные на основе графики. Таким образом, вырабатывается инструмент для восстановления исторической картины на основании нумизматического материала при отсутствии других исторических источников.

В результате использования вышеизложенного способа обработки материала получилась следующая поштемпельная раскладка монет булгарского чекана Шадибека (см. рис. 1).

Необходимо отметить, что данная работа сделана на нумизматическом материале, находящемся в основном в частных коллекциях, поэтому она не может претендовать на полноту раскрытия вопроса и должна рассматриваться как первый шаг в данном направлении. Однако основываясь на результатах данного исследования, уже сейчас можно делать определенные выводы.

Монетные легенды

Содержание монетных легенд булгарских монет Шадибека не отличается большим разнообразием. Но интересным является тот факт, что монетная легенда, не поместившаяся полностью на лицевой стороне, продолжается на оборотной. Объединенная легенда лицевой и оборотной сторон такова: *Султан величайший* (вариант – *справедливый) Шадибек хан*. Да продлит (Аллах) его *царствование! Чекан Булгара* (год). Однако в процессе построения штемпельной гребенки выяснилось, что достаточно существенным является то, каким образом легенда размещена на монете.

Лицевая сторона – классификация.

Все штемпели л.с. по характеру расположения надписей монетной легенды были поделены на 5 групп, которые обозначены заглавными

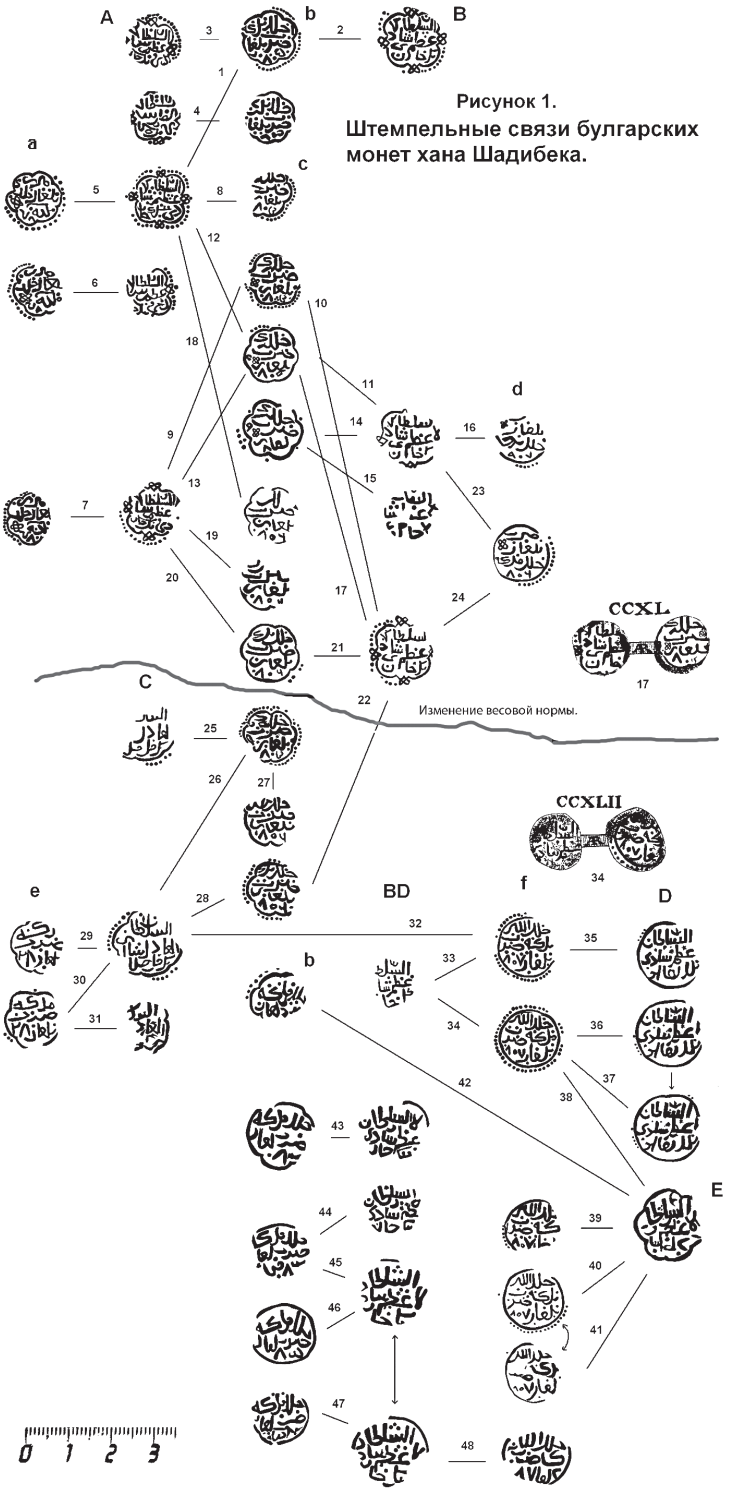


Рисунок 1.
Штемпельные связи булгарских монет хана Шадибека.

Рис. 1.

буквами латинского алфавита. В дальнейшем выяснилось, что сюда можно добавить некую переходную группу, которую в описаниях монет будем называть BD, от группы B она отличается расположением надписи последней строки относительно харфа от Â в слове Á¤§, а от группы D тем, что эта последняя строка вполне понятна.

A	B	C	D	E
Ü ÆBñ¼n»A Bq Á¤§ ÆBa ™I Ôe	Ü ÆBñ¼n»A ÔeBq Á¤§ ÆBa ™I	ÆBñ¼n»A ÔeBq ¾eB¨»A f¼a ÆBa ™I	Ü ÆBñ¼n»A ÔeBq Á¤§ Ü неразборчиво	ÆBñ¼n»A Ô Á¤§ ÜA Bq (eBa) – зеркально

Оборотная сторона – классификация.

Все оборотные стороны были распределены на 6 групп с обозначением малыми латинскими буквами.

a	b	c	d	e	f
L j y f¼a iB¬¼I É¸¼¿ год	É¸¼¿ f¼a iB¬¼I L j y год	(É)¸(¼¿) f¼a L j y iB¬¼I год	L j y iB¬¼I É¸¼¿ f¼a год	É¸¼¿ L j y год iB¬¼I	É½»A f¼a L j y É¸(¼¿) год iB¬¼I

Выявленные сочетания сторон: Aa, Ab, Ac, Bb, Bc, Bd, Bf, Cc, Ce, Cf, Df, Eb, Ef.

Здесь необходимо сделать одно важное замечание. Оборотный штемпель о.с. группы «e» вырезан специально для использования с лицевым штемпелем группы **C**, так как в сочетаниях **Cb** и **Cf** происходит удвоение слова f¼a в соединенной легенде двух сторон, что является несомненной ошибкой. В остальных сочетаниях таких казусов не происходит и соединенная легенда вполне осмысленна.

При построении поштемпельной гребенки был применен принцип распределения штемпелей в вышеозначенные группы, этот принцип хорошо оправдал себя, так как получившаяся гребенка достаточно хорошо удовлетворяет хронологической последовательности, в которой производились штемпеля.

Картуши

Для оформления лицевых и оборотных сторон использовалось 5 картушей.

1. В точечном ободке – 4 сердцевидные виньетки, соединенные 4 дугами.
2. В точечном ободке – шестилепестковая «розетка».

3. Шестилепестковый картуш.
4. Двойной ободок – точечный и линейный.
5. Линейный ободок.

Лицевая сторона	**A**	**B**	**C**	**D**	**E**	**BD**
Картуш	1	1	2	4	3	5

Оборотная сторона	**a**	**b**	**C**	**d**	**e**	**f**
Картуш	2	2, 3, 5	2, 3	4	2	4, 5
Год	805?	805	805, 806	805, 806	806	807

Описание штемпельных сочетаний.

При описании штемпельных сочетаний большой латинской буквой будем обозначать легенду лицевой стороны, следующей за ней цифрой картуш лицевой стороны. Малой латинской буквой – легенду оборотной стороны, а следующей за ней цифрой её картуш.

При описании штемпелей будем пользоваться следующим: Л.с.= л.с. Sh 1 – обозначает, что монеты чеканены с использованием одного лицевого штемпеля. Л.с. как л.с. Sh 3 – обозначает, что лицевые стороны этих монет чеканены похожими, но разными штемпелями. Дальнейшее описание поясняет некоторые особенности штемпелей.

Sh 1. A1-b2 805 г.х.

Sh 2. B1-b2 805 г.х. (Fraehn Ch.M., 1826, с.362, №3).

Решено начать описание именно с этих двух штемпельных сочетаний, поскольку предполагается, что именно они были первыми штемпелями, которые начали использовать на монетном дворе в Булгаре при Шадибек-хане. Дело в том, что легенды и лицевых, и оборотной сторон исполнены изящным почерком, отсутствуют ошибки, искажения букв и сокращения и присутствуют все необходимые диакритические точки. Для оформления сторон применены наиболее сложные картуши. Складывается такое впечатление, что для создания первоначальных штемпелей в Булгар были специально приглашены мастера очень высокой квалификации, так как штемпели изготовлены на очень высоком профессиональном уровне. В последующем, как мы увидим, профессиональный уровень резчиков штемпелей постоянно снижался, красота почерка уходила, пропали диакритические точки, появлялись ошибки, пропуски

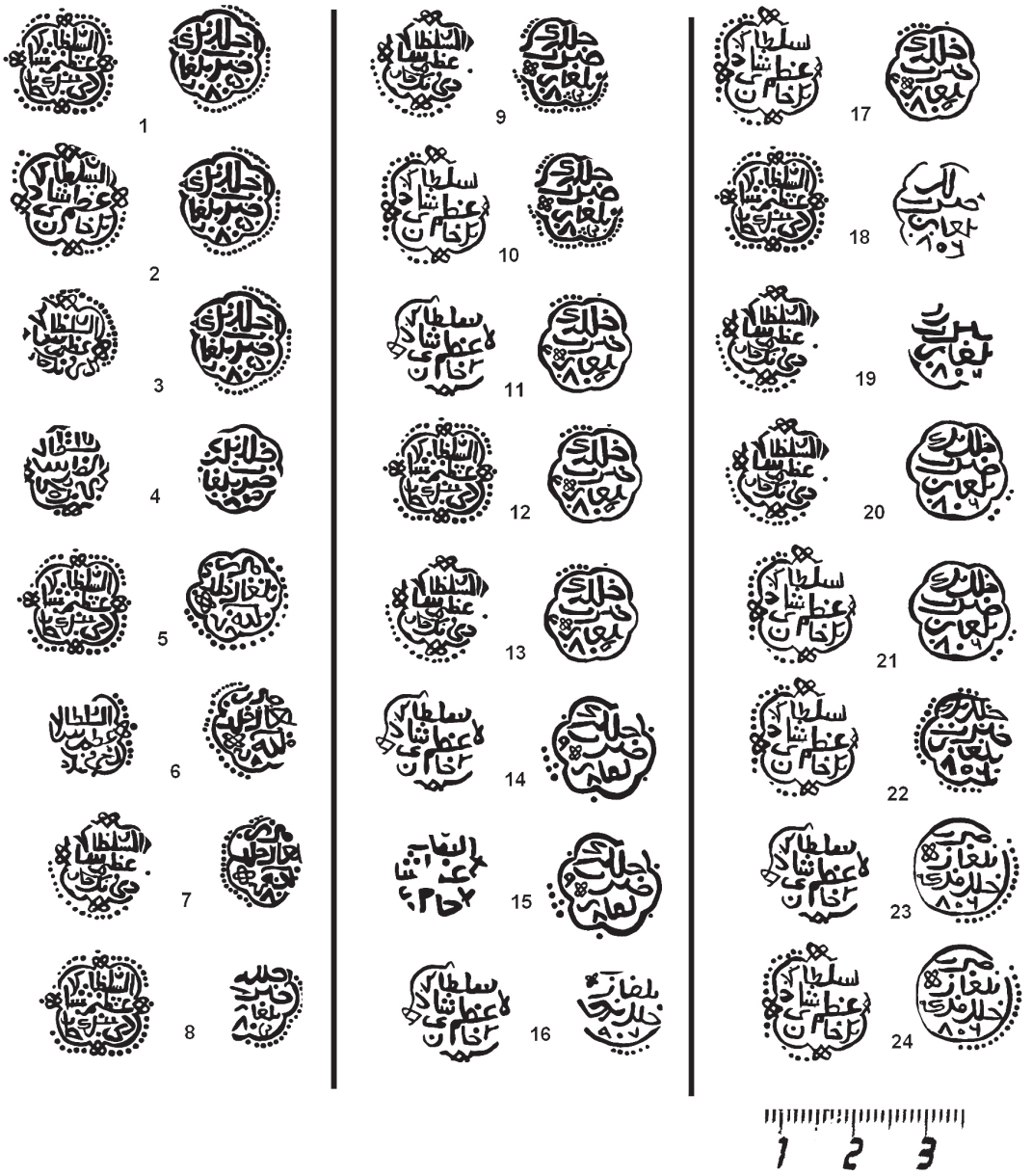


Рис. 2.

букв, картуши упрощались. Забегая немного вперед, можно сказать, что подобное происходило практически при каждом новом хане в Булгаре. Чеканка начиналась с изготовления достаточно красивых штемпелей и продолжалась с постепенным ухудшением их визуальных характеристик. Своего апогея этот процесс достиг при хане Дервише (818-822/1415-

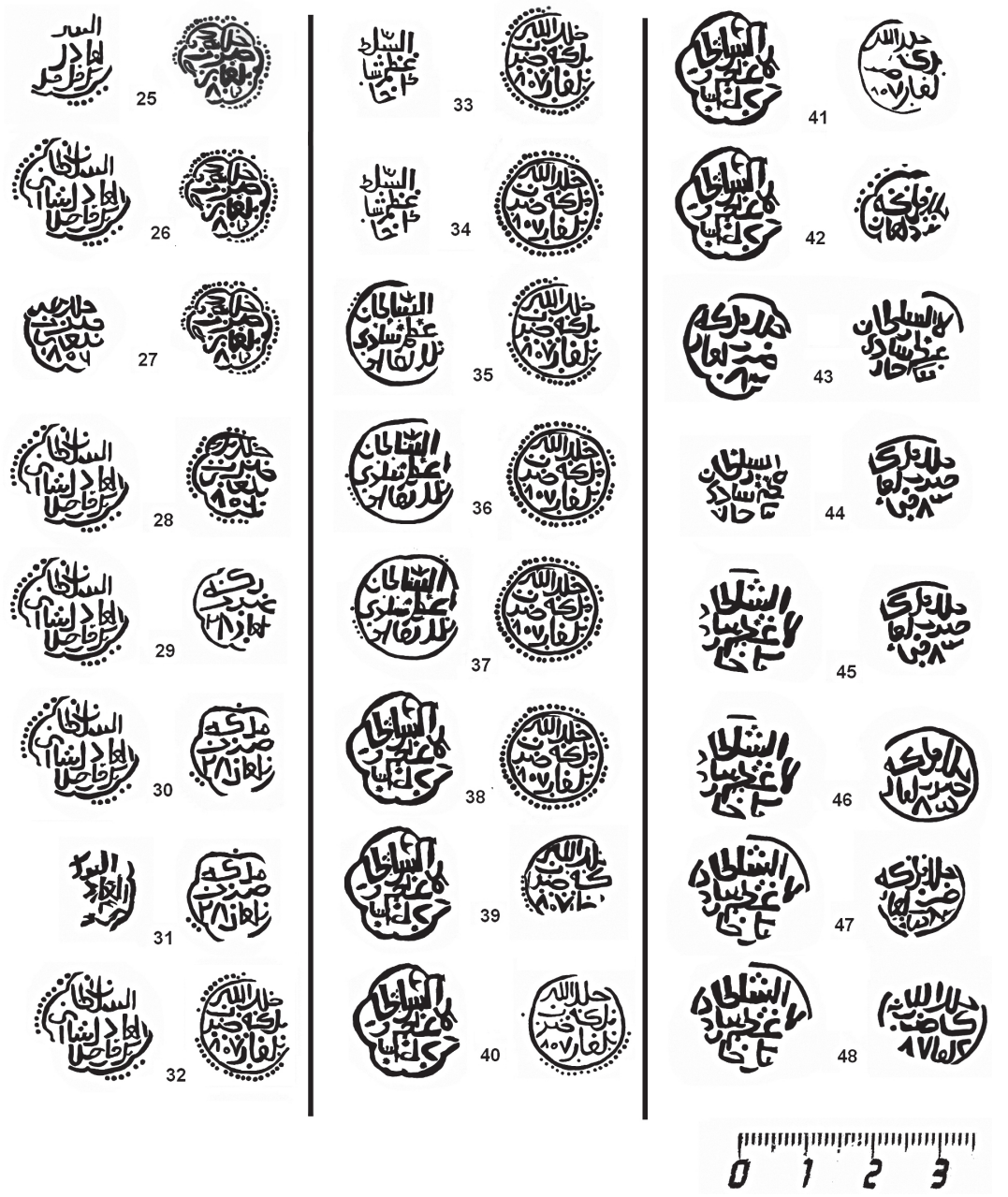


Рис. 3.

1419 гг.), где штемпели с разнообразными изящными почерками соседствуют с абсолютно безобразно выполненными надписями, чтение которых больше напоминает дешифровку, а результат такого «чтения» носит предположительный характер.

Таким образом, можно утверждать, что высокохудожественные визуальные характеристики оттиска штемпеля были необязательными для средневекового потребителя, но они очень важны для нас, исследователей, поскольку по ним можно судить о хронологической последовательности изготовления штемпелей.

Sh 3. A1-b2 805 г.х.

Л. с. как Sh 1, только слово ÆÐa вырезано между харфами.

О.с = о.с. Sh 2.

Sh 4. A1-b3 805 г.х.

И л.с., и о.с. – подражания на Sh 3. Надписи уже достаточно стилизованы. Складывается впечатление, что резчик старался скопировать именно штемпели указанной штемпельной пары.

Sh 5. A1-a2. 805 г.х. ??

Л.с.= л.с. Sh 1.

О.с. с узлом счастья между второй и третьей строками. Цифры года автор видит как искаженное 5 и 8, таким образом, можно предположить, что год на штемпеле – 805 г.х.

Sh 6. A1-a2. 805 г.х. ?

Л.с. как л.с. Sh 3.

О.с. как о.с. Sh 5.

Sh 7. A1-a2. 805 г.х. ?

Л.с. как л.с. Sh 3 и как л.с. Sh 6.

О.с. как о.с. Sh 5.

Sh 8. A1-c2 805 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 1.

О.с. У автора не было в распоряжении сканов монет, содержащих левую и верхнюю части оборотного штемпеля, но можно предположить, что слово É¸¼¿ вырезано уже достаточно стилизовано, а в правой части поля штемпеля должен быть узел счастья.

Sh 9. A1-c2 805 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 7.

О.с. как о.с. Sh 8, здесь как раз присутствует и стилизованно прописанное слово É¸¼¿ и узел счастья. Год как в Sh 8, только вместо одной точки – три (Lane-Poole S., 1881, p. 187, # 563, Pl. VIII).

Sh 10. B1-c2 805 г.х.

Л.с. как л.с. Sh 2. Лицевая сторона исполнена достаточно хорошо, но все же уступает л.с. Sh 2.

О.с. = о.с. Sh 9.

Sh 11. B1-c2 805 г.х.

Л .с. как л.с. Sh 2, 10, однако уже нет того изящества в написании букв.

О.с. как о.с. Sh 8 и как о.с. Sh 9. Цифра «5» изображена в виде сильно наклоненной буквы b.

Sh 11 – именно та разновидность монеты, которую Х.М. Френ относил к чекану 804 г.х. (Fraehn Ch.M., 1826, с. 362, # 2; 19, с. 31, №283). Он писал, что здесь, возможно, сильно деформированная вытянутая цифра «4», однако в нашей штемпельной раскладке хорошо видно, что данный оборотный штемпель расположен между штемпелями 805 и 806 гг.х., кроме того исполнительское мастерство резчика штемпелей заметно уступает тем, которые изготовили штемпели, с которых мы начали описание. Да и цифра все же похожа на просто опрокинутую «5», чем на сильно деформированную «4», т.к. вырезать ее вертикально уже не хватало места на штемпеле. Именно по этим причинам я отношу этот оборотный штемпель к 805 г.х.

Sh 12. A1-c2 805 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 1.

О.с. = о.с. Sh 11.

Sh 13. A1-c2 805 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 7.

О.с. = о.с. Sh 11.

Sh 14. B1-c2 805 г.х. ?

Л.с.= л.с. Sh 11.

О.с. как Sh 11 только цифра «5» слева и перевернута.

Возможно, эту монету Х.М. Френ описывает в Rec. как 809 г.х. (Fraehn Ch.M., 1826, с. 365, #12), однако на основании того, что штемпели обеих сторон тяготеют к 805-806 гг.х. (и по оформлению легенд, и по картушам), думается, необходимо отнести этот чекан к 805 г.х. Метрологические данные также свидетельствуют о том, что эта монета, а также и следующие два штемпельных сочетания чеканены до 807 г.х. (см. ниже).

Sh 15. B1-c2 805 г.х. ?

Л.с. как л.с. Sh 2,10, 11.

О.с. = о.с. Sh 14.

Sh 16. B1-d3 805 г.х. ?

Л.с. = л.с. Sh 11.

О.с. здесь мы видим иной порядок написания легенды. Узел счастья.

Необходимо сказать, что монеты, битые этой штемпельной парой, Х.М. Френ и П.С. Савельев относили к 809 г.х. (Fraehn Ch.M., 1826, с. 365, #13; Френ Х.М., 1832, с. 31, № 288; Савельев П.С., 1965, с. 308, №544). Одна-

ко зажатость между штемпелями 805-806 г.х. и предположение о том, что для прочтения даты достаточно просто перевернуть монету (в этом случае дата читается «в лоб» - 805), заставляют отнести её к чекану 805 г.х. В.П. Лебедев также относит монеты, обозначенные здесь Sh 14 и Sh 16 к 805 г.х. (Лебедев В.П., 2007, с. 19).

Sh 17. B1-c2 805 г.х. При обработке присланных мне изображений такая монета не встретилась, однако она приведена у Х.М. Френа (Френ Х.М., 1832, с. 31, № 284, Tab VIII. № CCXL). По приведенному изображению видно, что наиболее подходящим штемпелем лицевой стороны является здесь л.с. Sh 10, оборотной – о.с. Sh 11. На поштемпельной раскладке я привожу как изображение из упомянутой публикации, так и возможную штемпельную связку.

Sh 18. A1-c3 806 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 1.

О.с. год 806, «ноль» колечком, на предоставленных сканах на картуше не видно точек вокруг дуг.

Sh 19. A1-c3 806 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 7.

О.с. как о.с. Sh 18, «ноль» колечком.

Sh 20. A1-c2 806 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 7.

О.с. как о.с. Sh 18, 19, «ноль» точкой.

Sh 21. B1-c2 806 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 10.

О.с. = о.с. Sh 20. (Fraehn Ch.M., 1826, с. 363, #5; Френ Х.М., 1832, с. 31, № 285).

Sh 22. B1-c2 806 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 10.

О.с. как о.с. Sh 18, 19, 20, «ноль» колечком.

Sh 23. B1-d3 806 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 11.

О.с. как о.с. Sh 16, год 806. (Fraehn Ch.M., 1826, с.363, #6).

Sh 24. B1-d3 806 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 10.

О.с. = о.с. Sh 23.

Sh 25. C2-c2 805 г.х.

Л.с. группа С содержит легенду, которая достаточно сильно отличается от легенды в других группах. Здесь Шадибек назван *ал-адил* (*справедливым*) в отличие от *величайшего* – во всех других группах. Кроме того на л.с. вынесе-

но слово f¼a , которое в других случаях находится на о.с. Таким образом, можно утверждать, что штемпеля группы С вырезаны специально для совместной чеканки с группой «е».

О.с. как Sh 8, 9, 12, и т.д., очевидно, что использовался оборотный штемпель, вырезанный для использования с другими штемпелями лицевых сторон, причем сочетание этого оборотного штемпеля с лицевыми штемпелями других групп мне неизвестно (Fraehn Ch.M., 1826, с. 363, #4).

Sh 26. C2-c2 805 г.х.

Л.с. как Sh 25, другой штемпель (маска с одного штемпеля не ложится на другой). О.с. = о.с. Sh 25. (Савельев П.С., 1865, с. 305-306, №539).

Sh 27. c2-c2 806 г.х.

Уникальная монета, чеканена двумя оборотными штемпелями о.с. 25 и о.с. 27. 806 г.х. – (как о.с. Sh 18, 19 и т.д.). О.с. 27 в сочетании с другими штемпелями пока не встретился.

Sh 28. C2-c2 806 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 26.

О.с.=о.с. Sh 22. (Fraehn Ch.M., 1826, с. 363, #7).

Sh 29. C2-e2 806 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 26.

О.с. год вырезан как «28», что давало многим исследователям повод относить его к 802 г.х. Гениальный Х.М. Френ оставил этот тип среди монет с неправильной датой (Fraehn Ch.M., 1826, с. 365, #14), и, как во многих других случаях, оказался прав. По нашей раскладке абсолютно хорошо видно, что этот тип монет зажимается между 805 и 807 гг.х. Кроме того, метрологические данные, о которых речь пойдет ниже, тоже свидетельствуют, что эти монеты чеканены после 805 г.х. Картуши группы С проще, чем у А и В, что тоже является косвенным свидетельством более позднего чекана. Таким образом, «28» – это просто зеркальное написание года «86», и если между этими цифрами добавить точку, которая не всегда ставилась при написании года, то станет абсолютно ясно, что это 806 г.х.

Sh 30. C2-e2 806 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 26.

О.с. как о.с. Sh 29.

Sh 31. C2-e2 806 г.х.

Л.с. до конца прочитать не удалось, но, похоже, здесь как л.с. Sh 26.

О.с. = о.с. Sh 30.

Sh 32. C2-f4 807 г.х.

Л.с.= л.с. Sh 26.

О.с. отличается от всех предыдущих появлением в легенде слова *Аллах*, год 807.

Sh 33. BD?-f4 807 г.х.

Л.с. как л.с. Sh 2 и прочие, однако харф от Â в слове Á¤§ вырезан перед словом ÆBa , а не между Ba и Æ , как в группе B. Возможно, именно этот лицевой штемпель является прототипом всей группы D. Картуш не попал на монетный кружок.

О.с. = о.с. Sh 32.

Sh 34. BD?-f4 807 г.х.

Л.с.= Sh 33.

О.с. = о.с. Sh 36.

Такая монета мне не встречалась, однако она изображена в (Френ Х.М., 1832, с. 31, № 286, Таб. VIII, CCXLII) и отмечена в Rec. (Fraehn Ch.M., 1826, с. 364, #9).

Sh 35. D4-f4 807 г.х.

Л.с. Если прочтение первых двух строчек легенды никаких проблем не вызывает, то последняя строка представляется попыткой наложения друг на друга двух фраз:

ÆBa ™l и É¸¼¿ f¼a.

О.с. = о.с. Sh 32. (Fraehn Ch.M., 1826, с. 364, #11).

Sh 36. D4-f4 807 г.х.

Л.с. как л.с. Sh 35,

о.с. как о.с. Sh 35.

Sh 37. D4-f4 807 г.х.

Л.с. является по сути перегравированной Л.с. Sh 36, так как маска с одного штемпеля достаточно хорошо ложится на маски с другого и отличается только зубцами в буквах p и t и еще несколькими незначительными деталями. Один штемпель различить с другим достаточно легко, поэтому для второго введен дополнительный номер.

О.с. = о.с. Sh 36.

Sh 38. E3-f4 807 г.х.

Л.с. – достаточно неаккуратно вырезанное: ÆBa ÔeBq Á¤§ ÜA ÆBñ¼n»A.

О.с. = о.с. Sh 36. (Fraehn Ch.M., 1826, с. 364, #10).

Sh 39. E3-f4 807 г.х.

Л.с. = л.с. Sh 38.

О.с. как о.с. Sh 35, 36.

Sh 40. E3-f4 807 г.х.

Л.с. = л.с. Sh 38.

О.с. как о.с. Sh 35, 36, 39.

Sh 41. E3-f4 807 г.х.

Л.с. = л.с. Sh 38.

О.с. является перегравировкой достаточно изношенного штемпеля о.с. Sh 40 и отличается от него прежде всего написанием слова L j y .

Sh 42. E3-b2 год ???

Л.с. = л.с. Sh 38.

О.с. как о.с. Sh 2, только вырезано уже другой рукой.

Sh 43. BD5-b? год ???

Л.с. как л.с. Sh 33. Достаточно сложно сказать определенно, к какому все же варианту ближе этот лицевой штемпель. Формально к B, однако по ряду признаков он занимает промежуточное положение между B и D. Таким образом, отнесем его к особой группе с названием BD. К ней с полным основанием можно отнести и л.с. Sh 33.

О.с. как о.с. Sh 2, вырезано другой рукой, год непонятен, выглядит как 8 -. Картуш непонятен, возможно, что он составлен не из 6, а всего из 4 дуг (Fraehn Ch.M., 1826, с. 365, #16).

Sh 44. BD5?-b5 год 805???

Л.с. как л.с. Sh 43, картуш не попал.

О.с. как о.с. Sh 43, дата вырезана как «58». О реальном времени чеканки этой и последующих монет смотри ниже.

Sh 45. BD5-b5 год 805???

Л.с. как л.с. Sh 43, 44.

О.с. = о.с. Sh 44 [23, # 2767].

Sh 46. BD5-b5 год 805???

Л.с. = л.с. Sh 45.

О.с. как о.с. Sh 43, 44. Дата «85».

Sh 47. BD5-b5 год 805???

Л.с. является перегравировкой л.с. Sh 46 (или наоборот). Отличается формой точек, на л.с. Sh 46 они вырезаны как звездочки, здесь – как кружочки, по-другому написаны многие буквы, но маска с одного штемпеля достаточно хорошо ложится на другой.

О.с. как о.с. Sh 43, 44, 46. Дата «58».

Sh 48. BD5-f5 год 807???

Л.с. = л.с. Sh 47.

О.с. как о.с. Sh 33 и др. однако стиль исполнения легенды похож на тот, что применен на монетах Sh 42-47, в слове É¸¼¿ пропущено ¼¿ , в слове iB¬¼l L – исполнено неряшливо, не соединено со следующей буквой, буква i пропущена. Год вырезан как «87» (Berezin E., 1855, #2752).

О времени изготовления штемпелей с Sh 42 по Sh 48 можно сказать следующее: так как не удалось обнаружить именные монеты Шадибека в Булгаре с уверенным чтением годов в интервале с 808 по 810 г.х., и налицо подражательный характер изготовления этих штемпелей с хорошо известных образцов, то можно предположить, что именно эти штемпели были изготовлены и использовались в указанный временной промежуток. Кстати, В.П. Лебедев высказал аналогичное мнение (Лебедев В.П., 2007, с. 19).

Историография вопроса

Помимо изображений двух монет в работе «Монеты ханов…» Х.М. Френа (Френ Х.М., 1832, 19, таб. VIII), которые мы привели на рис.1, в других публикациях были обнаружены следующие изображения:

1 монета в каталоге Британского музея. Фотография (Lane-Poole S., 1881, Pl VIII, # 563). Соответствует Sh 9.

3 монеты, приведенные на прорисовках А.Г. Мухамадиева «Семеновский клад золотоордынских монет XV в.» (Мухамадиев А.Г., 1964), они же в работе «Два клада татарских монет XV в.» (Мухамадиев А.Г., 1966, с. 262), они же «Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв.» (Мухамадиев А.Г., 1983, таб. XVI) определились довольно легко: №1 = Sh 22, №2= Sh 9, №3 = Sh 5.

У С.А. Яниной приведена прорисовка и фотография всего одной булгарской монеты Шадибека, которая была найдена во время работы Куйбышевской экспедиции (Янина С.А., 1960, с. 220, № 144а). По приведенной достаточно плохой фотографии можно судить, что это монета, скорее всего, Sh 38. В =0,67 г.

В работе Н.М. Шельди (Шельди Н.М., 2002, с. 109-111) приведены прорисовки 9 булгарских монет Шадибека. Все они легко идентифицируются. №440 – Sh 46, №441 – Sh 13, №442 – Sh 14 или 15, №443 – Sh 6, №444 – Sh 16, №446 – Sh 2, №447 – Sh 23 или 24, №448 – Sh 36 или 37, №449 – Sh 38.

Ссылки на рисунки В.П. Лебедева в настоящем докладе не предоставляются, так как Валентин Петрович любезно предоставил мне все сканы, протирки и весовые данные монет, которые были использованы им при написании его статьи. Все эти данные вошли в настоящее исследование.

Таким образом, все монеты, изображения которых встретились в литературе, идентифицированы с помощью нашей раскладки. В просмотренной литературе я обнаружил более-менее подробные описания мо-

нет, которые не сумел однозначно идентифицировать по получившейся штемпельной раскладке. Считаю целесообразным привести здесь эти описания с возможной трактовкой.

Rec. 15 (Fraehn Ch. M., 1826, c. 365, #15)**.**

Л.с. = ÆBa ™I / ÔeBq ¾eB¨»A / ÆBñ¼n»A .

O.c. 8 /Ê iB¬¼I / L j y /É¸¼¿ f¼a

Лицевая сторона принадлежит к группе C, оборотная к «c», однако на нашей раскладке нет штемпелей с «o» после слова iB¬¼I. Возможно, конечно, что здесь просто описание наших Sh 25 или Sh 26.

Rec. 17 (25, c. 365, #17).

Л.с. ÆBa ™I / ÔeBq Á¤§ / ÜA ÆBñ¼n»A.

O.c. = 8 / É¸¼¿ 0,5 / f¼a iB¬¼I / L j y .

Лицевая сторона, безусловно, принадлежит к нашей группе B, оборотная же, похоже, представляет новую группу, здесь не описанную.

В каталоге Нумизматического кабинета Императорского Казанского университета И.Н. Березина (Березин И.Н., 1855, p. 37-38) есть следующие описания:

Ber. 2709.

Л.с. ÆBa ™Î I / Ô / eBq Á¤§ / ÜA ÆBñ¼n»A .

O.c. 8 / iB¬¼I / L j y / É– É¼¼a .

Лицевая сторона, без сомнения, принадлежит к группе B, несмотря на то, что Березин рассмотрел здесь «дополнительную» букву Ô в имени Шадибека. Оборотная сторона относится к группе «c», возможно, это что-то похожее на o.c. Sh 25.

Ber. 2753. AR. Boulgar, 801. N. MCCXXVI – VII. Возможно, это то, что описано у Савельева под № 545 (см. ниже).

В «Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие» П.С. Савельева (Савельев П.С., 1865) описано еще несколько монет, не попавших в нашу гребенку:

Сав. № 542.

Л.с. ÆBa / ÔeBq Á¤§ / Ü ÆBñ¼n»A.

O.c. 807 / É¸¼¿ f¼a / плетенка iB¬¼I / L j y .

Лицевая сторона здесь относится к группе B, оборотная к «d». Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с нашим Sh 23 или Sh 24, на оборотном штемпеле которого П.С. Савельев принял цифру 6 за 7.

Сав. № 543.

Л.с. ÆBa / ÔeBq Á¤§ / Ü ÆBñ¼n»A.

O.c. 808 ÒÄm / iB¬¼I / L j y / É¸¼¿ f¼a.

Лицевая сторона здесь относится к группе B, оборотная к «c». Помимо уникальности года (808 г.х.), присутствует еще слово ÒÄm *год*. Однако по нашей раскладке видно, что сочетания штемпелей B-c встречаются только для 805 и 806 г.х., для следующего 807 г.х. идут уже другие сочетания. Возникают серьезные сомнения, что в этом месте описания не допущена какая-то ошибка.

Сав. № 545.

Л.с. ÆBa / Bq Á¤§ (Ü-тамга) / = ÆBñ¼n»A .

O.c. 108 / . . . f¼a / . . iB¬¼l / L j y .

Лицевая сторона, судя по описанию, здесь E. Именно там Ü выглядит как тамга. Оборотная сторона похожа на штемпели группы «d». П.С. Савельев отнес эту монету к 810 г.х. Если пытаться идентифицировать эту монету, исходя из прорисованных штемпелей, то можно найти все же одно толкование. В описании этой монеты П.С. Савельев указывает написание года как «107 вм. 810», т.е., возможно, последняя цифра на штемпеле 7, а не 8, тогда получается, что оборотный штемпель – это непрочеканенная O.c. Sh 16, а Л.с. – это Л.с. Sh 15, где узел счастья перед Á¤§ тоже очень похож на Ü-тамгу. Интересно, что помимо П.С. Савельева булгарские монеты Шадибека 810 г.х. упоминались всего один раз, а именно при описании клада, найденного в 1936 году в селе Светино Мокринского района (Федоров-Давыдов Г.А., 1960, с. 169-170, клад 201). Кто атрибутировал монеты клада, не сообщается, но передан он в ГМТ, инв. №32987-32991.

В Инвентарном каталоге мусульманских монет Императорского Эрмитажа А.К. Маркова (Марков А.К., 1896) есть следующие упоминания монет:

Мар. 1295. С. 494. Булгар, 804 г.х. Возможно, это монеты с нашей O.c. Sh 11, которую Марков по тем же причинам, что и Френ отнес к 804 г.х. (см. выше).

Мар. 1340. Стр. 495. Булгар, 809г., год 907 . Это, безусловно, Sh 16.

Ağat № 123. В книге Нуреттина Аата (Ağat Nurettin, 1976, p. 109) под номером 123 приведено следующее описание:

Л.с. ÆBa ™l Ôe / Bq Á¤§ / ÜA ÆBñ¼n»A .

O.c. É¸¼¿ f¼a / 806 / iB¬¼l / L j y .

Данное описание близко к Sh 20 и отличается только тем, что здесь É¸¼¿ f¼a показано нижней строкой o.c., а не верхней, как в Sh 20. Примечательно, что монета 123 приведена со ссылкой: «s. 106, no. 975 V. Grotovskiy, Katalog Vostoçnıh Monet, Moskva 1886»[5].

5 У нас не было возможности проверить данную ссылку. Возможно, автор сообщения «В.К. Трутовский»?

Булгар

Исследователей прошлого века часто приводил в тупик тот факт, что монеты XV века несут на себе место чекана «Булгар», а на самом Булгарском городище и в его окрестностях таких монет практически не встречается. Но в северных областях эти монеты находят в изрядном количестве. Были предприняты попытки показать, что Булгаром в то время называли Казань, вернее Иски-Казань, а после переезда Казани на новое место её якобы на монетах даже помечали как Булгар ал-Джедид.

Решение этой проблемы пришло в 2003 году, когда на Муромской МНК Е.Ю. Гончаров высказал мнение, что в Джучидском государстве чеканка монет в основном велась от имени областей, «стран», а не городов (Гончаров Е.Ю., 2005, с. 97-102). И действительно, это правило достаточно хорошо решает многие застарелые вопросы в джучидской нумизматике. Очень много объясняет она и в чекане Булгара, где на монетах стоит не какой-то определенный город или монетный двор, а указание на то, что эти монеты чеканены в «стране Булгар». Таким образом, не возникает никакого противоречия в том, что в XIII веке в стране Булгар были одни центры эмиссии, а в XV веке другие при сохранении общего наименования «Булгар». Таким образом, практически не остается места для существования другим названиям монетных дворов, которые раньше пытались локализовать в стране Булгар. Уже давно отмечено, что наименование «Раджан» («Рачан», «Раджар») – это всего лишь неправильное прочтение неаккуратно вырезанного топонима «Булгар», в 2006 году на V МНК в Волгограде автором этих строк показал, что «Биналихан» – это тоже неправильное прочтение второго варианта написания топонима *Булгар* как «Буалхар» (Рева Р.Ю., 2008, с. 126-127). Теперь пришло время для *Булгар ал-Джедид*. Хотя это тема для будущих докладов, касающихся монетной чеканки в Булгаре, сменившего Шадибека хана Пулада (810-813/1407-1411 гг.), но вкратце основную мысль можно высказать уже сейчас. Если на монете «Булгар» – это страна, то понятно, что топоним *Булгар ал-Джедид* (= *Новая страна Булгар*) приобретает достаточно расплывчатый спорный характер. Но проблема исчезает при достаточно вдумчивом изучении монет Пулада *Булгар ал-Джедида*, на самом деле там нет никакого *ал-Джедида*, а вырезано: *да продлится его царствование. Чекан Булгара (8)11*.

Метрология

В настоящей работе изучена метрология 145 монет. Полученные данные приведены в таблицах 1 и 2 и на гистограммах 1 и 2.

В указанной выше работе А.Г. Мухамадиева приведены метрологические данные 109 булгарских монет Шадибека из клада, найденного в 1962 году около села Татарские Измери, а также 6 монет из клада 1957 года из села Караульная Гора (Мухамадиев А.Г., 1983, с. 154-155). В статье В.Ф. Каховского приведены веса 85 подобных монет (Каховский В.Ф., 1960, с. 96-125). С использованием этих данных составлена таблица 2 и построена гистограмма 2, показывающие распределение количества монет по значениям их веса, а также рассчитан средний вес монет. Средний вес всех комплексов – 0,739 г. Но эту цифру нельзя принимать за средний вес, по которому производилась чеканка монет. Дело в том, что в Булгаре с течением времени постоянно снижалась весовая норма чеканки, и часть монет, находившихся в тот момент в обращении, подвергалась обрезке до действующей весовой нормы. Так, при Тимуре, чеканившим монеты в Булгаре в 813-814/1410-1412 гг., весовая норма чеканки была в пределах 0,68-0,72 г, при Джалал ад-Дине (814-815/1411-1413 гг.) – 0,66-0,70 г, при Дервише (818-822/1415-1419 гг.) – 0.62-0.65 г., а при Гийас ад-Дине (годы правления пока точно не установлены) – 0,55-0,57 грамм и т.д. ((Мухамадиев А.Г., 1983, с. 123-125). На получившихся гистограммах видны моды, как раз указывающие на эти интервалы значений веса.

Чтобы ближе подойти к решению вопроса о том, по какой весовой норме началась монетная чеканка при Шадибеке в Булгаре, обратимся к таблице 1. Средний вес 145 монет, у которых был известен вес, и можно было определить штемпельную пару, получился 0,734 грамма. Однако, просмотрев средние веса монет в групповых сочетаниях сторон, видно, что средний вес монет в первых 5 сочетаниях групп с A-a по B-d значительно выше среднего веса в оставшихся 9-ти сочетаниях. А именно, средний вес 64 монет первых сочетаний составляет 0,755 г., а средний вес оставшейся 81 монеты - всего 0,716 г. (Необходимо сказать о погрешности всех этих цифр. Так как погрешность измерения весов монет находится в пределах от 0.005 до 0.010 грамма, то и погрешность среднего составляет около 0.01 г) Последние штемпельные сочетания первой части таблицы и первые второй приходятся на 806 г.х. Таким образом, можно утверждать, что уже после первого года чеканки весовая норма монет была снижена. И то, что монеты Sh 29-31 по своим весовым показателям

попали во вторую часть, лишний раз показывает, что они чеканены уже после 805 г.х. Точно также хорошо видно, что монеты Sh 14-16 чеканены до 807 г.х.

Итак, средний вес монет первой части таблицы 0,755 г. Понятно, что если отбросить монеты, которые были обрезаны впоследствии, и учесть естественное истирание монет при обращении, то средний вес, по которому производилась чеканка, должен быть несколько выше. Таким образом, можно только подтвердить мнение А.Г. Мухамадиева, что теоретическая весовая норма, по которой началась монетная чеканка в 805 г.х. в Булгаре была равна 0,78 грамма. Эта цифра составляет ровно 1 даник и равна половине от 1.56 г, которую Г.А. Федоров-Давыдов вывел для регулярного чекана XIV века (Федоров-Давыдов Г.А., 2003, с. 15), что ровно в 1,5 раза ниже 1,17 г – нормы, по которой производилась монетная чеканка в начале 800-х г.х. на других монетных дворах Улуса Джучиева (Мухамадиев А.Г., 1983, с. 120).

Итоги и выводы

В результате проведенного исследования отработана методика, с помощью которой реконструированы оттиски монетных штемпелей (21 лицевая сторона и 30 оборотных сторон) хана Шадибека булгарского чекана. Выявлено 48 штемпельных сочетаний, расположенных в максимально возможном хронологическом порядке в сетке штемпельных связей. Разработаны методы исследования материала на датированных образцах для дальнейшего применения их к недатированному материалу.

В результате анализа, полученного в ходе исследования материала, выяснилось, что монетный чекан в Булгаре был восстановлен в 805 г.х. (1402 г. н. э.) по весовой норме, близкой к 0,78 г. Монетный чекан был возобновлен с привлечением высококлассных мастеров. Помимо указанного года, монеты чеканились в 806 и 807 гг.х. с указанием года на монетах, причем уже в 806 г.х. весовая норма чеканки была понижена. В промежуток времени с 808 по 810 гг.х. чекан осуществлялся с использованием ранее изготовленных или вырезанных в подражательной манере штемпелей. Были проанализированы сообщения о существовании монет, несущих на себе другие годы выпуска, однако существование иных годов чеканки пока не подтверждается.

Приложение 1

Этапы построения штемпельной гребенки

1. *Сбор информации о монетном штемпеле, привлечение для исследования максимально возможного количества монет:*
   а) сканированное изображение в максимально возможном разрешении (желательно 1200 dpi);
   б) вес (с точность до 0,01 г);
   в) размеры (с точностью до 0,1 мм);
   г) паспортные данные (где, когда, при каких обстоятельствах найдена, входила в состав клада, либо случайная находка и т.д.);
   д) состав металла (по возможности).

2. *Восстановление штемпеля с помощью компьютерной реконструкции:*
   а) все имеющиеся изображения монет приводятся к одному масштабу (желательно 1200 dpi), с заранее отсканированной линейкой;
   б) для прорисовки первой маски выбирается монета наилучшей сохранности частей, максимально удаленных от центра монеты, в дальнейшем это позволит наиболее правильно позиционировать маску, особенно помогают в правильном позиционировании точки кругового точечного ободка (при его наличии), поэтому к этому элементу штемпеля нужно относиться крайне бережно, не допускать прорисовок таких элементов «по аналогии»;
   в) в Adobe Photoshop на изображение накладывается слой, по которому рисуется маска видимых частей штемпеля с 50-процентной прозрачностью;
   г) прорисовка проводится по примыканию выпуклых частей легенды к полю монеты – таким образом прорисовывается состояние самого штемпеля, а не состояния монеты, подвергавшейся истиранию в ходе денежного обращения;
   д) получившаяся маска перемещается на следующую монету, в случае, если маска совмещается достаточно хорошо, то новая монета признаётся одноштемпельной предыдущей и на маску дорисовываются недостающие части с новой монеты, если же маска не совмещается, то на новой монете рисуется новая маска с присвоением ей отдельного номера, а штемпель признаётся другим.

3. *Расположение штемпельных связей, отходящих от одного штемпеля, в возможном хронологическом порядке на принципах длительности эксплуатации штемпеля.* Дело в том, что во время работы штемпель изменяется:
   а) линии становятся уже, диаметр точек уменьшается;
   б) появляются дефекты штемпеля, которые постепенно тоже сужаются, теряют рельеф;
   в) часто штемпель подвергается дорезке: появляются дополнительные элементы, иногда поверх старых, иногда на новых местах, либо старые элементы меняют форму: точки кружком превращаются в звездочки, буквы с зубчиками превращаются в линию, или буква, плохо сохранившаяся на штемпеле, перерезается неопытным резчиком, превращаясь в совершенно другую букву;
   г) иногда штемпель зачищается, появляются следы инструмента;
   д) иногда штемпель зачищается практически полностью для вырезания на нем нового штемпеля, однако следы предыдущего все же можно рассмотреть.

Таким образом, очень часто удается, применяя знания об относительном времени эксплуатации штемпеля, расположить его сочетания с другими штемпелями в хронологическом порядке. (Пример: наш л.с. Sh38 более ранний чем л.с. Sh40).

4. *Построение штемпельной гребенки, максимально соответствующей хронологическому принципу:*
   а) **группы.** Распределение монетных штемпелей в группы по порядку расположения надписей в легенде штемпеля;
   б) **дата.** Распределение штемпелей внутри группы в хронологическом порядке.
   в) **простота.** Линии, соединяющие два штемпеля, должны быть как можно короче и иметь, по возможности, минимальное количество пересечений с другими подобными линиями;
   г) **оформление.** При всех равных условиях штемпель, выполненный наиболее грамотно и изящно, должен быть расположен выше других.

6. *Закрепление точек этой гребенки во времени* (по годам на монетах, либо по датированным событиям, известным из других источников).

7. *Проверка получившейся цепочки по метрологическим и др. данным.*

Распределение количества монет (для каждой пары штемпелей) по значениям их веса, и средний вес внутри штемпельных групп

Таблица 2

Aa			Ab			Ac							Bb								Bd		
5	**6**	**7**	**3**	**1**	**4**	**8**	**12**	**18**	**9**	**13**	**19**	**20**	**2**	**10**	**11**	**14**	**15**	**17**	**21**	**22**	**16**	**23**	**24**
0,75	0,73	0,69	0,76	0,71	0,71	0,78	0,73	0,73	0,64	0,76	0,76	0,74	0,74		0,71	0,74	0,73		0,59	0,74	0,74	0,72	0,72
0,78	0,77			0,77					0,77		0,76	0,74	0,75		0,73	0,75	0,74		0,74	0,75	0,75		0,74
				0,79							0,85		0,75		0,77	0,76			0,76	0,77	0,75		0,75
													0,76		0,79	0,79			0,76	0,89	0,77		0,75
													0,76						0,77				0,80
													0,77						0,79				
													0,77						0,82				
													0,77										
													0,77										
													0,78										
													0,79										
													0,80										
2	2	1	1	3	1	1	1	1	2	1	3	2	12		4	3	3		7	4	4	1	5
		5			5						11									33			10
		0,744			**0,748**						**0,755**								**0,761**			**0,749**	

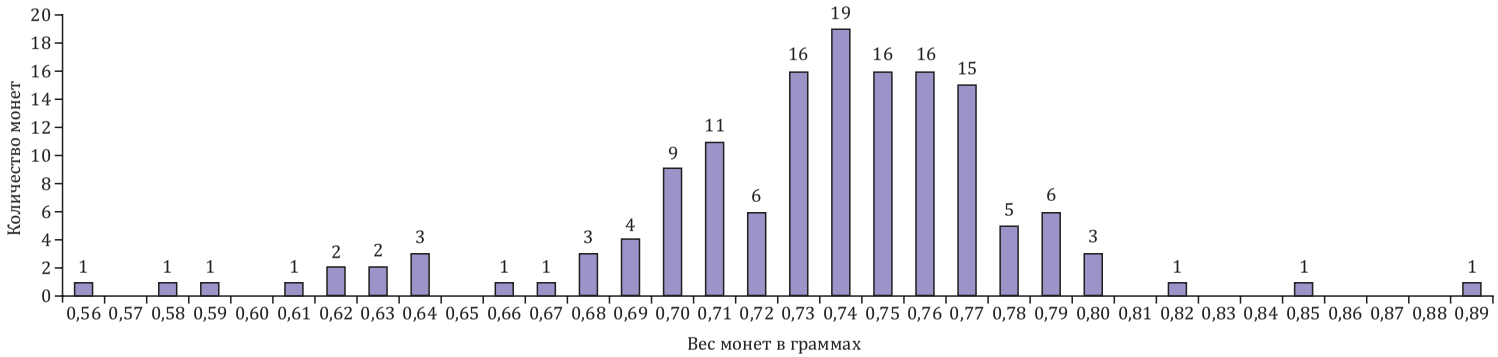
Средний вес 64 шт. 0,755 г

Таблица 2 (продолжение)

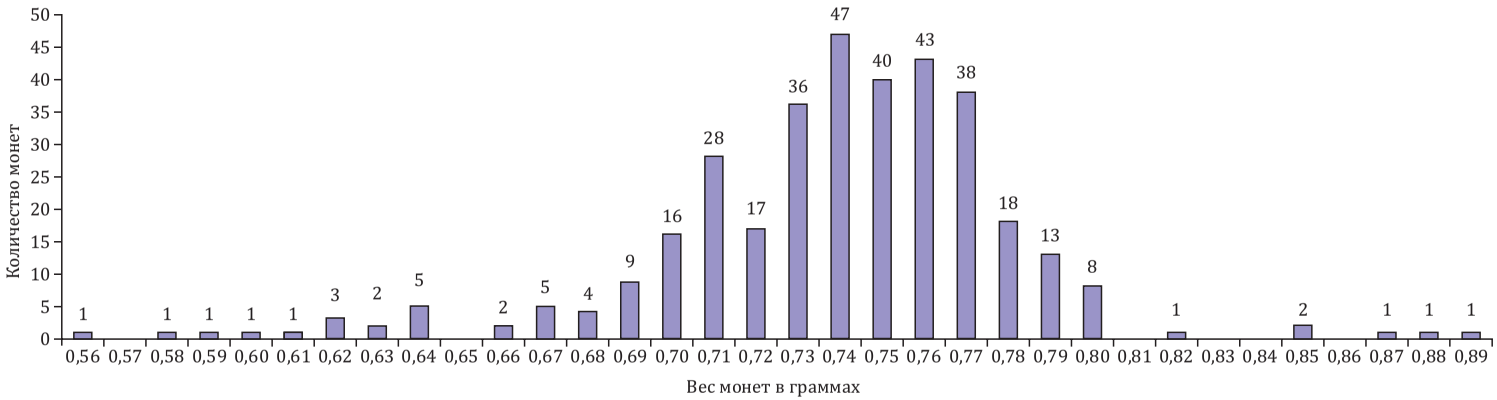
Cb				Ce			Cf	BDf	Df			Ef				Eb	BDb					BDf
25	**26**	**27**	**28**	**29**	**30**	**31**	**32**	**33**	**35**	**36**	**37**	**38**	**39**	**40**	**41**	**42**	**43**	**44**	**45**	**46**	**47**	**48**
	0,63	0,69	0,70	0,71	0,70	0,73	0,71	0,68	0,63	0,61	0,56	0,64	0,68	0,71	0,62	0,69	0,62	0,69	0,72	0,70	0,70	0,70
	0,66		0,76		0,76		0,71	0,75	0,68	0,64	0,58	0,67	0,74	0,71	0,74	0,71	0,70	0,71		0,73	0,72	0,75
	0,70								0,73	0,70	0,70	0,78	0,76	0,72	0,74		0,74			0,73	0,73	0,76
	0,73								0,73	0,71	0,72		0,79	0,80						0,74	0,73	0,76
	0,74								0,74	0,73	0,73									0,74	0,74	0,77
	0,77									0,73										0,74		
										0,74										0,75		
										0,75										0,75		
										0,75										0,76		
										0,75										0,76		
																				0,77		
																				0,77		
	6	1	2	1	2	1	2	2	5	10	5	3	4	4	3	2	3	2	1	12	5	5
			9			4					20				14						23	
	0,709				**0,725**		**0,715**	**0,710**		**0,696**				**0,721**		**0,700**					**0,728**	**0,748**

Средний вес 81 шт. 0,716 г.

Средний вес 145 шт. 0,734 г.



Гистограмма 1. Весовое распределение 145 булгарских монет Шадибека, обработанных в настоящем сообщении



Гистограмма 2. Весовое распределение 345 булгарских монет Шадибекас учетом монет из кладов Татарские Измери, с. Караульная гора и д. Нимич_Касы

Распределение количества булгарских монет Шадибека по значениям их веса

Таблица 2.

Вес в граммах	Монеты этой статьи	Татарские Измери	Караульная Гора	Нимич-Касы	Всего
0,56	1				1
0,57					
0,58	1				1
0,59	1				1
0,60				1	1
0,61	1				1
0,62	2	1			3
0,63	2				2
0,64	3	1		1	5
0,65					
0,66	1			1	2
0,67	1	4			5
0,68	3	1			4
0,69	4	4		1	9
0,70	9	6		1	16
0,71	11	13	1	3	28
0,72	6	8	2	1	17
0,73	16	13		7	36
0,74	19	11	1	16	47
0,75	16	15		9	40
0,76	16	8	1	18	43
0,77	15	17		6	38
0,78	5	2	1	10	18
0,79	6	3		4	13
0,80	3	1		4	8
0,81					
0,82	1				1
0,83					
0,84					
0,85	1			1	2
0,86					
0,87				1	1
0,88		1			1
0,89	1				1
Всего:	**145**	**109**	**6**	**85**	**345**
Средний вес в г.	0,734	0,736	0,738	0,753	0,739

Литература

Гончаров Е.Ю. Монетные дворы улуса джучидов // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII –XV веков». I – Саратов 2001 и II – Муром 2003. М.: «Нумизматическая литература». 2005. С. 97-102.

Волков И.В. Монеты Ярослава Владимировича, удельного князя малоярославецкого (1410-1426) // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2007. С. 172-174.

Зайцев В.В. О монетной чеканке в Твери при Иване III и Василии III // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2003. С. 166-168.

Лебедев В.П. Поштемпельный анализ новобулгарского чекана ханов Шадибека и Пулада (1400-1411 гг.) // Нумизматика. № 14, июль 2007. С. 19-21.

Каховский В.Ф. Клад джучидских монет близ деревни Нимич-Касы Красноармейского района Чувашской АССР // НИИ языка, литературы, истории и экономики при Сов. Мин. Чувашской АССР. Ученые записки. Вып. XIX. Чебоксары. 1960. С. 96-125.

Клещинов В.Н., Гришин И.В. Каталог русских средневековых монет. С правления Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533-1617 гг.). М.: УРСС, 1998. 86 с.

Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб. 1896.

Мухамадиев А.Г. Семеновский клад золотоордынских монет XV в. // Сборник студенческих работ историко-филологического факультета Казанского гос. университета. Вып. 1. Казань. 1964.

Мухамадиев А.Г. Два клада татарских монет XV века // Советская археология. 1966. Вып. 2. М. С. 259-273.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М. 1983. 188 с.

Рева. Р.Ю. Монеты хана Дервиша // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII –XV веков». I МНК – Саратов 2001, II МНК- Муром 2003. М. 2005. С. 159-164, илл. с. 207-209.

Рева Р.Ю., Шарафеев Н.М. Монеты Карим-Берди (по материалам Рыбнослободского клада) // Тезисы 12 ВНК. М. 2004. С. 91-93.

Интернет-версия: http://info.charm.ru/library/KerimBerdiCoins.htm

Рева Р.Ю., Шарафеев Н.М. Неизвестный Сайид-Ахмад // Тезисы 13 ВНК. Москва. 2005. С. 57-59.

Рева Р.Ю. Булгарский чекан хана Кибака // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII –XV веков». IV МНК – Болгар 2005, V МНК - Волгоград 2006. М. 2008. С. 126-127.

Савельев П.С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша // ЗРАО. Т. XII. 1865. С. 1-326. X табл. илл.
Тростьянский О.В. Монеты нижегородского князя Ивана Васильевича //XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы. М. 2005. С. 117-120.
Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и Эпиграфика. Т. I. М. 1960. С. 94-192.
Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф. 2003. 352 с.
Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб. 1832.
Шельди Н.М. Булгаро-татарские монеты XIII-XV веков. Казань. 2002. 168 с.
С.А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году // Материалы и исследования по археологии СССР. №80. М. 1960.
Ağat Nurettin. Altınordu (Cuçi Oğulları) Paraları Kataloğu. 1250-1502. İstanbul. 1976. 184 p.
Berezin E. Catalogue des monnaies et des medailles du Cabinet numismatique de l'Universite Imperiale de Cazan. Cazan. 1855. 50 p.
Lane-Poole S. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. Vol. VI. London. 1881. 300 p., IX pl.
Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhammedonorum Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae, Petropoli. 1826. 655 p.

А.О. Брагин, А.М. Камышев

КЛАД ТИМУРИДСИХ МЕДНЫХ МОНЕТ С ИССЫК-КУЛЯ

В конце декабря 2014 года в одном из нумизматических салонов г. Бишкека авторами был изучен небольшой кладик из 29 тимуридских медных монет. Со слов владельца монет, которые он приобрел на местном рынке у жителя, нашедшего их в своем «огороде» в окрестностях г. Каракол Иссык-Кульской области Кыргызстана. Сведения об обстоятельствах находки и является ли приобретенный им комплекс частью находки или целой находкой, сдатчик не выяснял, и уточнить эти сведения в настоящее время уже, к сожалению, невозможно. Судя по предварительному осмотру, клад состоял из надчеканенных медных монет 823 г.х. и пореформенных 832 г.х. Вероятно, кладик был зарыт вскоре после реформы Улугбека в 832 г.х. Кроме традиционных надчеканов, сделанных в Самарканде, на монетах встречены надчеканы монетных дворов Бухары, Карши, Термеза и даже монетного двора Хисар, ранее, по нашим сведениям, в публикациях не встреченного. Данный комплекс монет необычен и по составу, и по месту обнаружения, и по времени сокрытия. Это обуславливает значимость публикации этого нумизматического материала.

Цель настоящей публикации – ввести в научный оборот факт обнаружения еще одного кладика медных монет тимуридского времени на территории Кыргызстана, а также попытка объединить собранную нами информацию о находках аналогичных монет.

Рассмотрим полный состав изученного клада с Иссык-Куля (см. Табл. 1). Изображения монет приведены в фототаблицах 1–4 под теми же номерами, что и в тексте статьи.

Все монеты клада покрыты плотным слоем патины и несут на себе следы обращения. Факт интенсивности обращения не вызывает удивления и подтверждает то, что реформа Улугбека, как владетеля Маверан-

Перечень монет клада

Таблица 1.

№ п/п	Эмитент	Монетный двор	Год, г.х.	Диаметр, мм	Вес, г.	Надчекан в чечевицеобразном картуше
1	Шахрух	Самарканд	823	21-22	5,08	*Ним данги Самарканд*
2	Шахрух	Самарканд	[82]3	22-23	4.78	*Ним данги Самарканд*
3	Шахрух	Самарканд	82[3]	22-24	4,43	*Ним данги Самарканд*
4	Шахрух	Утрачен	823	21	4,45	*Ним данги Самарканд*
5	Шахрух	Утрачен	823	21	4,30	*Ним данги Самарканд*
6	Шахрух	Утрачен	823	21	3,71	*Ним данги Бухара*
7	Шахрух	Утрачен	[8]23	21-26	4,73	*Ним данги …*
8	Шахрух	Утрачен	[8]23	19-21	3,74	*Ним данги …*
9	Шахрух	Утрачен	[8]23	25	4,43	*Ним данги Самарканд*
10	Шахрух	Утрачен	[8]23	22-24	3,98	*Ним данги Тирмиз*
11	Шахрух	Утрачен	[8]23	21-23	4,69	*Ним данги Самарканд*
12	Шахрух	Утрачен	[8]23	21-22	4,68	*Ним данги Карши*
13	Шахрух	Утрачен	[8]23	20-21	3,82	*Ним данги Хисар*
14	Шахрух	Утрачен	8[23]	20-22	4,06	*Ним данги Тирмиз*
15	Шахрух	Утрачен	8[23]	22-23	4,61	*Ним данги Самарканд*
16	Шахрух	Утрачен	82[3]	19-20	4,37	*Ним данги Самарканд*
17	Шахрух	Утрачен	82[3]	20-22	4,58	*Ним данги Хисар?*
18	Шахрух	Утрачен	[823]	21-23	4,41	*Ним данги Самарканд*
19	Шахрух	Утрачен	[823]	21	4,11	надпись не реконструируется
20	Шахрух	Утрачен	[823]	19-21	4,66	*Ним данги Самарканд*
21	Шахрух	Утрачен	[823]	18-20	4,54	*Ним данги Самарканд*
22	Шахрух	Утрачен	[823]	22	6,70	*Ним данги Самарканд*
23	Шахрух	Утрачен	[823]	21-22	4.62	*Ним данги Бухара*
24	Шахрух	Бухара	832	24	7,39	Нет надчекана
25	Шахрух	Бухара	832	21-23	5,51	Нет надчекана
26	Шахрух	Бухара	832	24-25	5,75	Нет надчекана
27	Шахрух	Бухара	[8]32	23-24	5,76	Нет надчекана
28	Шахрух	Бухара	[8]32	20-23	5,82	Нет надчекана
29	Шахрух	Бухара	[8]32	23-24	6,61	Нет надчекана

нахра в эпоху правления султана Шахруха, повысила доверие местного населения к медной монете и укрепила ее обращение на подконтрольной территории. При Шахрухе основным средством платежа были именно медные, а не серебряные монеты. Этот вывод был сделан еще Е.А. Давидович для Средней Азии в её многочисленных работах по нумизматике XV века.

В изучаемом кладе только 6 (~ 20% от общего количества) монет выпуска 832 г.х. отчеканены на бухарском монетном дворе, причем они не имеют надчеканов. Оставшиеся 23 переформенные монеты (~ 80% от общего количества клада) имеют только по одному надчекану. Все остальные монеты клада типологически относятся к типу 6 Самарканда и типу 2 Бухары (см. Давидович Е.А., 1983, с. 39). Для медной продукции, выпускавшейся в 823 г.х., описан чекан следующих монетных дворов: *Бухара, Карши, Самарканд, Тирмиз, Хваризм, Шахрисабз, Шахрухийа*. В рассматриваемом кладе только на трех надчеканенных монетах можно реконструировать наименование самаркандского монетного двора (№№1, 2, 3). На всех остальных монетах с надчеканами двор утрачен, что затрудняет точное установление места чекана носителя.

Одной из особенностей клада является наличие надчеканов только на монетах дореформенного выпуска. Контрмаркирование 23-х монет с целью переоценки произведено надчеканом с чечевицеобразным картушем и легендой: *ним данги* (=*половина данга*) + наименование монетного двора. По классификации Е.А. Давидович, надчекан типа 3 (см. Давидович Е.А., 1983, с. 121). На двух монетах (№7 и №8) не удалось установить монетный двор, производивший надчеканивание ввиду неполного оттиска штемпеля. На монете №19 надчекан имеет идентичный картуш с остальной массой изученных надчеканов, но ввиду частичной сохранности и искажений в надписях нет возможности его прочтения. Распределение монет по монетным дворам, на которых производилась процедура нанесения надчекана, представлена в таблице 2.

Данные таблицы 2 указывают на количественное доминирование продукции самаркандского монетного двора (52% из 23 надчеканенных монет) над всеми прочими, присутствующими в кладе. Итак, более половины надчеканов несет топоним *Самарканд* – город (и область) пребывания правителя Мавераннахра Улугбека. Факт активности монетного двора *Самарканд* отмечался и в более ранних наших публикациях (Брагин А.О., Байтанаев Б.А., 2015, с. 112), а также в работе Е.А. Давидович (Давидович Е.А., 1983, с. 122). Наличие даже в маленьком кладике такого разнообразия названий монетных дворов (5 дворов на 23 монеты) сви-

Перечень монетных дворов, обозначенных на надчеканах изучаемого клада

Таблица 2

№ п/п	Монетный двор	Количество монет	
		шт.	%
1	Бухара	2	8
2	Самарканд	**12**	**52**
3	Карши	1	4
4	Тирмиз	3	13
5	Хисар	2	8
6	Утрачено	2	8
7	Не реконструируется	1	4
Итого:		23	100

детельствует о единой денежной политике властей в сфере обращения медных монет (надчеканивание монет предыдущего выпуска надчеканом одного типа на разных монетных дворах), направленной на устранение границ обращения медной монеты[1]. Можно однозначно утверждать о факте одновременности проведения данной процедуры на разных монетных дворах в течение какого-то времени.

На изученном материале не зафиксировано случаев одновременного присутствия на одной монете несколько надчеканов в чечевицеобразном картуше типа 3. Таких монет не встречалось авторам и ранее. По сути, при появлении монет с несколькими перекрывающими друг друга надчеканами (или надчеканами с разными картушами), поставленными на различных монетных дворах, можно было бы говорить об областных особенностях обращения медных монет в государстве Тимуридов.

Представленный клад показывает, что надчеканенные тимуридские медные монеты активно перемещались из одной части государства в другую и обслуживали денежное обращение на местных рынках и при этом принимались в уплату по новому номиналу уже в пореформенный 832 г.х. период.

Анализируя в общих чертах проведенную Улугбеком денежную реформу в сфере обращения медных монет, можно с уверенностью сказать об успешности предпринятых мероприятий и позитивном влиянии на экономику подконтрольного региона.

1 Собственно, именно реформа медного обращения 823 г.х. и преследовала эту цель, удалив из обращения огромную массу медных городских разнотипных монет предыдущих выпусков.

Фототаблица 1

Монеты *'адлийа* с лицевой стороной, оформленной в виде шестилепестковой розетки и с указанием монетного двора в центре, и годом прописью 832 (=1428-1429 г.) на оборотной стороне – это материальные свидетельства денежной реформы сына султана Шахруха мирзы Улугбека. Именно Улугбек централизовал выпуск медных монет и поднял их вес, который был примерно в полтора раза выше прежних (около 7,5 г). Ранее выпускавшиеся в Тимуридском государстве монеты образца 823

Фототаблица 2

г.х. после нанесения на них чечевицеобразного надчекана (тип 3) вновь были запущены в обращение, как половинки медного номинала *данг*.

Смысл реформирования медного обращения сводился к замене старых монет и унификации по единому стандарту новых медных монет. Чекан нового типа монет и замена ими прежних выпусков выгодна для казны, поэтому было делом обычным для средневекового Востока. Однако данная реформа, по мнению Е.А. Давидович, была проведена на

Фототаблица 3

благоприятных для местного населения условиях. Это предположение основано на том основании, что из 46 известных ей кладов тимуридских монет только один состоял из дореформенных монет; следовательно, население обменивало свои сбережения на новые монеты, а не припрятывало их до лучших времен (Давидович Е.А., 1983, с. 174).

Исторически в зону тимуридских владений попала западная часть южного Кыргызстана, в том числе и город Ош в Ферганской доли-

не, находившийся на границе Моголистана и государства Тимуридов. Вступивший на ферганский престол Мухаммад-Бабур сын Омар-Шейха распорядился устроить для себя на горе Тахт-и Сулейман павильон с террасой – *айваном*. У подножья горы (на месте существующего здесь посада) время от времени находят единичные монеты и клады. Один из них, обнаруженный в 1953 г., опубликован профессором М.Е. Массоном «Клад медных монет XV века из Оша» (Массон, 1960, с. 110-125).

Клад из Сузака Джалал-Абадской области, найденный в 1997 году, может послужить иллюстрацией к реформе Улугбека. Из 647 монет клада 592 принадлежали чекану Бухары, по 10 экземпляров приходится на эмиссию Самарканда и Термеза, еще несколько монет биты в Андигане, Шахрухийи и Карши. Клад содержал и несколько дореформенных монет, отчеканенных в Самарканде и имеющих чечевицеобразный надчекан *нимданг* «пол-данга». Изучение А.М. Камышевым весовых параметров Сузакского клада и сравнение их с другими кладами позволило сделать несколько выводов. Начало реформы отмечено выпуском сразу в нескольких городах тяжеловесных монет в 7,6–7,8 г, которые обменивались на более легкие дореформенные. Затем единовременный выпуск монет прекратился во всех городах, кроме Бухары, которая продолжала чеканить монеты, постепенно снижая весовую норму чеканки. Часть изъятых дореформенных монет образца 823 г.х. после надчекана *нимданг* «пол-данга» вновь была запущена в обращение по новому номиналу. За почти 30-летний период чекана ранние тяжеловесные пореформенные монеты Бухары разбавлялись на рынке более легковесными выпусками в связи с постоянным снижением веса в рамках одного типа (832 г.х.). На этом основании можно предположить, что Сузакский клад из тяжеловесных монет был сокрыт в пределах первого десятилетия после начала реформы 832/1428–29 г., а чечевицеобразный надчекан *нимданг* использовался во время реформы Улугбека (Камышев А.М., 1999, с. 148).

Факт простановки надчекана типа 3 на пореформенных монетах 832 г.х. зафиксирован в работах Е.А. Давидович (Давидович Е.А., 1983, с. 122), а также Л.Ю. Шпеневой (Шпенева, 2007, с. 151). Это дополнительно подтверждает наш вывод об одновременном начале мероприятий по надчеканиванию с началом денежной реформы 832 г.х.

Хочется отметить, что в Сузакском кладе отсутствуют надчеканы в квадратном картуше типа 2 с номиналом *данг*. Данный факт дополнительно можно трактовать как первоочередность применения надчеканов типа 3 при проведении реформы. Можно согласиться с мнением Е.А. Давидович о том, что острой нужды на начальном этапе реформы в

Фототаблица 4

простановке надчекана с указанием номинала *данг* не было, так как роль фракции играли медные дореформенные монеты, не имеющие надчеканов (Давидович Е.А., 1983, с. 122). Ситуация с отсутствием надчеканов в квадратном картуше типа 2 наблюдается и с кладом с Иссык-Куля. Этот факт выступает своего рода хронологическим репером в этапности проведения реформы.

Рассматривая находки тимуридских монет в северных областях Кыргызстана, опираясь на историческую ситуацию в этом регионе, можно сказать следующее. Еще в 1371 году, закрепившись в Мавераннахре, амир Тимур вторгся в монгольские владения на Северо-Западном Тянь-Шане, где располагался улус Камар ад-Дина. При приближении вражеских войск к Иссык-Кулю большинство жителей бежало на восток в Или – Иртышское междуречье. В 1375 году амир Тимур организовал новое вторжение в Моголистан, разграбив все его местности и стоянки. В последующих походах шло методичное опустошение этого края. Пленных, которых захватывали в этих военных походах, продавали в другие

страны как рабов. Амир Тимур, отправляя в поход свою армию на Моголистан, ставил основной целью не установление власти над кочевыми народами и развития новых земель, а создание буферной зоны и пресечение возможных нападений на укрепляющееся Тимуридское государство в будущем. Уничтожение и переселение местного населения в собственные владения были лишь последствиями данной политики амира Тимура. Кочевые племена Тянь-Шаня и Притяньшанья, временно переселившиеся на Алтай, не были подчинены Тимуром. В регионе внутреннего Тянь-Шаня Нарынской области монет Тимуридов на сегодняшний день не обнаружено.

Реально подвластная Тимуридам территория доходила до Чуйской долины, где была построена крепость Ашпара (остатки городища около ст. Кулан, Казахстан). Весь Моголистан Тимур в качестве наместничества передал внуку Улугбеку. В 1425 г. (т.е. за три года до проведения денежной реформы) Улугбек с войском вторгся в Северный Тянь-Шань, все результаты этого вторжения сводились к очередным ограблениям населения без изменений государственно-политического положения в Моголистане (Петров К.И., 1984, с. 398).

Данная политическая ситуация не способствовала развитию товарно-денежных отношений и как результат привела практически к их сворачиванию. Немногочисленные находки тимуридских монет отмечены в основном в приграничной с крепостью Ашпара Таласской долине. Монетный материал, собранный учителем средней школы М.Ф. Туром на берегу затопленного Кировским водохранилищем города металлургов Шельджи, включает и 42 тимуридские монеты, выпускаемые на протяжении всего XV в. Оказавшиеся во влажной среде медные монеты, подверглись химической коррозии и определены в основном по типологическим признакам. На городище найден небольшой кладик, состоящий из 13 медных монет, выпущенных в Самарканде в 823/1420-21 г., и более десятка монет, отчеканенных в Бухаре при денежной реформе Улугбека в 832 /1428 -29 г. (Бурнашева Р.З., 1999, с. 78-79).

В 2000 году на Иссык-Куле в районе пос. Курменты местные мальчишки передали членам археологической экспедиции под руководством академика В.М. Плоских две случайно найденные ими тимуридские монеты – серебряную тангу Шахруха, отчеканенную после реформы 828 г.х., и медный фулус Самарканда – типа 823 г.х. с поздним самаркандским надчеканом.

Единичные находки тимуридских монет отмечены в Чуйской долине. В районе села Юрьевка (городище Сын-Таш) подняты две медные мо-

неты Самарканда 785 г.х. В 2012 году на полях в районе городища Нузкет (севернее города Кара-Балта) была найдена монета Карши 832 г.х. с квадратным надчеканом: *данги/ дуриба / Самарканд*, – которая на сегодня является младшей среди тимуридских монет, найденных в Чуйской долине (Камышев А.М., 2013, с. 17). В сентябре 2015 года в районе Краснореченского городища с поверхности поднята монета Бухары 832 г.х. с надчеканом, имеющим картуш в форме квадрата и легендой: *данги/ дуриба* ... . Также в 2015 году под Бишкеком в предгорных районах Чуйской долины найдена единичная медная монета Мухаммада-Джахангира и Халил-Султана, отчеканенная в Самарканде в 810 г.х. (Z/158859). Регион Чуйской долины и проходы на перевалы характеризуются единичными находками тимуридских монет.

Заключение

На медных монетах не зафиксирован факт перечеканки однотипными надчеканами типа 3 в чечевицеобразном картуше, что можно трактовать в поддержку одновременного проведения монетной реформы на всех монетных дворах во владениях Улугбека. В кладе отсутствуют надчеканы типа 2 в квадратном картуше с обозначением номинала *данг,* что говорит о более раннем этапе контрмаркирования типом 3 медных монет, чем типом 2. Этот факт дополняет выводы Е.А. Давидович поэтапности контрмаркирования (Давидович Е.А., 1983, с. 123). Изучение маленького кладика медных монет, найденного в районе Иссык-Куля, позволило несколько обновить список монетных дворов, участвовавших в надчеканивании монет контрмаркой тип 3, непосредственно выявлена продукция Хисарского двора (Табл. 1, монеты №13 и №17?).

Как нами замечено ранее, надчеканы в чечевицеобразном картуше типа 3 встречаются не только на монетах выпуска 823 г.х., а также на пореформенной меди 832 г.х. Исходя из этого, можно четко констатировать факт запуска в обращение по новому устойчивому номиналу в ½ *данга* не только более легких монет старого выпуска посредством надчеканивания, но и при возникновении острой потребности рынка этот прием применялся к пореформенным утяжеленным монетам.

Также подтверждается факт интенсивной работы Самарканда в сфере простановки надчеканов на медные монеты, а также географическое разнообразие причастных к этой процедуре монетных дворов. На 23 надчеканенных монетах присутствуют надчеканы 5 монетных дворов, таких как Бухара, Самарканд, Карши, Тирмиз и Хисар.

По мнению авторов, учитывая исторический контекст, вероятнее всего, формирование изучаемого клада происходило в соседних районах с хорошо развитым денежным обращением. В район же Иссык-Куля, где товарно-денежные отношения оказались на низком уровне активности (возможно, просто были прекращены), небольшое сбережение попало случайно. Данная находка не является кладом длительного накопления, а скорее всего, это содержимое одного кошелька. Однако следует оговориться еще раз, точного размера клада установить не удалось, поэтому какую часть клада нам довелось изучать, неизвестно.

Повторно хотелось бы обратить внимание в данной статье на следующий важный момент – о времени простановки чечевицеобразного надчекана (Брагин А.О., Байтанаев Б.А., 2015, с. 120). На сегодняшний день существует работа Л.Ю. Шпеневой (Шпенева, 2007, с. 151), в которой описывается факт присутствия надчекана типа 3 в чечевицеобразном картуше на монетах выпуска 832/1428-1429 г. и 870-х/1465-1475 гг. Этот факт приводит Л.Ю. Шпенёву к заключению, что мероприятие по надчеканиванию типом 3 можно отнести к начальному периоду правления султана Ахмада (то есть, не ранее 873/1468-1469 г. – год прихода к власти султан Ахмада в Мавераннахре).

Наш клад практически полностью исключает возможность такой датировки чечевицеобразного надчекана типа 3 (с легендой *ним данги*+монетный двор)! В 870-х гг.х. не могло существовать в обращении ни такого огромного количества монет 823 г.х., вследствие их естественного и принудительного ухода из обращения, не могло бы существовать в кладе и монет без надчеканов в квадратном картуше и т.п. Но надо еще иметь в виду, что чечевицеобразный надчекан мог быть поддельным (того времени) и сколько еще надчеканов на монете 873 г.х. было нанесен, тоже не ясно. Изображения монеты в статье не приведены. Да и факт такой всего один. Поэтому предлагается считать датировку этого типа надчекана, предложенной Л.Ю. Шпеневой, ошибочной.

Сбор новых сведений о находках монет амира Тимура и его наследников продолжается нами постоянно в целях проведения более детальной реконструкции денежного обращения конца XIV – начала XVI вв. в государстве Тимуридов и приграничных к нему областях и регионах.

Литература

Брагин А.О., Байтанаев Б.А. Находки монет амира Тимура и Тимуридов в округе города Шымкент // Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства. / гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы, 2015. С. 111-124.

Бурнашева Р.З., Аитова С.М. Новые сведения о городище Садыр-Курган (Республика Кыргызстан) (по монетным данным) // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана. Алматы: Изд. «Дайк-Прес», 1999. С. 76-81.

Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: «Наука», 1979. 464 с.

Давидович Е.А. История денежного обращения средневековой Средней Азии. М.: «Наука», 1983. 360 с.

Камышев А.М. Клад медных монет XV в. из Сузака // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана. Изд. Алматы: Изд. «Дайк-Прес», 1999. С. 144-149.

Камышев А.М. Клады медных монет Тимуридов и Шейбанидов. Самарканд: МИЦАИ, 2013, 176 с.

Кочнев Б.Д. Монетное дело в государстве амира Темура и Темуридов // Общественные науки в Узбекистане. Сборник статей. Вып. 7–10. Ташкент, 1996. С. 75-82.

Массон М.Е. Клад медных монет XV века из Оша // Эпиграфика Востока. Вып. XIII. М.–Л., 1960. С. 110–125.

Петров К.И. Киргизстан в XIII-XV вв. // История Киргизской ССР. Том I. Фрунзе: «Кыргызстан», 1984. С. 381-407

Шпенева Л.Ю. Монетная политика султан Ахмада в первые годы его правления // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития: Материалы международного научного симпозиума, посвященного 2750-летнему юбилею Самарканда. Ташкент-Самарканд: изд. «Фан» АН Республики Узбекистан, 2007. С. 150-152.

Шпенева Л.Ю. «Денежное обращение Ферганы и Шаша в эпоху Тимуридов» (медные монеты XV– нач. XVI в.). Автореф. кандидатской диссертации на соискание ученой степени к.и.н.. Ташкент, 1997.

Zeno.ru – Нумизматическая база восточных монет. (www.zeno.ru)

А.В. Акопян, А.Р. Варданян

НАСЛЕДИЕ КАРА-КОЮНЛУ В АРМЕНИИ. ТОПОНИМ ЧУХУР-И САʿД И ЕГО НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ В XIX в.[1]

Контактные взаимодействия различных этносов в пределах одной территории зачастую характеризуются процессом переосмысления существующих географических наименований, а также созданием полностью новых топонимических единиц. В этом смысле территория Армянского нагорья, подвергшаяся интенсивному заселению мусульманами начиная с VII в., не является исключением. Сложная этническая и языковая картина Армении нашла отражение в том числе и в средневековом персоязычном топониме для Араратского региона – Чухур-и Саʿд(долина Саʿда), отражающем название туркоманских племен Саʿдлу, живших здесь в XIV в. Предлагаемая статья посвящена истории этого топонима, а также его использованию на монетах XVIII–XIX вв. в качестве эпитета центра региона, города Еревана. В статье впервые приведен каталог ереванских монет, несущих на себе эпитет Чухур-и Саʿд.

Ключевые слова: Армения в каджарскую эпоху, туркоманы, история Армении, топонимия Армении, каджарская нумизматика.

I. Саʿдлу в Армении (XV-XVII вв.)

Попытка обоснования происхождения топонима *Чухур-и Саʿд* [*перс.* f¨m iÌb† , *арм.* Սահաթի փոս – *Саhати пос*, ‘яма (долина) Саʿда’] была впервые предпринята в 1960 г. А.Д. Папазяном. Согласно его разыскани-

1 Работа выполнена в рамках программы Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Армения «Literary sources and numismatic evidence on the history of Armenia in the post-Īlkhānid period (1350–1469 AD) (A comparative analysis of oriental sources)», (2013–2015).

ям, этот топоним образован от названия туркменских племен, известных под собирательным именем Саʿдлу, проживавших на территории области Айрарат с конца XIV в. (Папазян А.Д., 1960, с. 25) и ведущих свое начало от Амир-Саʿда из конфедерации Кара-Коюнлу (Товма Мецопеци, 1999, с. 17; Huart Cl., p. 741). ʿАбд ар-Раззак ас-Самарканди (ум. 1482), один из биографов Тамерлана, сообщает, что Нахичевань и Сурмалу[2] издревле являлись вотчинами (*юрда*) отпрысков туркменского вождя Саʿда (ʿАбд ар-Раззак ас-Самарканди, 1360, с. 837).

Архитектурным отблеском правления этой группы племен является усыпальница Пир-Хусейна, сына Амир-Саʿда, датируемая 812/1413 г.[3] (сейчас находится в черте г. Еревана, см. рис. 1). Племя Саʿдлу добилось высокого статуса в государстве Кара-Коюнлу в правление Искандара (1420–1438) (Sümer F., 1992, s. 20, 116–118). В это время они утвердились не только в Армении, но и в Иранском Азербайджане и даже Исфахане (Abū Bakr-i Ṭihrānī, 1993, s. 75). Саʿдлу играли значительную роль в политической жизни Армении и в последующие времена. По всей видимости, за несколько столетий своего существования Саʿдлу существенно умножились и успешно интегрировались в местное мультикультурное общество Айраратского ашхара. По сведениям источников, в XVIII в. многие мусульмане Ошакана (в 40 *км* от Еревана) были родом из Саʿдлу (Симеон Ереванци, 1958, с. 172–199, 238–263, 313–348). Есть определенные указания на то, что Саʿдлу могли принадлежать к шиитскому толку ислама[4].

Несколько спорным мог бы показаться вопрос относительно времени, когда Айраратская область стала именоваться Чухур-и Саʿд. Интересно, что историк XV в. Товма Мецопеци (1378–1446 гг.), современник событий, связанных с тимуридским периодом истории Армении, не упоминает в своем труде топоним Чухур-и Саʿд, и называет Ереван городом сельского типа (Товма Мецопеци, 1999, с. 245, 287). Со слов Григора Кемахеци (Даранагеци), историка первой половины XVIII в., можно заключить, что область с центром в Ереване была переименована

2 Сейчас – турецкий ил Ыгдыр.

3 В колофоне одной из рукописей, написанной в Ошакане (в тексте – Авшакан) в 1414 г. говорится, что она завершена в правление Кара-Юсуфа и Пир-Хусейна, сына Сahата (т.е. Саʿда) (Товма Мецопеци, 1999, с. 162; *Colophons of Armenian manuscripts,* 1969, p. 136). В колофоне же рукописи, датируемой 1425 г., имеется свидетельство, что у Сахата были внуки Пир-Гаиб и Авдул (Абдаллах?), которые правили в Айрарате в бытность владения Арменией Искандаром Кара-Коюнлу (Товма Мецопеци, 1999, с. 335; *Colophons of Armenian manuscripts,* 1969, p. 168).

4 Относительно вопросов религиозной принадлежности различных племен при Кара-Коюнлу см. (Shahmoradi S.M., Moradian M.P., Montazerolghaem A., 2013).

Рис. 1. Мавзолей Пир-Хусейна Саʿдлу в окрестностях Еревана (с. Аргаванд).

в Чухур-и Саʿд лишь в первой половине XVIII в.[5] Однако историк здесь не точен, поскольку имеется ряд свидетельств, что это произошло гораздо раньше. Так, например, известны упоминания о Чухур-и Саʿде, датированные эпохой правления Искандара Кара-Коюнлу [у ал-Тихрани (Abū Bakr-i Ṭihrānī, 1993, s. 75), и в вагаршапатской купчей 1428 г. (*Персидские документы Матенадарана*, 1968, с. 256)]. Также множество свидетельств о Чухур-и Саʿде XV в. оставил османский путешественник Хасан Румлу (Хасан-и Румлу, 1389, с. 944, 945, 954, 974, 1110, 1141, 1156, 1331–1332, 1349). Таким образом, именно начало пятнадцатого столетия можно считать временем начала использования топонима Чухур-и Саʿд как в мусульманской, так и в армянской историографии. Довольно регулярно встречается упоминание области Чухур-и Саʿд со своими территориальными единицами (*махалля* и *нахийе*) в персоязычных фирманах XVI в.[6] В следующем столетии, по всей видимости, смысл названия был уже затемнен для историков – так, в труде Абраама Ереванци, посвященном событиям первой половины XVII столетия, область именуется Ջուհայրենց թաղ «кварталом Джухура (Джухурцев?)» (Абраам Ереванци, 1977, с. 28), с осмыслением первой части названия как эпонима. Интересно отметить, что топоним Чухур-и Саʿд как будто бы неизвестен более поздним османским или персидским картографам[7]. Если это действительно так, то это может свидетельствовать об узкой сфере «книжного» или «бухгалтерского» использования этого топонима, ушедшего из живой речи, на основании которой составлялись карты дальних стран.

Географически, в начале XV в. столетия Чухур-и Саʿд охватывал левобережные области Аракса и ограничивался областью Айрарат (Аракел Даврижеци, 1988, с. 74, 183; Вардапет Григор Даранагеци, 1915, с. 283, 291). Позже, при Сефевидах армянские владения шаха были поделены на две провинции – Карабах с центром в Гяндже и Чухур-и Саʿд с цен-

5 Так, Григор Даранагеци пишет «Եւ ի թվին ՌԾ և Թ (1610) էր, յորժամ գնացաք մեք ի Խախտեաց երկրէն ի յԱրարատեան գաւառին, որ այժմ Սահաթի փոս ասի ...» (*и в году ... 1610 отправились мы в регион Хахтеац, что в Айраратской области, и который ныне долиной Сahата именуют*) (Вардапет Григор Даранагеци, 1915, с. 283). Труд Григора Даранагеци в основном охватывает события 1602–1636 гг., современником которых автор и являлся.

6 Интересно отметить, что в XV–XVI вв. Чухур-и Саʿд упоминается в том числе и как улька (удел, пожалованный на различных условиях эмирам различных племен) области Азарбайджан (*Персидские документы Матенадарана*, 1956, с. 256, 264, 288, 323). В том же статусе Чухур-и Саʿд известен и для документов второй четверти XVIII в. (*Персидские документы Матенадарана,* 2005, с. 376).

7 На доступных картах нам не удалось найти этот топоним.

тром в Ереване (*Ираван* позднесредневековых источников)[8], каждая из которых управлялась своим беглярбеком (Bournoutian G., 1994, p. 17). Область Чухур-и Саʿд, являвшаяся одним из тринадцати беглярбекств Сефевидского государства, фактически стала ядром, вокруг которого позднее сформировалось Ереванское ханство (Аракел Даврижеци, 1988, с. 27). В начале XVIII в. в беглярбекство Чухур-и Саʿд входили области: Лори, Ширак, Айрарат, Гехаркуник, Сурмалу, Нахичевань и Маку (*Исторический атлас Армении*, 2005, с. 14). С сефевидского времени и вплоть до подписания Туркманчайского договора 1828 г., топоним Чухур-и Саʿд фигурирует в более узком смысле, следуя за уменьшением подконтрольных ереванскому хану территорий[9]. К этому времени Ереванское ханство занимало области Ширак, Айрарат, Гехаркуник и Сурмалу (*Исторический атлас Армении*, 2005, с. 18-19).

II. Топоним Чухур-и Саʿд на монетах Еревана

Начиная с сефевидского времени, в Ереване регулярно чеканились серебряные монеты различных номиналов общеиранских типов и медные городские фулусы с изображением различных животных[10]. Это отражало основанную на серебре иранскую монетарную систему, в которой золотые монеты, выпускаемые по особым случаям, не принимали участия во внутренней экономике и играли роль средства длительного накопления или экспортируемого в Индию золота (Floor W., Clawson P., 2000). Монетная чеканка в Ереване продолжалась и после дефрагментации Персии в 1747 г. и возникновения Ереванского ханства. Во время независимого существования Ереванского ханства за редчайшим исключением здесь чеканилась только медная монета.

Период регулярной эмиссии золотых и серебряных монет в Ереване приходится на каджарскую эпоху, а именно на длительное правление

8 О том, что центром области был город Ереван, наряду с персидскими свидетельствуют также и османские источники – см., напр.: (Исторический атлас Армении, 2005, с. 102).

9 Иногда совсем сужаясь до областей Эчмиадзина и Еревана. В противоположность этому в фирмане, датированном 1013/1604–1605 гг., Чухур-и Саʿд упоминается как вилайет, в состав которого входила и часть Грузии (*Персидские документы Матенадарана,* 1959, с. 312). Впрочем, применительно к топониму Чухур-и Саʿд в персоязычных фирманах наблюдается заметный разнобой в наименовании его вилайет (*Персидские документы Матенадарана,* 2005, с. 323) или улька (*Персидские документы Матенадарана,* 1959, с. 344–345).

10 Фактически это было возобновлением в Ереване чеканки монет спустя два столетия после непродожительной работы монетного двора в ильханскую эпоху [известны медные монеты времени хана Олджайту (Гваберидзе Ц.М. 1994, с. 60–61, №131) и серебряные монеты ханов Сулеймана и Ануширвана, чеканенные в Ереване в 741–750/1339–1349 гг. (Акопян А.В., 2015)].

Фатх-ʻАли-шаха (1212–1250/1797–1834 гг.). Монеты Еревана этого периода были ранее обобщены в работе Х.А. Мушегяна в 1968 г., целиком базирующейся на собрании Государственного Эрмитажа, поскольку собрание Государственного исторического музея Армении монетами рассматриваемого периода не располагает (Мушегян Х.А., 1968)[11]. Почти все золотые эрмитажные монеты Еревана каджарского периода происходят из контрибуции, выплаченной Персией по результатам Туркманчайского договора (*ex tributo Persico*, как писал о них Х.М. Френ) (Fraehn C.M., 1855). Особенно любопытно появление на таких монетах названия Чухур-и Саʻд. Это географическое наименование является единственным известным дополнительным топонимом, проставлявшимся на монетах Еревана. Пара указанных топонимов (Чухур-и Саʻд и Ереван) присутствует на целой серии золотых и серебряных монет каджарского времени[12]. В данной работе нами предлагается дополненный перечень золотых и серебряных монет *Иравана* (как с топонимом Чухур-и Саʻд, так и без него), чеканенных в эпоху правления Фатх-ʻАли-шаха на монетном дворе Ереван.

Вошедшее в 1795 г. в состав каджарского Ирана Ереванское ханство в производстве монеты следовало за общеиранскими типами[13]. Первыми монетами из благородных металлов, выпущенными после 1795 г., являются серебряный риал 1216/1801–1802 г. (Каталог, №2) и золотой туман 1217/1802–1803 г. (Каталог, №3). Существующие сведения о чеканке золотой монеты еще в 1213/1798–1799 г. (Каталог, №1) пока что не подтверждены. С 1220/1805–1806 г. на монетах Еревана появилось название провинции Чухур-и Саʻд (Каталог, №10). Но к этому времени (а, наверное, и раньше) этот топоним стал узко «бюрократическим» и перестал использоваться в речи. Как говорилось выше, уже в XVIII в. этот топоним неизвестен нам по географическим описаниям и картографическим

11 Примечательно, что Х.А. Мушегян игнорирует присутствие на золотых и серебряных монетах топонима Чухур-и Саʻд. В должном дополнении нуждается также список золотых монет В.А. Мубаяджяна (Мубаяджян В.А., 2012, с. 125–127).

12 Предваряя следующую часть, во многом посвященную золотому ереванскому чекану, необходимо сказать несколько слов о золотых монетах, выпускавшихся в Ереване ранее. Во-первых, надо окончательно оставить старое заблуждение о золотом динаре ильхана Абу Саʻида (1316–1336 гг.), монетного двора «Ираван» (в виде слитно написанного «ÆÀËjÍÀ»), датированного 33 г. ильханской эры / 1333 г. (Мушегян Х.А., 1968, с. 32, 35). В действительности эта монета (как и однотипная серебряная монета в 6 дирхемов) выпускалась в *Исфараине* (ÅÍÀj°mÀ), в Хорасане, а не в *Ираване* [см. корректную атрибуцию в описании монет тюбингенского собрания (Ramadan A.M.M., 2012, S.14–15, no. 49)]. Золотые монеты в Ереване начинают чеканиться только при Сефевидах, причем исключительно в презентационных целях. То же отличает и уникальные золотые монеты османского и ханского времени.

13 См. больше об этом периоде истории Ереванского ханства у Дж. Бурнутяна (Bournoutian G., 1992).

источникам. Из живого топонима, известного в XV–XVII вв. и армянским и мусульманским летописцам, Чухур-и Саʿд к началу XVIII в. превратился в канцеляризм[14] и вышел из активного употребления (так, уже Григор Кемахеци ошибается с датировкой его появления).

Второе появление топонима Чухур-и Саʿд на монетах синхронно со временем начала широкого употребления в каджарской монетной практике эпитетов городов, использовавшихся как отдельно, так и вместе с самим наименованием города. Для этого времени известны эпитеты более чем тридцати монетных дворов, употреблявшиеся на монетах различного достоинства[15]. Однако в отличие от прочих каджарских эпитетов монетных дворов, являвшихся почетными названиями городов (например, *Дар ас-Султанат* ‘обитель султана’ для Тебриза, *Арз-и Мукаддас* ‘священная земля’ для Мешхеда и пр.), Чухур-и Саʿд – единственный в этом ряду самостоятельный эпитет, указывающий на целую провинцию.

Помимо общей тенденции к проставлению на каджарских монетах названия города и его эпитета, причина появления на ереванских монетах названия всей области, возможно, кроется в перипетиях политической истории региона начала XIX в. В это время весьма активизировалась политика Российской империи на южном направлении. Это было связано с присоединением к России Грузинского царства в 1801 г., и последующим противоборством с Персией за влияние в Закавказье. В 1804 г. Россия завоевала Гянджинское ханство, а в 1805 г. покорилось Карабахское ханство. По итогам Русско-персидской войны 1804–1813 гг., закрепленных Гюлистанским миром, к России отошли Дербентское, Кубинское и Бакинское ханства. Учитывая стремление Российской империи к естественным рубежам (одним из которых должна была стать река Аракс), в Восточном Закавказье её взоры были обращены на Ереванское ханство и Нахичеванский край. В ходе военных действий 1804 г. Эриванская крепость находилась в трехмесячной осаде русских войск, а в 1808 г. русские войска взяли Эчмиадзин, разбили персидские войска в Карабахе и заняли Нахичевань. Эти события были восприняты с тревогой в каджарском государстве. В этой связи неудивительно, что выпуск монет с топонимом

14 И то довольно редкий – он всего один раз употребляется в опубликованной переписке ереванского хана и грузинского царя Ираклия II (Чеишвили А.С., 1982, с. 29–30, №44). Термин Чухур-и Саʿд также малоупотребим в опубликованных фирманах XVIII в. из собрания Матенадарана, где он упоминается всего три раза (*Персидские документы Матенадарана,* 2008, с. 188, 307, 319).

15 Традиция наименования города на монете его эпитетом была широко распространена на Востоке еще с сасанидского времени, постоянно присутствуя в мусульманской чеканке практически со времени ее начала.

Чухур-и Са'д начался в тот период, когда Иран ощущал сильное российское давление на свои северо-западные территории. Возможно, помещая на монетах 1220–1241/1805–1826 гг. наряду с *Ираваном* также название всей провинции Чухур-и Са'д, местные власти преследовали цель продемонстрировать свое обладание Ереванским ханством в пределах ранее известных границ. В этом смысле рассматриваемые монеты могли содержать также важный пропагандистский посыл, фиксирующий иранский сюзеренитет над всей провинцией Чухур-и Са'д.

Завершается использование топонима Чухур-и Са'дна золотых монетах в 1239/1822–1823 г., а на серебряных – в 1241/1825–1826 г. (Каталог №33 и №34, соответственно). Интересно отметить, что по обычной иранской монетной практике на выпускавшихся в Ереване медных монетах никогда не проставлялось название всей области Чухур-и Са'д.

Если сравнивать число известных с XIX в. золотых монет *Иравана / Чухур-и Са'да* с количеством аналогичных монет соседних Хоя или Тебриза, сразу бросается в глаза незначительный объем эмиссии в Ереване. Несомненно, что выпуск редких золотых монет в Ереване не был обусловлен какими-либо экономическими причинами, поскольку ереванский хан, как и повсюду в Закавказье, при исчислении крупных сумм пользовался *тебризскими туманами* (ÐlÍjJ ÆB¿Ì) (*Указы Кубинских ханов*, 1937, с. 66–67, №14; с. 67, №15; Чеишвили А.С., 1982, с. 11, 16, 17). Выпуск же золотой монеты хан, как это было принято повсеместно на Востоке, осуществлял под Навруз для раздачи своим приближенным и рассылки среди прочих подарков (халатов, жеребцов и пр.) своим сюзеренам. Находясь на самой периферии Ирана, ереванский хан вынужден был отсылать ежегодные дары к Наврузу не только тебризскому наместнику и напрямую в Исфахан, но и грузинскому царю (вплоть до смерти Ираклия II в 1798 г.) (Чеишвили А.С., 1982, с. 8).

По всей видимости, золотые монеты местной чеканки предназначались именно для отсылки в Иран[16], зримо подчеркивая сюзеренитет Фатх-'Али-шаха над Ереванским ханством. Такое предназначение для чеканившихся в Ереване золотых монет подтверждается и другими фактами. Во-первых, оказывается, что золотые монеты чеканились регулярно, практически каждый год, но при этом в ничтожных количествах – от каждого года нам известны единичные монеты и только монеты 1235 и 1238 гг. х. известны в пяти и семи экземплярах соответственно (см. Каталог, №25, №29). Впрочем, штемпельный анализ (там, где доступны

16 Грузинских находок ереванских туманов неизвестно, т.к. последние стали выпускаться только после 1798 г., когда скончался Ираклий II и прекратились какие-либо вассальные отношения между ереванским ханом и Грузией.

изображения более одной монеты от каждого года) показывает использование нескольких штемпелей для выпусков одного года – двух для л.с. и трех для о.с. для монет 1233 г. х.[17], двух для л.с. и двух для о.с. для монет 1235 г. х. без дополнительной цифры[18] и двух для л.с. и одного для о.с. для монет 1235 г. х. с цифрой «3»[19]. Во-вторых, эти монеты совсем не находят в Армении – так, например, в собрании Государственного музея истории Армении ереванские золотые монеты вообще отсутствуют[20]. По всей видимости, практически все ереванские золотые монеты уходили за пределы региона и именно поэтому оказались достаточно полно представлены, например, в золотой части репарации, полученной русскими от персидского шаха. Весьма примечательно, что в этой подборке были представлены монеты Чухур-и Саʿда разных годов, что говорит об их регулярном поступлении к шаху (см. Каталог, №№1a, 3a, 6a, 8a, 13a, 25a, 28a). Любопытно отметить, что мусульманская золотая монета широко использовалась в Ереване и после присоединения к России. К 1840 г., по данным К. Воронкевич-Бассанца, описывавшего местные закавказские монетные системы, здесь в обращении были *туманы* (4 рубля серебром), *ярим-туманы* (½ тумана, 2 рубля серебром) и *баджиклы* (3 рубля серебром)[21] (Воронкевич-Бассанец К., 1840, с. 407–408).

Примечательны среди прочих туманы 1233 и 1235 гг. х. с дополнительной цифрой ٣ «3» во внешнем поле о.с. (см. Каталог, №27 и №30). Смысл этой дополнительной цифры не совсем ясен, и мы можем лишь указать на серию монет 1125–1135 гг.х., чеканившихся в Иране, Армении и Грузии, на которых также выставлялись дополнительные цифры и знаки (Акопян А.В., 2013), в том числе и цифра ٣ – Ém *се* (*перс*. ‘три’), что, возможно, является зашифрованным инициалом «С» монетария.

В отличие от ситуации с золотыми монетами, находки серебряных монет Чухур-и Саʿда в Армении известны, хоть и крайне редки. Необходимо отметить, что серебряные монеты Еревана вышли из употребления уже к 1840 г.,

17 См. Каталог, №25b – Л.с. 1, О.с. 1; №25c – Л.с. 1, О.с. 2; №25e – Л.с. 2, О.с. 3.

18 См. Каталог, №29a – Л.с. 1, О.с. 1; №29b – Л.с. 2, О.с. 2.

19 См. Каталог, №30a – Л.с. 1, О.с. 1; №30c, d, e – Л.с. 2, О.с. 1.

20 Нам известно всего лишь о двух золотых монетах этого периода, предлагавшихся в последние несколько лет к продаже в Армении, – это туманы 1233 и 1235 гг.х. с дополнительной цифрой «3» (частная корреспонденция авторов, см. Каталог, №27a и 30f). Однако точное место находки этих монет не удалось установить. Возможно, как и многие другие «армянские» монеты, они могли быть специально привезены из Ирана для продажи. Неизвестны находки обсуждаемых золотых монет и по сводам, изданным Е. А. Пахомовым, а также Х.А. Мушегяном с соавторами.

21 Надо отметить, что, кроме как в Ереване, им не зафиксировано больше нигде в Закавказье массового обращения разнообразных золотых монет.

поскольку К. Воронкевич-Бассанец говорит об обращении в Ереване лишь *сахибкиранов* (по-видимому, местных, см. каталог, №34) и карабахских *панахабади*, не упоминая более ранних риалов или его фракций, чеканившихся в Ереване (Воронкевич-Бассанец К., 1840, с. 407–408). Можно предположить, что чеканка в Ереване серебряной монеты в конце XVIII – начале XIX вв. также осуществлялась в ограниченном объеме. На это, в частности, указывает и использование одних и тех же штемпелей для тумана и риала 1219 г.х. (серебряная монета отчеканена более изношенными штемпелями, см. каталог №8а и №9а), а также тумана и риала 1233 г. х. (см. каталог №26 и №27). По-видимому, насыщенность региона серебряными монетами соседних областей, а также еще более ранней сефевидской серебряной монетой, была причиной ограниченного выпуска здесь серебряной монеты каджарских типов.

Особо интересным является выпуск субэратного риала в 1222/1807–1808 г. (Каталог, №12а), отчеканенного той же парой штемпелей, что и серебряная монеты (Каталог, №11а). Аккуратность ее изготовления (обтягивание серебряными пластинами медного сердечника) указывает на высокий уровень специфического монетного мастерства, способного создать субэратную монету. Такая техника не присуща ювелирам *en masse*, как и невозможно видеть в ней более позднюю ювелирную поделку, изготовленную сохранившимися подлинными штемпелями. Выпуск субэратных монет в Ереване мог быть обусловлен желанием воспрепятствовать оттоку серебряной монеты за пределы региона-эмитента[22].

III. Каталог золотых и серебряных монет *Иравана/Чухур-и Са'да* в XVIII–XIX вв.[23]

Золотые и серебряные монеты, приведенные в каталоге, полностью соответствуют весовым стандартам и номиналам, принятым в правление Фатх-'Али-шаха (Rabino di Borgomale H.L., 1945, p. 7). Что касается текстового оформления монет, то оно варьируется в зависимости от времени чеканки. Ранние монеты (1213?–1219 гг. х.) несут на себе название монетного двора *Ираван* без добавления названия всей провинции *Чухур-и Са'да* [тип А монет Фатх-'Али-шаха (Krause C.L., Mischler C., 1999, p. 712)].

22 С той же целью население Бухары в конце VIII в. потребовало от своего правителя чеканить такую монету, которая бы не выходила за пределы города и тем самым поддерживала внутренние денежные транзакции. По этой причине низкопробные и субэратные монеты в Бухаре выпускались вплоть до XII вв. (Давидович Е. А., 1981).

23 Авторы глубоко благодарны К.В. Кравцову (Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа), Л. Илишу (Исследовательский центр исламской нумизматики Университета Тюбингена, ФРГ), Д.Л. Алексаняну (Москва), Ж. Кристианяну (Боулдер, США) и Л. Вртанесяну (Хобокен, США) за предоставленные изображения монет замечательного качества.

Л.с. Картуш – линейный (на 1/6 риала 1217 г. х. еще и точечный) ободок. В поле помещена титулатура и имя шаха:

iBUB³ ÊBq Ï¼¨ZN¯ ÆBñ¼n»A ÅI ÆBñ¼n»A

султан, сын султана, Фатх-'Али-шах Каджар.

Надпись сделана на фоне тонкого цветочного орнамента (*ислими*).

О.с. Фиксируется несколько разных картушей (квадратный, круглый или многолепестковый).

Выпуск: ÆAËjÍA Ljy *бито [в] Ираване* и год. Год указан либо в поле монеты, либо в сегменте картуша. В левом и правом сегментах помещены цветочные орнаменты, а в верхнем – надпись: É½» Ü ÑI¨»A *слава – Аллаху.*

До 1217 г.х. монетные надписи выполнены почерком *насх*, а начиная с 1218 г. х. почерком *наста'лик*.

1. Ираван, 1213/1798–1799 г., AV, номинал неизвестен.

a) Х.М. Френ (Fraehn C. M. 1855, p. 176, №90) упоминал об этой монете Иравана среди *ex tributo Persico* без указания, был ли на монете проставлен топоним Чухур-и Са'ди или нет. Впоследствии эта монета не была приведена в каталоге Государственного Эрмитажа (Марков А., 1896, с. 747–748).

2. Ираван, 1216/1801–1802 г., AR, риал.

Фототабл. 1/2а.

a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-34329 (вес – 10,33 *г*, диаметр – 22,0 *мм*).

b) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-45780 (вес – 10,27 *г*, диаметр – 23,0 *мм*).

c) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-47732 (вес – 10,27 *г*, диаметр – 24,0 *мм*).

d) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-47733 (вес – 10,30 *г*, диаметр – 26,0 *мм*).

e) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-57300 (вес – 10,28 *г*, диаметр – 24,0 *мм*).

3. Ираван, 1217/1802–1803 г., AV, туман.

Фототабл. 1/3а.

a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-Аз-1865 (вес – 6,12 *г*, диаметр – 24,0 *мм*) [опубликована в: (Fraehn C. M. 1855, p. 176, №114; Марков А., 1896, №189; Мушегян Х. А., 1968, с. 37)].

4. Ираван, 1217/1802–1803 г., AR, риал.
Фототабл. 1/4a.

a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-34330 (вес – 10,33 *г*, диаметр – 23,0 *мм*).
b) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-42781 (вес – 10,47 *г*, диаметр – 24,0 *мм*).
c) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-47734 (вес – 10,38 *г*, диаметр – 24,5 *мм*).
d) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-57301 (вес – 10,27 *г*, диаметр – 24,0 *мм*).

5. Ираван, 1217/1802–1803 г., AR, 1/6 риала.
Фототабл. 1/5a.

a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-34331 (вес – 1,97 *г*, диаметр – 18,0 *мм*, пробита).

6. Ираван, 1218/1803–1804 г., AV, туман.
Фототабл. 1/6b.

a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-Аз-1866 (вес – 6,19 *г*, диаметр – 23,0 *мм*) [опубликована в: (Fraehn C. M. 1855, p.176, №120; Марков А., 1896, № 207; Мушегян Х. А., 1968, с. 37)].
b) Тюбинген, инв. №2006-11-21 (вес – 6,03 *г*, диаметр – 24 *мм*)

7. Ираван, 1218/1802–1803 г., AR, риал.
Фототабл. 1/7a, 7f.

a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-34332 (вес – 10,28 *г*, диаметр – 24,0 *мм*).
b) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-34333 (вес – 10,38 *г*, диаметр – 23,0 *мм*).
c) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-47735 (вес – 10,34 *г*, диаметр – 24,5 *мм*).
d) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-57302 (вес – 10,31 *г*, диаметр – 23,0 *мм*).
e) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-57303 (вес – 10,29 *г*, диаметр – 24,0 *мм*).
f) Частная коллекция, личный архив №242 (вес – 10,28 *г*; диаметр – 24,0 *мм*).

8. Ираван, 1219/1804–1805 г., AV, туман.

Фототабл. 1/8a.

a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-Аз-1868 (вес – 6,12 *г*, диаметр – 23,0 *мм*) [опубликована в: (Fraehn C. M. 1855, p.176, №123; Марков А., 1896, № 219; Мушегян Х. А., 1968, с. 37)].

9. Ираван, 1219/1804–1805 г., AR, риал.

Фототабл. 2/9a.

a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-34334 (вес – 10,35 *г*, диаметр – 22,0 *мм*).

b) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-57304 (вес – 10,12 *г*, диаметр – 21,5 *мм*).

Оформление монет, несущих на себе название области Чухур-и Саʿд, следует одному формуляру [тип В монет Фатх-ʿАли-шаха (Krause C.L., Mischler C., 1999, p. 712)]:

Л.с. Картуш – двойной ободок (внешний точечный, внутренний линейный). В поле помещена титулатура и имя шаха:

iBUB³ ÊBq / Ï¼¨ZN¯ /ÆBñ¼n»A ÅI ÆBñ¼n»A

султан, сын султана, Фатх-ʿАли-шах Каджар

Надпись сделана на фоне *ислими* с множеством цветков, слева и справа от надписи – вертикальные барочные виньетки.

О.с. Картуш – два двойных ободка (внешний двойной – точечный и линейный; внутренний – двойной линейный) расположены на расстоянии друг от друга. Выпускные данные:

ÆAËjÍA / f¨m iÌbt Ljy

бито [в] Чухур-и Саʿда Иравана и год чеканки,

В поле фона – *ислими* с крупными цветками. Все надписи выполнены почерком *настаʿлик*.

10. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1220/1805–1806 г., AR, риал.

Фототабл. 2/10a.

a) http://www.zeno.ru, no. 79612. (вес – 10,3 *г*, диаметр – 21,7 *мм*).

11. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1222/1807–1808 г., AR, риал.

Фототабл. 2/11a.

a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-57306 (вес – 10,34 *г*, диаметр – 25,0 *мм*).

b) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-34335 (вес – 10,37 *г*, диаметр – 23,0 *мм*).

12. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1222/1807–1808 г., «AR / Æ», субэратный риал.
Фототабл. 2/12a.

a) *Steve Album Rare Coins. List 285*, 2015, no. 172346, коллекция Л. Вртанесяна (вес – 10,37 *г*, диаметр – 24 *мм*).

13. (Чухур-и Саʿд?) / Ираван, 1223/1808–1809 г., AV, номинал неизвестен.

a) Х. М. Френ (Fraehn C. M., 1855, p. 176, №137) упоминал об этой монете Иравана среди *ex tributo Persico* без указания, был ли на монете проставлен топоним Чухур-и Саʿдили нет. Позже эта монета, скорее всего, была переплавлена, поскольку не упоминалась в каталоге А. К. Маркова (Марков А., 1896, с. 747–748).

14. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1223/1808–1809 г., AR, риал.
Фототабл. 2/14a.

a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-34336 (вес – 10,37 *г*, диаметр – 21,0 *мм*).
b) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-М-47736 (вес – 10,35 *г*, диаметр – 23,5 *мм*).
c) Коллекция Д. Алексаняна (вес – 10,16 *г*, диаметр – 23,2 *мм*).
d) Krause C. L., Mischler C., 1999, p. 714, no. 688. (вес – 11,52 *г*)[24].

15. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1223/1808–1809 г., AR, ½ риала.
Фототабл. 2/15a.

a) Коллекция Д.Л. Алексаняна (вес – 4,87 *г*, диаметр – 24 *мм*, пробита).

16. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1224/1809–1810 г., AR, ½ риала.
Фототабл. 2/16a.

a) Коллекция Д.Л. Алексаняна (вес – 5,20 *г*, диаметр – 22 *мм*).

17. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1225 г. х. / 1810–1811 г., AR, риал.
Фототабл. 2/17a.

a) Коллекция Д.Л. Алексаняна (вес – 10,38 *г*, диаметр – 19,5 *мм*).
b) Krause C. L., Mischler C., 1999, p. 714, no. 688. (вес – 11,52 *г*).

24 В справочнике Краузе (Krause C. L., Mischler C., 1999) приводится вес не каждого экземпляра, а вес, являющийся, по мнению издателей, «нормативным» для данного типа.

18. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1225/1810–1811 г., AR, ½ риала.
Фототабл. 3/18a.
a) Частная коллекция, личный архив, №541 (вес – 5,10 *г*; размер – 20×22 *мм*); (http://www.zeno.ru, no. 76207).

19. (Чухур-и Саʿд?) / Ираван, 1225 /1810–1811 г., AR, 1/5 риала.
a) Krause C. L., Mischler C., 1999, p. 713, no. 683. (вес – 2,07 *г*, с пометкой «сообщение не подтверждено»).

20. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1226/1811 г., AR, риал.
a) Krause C. L., Mischler C., 1999, p. 714, no. 688. (вес – 11,52 *г*).

21. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1226/1811 г., AR, 1/8 риала.
Фототабл. 3/21b.
a) Коллекция Британского Музея (Poole S. R., 1887, p. 166, no. 508). (вес – 1,85 *г*).
b) Частная коллекция, личный архив, №884 (вес – 1,24 *г*, диаметр – 22×24 *мм*; удален припой).

22. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1227/1812 г., AR, 1/8 риала.
a) Krause C. L., Mischler C., 1999, p. 713, no. 682. (вес – 1,3 *г*).

23. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1230/1814–1815 г., AR, риал.
Фототабл. 3/23a.
a) http://www.zeno.ru, no. 154743. (вес – 9,1 *г*, диаметр – 21 *мм*).

24. (Чухур-и Саʿд?) / Ираван, 1232 /1812 г., AR, 1/5 риала.
a) rause C. L., Mischler C., 1999, p. 713, no. 694. (вес – 2,30 *г*).

25. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1233/1817–1818 г., AV, туман.
Фототабл. 3/25b, 25c, 25e.
a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-Аз-1890 (вес – 4,58 *г*; диаметр – 21,0 *мм*) [опубликована в: (Fraehn C. M., 1855, p. 176, no. 152; Марков А., 1896, №340; Мушегян Х. А., 1968, с. 37)].
b) Частная коллекция, личный архив, № 243 (вес – 4,62 *г*; диаметр – 21 *мм*).
c) Тюбинген, инв. №IH3A3 (вес – 4,58 *г*; диаметр – 22,5 *мм*).
d) Krause C. L., Mischler C., 1999, p. 715, no. 753. (вес – 4,61 *г*), возможно, тот же экземпляр, что и *c*.
e) Коллекция Ж. Кристианяна (вес – 4,60 *г*; диаметр – 23 *мм*).

26. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1233/1817–1818 г., AV, туман, с дополнительной цифрой З **– «3».**
Фототабл. 3/26a.
a) Предлагалась к продаже в Армении в 2015 г. (вес – 4,6 *г*; диаметр – 23,2 *мм*).

27. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1233/1817–1818 г., AR, риал, с дополнительной цифрой З **– «3».**
Фототабл. 5/27a.
a) Частная коллекция, личный архив, № 989 (вес – 9,22 *г*, диаметр – XXX *мм*).

28. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1234/1818–1819 г., AV, туман.
Фототабл. 3/28a.
a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-Аз-1900 (вес – 4,59 *г*; диаметр – 21,5 *мм*) [опубликована в: (Fraehn C. M., 1855, p. 176, no. 164; Марков А., 1896, №352; Мушегян Х. А., 1968, с. 37)].
b) *Sotheby's Auction 1–2*, 1987. (метрология не указана).

29. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1235/1819–1820 г., AV, туман, тип без дополнительных цифр.
Фототабл. 4/29b, 29c.
a) *Dr. Busso Peus Nachf. Auktion 384*, 2005, lot 1387. (вес – 4,57 *г*; диаметр – 22 *мм*);
b) http://www.vcoins.com, lot 21892; http://www.zeno.ru, no. 48863. (вес – 4,50 *г*; диаметр – 24 *мм*).
c) Коллекция Ж. Кристианяна (вес – 4,57 *г*; диаметр – 23 *мм*).

30. Чухур-и Саʿд/ Ираван, 1235/1819–1820 г., AV, туман, с дополнительной цифрой З **– «3».**
Фототабл. 4/30a, 30c, 30d, 30e.
a) Государственный Эрмитаж, инв. №ОН-В-Аз-1907 (вес – 4,61 *г*; диаметр – 22,0 *мм*) [опубликована в: (Марков А., 1896, №362; Мушегян Х. А., 1968, с. 37)].
b) *Spink. Coins of the Islamic World 34*, 1990, lot 396. (вес – 4,58 *г*; диаметр – 21 *мм*).
c) *Dr. Busso Peus Nachf. Auktion 343*, 1995, lot 1050. (вес – 4,59 *г*).
d) *Heritage Auctions. Ancient & World Coin Signature Auction #3021*, 2013, lot 21892; http://www.zeno.ru, no. 119540. (вес – 4,60 *г*).

e) *Baldwin's Auctions Ltd, Dmitry Markov Coins & Medals, M&M Numismatics Ltd. The New York Sale XXXV*, 2015, lot 1184; http://www.zeno.ru, no. 148241. (вес – 4,56 *г*).
f) Предлагалась к продаже в Армении 2014 г. (вес – 4,6 *г*, диаметр – 22-23 *мм*, монета отчеканена той же парой штемпелей, что и две предыдущие).

31. Чухур-и Са'д/ Ираван, 1225 [=1235/1819–1820], AV, туман.
Фототабл. 4/31a.
Согласно весу, единственная известная монета этого года относится к туманам выпуска 1230–1240 гг. х. и, по всей видимости, дата на монете вырезана неверно – она должна быть не 1225, а 1235.
a) *Baldwin's (London) Islamic Coin Auction 13*. London, 2007, lot 600. (вес – 4,79 *г*; диаметр – 23,5 *мм*).

32. Чухур-и Са'д/ Ираван, 1236/1820–1821 г., AV, туман.
a) Krause C. L., Mischler C., 1999, p. 716, no. 753. (вес – 4,61 *г*).

33. Чухур-и Са'д/ Ираван, 1239/1822–1823 г., AV, туман.
Фототабл. 4/33a.
a) *Baldwin's (London) Islamic Coin Auction 27*, 2014, lot 731. (вес – 4,59 *г*).

Последняя выпущенная в Ереване серебряная монета – 1241 г.х.:
Л.с. Картуш – точечные ободки. В поле:

ÆAj´JYBu Ëjna Ï¼¨ZN¯ Écem

чекан Фатх-'Али-шаха, кесаря счастливого совпадения [созвездий]

[тип E монет Фатх-'Али-шаха (Krause C. L., Mischler C., 1999, p. 712)], сделанную на фоне *ислими* с множеством цветков.

О.с. аналогична таковым на предыдущих монетах. Все надписи выполнены почерком *наста'лик*.

34. Чухур-и Са'д/ Ираван, 1241/1825–1826 г., AR, кран.
Фототабл. 5/34a.
a) http://www.zeno.ru, no. 75456. (вес – 6,86 *г*, диаметр – 20,5 *мм*).
b) http://www.zeno.ru, no. 35241. (вес – 6,92 *г*, размер – 18×21 *мм*).
c) *Steve Album Rare Coins. List 219*, 2006, no. 51621; http://www.zeno.ru, no. 75456.
d) (вес – 6,88 *г*).
e) Krause C. L., Mischler C., 1999, p. 715, no. 710. (вес – 6,91 *г*).

Фототаблица 1,

9 a

10 a

11 a

12 a

14 a

15 a

16 a

17 a

Фототаблица 2

18 a

21 b

23 a

25b

25c

25e

26 a

28a

Фототаблица 3

29b

29c

30 a

30c

30d

30e

31a

33a

Фототаблица 4

27a 34a

Фототаблица 5

Литература

Абраам Ереванци. История войны 1721–1736 годов. Под ред. А.С. Чемчемяна. Венеция: Изд-во Св. Лазаря, 1977. 182 с. (на арм. яз.).

Акопян А.В. О знаках монетариев на монетах Хусейна Сефеви (1694–1722), чеканенных в Иране, Армении и Грузии. В сб.: Армения–Иран: История. Культура. Современные перспективы развития. Сборник статей. Москва: Ключ-С, 2013. С. 5–12.

Акопян А.В. Ильханы и ишханы. Монеты армянских княжеств периода заката Хулагуидского государства (736–759 гг. х. / 1336–1358 гг.). В сб.: Нумизматика и эпиграфика. Вып. XIX. М., 2015. (принято в печать).

Ансари Мухаммад Рафи'. Дастур ал-мулук (Устав государей). Пер. А.Б. Вильданова. Ташкент: Фан, 1991. 139 с.

Аракел Даврижеци. История. Под ред. В.Г. Амбарцумяна. Ереван: Советакан грох, 1988. 589 с. (на арм. яз.).

Вардапет Григор Даранагеци или Камахеци. Хронография. Под ред. М. Ншанянца. Иерусалим: Изд-во Апостольской кафедры Св. Якова, 1915. 667 с. (на арм. яз.).

Воронкевич-Бассанец К. Описание мер, весов и монет Закавказского края // Журнал Министерства внутренних дел. Т. XXXVIII. 1840. С. 379–415.

Гваберидзе Ц.М. Каталог медных монет Ильханского Ирана. Тбилиси: Мецниереба, 1994. 178 с. (на груз. яз.).

Давидович Е.А. Наршахи и Кубави о реформе Гитрифа: легенда и действительность // Бартольдовские чтения. 1981. Год пятый. М.: Наука, 1981. С. 33–36.

«Джихан-Нюма» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.). Пер. А.Д. Папазяна. Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1973. 187 с.

Исторический атлас Армении. Ч. I. Под ред. Б. А. Арутюняна. Ер.: Макмилан Армениа, 2005. 104 с. (на арм. яз.).

Марков А. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб: [б/и], 1896. 872 с.

Мубаяджян В.А. Монеты[,] чеканенные в городах Ереване, Гяндже и Нахичевани в период персидского владычества 1500 – 1828 гг. Лос Анджелес: [б/и], 2012. 212 с.
Мушегян Х.А. Нумизматические сведения по истории Еревана // Историко-филологический журнал. 3. Ереван, 1968. С. 27–38 (на арм. яз.).
Папазян А.Д. Чужеземное правление в Араратской области // Вестник общественных наук. 7–8. Ереван, 1960. С. 21-40 (на арм. яз.).
Персидские документы Матенадарана. Купчие. Вып. I (XIV–XVI вв.). Сост. А.Д. Папазян. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1968. 642 с. (на арм. и рус. яз.).
Персидские документы Матенадарана. Указы. Т. I (XV – XVI вв.). Сост. А.Д. Папазян. Ереван: Гитутюн, 1956. 316 с. (на арм. и рус. яз.).
Персидские документы Матенадарана. Указы. Т. II (1601–1650). Сост. А.Д. Папазян. Ереван: Гитутюн, 1959. 314 с. (на арм. и рус. яз.).
Персидские документы Матенадарана. Указы. Т. III (1652-1731). Сост. К. Костикян. Ереван: Зангак-97, 2005. 3728 с. (на арм. и англ. яз.).
Персидские документы Матенадарана. Указы. Т. IV (1734–1797). Сост. К. Костикян. Ереван: Наири, 2008. 388 с. (на арм. и англ. яз.).
Симеон Ереванци. Джамбр. Памятная книга, зерцало и сборник всех обстоятельств Святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей. Пер. С.С. Малхасянца. М.: Изд-во Восточной литературы, 1958. 400 с.
Товма Мецопеци. История Тимурленга и его преемников. Пер. и ред. Л.С. Хачикяна. Ереван: Магахат, 1999. 376 с. (на арм. яз.).
Указы Кубинских ханов. Пер. Ф. Растопчина, под ред. К.И. Чайкина. Тб.: Изд. Грузинского филиала АН СССР, 1937. 109 с.
Чеишвили А.С. Письма, присланные ереванскими ханами в Грузию. Тб.: Мецниереба, 1982. 97 с. (на груз. яз.).
Abū Bakr-i Ṭihrānī. Kitāb-i Diyārbakriyya. Ak-Koyunlular tarihi. Ed. N. Lugal and F. Sümer. Cilt 1 Ankara, 1993. 285 s.
Bournoutian G. The Khanate of Erevan under Qajar Rule, 1795-1828. Costa Mesa (CA): Mazda Publishers, 1992. XXVII + 335 p.
Bournoutian G. A History of Qarabagh: an annotated translation of Mirza Jamal Javanshir Qarabaghi's Tarikh-e Qarabagh. Costa Mesa (CA): Mazda Publishers, 1994. XVI + 157 + 62 p.
Colophons of Armenian manuscripts, 1301–1480: A source for Middle Eastern history. Selected, transl. and annot. by A. K. Sanjian. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1969. 478 p.
Floor W., Clawson P. Safavid Iran's search for silver and gold // International Journal of Middle East Strudies. 32. 2000. P. 345–368.
Fraehn C.M. Nova supplementa ad recensionem numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae / Opusculorum postumorum. Pars prima. Ed. B. Dorn. Petropoli: Tvpis Academiae Imperial. Scientiarum, MDCCCLV. 451 p.

Krause C.L., Mischler C. 19th century standard catalog of world coins. Iola (WI): Krause Prlications, 1999. 1183 p.
Poole S.R. Catalogue of coins of the Sháhs of Persia in the British Museum. L.: Order of the Trustees, 1887. 336 p. + XXIV pl.
Rabino di Borgomale H.L. Coins, medals, and seals of the shâhs of Îrân, 1500-1941. L.: S. Austin and Sons, 1945. 108 p.
Ramadan A.M. M. Sylloge numorum arabicorum Tübingen. Naysābūr, Sabzawār un die Münzstätten in Ǧuwayn. XIVa Ḫurāsān I. Tübingen–B.: Ernst Warsmuth Verl., 2012. 87 S.
Shahmoradi S.M., Moradian M.P., Montazerolghaem A. The religion of the Kara Koyunlu dynasty: an analysis // Asian culture and history. 5/2. 2013. P. 95–103.
Sümer F. Kara Koyunlular (Başlangıçtan Cihan-Şah'a kadar). Cilt 1. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992. 172 s.
'Абд ар-Раззак ас-Самарканди. Матла' ас-са'даин ва маджма' ал-бахраин. Т. I. Под ред. М. Шафи. Лахор: [б/и], 1360 г. х. 1058 с. (на араб. яз.).
Хасан-и Румлу. Ахсан ат-таварих. Т. II, III. Под ред. 'Абд ал-Хусайна Нувайи. Тегеран: [б/и], 1389 г. х. (на перс. яз.).
Baldwin's (London) Islamic Coin Auction 13. London, 2007.
Baldwin's (London) Islamic Coin Auction 27. London, 2014.
Baldwin's Auctions Ltd, Dmitry Markov Coins & Medals, M&M Numismatics Ltd. The New York Sale XXXV. NY, 2015.
Dr. Busso Peus Nachf. Auktion 343. Frankfurt am Main, 1995.
Dr. Busso Peus Nachf. Auktion 384. Frankfurt am Main, 2005.
Heritage Auctions. Ancient & World Coin Signature Auction #3021. NY, 2013.
Sotheby's Auction 1–2. L., 1987.
Spink. Coins of the Islamic World 34. Zürich, 1990.
Steve Album Rare Coins. List 219. Santa Rosa (CA), 2006.
Steve Album Rare Coins. List 285. Santa Rosa (CA), 2015.
Huart Cl. Kara Koyunlu. In: EI2 (Brill Online, 2012).
http://www.zeno.ru
http://www.vcoins.com

С.А. Богатый, Г.В. Злобин

КАТАЛОГ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ИСМАИЛ-ХАНА (ШЕКИНСКОГО) 1229/1814 – 1234/1819 г.[1]

В настоящей статье авторы постарались сконцентрировать всю доступную им информацию о монетах последнего хана Шеки и представили её в виде каталога монет. Всего учтено 53 экземпляра, из них 20 вводятся в научный оборот впервые. Кроме каталога, предложено обсуждение некоторых вопросов монетного дела времени правления исмаил-хана и в первые годы после упразднения ханства.

Ключевые слова: Шекинское ханство, Азербайджан, нумизматика, Исмаил-хан, Россия, денежное обращение, каталог монет.

Введение

Азербайджан – "страна подземных музеев", по словам академика И. Мещанинова, имеет более чем двухтысячелетнюю историю монетного чекана. За свою историю земля Азербайджана дала многочисленную и разнообразную монетную продукцию. К сожалению, нумизматическую историю Азербайджана нельзя считать написанной не только с исчерпывающей, но даже и достойной этой истории полнотой.

После убийства Надир-шаха Афшара (11.06.1160/20.06.1747) начался распад персидской империи. До включения Северного Азербайджана в состав России, а Южного Азербайджана в состав Персии Каджаров на территории Азербайджана и Армении образовались 19 ханств (Алиев Ф.М., 1987, с. 129–139; Исмаилов Э., 1998, с. 26):

1 Авторы благодарят Э.Э. Исмаилова, И.Г. Рагимова и М.С. Шабанова за полезные обсуждения. Авторам также приятно поблагодарить П.Н. Петрова за работу над текстом статьи.

1. Бакинское
2. Гянджинское
3. Дербентское
4.Джавадское
5. Карабахское
6. Кубинское
7. Нахичеванское
8. Талышское
9. Шекинское
10. Шемахинское (Ширванское)
11. Ереванское
12. Ардебильское
13. Карадагское
14. Макинское
15. Марагинское
16. Сарабское
17. Тебризское
18. Урмийское
19. Хойское

Как более мелкие государственные образования возникли султанаты Арешское, Борчалинское, Елисуйское, Кабалинское, Казахское, Сальянское, Шамшаддильское и Джаро-Белоканские вольные общества. Можно еще указать, что в Нагорном Карабахе в составе Карабахского ханства продолжали существовать Варандинское, Хаченское, Гюлистанское, Дизакское и Джерабертское меликства, а в состав Шекинского ханства входил вассальный Куткашинский султанат.

Не все эти государственные образования имели свою собственную монету. До наших дней дошли монеты 8 ханств – Гянджинского, Ширванского, Шекинского, Карабахского, Кубинского, Дербендского, Нахичеванского и Бакинского. Специальные научные публикации посвящены чекану Гянджинского (Акопян А.В., 2009; 2011; 2015), Карабахского (Раджабли Али, 2008; Акопян А.В., Петров П.Н., 2014) и Кубинского ханств (Акопян А.В., Молчанов А.А., 2009; Akopyan A.V., Molchanov A.A., 2009).

Чекану Кавказских ханств в нумизматической литературе исследователями посвящалось и продолжает посвящаться не так много внимания. Например, Али Раджабли в известной книге «Нумизматика Азербайджана» посвятил нумизматике этих ханств 10 страниц, а интересующему нас Шекинскому ханству – менее половины страницы (Раджабли Али, 1997, с. 159-168). В его же статье «Монетное дело во второй половине XVIII – начале XIX века» Шекинскому ханству посвящено менее четверти страницы (Раджабли Али, 2009, с. 8), а в книге «Монеты Азербайджана» – 2 страницы (Раджабли Али, 2012, с. 257–258). Диссертационная работа Е.А. Синицыной «Денежное обращение Азербайджана (Гянджинского, Карабахского, Шемахинского, Шекинского, Бакинского, Дербентского и Кубинского ханств) во второй половине XVIII – первой четверти XIX в.» пока является единственным серьезным и системным исследо-

ванием по рассматриваемому вопросу[2] (Синицына Е.А., 1992). Непосредственно Шекинскому ханству в ней посвящено 23 страницы, но во многом упор сделан на разбор медной монеты (Синицына Е.А., 1992, с. 30–34, 69–78, 201–203, 208–211, 255-258). Так как анализ серебряной монеты Нухи в тексте не всегда поддается однозначной интерпретации, то мы предпочитаем здесь проводить независимые (подтвержадающие, или проверяющие, если угодно) расчеты.

Наша работа посвящена только серебряной чеканке последнего хана Шеки. По годам, читаемым на монетах, дошедших до нашего времени, эти выпуски осуществлялись всего три или четыре года. Каталог монет предваряется кратким историко–нумизматическим описанием, таким, каким он видится авторам.

2. Исторические вехи Шекинского ханства и об упразднении Шекинского ханства

Установим хронологические рамки правлений эмитентов Шекинского ханства по документальным данным, а также кратко рассмотрим вопрос о переходе власти в ханстве к российскому чиновничеству.

Конец-0. В рапорте Севастопольского пехотного полка поручика Шебашева генералу Ртищеву от 22 августа 1814 за № 199 сообщалось (Акты …, 1866–1904а, с. 553, документ 664], что «сего августа 22-го ген.-л. Джафар-Кули-хан Шекинский волею божиею помре»[3].

Итак, 18.09.1229 г.х. Джафар-Кули-хан Шекинский умер и тем самым закончился некоторый период в чекане Шекинской монеты.

1-начало. Уже 11 сентября 1814/08.10.1229 г. в инструкции ген. Ртищева ген.-м. Ахвердову за № 221 сообщается: «... то по просьбе самогоже Джафар-Кули-хана, всеподданнейше представленной Е. И. В. чрез предместника моего ген. Тормасова, благоугодно было Г.И., чтобы право наследства предоставить второму его сыну Измаил-паше, который и должен теперь принять управление народом Шекинского владения

2 Однако в последние годы стали появляться серьезные исследовательские работы А.В. Акопяна. Но работы этого автора здесь не упоминаются, поскольку его исследования по Шекинскому ханству нам неизвестны.

3 Так как на ханских монетах применяется исламское летоисчисление, то в дальнейшем в квадратных скобках всегда будет указана исламская дата для лучшей оринтации читателя. До 1918 года в Российской империи применялся юлианский календарь, поэтому и все даты в официальных документах даются по юлианскому календарю, что и учитывается при пересчете дат. При пересчете исламской даты мы, соответственно, берем юлианскую дату, которую записываем в круглых скобках. Месяцы мусульманского календаря всегда обозначены их номерами.

с правами хана» (Акты …, 1866–1904а, с. 554, документ 665). 10-го мая 1815/12.06.1230 г. вышел указ Государя Императора Правительствующему Сенату: «Приемля в уважение ходатайство командующаго в Грузии, ген. от-инф. Ртищева в пользу полк. Измаил-паши, всемилостивейше жалую его в ген.-майоры и утверждаю ханом Шекинского владения на место покойного отца его ген.-л. Джафар-Кули-хана, повелевая Правительствующему Сенату привести сие в исполнение» (Акты …, 1866–1904а, с. 560, документ 668). Таким образом, можно считать, что 08.10.1229 г.х, или 12.06.1230 г.х. начался новый (первый в рассматриваемое время) период в чекане Шекинской монеты.

Конец-1. 24-го июля 1819/13.10.1234 г. в рапорте майора 9-го Егерскаго полка фон-Дистерло 2-го ген.-л. Вельяминову за № 81 сообщается: «Сего числа, после восьмидневной болезни Исмаил-хан помре, по полудни в 4-м часу» (Акты …, 1866–1904б, с. 738, документ 1095). О смерти Исмаил-хана сообщается и в письме матери Исмаил-хана, старшего его брата Беюк-хана и Кичик аги к ген.-л. Вельяминову (Акты …, 1866–1904б, с. 738, документ 1096). Так 13.10.1234 г.х. закончился первый в рассматриваемое время период в чекане Шекинской монеты. В последующие периоды в истории Шекинского ханства местной монеты, видимо, не чеканилось.

2-начало. Через три дня 27-го июля 1819/16.10.1234 года в рапорте ген.-л. Вельяминова ген. Ермолову за № 110 высказаны предложения: «Ничто не может быть благоприятнее сего случая к уничтожению в Шекинском владении ханской власти и к принятию оного в непосредственную зависимость от Российскаго правительства. ..., дабы в Шекинском ханстве по примеру Бакинской и Кубинской провинций введено было Российское правление» (Акты …, 1866–1904б, с. 737, документ 1095). Еще через четыре дня 31-го июля 1819/20.10.1234 года в собственноручном предписании ген. Ермолова ген.-л. Вельяминову за № 1 уже дано указание: «На основании Высочайшаго трактата, за неимением после умершаго хана наследников, ввести в ханство Российское управление и впредь до точнаго постановления совершенно в том образе, как управляется Кубинская провинция. ... Отправить в ханство артиллерии ген.-м. Ахвердова и правителя Канцелярии, с. с. Могилевскаго, которым поручить привести в известность поступающие с ханства доходы, не изменяя образа их, ни количества не уменьшая. Впоследствии, в облегчение народа могут быть подати убавлены или образ взимания оных сделаться приличнейшим.– В откупных по ханству статьях, составляющих главнейший доход, сделать верный разсчет с принявшими их в содержание» (Акты …, 1866–1904б, с. 738, документ 1097). Письмо ген. Ермолова к гр. Нессельроде, от 2-го ав-

густа 1819 года: «Прошедшего июля 24-го дня ген.-м. Измаил-хан после 8-ми-дневной болезни умер. После него нет наследников и я дал приказание ввести в ханство Российское правление, подобное существующему в других обращенных из ханств провинциях. О чем честь имею просить в. с. доложить Е. И. В.» (Акты …, 1866–1904б, с. 739, документ 1098).

Итак, 31-го июля 1819/20.10.1234 года Шекинское ханство было упразднено. Однако первые два года до приведения финансовых дел в порядок управление ханством находилось в ведении местной администрации. Характер и время изменения финансово–юридического положения бывшего ханства легко прослеживается по опубликованным официальным документам. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова, от 13-го апреля 1820 года: «... для учреждения временнаго правления и приведения в ясность поступавших к хану доходов. Разсмотрели состоящие на хане долги, опрокинув требования беззаконные, чем поставили в возможность уплатить их доходами в нынешнем 1820 году, сохранив даже некоторые остатки оных. ..., обо всем подробно объясню министру финансов и в будущем 1821 году доходы с провинции поступят в полное его распоряжение» (Акты …, 1866–1904б, с. 764, документ 1137). Видимо, в Шеки центральное управление было введено не ранее марта, или даже в самом начале второй половины 1821 года после сбора податей и составления финансового отчета за первую половину года.

Их предписания ген.-л. Вельяминова майору Пономареву, от 3-го января 1819 года, № 1 следует, что налоги с населения, видимо, и все выплаты сводились в единый финансовый баланс два раза в год (Акты …, 1866–1904б, с. 733, документ 1090). Отношение д. т. с. Гурьева к ген. Ртищеву, от 24-го мая 1816 года: «8) Поелику сбор ханских доходов начинается с 10-го марта, ...» (Акты …, 1866–1904б, с. 719, документ 1074) имеет очень конкретный характер, но не опровергает и не доказывает сбор податей по полугодиям.

Письмо ген. Ермолова от 22-го января 1822/11.05.1237 года иллюстрирует возникновение некоторой проблемы с выплатами, скорее всего, именно за второе полугодие 1821 года. Соответственно, можно предположить, что изменился характер управления бывшим ханством и оно из местного управления было переведено в центральное управление именно по завершении финансового отчета за первое полугодие 1821 года. В любом случае, где-то в 1236 г.х. (скорее всего, во второй половине) закончился переходный период[4].

4 01.01.1237 г.х. соответствует 16.09.1821 по юлианскому календарю.

Следующий документ показывает, что на 08.01.1237 г.х. монетный двор в Нухе еще не был упразднен, перевод под центральное управление был уже осуществлен, но вопрос о регламентации сбора податей Центральной Экспедицией был поднят после начала сбора податей (10 марта), а был регламентирован и того позже (23 сентября).

Предписание ген.-л. Вельяминова Казенной Экспедиции, от 23-го сентября 1821 года, № 2880: «На все примечания сей Экспедиции, изложенные ею в ведомостях, препровожденных ко мне при ея представлении от 24-го марта, № 962, нахожу нужным дать следующие разрешения. ..., то Казенная Экспедиция и может в сем курсе продолжать взыскивать подать с народа впредь до разрешения министра финансов, насчет переделки здешним монетным двором на Российское серебро всех до сего времени поступивших в подать с Шекинской провинции ханских абазов и назначения оным по достоинству серебра цены; о чем я не премину сделать своего представления» (Акты ..., 1866–1904б, с. 767, документ 1142). Сам факт необходимости объяснения заставляет думать, что в первом полугодии 1821 года Казенная Экспедиция была далека от сбора податей и иных финансовых вопросов. Слово “продолжать” относится не к продолжению деятельности именно Казенной Экспедиции, а к продолжению сбора податей.

Наличие подделки монет этого времени также косвенно подтверждает производство и поступление в денежное обращение нового монетного материала.

Предписание ген. Ермолова ген.-м. кн. Эристову, от 14-го февраля 1822 года, № 11. – Секретно: «Жители Шекинской провинции претерпевают чувствительные убытки от обращения в провинции фальшивых ханских абазов, выпущенных во множестве по замечанию Алмалинцами. Желая на будущее время оградить собственность поселян и истребить таковое вредное злоупотребление, предлагаю в. с. при будущих действиях отряда, командованию вашему вверенного, обратить особенное внимание на Алмалинцев, не возможно-ли будет, окружа внезапно войсками дер. Алмалы, схватить и представить ко мне делателей фальшивых абазов» (Акты ..., 1866–1904б, с. 774, документ 1145). Надеяться на находку фальшивых абазов (обсуждаемого времени), видимо, не приходится, так как ясно, что такие абазы редко попадали в консервацию. Но возможно, что в архивах удастся найти материалы по разыскному делу фальшивомонетчиков и переписку министерства финансов по вопросу работы монетного двора в г. Нуха.

3. Монетное дело в правление Исмаил-хана

При рассмотрении денежного обращения Шекинского ханства интересны следующие три вопроса:

1. реальное соотношение (курс) денег Шекинского ханства по отношению к российским и иранским;

2. цены на различные товары;

3. объем денежного обращения и денежной эмиссии.

Мы вынуждены ограничиться рассмотрением первого вопроса с привлечением материалов по двум последним вопросам только в качестве вспомогательного материала. В официальных документах часто фигурируют одновременно Шекинские (Нухинские) деньги или даже рубли и российское серебро. Обычно документы составляются для современников, обладающих определенными оперативными знаниями, которые поэтому можно не повторять и не объяснять в документе, но которые по прошествии лет могут оказаться вытесненными в сферу узко специальных знаний. В итоге получается так, что не всю информацию о монетном деле и денежном обращении удается сразу правильно и однозначно интерпретировать. Так, о понятии «Шекинский рубль» («Нухинский рубль») авторы уже могут только догадываться. А для выяснения соотношения червонца, серебрянного рубля и рубля медью в рассматриваемые годы пришлось обращаться к специальной литературе, но и после этого получить исчерпывающую информацию не удалось. Сразу надо подчеркнуть, что курсы денег менялись во времени и несколько отличались в разных областях Российской империи, поэтому, обсуждая курсы денег, всегда надо учитывать дату и место для фиксации этого параметра по результатам изучения соответствующего документа. В сравнении стоимости денежных единиц есть три проблемы: сравнение Российских денежных единиц между собой, сравнение Шекинских денежных единиц между собой и сравнение Российских и Шекинских денежных единиц.

В статье же Али Раджабли курс разных местных монет по отношению к российской монете не рассматривается вовсе (Раджабли Али, 2009). Некоторые сведения мы можем почерпнуть из рапорта ген.-м. Ахвердова и с. с. Могилевскаго ген.-л. Вельяминову, от 30-го сентября 1819 года, № 72. – Нуха. Здесь идет речь о том, что «… Червонцы определить нельзя по причине частой перемены курса. Серебряный Российский рубль имеет в себе 13 старых Щекинских абазов (под названием чурук) или новых Измаил-ханских абазов 8 и 20 с медью. Сим последним цена также переменяется по курсу червонцев. Нынешний курс червонцев в г. Нухе следу-

ющий. Старых абазов на один червонец дают 38, каждый таковой абаз стоит 20 к за медные деньги. Новых абазовъ Исмаил-ханских на червонецъ дают 25 и 10 к медью. Каждый новый абаз стоит медью 30 к. Следовательно, в червонце медных денег 7 р 60 к.» (Акты …, 1866–1904б, с. 756, документ 1122).

Приведенная выписка является переопределенной – в ней говорится о пяти денежных единицах (червонце, рубле серебром, рубле медью, аббасе чекана Джафар-Кули-хана и аббасе чекана Исмаил-хана), а приводится семь сотношений. Следовательно, это сообщение противоречиво или самопроверяемо.

Выразим все денежные величины через медные копейки. Итак, на 22.12.1234/30.09.1819 год соотношение в Нухе пяти денежных единиц – червонца, рубля серебром, рубля медью, аббаса чекана Джафар-Кули-хана и аббаса чекана Исмаил-хана следующее. Аббас чекана Исмаил-хана приравнивается к 1.5 аббасам чекана Джафар-Кули-хана и к 30 копейкам медью. Червонец приравнивается к 7 рублям и 60 копейкам медью. Рубль серебром приравнивается к 20×13 старых Шекинских абасов = 2 руб. 60 коп. медью.

Причем остается возможность для проверки вычисленных коэффициентов пересчета (курсов): червонец приравнивается к 30×25 новых Шекинских абасов + 10 коп. медью = 7 руб. 60 коп медью. Рубль серебром приравнивается к 30×8 новых Шекинских абасов + 20 коп. медью = 2 руб. 60 коп. медью. Получено полное совпадение.

Проведем проверку через сравнение с соотношением червонца, серебряного рубля и рубля медью в рассматриваемые годы. Если из соотношения исключить медную монету, то получится, что червонец приравнивается к 7.60:2.60≈2.923 серебряным рублям. А каково же было соотношение согласно другим источникам?

«Последние червонцы были отчеканены при Павле и их курс тогда был 2 рубля 90 копеек серебром за 1 червонец» (Интернет ресурс, пост 2). Таким образом, независимый источник дает очень близкий коэффициент пересчета. Но не все так просто. Прошло около 20 лет, и за это время по Российской империи прошла самая кровопролитная и дорогая на то время война, многое изменилось с червонцем и медью. «С 1817 года все официальные расчеты в червонцах были запрещены правительственным указом. ... червонцы принимались казной уже только на вес – по курсовой цене заключенного в них чистого золота» (Рзаев В.П., 2010, с. 150). Следовательно, для правильной оценки стоимости червонца в 1819 году необходимо привлечение стоимости золота в серебряных рублях на тот момент.

Отношение барона Розена к гр. Чернышеву, от 13-го июня 1832 года, № 492 (Акты …, 1866–1904в, с. 494, документ 373): «Мустафа-хан имеет 3-х жен, несколько дочерей и 12 сыновей, из коих 3 женаты и имеют детей. Сверх того, при нем 4 значительных семейства беков из близких ему родственников, которые никогда с ним не разлучались. Присовокупив к оному и большую прислугу обоего пола, домашний быт Мустафа-хана составится более чем из 40 чел. собственного его с беками семейства и, по крайней мере, до 60-ти чел. прислуги обоего пола. ..., должно будет определить Мустафа-хану, по чрезвычайной на все в Тифлисе дороговизне, не менее 100 р. с. в день, т.е. для каждого из его семейства, в том числе и для самого хана, по 1 р. 50-ти к. в сутки, а для 60-ти чел. прислуги, на каждого по 3 абаза, или по 60-ти к. с., что все вместе составит в год 11,680 черв.»

Это позволяет оценить курс червонцев в более позднее время. Если считать, что в году ровно 365 дней и каждый день надо выдавать по 100 руб. серебром, то оказывается, что на 26.01.1248/13.06.1832 год 1 червонец равен 3.125 руб. серебром. Более точный подсчет дает, что каждый день надо выдавать по 40×1.5 + 60×0.6 = 60 + 36 = 96 руб. серебром, что дает курс – 1 червонец равен 3.00 руб. серебром.

Соотношение российской и шекинской монеты описано в рапорте достаточно четко и может трактоваться единственным образом. Однако другие документы могут служить подтверждением или ставить под сомнение полученное соотношение. В отношении министра финансов Гурьева к ген. Ртищеву, от 20-го мая 1812 года, № 5133 предлагается «… положить пошлину с каждого батмана по 1-му абазу или 20-ти к. с.» (Акты …, 1866–1904б, с. 335, документ 396). И хотя в тексте документа не говорится о каком городе – Тифлисе, Гяндже, или Нухе идет речь, но естественней всего предположить, что речь идет о Грузинском абазе (Рзаев В.П., 2010, с. 64; Семенов В.Е., 2010, с. 121; Герасимов А., 2010, с. 82; Чураков Д.О., 2012, с. 120). И уж совсем естественно предположить, что именно Грузинский абаз имеется в виду в цитированном выше отношении от 13-го июня 1832 года «…по 3 абаза, или по 60-ти к. с.».

Отношение д. т. с. Гурьева к ген. Ртищеву, от 24-го мая 1816 года: «Отданы в откуп ... 5) Монетный двор, называемый зараб-ханэ, на коем делают серебряную двугривенную монету и медную 10-ти-копеечную тамошних денег» (Акты …, 1866–1904б, с. 719, документ 1074) – касается Нухи и показывает, что в 09.07.1231 Нухинская монета приравнивалась к 20 копейкам серебра. Скорее всего, речь идет о новом Шекинском абазе. Получается, что 1 рубль серебром приравнивается к 5 новым абазам. Очень большой отрыв от ранее указанного курса в 8 новых абазов и

20 коп. медью. Впрочем, в документе, скорее, говорится не о сравнительном курсе серебряной монеты местного чекана, а о ее характере, поэтому такое вольное пояснение может быть и вполне уместным.

Следующий документ показывает изменение курса и позволяет оценить стоимость Шекинских денег. Предписание ген.-л. Вельяминова Казенной Экспедиции от 23-го сентября 1821 года № 2880: «Ахвердов и Могилевский в ведомостях своих нигде не назначили разнаго курса чуруков по откупным суммам и по подати с народа следующей. Напротив того, ими показан единообразный курс, существовавший в Нухе при деланном ими описании доходов, в 2 р. 60 к. чуруками за 1 р. Российскаго серебра. Курс-же в 2 р. 70 к. возвысился уже в 1820 году, при отдаче подполк. Вадарским в откупное содержание Нухинских оброчных статей. Впрочем, как цена 2 р. 60 к. чуруками за 1 р. с., по собственному расчислению Экспедиции, усматриваемому мною из представления ея, № 2064, признается для казны сходною, для того, что при испытании Горною Экспедициею Измаил-ханских абазов оказалось, что 2 р. 60 к чуруками составляют на Российскую монету 1 р. 42 к., то Казенная Экспедиция и может в сем курсе продолжать взыскивать подать с народа ...» (Акты …, 1866–1904б, с. 767, документ 1142).

Возникает вопрос: Что такое «2 р. 60 к чуруками»? Конечно, было бы важно ввести в научный оборот само представление № 2064 Горной Экспедиции, а пока ограничимся рассмотрением двух вариантов: 1. Это 2 руб. 60 коп. медью, т.е. 13 старых абаза; 2. Это 13 новых абаза. С 1798 года и по 1885 год серебрянный рубль весил 20.7300 г и имел пробу 868°. Следовательно, в эти годы серебрянный рубль содержал 868°×20.7300=17.99364 грамма серебра, а 1 руб. 42 коп. содержал 1.42×17.99364=25.5509688 грамма серебра.

Рассмотрим два варианта:

1. В этом случае оказывается, что в одном старом Шекинском аббасе содержится примерно 1.965 грамма серебра, а в одном новом Шекинском аббасе содержится примерно 2.9475 грамма серебра.

2. В этом случае оказывается, что в одном новом Шекинском аббасе содержится примерно 1.965 грамма серебра, а в одном старом Шекинском аббасе содержится примерно 1.31 грамма серебра.

Согласно многим источникам, можно считать, что нормативный вес абазов Джафар-Кули-хана не менее 2.00 грамм, поэтому их проба должна быть не выше 655°. Получилось значение, очень близкое к пробе 66° Кубинских абазов (Кузнецов О., 2014, с. 35), но, конечно, все это очень опосредованные вычисления, которые нуждаются в проверке из других

источников. В этом случае рыночный обмен российского рубля серебром на 13 старых абаза (Кузнецов О., 2014, с. 34), содержащих около 1.70 г серебра, показывает незначительную переоценку местной валюты, что хорошо вписывается в политику замещения местной монеты Российской (Акопян А.В., Петров П.Н., 2014, с. 36). Но здесь противоречие заключается в том, что под чуруком, видимо, должна пониматься старая монета, а не новая. Это противоречие можно сформулировать по-другому. Словосочетание «2 р. 60 к чуруками» сильно напоминает словосочетание «2 р. 60 к медью», а именно последнее есть эквивалент рубля серебром, т.е. 13 старых абазов. Возможно, что на каком-то этапе (испытаний в Горной Экспедиции, или этапе составления представления № 2064) произошла замена слова (или предмета) "старый" на "новый". Итак, для устранения существенных противоречий пока приходится принять предположение, что в Горной Экспедиции провели анализ 13 новых абазов, которые на каком-то этапе стали указывать как эквивалент 13 старых абазов.

Рассмотрим еще один документ: рапорт ген.-м. Ахвердова и с. с. Могилевскаго ген.-л. Вельяминову, от 20-го сентября 1819 года, № 64 – Нуха: «... 20 баранов, 4 тагары пшеницы и 200 р Щекинскими деньгами, составляющими на наше серебро около 80-ти р.» (Акты ..., 1866–1904б, с. 753, документ 1119). Здесь, видимо, имеется в виду, что 80 рублей серебром составляют «200 р Щекинскими деньгами». Это приводит к тому, что рубль серебром составляет 2.5 рубля Щекинскими деньгами. Полученный курс очень напоминает уже вычисленный ранее курс – «рубль серебром приравнивается к 2 р 60 к медью». Это позволяет предположить, что под 1 рублем Шекинскими деньгами понимаются 100 копеек медью, или 5 старых аббасов.

Теперь самое время перейти к рассмотрению соотношения старого и нового Шекинского аббаса. Прежде всего отметим, что старый аббас, рожденный из недр денежной системы Надир-шаха, видимо, равнялся 200 динарам, или 4 шахи (Раджабли Али, 2012, с. 158). Тогда согласно полученному ранее соотношению новый Шекинский аббас должен приравниваться к 6 шахи, т.е. быть именно той монетой, которую называют шешшахи (Раджабли Али, 2012, с. 158). В работе (Синицына Е.А., 1992, с. 27 (табл. I), 33, 75, 78, 102, 138) дается другая модель – не серебряное и металлическое содержание аббасов постепенно уменьшалось, а постепенно переходили к чекану меньших номиналов. "В нумизматической литературе существуют разногласия по поводу номинала шекинских (нухинских) серебряных монет. Часть авторов считает, что они были достоинством в 1 абаз, а другая часть 1/2 аббаси" (Рзаев В.П., 2010, с. 121).

Видимо, разобраться в истинности той или иной модели можно, только вовлекая в научный оборот большое количество распределенного по всем годам монетного материала. Мы предпочитаем в рамках данной статьи говорить об *аббаси*, так как это ближе к слову *абаз* из цитируемых нами документов. В объяснении к упомянутой таблице I («Шекинское ханство: вес 2 шахи (половины аббаси) 1.07-1.93, вес 3 шахи 2.32-3.02») говорится о периоде «последней четверти XVIII – первой четверти XIX в.», поэтому такие усредненные данные плохо использовать для описания изменений в монетном чекане при переходе от 1220-х к 1230-ым гг.х.

К сожалению, здесь возникают нестыковки курса новых аббасов с их весом, согласно имеющимся на настоящий момент экземплярам. Из 24 описываемых ниже экземпляров для 23 известен их вес. Две не пробитые монеты имеют вес 2.2 и 2.14 г соответственно. Остальные (21 монета) пробиты, поэтому их реальный вес можно считать меньше регламентированного. Самая тяжелая из этих монет имеет вес 2.21 г. Если исключить из расчетов две самые легкие монеты в 1.39 и 1.52 г соответственно, то из оставшейся 21 монеты самая легкая имеет вес 1.83 г, а их средний вес равен 2.094 г. Это близко к 2.05 из (Album St., 2011, № 2952, 2955). Однако с учетом того, что у (Album St., 2011) неправильно указаны даты правления Джафар-Кули-хана и Исмаил-хана, и отмечается ошибка в предыдушем издании описания монет этих ханов, не очень ясно, насколько указанное значение веса является документально подтвержденным. В Краузе конец правления Джафар-Кули-хана указывается как 1230 г.х. (Krause Ch.L., Mischler C., 2012, c. 100), хотя в действительности – в 1229 г.х., но фулус чекана 1233 г.х. и аббас чекана 1231 г.х. приписываются почему-то именно ему. Кроме того, имеется дополнительная погрешность – фото аббасов Джафар-Кули-хана и Исмаил-хана не соответствует действительности. Поэтому эти два уважаемых издания в рассматриваемом вопросе требуют критического подхода к предоставляемой информации.

Средний вес 7 монет 1231 г.х. равен 2.119, средний вес 7 монет 1232 г.х. равен 2.107 и средний вес 7 монет с неопределенной датой 123х г.х. равен 2.056. Таким образом, довольно трудно говорить о изменении веса по времени чекана, скорее, очевидна потеря веса у плохо сохранившихся монет. Представляется вероятным, что нормативный вес монет чекана Исмаил-хана примерно равен 2.20 г. С учетом ранее вычисленного в них количества серебра в 1.965 грамма получается прогнозируемая проба 893°. Следовательно, стоимость абазов Исмаил-хана может в полтора раза превосходить стоимость абазов Джафар-Кули-хана только за счет

более высокой пробы. То есть, по сути Исмаил-хан провел денежную реформу, как минимум, в сфере серебряного монетного дела и монетного обращения.

Ранее мы вычислили количество серебра в старых и новых абазах и если в наше время (каким-нибудь неразрушающим монеты методом) определить их пробу, то можно вычислить нормативный вес старых и новых абазов.

4. Характеристика монет Исмаил-хана

Все известные монеты Шекинского ханства являются анонимными, т.е. не несут имени эмитента. Однако на них отражено место чекана – *Нуха* (синоним *Шеки*) и обычно год, что несколько упрощает их атрибуцию.

Можно дать следующее общее описание монет рассматриваемого периода.

Л.с. В линейном круговом картуше – в верхней части поля размещено изображение короны, а в нижней – год выпуска.

О.с. В поле линейного кругового картуша указано место выпуска – *Нуха*, под которым слово *бито [в]*. Последняя буква L слова Ljy служит еще и разделителем поля монеты на две части – верхнюю и нижнюю.

Под это общее описание подходят и все монеты Джафар-Кули-хана (чекана 1222–1228 г.х.), поэтому укажем общие отличительные признаки.

Л.с.:

1. *Год.* На монетах Исмаил-хана могут стоят только годы 1229 – 1234 гг.х. В настоящее время известны выпуски только с годами 1231 и 1232 гг. На монетах Джафар-Кули-хана могут стоят только годы 1221 – 1229 гг. По нашему мнению, монеты с годами 1229, 1230 и 1233 гг.х. требуют дополнительного изучения.

2. *Корона*. На монетах Исмаил-хана приводится изображение имперской короны (округлые концы в верху короны). На монетах Джафар-Кули-хана – изображение городской короны (прямые концы в верху короны). Отметим, что для медных монет указанный признак не является характеристическим: имеются монеты 1222, 1224 и 1228 г.х. с имперской короной и 1226 г.х. с городской короной (Z/5286).

3. *Поле вокруг цифр года*. На монетах Исмаил-хана цифры года разделяются между собой и от кругового ободка группами из 3 или 4 точек, находящихся в основном в нижней части цифр. На монетах Джафар-Кули-хана год не связан ни с какими орнаментальными рисунками.

4. Окружение короны. На монетах Исмаил-хана справа и слева от короны имеется ветвь (кипариса?), на одном варианте – группа из 5-ти точек. На монетах Джафар-Кули-хана справа и слева от короны до ободка – пустое поле.

О.с.:

5. Картуш. На монетах Исмаил-хана центральный ободок – «процветший». Часто вне лепестков около их концов встречаются группы из 3-ех точек. На монетах Джафар-Кули-хана вокруг центрального ободка помещено кольцо, часто в этом кольце около 0, 3, 6 и 9 часов имеются точки, изредка группы из 3 или 4 точек. Имеется монета с двумя разными группами точек (которые чередуются на 1.5 часа).

Видимо, имеется и характеристика 7 – проба монеты. Однако эта характеристика является трудно доказуемой как с точки зрения строгого доказательства различия проб аббасов чекана Исмаил-хана и Джафар-Кули-хана, так и с точки зрения определения пробы проблемной монеты. Видимо, полуторакратное превышение стоимости нового абаза по отношению к старом абазу проявляется в трех элементах: уже упомянутой высокой пробе, некотором превышении веса и некотором увеличении диаметра. Во всяком случае, у авторов нет примеров монет чекана 1223-1228 г.х. с весом ≥2.15 г. До нас дошла информация о продаже монет из клада в 2011–2013 годах в Баку. Клад монет был крупным, а монеты – прекрасной сохранности (с коронами). Но этих монет мы не видели.

5. *Корпус монет Исмаил-хана*

Рассматриваются 24 монеты, из которых 20 монет публикуются впервые. Несомненно, что в частных и музейных коллекциях имеется неизмеримо большее число монет чекана Исмаил-хана. Если кто-нибудь с помощью приведенных материалов установит принадлежность некоторых новых монет к чекану Исмаил-хана и решит опубликовать известную ему новую информацию, то мы будем только рады, что наша публикация способствовала введению в научный оборот дополнительного монетного материала.

Прежде всего, отметим, что поскольку среди описываемых монет нет экземпляров чекана 1229 и 1230 гг.х., то проблема идентификации монет «переходного» периода здесь не возникает. Однако для монет чекана 1229 г.х. из собрания Эрмитажа такая проблема требует детального обсуждения.

Также отметим, что в настоящее время неизвестны монеты чекана 1234–1237 г.х., хотя, как отмечалось выше, на 08.01.1237 г.х. монетный

двор в Нухе не был упразднен и, тем самым, возможно, в указанные годы монетный двор чеканил монету, хотя, видимо, в очень ограниченном объеме и не ясно, какого типа. Нумерация монет в приведенном ниже перечне соответствует нумерации монет в фототаблице и на рисунках.

1. 1231 г.х.; Ag=2.01, d=24; (Mayer Tobias, …, 2005, №1397).
2. 1231 г.х.; Ag=2.2, d=?; Частн. коллекция (И. Рагимов, Баку).
3. 1231 г.х.; Ag=2.03, d=24-25.5; Частн. коллекция.
4. 1231 г.х.; Ag=2.09, d=25.5-26; Частн. коллекция.
5. 1231 г.х.; Ag=2.18, d=24-25; Частн. коллекция.
6. 1231 г.х.; Ag=2.18, d=24-25; Частн. коллекция.
7. 1231 г.х.; Ag=2.14, d=? ;
8. 1231 г.х.; Ag=? , d=? ; Z/133145.
9. 1232 г.х.; Ag=2.14, d=24-26; Частн. коллекция.
10. 1232 г.х.; Ag=2.13, d=24-26; Частн. коллекция.
11. 1232 г.х.; Ag=1.83, d=27; Частн. коллекция.
12. 1232 г.х.; Ag=2.21, d=26-27; Частн. коллекция.
13. 1232 г.х.; Ag=2.14, d=22.5x25.5; Частн. коллекция.
14. 1232 г.х.; Ag=1.39, d=25-27; Частн. коллекция.
15. 1232 г.х.; Ag=2.17, d=22-24; Частн. коллекция.
16. 1232 г.х.; Ag=1.52, d=? ;
17. 1232 г.х.; Ag=2.13, d=26; Частн. коллекция (Mustafa Shabanov. Collection № BL-250)

№ 17-2

№17

18. 123X г.х.; Ag=2.12, d=23-23.5; Частн. коллекция.

№18

19. 123X г.х.; Ag=2.10, d=24.5; Частн. коллекция.
20. 123X г.х.; Ag=1.95, d=26-27; Частн. коллекция.
21. 123X г.х.; Ag=1.87, d=27; Частн. коллекция.
22. 123X г.х.; Ag=2.16, d=25-26; Частн. коллекция.
23. 123X г.х.; Ag=2.03, d=25.5-26; Частн. коллекция.
24. 123X г.х.; Ag=2.16, d=25; Частн. коллекция. (г. Москва).

Приведенные 24 монеты естественным образом разбиваются на пять групп.

Первая группа состоит из единственной опубликованной монеты (№1). Большой интерес представляют также монеты чекана 1229 и 1230 г.х. (Mayer Tobias, …, 2005, № 1395 и 1396 соответственно). Они требуют отдельного рассмотрения и сравнения с монетами из собрания Эрмитажа.

Вторую группу составляют 2 полные монеты (номера 2 и 7). Монета с номером 7 была найдена в 2012 году на равнине рядом с комплексом Чухур – Габала (Азербайджанская Республика) и не связана ни с какими сопутствующими находками.

Третью группу составляют две неполные монеты (номера 8 и 16).

Четвертая группа состоит из монеты с номером 17. Она была осмотрена в Гяндже в июне 2016 года. Вместе с ней была другая пробитая монета Нухи 1217 г.х. Установить связь этих двух монет с монетами последней группы пока не представляется возможным.

Пятую группу составляют оставшиеся 18 пробитых монет, входивших в найденный в октябре 2012 клад, который, однако, не имеет ничего общего с упомянутым выше кладом монет большого размера и прекрасной сохранности. Установить полный размер клада, включавшего эти 18 пробитых монет, не удалось. Но известно, что в него входили еще 46 монет: 7 Шекинского ханства (6 без короны и 1 с м.д. *Шеки*); 19 Гянджи;

17 Шемахи; и 3 Панахабада. Из этих 46 монет 44 были пробиты, а 2 со следами напайки. Последнее, видимо, означает, что монеты эти использовались в качестве украшения. Из вычисленных в комплексе 64 монет – самая старшая помечена годом 1184 г.х. (Гянджа). Отсутствие монет Нухи 1222 – 1228 г.х., видимо, связано с их изъятием из находки до того, как нам удалось ее осмотреть. Можно допустить и то, что создатель украшения сознательно избегал использования монет Джафар-Кули-хана.

Представляется высоковероятным, что л.с. монет 17 и 22 одноштемпельные.

6. Монеты Исмаил-хана в собрании Государственного Эрмитажа

В диссертации Синицыной приводятся известные на тот момент монеты чекана Нухи из собраний историко–краеведческих музеев Азербайджана и Государственного Эрмитажа (Синицына Е.А., 1992, с. 201–203, 255–258). Все описанные в диссертации серебряные монеты чекана Нухи (49 экземпляров) оказались из собрания ГЭ. В типологии серебряных монет Нухи монеты с короной относятся к типу III. Хотя принципы создания подтипов и не обсуждаются, но, видимо, монеты с городской короной относятся к подтипам I и IV, монеты с имперской короной относятся к подтипам III, VI и VII. В июле 2016 года в экспозиции Эрмитажа была выставлена монета – ниже идет под номером 24. Эта монета пробита. Удивительно, что в экспозиции эта монета отнесена ко времени правления Джафар-Кули-хана. Догадаться о характере короны на монетах подтипов II и V затруднительно. Скорее всего, в этих вариантах корона может быть как городской, так и имперской, или у некоторых монет, отнесенных к этим подтипам, год чекана прочитан неверно. Но здесь текст диссертации противоречив: в описании подтипа V (Синицына Е.А., 1992, с. 203) указывается дата 1229 г.х., а в таблице подтип V присвоен только монетам с датами 1225, 1233 и 12XX (Синицына Е.А., 1992, с. 257–258), а монеты с датой 1229 г.х. распределены только по подтипам II и VI (Синицына Е.А., 1992, с. 256, 258).

Опубликованные в диссертации материалы не совсем согласуются с наблюдениями и выводами авторов. Для примера можно указать, что монета №823 (№19 ниже) в заключительной таблице относится к подтипу VI, но определена как монета чекана 1227 г.х. При описании подтипа III говорится о монете чекана 1222 г.х. (видимо, №809 по диссертации, №9 ниже) и указывается фото 29 (Синицына Е.А., 1992, с. 202). Однако легко проверить, что монета на фото 29 несет год 1231 г.х. Как мы уже отметили, описание подтипа V противоречит данным последующей таблицы. Таким

Фототаблица 1

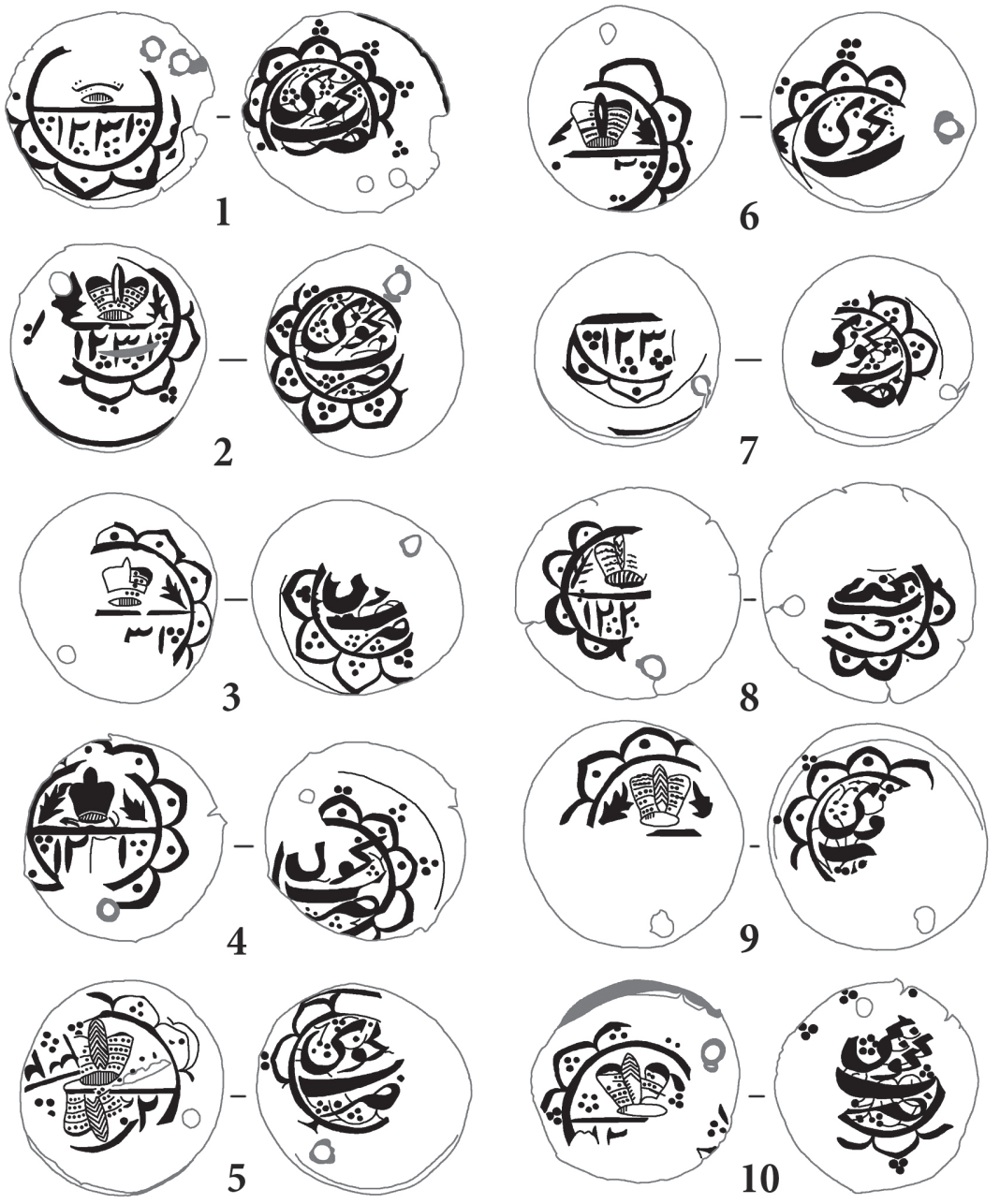


Рис. 1

Фототаблица 2

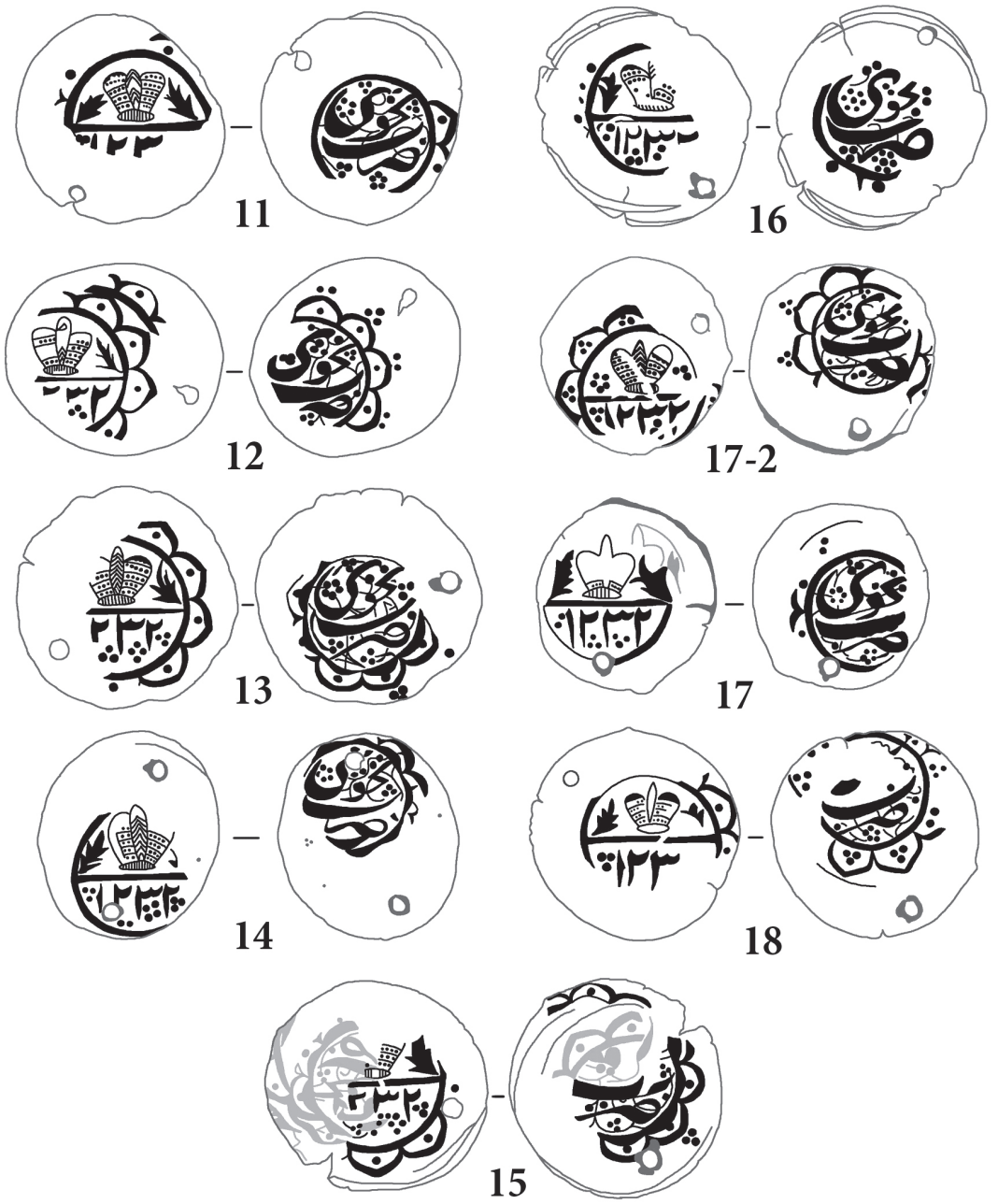


Рис. 2

образом, то противоречие с нашими наблюдениями, которое можно проверить в рамках содержания самой диссертации, показывает на наличие в диссертации, как минимум, описок. В связи с отмеченными ошибками и неточностями, замеченными в тексте диссертации: данные диссертации Е.А. Синицыной не использовать в основном тексте статьи; привести лишь конкретные данные из диссертации по монетам, которые, возможно, относятся к рассматриваемому периоду (по датам и подтипам выделено 29 монет). Совместить расчеты ранее описанных 24 монет с данными подходящих монет из собрания ГЭ после проверки выделенных 29 монет (нумерация буквенная).

А. 1229 г.х.; Ag=2.01, d=21; ГЭ №58220. Тип (III, II).
Б. 122Х г.х.; Ag=1.97, d=21.5; ГЭ №52558. Тип (III, II).
В. 1230 г.х.; Ag=2.02, d=20; ГЭ №36833. Тип (III, II).
Г. 1230 г.х.; Ag=1.81, d=21; ГЭ №52760. Тип (III, II).
Д. 1230 г.х.; Ag=1.97, d=24.5; ГЭ №52761. Тип (III, II).
Е. 1230 г.х.; Ag=1.88, d=21; ГЭ №58217. Тип (III, II).
Ё. 123Х г.х.; Ag=1.98, d=23; ГЭ №58257. Тип (III, II).
Ж. Стерта; Ag=1.87, d=22.5; ГЭ №52757. Тип (III, II).
З. 1222(31) г.х.; Ag=2.15, d=23; ГЭ №36818. Тип (III, III).
И. 1225 г.х.; Ag=2.08, d=22; ГЭ №58203. Тип (III, V).
Й. 1233 г.х.; Ag=2.13, d=21; ГЭ №58195. Тип (III, V).
К. 1233 г.х.; Ag=1.45, d=22; ГЭ №36840. Тип (III, V).
Л. 1233 г.х.; Ag=2.10, d=21; ГЭ №36841. Тип (III, V).
М. 1233 г.х.; Ag=1.88, d=24; ГЭ №36842. Тип (III, V).
Н. 1233 г.х.; Ag=1.30, d=21; ГЭ №36843. Тип (III, V).
О. Стерта; Ag=2.13, d=25; ГЭ №36844. Тип (III, V).
П. 1229 г.х.; Ag=2.07, d=20; ГЭ №36830. Тип (III, VI).
Р. 122Х г.х.; Ag=2.00, d=21.5; ГЭ №52759. Тип (III, VI).
С. 1227 г.х.; Ag=1.93, d=17; ГЭ №36825. Тип (III, VI).
Т. 1231 г.х.; Ag=2.14, d=27; ГЭ №58232. Тип (III, VI).
У. 1231 г.х.; Ag=1.07, d=20; ГЭ №58235. Тип (III, VI).
Ф. 1231 г.х.; Ag=2.20, d=26; ГЭ №36834. Тип (III, VI).
Х. 1231 г.х.; Ag=2.14, d=26; ГЭ №36835. Тип (III, VI).
Ц. 1231 г.х.; Ag=2.05, d=24; ГЭ №36836. Тип (III, VI).
Ч. 1231 г.х.; Ag=1.57, d=28; ГЭ №36837. Тип (III, VI).
Ш. 1231 г.х.; Ag=2.06, d=26; ГЭ №36838. Тип (III, VI).
Щ. 1232 г.х.; Ag=2.16, d=24; ГЭ №36839. Тип (III, VI).
Э. Стерта; Ag=1.22, d=22; ГЭ №53342. Тип (III, VI).
Ю. 1232 г.х.; Ag=2.12, d=27; ГЭ №58233. Тип (III, VII).

В первую очередь интересно было бы проверить монету №С, которая при весе, близком к нормальному, имеет минимальный диаметр. Монеты № А – Ж показывают, что в первый год правления Исмаил-хана серебряные монеты чеканились по промежуточному типу и, возможно, по старой весовой норме, т.е. их, возможно, надо понимать как «старые абазы». Последнее предположение, видимо, можно проверить только определением их пробы, но согласно публикации коллекции монет Йены (Mayer Tobias, …, 2005) корона на них имперская. Так как авторы никогда не видели монет чекана 1233 г.х. и это единственная известная им публикация монет этого года, то чтение года следовало бы перепроверить.

В заключение отметим, что было бы важно ввести в научный оборот монеты Азербайджанских ханств из собраний музеев Москвы, Тбилиси, Еревана и пополнений собраний музеев Азербайджанской Республики и Государственного Эрмитажа.

Литература

Акопян А.В. Типология монетного чекана Гянджи в 1172–1217 гг.х. Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Ростов-на-Дону, 20-25 апреля 2009. М. 2009. С. 84–87.

Акопян А.В., Молчанов А.А. Монетный чекан Кубинского ханства конца XVIII – начала XIX в. Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Ростов-на-Дону, 20-25 апреля 2009. М. 2009. С. 83–84.

Акопян А.В. Серебряный чекан Гянджинского ханства (1747–1814). Эпиграфика Востока. Том 29. 2011. С. 29–38; http://transcaucasica.com/uploads/pdf/akopan_7.pdf

Акопян А.В., Петров П.Н. Этапы монетного обращения и денежная политика в Карабахском ханстве (1747–1822 гг) в связи с российским влиянием // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2014 года. Москва, 24-25 ноября 2014 года. М. 2014. С. 33-37.

Акопян А.В. Метрология и номиналы серебряных монет Гянджинского ханства. Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 20-25 апреля 2015. М. 2015. С. 84–87.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: Том V. / Под редакцией А.П. Берже. Тифлис: тип. Главного Управления Наместника Кавказского. 1866–1904а. Интернет ресурс: http://www.runivers.ru/lib/book3029/

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: Том VI. Часть первая. / Под редакцией А.П. Берже. Тифлис: тип. Главного Управления Наместника Кавказского. 1866–1904б. Интернет ресурс: http://www.runivers.ru/lib/book3029/

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: Том VIII. / Под ре-

дакцией А.П. Берже. Тифлис: тип. Главного Управления Наместника Кавказского. 1866–1904в. Интернет ресурс: http://www.runivers.ru/lib/book3029/
Алиев Ф.М. Азербайджан в XVIII в. // Историческая география Азербайджана. Баку: из-во «Элм». 1987. С. 129–139.
Герасимов А. Монеты, на которых «ничего российского не было». Золотой червонец. Ноябрь. 13/2010. С. 78–83.
Интернет ресурс: http://www.bonistika.net/forum/viewtopic.php? t=27425
Тема «Соотношение ассигнационного и серебряного рубля в 1819 году».
Исмаилов Э. Правители Азербайджана. Хронологические и родословные таблицы. Баку: из-во «Ай-Улдуз». 1998. 74 с.
Кузнецов О. Накануне Гюлистанского мира. Ханства Северного Азербайджана в начале XIX века. Irs-ИЗ ПРОШЛОГО. 2(68)/2014. С. 32–38.
Раджабли Али. Нумизматика Азербайджана (Очерки истории монетного дела и денежного обращения Азербайджана). Баку: из-во «Элм ве Хаят». 1997. 232 с.
Раджабли Али. Монеты Азербайджана. Баку: «XalqBank». 2012. 358 с.
Раджабли Али. Монетное дело во второй половине XVIII – начале XIX века. (чеканка монет и денежное обращение в азербайджанских ханствах) Irs-НУМИЗМАТИКА. 3 (39)/2009. С. 4–9.
Раджабли Али. Монетное дело Карабахского ханства. Irs-НАСЛЕДИЕ. 5(35)/2008. С. 12–13.
Рзаев В.П. Загадки Российской нумизматики. том 1. Москва. Хобби Пресс. 2010. 312 с.
Семенов В.Е. Монетное дело Российской империи. Санкт-Петербург. Конрос-Информ. 2010. 184 с.
Синицына Е.А. Денежное обращение Азербайджана (Гянджинского, Карабахского, Шемахинского, Шекинского, Бакинского, Дербентского и Кубинского ханств) во второй половине XVIII - первой четверти XIX в. Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Баку. 1992. 260 с.
Чураков Д.О. История Российских окраин в нумизматике. Москва. Хобби Пресс. 2012. 264 с.
Akopyan A.V., Molchanov A.A. New data on the coinage of the Quba Khanate. Journal of the Oriental Numismatic Society. № 199. Spring 2009. P. 17–18.
Album St. Checklist of Islamic Coins. Third Edition. Santa Rosa. 2011. 324 p.
Krause Ch.L., Mischler C. Standart Catalog of World Coins. 1801–1900. 7th Edition. Iola (WI), Krause. 2012. 1296 p.
Mayer Tobias, Heidemann Stefan, Rispling Gert. Sylloge der Münzen des Kaukasus und Osteuropas im Orientalischen Münzkabinett Jena. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 2005.

И.Л. Измайлов

СООТНОШЕНИЕ ИСЛАМА И ЯЗЫЧЕСТВА В УЛУСЕ ДЖУЧИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ

Улус Джучи (или Золотая Орда) по праву занимает особое место в средневековой истории Северной Евразии, в значительной мере определив ее исторические судьбы. Изучение ислама в Улусе Джучи прошло значительный путь. Собран и изучен огромный материал, предложены различные подходы к теме, что, таким образом, создает основу для дальнейшего комплексного изучения данной темы, ее расширения и развития. Недостаточно разработанным остается, тем не менее, вопрос о характере религиозности населения Улуса Джучи, внутренней организации жизни мусульманской общины. Больше известно о ритуальной погребальной практике на основе археологических материалов. Однако и они исследованы неравномерно: довольно хорошо изучены и опубликованы материалы из Булгарии, в меньшей степени из Нижнего Поволжья и Крыма. Все это затрудняет получение цельной, объемной картины религиозной жизни населения Золотой Орды как в городах и поселениях, так и в кочевой степи. Неслучайно вопросы религиозности и соотношения канона и традиционного ритуала остаются весьма дискуссионными и служат источником искаженных представлений о степени исламизированности населения Улуса Джучи. Видимо, только дальнейшие исследования ментальности «молчаливого большинства» населения Улуса Джучи на основе комплекса источников позволят приблизиться к решению этих сложных проблем.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, ислам, язычество, историография Улуса Джучи, суфизм, нумизматика, археологические памятники, могильник, имперская культура.

Улус Джучи (или Золотая Орда) по праву занимает особое место в средневековой истории Северной Евразии, в значительной мере определив ее исторические судьбы (Федоров-Давыдов, 1973, С. 171; Кадырбаев, 1998) и выработав общее историко-культурное наследие, с которым многие народы современности связывают свое прошлое (Кульпин, 1995; Кадырбаев, 2003; Кадырбаев, 2009). Особенностью становления и развития Улуса Джучи как средневековой империи было то, что она, являясь объединенным силой оружия конгломератом различных обществ, имевших свои культурно-исторические традиции, стала центром кристаллизации татарского этноса и выработала свои цивилизационные особенности (Исхаков, Измайлов, 2001; Исхаков, Измайлов, 2007). В немалой степени причина именно такого развития заключалась в том, что хотя в Золотой Орде сосуществовали, взаимодействовали и развивались центрально-азиатские и местные социокультурные и этнополитические традиции, но общим цивилизационным фоном для этих процессов был ислам, интегрирующий их основные элементы в единую общность. В период Улуса Джучи ислам впервые в истории Восточной Европы и Средней Азии перешагнул государственные и региональные рамки, став религией евразийской тюркской империи. Именно поэтому проблема становления и развития ислама и его культуры в Улусе Джучи многоаспектна, сложна и требует рассмотрения в контексте политики и культуры.

Как известно, в первой половине XIII в. после нескольких десятилетий войн многие страны и народы Северной Евразии были завоеваны войсками Джучидов. Хотя монголы достаточно лояльно относились к религиям завоеванных народов, господство ислама в ряде регионов Евразии и его официальный государственный статус были сломаны. Но и другие мировые религии не получили государственного статуса. Монгольская империя, управляя десятками стран и народов с мозаичной системой религий и верований, не сделала ставку на одной из них. Наступил период временной имперской веротерпимости, когда лояльность власти стала более значимой, нежели принадлежность к той или иной религии. Некоторая равноудаленность власти от всех религий на определенном этапе истории создавала иллюзию внерелигиозности, провоцируя своеобразный языческий ренессанс и борьбу различных религий за души и помыслы монгольских властителей. Ислам также стал одной из многих религий Улуса Джучи (Золотой Орды). Но подобная ситуация не была стабильной. Для периода средневековья это скорее редкое исключение, нежели правило. Единая имперская власть должна была опираться на единую религиозную систему, которая, если и не требовала полного пе-

рехода населения в свою сферу, то становилась таковой для государства и его институтов. Средневековая система государства и власти в этом смысле не имеет исключений. «Коридор возможностей» в этом смысле находился между двумя полюсами – мягкой системы имперской религии в виде легизма и лояльных, адаптированных к ней конфуцианства и буддизма в китайских империях, до полного подавления и искоренения других религий в Испании начала XVI-XVII в.

В Улусе Джучи основой для складывания имперской надэтничной золотоордынской культуры стал симбиоз различных элементов, в основе которых лежали имперские традиции, сложившиеся в империи Чингизхана (подробнее о них см.: Трепавлов, 1993). Однако ислам продолжал существовать и развиваться в Поволжье и Хорезме. Постепенно, по мере роста городов в Нижнем Поволжье и становления городской цивилизации исламская культура начинает доминировать. Все больше представителей тюрко-монгольской знати, начинающей называть себя новым этнонимом «татар», переходит в ислам. Исламской ориентации ханов Улуса Джучи способствовал также военно-политический союз с Египтом, где правили мусульмане тюрки-мамлюки – выходцы из Дашт-и Кыпчака.

Уже в 50-е гг. XIII в. ислам принимает хан Берке, а вслед за ним его окружение. Ислам, будучи одной из многих религий империи, становится одним из столпов власти. Эти позиции мусульмане сохраняли всю вторую половину XIII в., хотя это было шаткое равновесие с другими религиями, последователи которых также имели последователей среди властной элиты (см.: Петров, Ускенбай, 2010, с.10-54). Перелом наступает в 1314 г., когда к власти приходит хан Узбек при поддержке мусульманизированной столичной и кочевой аристократии. Нельзя исключить того факта, что это был в определенной степени случайный и вынужденный союз. Но здесь закономерность явственно пробила себе дорогу через случайность. С этого момента исламская линия становится определяющей в политическом и культурном развитии Улуса Джучи. В определенном смысле, делая поправку на средневековую эпоху, можно сказать, что ислам стал государственной религией империи Джучидов. Именно так эту ситуацию помнили и закрепили в соответствующих идеологемах и своем историописании потомки и наследники власти хана Узбека. Средневековое татарское государство, таким образом, становилось центром ислама на севере, недаром арабские дипломаты уважительно называли ханов из рода Джучи (сына Чингизхана), правящих в Золотой Орде «мечом ислама в северных землях».

Тема распространения ислама в Улусе Джучи уже более двух столетий привлекает внимание исследователей, и литература, посвященная

ей, достаточно обширна. Поэтому есть смысл остановиться только на самых важных и ключевых трудах, трактовки которых повлияли на развитие представлений о соотношении ислама и других религий в этом средневековом государстве.

Одним из первых к этой теме обратился автор первой обобщающей работы по истории Золотой Орды И. Хаммер-Пургшталль (*Hammer-Purgstall*, 1840), который, констатировав распространение ислама в государстве Джучидов, однако не дал четкой картины появления и развития в нем ислама, сосредоточив внимание на политической истории.

Более обстоятельную попытку представить ислам в контексте внутренней структуры золотоордынского общества предпринял известный казанский востоковед и историк И.Н. Березин. Однако вследствие представлений о государстве Джучидов как аморфной кочевой стихии, только слегка задетой государственными структурами и оседлой цивилизацией, он и ислам представлял как достаточно чуждое для кочевого населения явление. Сама же характеристика ислама у него свелась к описанию различных категорий духовенства, выявленных при изучении ордынских ярлыков (Березин, 1864).

Серьезным шагом в изучении истории Золотой Орды стала публикация подборки арабских источников (Тизенгаузен, 1884). Впервые историки получили фактически полный свод источников, освещающих события, связанные с историей Улуса Джучи, что создало основу для дальнейших исследований. Практически все последующие труды основывались на этом своде известий восточных авторов.

В последующем этот подход стал углубляться, развивая комплексный подход к теме. Из работ этого направления следует отметить небольшую книгу казанского востоковеда Г.С. Саблукова, в котором он, развивая идеи И.Н. Березина, представил более полную и целостную картину истории Улуса Джучи. Уделив особое внимание распространению ислама, он впервые попытался осветить эту проблему с привлечением всего комплекса источников, включая письменные и археологические (Саблуков, 1895). Так, анализируя захоронения близ золотоордынского города Укек, он отметил, что наряду с мусульманскими погребениями здесь встречены и языческие, что свидетельствует о сложном характере проникновения ислама в среду кочевников (Саблуков, 1882, С. 332).

Несколько особняком от этих тенденций развития российской историографии стояла татарская историческая мысль, которая, опираясь на собственную историческую традицию, начиная с трудов Ш. Марждани (Марджани, 1884, С.40-58; Марджани, 1989; Марджани, 1999), не только

отмечала исламский характер Золотой Орды, но и подчеркивала непрерывность существования мусульманской цивилизации в Поволжье. По мнению татарских историков (Р. Фахретдин, Г. Ахмаров, Г. Баттал, Г. Исхаки), в ее истории период Улуса Джучи играл во многом ключевую роль, определив ислам как государственную религию и основу культуры средневековых татар (Фахретдин, 1996; Ахмаров, 1998; Баттал, 1996; Исхаки, 1991). Одновременно все они подчеркивали веротерпимость и уважение к разным верам в Золотой Орде. Например, Г. Исхаки утверждал: «Первым из ханов Золотой Орды принял ислам Берке-хан в 1261 году, но широкое распространение ислама среди населения произошло только в первой половине XIV века. Необходимо отметить, что все религии в Золотой Орде пользовались одинаковой свободой. По законам Чингизхана за оскорбление религии полагалась смертная казнь. Духовенство каждой религии было освобождено от уплаты налогов» (Исхаки, 1991, с.17).

В русле этого направления следует отметить труды выдающегося татарского историка Г. Губайдуллина, где были удачно соединена российская академическая и татарская традиции (Губайдуллин, 1925, с. 75-111; Газиз, 1994). На основе глубокого изучения литературы и источников Г. Губайдуллин сделал несколько важных выводов по истории ислама в Золотой Орде. Подчеркнув значительное влияние мусульманской культуры на татар, он отметил, что выбор ислама был обусловлен геополитическим расположением Улуса Джучи в контактной зоне между двумя цивилизациями – христианской и мусульманской, что потребовало сделать политический выбор одной из вер, а также рядом политических обстоятельств, в том числе противоборством с Хулагуидами и союзническими обязательствами с Египтом. Особо подчеркивал он и свободу вероисповедания в Улусе Джучи (Газиз, 1994, с. 71-73).

Весьма интересны замечания о культуре Золотой Орды Ф.В. Баллода, который, опираясь на результаты археологических раскопок ряда нижневолжских городов, включая Сарай, Сарай ал-Джадид и Укек, сделал вывод о высоком развитии городской жизни восточного типа, созданной трудами «наиболее интеллигентных элементов народов Азии и Европы» (Баллод, 1924, с. 349).

Значительный вклад в становление научного осмысления истории ислама в Золотой Орде и шире, Северной Евразии, внес В.В. Бартольд. Его труды, только частично касающиеся истории ислама в Золотой Орде, заставили смотреть на эту тему в контексте распространения ислама в других монгольских государствах (Бартольд, 1965; Бартольд, 1966). При этом он в специальном труде «Культура мусульманства» отмечал, что по-

сле кратковременного спада, вызванного монгольскими завоеваниями, в странах ислама наступил период подъема культуры, одним из показателей которого стало развитие восточной тюркской литературы (Бартольд, 1966, с. 185-198). Важным фактором, фокусировавшим интерес именно к средневековой истории, а именно эпохе Монгольской империи и ее наследников, включая Золотую Орду и государства Тимуридов, являлся тот факт, что именно в этой эпохе находились истоки современных тюркских наций Советского Союза, которые требовали изучения и «национализации» в рамках своих историй (Тольц, 2013, С.239-295).

В целом его труды завершали большой период истории исторической науки, когда был собран свод письменных источников и изложены основные события политической истории Золотой Орды и ее институтов. Сделать следующий шаг можно было, только подвергнув источники комплексному изучению, сравнив их и сопоставив.

В русле этого направления разрабатывал историю и культуру Золотой Орды А.Ю. Якубовский. В первом варианте этой работы, хотя ее тональность была более взвешенной и научной, история ислама почти не затрагивалась, а история Улуса Джучи рассматривалась как восточная держава без детализации ее религиозной принадлежности (Греков, Якубовский, 1937). В новом обобщающем труде, опирающемся в том числе и на археологические материалы, автор уже уделил особое место причинам распространения ислама в Улусе Джучи. Он подробно рассмотрел сведения источников о различных верованиях монголов и причинах исламизации, главной из которых он считал развитие городской жизни, а также торговые и политические связи с мусульманскими странами, особенно Египтом (Греков, Якубовский, 1950, с. 166-168). Вместе с тем, автор подчеркивал, что «в самой гуще кочевников-трудящихся... ислам не имел успеха» и его распространение при Узбек-хане «не выходило за пределы городской жизни и феодальной верхушки степи» (Греков, Якубовский, 1950, С.165, 168).

В другой важной работе по истории Золотой Орды М.Г. Сафаргалиев остановился на проблемах ислама, главным образом, в плане политической и дипломатической истории Улуса Джучи (Сафаргалиев, 1960), оставив вопросы распространения ислама и его влияния на золотоордынскую культуру вне рамок своей работы.

Этими основными трудами был подведен своеобразный итог изучения истории Золотой Орды, ее культуры и религии. Все эти работы в той или иной мере следовали общей тенденции, характерной для науки того времени, выражавшейся в признании кочевого характера золотоордын-

ского государства и хронической слабости и аморфности его институтов, в том числе и религиозных. Хотя база письменных источников была довольно полной, но у исследователей не было уверенности в том, что восточные, русские и латинские сочинения в полной мере отражают реалии внутренней жизни населения Золотой Орды. При этом русские историки, имея перед глазами реалии общественной и религиозной жизни современных им казахов, экстраполировали их на период средневековья и считали, что позиции ислама, возможно, были сильны в городах, но в степи были распространены некие синкретичные культы, едва прикрытые поверхностно воспринятым исламом.

Другой причиной такого скепсиса в отношении распространения ислама в Золотой Орде являлись общее слабое развитие средневековой археологии Поволжья, когда археологические памятники исследовались несистемно, а материалы их не обобщались. Но даже при наличии материальных объектов, таких как, например, коллекции Государственного Эрмитажа, они рассматривались как своеобразные раритеты, свидетельства «паразитирования» элиты Золотой Орды, ее отрыва от всего населения Восточной Европы.

Даже раскопки Болгарского городища, являвшегося ярким свидетельством развитой золотоордынской культуры, были приписаны булгарской культуре и почти три десятилетия рассматривались в отрыве от других объектов золотоордынской культуры, даже несмотря на их очевидную связь. Идеологические установки являлись фильтром к полноценному изучению и обобщению археологического материала.

Основой внеисторического знания для советских историков служили труды «классиков марксизма-ленинизма» и партийные документы, трактовавшие те или иные события и явления истории. В советской историографии тезис о слабом распространении ислама в народной среде имел обоснование в системе взглядов экономического детерминизма, постулировавшего неспособность масс овладеть нормами религии, которая была присуща лишь феодальной элите. Кроме того, общая антирелигиозная тенденция советской историографии оборачивалась в исторических исследованиях стремлением принизить роль мировых религий и их вклад в культуру народов.

Особая негативная позиция сложилась в имперской и советской России относительно ислама в целом и Золотой Орды, в частности, по разным причинам, но с одной целью – принизить культурную роль религии, доказать ее реакционность, начиная с периода средневековья, а с другой – показать отсталость стран мусульманского мира, спящих под властью консер-

вативного духовенства и паразитической кочевой знати. В СССР подобная тенденция резко усилилась после постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. и последующего постановления Татарского обкома от 10 октября 1944 г., развивающего и детализирующего идеологические репрессии в отношении истории и культуры Золотой Орды (см.: Измайлов, 1996, с. 96-101). Позднее эти положения были углублены и развиты в других постановлениях Татарского обком ВКП(б) (сентябрь 1948 и январь 1952 г., посвященных учебникам татарской литературы, а фактически вводившим запрет на изучение средневековой татарской литературы (см.: Пискарев, Султанбеков, 1997, с. 81-85; Галлямова, 2015, с. 327-335). Тем самым антиисламская идеологическая тенденция слилась с антинациональной политикой советского государства, стремящегося вычеркнуть период Золотой Орды из истории татарского народа, навязав ему других предков.

Находясь в таких идеологических тисках, историки, кто по принуждению, кто вынужденно, а кто и убежденно полагали, что ислам в Золотой Орде хотя и был распространен, но в основном в среде городской знати, а кочевое население придерживалось традиционных языческих верований. Наслаиваясь на общую негативную оценку Золотой Орды, этот вывод, основанный на пристрастном использовании ограниченного круга источников и общих идеологических установок советской теории, хотя и сопровождался некоторыми оговорками о значительном влиянии мусульманской в основе своей культуры городов Орды, стал определяющим для большинства последующих работ по истории и культуре Улуса Джучи.

Значительный шаг вперед по изучению культуры и истории Золотой Орды был сделан в трудах Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1973; Федоров-Давыдов, 1976; Федоров-Давыдов, 1994). Работы его и его коллег и учеников стали этапными. С одной стороны, они опирались на огромный археологический материал, полученный в ходе трех десятилетий интенсивных исследований золотоордынских городов Нижнего Поволжья, а с другой – обобщали все известные материалы, проводя комплексные исследования различных категорий предметов материальной культуры и объектов археологии. Итоговые труды, созданные на основе предыдущих исследований, заставили по-новому взглянуть на культуру городов и степи Дашт-и Кыпчака, показав высокий уровень их развития и активное распространение ислама. Выяснилось, что по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего в Поволжье, здесь пышно распускается новая урбанистическая восточная средневековая культура, основой которой был ислам. Одновременно была внесена ясность в вопрос о распространении ислама среди кочевого населения степи. Было доказано,

что во второй половине XIV – начале XV вв. языческий обряд погребения на всей территории Улуса Джучи заменяется на мусульманский (Федоров-Давыдов, 1966, С.248).

Отличительной чертой этих и ряда других отечественных работ являлось повышенное внимание к археологическим материалам, а также письменным источникам, в основном незолотоордынского происхождения. Этот прорыв в исследованиях следовало бы приветствовать, если бы не довольно часто анализ данных археологии не подменял комплексный характер изучения, а ученые, работавшие в разных отраслях гуманитарной науки (археология, востоковедение, источниковедение), не действовали разобщенно, а иногда и в полном противоречии друг с другом. Археологические данные в некоторых трудах приобрели самодавлеющий характер, в ущерб комплексному анализу всех материалов и без связи с нарративными источниками. Часто просто игнорировался обширный пласт средневековых золотоордынских сочинений (как исторических и художественных, так и научно-богословскихй), актовых материалов и эпиграфики с территории Золотой Орды. Это, наряду с существовавшими идеологическими запретами, не позволило исследователям указанного направления в полной мере осветить роль и место исламской культуры в Улусе Джучи. Многие археологические явления стали трактоваться, создавая однобокую и во многом искаженную картину религиозной жизни в Улусе Джучи.

Проблему распространения ислама в Золотой Орде специально изучал М.А. Усманов, выделив три этапа распространения ислама: от первоначального знакомства с ним монгольской верхушки во второй половине XIII в., до официального принятия ислама при Узбеке (1312-1342 гг.) и полной исламизации населения Улуса Джучи в конце XIV в. (Усманов, 1985, с. 177-185). Одновременно он, изучив по ярлыкам Джучиева улуса состав духовенства и его иерархию, высказал мнение о широком распространении ислама и его институтов, проникших во все сферы жизни страны (Усманов, 1979; Усманов, 1982).

После падения идеологических запретов на изучение истории Золотой Орды и ее культуры, включая религиозную жизнь, по экспоненте возрастал интерес к этим темам. В целом изучались отдельные проблемы взаимодействия культур и проникновения ислама в литературу и «высокую культуру» (Миннегулов, 1993; Нуриева, 1999), а также становление исламских традиций в тюрко-татарской культуре в период Золотой Орды (Давлетшин, 1999; Давлетшин, 2004). Комплексный анализ эпиграфики показал, что в период Золотой Орды на некрополях Болгар-

ского улуса появляется традиция устанавливать каменные надгробия с мусульманскими эпитафиями, что свидетельствует о сохранении ведущей роли ислама в среде элиты этого региона в XIII-XIV вв. (Мухаметшин, 2008). Одновременно эти исследования однозначно показывают, что проникновение ислама в разные слои населения было сложным и неравномерным. Но не подлежит сомнению факт, что в целом культура Золотой Орды была мусульманской, а значительная часть населения, по крайней мере, с конца XIV в. была исламизирована.

На фоне успехов археологии, которая расширила круг источников и резко нарастила объем публикаций, именно эти данные стали основой для новых обобщающих трудов. Вместе с тем появились новые проблемы, а также обострились прежние. Предметом и нервом основных дискуссий остаются те же вопросы о распространении ислама и широте охвата им всего населения Улуса Джучи, о роли и месте мусульманства в жизни золотоордынского общества.

Вслед за проведением широкомасштабных археологических раскопок на некрополях золотоордынского периода закономерно возник вопрос о классификации различных способов захоронения и возможностей их исторической интерпретации.

Одним из основных спорных вопросов стало стремление ряда археологов искусственно делить население Золотой Орды на городское и кочевое на основании обряда некрополей – грунтовых и курганных. Курганный обряд приписывался кочевникам, следовавшим традиционному поминально-погребальному обряду, а грунтовые – соответственно, городскому мусульманскому населению (Ракушин, 1998, с. 8). Пытаясь доказать широкое распространение язычества в Улусе Джучи, некоторые археологи указывают на значительное количество подкурганных инвентарных погребений как в степи, так и близ золотоордынских городов.

Против такой трактовки прямо протестует археологический материал, поскольку в округе крупных золотоордынских городов встречены как курганные, так и грунтовые погребения, что не позволяет провести грань между якобы городским мусульманским и кочевым языческим населением (см.: Недашковский, 2010, с. 31-83, 102-118, 137-154). Очевидно, что не было четкой границы между городским и кочевым, а также между мусульманским и языческим населением. Курганные некрополи, как и грунтовые могильники, зафиксированы как в округе городов, так и степных регионах. Четкой пространственной границы между ними не было. Различия между этими типами обрядов находились в социальном пространстве и, скорее всего, касались социального статуса умершего

и его сородичей в условиях постоянного расширения круга приверженцев ислама. При этом наличие вещей, одежды и даже вооружения в погребениях не может служить явным критерием отнесения погребения к мусульманскому или языческому погребально-поминальному обряду. Важен, видимо, весь обряд в целом.

В первой половине XIV в. в Улусе Джучи складывалась достаточно сложная идеологическая ситуация: ислам из рядовой, одной из нескольких конкурирующих, стал государственной религией. Мусульманство начало охватывать значительную часть населения страны, однако на первых порах формальное увеличение числа верующих отнюдь не привело к одномоментному глубокому проникновению ислама в общественное сознание и повсеместному установлению нового вероучения и шариатской правовой и обрядовой практики.

Парадокс заключался в том, что раньше небольшие и компактные мусульманские общины (особенно в регионах, где ислам не был распространен в домонгольское время), имевшие устоявшиеся традиции, могли требовать более строгого следования обрядам и канонам веры, поскольку состояли из большой, но локальной группы населения. Но после приобретения исламом официального статуса поток прозелитов не мог не сделать эти нормы более гибкими и лабильными. Это неудивительно. В условиях отсутствия единой богословской и законоведческой школы, при расширении круга проповедников и улемов различия в трактовке различных сторон погребальной практики не могли не появиться. В разных общинах традиционные обряды в разной степени адаптировались к требованиям ислама.

Постепенно ситуация медленно, но сдвигалась в сторону некоей универсализации. Яркой чертой подобного развития духовной культуры населения Улуса Джучи стало, с одной стороны, появление значительного количества сочинений законоведов и богословов (многие дошли до нас в упоминаниях и пересказах), разрабатывавших сложные теологические и вероучительные проблемы и сюжеты, а с другой – усилился поток новообращенных язычников из самых разных этнических и социальных групп, далеких от этих проблем. Неофиты из среды кыпчаков явно привнесли в золотоордынский ислам веру в силу магических обрядов, чародейство, многочисленных демонов, действующих в мире, и традиционные способы охранения от них и т.д.

Этот сложный период взаимодействия ислама с традиционными верованиями ярко иллюстрируют курганные могильники, располагавшиеся, в том числе, в окрестностях нижневолжских городов, где наряду с

грунтовыми мусульманскими могильниками изучены многочисленные курганные захоронения, часто с костями или остовом коня и вещами (Федоров-Давыдов, 1966, с. 150 и сл.). Однако наиболее интересными представляются подкурганные погребения, в которых умершие положены в соответствии с кыблой, а могильная яма выложена сырцовой кладкой (типа среднеазиатской полуподземной усыпальницы – саганы), часто без вещей (Федоров-Давыдов, 1966, с. 161 и сл.). Интересно, что подобные захоронения выявлены не только близ крупных городов, но и степном Заволжье (Например, см.: Кригер, 1984. с. 106, рис.1, 1-2, 3, 5-6). Вообще подобные погребения составляют незначительный процент от всех курганных погребений в Поволжье (не учитывая городских грунтовых некрополей) – до 5% (в склепах или в склепах под курганами), однако, если учитывать, что значительный процент умерших погребен в простых ямах, более 30% погребений относится к числу безинвентарных, а в 12-20% соблюден обряд кыблы (см.: Гарустович и др., 1998, с. 262-267, 292-297, табл. VII, XII, XVI), то станет ясно, что влияние ислама на кочевое население уже в конце XIII – начале XIV вв. было довольно значительным (Гарустович и др., 1998, с. 272, 276-277).

И это не удивительно, поскольку во второй половине XIII – начале XIV вв. происходило становление не только ислама как государственной религии, но и выбор конкретной вероучительной практики и законоведческих канонов, а также выработка соотношения местных традиций и мусульманского права. Судя по всему, в Улусе Джучи был воспринят суннизм в его ханифитском толке из Средней Азии. При этом, вопреки весьма расхожему мнению (Фахрутдинов, 2001, с. 131), исламские традиции из Булгарии, существовавшие в более ортодоксальной и милленаристской форме, чем в Хорезме и Мавераннахре, не оказали определяющего влияния на вероисповедание и ритуальную практику Золотой Орды, а позднее оказались размыты и нивелированы новыми традициями. Ханафитский мазхаб, а также в определенной степени, видимо, распространенный в золотоордынских городах, близкий к нему шафиитский, лояльно относившиеся к некоторым традициям и допускавшие в ряде случаев сохранение доисламских обычаев, идеально подходили для общества, находящегося в стадии внедрения ислама.

Выяснилось, что значительная часть погребенных, особенно на городских некрополях, совершена по обряду, который можно трактовать как мусульманский. Обряд этот оказался не идентичным в различных регионах, а иногда его детали варьировались даже в одном некрополе. Перед археологами встал вопрос о соответствии его некоему «мусуль-

манскому стандарту». Были сделаны попытки выявить некий «мусульманский погребальный канон» на основе археологических материалов, которому якобы должны были следовать мусульмане Поволжья (Яблонский, 1980; Яблонский, 1987, с. 124-142; Кутуков, 1999. с. 227-241; Яворская, 1999, с. 242-270). Подобная методика не привела к устранению проблем, а только их усугубила. Для могильников города Болгара, который был центром региона, где ислам был распространен с X в. и с этого времени был выработан свой канон и единая структура поминально-погребальной обрядности (см.: Измайлов, 2008, с. 4-41; Измайлов, 2009, с. 5-12), это имело смысл, хотя и с существенными оговорками. Но как он коррелирует с джаназой в других регионах Поволжья?

Думается, что для остальной части Улуса Джучи применить этот канон можно лишь с весьма существенными оговорками. Обрядовая практика, используемая в Булгарии, не играла существенной роли в распространении ислама в Золотой Орде, поскольку ислам в Улусе Джучи распространился не через бывшую Булгарию, а благодаря проповедникам из Средней Азии, где были свои особенности джаназы. При этом следует учесть тот факт, что археологические материалы отражают не сам канон поминально-погребальной обрядности, а попытки его выработать, процесс его становления. Для мусульманского мира никогда не было строгих и унифицированных, раз и навсегда установленных правил совершения джаназы (кроме самых общих установок, например, ориентировка на кыблу). Для большинства регионов обряды и ритуалы джаназы – это не состояние, а процесс. Местные школы богословия, о которых мы, к сожалению, мало знаем, могли трактовать те или иные местные традиционные обряды вполне лояльно, считая их если не поощряемыми, то и не запретными. В каждом регионе джаназа имела свои особенности и была связана как с обстоятельствами принятия и распространения ислама, так и с особенностями трактовки джаназы и местной школой богословия и законоведения (Измайлов, 2002, с. 60-69; Измайлов, 2008, с. 4-41).

Справедливости ради следует сказать, что этот процесс постепенно шел в сторону некоей унификации и закрепления, но не имел всеобщего значения и устанавливался для каждого мазхаба и каждого региона самостоятельно, а движение это было отнюдь не однонаправленным и синхронным. При этом следует учесть, что каноны, которые вырабатывались богословами, на практике могли иметь варианты исполнения и трактоваться как рекомендуемые. Только лишь на основе неких законоведческих правил середины XIX в. из Бухары трактовать погребальный обряд поволжских могильников XIV в. представляется неисторичным и неверным.

Иными словами, для понимания особенностей золотоордынского канона джаназы следует сначала изучить его особенности и варианты, сопоставить их с погребальными обычаями мусульман Поволжья, Средней Азии и Крыма, а только затем наметить контуры этого канона. Априорно «назначенный» канон не будет иметь никакого гносеологического значения, а только будет путать археологов, стремящихся трактовать мифические «отклонения» от ими же выдуманного «канона», как свидетельство «языческих пережитков» обряда того или иного могильника или некоего «двоеверия» (См.: Гарустович, 2014, с. 109-110).

Не обсуждая нелепый и внеисторический термин «двоеверие», который категорически не применим к периоду средневековья, следует сказать, что есть попытки трактовать особенности религиозной жизни Улуса Джучи как не совсем мусульманские.

Наметилась даже тенденция возврата к прежней точке зрения о поздней и довольно поверхностной исламизации населения Улуса Джучи. Так, считая, что ислам проникает в среду степного тюркского населения довольно поздно, В.П. Юдин поспешил сконструировать особую золотоордынскую «веру» – некий «чингисизм»: «новый генеалогический комплекс, изложенный в терминах родоплеменного осмысления возникновения и сложения структуры человечества, стал базой формирования воззрений на происхождение всего человечества и вселенной. Он был дополнен традиционными элементами тюрко-монгольского шаманизма, которые стали как бы верхним этажом и пристройками здания новой веры. Тем самым, был создан космогонический миф, т.е. сформировались иллюзорное мировоззрение и идеология. Так родилась новая религия» (Юдин, 1992, с. 16-21). Вряд ли сейчас столь однозначно можно считать «чингисизм» религией, хотя бы потому, что сам автор пишет, что она была также «мировоззрением, идеологией, философией, санкцией общественного строя и социальных институтов, политической и правовой системой, культурологической доктриной, основой просвещения, средством регуляции поведения в семье и обществе», а далее открывает еще целый спектр квазирелигий – «огузизм», «идегеизм» (Юдин, 1992, с. 19, 55-56). Основанием подобной неверной трактовки послужило в немалой степени общее представление об обществе и государстве Джучидов как о «степной империи» или «кочевом объединении», которые не могли якобы иметь развитых форм историографии и идеологии. Представляется, однако, что под термином «чингисизм» следует подразумевать особую парадигму монгольской и татарской (золотоордынской) политической идеологии (Измайлов, 2002а, с. 244-262).

Подобная концепция была развита в недавно вышедшей работе по истории государств евразийских степей. Автор раздела о Золотой Орде Т.И. Султанов заявляет, что «в государстве потомков Джучи не было... единой культуры, религии», а ислам окончательно утверждается в степях Дашт-и Кыпчака только после русского завоевания (Кляшторный, Султанов, 2000, с. 220-227). Странно, что автор, игнорируя многочисленные сведения восточных, русских и западноевропейских источников, а также собственно золотоордынские государственные акты (например, ярлыки, которые носят ярко выраженный мусульманский характер) и археологические данные, акцентирует внимание на отдельных указаниях о традиционных верованиях и пережитках. В то время как доказано, что они играли в системе мировоззрения населения Золотой Орды, по сравнению с исламом, явно меньшую и подчиненную роль. Как показывает изучение традиционных верований тюркских народов (Басилов, 1992; Султангареева, 1998), они не представляли какой-либо целостной системы, а в виде отдельных вкраплений встраивались в мусульманское мировоззрение, занимая в ментальном пространстве пограничное положение между приемлемым и осуждаемым.

Близки к этим представлениям заблуждения ряда отечественных историков о суфизме как «мусульманизированном язычестве». Совершенно неоправданным представляется мысль, которая довольно часто встречается в трудах исследователей о том, что «мистически настроенные суфийские шейхи и дервиши нередко осознанно включали в комплекс своего вероучения религиозно-бытовые традиции кочевников..., поэтому ислам, проповедуемый ими, был более жизнеспособен в кочевой степи». А специфика исламизации Улуса Джучи видится им в том, что «среднеазиатский суфизм, придавая многим традиционным тюрко-монгольским верованиям мусульманскую форму, вовлекал в процесс исламизации все новые и новые племена...» (Малов и др., 1998, с. 118). Нет никаких оснований считать, что традиции народного ислама укоренялись благодаря тому, что суфизм придавал мусульманскую форму тюрко-монгольским верованиям. Напротив, думается, что именно суфии стремились к распространению именно ортодоксального ислама (судить об этом можно хотя бы по трудам ал-Газали, Йасави и других теоретиков суфизма) в той форме, как они ее понимали. Поэтому ничто не указывает на то, что именно суфии подменяли суть мусульманской веры и ее ритуалов некими «тюрко-монгольскими верованиями».

Однако даже для такого яркого явления народной религиозной практики, как шаманизм, часто трактуемого как «языческий» пережиток,

при определении его функционирования у тюркских народов Средней Азии и Казахстана потребовалось объяснение, что оно «приняло мусульманизированный облик» (Басилов, 1992, с. 3). Это показывает, что авторы, склонные преуменьшать степень исламизации населения Золотой Орды, смешивают разные понятия – наличие в народной культуре пласта представлений, так сказать, амусульманского, не мусульманского, но отнюдь не антимусульманского характера, воспринятых как вместе с исламом (элементы греческой духовности и религиозная практика, например, суфийских тарикатов), так и восходящих к тюркским традиционным верованиям, с одной стороны, и язычество, как систему, противостоящую исламу (чего на деле никогда не было, поскольку тюрко-монгольское язычество в течение веков эволюционировало и хранило наслоения и влияния разных периодов) – с другой. Поэтому ислам, как универсальная и интегрирующая вера, без особого труда включал и культурно ассимилировал традиционные верования, если только они явно не противоречили его нормам. При этом происходило не «оязычивание» ислама, а напротив, «омусульманивание» традиционных верований и культовой практики.

Вообще сравнивать некоторые аспекты религиозной практики суфизма с примитивным шаманством неверно ни теоретически, ни фактически. Как справедливо писал по этому поводу знаток шаманизма В.Н. Басилов: «Несмотря на внешнее сходство отдельных приемов, способствовавших достижению экстаза, имеется огромная разница в мировоззрении, в идеологии, которая определяла содержание экстатических переживаний и в силу этого особенности экстатического поведения» (Басилов, 1992, с. 294). Народный ислам и его специфические верования требуют специального изучения на предмет действительных традиций или новшеств, которые пришли вместе с исламом и, хотя и не приветствовались, но и не осуждались им. Причины достаточно быстрого распространения ислама среди татарского населения и глубокого проникновения его в ментальные структуры, как аристократии, так и простого народа, думается, лежат не в удобной для тюрко-монгольских верований «мусульманской форме», а в значительном административном нажиме и, очевидно, ощущении борьбы за веру, сплачивавшей народ.

Суфизм, будучи одним из ключевых и действенных механизмов этой конверсии, был многолик и включал различные тенденции общественной мысли. Однако общей чертой суфийских тарикатов на раннем этапе их развития были ортодоксия и практика воинствующей непримиримости в делах веры. Судя по философским и литературным произведениям, сохранившимся от эпохи Золотой Орды, они была насыщены суфийскими

мотивами, а выраженный в них этический и социальный идеал был достаточно высок и требовал большого самоотречения и решительного внутреннего обновления (Амирханов, 2001; Галиахметова, 2007). Достаточно последовательно в них звучал мотив реальной, в том числе и вооруженной борьбы за идеалы веры против язычников и вероотступников. Неудивительно, что в среде суфиев Улуса Джучи получили распространение культы святых и легенды о воителях за веру. Среди наиболее почитаемых, кроме общемусульманских воинствующих святых, таких как Али и Искандер Зу-л-Карнайн, в Улусе Джучи получили распространение свои местные святые, такие, например, как Наджм ад-Дин ал-Кубр и другие. При этом их последователи образовывали влиятельные тарикаты и религиозные братства. Такой, например, Сайф ад-Дин Ибн Асаба, который был наставником братства Кубравиййа и встречался со знаменитым проповедником и путешественником Ибн-Баттутой в Ургенче (Ибрагимов, 1988, с. 73-74).

Вероятно, не все сторонники суфийских тарикатов прямо участвовали в вооруженной борьбе за веру, но, во-первых, таких было, очевидно, немало, поскольку сведения о них сохранились в различных источниках, в том числе и фольклорного характера (см.: Катанов, 1903, с. 133-146), а, во-вторых, видимо, все они вели проповедь решительного отвержения неверия и воинствующего его неприятия. Надо полагать, существовала и особая литература, прославляющая не только внутреннее, бестелесное противоборство, но и вооруженную борьбу «мира веры» с «миром иблиса», недаром именно в XIV в. был записан дастан «Кисекбаш китабы», переосмысливающий характерный сюжет тюркского фольклора в идеалах вооруженной борьбе за идеалы веры (Ахметгалеева, 1979). Таким образом, суфийские братства и их идеология сыграли значительную роль в институционализации ислама в Улусе Джучи, в обретении веры в ортодоксальной суннитской форме, причем среди суфийских тарикатов существовало влиятельное крыло, активно проповедовавшее вооруженную «священную» войну за веру. При этом, разумеется, среди населения Улуса Джучи продолжали сохраняться различные традиционные верования, но они находились на периферии общественного сознания и не играли сколько-нибудь значительной роли в менталитете общества и его ритуальной практике.

Особого внимания заслуживает специальная работа саратовских историков и археологов о религиях в Золотой Орде, где особый раздел посвящен исламу (Малов и др., 1998, с. 94-125). Автор раздела А.И. Ракушин, обобщив большой исторический материал, представил цельный очерк, сосредоточив внимание на ключевых моментах: предпосылках распро-

странения ислама, выделяя внешнеполитические аспекты (союз с Египтом), политической истории ислама в Золотой Орде, на роли суфийских тарикатов в обращении в ислам населения Улуса Джучи и становлении этноконфессиональной общности. В принципе, изложение истории ислама и выводы исследователя не вызывают возражений, кроме двух основных – недооценка роли и значения оседлых областей и городской культуры, что ведет к отрицанию консолидации золотоордынского населения и становления татарской этнополитической общности (Малов и др., 1998, с. 23-37; критику см.: Исхаков, Измайлов, 2001, с. 5-11, 89-98; Исхаков, Измайлов, 2008, с. 185-200), а также в повторении традиционного, как было показано выше, для отечественной историографии тезиса о неполной и частичной исламизации населения Улуса Джучи (Малов и др., 1998, с. 118-120). При этом автор в явном противоречии с этим своим тезисом утверждает, что в нем «появляется вполне определенная этноконфессиональная общность» и происходит ее «этнизация» (Малов и др., 1998, с. 121). Подобная непоследовательность и нелогичность при учете забвения авторами данных археологии и целого пласта «высокой» мусульманской культуры (письменная литература, ярлыки, эпиграфика) заставляют с большим сомнением относиться к авторской оценке ислама и его роли в становлении золотоордынской культуры и средневекового татарского этноса.

Другим проявлением данной тенденции, хотя и в несколько ином аспекте является преувеличенное внимание к «языческим» мотивам в ряде исторических произведений («Чингиз-наме») и эпосе об Идегее в работе американского ориенталиста Д. ДеВиза, посвященной исламизации Золотой Орды (DeWeese, 1994). Следует оговориться, что автор не отрицает мусульманского характера Золотой Орды и подчеркивает важную роль ислама в интеграции населения Орды в единую этноконфессиональную общность (DeWeese, 1994, с. 516-532). Однако главной целью его работы было выяснить черты и мифологемы «народного ислама», а также показать, как новая религия взаимодействовала с эпической традицией и доисламскими верованиями. Автор собрал и проанализировал большой материал, однако выбранное направление работы и подобранные для анализа источники предопределили выводы автора, которые однозначно свидетельствуют, что проникновение ислама в среду тюркского населения было сложным и исламские святые, проникая в эпос, приобретали черты эпических героев. Но это, в первую очередь, свидетельствует о переработке эпоса в мусульманском духе, попытках перестроить систему традиционного мировоззрения, но никак не наоборот. Привлечение же для анализа более широкого круга источников, на-

пример, литературных памятников этой эпохи, ярлыков и археологических находок (таких, как граффити, надписи на монетах и т.д.), доказало бы, что ислам в Улусе Джучи носил более развитый и сложный характер, сделало бы его выводы менее односторонними, что и было справедливо указано ему критиками (Schamiloglu, 2002; Шамильоглу, 2009).

В несколько ином аспекте, но неизменно в сторону углубления дискуссии о причинах и глубине исламизации населения Улуса Джучи направлены две книги А.Г. Юрченко (2012, 2012а). В калейдоскопичном и несколько сумбурном тексте с некоторым трудом, но угадывается некий единый дискурс. Сформулировать его можно как власть и/или ислам, Йаса и/или Коран, а главное, аргументация сосредоточена на довольно простой мысли – властный ритуал и символы власти, а также их визуальные (материальные) проявления были имперскими, а не мусульманскими (например, см.: Юрченко, 2012, с. 131-190). Постановка вопроса довольно интересная. Разработка ее могла бы серьезно продвинуть наши знания о характере власти, ее символике и визуализации. Но в ходе рассуждений и конспектирования различных средневековых и современных суждений и описаний автор совершает своеобразную подмену понятий. Строго говоря, вместо изучения исламизации в Улусе Джучи (этому посвящены не авторские, а вставные статьи Д. Де Виза и И. Вашари (Юрченко, 2012а, с. 171-193), Д. ДеВиза и В.П. Костюкова (Юрченко, 2012, с. 255-288) автор предпочитает рассматривать ритуалы и символы власти, праздники правящей элиты и их визуальное отражение в нарративе и изобразительном материале. Разумеется, это также весьма интересная тема, но это никак не «структура повседневности», о которых обещал поведать нам автор. Праздники при ханском дворе – это сакрализованные и регламентированные мероприятия, которые проводились ханами для элиты, являлись частью имперской культуры. Они не имеют ничего общего с коллективным сознанием и культурой «молчаливого большинства». Тем самым автор подменяет понятия. Он рассматривает не исламизацию как таковую, а только властные ее проявления. В результате он закономерно находит лишь весьма синкретичную ситуацию, где наряду с мусульманской лигитимацией существует еще и имперская. Но этот вывод пытался сделать еще В.П. Юдин, полагая, что в Улусе Джучи существовала своеобразная религия – чингизизм. Иными словами, мысль о ведущей роли чингизизма в политике и общественной жизни не нова. Но из этого никак не вытекает и автором никак не доказывается, используя метафору самого А.Г. Юрченко, что между Йасой и Кораном в Улусе Джучи были какие-то конфликты или трения. Как скажем, не было конфликта между

«Правдой Русской» и Библией. Не было и быть не могло, поскольку это явления совершенно разного порядка. Йаса – это нормотворчество для татаро-монгольской элиты, а Коран – священное писание для мусульман. Например, татарин-мусульманин мог разбирать имущественный или статусный спор в ханском суде с таким же представителем военной знати по Йасе, но при этом в бытовой практике следовать предписаниям Корана и Сунны. И между этими его социальными состояниями не было ни противоречия, ни конфликта. В структурах повседневности эти поведенческие императивы находились на разных уровнях бытия.

Остается выяснить, насколько выразительна в конфессиональном плане эта имперская культура. При самом общем взгляде она довольна синкретична. Собственно имперской она и стала, поскольку несла в себе традиции «царственной», «знатной» культуры, которыми для монголов стал синтез чжурчженьской и киданьской традиций, которые также, в свою очередь, восходили к более ранним традициям – китайской (танской, суйской, сунской) и тюркской. Отсюда сходство и преемственность в традициях государственного устройства и титулатуры, символах и ритуалах, способах легитимации и т.д. (см.: Трепавлов, 1993). Автор сильно занижает планку, замыкая поиск аналогий только монгольскими государствами. Эти традиции имели гораздо большую длительность, претендуя на то, что являются традиционной тюрко-монгольской структурой власти. Например, такие важнейшие атрибуты власти и пожалования в государствах Чингизидов, как шитый золотом халат, золотой пояс и чаша, восходят, по меньшей мере, к традициям Тюркского каганата. Точно также и некоторые ритуалы, празднования (в том числе пиршества) и курултаи не являлись изобретением Чингизхана и его потомков. Они были частью надэтничной степной тюрко-монгольской традиции, в которую органично были включены элементы китайского, киданьского, мусульманского и других элементов (подробнее см.: Крамаровский, 2001). Поэтому строго атрибутировать как «монгольский» этот имперский комплекс, как это делает А.Г. Юрченко, не следует. Имперская культура является сложным структурным взаимодействием многих элементов (Васильев Д.Д. и др., 1993, с. 33-44). Изучение и понимание всей этой системы применительно к политике и культуре Улуса Джучи еще только в начальной стадии (см.: Kramarovsky M.G., 1991; Камаровский М.Г., 2001). Исламу потребовалось для этого почти сто лет, чтобы подменить и вытеснить прежние элементы чингизидской имперской традиции. Но начало этому процессу было положено еще в середине XIII в., а в 1313 г. этот процесс стал необратимым. Попытки автора оспорить этот непреложный факт, назвав

его «ширмой» и «пустой декларацией» (Юрченко, 2012, с. 7, 38, 197), вызывают только сожаление.

Представляется, что по вопросу о соотношении имперской и исламской культур (то, что автор называет конфликтом между Йасой и Кораном) происходит подмена понятий. Сравниваются на определенный момент несопоставимые вещи – вера и повседневные религиозные обряды с политической культурой и элитным церемониалом. В принципе достаточно того, что на джучидских монетах была выбита политическая декларация [ал-мулк Ли-ллах ал-хамду Ли-ллах – Власть [принадлежит] Аллаху хвала Аллаху (Сингатуллина, 2003, с. 74-85; Петров, Ускенбай, 2010, с. 33-35), ориентирующая Улус Джучи по отношению к другим мировым цивилизациям. Если бы дело было только в том, что для чеканки привлекались «финансовые круги, исповедующие ислам» (Юрченко, 2012, с. 37-38), то почему не привлекли финансистов других религий – иудеев или христиан. Следовательно, мусульмане занимали ведущие позиции в обществе, что заставило хана привлечь их на свою сторону. Поскольку он сделал не только это, но и сам принял ислам, то это было нечто большее, нежели просто попытка задобрить мусульман. Очевидно, что речь идет не о простых «финансовых кругах» (непонятный и внеисторический термин, использованный А.Г. Юрченко), а о значительной и влиятельной группе мусульман из татарских кланов – военно-служилой элиты империи Джучидов, мнение и интересы которых борющиеся за власть ханы не могли игнорировать. Вполне однозначно все современники и потомки указывают, что поддержку Узбеку оказали не мифические «мусульманские финансовые круги», а татарские кланы, принявшие ислам, и именно вопрос об официальном узаконении этой религии в качестве государственной являлся главным критерием их поддержки нового хана, в обход других Джучидов.

В своих дискуссионных книгах А.Г. Юрченко ставит несколько важных теоретических вопросов. Например, как выяснить, являлась та или иная религия государственной и что это означает в реальном воплощении. Если взять Римскую империю времен Константина Великого и отбросить все сведения христианских авторов как апологетические, то, очевидно, мы столкнемся с большой проблемой, поскольку никакого материального воплощения это преобразование власти не оставило. Точно такая же история с королем Хлодвигом. Если отбросить сведения Григория Турского, то у нас мало что останется для доказательства тезиса о крещении, поскольку погребальный обряд франкской знати остался прежним, как и их материальный быт. Не менее трудная и почти безвы-

ходная ситуация будет, например, для Газневидов, Саманидов и Сельджукидов. Даже сами Аббасидские халифы не в полной мере соответствуют современным идеальным представлениям о мусульманских праведных правителях, поскольку их материальный мир и церемонии (за исключением арабского языка) более напоминают ритуалы Сасанидских шахиншахов, чем обычаи бедуинских вождей. Иными словами, речь опять идет о подмене понятий. Сначала делаются намеки на некий идеальный дворцовый мусульманский ритуал (откуда он известен?), а потом он сравнивается с реалиями двора Хулагуидов и некоторым набором с территории Улуса Джучи, а затем делается вывод об их явном несоответствии. Но такие критерии подойдут только самой малой части стран мусульманского мира периода средневековья.

Выход из этого логического тупика только один – сначала надо изучить реалии конкретной страны по максимально большому количеству источников, включая археологические, а потом делать вывод об особенностях соотношения власти и религии. Если страна чеканит свою монету с символами представителей правящего дома (Джучидскими тамгами) с надписями на арабском / персидском языке, так же, как и основные государственные акты, то уже этого достаточно, чтобы предположить, что эта страна самоопределяется в качестве самостоятельной части исламского мира, поскольку ни одна немусульманская страна ничего подобного никогда не демонстрировала. Если мулла производит молитву перед всеми важнейшими собраниями на государственном уровне, а институт сейидов является важнейшим после чингизидской аристократии, то это важный показатель приверженности определенному вероисповеданию, поскольку в средневековой христианской или буддистской стране подобное было бы невозможно. А политические доктрины и апелляции к наследию и Йасе Чингизхана религией не являлись. Они играли определенную роль в свое время, но не являлись ни поводом, ни началом конфликта.

Возникает вопрос, насколько была вообще религиозна культура власти в средние века. Очевидно, в разных странах и разные времена их взаимодействие происходило очень по-разному. Например, первые христианские императоры Рима, а затем и Византии долго, а в некоторых деталях и вплоть до падения державы держались имперских римских традиций, а отнюдь не христианской символики. Если задуматься, то и крест символом христианства становится довольно поздно (относительно рождения этой религии). Первым символом являлась рыба, как отсылка к рыбакам – апостолам, как «ловцам человеков». Вполне очевидно, что и полумесяц не сразу и не всеми стал восприниматься как геральди-

ческий символ ислама (Юрченко, 2012, с. 149-177). И движение это пошло от сельджуков Анатолии, которые, судя по всему, сыграли важную роль в становлении джучидской государственности и городской культуры.

В целом можно сказать, что изучение ислама в Улусе Джучи прошло значительный путь. Собран и изучен огромный материал, предложены различные подходы к теме, что, таким образом, создает основу для дальнейшего комплексного изучения данной темы, ее расширения и развития. Недостаточно разработанным остается, тем не менее, вопрос о характере религиозности населения Улуса Джучи, внутренней организации жизни мусульманской общины. Некоторые данные по этому вопросу можно почерпнуть при изучении надгробных памятников с лапидарными надписями с мусульманскими эпитафиями с территории булгарских эмиратов (Юсупов, 1960; Мухаметшин, 2008). Но при этом они содержат уникальные сведения о структурах повседневности мусульман Золотой Орды, об их представлениях о смерти, о формулах выражения скорби, межпоколенной памяти и т.д. Эти сведения дополняются сведениями о реальной погребальной практике на основе археологических материалов. Однако и они исследованы неравномерно: довольно хорошо изучены и опубликованы материалы из Булгарии, в меньшей степени из Нижнего Поволжья и Крыма. Все это затрудняет получение цельной, объемной картины религиозной жизни населения Золотой Орды как в городах и поселениях, так и в кочевой степи. Неслучайно, что вопросы религиозности и соотношения канона и традиционного ритуала остаются весьма дискуссионными и служат источником искаженных представлений о степени исламизированности населения Улуса Джучи. Видимо, только дальнейшие исследования ментальности «молчаливого большинства» населения Улуса Джучи на основе комплекса источников позволят приблизиться к решению этих сложных проблем.

Литература

Амирханов Р.М. Тюрко-татарская философская мысль (XIII – XVI вв.). Казань: ИИ АН РТ. 2001.

Ахмеров Г. Избранные труды. Казань: Татар. кн. изд-во. 1998.

Ахметгалеева Я.С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М.: Наука. 1979.

Баллод Ф.В. Культура Золотой Орды // Новый Восток. 6/1924.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / Бартольд В.В. Сочинения. T.V. М.: Наука. 1965.

Бартольд В.В. Мусульманский мир // Бартольд В.В. Сочинения. T.VI. М.: Наука. 1966.
Бартольд В.В. Культура мусульманства // Бартольд В.В. Сочинения. T.VI. М.: Наука. 1966.
Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука. 1992.
Баттал Г. Казан тюркиләре. Казан: Татар. кн. изд-во. 1996.
Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // Труды Восточного отделения Российского археол. общ-ва. 1864. T.VIII.
Васильев Д.Д. Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. – Казань: Фонд им. М. Султан-Галиева, 1993.
Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань: Институт истории АН РТ. 2007.
Галлямова А. Татарская АССР в период постсталинизма (1945-1985 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во. 2015.
Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2(4)/2014.
Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX- начала XV века). Уфа: Гилем. 1998.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII-XIV вв.). Л.: Гос. соц.-эк. изд-во. 1937.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1950.
Губайдуллин Г.С. 1925. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Вып. II. Казань. 1925.
Газиз (Губайдуллин) Г. История татар. М.: «Московский лицей». 1994.
Давлетшин Г.М. Торки-татар рухи мэдэнияте тарихы. Казань: Татар. кн. изд-во. 1999.
Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань: Татар. кн. изд-во. 2004.
Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука. 1988.
Измайлов И.Л. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // Гасырлар авазы = Эхо веков. 3/4/1996.
Измайлов И.Л. К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань: Мастер Лайн, 2002.
Измайлов И.Л. Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюрко-татарской исторической традиции // Источниковедение истории Улуса Джучи

(Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Мастер Лайн, 2002а.
Измайлов И.Л. Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенности джаназы в Волжской Булгарии // Минбар (Казань). 2008. Вып. 1. С. 4-41.
Измайлов И.Л. Ислам в Волжской Булгарии // Восток (Oriens). 1/2009.
Исхаки Г. Идель-Урал. Казань: Татар. кн. изд-во. 1991.
Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI - первой четверти XV века // Татары. М.: Наука. 2001.
Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа». 2007.
Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда и ее евразийские наследники // Казахстан – аналитические исследования. Спектр. 3(4)/1998.
Кадырбаев А.Ш. Золотая Орда как предшественница Московского государства и Российской империи // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов: Матриалы МНПК, 10-11 апреля 2003 г. М., 2003.
Кадырбаев А.Ш. Улус Джучи как предтеча Российской державы // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: ИИ АН РТ. 2009.
Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Ученые записки Казанского университета. 1903. Кн.12.
Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение. 2000.
Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия. 2001.
Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа. 1984.
Кульпин Э.С. Путь России. Первый социально-экологический кризис. М.: «Московский лицей». 1995.
Кутуков Д.В. Структура погребальных памятников золотоордынского времени Нижнего Поволжья // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград. 1999.
Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А.И. Религии в Золотой Орде. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та. 1998.
Марджани Ш. Очерк истории Болгарского и Казанского царств // Труды IV Археологического съезда. Казань. 1884.
Марджани Ш. Мостәфадел – ахбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казань: Татар. кн. изд-во. 1989.
Марджани Ш. Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф / Подробное о предшественниках и приветствие потомкам. Публ. А.Н. Юзеева. Казань: Татар. кн. изд-во. 1999.

Миннегулов Х. Татарская литература и восточная классика. (Вопросы взаимосвязи и поэтики). Казань, 1993.
Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: ИИ АН РТ. 2008.
Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. литературы. 2010.
Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Казань: Татар. кн. изд-во. 1999.
Петров П.Н., Ускенбай К.З. Вопросы исламизации улуса Джучидов и вероисповедание хана Токты (690/1291 – 712/1312-1313 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана (Уральск). 1/2010.
Пискарев В., Султанбеков Б. «Этот учебник не выдерживает большевистской критики» // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1/1997.
Ракушин А.И. Мусульманство у золотоордынских кочевников Нижнего Поволжья в XIII-XIV вв.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саратов. 1998.
Саблуков Г.С. Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке Саратовской губернии и уезда. Археологический очерк // Известия Общ-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1882. Т.3.
Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кыпчакского царства. Казань. 1895.
Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Изд-во Морд. гос. ун-та. 1960.
Сингатуллина А.З. Джучидские монеты Поволжских городов XIII века. Казань: Заман. 2003.
Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем. 1998.
Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб. 1884.
Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение. 2013.
Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М.: Наука. 1993.
Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XV-XVI вв. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. 1979.
Усманов М. А. Мусульманское духовенство в ханствах Джучиева Улуса XIV-XVI вв. (по данным жалованных ярлыков) // Бартольдовские чтения 1982. М.: Изд-во ИВ АН СССР. 1982.
Усманов М. А. Этапы исламизации Джучиева Улуса: мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII-XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука. 1985.
Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во. 1996.
Фахрутдинов Р.Г. Проблема формирования татарской народности в современной исторической науке // Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червонная С.М. Ислам в

Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. М.: Прогресс-Традиция. 2001.
Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ. 1966.
Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ. 1973.
Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство. 1976.
Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ. 1994.
Шамильоглу Ю. Высокая исламская культура Золотой Орды // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: ИИ АН РТ, 2009.
Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата. 1992.
Юрченко А.Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб: Евразия. 2012.
Юрченко А.Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. – СПб.: Евразия. 2012а.
Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1960.
Яблонский Л.Т. Мусульманский некрополь Водянского городища // СА. 1/1980.
Яблонский Л.Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука. 1987.
Яворская Л.В. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (опыт статистической обработки) // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград. 1999.
DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. – Pennsylvania State University, 1994.
Kramarovsky M.G. The Culture of the Golden Horde and the Problem of the “Mongol Legacy” // Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Perphery. Ethnographics Press The University of Southern California, 1991.
Hammer-Purgstall J. Geschichte der Golden Horde im Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Pest. 1840.
Schamiloglu U. The Islamic High Culture of the Golden Horde”, The Golden Cycle. Proceedings of the John D. Soper Commemorative Conference on the Cultural Heritage of Central Asia, ed. András J.E. Bodrogligeti. – Central Asia Information Project, Sahibqiran. 2002.

И.М. Миргалеев

СОЗДАНИЕ МУСУЛЬМАНИЗИРОВАННОЙ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Статья посвящена проблеме создания суфийскими кругами исламизированной истории Золотой Орды. По мнению автора, суфийские братства с первых дней действовали активно и фиксировали свое видение истории Золотой Орды. Именно в их интерпретации зафиксирована история Золотой Орды и ее правителей в тюрко-татарских источниках, таких, как Утемиш-хаджи и Абдулгаффар Кырыми. Примерами истинных мусульманских правителей показаны, прежде всего, Берке и Узбек, проведена аналогия со сподвижниками пророка. По мнению автора, среди первых суфийских кругов были каландары, которые, не афишируя, проводили свою миссионерскую деятельность среди чингизидской элиты.

Ключевые слова: Золотая Орда, Абдулгаффар Кырыми, Утемиш-хаджи, Каландар-наме, Берке, Узбек, каландары, ислам.

По исламизации населения Золотой Орды есть несколько работ как в русскоязычной, так и в англоязычной литературе (De Weese Devin, 1994). Они основаны на данных нарративных источников. В русскоязычной литературе, в отличие от англоязычной, есть работы, которые процесс исламизации рассматривают через данные археологии и нумизматики (Васильев Д.В., 2007; Петров П.Н., Ускенбай К.З., 2010).

По данным археологии отчетливо видно, что процесс исламизации шел активно и беспрерывно, буквально начиная с первой половины XIII века. Уже первые золотоордынские ханы запустили в большом количестве начало строительству городов. И практически все они изначально имели мусульманское население и строились в мусульманских традициях Средней Азии, Анатолии и Ближнего Востока.

Процесс исламизации был характерен не только для оседлого населения, прежде всего, городского, где она, естественно, шла более быстрыми темпами, но такая ситуация была характерна и для кочевого населения Золотой Орды. Даже после правления Берке, когда правили ханы язычники, процесс исламизации не был остановлен. По письменным источникам известно, что в Золотую Орду переселялись мусульманские ученые, которые посвящали себя иршаду – распространению ислама. Все же имена некоторых первых шейхов зафиксированы в исторических сочинениях – это Шейх Сейф ад-дин ал-Хорезми, Шейх Маджид ад-дин Ширвани, Шейх Наджиб ад-дин (Баба Токлас), Шейх Ахмад, Шейх Хасан Гургани, Шейх Мухаммад Илле.

Также в некоторых шежерах (генеалогиях) основателем их рода считаются выходцы из Арзурума (Әхмәтҗанов М.И., 1995, б. 22), которые «во времена Бату-хана» прибыли на новую территорию с целью распространения ислама. По нашему мнению, их появление можно связать с периодом правления Берке.

Мы считаем, что уже первые мусульманские проповедники были связаны, прежде всего, с суфиями. Этому есть свои причины. Во-первых, суфии – люди, которые посвятили свою жизнь распространению ислама, и они были готовы пожертвовать всем ради дела распространения религии. Во-вторых, уже ранние суфийские тарикаты имели имамов-шейхов, то есть руководителей, и свои коллективы – джамааты. Опираясь друг на друга, можно было достичь более эффективных результатов. Это подтверждается и тем, что во времена хана Узбека, когда ислам стал государственной религией, мусульмане стали главной опорой центральной власти. Они уже структурно были готовы к этому. У них были свои люди, желание и цели.

Суфийские братства с первых дней действовали активно и фиксировали свое видение истории Золотой Орды. На наш взгляд, изложенная история в собственных тюрко-татарских источниках, скажем, таких, как Утемиш-хаджи и Абдулгаффар Кырыми, как раз и рассказывают мусульманизированную историю Джучидов. Где история крутится вокруг ханов мусульман, таких, как Берке и Узбек, фиксируется роль шейхов, особенно интересно изложен период хана Берке. А далее, как я уже отметил, по археологическим данным, процесс исламизации не прекращался, но не все ханы до Узбека были мусульманами, да и власть передавалась не от отца к сыну, что было более привычно для мусульманской традиции, а по принципу старшинства в роду. Однако в этих тюрко-татарских источниках все же вторым «священным» правителем после Берке считается не Менгу-Тимур или Тула-Буга и Токта, а хан Узбек.

Действительно, период хана Узбека отличался активной исламизацией населения Золотой Орды. Строились города, мечети и медресе. Из статусных можно назвать сохранившуюся мечеть и медресе Узбека в Старом Крыму и Соборную мечеть в Болгаре. К сожалению, из-за полного разрушения нижневолжских городов продолжить конкретные примеры сложно, однако они были намного шире (более подробно см.: Зиливинская Э.Д., 2014). Изыскания археологов в нижневолжских территориях фиксируют исламские культовые сооружения и погребальные комплексы в большом количестве. Мусульманские шейхи активно проповедовали и готовили своих учеников, расширяли свои тарикаты. Именно в период Золотой Орды начали распространяться шежере потомков пророка и знаменитых сахабов, например, Абу Бакра, Умара и Али. Безусловно, их родоначальники в Золотой Орде были среди шейхов распространителей ислама.

За последний год в научный оборот мы активно начали вводить данные «Каландар-наме» (Абу Бакр Каландар, 2/2014, 3/2014, 4/2014, 1/2015, 2/2015.). Этот огромный богословский труд, созданный в Золотой Орде, дает много нового фактологического материала по истории Золотой Орды, в том числе и по вопросам распространения ислама. Он также позволяет понять уровень знаний шейхов, проповедей, рассматриваемых вопросов в поднятых ими темах. И все это поражает своей глубиной. «Каландар-наме», или по другому названию «Каландария»[1], – хорошо сохранившаяся рукопись из 800 страниц (Абу Бакр Каландар Руми, 2015). Трактат состоит из собранных воедино пяти книг, каждая из которых начинается с глав о единобожии, о пророке, о четырех праведных халифах. То есть перед нами чистый суннитский трактат. Как сообщает сам автор, четыре тома написаны во времена хана Узбека, пятый том – во времена хана Джанибека. Источник написан на персидском языке, что было характерно для суфийской литературы того времени. Ее автор Абу Бакр объясняет свое переселение в Золотую Орду так: «Каландар пошел в Крым делать иршад», т.е. призывать к религии. Также Абу Бакр упоминает о своих «йаранах», т.е. сподвижниках-учениках. Несомненно, деятельность тариката каландаров, Абу Бакра, его труд – все это способствовало распространению ислама в Золотой Орде. По тюрко-татарским источникам, сам Узбек принимает ислам под влиянием Сеид Аты, также суфия, последователя Баб Арслана Зенги-Ата, связанного с тарикатом Ясавия. Однако анатолийские шейхи также оказались среди проповедников, приглашенных в Золотую Орду. Возможно, анатолийские шейхи

1 В начале рукописи большими буквами написано «Каландария» и не особо выделяя – «Каландар-наме». Но далее в тексте автор свое сочинение называет все же «Каландар-наме».

были больше связаны именно с деятельностью хана Берке. Очевидно то, что «Каландария» написана для посвященных, имеющих серьезный багаж знаний, необходимых для понимания текста. Поэтому «Каландария» похожа на учебник. Ее автор был достаточно известным. О нем сообщает, например, Ибн Баттута и Ахмед Эфляки (Ibn Battuta, 2000; Ahmed Eflaki, 2012). Безусловно, он был среди активных проповедников ислама - религии, которая теперь в Золотой Орде стала государственной.

Мусульманские ученые активно начали вести миссионерскую деятельность в чингизидских государствах уже в начале XIII века. Противостояние государства Хорезмшахов с Багдадским халифатом отразилось и в дальнейшем в отношении мусульман к монголам. Как сообщает Ибн ал-Асир, Багдадский халиф имел тайные связи с Чингизханом. Далее в источниках сообщается о связи Джучи с тем же халифатом. Или Берке заявляет своему брату Батыю, чтобы тот остановил поход Хулагу против Багдадского халифа, мотивируя это тем, что между ним и Джучидами имеется тесная связь. Да и в печально известном посольстве Чингизхана, отправленном в Хорезм, были мусульмане. Война монголов с частью исламского мира привела к тому, что мусульмане создавали исторические труды, где завоевания монголов описали как конец света. При этом часть мусульман активно сотрудничала с монголами. Сравнительно через короткое время три из четырех улусов, созданных Чингизидами, стали мусульманскими. Но связь с халифатом, заложенная самим Чингизханом, была продолжена в Улусе Джучи. Поэтому, например, гонения мусульман в Юаньской империи при Хубилае во время его столкновения с Ариг-Бугой, которого активно поддержали Джучиды, долгое время поддержка Хулагуидами христиан в мусульманском Иране – все это также свидетельствует о том, что Джучиды имели тесные политические контакты с халифатом и в их внешней политике исламский вопрос явно присутствовал. Мусульманские богословы, не афишируя, также проводили свою миссионерскую деятельность среди чингизидской элиты. Они, прежде всего, преуспели в Улусе Джучи.

Исследователи религиозной ситуации в Золотой Орде не могли конкретно обозначить, какой же тарикат был ведущим. Изучение «Каландарии» в этом смысле дает прямые намеки, что первыми тарикатами вместе с тарикатом Ясавия были и каландары. В их изложении татар к исламу призывали уже во времена Чингизхана. В сочинении Абу Бакра есть глава «Дастан Чингиз-хана и как шейх Мухаммад Илле, милость Аллаха ему, наставлял его». Здесь как раз рассказывается именно о шейхе Мухаммаде Илле, который, несмотря на трудности дороги и других опасностей,

отправился к Чингизхану и наставлял его на пусть истинный. Чингизхан привлекал к службе мусульман, и их количество было достаточно велико. Известно, что Чингизхан интересовался религиями, будь то буддизм, христианство. Несомненно, среди них был и ислам. На наш взгляд, Шейх Мухаммад Илле мог быть связан именно с Багдадским халифом и, возможно, одним из тех, через кого была установлена тайная связь.

Для проповеди в последующие века в государствах, где правили Чингизиды, пример таких шейхов показывал, что они были и у родоначальника династии, и что они были параллельной властью, силой, прослойкой, с которой правители имеют дело, прислушиваются к ним. Это важно было и для авторитета проповедников и для того, чтобы показать, что родоначальники династии Чингизидов если и не были изначально мусульманами, однако уже вокруг них были мусульманские проповедники, и они их держали вокруг себя, слушали их и советовались с ними. Это такой взгляд верующего человека на недавнее прошлое.

На наш взгляд, аталыки, которые фигурируют среди воспитателей таких ханов, как Джанибек, Бирдибек, являются именно воспитатели-шейхи. Аталык – это воспитатель по управлению государством, но вполне возможно, что здесь имеется в виду и принцип силсилэ из суфийского мира (тюркский *Ата*, персидский *Пир*). Сам термин аталык – как раз также является косвенным подтверждением того, что они связаны с Анатолией. Вполне возможно, что такими воспитателями могли стать и последователи тариката каландаров.

Безусловно, сочинение «Каландария» было живым, своеобразным диалогом. Написано оно для посвященных и для тех, кто занимался миссионерской деятельностью. Там есть такие моменты, где Абу Бакр говорит, что его поймут только посвященные в тему. Что касается самих каландаров, то мы ведем речь именно о первых каландарах, которые связаны с Анатолией. Это были люди, имеющие очень хорошие знания об исламе и самое главное – это были практикующие суфии, которые посвятили себя распространению ислама. И именно поэтому название каландар стал синонимом вообще всех суфиев. В отличие от остальных тарикатов их количество не было большим. Насколько мы видим, они отличались тем, что, прежде всего, их призывы были обращены к правителям. Поэтому они были скрытны, не особо распространялись о своих деяниях. Однако они были рядом с ханом Узбеком и Джанибеком. Возможно, их предшественники были уже при хане Берке, среди последних сельджукских принцев, которые были спасены из византийского плена Берке-ханом. Да и сам Берке-хан был женат на сельджукской принцессе.

Как известно, еще хан Берке отдал мусульманским миссионерам из Анатолии Крым и Причерноморье, включая Добруджу, современную территорию Молдовы и Румынии (Эфляк).

Информатор об Абу Бакре Каландаре Ахмед Эфляки рассказывает, что его отец был мусульманским ученым и приближенным Узбек-хана, он ему в наследство оставил огромное имущество и, самое главное, большую библиотеку. Мы считаем, что Эфляки означает, что Ахмед был из западных районов Золотой Орды, именно из тех мест, территория которого была отдана анатолийским миссионерам Берке ханом. В татарско-турецком названии Румыния как раз и называется Эфляк (от слова Фляк, Влях, Валах). Возможно, отец Ахмеда Эфляки был из тех, кто вел миссионерскую деятельность в западных улусах Золотой Орды: в Исакчи, Янги Шехре и особенно в Бабасалтуке, и с приходом к власти Узбек-хана они и стали одним из главных опор политики исламизации.

Как истинные распространители религии, мусульманские миссионеры не особо стремились афишировать свою деятельность. Именно с этим, на наш взгляд, связано и то, что мы практически до этого ничего не знали о каландарах на территории Золотой Орды. Именно введение в научный оборот «Каландарии» дает нам обширную информацию о них и их деятельности. Несмотря на такое скрытое действие, все же становится понятным, что и каландары, и другие братства создавали свои «истории», формировали свой круг и свою интерпретацию истории татарских ханов. Поэтому сообщение, что ханы Татарстана Берке и Узбек привели неверных татар к исламу (Абдулгаффар Кырыми, 2014, с. 67, 76), говорит именно о персонифицированной истории. Так было легче объяснять и религию, и деятельность своих шейхов, которые, приведя конкретного хана к истине, приводили и все население к религии. Это также усиливало роль шейхов в глазах их последователей. Конечно, на самом деле жизнь была многогранна, те же ханы Берке и Узбек оставались, прежде всего, правителями, которые давали возможность проповедовать свою религию на территории Золотой Орды, например, католикам. Однако мусульманизированная история не имела других вариантов. Для них и хан Берке, и Узбек, и Джанибек являются чистыми мусульманскими правителями, с прекрасными мусульманскими качествами и обязательно самое важное – они сами являются распространителями ислама. Однако я здесь хотел бы обратить внимание на то, что ханы распространяют ислам именно как последователи того или иного шейха. Т.е., они входят в «круг», «цепь» тарикатов. Это также показывает, что такие истории были созданы именно представителями тарикатов.

Именно каландары так близко взаимодействовали с властью. И именно поэтому они не стали формировать свой тарикат, придавать им какие-то свои обряды, особенности, как будут делать последующие тарикаты. Но они смогли приблизиться к правителям, стать их опорой. Ханы Золотой Орды им доверяли, надо полагать, и те из ханов, кто не был мусульманином, так как они служили именно власти, были приверженцами культа власти[2]. Те шейхи, которые прибыли на территорию Золотой Орды во времена Берке-хана, они никуда не делись, именно они готовили сына хана Токты к власти, что, безусловно, должно было происходить с позволения хана и его семьи. Это подтверждают результаты изучения нумизматического источника, проведенного П.Н. Петровым и К.З. Ускенбаем, и пришедшим к заключению, что Токта к концу правления принял ислам (Петров П.Н., Ускенбай К.З., 2010). Слухи о принятии ислама Бату-хана и даже самого Джучи-хана безусловно родились среди последователей тарикатов. Возможно, они не были беспочвенными, именно в силу того, что первые шейхи уже стали приближенными династии, стали для нее опорой, к ним хорошо относились и помогали, давали возможность проповедовать. Поэтому и циркулировали слухи, что якобы в тайне ислам приняли и Джучи, и Бату.

Представители этих тарикатов посвятили себя служению делу распространения ислама, не просили себе каких-то благ, считали своей обязанностью служить правящей династии. Естественно, такое отношение было выгодно Джучидам. Именно поэтому и идет отказ от степных обычаев и укрепление исламских правовых норм. Чтобы не вызывать недовольства народа, резких изменений не было. Однако во время первого серьезного кризиса в смене власти после смерти хана Токты именно мусульмане стали опорой джучидской династии. Поэтому, чтобы не допустить в дальнейшем похожих ситуаций, и были проведены Узбек-ханом реформы в системе управления, смены власти. Будь дети у хана Берке, уже тогда власть могла бы передаваться от отца к сыну. Не вышло и с сыном Токты. Что касается кандидатуры Узбека, то она была выдвинута именно мусульманскими группами. Понятно, что были некие договоренности с мусульманскими лидерами о будущих действиях в деле укрепления ислама. Возможно, из Джучидов не мусульман также кого-то хотели выдвинуть на трон, однако ханом стал Узбек. Не поэтому ли многие джучидские роды прекратили свое существование? Из многочисленных сыновей Джучи, как минимум из 15-ти [по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина (Миргалеев И.М., 1990, с. 60)] в дальнейшем остались всего три линии.

2 Вопрос, куда делись в последующем последователи каландаров и почему они не зафиксированы в джучидских исторических сочинениях, требует дальнейшего изучения.

Перед воцарением Узбека мы видим угрозу роду Джучидов. Узбеком был разгромлен уйгур Баджар Токбога, который не только завладел троном, но и хотел низвести род Джучидов и установить свою династию. Поэтому здесь поддержка мусульман Джучидам окончательно упрочила позиции ислама. Ведь как передается в других сочинениях, написанных в джучидских традициях (например, Утемиш-хаджи), далее Узбек наказывает некоторых Джучидов и передает их в подчинение кыятам и упрекает их за то, что те не выступили против *«кара киши».* Сторонники Узбек-хана торжественно объявляют: «Воцарение черных людей с этой поры да прекратится!» (Утемиш-хаджи, 1992, с. 104).

Узбек-хан также собирал мусульманских ученых со всего мира, однако первые шейхи все же связаны именно с именем хана Берке. Поэтому будет правильным начинать считать политику сращивания ислама с правителями с периода Берке. Период Узбека было уже логическим завершением исламизации Золотой Орды. Последующие ханы – Джанибек и Бирдибек воспитывались аталыками, власть передавалась от отца к сыну, ислам стал государственной религией.

На наш взгляд, конкретный пример мусульманизированной версии истории воцарения Берке прекрасно передает вот этот пассаж из сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми:

«Царевич Берке бин Джучи-хан с помощью Бога имел характер мусульманина, где бы он не встретил последователя пророка Мухаммада, с ним заводил дружбу, а от язычников татар чувствовал отвращение. Из-за этого его родственники и государственные мужи посчитали его не в своем уме и не хотели его видеть и отдалили от себя. Из-за этого он переселился в сторону вилаета Сыгнак и пришел к великому ученому и уважаемому хазрету Шейх Сейфетдину ал-Хорезми. Занялся молитвами и изучением наук, познанием Всевышнего. С помощью Всевышнего стал шейхом и владеющим чудесами *(сахиб керамет)*. Армия моголов потеряла его из виду и не знали, чем он занимается. В это время «падишах Волги» *(Идил падишахы)* умер и «желание было устремлено в сторону Хулагу». Предводитель всех шейхов обратился к Берке хану и сказал: «Эй, уважаемый сын великих предков, держателей трона, который сейчас остался без хозяина, теперь тебе открываются возможности занять это высокое место» (Абдулгаффар Кырыми, 2014, с. 64).

Берке возражает и далее приводит знаменитый пример Ибрахима Эдхэма, который ради услужения Всевышнему оставил трон. Однако шейх был неутомим и уговорил его взойти на трон своего отца и пойти против Хулагу. При этом ему помогает и сам шейх. Обращает на себя вни-

мание то, что шейх очень почтительно относится к роду Джучи и Чингизхана и не ставит под сомнение их право на трон. Т.е. получается, что исламским миром династия Чингизидов не воспринимается враждебно, они названы *великими предками.* Также здесь важный посыл – шейх и его сторонники, надо думать, и многие мусульмане были против того, чтобы на трон Джучидов был приглашен Хулагу. Желание Тулуйидов взять под свой контроль Джучиев улус и о наличии сторонников в Улусе Джучи приглашения Хулагу на «трон Джучи» не вызывают сомнения. Данные Абдулгаффара Кырыми показывают, какую важную роль играли мусульмане в деле становления династии Джучидов. У них оказался в этом деле козырь, который мусульманские шейхи не упустили, а именно – наличие Джучида-мусульманина. Для Джучидов в большой семье Чингизидовичей это уже было второе испытание. Первое – это противостояние с родами Угедеидов и Чагатаидов, закончившееся разгромом последних. Второе, это противостояние с Тулуйидами, которые смогли взять под свой контроль всю империю, и теперь после смерти Батыя вполне могли подмять под свой контроль и Джучидов. Если в первый раз Джучиды опирались на Тулуйидов, то на этот раз для того, чтобы удержать династию, и самое главное – создать государство, они в большей степени будут опираться на мусульман, на корпорации мусульманских шейхов и купцов, а через них уже на главное мусульманское государство того времени – Мамлюкский Египет. Ведь если бы Хулагу смог подчинить Улус Джучи, то Джучиды были бы уничтожены и во всей империи правящим родом были только Тулуйиды. Да и приход Хулагу к власти в Золотой Орде ничего хорошего не сулил мусульманам, так как его отношение к мусульманам было сложным. Именно политика Хулагу в Иране, Ближнем Востоке и в Анатолии, не учитывающая интересы ислама, а зачастую и ее антиисламская направленность, привела к тому, что многие шейхи и мусульманские круги на этих территориях обратили свой взор к Джучидам, искали у них опору, в том числе и сами стали опорой их власти. Поддержка мусульман именно как достаточно самостоятельной силы привела к тому, что ислам уже с периода Берке стал, по сути, государственной религией, так как она была на страже государственных интересов, интересов правящей династии Джучидов, разрабатывала идеологию и была опорой власти.

Также здесь обращает на себя внимание описываемый психологически момент. Хотя известно, что Берке был активным помощником своему брату Батыю и был среди активных строителей государства. Однако его история прихода к исламу, передаваемая Кырыми (якобы об удалении от семьи из-за того, что он познал Всевышнего), приближается к исто-

рии пророка и его сподвижников. Т.е. вера превыше всего, в том числе и семьи. И это показано примером жизни одного из первых правителей Золотой Орды. Он уподоблен этим рассказом к сподвижникам, почитаемым мусульманами. Это был посыл правящему роду Джучидов, и мы думаем, что такое объяснение в джучидской историографии было создано достаточно рано, возможно, уже в период правления самого Берке. Создателями такой версии, безусловно, выступили суфийские круги. А Кырыми лишь пересказал распространенную в джучидской историографии «мусульманизированную» версию истории ханов и ислама в Золотой Орде.

Абдулгаффар Кырыми повествует, что во времена Берке-хана все население государства приняло ислам, однако после его смерти многие снова стали «огнепоклонниками» *(атешперест).* И после этого четыре самых известных «эвлияуллах» того времени стали распространять «среди населения Дешт-и Кыпчака, в Улусе Джучи» «религию Мухаммэди». Это из рода Хазрэти Али – Шейх Маджид ад-дин Ширвани, из рода Абу Бакра Сытдык – Баба Токлас Шейх Наджиб ад-дин, и два сайида, из рода пророка – Шейх Ахмад и Шейх Хасан Гургани. После повествования о деяниях и колдовстве «огнепоклонников» рассказывается о том, что Узбек-хан со своим народом принял ислам и «от востока до запада весь Татарстан привели к вере» (Абдулгаффар Кырыми, 2014, с. 76).

Далее мусульмане уже из опоры трону и роду Джучи становятся просто «своими». Сын Узбек-хана Джанибек был воспитан в мусульманских традициях. То же самое можем сказать и о Бердибеке. Джанибек с рождения имел исламское имя – Султан Махмуд Джанибек. Интересно, Кырыми сообщает, что Джанибека сравнивали с Омаром ал-Фаруком, сподвижником пророка и вторым халифом, весьма почитаемым мусульманами. К тому же, известным своей справедливостью и решительностью. Не от того ли Джанибек-хана сравнивали с Омаром ал-Фаруком, что он, как и халиф Омар, завоевал Персию? Вполне прослеживается параллель в сравнениях с историей ислама первых веков ее существования и истории золотоордынских ханов, где хан Берке очень похож на сподвижника пророка Абу Бакра, а Джанибек-хан – на сподвижника Омара. Все это подтверждает, на мой взгляд, наше мнение о создании суфийскими кругами исламизированной истории Золотой Орды.

Литература

Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транс-

крипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
Абу Бакр Каландар Руми. “Каландар-наме”. Факсимиле. Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 800 с.
Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 1. «Единобожие». Пер. с перс. М.Р. Исмагилова, комментарии Д.А. Шагавиева // Золотоордынское обозрение. 2/2014. С. 243-252.
Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 2. «Восхваление и благословение Мухаммада Мустафы (САС)». Пер. с перс. М.Р. Исмагилова, комментарии Д.А. Шагавиева // Золотоордынское обозрение. 3/2014. С. 207-214
Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 3. «Восхваление Абу Бакра, повелителя правоверных, да будет доволен им Аллах». Пер. с перс. М.Р. Исмагилова, комментарии Д.А. Шагавиева // Золотоордынское обозрение. 4/2014. С. 198-207.
Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 4. «Восхваление ‘Умара, повелителя правоверных, да будет доволен им Аллах». Пер. с перс. М.Р. Исмагилова, комментарии Д.А. Шагавиева // Золотоордынское обозрение. 1/2015. С. 171-177.
Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 5. «Восхваление ‘Усмана, повелителя правоверных, да будет доволен им Аллах». Пер. с перс. М.Р. Исмагилова, комментарии Д.А. Шагавиева // Золотоордынское обозрение. ЗО. 2/2015. С. 187-196.
Әхмәтҗанов М.И. Татар шәҗәрәләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 128 б.
Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Изда-тельский дом «Астраханский университет», 2007. 192 с.
Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество: Монография. Казань: Отечество, 2014. 228 с. + 220 с. Илл.
Миргалеев И.М. «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. Казань. № 1/2013. С. 57-64. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
Петров П.Н., Ускенбай К.З. Вопросы исламизации улуса Джучидов и вероисповедание хана Токты (690/1291 – 712/1312–1313 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – № 1. Уральск, 2010. С. 10–54.
Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Перевод В.П. Юдина. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
Ahmed Eflaki. Ariflerin menkibeleri. Farscadan ceviren: Tahsin Yazici. Istanbul, Kabalci yayinlari, 2012. 813 s.
Ebu Abdullah Muhammed ibn Battut Tanci. Ibn Battuta seyahat-namesi. Ceviri, inceleme ve Notlar: A.Sait Aykut. Istanbul, Yapi Kredi Yayinlari, 2000. Cilt 1–2. 1104 s.
De Weese Devin. Islamization and Native religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in historical and Epic Tradition. Pennsylvania State University Press, University Park, Pennsylvania, 1994.

Т.Ф. Хайдаров

ПРИРОДНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

В статье рассматриваются природные и климатические кризисы на территории Золотой Орды. Автор считает, что становление во второй половине XIII в. татарского средневекового государства Улуса Джучи произошло в благоприятных климатических условиях. С учетом выгодного географического месторасположения и близости к традиционным трансконтинентальным торговым путям из Европы в Азию, а также прямой поддержки со стороны золотоордынских ханов экономический подъем этих территорий был предопределён. Однако несколько факторов, среди которых исследователи выделяли: нестабильность уровня Каспийского моря, резкие перепады зимних и летних температур, нестабильное выпадение осадков и относительно быстрое их испарение, наличие со слабым бонитетом буерачных лесов, близость к природным очагам чумы, могли сыграть негативную роль в существовании этого государственного образования. Впрочем, считает автор, ситуация в Улусе Джучи, несмотря на политическую смуту конца XIII в., оставалась стабильной. С одной стороны, прямыми следствиями этого процесса стали подъем новых ордынских городов и активизация международной торговли с европейскими и восточными контрагентами. С другой стороны, стало увеличение антропогенного фактора на экологию Улуса Джучи. В условии наступления около 1320 г. Малого ледникового периода, характеризовавшегося резким увеличением экстремальных климатических явлений (холодных зим, засушливых летних месяцев), резкого изменения уровня Каспийского, Аральского и Азовских морей, совпавшие с наступлением из Средней Азии песчаных масс и изменением миграционных потоков синантропических видов степных грызунов, наступление масштабного внутриордынского кризиса явилось лишь вопросом времени. Положе-

ние усугубила начавшаяся около 1346 г. эпидемия «черной смерти» и обострение противоречий венецианско-генуэзских противоречий.

Ключевые слова: Улус Джучи, природно-климатические условия, города Золотой Орды, Узбек-хан, Джанибек, подъем уровня Каспийского моря, Малый ледниковый период, чума, Генуя, Венеция, Ганза.

Во второй половине XIII в. ханам из рода Джучи удалось силой объединить обширные территории западно-евразийских степей. Как гласят тексты арабских источников середины XIV в.: «*северное царство Хорезма и Дашт-и Кыпчак, раскинулось от Хорезма до Яркенда и Согда и Сарая, до города Маджара и Аррана и Судака и Болгара и Башкирда и Чулмана; и в границах этого царства город Баку, из городов Ширвана, и возле него «Железные ворота», а на юге до границ Константинополя*». «*В длину оно 800 фарсахов, а в ширину от Баб-ал-Абваба (Дербент) до города Болгар, приблизительно 600 фарсахов*» или «*шесть и восемь месяцев пути*» (Тизенгаузен В.Г., 1884, с. 175, 206, 378).

Несмотря на всю изначально централизующую мощь власти ордынских ханов, процесс объединения в единую государственную систему всех земель Улуса Джучи занял порядка 20-ти лет, т.е. до правления хана Менгу-Тимура. Одной из самых важных причин, объяснявших длительность этого процесса, по мнению ученых, считается нестабильность природно-климатических условий. Исследователи Золотой Орды пришли к выводу, что земли Дешт-и-Кыпчак, расположенные в полосе между 48-м° и 52-м° северной широты, постоянно подвержены перепадам температур (Кульпин Э.С., 2004, с. 129, 140, 142). Кроме того, одной из самых больших проблем для кыпчакских степей являлось неустойчивое выпадение влаги. Примерно 80% неравномерно выпадавших осадков приходится на летние месяцы. После чего может наступить достаточно длительный засушливый период.

Все эти природно-климатические особенности способствовали формированию уникального малодревесного ландшафта и, как следствие, специфического сезонного земледелия. Его функционирование было возможным только в узкой полосе земли, растянувшейся от города Кызыл (Бурятия) до Секешфехервара (Венгрия). Этот район (*Большая климатическая ось Евразии*), служил ветроразделом, разделявшим более оседлые районы с умеренным климатом на севере и кочевые районы с более континентальным климатом на юге (Кульпин Э.С., 2004, с. 136). При этом следует отметить гораздо большую зависимость южных райо-

нов от климатических изменений и доступных водных ресурсов (Иванов И.В. и др., 1997, с. 33–35).

Ещё одной специфической чертой местных природно-климатических условий было значительное влияние колебания уровня Каспийского моря на изменения в крупномасштабных ландшафтных перестройках пойм долин рек Волги, Ахтубы, Урала, Кумы, степей и полупустынь Северо-Восточного и Западного Прикаспия (Бадюкова Е.Н., 2010, с. 37, 75, 103). Влияние трансгрессии Каспийского моря одним из первых отметил Л.Н. Гумилев. Согласно его концепции ритмов увлажненности степи, ведение сельского хозяйства в низовьях Волги напрямую зависело от способности Каспийского и Аральского морей обеспечить циркуляцию в атмосфере влаги (Гумилев Л.Н., 1993). Это, в свою очередь, напрямую влияло на кормовую ценность состояния ландшафтов региона, уровень подтопления наиболее плодородных низинных земель и засоление местных грунтовых вод (Артюхин Ю.Х., 2010, с. 316).

Как показали почвоведческие исследования в Калмыкии, понижение уровня Каспийского моря только на 1 м способствует резкому наступлению песочных масс в течение двух-трех десятилетий на территории 500 – 1000 км^2, а при повышении уровня на 1 м – резкой смене растительности. При этом большую роль в этих изменениях, скорее всего, играет солнечная активность (Олсуфьев Н.Г. и др., 1965, с. 24, 69, 123). Видимым результатом всех этих процессов становилось ускоренное засоление почв и ухудшение кормовой базы для местной фауны (Залибеков З.Г. и др., 2011, с. 90). В этих условиях важным становилось установление стабильного уровня Каспийского моря, определявшего общий сброс пригодного объема пресных вод водоемов (наоборот, уровень Каспийского моря является показателем объема притока пресных вод, а не его определяющим фактором) и сохранение необходимой для проживания населения растительности уровня аридизации местного климата (Бадюкова Е.Н., 2010, с. 46).

Установившийся хрупкий природный гомеостаз степи в любой момент мог быть разрушен. Неконтролируемый рост численности копытных животных, даже несмотря на большие рекреационные возможности степного биома по восстановлению исходной формы, приводил к необратимым последствиям. Именно эта характерная черта и являлась для степной цивилизации Золотой Орды той экологической «*ахиллесовой пятой*», которая могла привести к её гибели (Иванов И.В. и др., 1997, с. 76, 134).

Еще одной слабой чертой экологии Улуса Джучи можно признать расположение рядом с поселениями людей активных природных очагов

чумы. О существовании последних в дельте р. Волги и Дона, в среднем течении р. Урала, Западной Сибири, Западно-Каспийской области и Закавказье свидетельствуют данные систематических исследований отечественных ученых (Олсуфьев Н.Г. и др., 1965, с. 230). При этом, по мнению академика Е.Н. Павловского, основными распространителями чумы были признаны распространенные в этих районах мигрирующие грызуны (суслики, сурки, песчанки и луговые собачки), имевшие интенсивные контакты с человеком. Таким образом, стабильность эпидемической ситуации в Нижнем Поволжье определялась степенью активности хозяйственной деятельности человека, скоростью изменения климата и трансгрессией уровня Каспийского моря (Павловский Е.Н., 1964, с. 158–160).

Еще одним специфическим фактором развития Улуса Джучи было сосуществование в рамках одной политико-экономической системы различных по уровню развития внутриполитической культуры и экономических связей территорий. Так, если в крымских, булгарских, русских и хорезмийских землях уровень политического и экономического развития был достаточно высок, то для степных районов Дешт-и-Кыпчака, Нижней Волги, Причерноморья и Приуралья он был достаточно низок и ограничивался небольшим периодом существования на этих территориях крупных государственных образований кочевников (Хазарского, Западно-Тюркского и Аварского каганатов). При этом положение осложнялось наличием на всем протяжении границ Улуса Джучи конфликтных зон и никому не подконтрольной территории (Егоров В.Л., 1985, с. 190–192; Каргалов В.В., 1967, с. 92).

В этих условиях ханам Золотой Орды, стремившимся к установлению полного контроля над всей территории Дешт-и-Кыпчака, потребовалось создание новых экономических центров. Таким образом, основной задачей новых городов становилось экономическое притяжение не только окружающих ордынских земель, но и близлежащих соседних территорий. Однако, если следовать типологизации городов по Броделю и Валлерстайну, основанные ханами Золотой Орды города являлись, скорее, «*квазиворотами*» для мировой экономической системы (Бродель Ф., 2007; Wallerstein I., 1974). Хотя последние по объему международной торговли и были близки к классическим западно-европейским городам-«*воротам»* и даже могли на короткий отрезок времени стать экономическими лидерами, развитие последних зависело не от уровня экономического развитии близлежащей городской округи, так называемой провинции-«*хоры*», а от наличия достаточно «*сильных личных контактов с властной иерархией*» (Скржинская Е.Ч., 1971). Зачастую в ор-

ганизованных подобным образом экономиках международная торговля сводилась к простому обмену ресурсами. Таким образом, Улус Джучи мог экономически развиваться за счет расположенных на его территории крупных перевалочных пунктов трансконтинентальной транзитной торговли и при сильной поддержке «харизматических правителей» Улуса Джучи (Bergdolt K., 1989).

Еще одной специфической чертой развития золотоордынских городов исследователи считают выгодное географическое месторасположение и близость к крупным судоходным рекам. Неизвестно, существовал ли в Улусе Джучи единый план застройки городов. Изначальная ориентация новых поселений на Великий Шелковый путь и отсутствие оборонительных сооружений в этих городах позволяли джучидским ханам обеспечивать безопасное и стабильное развитие общегосударственной торговли (Кульпин Э.С., 2004, с. 136).

По мнению отечественного исследователя В.Л. Егорова, развитие градостроительства в Дешт-и-Кыпчаке прошло несколько стадий:

1. Период восстановления и использования старых городов, существовавших до прихода монголов – 40-е годы XIII в.
2. Начало градостроительства в степях во время правления Бату – первая половина 50-х годов XIII в.
3. Подъем градостроительства при Берке – с середины 50-х до середины 60-х годов XIII в.
4. Период замедленного роста городов – с 70-х годов XIII в. до начала второго десятилетия XIV в.
5. Расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке – со второго десятилетия до 60-х годов XIV в.
6. Затухание и упадок градостроительства – с 60-х годов XIV в. до 1395 г.

В целом, точка зрения историка на то, что каждый период развития золотоордынских городов отражал основную линию политического и экономического развития страны государства на определенном этапе, представляется достаточно объективной (Егоров В.Л., 1985). Однако она не полностью раскрывает специфику процесса развития ордынских городов. Главным образом, исследователь делает упор на экономическом детерминизме в этом процессе.

Опираясь на новые данные, процесс становления и развития ордынских городов открывается в несколько ином свете. Важным толчком к становлению независимого Улуса Джучи стало строительство на Нижней Волге первой столицы Сарай-Бату на перекрестке крупных торговых трех поселков со смешанно русско-татарским населением. Этот факт

нашел отражение в текстах путешествовавших на Восток монахов-францисканцев (Путешествия, 1957).

Вызывает большое сомнение, что появившиеся в Нижнем Поволжье новые города могли возникнуть без поддержки сильной центральной власти. Поэтому при анализе создания новых поселений можно выявить несколько предпосылок.

Одной из главных предпосылок является установление благоприятных климатических условий. При этом уровень Каспийского моря установился на отметке минус 32 –30 м. (Артюхин Ю.Х., 2010, с. 317). Подтверждают эти данные и многочисленные находки на Нижней Волге и Северном Кавказе костей лесных животных и птиц, полуфоссильной наземной малакофауны, древесной золы, многочисленные остатки бересты, деревянных вещей, накатов и перекрытий (Гумилев Л.Н., 1993; Олсуфьев Н.Г. и др., 1965; Осипян А.Л., URL). Однако, по мнению отечественных ученых, в большинстве своем это были байрачные или пойменные леса, расположенные вдоль водных артерий, склонов водоразделов и балок, обладавшие растительностью с низким бонитетом (Рысков Я.Г. и др., 2006, с. 60; Федоров-Давыдов Г.А., 1994)[1].

Таким образом, наличие близ ордынских центров подобных лесных массивов не только ускоряло строительство городов, но в то же время делало зависимыми функционирование этих центров от крупных поставок леса. Что в условиях ухудшения природно-климатических условий могло пагубно сказаться на хозяйственной деятельности последних.

Другой предпосылкой к появлению в Золотой Орде собственных крупных городов являлось расположение центральных районов Улуса Джучи, выгодных с экономической точки зрения. Еще с античности они традиционно развивались как регионы пересечения основных трансконтинетальных торговых путей (Великого Шелкового пути, Днепровский и Волжский пути, Транскавказского торгового тракта). Не последнюю роль в этом процессе создания новых ордынских городов сыграли: восстановление при помощи генуэзских купцов в 1261 г. Византийской империи, установление более тесных экономических контактов с государством Хулагуидов и стабилизация внутриполитической ситуации на просторах Монгольской империи. Однако временная задержка в создании новых городов второй половины XIII в. была обусловлена в большей степени внутриполитическим конфликтом с всесильным правителем

1 Бонитéт (от лат. bonitas – добротность, высокое качество) – количественный показатель, отражающий реальное или потенциальное качество природных объектов (животных, растений, почв), определяющий их экономическую ценность.

одного из ордынских улусов Ногай-мурзой. В то же время следует отметить, что именно на этот период приходится окончательное включение ордынских городов в мировую экономическую систему. Становым хребтом последней, по мнению многих историков, принято считать Великий Шелковый путь, который соединил ордынские урбанистические центры с крупными средне- и восточно-азиатскими торговыми городами [Отраром, Алмалыком, Кашгаром, Ханбалыком (Пекин)] (Скржинская Е.Ч., 1971, с. 50 – 52). Именно эта трансконтинентальная система позволяла поддерживать на высоком уровне основной товаропоток. При этом важную стратегическую задачу несли ответвления в районе «*Дербенского коридора*» и северное ответвление в районе плоскогорья Мангыстау и Устюрта. В итоге эти районы и стали зоной военного приложения сил сарайских правителей.

Одними из первых экономический эффект от этого включения ощутили уже существующие хорезмские, булгарские и крымские города. В кратчайший срок они превращаются в очень крупные перевалочные пункты восточных и европейских товаров. Это подтверждают данные археологических раскопок. Собственно ордынские города на тот момент – это простое скопление юрт и кибиток, и в очень редком случае – стационарные постройки. Культурный слой в них либо вообще не был зафиксирован, либо имел очень маленький слой (Зеленеев Ю.А., 2010, с. 116). Это не позволяет археологам с точностью говорить о значительной экономической деятельности местного населения и, как следствие, об активном антропологическом влиянии на окрестности.

Значительные изменения в ордынских городах привнесла в начале XIV в. консолидация власти ханом Узбеком и его сыном Джанибеком. В первую очередь заинтересованность самих центральных джучидских властей в стабильном развитии торговли напрямую способствовало тому, что в этот период была сформирована целая индустрия ордынской экономики, целиком и полностью завязанная на транзитной торговле европейских и восточных товаров. Важными элементами последней являлась строго централизованная система управления торговыми путями, состоявшая из целого корпуса переводчиков на татарский язык, погонщиков лошадей и верблюдов, равномерно расположенных по торговым путям мест ночевок (караван-сараев), и колодцев. Одним из главных элементов всей торговой системы Улуса Джучи являлся не пересматривавшийся вплоть до второй половины XIV в. стабильный размер ввозной пошлины, установленный еще во времена правления хана Берке на уровне 3% от общей цены ввозимого товара (Исхаков Д.М. и др., 2007,

с. 80). Следует отметить, что залог успеха ордынской экономики целиком и полностью был связан с проведенной при хане Токте денежной реформы (Федоров-Давыдов Г.А., 1973, с. 156).

Стабилизация в финансовой и политической сфере способствовала в конце XIII в. активизации экономических отношений с Венецией и Генуей. В результате в причерноморских и бессарабских степях возникла целая сеть торговых факторий итальянских республик, две из которых – Кафа (Феодосия) в Крыму и Тана (Азов) в устье р. Дон, наравне с ордынскими городами в Крыму – очень быстро превращаются в центры притяжения окрестных земель (Крамаровский М.Г., 1997, с. 102). Последовавший за этим экономический рост напрямую способствовал возникновению в первой половине XIV в. большого числа новых ордынских городов в ранее малозаселенных районах Северного Кавказа, Приволжья, Западной Сибири, причерноморских и прикаспийских степях (Егоров В.Л., 1985; Крамаровский М.Г., 1997).

Дальнейшее развитие торговли привело к полной трансформации ордынских городов. Определенную роль в этом процессе сыграло провозглашение ханом Узбеком ислама в качестве общегосударственной религии. Однако, несмотря на это, ордынская верхушка продолжала поддерживать и культивировать свое монгольское происхождение. Поэтому в ордынских городах Нижнего Поволжья этого периода явно прослеживаются черты традиционного, принятого в Монголии градостроительства, так и нехарактерных малазийских форм градостроительства. Расположение городских построек с ориентировкой юг-север в целом сохраняет традиции монгольской архитектуры (Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 96 – 97). При этом следует отметить серьезный рост числа зданий, выполненных уже в мусульманских традициях (Федоров-Давыдов Г.А., 1991, С. 16). Историки объясняют это приростом переселенцев из мусульманских регионов Закавказья, Малой, Передней и Средней Азии. С одной стороны, резкий приток населения из этих регионов привел к быстрому складыванию городского сословия в Улусе Джучи (Зеленеев Ю.А., 2010, с. 118). С другой стороны, усилил антропогенный фактор в регионе. Активное градостроительство на пике климатического оптимума в последующем сказалось на резком сокращении байрачных и пойменных лесов с последующим ускорением процесса эрозии местных почв (Иванов И.В. и др., 1997).

Положение в экологической сфере усугубил начавшийся около 1320 г. резкий подъем Каспийского моря (Берг Л.С., 1934, с. 20 – 21; Варущенко С.И. и др., 1984, с. 65; Вознесенский А.В., 1927, с. 780) при однов-

ременном падении на 10 – 12 метров Аральского моря (Вейнбергс И.Г. и др., 1972, с. 86). Видимым результатом этих событий стали подтопление крупнейших нижневолжских городов и основных зон выпаса Северного Прикаспия и Приаралья, сейсмическая активность на южном и западном побережье Каспийского моря (Артюхин Ю.Х., 2010, с. 318)[2].

Еще одним важным фактом природно-климатических изменений XIV в., по мнению отечественных исследователей, не нашедшего должного отражения в исторических источниках, стала последовавшая затем мгновенная аридизация окрестных степей и плоскогорий. Разразившаяся в конце 1350-х гг. многолетняя засуха способствовала резкому росту смертности среди населения от нехватки пропитания (Боголепов М., 1904, с. 89; Борисенков Е.П. и др., 1983, с. 14)[3]. Всего в период с 1350 по 1390 гг. было отмечено 30 голодных лет, из которых 4 года имели общеевропейский характер (Борисенков Е.П. и др., 1983, С. 90). Согласно текстам многочисленных письменных источников, наиболее масштабный голод охватил территорию Улуса Джучи в 1350 – 1360-х гг. (Крамаровский М.Г., 2007, с. 123; Федоров-Давыдов Г.А., 1973, с. 235). Косвенным свидетельством этих событий служат данные цен на хлеб и рабов в крымских городах (Бараш С.И., 1989; Карпов С.П., 1990, с. 167; Крамаровский М.Г., 2007, с. 170).

Главным итогом всех природно-климатических изменений XIV в., по мнению многих исследователей, стала начавшаяся в середине 1340-х гг. вторая пандемия чумы. На сегодняшний день в научной среде не существует однозначной точки зрения на основные причины возникновение эпидемии «черной смерти». Одни, начиная с М. Боголепова, основную причину усматривают в солнечной активности (Боголепов М., 1904, с. 88). Другие, вслед за академиком Е.Н. Павловским и отечественными эпидемиологами, связывают с «*возвратом*» основными носителями чумных бактерий мигрирующих видов грызунов (полевых мышей и черных крыс) с ранее утраченных территорий обитания в результате активной деятельности человека и массовым притоком в нижневолжские степи среднеазиатских сусликов и сурков (Павловский Е.Н., 1964, с. 138).

Определённость в этом вопросе привнесли данные европейской исследовательской группы. В рамках изучения климатических изменений

2 Эти события нашли свое отражение в многочисленных записях путешественников и очевидцев, отметивших появление «дурного запаха и ядовитого тумана». Отечественный исследователь Артюхин считает, что под этими понятиями следует понимать выход на поверхность природных газов: сероводорода, метана и радиоактивного радона (Артюхин Ю.Х., 2010).

3 По мнению отечественных исследователей (Бараш С.И., 1989; Боголепов М., 1904, с. 14; Чижевский А.Л., 1930), как правило, голодный период на пространствах Великой русской равнины совпадал с возросшей солнечной активностью.

в период Малого ледникового периода (XIV – XIX вв.) в 2013 – 2014 гг. был проведен анализ осадочных пород европейской и азиатской растительности[4]. В результате проведения исследований была признана ведущая роль локализованного близ Каспийского моря огромного эпидемического очага (нужно уточнить географические границы этого очага). Этот очаг спровоцировал как начало эпидемий чумы на юге России и в Западной Европе, так и появление новой легочной формы болезни. Именно из него посредством мигрирующих грызунов берет свое начало знаменитая «черная смерть»[5]. Таким образом, была опровергнута господствовавшая в XIX – XX столетиях теория, что эпидемией второй половины XIV в. являлась бубонная форма портовой чумы, распространявшаяся посредством укуса блох, прибывших из Крыма на теле корабельных черных крыс.

Сравнив с данными, представленными в крупном исследовании по чуме на Ближнем Востоке М.В. Долса (Dols M.W., 1972; Dols M.W., 1977), европейские исследователи определили частоту нижневолжских вспышек заболевания. Согласно представленным данным, эпидемии в Западной Европе происходили через 16 – 20 лет после больших ордынских или через 30 лет после центрально-азиатских вспышек. Исходя из этого, наиболее крупные по последствиям вспышки чумы в Средней Азии пришлись на 1331, 1394, 1741 и 1747 гг. Таким образом, вспышка в Улусе Джучи 1346 – 1348 гг. явилась предшественницей эпидемии чумы 1363 – 1367 гг., а чума 1408/09 гг. – 1428 –1430 гг. При этом было отмечено, что перед большими эпидемиями фиксировались резкие перепады зимних и летних температур (Schmida B.V. et al., 2015). В целом это подтверждают выводы, сделанные в средние века византийскими (Нефедов С.А., 2013; Bergdolt K., 1989; Haeser H., 1865; Bergdolt K., 2000, s. 23 – 24) и русскими летописцами (ПСРЛ)[6].

4 В настоящий момент была проведена реконструкция климата центральной части Великой русской равнины в период Малого ледникового периода (Клименко В.В. и др., URL.). Методологическую основу этих исследований составляет дендрохронологический анализ прироста древесных колец. Для территории Улуса Джучи использовался популярный на сегодняшний день на Западе метод прокси-климатического анализа осадочных пород Каракорумского хребта (Schmida B.V. et al., 2015). В отечественной науке более распространенным является палинологический анализ фрагментов, полученных из торфяных разрезов. Этот метод позволяет проанализировать ископаемую пыльцу растительности и реконструировать конкретные значения летних и зимних температур (Клименко В.В. и др., URL.).

5 Европейские исследователи определили, что наиболее подходящими для этой роли выглядят два вида распространенных в степи мигрирующих грызунов: суслик (spermophilsundlatus) и алтайский сурок (Schmida B.V. et al., 2015).

6 Более подробное о чуме в Золотой Орде смотри работы Ю. Шамильоглу и Т.Ф. Хайдарова.

Наиболее серьезно последствия вспышки чумы второй половины XIV в. сказались на развитии золотоордынских городов. В первую очередь можно отметить численное сокращение городского населения. Если судить по летописным данным, то в географически близких северо-восточных городах в наиболее пиковые периоды ежедневная смертность могла достигать от 20 до 100 человек (ПСРЛ, Т. 15, л. 292 – 293об, с. 76 – 77). Если учитывать, что эпидемия продолжалась практически вторую половину года, то, согласно простому математическому исчислению, ежегодная убыль городского населения могла составить примерно от 3000 до 18000 человек. В случае эпидемической активности порядка нескольких лет – от 6000 до 36000 тыс. человек и больше. Если говорить об общей убыли населения в Золотой Орде, можно вновь обратиться к ближневосточным и русским данным по Новгородской земле. По данным отечественных археологических исследований фиксируется почти полуторадвукратное уменьшение численности всего населения (Miller D., 1989). По Ближнему Востоку, считает английский историк М.В. Долса, убыль населения в конце XV в. составила от 1/4 до 1/3 населения, или более 40% от доэпидемических данных (Dols M.W., 1977). Восстановиться население и на Руси, и на Ближнем Востоке смогло лишь к началу XVI в. Так, к 1500 г. в Новгородской земле оно вернулось к доэпидемическим данным и составило примерно 520 тыс. человек.

Исходя из этих данных, можно предположить, что, скорее всего, убыль людей в Улусе Джучи только от эпидемий составила более 50%. Косвенно подтверждает эти сведения факт практического исчезновения с экономической карты государства большинства оставшихся ордынских городов. Исключение здесь составили только те города, которые находились близко к производственным и экономическим центрам (Булгарский вилайат, Солхат, Тана, Крым, Нижнее Поволжье). Это объяснялось тем, что только там можно было найти пропитание. Наблюдаемый повсеместно рост зарплат при падении цен на продовольственные товары и сокращение каменного строительства в этих центрах лишь подтверждает это предположение (Нефедов С.А., 2013). Впрочем, отсутствие специальных исследований в области позднеордынской демографии не позволяет нам указать более точное число погибших. Поэтому данный вопрос еще требует научного осмысления.

Не последнюю роль в процессе торможения развития городов Улуса Джучи сыграла начавшаяся во время Великой замятни децентрализация Улуса Джучи. В этих условиях города, находившиеся в прямой зависимости от воли ордынского хана, оказались в очень непростой экономи-

ческой ситуации. В то же время археологические данные этого периода свидетельствуют о резком подъеме крымских городов, связанных напрямую с итальянскими городами Генуей и Венецией. В первую очередь их подъем был связан с установлением в 1350 – 1360-е гг. тесных контактов между темником Мамаем и генуэзцами. Обладавшие более широкой сетью колоний в причерноморском регионе, чем венецианцы, последние, несмотря на массовую смертность среди итальянских колонистов во время первой волны чумы (1346 – 1348), смогли сполна воспользоваться плодами своей победы в Третьей венецианско-генуэзской войне 1350 – 1355 гг. (Скржинская Е.Ч., 1949).

Впрочем, это был лишь временный успех Генуи. Установив полный контроль над всей причерноморской торговлей Улуса Джучи, генуэзцы (Карпов С.П., 1990, с. 177 – 182) смогли на время стабилизировать экономическое положение татарского государства и частично решить проблему с голодом. Однако конфликт, разразившийся в конце 1365 г. с беклербеком из-за размера ввозной пошлины, свел на нет эти достижения (Зеленеев Ю.А., 2010, с. 39; Зеленеев Ю.А., 2010, с. 142 – 143; Федоров-Давыдов Г.А., 1991]. Это, как и ранее банкротство генуэзских банков в 1256 – 1259 гг., стало точкой отсчета для изменения экономического курса итальянского города (Бродель Ф., 2007, с. 149). Большую роль в этом процессе сыграл в конце XIV в. рост военной напряженности в евразийских степях из-за походов Тамерлана. В результате итальянцы переориентировались на традиционные левантийские порты и гавани в Сирии и Египте, свернули всю свою деятельность в Причерноморском регионе с последующим переносом центра тяжести экономических интересов на более устойчивые в политическом плане Великое княжество Московское и Литовское, Османский султанат, государство Мамлюков, германские княжества, Польское и Венгерское королевства (Бродель Ф., 2007, с. 61).

Значение северо-итальянских городских республик для общеевропейской торговли еще больше падает, когда в середине XIV в. на политическую арену выходит Ганзейская лига (союз) немецких городов. Хотя до этого периода о полном отсутствии представителей немецкого купечества на территории Улуса Джучи говорить не приходится. Практически сразу после Батыева нашествия на Русь (1237 – 1240) ханы Улуса Джучи постарались сохранить структуру русской торговли. После общерусского восстания 1262 г. золотоордынские ханы постарались предоставить русскому купечеству свободу действий с западными контрагентами. С существовавшими на тот момент немецкими торговыми факториями в Новгороде, Смоленске, Пскове, Полоцке и новыми ливонскими городами (Рига,

Ревель, Тарту) посредством русских князей были подписаны договора, подтвердившие уже сложившиеся отношения. Таким образом, было подчеркнуто значение северо-западной торговли для Золотой Орды и усилены позиции русских княжеств как основного буфера экономических отношений Улуса Джучи с Северной Европой (Нефедов С.А., 2013, с. 230) .

Следует отметить, что вплоть до конца XIII в. не существовало единого торгового немецкого союза. Зачастую ордынским властям приходилось лавировать между конкурирующими друг с другом немецкими купеческими группировками из Бремена, Вестфалии и Любека. В большинстве случае это приводило к установлению личных контактов, что не позволяло в значительной степени немецким партнерам, в отличие от их коллег из Генуи и Венеции, являться важным внутриполитическим фактором в собственно ордынских и зависимых русских землях. Поэтому (за исключением находившегося под контролем Ливонского ордена западно-двинского торгового тракта) экономическое развитие важнейших сухопутных и речных артерий, а также крупнейших русских городов, скорее всего, находилось в руках армянских купцов. Многочисленные свидетельства влияния последних можно найти в документах города Львов – важнейшего на сухопутном «татарском пути» (Осипян А.Л., URL).

Другими «западными торговыми воротами» для Улуса Джучи стали Новгород, Псков, Смоленск и Полоцк. Но если деятельность первых двух изучена достаточно подробно, то о двух оставшихся русских городах известно немного. Фактически большую роль в их возвышении сыграл восстановленный ордынскими властями в 1260-х гг. древнейший днепровский путь. Очень скоро немецкие купцы смогли по достоинству оценить экономические возможности этой торговой артерии (Павулан В.В.,1968). Впрочем, о каком-либо доминировании ганзейцев в местной торговле говорить не приходится. Наоборот, ордынские власти старались сохранить равноправие всех участников местной торговли. Все дальнейшие попытки немецких купцов изменить существующие правила при помощи установления специальных предписаний ведения русской торговли и организации в Полоцке главного таможенного поста в русских землях не имели должного результата (Кулишер И.М., 2008, с. 203; Хорошкевич А.Л., 1963). Как и прежде, золотоордынские ханы сохраняли монополию на поставку восточных товаров в Европу. Правда, принятая ганзейская торговая система, требовавшая разрешения любекского городского совета, позволяла это делать только до крупных перевалочных пунктов (Новгород, Смоленск, Рига, Львов, Данциг), о чем и свидетельствует датированный 1470 г. ответ данцигских купцов половцанам (Хорошкевич А.Л., 1963).

Резкие изменения в ганзейско-ордынской торговле произошли сразу после эпидемии «черной смерти». Последовавший затем громадный демографический кризис и рост военной напряжённости (Столетняя война, борьба на Балтийском море, Великая замятня, польско-ордынское противостояние и т.д.) поспособствовали созданию не имевшей сильной государственной поддержки Ганзейской лиги. Её подъем в 1370 – 1380-х гг. в значительной степени был обеспечен произошедшей в конце XIII в. европейской кораблестроительной революцией и с возросшим спросом на основные золотоордынские товары (древесину, пушнину, хлеб, кожи, пеньку, лен, мед) в мало пострадавшей от эпидемии чумы промышленности Нидерландов.

Отчасти этот подъем объяснялся повторным выходом на пространства Восточной Европы и Ближнего Востока Венецианской республики Св. Марка. В 1383 г. Синьория овладевает о. Корфу, имевшем стратегическое значение для судоходства, что фактически после победы над Генуей в войне Кьоджа (1378 – 1378) сделало её уже в начале XV в. единоличным хозяином в средиземноморско-черноморском регионе. Главным образом, лидерство Венеции базировалось на хорошо развитой системе торговых аванпостов, предсказуемой финансовой политике и многочисленном флоте. Все это позволило уже в начале XV в. городу стать самым большим торговым складом восточных товаров в Европе, а венецианскому дукату – основным платежным средством международной торговли. При этом следует отметить, что венецианцы одними из первых в мире перешли к политике монополизации и меркантилизации собственного рынка, открытому диктату основных правил введения торговли и транспортировки (Бродель Ф., 2007, С. 106 – 114). Возникновение во второй половине XIV в. Ганзейской лиги немецких городов можно фактически рассматривать, как один из элементов торговой политики Венецианской республики. Именно венецианская система торговых факторий и принятые венецианским законодательством правила ведения торговли были взяты за основу своей политики ганзейскими купцами. Таким образом, можно говорить, что развитие всей экономики Западной части Евразийского континента фактически оказалось в руках городского совета Синьории (Бродель Ф., 2007).

Большую роль в этом подъеме Венеции сыграл в 1340-х гг. выход на левантийские рынки. При этом следует отметить, что определяющим фактором всех этих событий явилось преодоление последствий эпидемии «*черной смерти*» на Ближнем Востоке. Как показало исследование цен на местные товары и реальный уровень заработной платы, положе-

ние дел в экономике Ближнего Востока во второй половине XIV в. было таким, что, несмотря на демографический спад населения, происходит реальный рост объемов производства и доходов населения и падение доходности от земледелия по отношению к доэпидемическим значениям. В этих условиях была необходима перестройка всей экономической структуры Ближнего Востока. За счет массового внедрения технологических новшеств (системы орошения, внедрение новых сортов технологических и зерновых культур) удалось интенсифицировать развитие сельского хозяйства с последующим торможением роста доходов у неквалифицированных наемных работников. В итоге техническое перевооружение ближневосточного сельского хозяйства напрямую способствовало потере интереса к ордынскому зерну со стороны западных партнеров, что, в свою очередь, еще более усугубило положение экономики Улуса Джучи и подвластных ему территорий. Впрочем, все эти процессы были частично замедлены из-за подъёма рождаемости среди населения, что, в свою очередь, привело к введению специального законодательства по его ограничению. Аналогичные меры были приняты и отмечены ещё во времена Юстиниановой чумы (541 – 740) (Pamuk Ş. et al., 2014).

Наметившийся подъем европейской экономики явился лишь кратковременным явлением. Одним из важных факторов, определивших дальнейшее экономическое развитие, стало перераспределение европейского рынка в пользу ремесленных и промышленных товаров (Бродель Ф., с. 91). В этих условиях зависимые от транзитной торговли сырьем и восточными товарами роскоши экономики Улуса Джучи, Генуи и Ганзы не смогли выбраться из наметившейся экономической и политической катастрофы. Как показал близкий к Улусу Джучи ближневосточный пример, наметившуюся политическую катастрофу можно было преодолеть только путем консолидации верховной власти в одних руках с последующей централизацией и модернизацией экономики, что в условиях острого политического кризиса (Великая замятня) было сделать крайне проблематично.

Литература

Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI века. Л., 1971. Т. I.

Аллахвердиев Ф.Д., Аллахвердиева Д.Ф. Динамика растительных комплексов на побережье Северо-Западного Прикаспия в условиях новейшей трансгрессии // Изв. вузов. Сев.-Кавк. рег. Естеств. науки. 2011. № 3.

Артюхин Ю.Х. Природные катаклизмы как одна из причин «Великой замятни» в Золотой Орде и возникновения Азака // Боспорские исследования. 2010. Вып. XXVI. С. 315 – 334.

Бадюкова Е.Н. История развития Северного Прикаспия и дельты Волги // Океанология. 2010. Т. 50. № 6.

Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европе: (по XVI в. н. э.). Л.: Гидрометеоиздат, 1989. 238 с.

Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время. / Проблемы физической географии. Вып. 1934.

Боголепов М. О колебании климата европейской России в историческую эпоху. М., 1908. 114 с.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI – XVII вв. Л.: Гидрометеоиздат, 1983.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 2007.

Варущенко С.И., Варщенко А.Н. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности Русской равнины в средние века // Известия АН. Серия географическая. 1984. № 4.

Вейнбергс И.Г. и др., Ульст В.Г., Розе В.К. О древних береговых линиях и колебаниях уровня Аральского моря // Вопросы четвертичной геологии. Рига. Изд-во «Зинатне». 1972. Вып. 6.

Вознесенский А.В. Изменение уровня Каспийского моря // Природа. 1927. № 10.

Волков И.В. Поселения Приазовья в XII-XIII веках / Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М. Наука. 2003.

Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М. 1993.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М.: Наука, 1985.

Залибеков З.Г., Баламирзоев М.А., Биарсланов А.Б. Применение информа ционных технологий в разработке мероприятий по управлению почвенными ресурсами Западного Прикаспия // Известия вузов. Северо-Кавкавказский регион. Серия: Естественные науки. 2011. № 4.

Зеленеев Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика / История и современность. 2010.

Иванов И.В., Луковская Т.С. Проблемы сеиаридных и семиаридных областей Евразии в голоцене // Человек и природа: Материалы VI научной конференции “Человек и природа. Проблемы социоестественной истории”. М., 1997.
Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007. 356 с.
Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития Феодальной Руси. М., 1967.
Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990.
Клименко В.В., Слепцов А.М. Климат и история России в IX–XVI вв. [Электронный ресурс] URL: http://sleptsov.chat.ru/Climruss.htm
Крамароский М.Г. Золотоордынский город Солхат-Крым: К проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // Татарская археология. 1997. № 1.
Крамаровский М.Г. Петрарка о бедствиях Скифии // История и современность. 2007. Вып. 2.
Кренке А.Н., Золотокрылин А.Н., Попова В.В., Чернавская М.Е. Реконструкция динамики увлажнения и температуры воздуха за исторический период (по природным показателям) // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 34–38.
Кульпин Э.С. Экологический критерий цивилизованности / Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации. М. 2004.
Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск, 2008.
Лысенко Т.М. Голофитная растительность Среднего и Нижнего Поволжья (в пределах степной зоны) URL: http://orenicn.ru/index.php/enzoren/stepene/129-steppenecat/837-2012-01-30-07-00-44
Мордкович В.Г., Гиляров А.М., Тишков А.А., Баландин С.А. Судьба степей. Новосибирск: Наук, 1997.
Матекин П.В Фауна наземных моллюсков Нижнего Поволжья и ее значение для представления об истории современных лесов района // Зоологический журнал. 1950. Т. XXIX. Вып. 3. С. 193–205.
Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т.1. С древнейших времен до Великой смуты. М.: изд. Дом «Территория будущего», 2010. 50 с.
Олсуфьев Н.Г., Доброхотов Б.П. Основные принципы и итоги изучения географии природных очагов туляремии в СССР / Методы медико-географических исследований. М., 1965.
Осипян А.Л. Этно-конфессиональные меньшинства в Польском королевстве во второй по половине XIV – первой половине XVII вв.: на примере «городских наций» Львова // Pandia.ru: Энциклопедия знаний [Электронный ресурс]. URL: http://www.pandia.ru/text/77/207/81361.php
Павловский Е.Н. Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов. М.-Л.: Изд-во «Наука», 1964.

Павлукан В.В. Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII-XVII вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига. 1968. С. 75–94.

Полное собрание русских летописей. Т. 1–42. СПб., Л., М.,1841 – 2005.

Путешествия в восточные страны / Перевод А. И. Малеина; Отдел рукописей, редких и старопечатных книг. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

Рысков Я.Г., Демкин В.А., Николаев В.И., Олейник С.А., Якумин П.В. О возможностях идентификации «антропогенной аридизации» ландшафтов в прошлом по изотопным данным. В: Николаев, В. И. (ред.), Стабильные изотопы в палеоэкологических исследованиях. – М.: Ин-т географии РАН. 2006.

Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология "глобальных ворот" // Полис. 2007. № 2.

Скржинская Е.Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // Византийский временник. 1949. Т. II (XXVII). С. 249 – 256.

Скрижинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л. 1971.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 579 с.

Федорова Р.В. Лесные фазы в растительном покрове Ергеней и Ставрополья в позднем голоцене (по данным спорово-пыльцевого анализа) // Материалы по геоморфологии и палеогеографии СССР. 1954. Вып. 13. С. 57 – 127.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М,1994.

Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге //Татарская археология. 1997. № 1.

Хайдаров Т.Ф. Торговые отношения Ганзейского союза и Золотой Орды (1262–1357 гг.) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. 2012. Вып. 5. С. 335-339.

Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и её последствия // Золотоордынское обозрение. 2014. С. 96 – 112.

Хайдаров Т.Ф. Эпидемия «Черной смерти» в русских княжествах и в Золотой Орде (1345/46 – 1430): предпосылки и последствия // Историјски часопис. 2015. књ. LXIV. С. 193 – 222.

Хорошкевич А.Л. Договоры Полоцка 1405 – 1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // Археографический ежегодник за 1962 год. М. 1963. С. 79–87.

Чижевский А.Л. Эпидемические катастрофы и периодическая деятельность Солнца. М., 1930. 172 с.

Abu-Lughod J.L. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250 – 1350. N.Y., 1989.

Bergdolt K. Die Pest 1348 in Italien. 50 zeitgenossischen Qullen. Mit einem Nachwort von Gundolf Keil. Heidelberg, 1989.
Bergdolt K. Der Schwarze Tod: die Grosse Pest und das Ende des Mittelalters. Muenchen: C.H. Beck, 2000.
Dols M.W. The Black Death in the Middle East // Princeton University Press, 1977. pp. 193-235
Dols M.W. The second plague pandemic and its recurrences in the Middle East: 1347-1894. // EconSocHistOrient. 1979. №22. Pp.162–189.
Haeser H. Geschichte der epidemische Kranheiten / Lehrbuch der Geschichte der Medizin in der epidemischen Kranheiten. Jena, 1865. Bd. 2.
Li Y Different region analysis for genotyping Yersinia pestis isolates from China // PLoS ONE. 2008. № 3(5).
Miller D. Monumental Building as Indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Later Kievan and Mongol Periods, 1138–1462 // American Historical Review. 1989. Vol. 9. № 2. P. 366 – 377. 372 – 373
Pamuk Ş., Shatzmiller M. Plagues, Wages, and Economic Change in the Islamic Middle Age, 700 – 1500 // The Journal of Economic History, Vol. 74, No. 1 (March 2014) – pp. 196 – 229.
Schamioglu U. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasiatica. Festschrift fuer professor Andras Rona-Tas. 1991. pp. 157 – 163.
Schamioglu U. Preliminary remarks on the role of disease in the history of the Golden Horde // Central Asian Survey. 1993. 12(4). Pp. 447 – 457.
Schmida B.V., Buentgen U., Easterday W.R., Ginzler Chr., Walloee L., Bramantia B., Stenseth N. Chr. Climate-driven introduction of the Black Death and successive plague reintroductions into Europe // PNSA. 2015. Vol. 112. № 10. Pp. 3020 – 3025.
Wallerstein I. The Modern World System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y. 1974

Я.В. Пилипчук

УЛУС ЧАГАТАЯ И ГОСУДАРСТВО ТАМЕРЛАНА XIII- НАЧАЛА XV ВВ., ПО СВЕДЕНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Данная статья освещает историю Улуса Чагатая и государства Тамерлана в XIII- начале XV вв. Джиованни де Плано Карпини и Вильгельм де Рубрук рассказали об Улусе Чагатая в самых общих чертах. Описание Марко Поло также не отличалось четкостью и корректностью. Он объединял в одно государство Улус Чагатая и Улус Хайду. Более точные данные были уже в эпоху Тамерлана. Правда, и тут были свои особенности. Для польских и украинских хроник характерно путать Тамерлана с Тимур-Кутлугом. Сербы и болгары упоминали про Тимура в связи с его войной против султана Байазида. Византийцы описывали события более подробно, чем сербы и болгары. Они описывали его действия в Анатолии. Четкими были данными тех европейцев, кто побывал в государстве Тимура. Это были Руи Гонсалес де Клавихо и Иоганн Шильтбергер. Руи Гонсалес де Клавихо освещал внешнюю политику Тимура. При этом его источники были разнообразны, начиная от кастильских дипломатов до китайских послов. Тамерлан рассматривал как равных представителей тюрко-монгольского мира Чингизидов. Достаточно подробно освещены войны Тамерлана против Османов и Джучидов, а также конфликты с туркменами. Особый интерес составляло описание междуусобиц между самими Тимуридами. Иоганн Шильтбергер рассказывал о государстве Тимуридов в схожем ключе, но не сообщал о войнах Тамерлана с Токтамышем, а лишь осветил позицию Абу Бакра, который непрямо поддерживал Идигей против сыновей Токтамыша и иных Джучидов. Немалое место уделено рассказу о наступлении туркмен Кара-Коюнлу на территории Тимуридов. Так или иначе европейцы концентрировали свое внимание на Средней Азии и политике Тимуридов по отношению к Османской Империи и Золотой Орде, которые были непосредственными соседями европейцев.

В отличие от Золотой Орды и Османской Империи картина Средней Азии для европейцев была более размытой.

Ключевые слова: Османская империя, Золотая Орда, Европа, Улус Чагатая, государство Тимура, Тимуриды, Кара-Коюнлу.

Одним из интереснейших аспектов истории Центральной (Средней) Азии является история Улуса Чагатая. Она, главным образом, реконструируется по сведениям восточных источников – Рашид ад-Дина, Юань-ши, Шараф ад-Дина Йазди, Низам ад-Дина Шами, Ибн Араб шаха, Хафиз-и Абру. Необходимо отметить, что Улус Чагатая находился в тени истории соседних государств (Золотой Орды, Империи Юань, Улуса Хайду) до появления Тамерлана. Поскольку Тамерлан правил через подставных Чагатаидов и Угедеидов и не посягал на Чингизидскую легитимность, то деятельность этого амира также можно вписать в историю Улуса Чагатая. Заданием данного исследования является изучение сведений по истории Чагатайского Улуса и государства Тамерлана в европейских источниках. Необходимо охарактеризировать особенности разных групп источников.

История Чагатайского улуса была известна по сообщениям Джованни де Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука и Марко Поло. Джованни де Плано Карпини очень кратко упоминал о этом улусе. Он упоминал о стране сарацинов и не мог четко разграничить владения правителей отдельных монгольских улусов. Вильгельм Рубрук указывал, что после Золотой Орды оказался около города Талас, за которым находилась земля Органум. У города Болат были золотые копи. В этой стране жили каракитаи, а в городе сарацины, разговаривающие по-персидски. В этой земле был город Кайлак, где раньше было много христиан, а во времена путешествия уже проживали туркмены. Со страной Органум граничили югуры (уйгуры). Также в Улусе Чагатая жили найманы. Вильгельм Рубрук, пребывая в этом государстве, застал момент смерти Бури, который находился в оппозиции к Бату и великому хану Мунке. Улус Чагатая был описан итальянцем и фламандцем в качестве перевалочных пунктов (Карпини, Рубрук, 1957, с. 72-74, 124-133).

Марко Поло указывал, что Хайду правит страной Великая Турция (Улусом Чагатая) и является внуком Чагатая. На самом деле Хайду происходил из рода Угедея и создал собственный улус, который не зависел от Чагатаидов. С отдельными Чагатаидами у Хайду были союзнические отношения. В 1266 г. Хайду выступил вместе с Есударом против великого

хана Хубилая. Он победил в первой битве и вокруг него собралось много Чингизидов. Говорилось, что великий хан разорял земли Хайду. Абага помогал Хубилаю в войне против Хайду и отправил против него войско Аргуна, который вторгся в земли Чагатайского улуса, Хайду отправил против него войско во главе с Бараком. В битве, что состоялась, Аргун разбил Барака. Потом он победил и Кайду. Закрепить успехи ему помешала вражда в землях Хулагуидов после смерти Абаги. Ахмад захотел захватить власть, а Аргун выступил против него и вернулся в земли Ирана и Азербайджана. Нужно сказать, что на события в Улусе Чагатая Марко Поло смотрел сквозь своих информаторов при Империи Юань и через позицию самого императора, который хвалился, что только из-за его воли Хайду еще жив. История Улуса Чагатая куда лучше в европейских источниках отображена в ряде персидских хроник, а также в китайских хрониках Юань Ши и Синь Юань ши (Марко Поло, 2005, с. 359-365; Biran, 2015, p. 19-106).

Несколько особо среди европейских хроник стоит хроника Гетума из Корикоса. На старофранцузский язык его хронику записал в начале XIV в. Николя де Фалькон. В книге истории Востока указывалось, что Чагатай был третьим сыном Угедея. В реальности же он был сыном Чингизхана. По сведениям армянина, Чагатай вторгался в земли на юг от Нижней Индии. Также упоминался Борак. В общем, сведения Гетума из Корикоса перекликаются со сведениями Марко Поло, который также путал Чагатаидов и Угедеидов (Hetoum).

Интерес европейцев к Центральной Азии (Средней Азии) возрос лишь тогда, когда Тамерлан осуществлял свои завоевания. Да и то во многих случаях европейцы многое путали. В польских и украинских источниках Тамерлану приписывалось участие в битве на Ворскле. Тамерлан упоминался в контексте отношений Польши и Великого Княжества Литовского с татарами. Он мыслился как один из правителей Золотой Орды. Ян Длугош назвал вождями татар Тамерлана и Идегея. Польский хронист спутал Тимур-Кутлуга с Тамерланом и был уверен, что не Тимур-Кутлуг, а именно Тамерлан оказал помощь Идегею. Мацей Меховский сообщал, что перед битвой на Ворскле Витовт в 1397 г. воевал около Дона и Волги. В общем повторял сведения Длугоша. Токтамыш вместе с Витовтом воевал против завожского царя Тимур-Кутлуга и был им побежден. Польский хронист принял Тимур-Кутлуга за Тамерлана. Александр Гваньини считал, что битва произошла в 1397 г. Польский хронист считал Идегея одним из полководцев Тамерлана. Татар, по описанию Мацея Стрыйковского, возглавлял Идегей. Царем татар назван Тамерлан. При

этом хронист отмечал, что татары зовут его Тимур-Кутлу, а другое его имя Тимур-Аксак. Сказано было, что он уже победил турок. Тут Мацей Стрыйковский спутал двух разных правителей и хронологию событий. Марцин Кромер, Марцин Бельский и Александр Гванини вместо Тимур-Кутлуга считали полководцем татар Тамерлана. Поляки называли Едигея гетманом (полководцем Тамерлана) (Меховский, 2009, 91, 104; Гваньїні, 2009, с. 327-328; Bielski, 1856, s. 495-498; Стрийковський, 2011, с. 595-599; Kromer, 1857, s. 749-752; Dlugosz, 1868, s. 495-497). В Густынской летописи Тамерлан назван царем татар, летописец считал Тимур-Аксака и Тимур-Кутлуга одним и тем же человеком (Густынская летопись 2003, с. 131-132). Войско татар, по сведениям Феодосия Софоновича, насчитывало 200 тыс., его возглавляли царь подлого рода (то есть простолюдин) Темир-Аксак и его гетьман Егида (Идегей) (Софонович, 1992, с.181).

Польских и украинских хронистов мало интересовали выходящие за рамки Восточной Европы и в их описаниях Тамерлан спутан с золотоордынским ханом Тимур-Кутлугом при битве на Ворскле. Также он был упомянут в связи с битвой под Анкарой. Этот эпизод был упомянут как важный в контексте внешней политики европейских государств, которые ощущали угрозу со стороны турок.

Отображение турецко-чагатайской войны было достаточно отчетливым у хронистов с Балкан. Сюжет с железной клеткой, в которой Тамерлан запирал своего пленника – османского султана Байазида, нашел отображение в хронике византийского историка Георгия Сфрандзи и в ''Житии Стефана Лазаревича'' болгарского летописца Константина Костенчского при дворе сербского деспота. Из этого жития сюжет с Байазидом попал в Русский хронограф. В византийском стихотворном ''Плаче Тамерланском'' описаны опустошения, осуществленные Тамерланом. В схожем ключе высказывался Георгий Дука, сообщая, что Тамерлан не оставлял после себя живых. Лаоник Халкондил писал, что изначально Тамерлан не хотел войны против Байазида и считал, что они принадлежат к одной вере и родственным народам. Он пытался договориться с султаном еще в 1401 г. и предлагал убрать турецкие войска из Азии, на что получил в ответ оскорбление и начал войну против Байазида. Георгий Сфрандзи указывал, что в 1402 г. в сражении с Тимуром погиб Байазид, который был пятым из Османов. В сербской Вукоманичевской летописи просто сказано, что в 1402 г. в битве с Тимуром погиб Байазид. В Габаревской, Хилендарской, Дерптской и Бечской сербских летописях сказано, что Байазид погиб под Анкарой в 1402 г. 29 июня. В Тырновском фрагменте сказания вкратце сказано, что в 1402 г. была война с Тимуром.

В части балканских и византийских хроник не верили в сюжет с клеткой и считали более вероятной гибель османского султана. В болгарской летописи начала XV в. сказано, что агаряне с востока разбили Байазида. В анонимной византийской хронике № 12 сказано, что в 1400 г. Тимур воевал у Севастии и взял этот город. Из голов убитых он приказал соорудить пирамиду. Тогда же он взял Мелитену. В 1401 г. он взял Халеб, Эдессу, Бейрут, Самосат. 29 июня 1402 г. Байазид был разбит архонтом персов и скифов Тимуром в епархии Анкара в Галатии. Тимур после победы взял Иконию (Конью), Листру, Дербен, Кесарию Каппадокийскую (Кейсарию), дошел до Никеи и Брусы. В Брусе он приказал уничтожить все христианское население. Тимур вошел в Магнезию, Тиатейрон, Фокею, Смирну. В Смирне он перебил 4 тыс. человек и приказал соорудить из голов 2 пирамиды из черепов. Также были взяты Эфес, Филадельфию, Лаодикию, Пергис, Атталию. Византийский хронист указывал, что Байазид умер по воле Богородицы. В анонимной византийской хронике № 22 сказано, что правитель персов со значительным войском сразился с Байазидом и победил его в Севастии, а также опустошил Анатолию. Байазида взяли в плен. Таковы были сведения византийских императорских хроник. В морейских хрониках были более размытые данные. В анонимной византийской хронике № 38 сообщается, что Тимур пленил амира (Байазида). В анонимной византийской хронике № 36 указано, что Дамирис победил амира (Байазида) (Кримський, 2007, с. 76-88; Фрагмент от Търновский препис на Сказание вкратце; Жигалова, 2015, с. 16-18; Сфрандзи, 1982; Летопис на сръбските царе; Летопис на сръбските царе и господаре; Безименна българска летопис от първата половина на XV в.; Анонимна византийска хроника № 12; Анонимна византийска хроника № 22; Анонимна византийска хроника № 38; Laonicus Chalcondyles Atheniensis Historiarum Libri, 1843; Ducas Historia Byzantina, 1834; Georgius Phrantzes et Ioannes Cananus et Ioannus Anagnotes, 1838).

Отдельно стоит сказать о документальных источниках. В 1399 г. византийский император просил помощи у английского и французского монархов против турок. Однако после поражения европейского войска под Никополем в 1396 г. оказывать помощь ромеям французы и англичане отказались. Тогда император отправил послов к Тамерлану в 1401 г. Через своих послов он обещал, что в случае победы Тамерлана ромеи будут платить дань Тамерлану, которую ранее платили Османам. Французский король Карл VI и генуэзцы старались наладить с ним отношения. В 1400 г. Тимур захватил Дамаск. Правитель Арагона Мартин I и римский папа Бенедикт XIII требовали крестового похода против Тамерлана. По-

сле победы при Анкаре европейские монархи изменили свою точку зрения. Арагонские послы поздравили Тамерлана с победой. Французский король, а также английский король Генри IV и кастильский король Энрико III отправили ему письма с поздравлениями через своих послов, чтобы наладить с ним отношения. С другой стороны, арагонский монарх сообщал понтифику, что войска Тамерлана вышли к побережью и овладели рядом принадлежащих госпитальерам крепостей, включая Смирну (Измир). Еще перед битвой, когда Тамерлан был в Карабахе, к нему прибыли генуэзские и венецианские посольства. Кроме того, прибыл посол пастор Иоганн от французского короля. В 1401 г. кастильский король Энрике отправил на восток первую свою миссию к Тамерлану. После битвы при Анкаре византийский император, с одной стороны, искал поддержки от Османов, с другой – заверял Тамерлана в своей верности. Один из византийских сановников – сенатор Жан де Шатоморан ярко описал взятие Тамерланом Смирны. Он сообщал также о том, что амир ищет судна для переправки в Румелию. По условиям переговоров с византийским и трапезундскими императорами те должны были предоставить ему по 20 кораблей. Но, очевидно, ромеи просто побоялись пустить Тамерлана в Европу. Византийский император Мануил в 1402 г. помогал туркам. Тамерлан согнал свою злость на госпитальерах, которые обороняли Смирну. Также он принял признание вассальной зависимости от генуэзцев из Хиоса и Фокеи (Гюрай, 2015, с. 34-40; Успенский, 1997, с. 610; Marozzi, 2004, p. 6; Knobler, 1995, pp. 341-349).

Вразумительнее были сведения европейцев, непосредственно побывавших в государстве Тамерлана, и его преемников. Это сочинения Руи Гонсалеса де Клавихо и Иоганна Шильтбергера. Первый был кастильцем, второй немцем. Кастилец был дипломатом и его кругозор был более широким, чем у немца. Руи Гонсалес де Клавихо воспринимал Тамерлана как того, кто победил правителя Самарканда и покорил Моголистан. И если в отношении победы над правителем Самарканд кастилец прав, то относительно Моголистана его сведения неточны. Нужно сказать, что он не разграничивал Мавераннахр и Моголистан. Царством Самарканд в Истории великого Тамерлана был назван Мавераннахр. Самарканд был столицей этой земли. Правителем Самарканда, которого победил Тамерлан, был его прежний друг Хусейн, который называл себя амиром Мавераннахра. Касательно же самого Мавераннахра, то Руи Гонсалес де Клавихо говорил, что язык Тамерлана могольский и его страна называется Моголией. Нужно сказать, что Тимур происходил из тюркизованого монгольского племени барлас. По сведениям Ибн Арабшаха,

Тамерлан знал фарси, тюркский и монгольский. Тюркский язык в этом случае – это среднеазиатское тюрки, который еще известен как чагатайский язык. Монгольским языком называли уйгурицу. Сложно сказать, что это был за язык, но вполне вероятно, что это был тот же чагатайский, только записанный уйгурицей. Так, чагатайский текст уйгурицей и арабицей присутствовал на камне Тимура из Казахстана. Несмотря на многие походы, Моголистан так и не был покорен войсками Тамерлана. Хизр-Ходжа лишь признал себя вассалом амира Мавераннахра, а предыдущие правители упорно сражались против Тамерлана и далеко не всегда безуспешно. Истинная история формирования государства Тамерлана была известна кастильцу лишь частично. В целом правильно отмечено подчинение Орасании (Хорасана), Тавриза (Тебриза), Султании, Тахикинии (земель таджиков), Бадахшана, Гиляна, Дербента, Малой Армении (армянские земли на Кавказе), Мерди (Мардин), Курчистан (Курдистан), Алеп (Халеб, Алеппо), Вавилонию, Балдас (Багдад). Ему также приписывалось разушение Дамаска и подчинение части владений Малой Индии (афганско-индийских территорий). Конечно, наиболее запомнился эпизод столкновения с Османами. Султан Байазид Йылдырым назван Турком Ильдрином Баязитом. Кастилец знал о месте битвы при Анкаре от кастильцев Пайо де Сото Майоре и Эрнана Санчеса де Паласуэлоса. Это были послы кастильского короля Энрике. Великий амир принял их при своем дворе. Вероятно, краткая история завоеваний Тамерлана стала известна ему от них. Указано, что Тамерлан отправил подарки и послания кастильскому королю, который в свою очередь отправил в следующее посольство Фра Альфонсо Паэса де Санта Мария, Руи Гонсалеса де Клавихо, Гомеса де Саласара. Они сопровождали в обратный путь посланца Тамерлана. Они отправились в путь морем. На Родосе от великого магистра госпитальеров стало известно о готовящемся походе на Сирию, который должен был привести к подчинению правителя Вавилонии. Вавилония тут – султанат египетских мамлюков. Отмечалось, что старший сын Турка (Байазида) погиб в битве, а его сыновья начали между собой борьбу за власть. Госпитальеры были хорошо информированы о состоянии дел в Османской Империи. Султан Мурад готовился к новой войне с Тамерланом и с ним в союзе был племянник византийского императора, который интриговал против своего властителя. Госпитальеры были врагами турок. Через Родос, Константинополь, Трабзон послы попали во владения Тамерлана в Армении. На месте Руи Гонсалес де Клавихо узнал, что причиной напряженности был пограничный конфликт из-за владений какого-то туркменского правителя в землях Армении. Тамерлан

вторгся в Анатолию из Карабаха, и жители Севастии послали к Байазиду гонцов с просьбой о помощи. Отмечалось, что перед тем как вторгнуться, Тамерлан разбил белых татар и увел 50 тыс. из них к себе. Они охарактеризованы как кочевники и их можно отождествить с туркменами. Из черепов этих людей Тамерлан приказал сооружать пирамиды. Это были не туркмены Ак-Коюнлу, то есть белобаранные, а туркмены Кара-Коюнлу, которых возглавлял Кара-Йусуф. Ак-Коюнлу же были союзниками Тамерлана. Также перед войной с турками он взял Дамаск, что означало войну с черкесскими мамлюками Египта. Нужно сказать, что в 90-х гг. XIV в. мамлюкский султан Баркук старался организовать союз с Османами против Тамерлана. Он поддерживал Ахмада Джалаирида и помог ему в 1398 г. отвоевать Багдад. Отмечалось, что византийский император и генуэзцы Перы отправили к Тимуру своих послов, которые пообещали не допустить в Анатолию румелийских турок, однако не исполнили своего обещания. Указывалось, что настоящее имя Тамерлана – это Тамурбек (Клавихо, 1990, с. 15-70; Григорьев, Телицин, Фролова, 2004; Ру, 2004, с. 52-64, 68-71, 73-81, 90-93, 98-105, 108-118; Гроссэ; Muir, 1896, p. 113-119; Султанов, 2006, с. 180-184, 190-196).

Говорилось, что восемь лет до посольства император Терталии (Золотой Орды) Тетани осаждал город Кальмарин (Сюрмари) на реке Коррас (Кура). Правитель татар опустошил город и хотел пойти войной на Грузию. В то же время Тамурбек разбил персидского султана Ахмада (из династии Джелаиридов). К великому амиру отправились посланники правителя Вавилонии (в данном контексте мамлюкские гонцы). Мамлюки укрывали у себя Ахмада Джелаирида, который снова был изгнан Тамерланом из Багдада в 1401 г. Руи Гонсалес де Клавихо приписывал опустошение города Кусакана войском татарского императора Корамиха. Рассказывая об Армении, кастилец также упомянул о султане Вейсе (Джелаириде Шейх-Увейсе, который был одним из сыновей Хассана Бузурга и правил до чагатайских и золотоордынских вторжений 80-х гг. XIV в.), правителе Тебриза. Этот город был разрушен по приказу сына Тамерлана Миран-шаха. Резиденция этого Тимурида находилась в Султании, где он и принял кастильских послов. Отмечалось, что из этого города торговые пути идут в разные страны, в том числе Зафу (Каффу). Своему внуку Абу Бакру Тамерлан отдал Халеб и Багдад. Нужно сказать, что Миран-шах был посредственным правителем, поэтому западные уделы своего государства Тамерлан передал своему внуку. Пройдя Хорасан, кастильцы прибыли в землю Тахикинию (землю таджиков), население которой они назвали чакатаями (чагатаями). Также частью их владений

было царство Самарканте (Самарканд). Термез Руи Гонсалес де Клавихо ошибочно относил к Малой Индии. Говорилось, что около этого города находятся Железные ворота. Другие Железные ворота, по мнению кастильца, находились в Дербенте, на пути, ведущем через Тарталию к Каффе. Отмечалось, что сам Тамурбек родом из Кеша, что в стычке с жителями Систана Тамерлан и получил ранение, сделавшее его хромым. После этого кастилец привел легенду о Чингизхане, где было сказано о Чагатае как о втором сыне правителя. Отец завещал сыновьям жить в мире, однако Чагатай погиб в борьбе с жителями его владений, которые потом стали называться чагатаями. Так в форме легенды рассказывалось о распаде улуса Чагатая. Нужно сказать, что эта легенда явно не чагатайского происхождения и, вероятно, была услышана кастильцем еще во время путешествия побережьем Средиземноморья или Причерноморья. Руи Гонсалес де Клавихо указывал, что Тамерлан не смог сразу принять кастильских послов, поскольку занимался отправкой послов императора Тохтамиха (Токтамыша). Вместе с кастильцами в Самарканд прибыли послы египетских мамлюков. Вероятно, после двух войн черкесские мамлюки Египта хотели заключить мир. Фактически у них не было выбора, поскольку все их возможные союзники были побеждены. Татары Золотой Орды были разгромлены еще в 90-х гг. XIV в., а Османская Империя временно распалась на части. Туркмены Кара-Коюнлу прятались в горах Анатолии, а Джелараид Ахмад сам прятался в Каире. Делийский султанат вследствие опустошительного набега 1398 г. был выведен из игры, а Моголистан признал себя вассалом амира Мавераннахра (Клавихо, 1990, с. 70-106; Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари, 1984).

Встретившись с великим амиром, кастильские послы передали письмо короля Энрике III, а чагатайского посла, вернувшегося в кастильской одежде, при дворе осмеяли. Для них кастильцы были одним из видов франков. До конфликта с Османами Тамерлан в своем письме предлагал Байазиду воевать против Токтамыша, который заключил союз с франками, которыми, скорее всего, были польский король Йогайгла-Владислав и великий литовский князь Витовт-Александр. У ног Тамерлана сидел сын сеньора Тохтамиха (хана Токтамыша). Великий амир назвал кастильского короля своим сыном, чем дал понять, что тот не ровня ему. Сам себя он считал владыкой трех частей света (включая Африку и Европу). Политические амбиции Тамерлана простирались довольно далеко. Однако кастильских послов он усадил выше, чем катайского посла (в данном случае посла от Империи Мин) и ниже сына Токтамыша. С этим был связан один любопытный случай. Китайский император был назван

Чайсаканом (Чжу-ди, более известен как Юнлэ), однако Тамерлан отказывал ему в уважении и называл его посланником разбойника, которого он скоро повесит. Руи Гонсалес де Клавихо сообщал, что ранее Тамерлан платил ему дань. Естественно, это идет вразрез с официальной идеологией Улуса Чагатая и государства Тимура. Собственно сын Токтамыша и сидел выше, поскольку был частью тюрко-монгольской аристократии, известной как Золотой Род, то есть Чингизиды. Даже в своем государстве Тамерлан формально правил от имени принцев из династий Угедеидов и Чагатаидов. Сын Токтамыша принадлежал к роду Джучидов. В Монголии правили потомки Хубилая из династии Юань, которая была свергнута в Китае Чжу Юаньчжаном, который провозгласил новую династию Мин. Руи Гонсалес Клавихо, передавая информацию о дани Тимура китайскому императору, передавал взгляд с китайской стороны, поскольку Тамерлан отправил несколько посольств в Китай. Певое посольство от Тимура в Империю Мин датировано 1387 г. Подарки в форме слитков серебра, коней и верблюдов были оценены китайцами как дань. В 1392 г. прибыло второе посольство ко двору Чжу Юаньчжана. Третье посольство прибыло в 1394 г. Резко изменились отношения при императоре Юнлэ. Его посольство было задержано, а послов возили по всему государству Тимура, показывая его мощь. Посольства в Империю Юань при Чжу Юаньчжане были продиктованы финансовыми и политическими интересами амира Мавераннахра. Минский Китай был влиятельным государством, которое разгромило Империю Юань и существенно подорвало позиции династии Северная Юань на просторах Внутренней (Центральной) Азии. Китайцы до Юнлэ рассматривались как потенциальные союзники против Могулистана. Преподнесшие подарки через своих послов иноземные правители автоматически зачислялись китайцами в число своих вассалов. Император династии Мин же в глазах тюрков и монголов был безродным выскочкой, а происхождение его от Чжу Юаньчжана только подкрепляло эту точку зрения. Чагатаи называли китайского императора в глаза его посланниками донгуз, то есть свиньей. Тамерлан готовился в поход на Китай и, выступив в поход из Самарканда, у города Отрар неожиданно умер. Послов от мамлюков и кастильцев же, по крайней мере, не унижали, хотя те, безусловно, в глазах чагатаев были ниже, чем правитель Золотой Орды. При этом в рассказе Руи Гонсалеса де Клавихо чувствуется симпатия к китайцам. Он лично общался с китайцами, которые рассказали ему о Камбалике (Пекине), который находился на расстоянии полугода пути от Самарканда. Тамерлан задержал китайское посольство, очевидно, чтобы они не предупредили о готовящемся походе. Сам же кастильский по-

сол высказывает версию о том, что Тамерлан разгневался на слова китайских послов. Энрико отправил своих послов в Самарканд, естественно, с целью заключить союз против мамлюков и турок, которые рассматривались как угроза христианам, в отличие от гранадского и магрибинских правителей. Чагатаи были силой, стремительно набиравшей влияние, союзом с которой нужно было воспользоваться. Турки не скрывали желания взять реванш за поражение в битве при Анкаре. Внук Тамерлана Пир-Мухаммад (сын первенца Тамерлана Джехангира) во время пребывания при дворе великого амира кастильских послов вернулся из похода на Индию, которую в сочинение кастильцев назвали Мидией, а главным городом назван Дели. Руи Гонсалес де Клавихо сообщал, что Тамерлан отнял у правителя Малой Индии большую часть равниной земли вплоть до Ормуза, оставив тому преимущественно горы. Само представление о Индии у кастильского посла было смутным. Он говорил, что в Индии есть христиане, меченые огнем на лице, которые доминируют над также проживавшими в стране маврами и иудеями. В словах кастильца находят отображение представление о пресвитере-царе Иоанне из Индии (при этом Индия, в представлении европейцев, - это не только Индостан, но и многие другие практически не известные им страны). Сообщения Марко Поло об Азии куда более выразительны, чем у кастильского посла (Клавихо, 1990, с. 106-141; Ру, 2004, с. 121-126; Гроссэ; Валиди-Тоган, 2010, с. 209-225; У Хань, 1980; Китайские документы и материалы, 1994, с. 22, 45-47; Manz, 1988, p. 105-122; Manz 1999, p. 14-16).

Касательно описания взаимоотношений Тимура с Токтамышем, то оно коротко и схематично. Указывалось, что за одинадцать лет до кастильского посольства Токтамыш совершил поход на Персию и овладел Тебризом и Верхней Арменией. Он ограбил города Сюрмари и Сисакан. Однако и восстановил некоторые города для себя. Токтамыш грабил и земли, принадлежавшие Тамурбеку, и после этого вернулся назад. В ответ на это Тамурбек выступил в поход на Тарталию и на реке Тесина (Тереке) победил значительно превосходящие его силы Токтамыша. Татары контролировали переправу, а Тамерлан, чтобы усипить бдительность татар, говорил, что не хочет воевать, а хочет помириться. Однако Токтамыш не верил ему, зная о коварстве Тамерлана, и тогда чагатаи совершили маневр, пройдя за день расстояние в три дня пути и на протяжении трех часов вели бой в лагере императора татар и победили. После этого Токтамыш еще один раз собрал большое войско и сразился с Тамерланом в самой Тарталии, однако проиграл битву, что привело татар в большое уныние. Руи Гонсалес фактически не знал о нападениях Токтамыша на

Мавераннахр в 1388 и о битве при Кундурче в 1391 г. Зато он отчетливо указывал на вторжения татар в страны Южного Кавказа и Закавказья. При этом отмечено, что для христианской Грузии татары были таким же бичем, как и чагатаи. Татары считали, что их правителя покинула удача, и в это время возвысился человек по имени Едигуй, который ранее служил Тамерлану. Заметив между татарами усобицы, он сговорился, что будет врагом Тамерлану. Он приобрел большую власть и говорил, что его войско в 200 тыс. воинов. Это количество, конечно же, значительное преувеличение, но ярко свидетельствует о том, что Идегея считали очень могущественным правителем. По сведениям Руи Гонсалеса де Клавихо, Тамерлан захотел его захватить в плен и один раз ходил против него в поход. Тамерлан для того, чтобы воевать с Едигуем, помирился с Токтамышем, и они вместе старались обмануть своего соперника. Однако Едигуй отвечал, что прожил с ним двадцать лет и что он прекрасно знает все ужимки и мысли Тамерлана. Токтамыш жил во владении около Самарканда, а его сын – в Кафе и поэтому Едигуй совершил поход на Каффу. Сам поход золотоордынцев на генуэзскую Каффу является историографическим фантомом, правда, в Крыму силы Идегея воевали против крымских готов. Сын Токтамыша бежал к Тамерлану, а Едигуй тем временем обращал в ислам татар, которые до того ни во что не верили. Касательно же государства Тимура, то указано, что когда Тамерлан умер, между мирассами (амир-заде, мирзами) началась борьба за власть. Что характерно, кастилец воспринимал государство Тамерлана не как единое политическое пространство, а как конгломерат царств, где во время своей жизни великий завоеватель просто сменил династии. Вместо прежних государей там начали править его сыновья и внуки. Как только в государстве Тамерлана не стало, началась ожесточенная борьба за власть, за наследство великого амира. Руи Гонсалес де Клавихо ошибался, говоря о походе Тамерлана против Идегея. Он описал как поход против Идегея на Токтамыша поход через степи Дешт-и Кыпчак к реке Кондурче. Идегей же воевал против Тимурида Халила. Он отвоевал у него Хорезм и его войска доходили до Бухары. Халилу же пришлось воевать на несколько фронтов – против татар и других Тимуридов. Против него воевали три других наместника Тимура. В ходе этой борьбы Тимуриды потеряли почти все завоевания великого предка, кроме Мавераннахра и Хорасана. Кастильские послы вернулись тем же путем, что и пришли, однако, сделав круг к генуэзскому побережью и обговорив с папой какие-то детали. Вероятно, король Кастилии Энрике касательно посольства к Тимуру имел санкцию Папы Римского, который, в свою очередь, был заинтересован в создании

антиосманской лиги (Клавихо, 1990, с. 142-160; Ру, 2004, с. 76-77, 83-88, 93-97; Гроссэ; Герцен, 2003, с. 580-587; Мыц, 2009, с. 46-55, 57-66; Миргалеев, 2009, с. 706-712; Измайлов, 2009, с. 716-718; Бартольд, 1993; Ахмедов, 1965, с. 5-66; Бартольд, 1964; Manz, 1998, p. 21-41).

Кастильский король Энрико III и, вероятно, Папа Римский, возможно, поручили Руи Гонсалес де Клавихо заключить союз с Тамерланом против турок. То, что он был далеко не первым европейцем, вступившим в связь с Тимуром, сказано в ''Истории великого Тамерлана''. Среди возможных союзников Тамерлана упоминались византийцы и генуэзцы. Руи Гонсалес де Клавихо указал на то, какие были последствия для Османской Империи и Золотой Орды после поражений от Тамерлана. Сообщалось о серьезном ударе, нанесенном туркменам Кара-Коюнлу, а население коренных земель государства Тамерлана названо чагатаями. В центре ойкумены Тимуридов находился их родимый край, а следующими по важности после них были Чингизиды. Более низкий статус для них имели правители государств, никогда не входивших в Великую Монгольскую империю. Для Тимуридов король Кастилии был малозначительным правителем с окраин ойкумены, с которым все-таки необходимо было поддерживать связь. Дипломатические связи с Кастилией Тамерлан начал со времени битвы при Анкаре. Внизу иерархии были те, кто сверг Чингизидскую власть (китайцы Империи Мин). При этом кастильский дипломат не забыл привести схематичное описание войн Токтамыша с Тимуром. У Иоганна Шильтбергера же не было описания войн Золотой Орды с Тимуром вообще. Было отмечено возвышение Едигея и упадок авторитета Токтамыша, что обусловило сближение последнего с Тимуром.

Следующим по времени было донесение Иогана Шильтбергера. Этот немец попал в плен к туркам во время Никопольского сражения 1396 г. Он был слугой при рыцаре и поэтому находился при Османах, Тимуридах, Джучидах как слуга. Он провел в Османской Империи несколько лет. Среди событий, предшествующих вторжению Тамерлана, указывалось, что Байазид нанес поражение и покорил Караман и Сивас (Себастию). Он также осадил Самсун, правитель которого послал за помощью к белым татарам (туркменам Кара-Коюнлу). Когда туркмены подошли на помощь городу, то Байазид благодаря маневру разбил их. Однако Кара-Коюнлу не были полностью разгромлены и осадили Анкару в то время, когда османское войско двинулось на Киликию, которую завоевал король-султан (таким титулом называл мамлюкского султана Египта. При этом нужно уточнить, что Киликийскую Армению завоевали не черкесские, а кыпчакские мамлюки в 1375 г.). Сын Баркука Абу-Садат заключил мир с Бай-

азидом и предложил ему союз. Полное имя мамлюкского султана звучало как: Насир ад-Дин Абу-Садат Фарадж ан-Насир. Причиной конфликта Байазида с Тамерланом немец назвал то, что Байазид изгнал из Сиваса местного бея Османа, который обратился за помощью к Тамерлану. По нашему мнению, мамлюкско-османский союз имел целью сдержать Тамерлана, распространявшего свою власть все далее на запад. Тамерлан взял в осаду Сивас. Отправленые на помощь осажденым 5 тыс. турков были разбиты, а сам город пал. После этого Тамерлан разорил армянские земли и вступил в Анатолию. В битве при Анкаре туркмены, поставленные Байазидом в авангард, перешли на его сторону, а турки были разбиты Тамерланом. Байазид, а с ним и Иоганн Шильтбергер попали в плен к Тамерлану. По сведениям Иоганна Шильтбергера, в Анатолии Тамерлан пребывал несколько месяцев, после чего он совершил поход в Сирию, где взял Халеб, Урум-калу, Айнтаб, Дамаск. После этого он вступил в страну Шарки (горы Джабал аш-Шарки, на границе Сирии с Ливаном), где сражался с кочевниками. Отмечалось, что Тамерлан нанес поражение королю-султану и завоевал Вавилонию (Мамлюкский султанат), что неверно. Максимально, куда дошла власть Тамерлана, это Ирак. Сирия и Египет остались под властью черкесских мамлюков, как и Анатолия осталась под властью Османов и других турецких бейликов. Уходя из Анатолии, Тимур восстановил ряд турецких бейликов, чтобы не дать Османам быстро прийти в себя. Так возродились Караман и ряд других бейликов (Шильтбергер, 1984, с. 10-27; Muir, 1896, p. 118-124; Кадырбаев; Сукиасян, 1969).

В целом сербов и болгар интересовала только битва при Анкаре и лишь в связи с судьбой Байазида они и упоминали Тамерлана. Касательно византийских хронистов, то в региональных хрониках было мало информации касательно Тамерлана. В императорских кратких хрониках информации было намного больше. Ну и, конечно, завоевания Тамерлана нашли отображение в хрониках Георгия Сфрандзи, Георгия Дуки и Лаоника Халкондила.

После похода против мамлюков и Османов, он совершил поход на страну, которую Иоганн Шильтбергер, равно как и другие европейцы, называл Малой Индией. Битва с ее войском было обращена в форму легенды, в которой причиной победы Тамерлана было сказано, что он пустил на слонов индийцев верблюдов и поджег на них дрова, а слоны, видя это, разбежались. Немец несколько переработал странствующий сюжет о верблюдах, который был известен еще со времен Геродота. Добычу из Малой Индии украл наместник Тамерлана в Султании Кепек, который

вступил в сговор с наместником Мазандарана. Тамерлан разорил Исфахан (которым владели Музаффариды), а после этого немец приписал ему намерение воевать с правителем Китая – Великим ханом. Нужно сказать, что это повествование базировалось на сочетании новых и устаревших данных. Великим ханом было принято на западе называть правителя Империи Юань, так что немец не замечал изменений на Востоке со времен Марко Поло. Однако он же знал о готовящемся походе Тамерлана на Китай и ясно указал на это. Сказано, что причиной того было требование от великого хана уплатить дань за несколько лет. Тамерлан, забрав посла в Самарканд, заявил, что не считает его своим правителем, а на оборот, своим данником, которого навестит лично. Тамерлан двинулся в поход, но пройдя в пустыню на 10 дней пути, потерял много людей и вынужден был возвратиться. После этого он заболел и умер. В общем, немец спутал хронологию событий и его представление о так называемой Малой Индии были еще туманней, чем у Руи Гонсалеса де Клавихо (Шильтбергер, 1984, с. 26-31; Ру, 2004, с. 78-81, 98-105).

Причиной смерти Тамерлана было названо то, что он огорчился измене наместника Султании и смерти жены. Указывалось, что Мазандаран не контролировался Тамерланом. После смерти Тамерлана Иоганн Шильтбергер был в собственности правителя Герата Шахруха. В то время младший сын Тамерлана правил Тебризом, однако был изгнан каким-то Йусуфом. Вероятно, это был Кара-Йусуф, завладевший Арменией и Курдистаном. Против него выступил Шахрух, который возвратил эти земли брату. Впрочем, борьба была далеко не закончена. Йусуф напал на Миран-шаха и разбил его войско. Между туркменами и Тимуридами были давние счеты. Брат Йусуфа Миср погиб от их руки, а туркмены в свою очередь приложили руку к гибели первенца Тамерлана Джехангира. На равнине Карабах Йусуф разбил войско Мираншаха, а самого его взял в плен и казнил. Иоганн Шильтбергер повествовал, что после этого Йусуф разбил правителя Вавилонии (египетского мамлюкского султана) на равнине Агдам, взял правителя в плен и его государство покорил. После пленения и казни Миран-шаха немец попал к Абу-Бакру. Нужно сказать, что немец слабо ориентировался в географии Ближнего Востока, поэтому и считал мамлюков теми, кто претендовал на Южный Кавказ. В его сведениях о вавилонском султане слились сведения о мамлюках и багдадских Джелаиридах. Указывалось, что Йусуф завладел зависимой от вавилонского короля Гурией, а потом выступил против своего брата Мансура, который правил Ереваном. Нужно сказать, что Гурия - это одно из грузинских княжеств и она могла зависеть не от Ка-

ира, а от Кара-Конюнлу или Тимуридов. При рассказе о Йусуфе Иоганн Шильтбергер передавал точку зрения Тимуридов, согласно которой тот был не законным правителем, а временщиком. Реально же при поддержке мамлюков Ахмед Джелаирид в 1405 г. отвоевал Багдад. Кара-Йусуф в 1406 г. разбил Тимуридов под Нахичеванью и занял Тебриз. В 1408 г. он разбил Абу Бакра и Мираншаха при Агдаме. В результате этих поражений Тимуриды утратили владения в северо-западной части Ирана. В 1410 г. Кара-Йусуф поставил под свой контроль Ирак. В 1419 г. он захватил Султанию и Казвин. Под властью Кара-Коюнлу оказалась часть Грузии. Однако экспансия Кара-Коюнлу была эффективной только при Кара-Йусуфе. Кара-Осману и его родственникам не способствовала фортуна. Из того, что не описал Иоганн Шильтбергер, нужно сказать: Тимурид Шахрух организовал несколько кампаний (1420-1421, 1429, 1434-1435 гг.) против Кара-Коюнлу и существенно потеснил туркмен. В конфедерации Кара-Коюнлу были усобицы между сыновьями Кара-Йусуфа и на место Кара-Коюнлу пришли туркмены Ак-Коюнлу (Шильтбергер, 1984, с. 27-33; Ру, 2004, с. 259-262; Гроссэ; Quiring-Zoche, 2009; Potts, 2014, p. 215-216).

Отмечалось, что при Абу Бакре был сын (Чекре) правителя Великой Татарии (Токтамыша). Этого человека Абу-Бакр отпустил, и немец вместе с ним прошел через Грузию, Ширван, Шабран, Темир-Капи, город Оригенс и Джулад. В гористой местности Джулад находились кармелиты, которые молились по-татарски. Государством правил Едигей. Во время пребывания Иоганна Шильтбергера в Золотой Орде Едигей готовился к походу на страну Сибирь. Едигей был охарактеризован как сановник, который возводит и свергает королей. Страна, находящаяся около Сибири в горах, была населена какими-то дикими людьми, о которых к немцу доходили только слухи. Сын короля татар носил имя Чакре (Чекре) и он готовился выступить в поход вместе с Едигеем. Они покорили Сибирь, а потом выступили в поход в страну Булгар. Далее говорилось о том, что Едигею противостояло несколько татарских королей. Первый из них – Шадибек – узнал о приближении Едигея, обратился в бегство и погиб в стычке с его людьми. Потом на престол взошел Пулад, который процарствовал полтора года, пока его не сверг иной татарский царь Джелал ад-Дин. Того в свою очередь сверг брат Пулада Тимур. Тимур царствовал 14 месяцев и был свергнут возвратившимся Джелал ад-Дином, который процарствовал также 14 месяцев. Его также свергли. Джелал ад-Дин погиб в сражении со своим братом Кепеком. Кепек же был вынужден уступить свой престол брату Керим-Берди. Тот же после пяти месяцев прав-

ления уступил престол Джабару. Джабар был изгнан Чекре и Едигеем. Однако через девять месяцев им пришлось бороться за власть с другим претендентом по имени Мухаммад. Необходимо отметить, что немец не упомянул о хане Дервише, о котором есть сведения восточных источников и нумизматические данные. Он выделяет две группы Чингизидов. Первая – это сыновья Токтамыша Джелал-ад-Дин, Кепек, Керим-Берди, Джабар. Его сведения в этом аспекте находят паралели у Яна Длугоша. Касательно же второй группы Чингизидов, в которую входили Шадибек, Пулад, Тимур, то его сведения уникальны, как и о сыне Токтамыша Чекре, который был при дворе Тамерлана. Такие подробные данные можно было получить только от русских, с которыми у Иоганна Шильтбергера не было контактов. В отношении этих сведений, то они наверняка были получены от Тимуридов. Только тот на места Кепека и Джабара ставит Бетсабулу и Еремфердена. В целом можно согласиться с отождествлением Улу-Мухаммада с Мухаммадом сочинения Иоганна Шильтбергера. Мухаммад был изгнан Девлет-Берди, а тот был вынужден уступить престол Бараку. То есть разговор идет уже о реалиях 20-х гг. XV в. Чекре же погиб в войне с Мухаммадом, после чего Иоганн Шильтбергер стал слугой Маншука при дворе Мухаммада. Мухаммад - это ни кто иной, как Улуг-Мухаммад. Примечательно, что Абу-Бакр находился в союзе с сыном Токтамыша Чекре. Тимурид отправил его в Золотую Орду, чтобы дестабилизировать ситуацию в этом государстве, которая и так была шаткой. Также он поддерживал Идигея, который сражался за власть с сыновьями Токтамыша – Джалал ад-Дином, Кепеком, Керим-Берди, Джабар-Берди. При этом немец недвусмысленно дает понять, что владения Чекре и Идигея находились в восточной части Дешт-и Кыпчак, а хронология правления ханов была приведена в соответствии с хронологией их правления в Сарай ал-Махруса и Сарай ал-Джедида. Тимуридам было выгодно поддерживать перманентный беспорядок в Золотой Орде (Шильтбергер, 1984, с. 33-39; Парунин, 2015а, с. 88-95; Парунин, 2015б, с. 288-293; Парунин, 2013, с. 114-119; Измайлов, 2009, с. 721-723).

В сочинении Иоганна Шильтбергера описаны реалии пребывания пленного немца среди турок и чагатаев. Он сообщал данные не с точки зрения дипломата, а обывателя. Яблоком раздора для Байазида и Тамерлана стали армянские земли туркменской конфедерации Кара-Коюнлу. Часть из ее беев признала власть Тамерлана, другая – власть Байазида. Отмечено, что Тамерлан нанес чувствительные удары по туркам при Дели и по индийцам. Важной особенностью сочинения Иоганна Шильтбергера было то, что им было достаточно хорошо известно об усобицах

в Золотой Орде и о поддержке Абу Бакром курса на союз с Идигеем против сыновей Токтамыша.

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам. Джиованни де Плано Карпини и Вильгельм не ставили своей целью много знать об Улусе Чагатая и ограничились немногими заметками касательно его географии и этнического состава. Марко Поло сообщал о Улусе Чагатая поболее, однако история Улуса Хайду упоминалась им как история улуса Чагатая, а Бораку была отведена второстепенная роль. В центре внимания европейцев Улус Чагатая оказался в эпоху создания государства Тамерлана. Особенно детальны описания кастильца Руи Гонсалеса де Клавихо и Иоганна Шильтбергера. Сведения Руи Гонгалеса де Клавихо ценны для реконструкции связей Тамерлана с европейскими странами, с которыми как враг турок он был вынужден находиться, по крайней мере, в нейтральном положении. Центральным сюжетом «Истории великого Тамерлана» являются походы Тамерлана против турок Османской Империи, татар Золотой Орды, туркмен Кара-Коюнлу, делийских султанов Туглакидов, багдадских Джелаиридов. Для Тамерлана было естественным рассматривать свое государство как центр мира, а кастильцев – как франков с окраины мира, которые не опасны в отличие от турок и татар. При вознесении влияния Едигея Тамерлан пошел на союз с Токтамышем, невзирая на указанные кастильцем факты вторжения Токтамыша в сферу влияния великого амира. Уникальными были сведения, полученные о взаимоотношениях Тимура с Империей Мин. У Иоганна Шильтберга не были отмечены войны Тамерлана с Золотой Ордой, однако говорилось о вмешательстве Абу Бакра в борьбу за власть в Золотой Орде в 10-20-х гг. XV в. Он поддерживал Токтамышевича Чекре и Идегея против иных претендентов на власть. Ему было выгодно поддерживать перманетный конфликт между Джучидами. Также важным было отображение войн с турками и туркменами. При этом немец намного детальнее рассказывает про участие туркмен Кара-Коюнлу в борьбе за власть в Иране после смерти Тамерлана и их влияние на политику сыновей Тамерлана. Естественно, одним из центральных сюжетов была война Тамерлана с Байазидом. Иные хронисты не столь многословны. В польских и украинских хрониках Тамерлана не отличали от татарских правителей и отождествляли с татарским ханом Тимур-Кутлугом. Ему ошибочно приписывали участие в битве на реке Ворскле. Отмечалось также целиком реальное сражение с турками под Анкарой.

Литература

Анонимна византийска хроника № 12. http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/KratkiWizChronik/chr12.htm

Анонимна византийска хроника № 22. ttp://ald-bg.narod.ru/biblioteka/KratkiWizChronik/chr22.htm

Анонимна византийска хроника № 36. http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/KratkiWizChronik/chr36.htm

Анонимна византийска хроника № 38. http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/KratkiWizChronik/chr38.htm

Ахмедов Б.А. Улугбек и политическая жизнь Мавераннахра первой половины XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, УзФан, 1965. С. 5-66. http://www.alexarapov.narod.ru/Library/bbl03.html

Бартольд В.В. Улугбек и его время // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., Наука, 1964. С. 23-196. http://www.alexarapov.narod.ru/Library/bbl023.html

Бартольд В.В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы, Жалын, 1993. http://historylib.org/historybooks/Vasiliy-Bartold_Dvenadtsat-lektsiy-po-istorii-turetskikh-narodov-Sredney-Azii/12

Безименна българска летопис от първата половина на XV в. http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/bbh.htm

Валиди-Тоган З. Восточно-европейская политика Тимура // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 209-225

Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. К.: Вид. Дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.

Герцен А.Г. Описание Мангупа-Феодоро в поэме Иеромонаха Матфея // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского, 2003. С. 562-589

Григорьев А.П., Телицин Н.Н., Фролова О.Б. Надпись Тимура // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XXI. СПб., 2004.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1380-1400/Timur/frametext.htm

Гроссэ Р. Империя степей. http://kitap.net.ru/download/Rene_Grousset.Imperia_stepej.pdf

Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 40. М.: Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.

Гюрай К. Отношения амира Тимура с Европой до и после битвы при Анкаре // Золотоордынское обозрение. № 3. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани, 2015. С. 34-42.

Жигалова Н.Є. Взаимоотношения первых Османов и азиатских правителей в интерпритации византийского историка // Запад, Восток и Россия. Исто-

рическая политика и политика памяти. Екатеринбург, УрГПУ, 2015. С. 14-19
Измайлов И. Идегей и его время // История татар. Т. 3 Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 712-723.
Кадырбаев А.Ш. Династия черкесских мамлюков в Египте и Сирии. http://www.webcitation.org/6Hp0TzSE6
Джиованни де Плано Карпини. История монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. с лат. А.И. Малеина. Ред., вступит. ст. и примеч Н.П. Шастиной. М.: Гос. издательство географической литературы, 1957. 270 с.
Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и шейх Увейс. Баку, Элм, 1984. http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Uvejs/framepred.htm
Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV-XIX вв. Алматы, Гылым, 1994. 272 С.
Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М.: Восточная литература, 1990. 216 с.
http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Klavicho/frametext1.htm
http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Klavicho/frametext2.htm
http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Klavicho/frametext3.htm
http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Klavicho/frametext4.htm
Кримський А.Ю. Вибрані сходознавчі праці. Т. II. Тюркологія. К., ВД Стилос, 2007. 528 с.
Летопис на сръбските царе. http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/srpski_letopisi/Letopis_sr_zare.htm
Летопис на сръбските царе и господаре. http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/srpski_letopisi/Let-sr_zare_greg.htm
Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное Сказание монголов. Рязань: Александрия, 2009. 512 с.
Миргалеев И. Правление Токтамыш-хана // Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани, 2009. с. 706-712
Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
Парунин А.В. Политическая биография Чекре – хана Золотой Орды // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового Времени. Астана: BG-Принт, 2013. С. 114-120
Парунин А.В. Путешествие Иоганна Шильтбергера как источник по истории Золотой Орды первой четверти XV в. // Сибирский сборник. Вып. 3. Курган, Изд-во КГУ, 2015. С. 88-95.
Парунин А.В. Сыновья Токтамыш-хана на страницах польско-литовских хроник // Исторический формат. № 4. СПб., 2015. С. 288-296.

Марко Поло. Книга о разнообразии мира / Пер. И. Минаева. Предисл. и коммент. Л. Яковлева. М.: ЭКСМО, 2005. 480 с.
Ру Ж.-П. Тамерлан. М., Молодая гвардия, 2004. 295 [9] С.
Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. К.: Наукова думка, 1992. 336 с.
Стрийковський Мацей. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів: Наукове товариства ім. Т. Шевчена у Львові, 2011. XII, 1084 с.
Сукиасян А. История Киликийского армянского государства и права. Ереван, Митк, 1969. http://www.armenianhouse.org/suqiasyan/cilicia/1.html#2
Султанов Т.И. Чингизхан и Чингизиды. Судьба и власть. М., АСТ Москва, 2006. 445, [1] с.
Сфрандзи Георгий. Хроника (пер. Е.Д. Джагцпаняна // Кавказ и Византия. Вып. 3. М., 1982. http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Sfrandzi_2/frametext.htm
У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньжана. М., Прогресс, 1980. http://www.abirus.ru/user/files/History/Zhu_Yuanzhang.pdf
Успенский Ф.И. История Византийской империи: Отдел VI. Комнины. Отдел VII. Расчленение империи. Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. Восточный вопрос. М., Мысль, 1997. 829, [2] с.
Фрагмент от Тръновски препис на Сказание в кратце. http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/srpski_letopisi/sr-let-tern-fr.htm
Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год: пер. с старонем.; издание, редакция и примеч. З.М. Буниятова. Баку: Элм, 1984. 86 с.
http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger/pred.phtml?id=1890,
http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger/frametext1.htm
http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Schiltberger/frametext2.htm
Kronika Polska Marcina Bielskego. T.1. Ksiega I-III. Sanok: Naklad i druk Karola Polaka, 1856. XI, 699 s. Aviable at http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=18578&from=FBC
Biran M. Qaidu and the rise of independent Mongol state in Central Asia. Richmond: Curzon, 1997. 199 p.
Długosz J. Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K.Mecherzyńskiego. T. 4. Ks. XI, XII . Kraków: W drukarni ''Czaszu'' W. Kirchmayera, 1869. 8, 668, XXIII s. Aviable at http://www.polona.pl/dlibra/doccontent2?id=895&dirids=15
Ducas Historia Byzantina // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T. 20. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1834. http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_1828-1897__CSHB__20_Ducas_Historia_Byzantina_[Bekkeri_Editio]__GR.pdf.html
Het'um the Armenian. The Flower of Histories of the East / Edited and translated by R. Bedrosian. http://rbedrosian.com/hetumint.htm
Knobler A. The Rise of Timur and Western Diplomatic respones, 1390-1405 // Journal of Royal Asiatic Society. Vol. 5. Issue 3. 1995. pp. 341-349
Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warminskiego Ksieg XXX. Sanok: nakł. i

druk Karola Pollaka, 1857. 716 s. Aviable at http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=18578&from=FBC
Laonicus Chalcondyles Atheniensis Historiarum Libri // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T. 10. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1843. http://www.documentacatholicaomnia.eu/20vs/203_CSHB/1828-1897,_CSHB,_10_Laonicus_Chalcondyles_Atheniensis_Historiarum_Libri_[Bekkeri_Editio],_GR.pdf
Manz B.F. Tamerlane and symnolism of Sovereighnity // Soviet and North American Studies on Central Asia. Vol. 21. № 1-2. 1988. pp. 105-122
Manz B.F. Temur and the Problem of a Conquerors legacy // Journal of Royal Asiatic Society. Vol. 8. № 1 (April 1998). 1998. pp. 21-41
Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 231 p.
Marozzi J. Tamerlane: Sword of Islam, Conqueror of the World. London-New York – Sydney – Toronto, Harper Perenial, 2004. 480 P.
Muir W. The Mameluke or Slave dynasty in Egypt. London: Smith. Elder and Waterloo Place, 1896. 322 P.
Potts D.T. Nomadism in Iran. Fron Antiquity to the Modern era. Oxford: Oxford University Press, 2014. 558 p.
Georgius Phrantzes et Ioannes Cananus et Ioannus Anagnotes // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T. 39. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1838. http://www.documentacatholicaomnia.eu/20vs/203_CSHB/1828-1897,_CSHB,_39_Georgius_Phrantzes_et_Ioannes_Cananus_et_Ioannes_Anagnostes_[Bekkeri_Editio],_GR.pdf
Quiring-Zoche R. Aq-Qoyunlu // Encyclopedia Iranica. Vol. II. Fasc. 2. 2009. pp. 163-168. http://www.iranicaonline.org/articles/aq-qoyunlu-confederation

Г.-Р.А.-К. Гусейнов

ПЕРСИДСКИЙ ПОСОЛ В РОССИИ АНДИ-БЕК И ВОПРОС ОБ ЕГО ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КУМЫКСКОГО ГОСУДАРСТВА (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII вв.)

В статье на основе исторических событий XVI – XVII вв., а также с привлечением сведений по истории XVIII и XIX вв. изучается вопрос этнической принадлежности персидского посла в России в 1588-1593 гг. Анди-бека. Вся собранная информация подводит к тому, что Анди-бек был кумыком.

Ключевые слова: кумыки, Анди-бек, Дагестан, XVI – XVII вв., шамхальство, Россия, Персия, Османы.

В 1556 г. после второго окончательного взятия Астрахани войсками Ивана Грозного по просьбе кабардинского князя Темрюка – будущего тестя (1560-1569 гг.) царя Ивана Грозного, вступившего в русское подданство в 1557 г., на землях Шамхальства при впадении р. Сунжи в Терек в исторической кумыкской области Кысык был построен в 1559 г. русский Сунженский (Кысытцкий) городок (острог). В 1560 г. против кумыкского Тюменского шамхальства, располагавшегося в низовьях р. Терек, астраханский воевода И.С. Черемисин совместно с кабардинцами ходил «на Шевкал и на Тюмень морем» и после ожесточенного сражения с «шевкальским царем» Будаем разорил его столицу Тарки (ныне поселок в составе г. Махачкалы). Так начались многочисленные и кровопролитные, продолжавшиеся в конце XVI-начале XVII вв. русско-кумыкские войны, в результате которых кумыки смогли отстоять свою независимость и остановить русское продвижение на Северный Кавказ (Гусейнов Г.-Р.А.-К., 2012, с. 224; Кум. энц. сл., 2009, с. 198-199; Пилипчук Я.В., 2015, с. 6, 8; Русск.-даг. отн., 1958, с. 189).

В ходе рассматриваемого периода русского продвижения на Северный Кавказ, точнее, Северо-Восточный Кавказ и Дагестан на историче-

ски кумыкских землях возводились и другие крепости. Несмотря на то, что в 1571 или 1572 годах Сунженский острог был оставлен под давлением Османской империи, он был восстановлен в 1577-1578 гг. по просьбе брата Темрюка Камбулата Идаровича. Снова оставлен в 1579 г. во время ирано-турецкой войны 1578-1590 гг. В 1588-1589 гг. в дельте Терека (на его протоке – реке Тюменке) был построен Терский город (крепость Терки). В середине 1589 г. у устья р. Койсу (Сулак) – притока р. Терек – был основан русский Койсинский острог (интернет-ресурс: Терский_город).

Сооружение Койсинского острога в 1589 г. всего в 15 верстах к северу от Тарков было вызвано поражением Ирана в очередной войне с Турцией, когда Оттоманская Порта стала реально претендовать на Северный Кавказ, способствовали этому и просьбы грузинских царей защитить их от «шевкала» (шамхала) (История Сев. Кав., 1988, с. 314, 341-342).

Причем по Стамбульскому договору 1590 г. в состав Турции было передано не только все Закавказье, как обычно полагают, но и под покровительство Султана из династии Османа – шамхальство Дагестан. Это было подтверждено договорами по разделу Кавказа от 1612 г., по которому кумыкский «Шаухал-Хан» объявлялся подданным турецкого султана, и 1619 годов (интернет-ресурс: Ирано-турецкие войны; Кумыкский энц. сл., 2009, с. 199).

Причем за участие в этой войне шамхалу Чопану турецким султаном был пожалован в качестве арпалыка «Сабуран санжагы», прилегавший к области Дербента с юга, а его брату – владетелю Аварии Джучилаву (Бурханетдину) – располагавшиеся еще южнее «Ахты и Ихыр санжагы», которые были включены затем в «Дербент вилаети» Османской империи (Алиев К.М., 2008, с. 142). Эти владения, как говорит нижеследующий перечень дагестанских союзников шамхала, среди которых казикумухский владелец был близким его родственником, вассалами – рутульские и х(и)новские беки (интернет-ресурс: Идрисов Ю.М., Борьба Тарк. гос., 2005), уцмийство (исминская рать) и Эрпелинский бийлик (ирпелинская рать) – кумыкскими государственными образованиями, должны были тем самым территориально примыкать к домену шамхала, столицей которого был Тарки. Поэтому само шамхальство неправомочно для данного времени именовать Тарковским или тем более Казикумухским, как это делают в первом случае некоторые кумыкские исследователи, во втором – практически все дагестанские. Как справедливо отмечают М.-Р. Ибрагимов и Г. Оразаев (интернет-ресурс: Ибрагимов М.-Р. и Оразаев Г., 2005), в исторических источниках XIV-XVII вв. оно именовалось просто шамхальством, а «уточнение «Казикумухское» дано было исследовате-

лями в XIX – нач. XX в. для того, чтобы отличать шамхальство Тарковское от ханства Казикумухского», так как глава шамхальства имел «две резиденции..- Тарки (Таргу) в зимнее время (8-9 месяцев в году) и летнюю резиденцию Кумух 3-4 месяца в году» в горах.

Как следствие, в обстановке соперничества в крае Турции, Ирана и России местные владетели были вынуждены лавировать, отстаивая свои собственные интересы. Так, еще в 1589 г., до заключения Стамбульского договора, шамхал, видимо, Чопан, как докладывал терский воевода А. Хворостинину, «не хочет служить ни турскому, ни московскому, а хочет жити о себе; а вам деи приказал шевкал, что хочет быти под государевой рукою» (История Сев. Кав., 1988, с. 341).

Но уже в 1598 году, когда скончался Федор Иоаннович, новым царем был избран Борис Годунов, и шамхальство находилось к этому времени под покровительством Турции, в Терском городке получили от шамхала Сурхая II письмо с почти ультимативным требованием ликвидировать Койсинский острог: «Искони з дедом и прадедом и с отцом нашим дружба и братство бывали, а вот вы на пустом месте, на Койсе поставили Юрт и нам дай бог, з горской ратью, да рутульскою ратью, да хиновскою ратью, табасаранской ратью, да де… скою ратью, да исминскою ратью, да ирпелинскою ратью, да казыкумуцкою ратью, да с своими детьми, и с князи, и с шамахейскими с одново и с Малыми Ногаи, и Сатыем мурзою у Бога милости прося, и с крымскою ратью с одново, недружбу учнем доводити, а Божим милосердием великой государь и великого государства к нам человек прислан был, а приказал с Теркою одиначиться не велел. И яз просил, чтоб оный город выпросить, чтоб для дружбы снести…» (Бушуев П.П., 1976, с. 329).

Койсинский острог был сожжен гарнизоном (Карамзин Н.М., 1845, с. 71) до поражения в 1605 г. армии И.М. Бутурлина в районе Тарков. Оно было понесено от кумыков под командой сына шамхала Чопана – Султан-Мута при участии отрядов союзников-турок из Шемахи и кабардинских феодалов (История Сев. Кав., 1988, с. 342). Как писал по поводу этой битвы Н.М. Карамзин: «сия битва... на 118 лет изгладила следы Российского владения в Дагестане» (Карамзин Н.М., 1845, с. 43). Потери русских войск в этом сражении оцениваются в 6-7 тысяч человек (интернет-ресурс: Поход Бутурлина) и были сравнительно ощутимыми при том, что к концу XVI в. количество стрелецкой пехоты достигало 18-20 тыс. (интернет-ресурс: Вооруженные силы России).

Из этого похода, «согласно книге первого историка терского казачьего войска генерал-лейтенанта В.А. Потто «Два века терского казачества»,

«из 10 000 тысяч стрельцов и казаков вернулись лишь 3 000 человек»; не менее ощутимыми были потери и от более раннего неудачного похода 1594 г. воеводы Хворостина на столицу шамхальства г. Тарки. Тогда, согласно В.А. Потто, «из тысячи терских и гребенских казаков вернулось триста человек, а из пяти тысяч царских войск – четвертая часть» (интернет-ресурс: Терские казаки).

По оценке Ф. Кирзоглу (Кирзоглу Ф., 1976, с. 310), к этому времени – концу XVI в. – численность кумыков достигала лишь 130 тыс. человек, а России – до 7 млн. (интернет-ресурс: Экономика России к концу XVI века), по другим данным – 9 млн. (интернет-ресурс: Соц.-экон. разв. XVI в.). Причем почти беспрерывная череда войн последующих столетий, а также эпидемий и прочих неблагоприятных жизненных условий обусловили сокращение их численности до 83 тыс., по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (Ибрагимов М.-Р., 2006-2007, с. 89). Так, почти вся вторая половина XVII в., начиная с вторжения калмыков на Северный Кавказ в 1644 г., ознаменовалась чередой столкновений с ними кумыков и ногайцев Малой Орды (Пилипчук Я.В., 2015, с. 8-9, 11). Гораздо более опустошительными были войны последующего времени, в особенности Кавказская, а также эпидемия моровой язвы (чумы) 1818 г. Она вместе с перманентными перемещениями кумыкского населения привели к разрушению территориальной общности терских и дагестанских кумыков (интернет-ресурс: Терские кумыки).

Как отмечают в связи с вышеупомянутым письмом Ю.М. Идрисов и М.Б. Абдусаламов….» (Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.Б., 2013, с. 154), «для пущей убедительности вместе с ним через подкупленного шамхалом персидского дипломата Анди-Бека было передано подложное письмо, якобы от Абас-Шаха с просьбой снести Койсинский острог. В Терках Анди-Бека подвергли жёсткому допросу, в ходе которого выяснили, что письмо написано самим Анди-Беком по наущению шамхала Сурхая».

Кем же был вышеупомянутый Анди-Бек и почему шахского посла подвергли такому допросу? Согласно соответствующим документам, в 1588-1590 гг. в Москву приезжают персидские послы Бутак-бек и Анди-бек, в них же говорится об отъезде в 1588-1593 гг. в Персию посланника Анди-бека, посла Г.Б. Васильчикова и подьячего Монастырева (интернет-ресурс: Посольские кн.). Речь, по всей видимости, идет о «Карабудак-беге» и «Шаухалоглу (сын шаухала) Андиян-беге», называемых в «Османском реестре мусульманским владетелям Северо-Восточного Кавказа» (1574-1586 гг.) (Алиев К.М., 2008, с. 144).

Последний упоминается и в адресованном «Владетелю Дагестана Улу-Шаухалу» Чопану (правил в 1572-1589 гг.) османском имперском послании (Name-i Humayun) 1582 г., в котором говорится об «Шаухалоглу Султан Мирзе» (Сыне шаухала Султан Мирзе) или «Шаухалоглу Андиян Беге» (Сыне шаухала Андиян Беге). Его появление при персидском дворе могло быть обусловлено тем, что дочь шамхала Сурхая II (1589-1604) – сына Чопана и брата Анди-бека – Ана-Ханум (Анна-Ханум) становится женой шаха Аббаса I Великого (1587-1629) (Алиев К.М., 2008, с. 163-164). Кумыки принимали активное участие и в других перипетиях политической жизни Ирана этого времени, в том числе связанных с династическими проблемами (Алиев К.М., 2013). Неслучайно именно Анди-бек привез в 1590 г. от шаха Аббаса в подарок царю Федору Ивановичу седло в золотой оправе (интернет-ресурс: По Кремлю), а до этого, в 1588-1589 гг., известен персидский посланник Хади-бек (Анди-бек, Андиди-бей), сопровождавший посольство Васильчикова в Персию (интернет-ресурс: Базиленко).

Само его имя – Андиди-бей «в Анди находящийся бей», возможно, говорит о том, что он был правителем-беком в Анди – нынешней области проживания одноименного народа в северо-западном горном Дагестане, так как в период 1604-1614 или 1614-1623 гг., когда Анди был шамхалом, в Московии трижды в 1615-1621 гг. побывал уже другой персидский посол – Булат-бек (интернет-ресурс: Отношения Росс. и Ирана). Возможно, в этом случае Хади (араб. «предводитель, направляющий прямым путем») является настоящим именем Анди(ди)-бека. Затем приблизительно в 1665-1690 гг. в качестве шамхала андийцев упоминается прозванный «дурга-нусалом» сын Андий-шамхала Султан (правитель-?)-Али-бег из с. Верхнее Гагатли (Алиев К.М., 2008, с. 176) – анд. *ГъагъулI-Ашоллу*. В его первой части *–лI* – показатель местного падежа в андийском языке, а сам корень *Гъагъу* – может быть возведен к кумыкскому *къакъа* «ущелье», поддерживаемому пратюрк. *qaq* «лужа; углубление в горах, где задерживается влага атмосферных осадков» (Ср.-ист. гр. тюрк. яз., 2001, с. 87).

Вполне вероятно, что это была кумыкская историческая область, ибо родным языком потомков сына Андий-шамхала Султана-Али-бега до некоего Хаджику, первым заговорившим на андийском языке, был кумыкский (Оразаев Г.М.-Р., 2002, с. 338). Еще до этого, как говорится о том в андийских преданиях, борьбу местного населения против Тимура, т.е. еще в конце XIV в., возглавлял хан Ёлук – выходец из кумыкского с. Капир-Кумук. Причем данное имя могло быть именем наместника или правителя эпохи Золотой Орды, если принять во внимание возмож-

ность отождествления его имени с др.-кыпч. *joluq/joluγ/juluq/juluγ* «выкуп» (Древнетюркий сл., 1969, с. 272, 278, 279) при неясности отношения сюда древнетюркского имени *Јол(л)ыкъ-тигин* – автора надписей в честь Кюль-тегина.

Не ранее конца XVI – начала XVII вв. округ Анди платит кумыкскому шамхалу по 1 быку и 7 войлоков (что указывает, вероятно, на немногочисленность его населения). Кроме того, Н. Витзен называет в 1664 г. смежную с Гумбетом «местность Андин», которая еще в начале 1770 г. была владением аксаевских князей вместе с салатавским с. Буртунай, аварскими селами: Обода, Телетль и Цумадой (Эпигр. пам., 1980, с. 98, 99 №777). Неслучайно еще в самом конце XVII в. в Анди поселился бежавший из-за междоусобиц родоначальник аксаевских князей Каплановых – Ахмед-Хан сын Каплана, который выстроил здесь на свои средства джума-мечеть и обучал местных детей богословию и арабскому языку, но впоследствии вернулся в Кумыкию и поселился на отцовских землях (Идрисов Ю.И., 2012).

Однако надо полагать, кумыкское население здесь постепенно сокращалось, в том числе и ввиду известного, начавшегося при Султан-Муте его переселения на равнину. Вместе с тем и позднее, в 1782 г., в Анди был известен «Анди-шамхан», по всей видимости, тюрок (кумык) – правитель этой области. Именно он написал письмо на арабском, а затем перевел его на тюркский (Алиев К.М., 2008, с. 46; Оразаев Г.М.-Р., 2002, с. 336) (кумыкский) язык.

Литература

Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Махачкала, 2008. 204 с.

Алиев К.М. Кумыки в войнах за иранский престол (к тайнам Исфаханского Шахского Дома) // «Ёлдаш/Времена», 29 марта, 5 апреля 2013 г.

Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586-1612 гг. М.: Наука, 1976. -477, [1] с.

Базиленко И.В. Православная Россия и шиитский Иран: по страницам истории отношений (XVI - нач. XX вв.) // christian-reading. Info / data / 2011 /02/2011-02-05.pdf

Гусейнов Г.-Р.А.-К. Тюменское княжество в контексте истории взаимоотношений Астраханского ханства и Кумыкского государства с Русским в XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2012. С.223-226.

Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Ибрагимов М.-Р. Кумыки в этнодемографической структуре населения Дагестана (вторая половина XIX - начало XXI в.) // Вести Кумыкского научно-куль-

турного общества. Махачкала, 2006-2007. Вып. № 12-14. С. 86-91.
Ибрагимов М.-Р., Оразаев Г. Отзыв на публикацию Н.Г. Волковой «Названия кумыков в кавказских языках» // http. www.kumukia ru (26.11.2005).
Идрисов Ю.М. Борьба Тарковского государства за независимость // htthp: www. kumukia ru (27.11.2005).
Идрисов Ю.И. Общественно-политическая деятельность Солтан-Мута и его потомков в XVII-XIX вв. по материалам дагестанских архивных фондов // http: www.//kumukia ru (14.02.2012).
Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.Б. Политическая элита Шамхальства Тарковского в отношениях с соседями в XVI-XVII веках: идентичность и идеология // Вестник Воронежского государственного технического университета, 2013, №3-4. С.152-158.
История народов Северного Кавказа с древнейших времен и до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 11. Кн. 3. СПб., 1845. 348с.
Kirzioglu Fahrettin. Osmanlani Kafkas ellerini fethi (1451-1590). Ankara, 1976. 354 s.
Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2009. 214с.
Оразаев Г.М.-Р. Памятники тюркоязычной деловой переписки в Дагестане XVIII в. Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант». Махачкала, 2002. 481 с.
Пилипчук Я.В. Тюркские княжества Северного Кавказа в системе международных отношений XVI- XVIII вв. Хасавюрт:Абусупиян, 2015. 23с.
Посольские книги XV - начала XVIII веков // http: www. vostlit. Info / Texts / Dokumenty / Russ / XVI / Posolbook / PosolBook.html
Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв. Сборник документов. Махачкала, 1958.
Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 2001. 822 с.
Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М.: Наука, 1980.Ч.3.- 254 с.
Вооруженные силы России в XVI веке // oboznik.ru/?p=36953/
Ирано-турецкие войны // htthp: www. ru.wikipedia.org/wiki/
Поход_Бутурлина // htthp: www. ru.wikipedia.org/wiki/
По Кремлю //htthp: www. museums.artyx.ru/books/item/f00/...
Отношения России и Ирана. От Смутных времён до революции // htthp: www. persia.ru/iran-and-russia/...
Социально-экономическое развитие XVI в. // http: www // vk. com / page-68548741_47119230
Терский город // http:www//ru.wikipedia.org/wiki/
Терские_казаки // htthp: www. ru.wikipedia.org/wiki/
Терские кумыки // htth. www.
Экономика России к концу XVI века // htth. www. bibliotekar. ru / istoriya / 117. htm//

Н.М. Акчурина-Муфтиева

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА ФОРМИРОВАНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДНОГО ЖИЛИЩА

Крым издавна был притягательным местом, причудливо соединявшим в себе разнообразие природно-географической среды полуострова, сочетанием старины и восточной экзотики. На протяжении длительного исторического периода его населяли самые различные этнические группы и народности: киммерийцы и сарматы, хазары и протоболгары, печенеги и половцы, готы и гунны, византийцы и итальянцы, славяне и армяне, кипчаки и монголы, караимы и крымчаки. В результате смешения и слияния этносов, различных по происхождению и вероисповеданию, в течение длительного времени сложился новый народ, известный под названием крымцев или крымских татар (Озенбашлы Э., 1997, с.18).

За пять веков существования Крымского ханства создано немало художественных и архитектурных ценностей, несущих черты мусульманской культуры. Отдаленные от Средней Азии громадными пространствами, памятники мусульманской архитектуры в формах своих очень сильно отражают влияние тех культурных областей, с которыми крымские татары были связаны политически (ханы золотой Орды, турки-сельджуки и османы).

Далеко не все памятники татарского искусства уцелели до настоящего времени. Однако и те, что сохранились, интересны не только с точки зрения архитектуры, но крайне значимы для изучения истории и быта края.

Большинство средневековых крымских поселений горного и предгорного Крыма располагались на остатках бывших городищ и крепостей тавров, скифов и греков. Это, а также массовое распространение в Крыму в XII-XIV вв. исламской религии существенно повлияло на структуру поселений и организацию жилища крымских татар.

Поселения составляли жилые кварталы с каменными, крытыми черепицей мечетями. Минарет с позолоченным полумесяцем, как непременный атрибут мечети, был виден с любой точки квартала. Каждое поселение имело кофейню, в которую мужчины-татары приходили отдохнуть, попить кофе, побеседовать, послушать музыку. Своеобразным клубом для татарок являлась женская половина бани, куда «…они в лучших нарядах, собираясь по два и по три раза в неделю, приносят с собою разные кушанья и там с приятностью проводят время» (Крым в илл., 1996., с.8).

Традиционное жилище крымских татар – результат коллективного опыта многих поколений, проявившийся в его чёткой конструктивности, в подчинении местным природно-климатическим условиям, в использовании орнаментальных и пластических форм во внутреннем и внешнем убранстве. Жилище является важнейшим и наиболее сложным продуктом бытовой культуры. В большей мере, чем костюм, и тем более духовная культура, оно находится в зависимости от природы, с которой связаны и материал, и техника, и его форма. Природа в значительной степени определяет и сообщество народностей, оседающих на той или иной территории, и выбор мест для поселения, отвечающих определенным типам жилья. Поэтому и в близких климатических районах встречаются в Крыму разные формы поселений, зависящих от этнических факторов.

Известный исследователь крымскотатарского жилища Б.А. Куфтин устанавливает четыре основные региональные типа жилища крымских татар (Куфтин Б.А., 1925, с. 23):

- жилище южнобережных татар, которое в своих архаичных образцах выявляет первоначальные связи с Кавказом и Малой Азией;
- жилище степного района Карасубазара и Симферополя, обнаруживающего элементы древнейшего равнинного жилища причерноморских степей;
- своеобразное по своей традиции деревенское жилище Бахчисарайского района;
- татарский дом городского центра Бахчисарая, явившийся проводником османской культуры.

Планировка, конструкции и внутреннее убранство всех типов жилища формировалось под влиянием традиций народов, населявших те или иные районы полуострова, религии, привнесенных культур и природных условий.

Деревни крымских татар на южном берегу располагались на значительном расстоянии от моря на возвышенных склонах гор, вдоль бе-

гущих ручьев, образующих главные улицы поселка. Дома, как правило, строились в два этажа, нагромождаясь друг на друга и составляя сплошную многоярусную постройку по склону ущелья. Каменные лестницы, расположенные в узких промежутках между домами, заменяли улицы. Плоские крыши, обмазанные глиной, служили двором вышестоящих домов. П.И. Сумароков писал: «Крыши на домах их заменяются потолками, на коих гладко набитая земля представляет преизрядные террасы, и татары в прохладные часы выходят тут сидеть» (Крым в илл…, 1996, с. 9). На земляных кровлях татарки сушили табак, орехи, лук, чеснок и пр., а во время праздников танцевали, одновременно утаптывая землю на крыше.

Крестовидный план расположения комнат, выходящих на общую веранду, и плоские эксплуатируемые кровли, по мнению Б.А. Куфтина, несут в себе кавказские и малоазиатские черты. «Домики кажутся издали какими-то гигантскими сотами, облепившими склоны, ущелья. ... Каждый домик представляет одно- или двухэтажную продолговатую четырехугольную постройку из дикого камня на глине. Иногда задней стеной является естественная скала, а передняя с дверями и окнами делается из обмазанного глиной плетня. В двухэтажных постройках нижний этаж обычно служит помещением для скота и кладовыми, а живут в верхнем с верандой, поднимаясь туда по наружной, а в старину – внутренней лесенке» (Куфтин Б.А., 1925, с. 245). Полы внутри жилища смазывались цветной глиной и тщательно закрывались войлоком. Часто снаружи к дому со стороны очага пристраивалась куполообразная печь для выпечки хлеба.

Однако в начале XIX века под влиянием северных городских культурных центров в Ялтинском районе и к западу от него начинают появляться дома с двускатной черепичной крышей. Одновременно начинает меняться и планировка поселка, в котором развивается сеть улиц и дворов с садиками.

В степных районах Карасубазара и Симферополя дома беспорядочно располагались вдоль неправильных широких улиц, имели пустынный двор, окруженный низенькой оградой. Одноэтажные домики с двускатной черепичной крышей без чердака состояли из двух-трех комнат, и строились из кирпича или обмазанного глиной плетня. Хлев располагали под одной крышей с жильем.

В районе водораздела Качи и Бельбека деревенские дома строились из дерева и представляли собой своеобразные срубы, собранные из массивных дубовых досок. По мнению Б.А. Куфтина, истоки этих своеобразных конструкций ведут к деревянным срубным домам северных пришельцев-готов. Такой сруб поднимался на сложенном из камня нижнем

этаже, либо помещался прямо на земле на низком каменном фундаменте. Сруб закрывала двускатная крыша из обтесанных массивных брусьев без потолка. Значительно более сложную постройку представляли деревянные двухэтажные дома в горных деревнях Озенбаш, Стиле и др.

Городские дома в Бахчисарае располагались более однообразно. Со стороны фасада к дому примыкал двухуровневый двор. В верхней части двора, как правило, росли фруктовые деревья и виноградники. Каждый дом приспосабливался к конкретному рельефу, имел асимметричный план, конструктивное и функциональное разделение по этажам. Нижний этаж, выполненный из камня, предназначался для хозяйственных нужд. Жилой верхний этаж – фахверково-деревянный, как правило, был разделен на мужскую и женскую половины. Со стороны двора, на стыке мужской и женской половины устраивалась общая веранда с лестничным сходом на террасу. Со стороны улицы постройки напоминали старые византийские дома с выступающим над входом вторым этажом.

Одноэтажные дома имели форму прямоугольника, сложенного из дикого камня на глиняном растворе, с двускатной или трехскатной крышей. Крыша обычно спускалась широким навесом, создававшим тень, а также защищавшим от дождя глиняные стены. Более широкий спуск крыши, опираясь на колонки с резными капителями, превращался в навес над галереей.

В степных районах долгое время, начиная с завоевания Крыма Золотой Ордой, распространенным жилищем поселившихся здесь ногайцев была кибитка или юрта как тип кочевого жилища. Большая юрта имела круглую форму и собиралась из сборно-разборного деревянного каркаса. Двери в юрте устраивались деревянными одно- или двустворчатыми и украшались ярким геометрическим рисунком, порог делали высоким, окон не было. Крыша имела коническую форму.

Легкая каркасная конструкция, покрытая войлоком, и круглое замкнутое помещение с отверстием в куполе диктовали специфическую форму решения внутреннего пространства. Юрта имела ограниченную площадь, поэтому вещи размещались в ней таким образом, что пространство пола оставалось свободным для человека. Система размещения предметов по кругу создавала ощущение круглого замкнутого пространства согласно логике самой конструкции жилища.

Другая особенность интерьера – все вещи на виду. Каждый предмет, помимо своего утилитарного назначения, становился одновременно предметом убранства жилища. Возникал единый по стилю ансамбль, построенный на сочетании предметов из разных материалов: кожи, дерева,

металла, шерсти, ткани, составляя в целом общую картину традиционного национального жилища. Ткани, богато орнаментированные различными техниками исполнения, закрывали все поверхности юрты за исключением свода и составляли как бы внутреннюю оболочку помещения. Пол застилался цветным войлоком, стены утеплялись. Таким образом, создавался единый орнаментальный фон интерьера, напоминая большой разноцветный ковер. Направо от входа помещались продовольственные запасы и лавка для утвари. Тут же висела полка для парадной посуды. Под ней находился раскрашенный шкафчик с дверцами (сундук), служивший для хранения продуктов питания. Подальше от двери, на левой стороне юрты, размещалась длинная раскрашенная деревянная скамья или кровать, на которой лежали матрасы, одеяла и подушки. Сверху была протянута веревка с развешенной на ней мужской одеждой. Вышитые сумки с одеждой, оружие, конская сбруя, гребни для расчесывания шерсти и т.п. висели на крючках вдоль стен (Гаджиева,1976).

Однако в Крыму до завоеваний Золотой Орды уже сложилась традиционная система возведения жилища. Необходимость перехода к оседлой жизни заставила кочевые племена перенимать уже сформировавшийся опыт местного строительства. В то же время одновременная исламизация населения и сложившиеся традиции кочевых тюркских народов повлияли на формировании внутреннего пространства татарского жилища.

По свидетельству польского посланника в Крыму М. Броневского, во второй половине XVI века ногайцы северокрымских степей жили в зимних поселениях, частично имели хижины, стены которых были «из тонких деревьев, обмазаны тиной, грязью или навозом и покрытые камышом…» (Броневский М., 1867, с. 337–338). К XIX ст. войлочная юрта у ногайцев, населявших степную зону Крыма, заменяется одноэтажным прямоугольным жилищем из саманного кирпича-сырца. Крыши домов покрываются черепицей. Окна устраиваются без рам и ставень, с наклеенной на рейки тонкой бумагой. И только в одном месте окна оставлялось небольшое отверстие, закрывавшееся стеклом. Низкие двери, обращенные всегда на юг и выходящие на степь, устраивались с высоким порогом. Характерной особенностью жилища являлось наличие сеней. Большинство домов состояло из одной большой комнаты с сенями. Лишь богатые ногайцы возводили постройки с двумя комнатами. Другой характерной чертой оседлого жилища являлось наличие в нем невысокой глинобитной (позднее и деревянной) лежанки. Она располагалась вдоль стены, занимая в ряде случаев почти половину комнаты.

К XIX в. планировка и конструкции различных типов жилища формировались под влиянием традиций народов, населявших те или иные районы полуострова, привнесенных культур и природных условий. Одновременно мусульманизация населения и оседание кочевых тюркских народов повлияли на формирование внутреннего пространства местного татарского жилища.

Несмотря на разнообразие типов жилища крымских татар, состав помещений и их назначение во всех домах были однородными. Жилое пространство как в одноэтажных, так и двухэтажных домах, состояло из двух-трех комнат. Основными были сени и кухня. Третье помещение служило гостиной, чаще всего неотапливаемой.

В прямоугольных домах жилые помещения располагались в ряд. Из размещенных в центре сеней одна или две двери вели в кухню и гостиную. В сенях обычно располагался ручной ткацкий станок, на котором женщины выполняли домотканые изделия.

Особенностью жилища южнобережных татар являлось отсутствие бокового освещения и крестообразное размещение комнат, а также наличие внутренней комнаты, предназначавшейся для сна, куда можно было пройти только через большую комнату-кухню. При необходимости впереди дома пристраивали гостиную без капитальных стен с отдельным входом.

В остальных типах домов основным жилым помещением являлась кухня, в которой устраивался очаг, похожий на широкий камин с трубой и раструбом на высоте около метра от пола. Под ним в холодные зимние вечера могла поместиться, греясь у разведенного на полу костра, вся семья. Внутри очага на цепи висел котел, а с краю располагался огромный медный кувшин для согревания воды и кофе. У противоположной стены в старинных постройках находились каменные нары для хранения всякой утвари, которые позже были заменены деревянной лавкой. В конце XVIII–XIX вв. гончарная и медная посуда выставлялась на открытых полках, подвешенных под потолком. В этой же комнате ночевало все семейство, а также принимались и близкие знакомые, которые располагались у огня на небольших войлочных подстилках.

Для интерьера крымскотатарского жилища характерно наличие внутри стен специальной ниши, в которой стоял сундук со сложенными стопкой одеялами и подушками. Вдоль остальных стен на низеньких глиняных возвышениях на полу расстилались матрасы и подушки для сидения. В одном из углов комнаты огораживался маленький чуланчик для омовения, носящий арабское название *хамам*.

Гостиная, как правило, не имела очага. Полы застилались цветными и черными войлоками или коврами из овечьей шерсти. На перекладинах или балках, которые оставались открытыми ввиду отсутствия чердака, развешивалась праздничная одежда всего семейства и цветные платки; тут же покоился «священный Коран» и другого рода духовные книги. Помещения украшались вышитыми полотенцами, скатертями, салфетками, занавесями. Декоративные домотканые льняные полотенца с геометрическим орнаментом украшали полочки для посуды.

Стены в некоторых домах (очень редко) украшались декоративной росписью, состоявшей в основном из изображения «древа» или прямолинейных цветных разводов. Вероятно, в основе рисунков крымские татары выражали свои представления о рае и растущем в нем дереве счастья *тубу*, которое «должно простирать свои ветви на жилище каждого праведника и должно быть обременено всевозможными плодами и птицами» (Радде, 1856-1857, с. 311).

В городских домах Бахчисарая стены комнаты внутри гладко обмазывались глиной и белились. К стене с входной дверью пристраивался очаг, напоминающий форму камина в старых турецких домах Стамбула. По обе стороны очага помещались деревянные шкафчики: *долап* – для хранения посуды, и *судолап* – для омовения. Шкафчики не доходили до потолка и наверху их устраивались полати, на которых хранились обычно фрукты для домашнего употребления. У противоположной стены устраивалось помещение, носящее греческое название *къамере,* для хранения в дневное время одеял и подушек и имевшее вид деревянного помоста со свешивающимся над ним в виде свода карнизом для шторы. В каменных стенах устраивались ниши, служившие шкафчиками. По периметру стен располагались невысокие глиняные обводные диваны (топчаны) с матрасами для сиденья. Полы в середине комнаты покрывались войлоком, поверх которого застилались ковры или килимы.

На стенах развешивались расшитые полотенца, каллиграфические надписи с изречениями из Корана. Вдоль стен, выше окон, прибивались узкие полки, на которых размещалась разнообразная медная посуда, служащая для украшения комнаты и показания благосостояния и достатка хозяина. В состав меблировки комнаты входили скамейки, зеркала, низенький четырехугольный (либо шести-, восьмигранный) столик, носящий арабское название софра (или турецкое – курсю), на который во время еды ставился поднос с яствами, и который в другое время отставлялся куда-нибудь к стене.

Окна были небольшие, квадратные, защищенные железными или деревянными, вертикально установленными прутьями. Снаружи окна закрывались двустворчатыми ставнями и, как правило, выходили во двор. Кроме того, проделывалось небольшое квадратное окно в задней стене, из которого можно было наблюдать все, что происходило на улице. Над обычными окнами в более богатых домах лишь для украшения близ потолка устраивались фигурные окошки из цветного стекла, вставленного в узорно вылепленные из гипса рамы в виде розеток, кипарисов и пр., аналогичные широко распространенным в Персии и Средней Азии. Эти окна вместе с дверками под полукруглыми арками и такой же отделкой камина являлись городскими наслоениями, обнаруживающими в себе влияние османского художественного стиля.

Сложившийся характер быта выработал у народа устойчивые типы предметов, применение которых почти в каждом жилище было обязательно. Система планировки помещений в крымскотатарском доме, распределение и размещение в них предметов, утвари опирались в своей основе на традиции и представления мусульманской части населения, сформировавшиеся под влиянием кочевых тюрков. Все предметы были на виду и располагались в основном по периметру, оставляя середину помещения свободной, где днем, установив маленький столик, вся семья могла обедать, а ночью, расстелив постели, спать.

Решающее значение в создании бытовой и художественной среды в татарском жилище имело несколько основных групп предметов.

Одна из групп – предметы, выполненные из войлока и сукна. Гладкий войлок без орнамента (черный, серый или цветной), покрывал пол. Подобно киргизам, казахам, крымские татары изготовляли в технике аппликации узорные войлоки, которыми украшали стены и покрывали обводные диваны.

Цветной и однотонный войлок составлял основу декора стен и пола ногайской юрты. Снаружи юрта покрывалась кошмами. Богатые люди обтягивали ее двумя-тремя слоями длинных войлочных полос. Войлоки на нижней части стен юрты крепились при помощи широких узорчатых шерстяных лент с бахромой, которые прижимали войлок к каркасу (Гаджиева С.Ш., 1976, с. 46). В зимнее время на дверь с наружной стороны навешивался войлок, который в большинстве случаев обшивался с лицевой стороны плотной светлой тканью и украшался цветной аппликацией. Черные войлоки нижней части юрты имели белый фриз, выполненный из верблюжьей шерсти в технике аппликации. Верхняя часть юрты завершалась кольцевым узорным шерстяным поясом.

Значительную группу предметов составляли предметы узорного ткачества: безворсовые (килимы) и ворсовые ковры, занавеси, скатерти, полотенца, переметные сумы. Полы, закрытые войлоком, сверху застилались килимами. Пестрой цветной мозаикой они покрывали пол мечети. Иногда нарядные килимы украшали стены и обводные диваны в гостиной. Паласы выполняли важные функции в религиозных и свадебных обрядах.

В менее богатых домах вдоль стен вместо килимов и узорных войлоков над диванами развешивались подзоры, имевшие вид длинных узких тканых полотенец шириной не более 0,5 м и длиной до 3-х м. Иногда ими покрывали диванные подушки. Сами диваны накрывались покрывалами.

Обширную группу тканей составляют полотенца (с тканым узором и вышитые), которые выполняли важную роль как в убранстве жилища, так и в различных обрядах. Тканными полотенцами накрывали посуду, украшали полочки для посуды. Вышитые полотенца являлись особым украшением интерьера. Они развешивались между окнами, на стенах, под потолком. Расположение сложенных определенным образом узорных полотенец и декоративных платков вдоль стен и между оконными проемами создавало декоративный ритм средней части помещения. Вышитые изделия густо развешивались на балки под кровлей, закрывая неприглядный вид перекрытия. Все в жилище – от небольшой салфетки, покрывающей чайную посуду, до огромных паласов, закрывающих пол, было насыщено цветом, орнаментом.

Особую роль в организации интерьера играли бытовые изделия из меди. Расположение изделий из красной и желтой меди на цветных тканых или вышитых изделиях создавало красочный контраст и подчеркивало нарядность узорной посуды. А блики огня, отражавшиеся на кувшинах и ведрах у камина, создавали теплый цветовой колорит и уют в помещении.

Дополняли внутренний ансамбль интерьера немногочисленная мебель и различные бытовые предметы из дерева: детские люльки-качалки, специальные подставки под блюда, служившие поверхностью столика для обеда, сундуки из орехового дерева и сундучки для мелочей, многогранные столики-курсю и всевозможные мелкие предметы обихода (зеркала, навесные полочки для ложек и т.п.). Инкрустация костью и перламутром была широко распространена в XVIII–XIX вв. и охватывала сундуки, шкатулки, столики, подставки под Коран. С середины XIX в. получает распространение инкрустация изделий деревом светлого цвета.

Орнаментальная резьба по дереву использовалась и в отделке наружных элементов жилища: на колонках и капителях, подпирающих кровли балконов, в решетках (Бонч-Осмоловский Г., 1925, с. 60-61).

В XVII-XVIII вв. в домах татарской и караимской знати в интерьерах использовалась деревянная отделка, резьба, позолота и роспись, выполненная с исключительным мастерством и художественным вкусом. В конце XVIII – XIX вв. особый интерес представляли потолки в домах зажиточных граждан. Подшитый потолок, окрашенный, как правило, голубым или оранжевым цветом с участками белого, украшался деревянной аппликацией (набойками) из полукруглых черного либо позолоченного цвета точеных узорных планок, создававших геометрический сетчатый, звездчатый или цветочный узор. В центре потолка часто размещался плафон-розетка с расходящимися от нее лучами рельефного геометрического орнамента или живописью. По периметру устраивался резной висячий карниз. Расписывались также карнизы стен букетами тюльпанов и цветов в вазочках. Старинные городские дома с подшивными потолками сохранялись еще в начале XX века в Бахчисарае и Евпатории. Подобное устройство потолков использовалось и в мечетях, с той лишь разницей, что плафон был больше размерами и богаче орнаментирован. Аналогично обшивались широкие свесы крыш. В убранстве потолков наблюдается интересное сочетание мотивов османской эпохи, с приемами более древними, связанными с орнаментикой Персии (Засыпкин Б.Н., 1927, с. 166).

Окна, ниши и балконы в женских отделениях частных домов часто закрывались ажурными решетками кафес, которые выполнялись из маленьких плоских дранок, скрепленных между собой при помощи пазов и других соединений без использования гвоздей.

Цвет, ритмический строй, орнаментальный рисунок, неповторимое разнообразие фактур в предметах убранства создавали в своем единстве художественный образ интерьера крымскотатарского жилища.

Таким образом, к XV веку в Крыму на основе местных традиций сформировались основные конструктивные типы народного жилища крымских татар, а впоследствии на основе привнесенных исламом обычаев – планировка и интерьер, соответствовавшие новому мусульманскому мировоззрению. Это отразилось в разделении жилых помещений для проживания и приема гостей (не имевших права встречаться с женской половиной семьи), устройстве окон, выходящих во внутреннюю часть двора (а не на улицу), балконов с густой решеткой, верхних маленьких окошек с витражами и т.п.

На организации внутреннего пространства жилища сказались обычаи кочевых племен: покрытие пола войлоком, размещение вещей на виду по периметру помещения, минимум мебели, масса декоративного шитья, низкая мебель в соответствии с традицией сидеть на полу. Отмеченные особенности раскрывают сложность структуры художественного образа интерьера крымскотатарского народного жилища.

Литература

Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 333-367.

Бонч-Осмоловский Г. Крымские татары: Этнографический очерк // Путеводитель по Крыму. Симферополь: Крымгосиздат, 1925. С. 50–71.

Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX начале XX вв. М.: Наука, 1976. 245 с.

Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927, № 2(4). С. 113-168.

Крым в иллюстрациях. № 1. Крым глазами путешественников и художников. Крымский республиканский краеведческий музей. 1996.

Куфтин Б.А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. М.: Тайнинский печатник, 1925. 60 с.

Озенбашлы Э. Крымцы. Сборник работ по истории, этнографии и языку крымских татар. Акмесджит. 1997.

Радде Г. Крымские татары // Вестник имп. Русского географического общества. № 6. 1856–1857. Т. 18-19. 330 с. (Оттиск).

Джансугурова Л.Б., Байтанаев Б.А., Хусаинова Э.М., Нуржибек, Жунусова Г.С., Иксан О.А., Джантаева К.Б., Китов Е.П.

АНАЛИЗ МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК НАХОДКИ «УРДЖАРСКАЯ ПРИНЦЕССА»

Археологическая находка 2013 г. из кургана Тасарык в Урджарском районе Восточно-Казахстанской области, найденная казахстанскими археологами из Института археологии им. А.Х. Маргуланав зоне реконструкции автодороги Таскескен – Бакты, вызывала большую сенсацию. Под насыпью кургана в каменном саркофаге под массивными гранитными плитами, на глубине 1,70 м находились останки молодой женщины знатного происхождения в дорогих погребальных одеждах, котороюи назвали «Урджарской принцессой» (рис. 1). При погребенной обнаружены керамические и деревянные сосуды и кости жертвенного животного – овцы. На костях человеческого скелета сохранились остатки ткани одежды синего и зеленого цвета. Уголовы погребенной найдены золотые серьги и каменный жертвенник-непременный атрибут женских захоронений того времени. Голова женщины была украшена остроконечным золотым головным убором с узором растительного и зооморфного характера. По форме и орнаментальному воплощению, находка напоминает народные казахские женские головные уборы саукеле. Подобные головные уборы как предполагается, являлись принадлежностью парадного костюма саков Казахстана. Похожая находка в Казахстане известна лишь в знаменитом Иссыкском кургане, относящемся к тому же времени, что и погребение в Урджарском районе. Погребение «Урджарская принцесса» датируется IV-III веками до н.э.

В 2014 г. для реставрации одежды и украшений известным реставратором Крымом Алтынбековым скелет был перевезен в научно-реставрационную лабораторию «Остров Крым» вместе с пластом земли.

Поскольку в рамках государственного заказа НТП «Народ в потоке истории» в конце 2014-начале 2015 гг. на базе Института общей гене-

Рис. 1. Остатки головного убора и погребальный инвентарь находки «Урджарская принцесса»

тики и цитологии была создана высокоспециализированная лаборатория популяционной генетики, ориентированная на палеогенетические исследования ценного казахстанского археологического материала, «Урджарская принцесса» стала пристальным объектом внимания генетиков. После чего состоялись переговоры с научно-реставрационной лабораторией «Остров Крым», где данный объект находится на реставрации.

Осмотр скелета (рис. 2), состоявшийся 06 апреля 2015 г., показал, что кости скелета подверглись очень сильной деградации в результате естественного микробного заражения. Также кости были подвергнуты жесткой химической обработке, необходимой для реставрации одежды, но негативно влияющей на качество ДНК.

Обследование сохранности костного материала показало, что для анализа ДНК наиболее пригодны фрагменты правой большеберцовой кости и правой локтевой кости. Череп «Урджарской принцессы» в это время находился за пределами Республики Казахстан (г. Челябинск, Россия) на антропологической реставрации облика.

Согласно установленным при осмотре костных останков меткам-флажкам руководитель научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» Крым Алтынбеков лично изъял указанные кости (рис. 3), которые были аккуратно упакованы (рис. 4) для транспортировки в лабораторию популяционной генетики Института общей генетики и цитологии.

Рис. 2. Осмотр скелета «Урджарской принцессы» на предмет возможности ДНК-анализа

Рис. 3. Руководитель реставрационной лаборатории «Остров Крым» Крым Алтынбеков изымает кости находки «Урджарская принцесса» для генетического обследования

Забор костных фрагментов для анализа ДНК проведен 08.04.2015 г. с соблюдением санитарно-гигиенических требований в стерильном предварительно обработанном ультрафиолетом (в течение 4 часов) помещении лаборатории популяционной генетики Института общей генетики и цитологии. Для работы использовали стерильные одноразовые халаты, бахилы, маски и перчатки. На рисунке 5 представлены генеральный директор РГКП «Институт археологии им. А.Х. Маргулана» Байтанаев Б.А. и генеральный директор РГП «Институт общей генетики и цитологии» КН

Рис. 4. Изъятие и упаковка костей находки «Урджарская принцесса» для транспортировки в лабораторию популяционной генетики

МОН РК Джансугурова Л.Б. перед взятием спилов с костей для генетического исследования.

Взятые из научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» правая большеберцовая и правая локтевая кости перед взятием спилов были предварительно подвергнуты кратковременной обработкеультрафиолетом для фрагментации чужеродных ДНК на поверхности костного материала. Под чужеродными ДНК в данном случае понимается ДНК лиц, непосредственно контактировавших с объектом (археологи, историки,

Рис. 5. Экипировка для взятия спилов с костей «Урджарской принцессы» для генетического анализа

антропологи, реставраторы) и микробных ДНК, являющихся следствием естественной деградации биоматериала.

При осмотре костей выбирали место, где возможно костная ткань не подверглась большой деградации. Фактически более светлые участки кости представляли более сохранные остеоциты. Далее выпиливали фрагмент, избегая серьезного нагрева костного материала, чтобы предотвратить дополнительную денатурацию и деградацию ДНК остеоцитов. Выпиленные фрагменты осторожно очищали от остатков мозгового вещества и упаковывали. Рисунок 6 дает представление об этапах забора костных фрагментов для анализа.

Упаковку костных фрагментов производили в стерильные пластиковые пробирки.

Ввиду очень плохой сохранности и жесткой химической обработки костей, в июле 2016 г. после завершения реставрации облика, нами были взяты также спилы с внутренней части (кусочек губчатой ткани – Glenoid Fossa)черепа «Урджарской принцессы» (рис. 7).

Таким образом, для ДНК-анализа были отобраны 5 небольших (до 1 см длиной) фрагментов костной ткани, представляющих спилы с правой локтевой костии черепа объекта.

Параллельно с проведением спилов с древних костных образцов, были взяты буккальные мазки у всех лиц, участвовавших в исследова-

Рис. 6. Изъятие и упаковка костей находки «Урджарская принцесса» для транспортировки в лабораторию популяционной генетики

нии. ДНК этих лиц использовали в качестве контроля для исключения возможной контаминации палеообразцов.

Поскольку изучаемый объект был женщиной, для информативного анализа мы выбрали маркеры митохондриальной ДНК (мтДНК) [1]. Полиморфизм мтДНК используется в популяционных исследованиях сравнительно давно из-за относительной простоты выделения ДНК. Этот тип

Рис. 7. Череп находки «Урджарская принцесса»

полиморфизма характеризует отсутствие рекомбинаций и материнский тип наследования. В этой связи митохондриальный геном может эволюционировать только за счет последовательного накопления мутаций в поколениях. В митохондриальном геноме выделяют 2 основных участка: кодирующая область и некодирующий регион (D-петля). Некодирующий регион является наиболее вариабельным участком мтДНК и содержит около 23% вариаций всего митохондриального генома. Около 30% вариабельности мтДНК приходится на межпопуляционные и межгрупповые различия. Данные по изменчивости мтДНК свидетельствуют, что дивергенция мтДНК началась около 150 000 лет назад. Митохондриальные генофонды популяций человека представлены несколькими наборами групп гаплотипов, каждый из которых ведет свое происхождение от единственной основательницы. Для большинства гаплотипов мтДНК установлена региональная и расовая специфичность.

Обработку костных фрагментов «Урджарской принцессы» (удаление верхнего слоя, обработка водой и этиловым спиртом, деионизация, высушивание) и ультразвуковую гомогенизацию осуществляли согласно стандартным процедурам обращения с костным материалом для ДНК анализа [2]. Выделение палео-ДНК из костных останков проводили на основе хорошо зарекомендовавших себя модифицированных методик [3-5] с использованием декальцинирующего раствора 0,5 М ЭДТА (pH 8,0) и лизирующего буфера TNES с протеиназой К (Promega) с инкубацией в течение ночи. Для осаждения ДНК использовали реагенты набора реактивов «ДНК-Сорб-В» (Россия). Полученные образцы ДНК растворяли в ТЕ-буфере, который непосредственно использовали для ПЦР для хранения при – 70^0 С. Качественный и количественный анализ палео-ДНК проводили спектро- и фотометрически. Концентрации образцов палео-ДНК варьировали в пределах 0.749-1.050 мкг/мкл. Этапы предобработки костных фрагментов и выделения ДНК демонстрирует рисунок 8.

ПЦР-амплификацию для NGS секвенирования проводили в четырех отдельных реакциях на образец в соответствии с Human mtDNA D-Loop Hypervariable Region (Illumina) для создания четырех ампликонов, представляющих 2 гипервариабельных района кольцевой митохидриальной ДНК (HVR1, HVR2) по следующим позициям нуклеотидов: 29-285, 172-408, 15997-16236 и 16159-16401. Для ПЦР каждый образец палео-ДНК ставили в двух повторностях, в разные дни и разными людьми. Всего проведено 10 независимых ПЦР-реакцийобразцов палео-ДНК «Урджарской принцессы». Количество и качество ПЦР ампликонов определяли с помощью электрофореза и фотометрически. Секвенирование гипервариабельных районов мтДНК (HVR1, HVR2) проводили с использованием генетического анализатора нового поколения MiSeq (Illumina). Библиотеки ДНК были получены из нормализированных продуктов ПЦР-амплификации. мтДНК образцы были объединены с 25% PhiX контролем и просеквенированы в концентрации 10 pM в соответствии с инструкциями производителя с 2×151 циклов. Далее проводили биоинформационный анализ результатов секвенирования мтДНК. Данные Miseq анализировались с использованием mtDNA MiSeq Reporter (MSR) plug-in, интерпретировались с использованием программного обеспечения BaseSpace® mtDNA Variant Processor v1.0 App (Illumina, San Diego, США). *Для определения гаплогрупп использовалось программное обеспечение* – mtDNAmanager [6].

Таким образом, был определен гаплотип мтДНК «Урджарской принцессы»: D4o (73G, 195C, 263G, 309.1C, 315.1C, 16092C, 16129A, 16223T, 16232T, 16290T, 16362C).

Предполагается, что гаплогруппа D возникла в Азии около 60 тыс. лет тому назад. Она является потомком гаплогруппы M (рис. 9). Считается, что гаплогруппа D, также как и C, на территорию северной Азии распространилась в позднеледниковый период из южного Китая через северо-восток Индии [8]. Кроме того, из-за их высокой частоты и широкого распространения, гаплогруппы C и D, скорее всего, принимали участие во всех последующих эпизодах предполагаемого потока генов в восточной и северной части Евразии. К ним относятся палеолитическая колонизация Сибири (40-30 тысяч лет назад), дальнейшая реколонизация и возможная замена популяций ранних сибиряков внедрением популяций от побережья озера Байкал, бассейнов рек Енисей и Лена (20 тысяч лет назад), появление неолитической традиции гончарного искусства в лесостепной полосе северной Евразии (начиная примерно 14,5 тысяч лет назад) и ее расширение в Восточно-Европейской равнине (7 тысяч лет

Рис. 8. Выделение палео-ДНК объекта «Урджарская принцесса»

назад), неолитическое рассредоточение сельского хозяйства в восточной Азии, расширение Афанасьевскойи Андроновской культур (5-3 тысяч лет назад) и более поздних событий, определяющих поток генов в восточной и центральной Евразии [9].

На территории Евразии гаплогруппа D встречается в Северо-Западной Азии, в том числе в Сибири [8, 9]. Также гаплогруппа D довольно часто встречается в Центральной Азии, где она является второй по частоте кладой мтДНК (после H), с низкой частотой гаплогруппа D встречается на северо-востоке Европы и юго-западе Азии [11]. Известно, что эта гаплогруппа является одной из 5 мтДНК-гаплогрупп, обнаруженных у коренных народов Америки [11], наряду с такими, как A, B, C и X. Гаплогруппа D мтДНК охватывает почти 20% от общего изменения мтДНК в большинстве северной Азии и сохраняет очень высокую общую частоту среди северных азиатских групп (11-34%), населения Центральной Азии (14-20%) и Восточной Азии (10-43%) [9]. Ее частота снижается на запад и на юг (до 2% или менее) в Индии и Западной Азии, но на Кавказе, Вол-

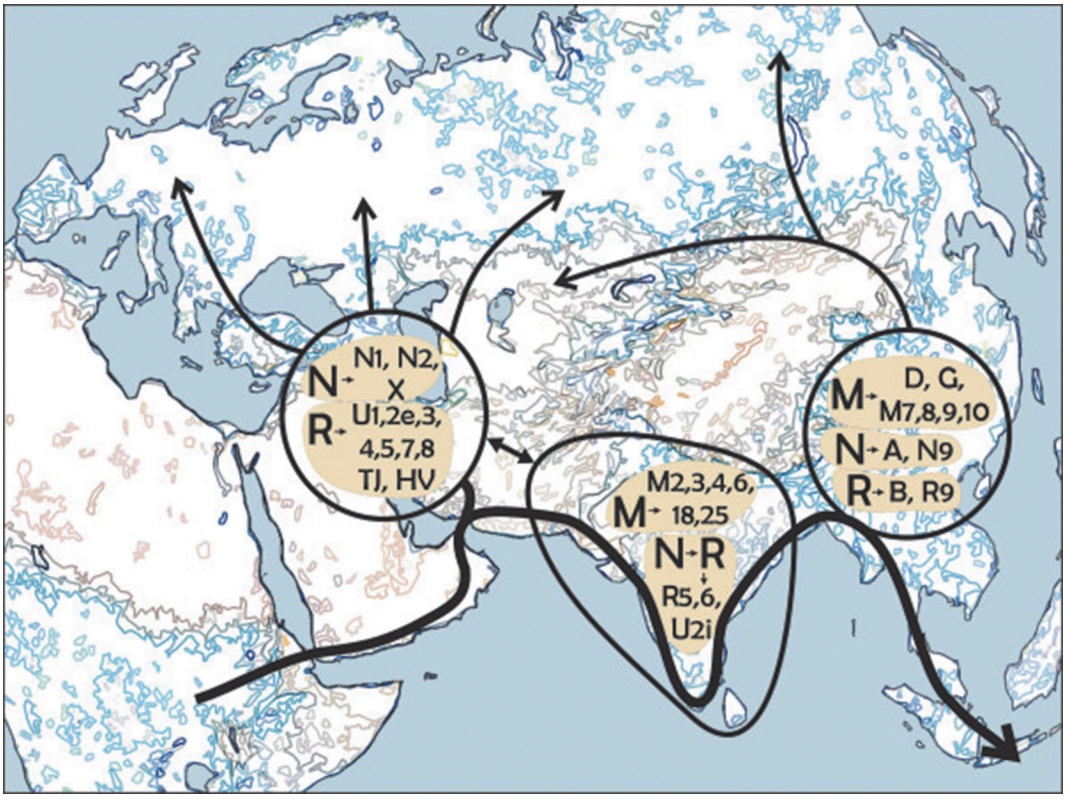


Рис. 9. Возможное происхождение гаплогруппы DмтДНК[7]

го-Уральском регионе и Юго-Восточной Азии – по-прежнему достигает 5-10%. Интересно, что гаплогруппа D встречается также в некоторых северо-восточных европейцев, как карелов, саамов и скандинавов, в то время как гаплогруппа C отсутствует среди них [9].

Филогения субкладов D гаплогруппы еще не вполне ясна. Так, анализ древнего материала показал, что Гаплогруппа D мтДНК была обнаружена у мужчины-воина из погребения в Покровске (Якутия), жившего 2400—2200 лет назад [11]. У девочки-подростка из пещеры Хойо Негро (полуостров Юкатан), жившей 13-12 тыс. лет, была митохондриальнаягаплогруппа D1 [13]. Известно, что женщина-основательница D4 огаплогруппы мтДНК жила между 9300-18400 лет назад [14]. Мужчина и женщина хунну из Северо-Восточной Монголии (местность Duurlig Nars), жившие 2000 лет назад, оказались обладателями митохондриальной гаплогруппы D4 [15].

Анализ специфических мутаций гипервариабельных районов мтДНК показал, что возраст главных субкладов D гаплогруппы мтДНК – D4 и D6, очень древний (24-28 тысяч лет назад и 23-42 тысяч лет назад, соответственно) [9]. Есть и более древние клады, например, субклад D5 имеет возраст около 32-37 тысяч лет назад. Однако D4 является наиболее представительной группой и имеет 15 субгрупп, которые по скорости синонимичных мутаций мтДНК можно оценить в пределах 3-42 тысячи лет назад [9]. Практически все субклады D4 встречаются в Восточной Азии, однако распространены и на территории Северной и Южной Азии. Некоторые из этих субкладов имеют очень характерное географическое распределение, что весьма информативно для анализа геногеографии азиатских народов. Среди современного населения Евразии D4 гаплогруппа мтДНК часто встречается у бурят ихамниганиз Бурятии, калмыков из Калмыкии, теленгитов и казахов Алтая. Субклад распространен в Китае, Юго-Восточной Азии, Сибири и Центральной Азии. Также онобнаружен укоренного населения Америки [9]. Известно, что D4o2 разновидность мтДНК с низкой частотой обнаруживается у северных народов Евразии (якуты, эвенки) [16].

Таким образом, по результатам генетического анализа находки «Урджарская принцесса» можно сказать, что, характеризующий ее мтДНК гаплотип D4o относится к «азиатской ветке», оставившей широкий след в Восточном Алтае, Сибири и Крайнем Севере Евразийского континента, и, возможно, среди коренного населения Америки.

Литература

1. Alexander F. Christensen. Sequence, Haplotype, and Ancestry: Using the Mitochondrial DNA Hypervariable Region toPredict Forensic “Race” // FORENSIC SCI SEM, 2015, V. 5, N. 1. P. 1–14.
2. Культин А.Ю., Стороженко И.В., Пименов М.Г., Кондрашев С.А. Криминалистическое исследовании STR-локусов ДНК костных останков человека в целях идентификации личности // Методические рекомендации. Экспертно-криминалистический центр МВД РФ. Москва. 2004. 41 с.
3. Джансугурова Л.Б., Бекманов Б.О., Красоткин Е.В., Булентаева З.А., Мусралина Л.З., Курманов Б.К. Генетические исследования костных останков из некрополя «Хан моласы» // Материалы II международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан «Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии». Актобе. 14-18 сентября 2011. С. 357-361.
4. Бекманов Б.О., Жансүгірова Л.Б., Беркімбаева З.А., Курманов Б.К., Красоткин Е., Мусралина Л. Ақтөбе облысы Әйтеке Би ауданы «Хан Моласы» зиратынан табылған сүйек қалдықтарына генетикалық талдаулар жүргізу // Сборник статей V Международной Научной Конференции «Инновационное развитие и востребованность науки в современном Казахстане». 24-25 ноября, 2011. Алматы, Казахстан. С. 193-196.
5. Джансугурова Л.Б., Бекманов Б.О., Красоткин Е.В., Булентаева З.А., Мусралина Л.З., Курманов Б.К. Генетические исследования костных останков из некрополя «Хан Моласы» // Этногенез казахов: историко-генетический аспект. Сб. под ред. А.К. Кушкумбаева. Алматы, 2014. (420 с.). – С. 113–121.
6. Hwan Young Lee, Injee Song, Eunho Ha, Sung-Bae Cho, Woo Ick Yang and Kyoung-Jin Shin.mtDNAmanager: a Web-based tool for the management and quality analysis of mitochondrial DNA control-region sequences // BMC Bioinformatics. 2008. V. 9, N. 483. doi: 10.1186/1471-2105-9-483.
7. Metspalu M., Kivisild T., Metspalu E.,Parik J., Hudjashov G., Kaldma K., Serk P., Karmin M. et al. Most of the extant mtDNA boundaries in south and southwest Asia were likely shaped during the initial settlement of Eurasia by anatomically modern humans // BMC Genetics. 2004. V. 5, N. 26. doi:10.1186/1471-2156-5-26. PMC 516768. PMID 15339343.
8. Kong Q.P., Yao Y.G., Sun C., Bandelt H.J., Zhu C.L., et al. Phylogeny of East Asian mitochondrial DNA linerages inferred from complete sequences// Am. J. Hum. Genet. 2003.V. 73. P. 671–676.
9. Derenko M., Malyarchuk B., Grzybowski T., Denisova G., Rogalla U., Perkova M., Dambueva I. and Zakharov I. Origin and Post-Glacial Dispersal of Mitochondrial DNA Haplogroups C and D in Northern Asia // PLoS ONE. 2010. V. 5, Is. 12. e15214+

10. Volodko N.V., Starikovskaya E.B., MazuninI. O. et al. Mitochondrial Genome Diversity in Arctic Siberians, with Particular Reference to the Evolutionary History of Beringia and Pleistocenic Peopling of the Americas // The American Journal of Human Genetics. 2008.V. 82. P. 1084–1100. DOI 10.1016/j.ajhg.2008.03.019.
11. Comas D., Plaza S., Wells R.S., Yuldaseva N., Lao O., Calafell F., Bertranpetit J. Admixture, migrations, and dispersals in Central Asia: evidence from maternal DNA lineages // European Journal of Human Genetics. 2004. V. 12, N. 6. P. 495-504.
12. Amory S., Crubézy E., Keyser C., Alekseev A.N., Ludes B. Early influence of the steppe tribes in the peopling of Siberia // Human Biology. 2006. V. 78, N. 5. P. 531–549.
13. James C. Chatters, Douglas J. Kennett, Yemane Asmerom, Brian M. Kemp, Victor Polyak, Alberto Nava Blank, Patricia A. Beddows, Eduard Reinhardt, Joaquin Arroyo-Cabrales, Deborah A. Bolnick, Ripan S. Malhi, Brendan J. Culleton, Pilar Luna Erreguerena, Dominique Rissolo, Shanti Morell-Hart, Thomas W. Stafford Jr. Late Pleistocene Human Skeleton and mtDNA Link Paleoamericans and Modern Native Americans // Science. 2014. V. 344, Is. 6185. P. 750-754.DOI: 10.1126/science. 1252619
14. Behar D.M., van Oven M., Rosset S., Metspalu M., Loogväli E.L., Silva N.M., Kivisild T., Torroni A. and Villems R. A "Copernican" reassessment of the human mitochondrial DNA tree from its root. //American Journal of Human Genetics. 2012. V. 90, N. 4. P. 675-684.
15. Kim K., Brenner C.H., Mair V.H., Lee K.H., Kim J.H., Gelegdorj E., Batbold N., Song Y.C., Yun H.W., Chang E.J., Lkhagvasuren G., Bazarragchaa M., Park A.J., Lim I., Hong Y.P., Kim W., Chung S.I., Kim D.J., Chung Y.H., Kim S.S., Lee W.B., Kim K.Y. A western Eurasian male is found in 2000-year-old elite Xiongnu cemetery in Northeast Mongolia // Am. J. Phys. Anthropol. 2010.V. 142, N. 3. P. 429-440. doi: 10.1002/ajpa.21242.
16. Fedorova S.A., Stepanov A.D., Adojaan M., Parik J., Argunov V.A., Ozawa T., Khusnutdinova E.K., Villems R. Phylogenetic analysis of ancient mitochondrial DNA lineages of human remains found in Yakutia // Mol. Biol. 2008. V. 42. P. 391-398.

Хусаинова Э.М., Нуржибек, Иксан О.А., Мусралина Л.З., Кузовлева Е.Б., Эвингер Ш., Кустар А., Джансугурова Л.Б.

ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСТАНКОВ ГУННСКОГО ПЕРИОДА

В настоящее время популяционная генетика нуждается в таком же систематическом изучении генофонда древнего населения, как и населения современного, причем исследование древнего генофонда требует с самого начала комплексного подхода со стороны генетики, археологии и палеоантропологии. Стремительное развитие технологий и методов молекулярной биологии позволило обратиться к новому объекту исследования – древней ДНК (палео-ДНК). Возможность применения в комплексных междисциплинарных исследованиях методов анализа древней ДНК из музейного, коллекционного материала и археологических находок является актуальной для широкого круга специалистов разных областей науки и значительно дополняет традиционные анализы антропологического материала [1]. Однако древняя ДНК находится в палеоматериале в следовых количествах, что обуславливает одну из важнейших проблем при ее исследовании – проблему аутентичности получаемых результатов. В лаборатории популяционной генетики Института общей генетики и цитологии ведется работа по апробации на реальных образцах методик выделения и амплификации аутентичных препаратов древней ДНК, и непосредственное применение методов исследования древней ДНК человека и животных для решения конкретных научных задач в рамках комплексных междисциплинарных исследований.

Целью данной работы является молекулярно-генетический анализ костных человеческих останков гуннского периода из коллекции Департамента антропологии Венгерского музея естественной истории (г. Будапешт, Венгрия).

В коллекции Департамента антропологии Венгерского музея естественной истории имеется более 1000 скелетов гуннского периода. Основываясь на историко-археологических данных (описание захоронения,

одежды, оружия и сопутствующих предметов), данных антропологического исследования, а, главное, сохранности костных останков и отсутствии агрессивной химической обработки материала, для палеогенетического исследования нами был выбран объект с инвентарным номером 12763. Данная находка была обнаружена в 1961 г. во время реконструкционных работ в г. Будапешт и датируется средней третью V века н.э. (конец гунского периода в Карпатском бассейне).

В могиле был скелет молодого человека, череп лошади, фрагменты конского убранства и дорогой одежды, инкрустированные золотыми бляшками и гранатами (рис. 1).

Стиль погребения с дорогим инвентарем указывает на тесную связь с сарматско-гуннскими погребениями, обнаруженных в Понтийской степи, в Крыму, на Кубани и Северном Каспии. Череп лошади был размещен особым в ногах скелета, такой стиль отмечен в захоронениях с Алтая.

Наличие в могиле бронзового и железного колокола без языков также указывает на древние традиции гуннов, что известно из знаменитых гуннских курганов НоинУла (Монголия). Из оружия был найден только железный нож. Возможно, что оружие было захоронено недалеко в отдельной могиле, что также было ранее отмечено в гуннских захоронени-

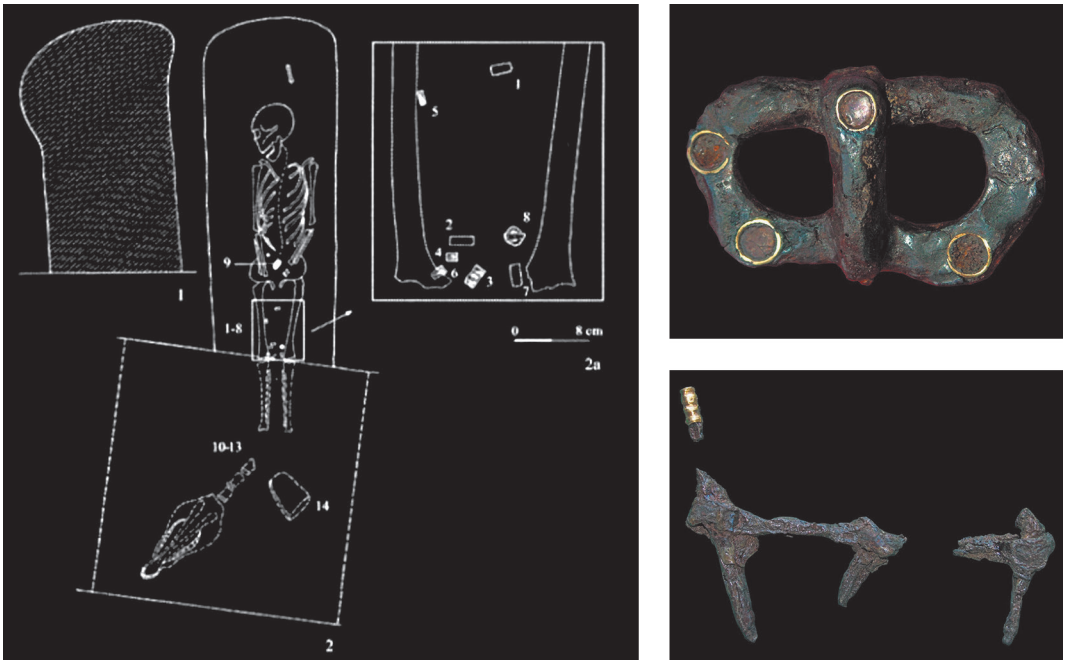


Рис. 1. Схема расположения погребения объекта №12763 и предметы, найденные в погребении

ях. Все указывало на то, что найденный скелет мог принадлежать знатному человеку из элиты гуннов.

Антропологическая экспертиза проведена научным сотрудником Музея естественной истории Шандором Эвингером (г. Будапешт). Выбранный для обследования древний объект гуннского периода представляет собой скелет молодого мужчины, около 25 лет, ростом примерно 160 см, череп антропологически характеризуется европеоидно-монголоидными чертами. Скелет в верхней части до конца бедренной кости в хорошей сохранности. Голень, фибулы и кости стопы пропали без вести. Они, скорее всего, уничтожены во время случайного нарушения могилы строителями. Суммированные сведения детального антропологического обследования:

Объект: Костные останки с инвентарным номером 12763

Пол: Мужской

Возраст: 20-30 лет

Время смерти: Более 1500 лет назад

Рост: ~160 см

Тип черепа: Европеоидо-монголоидные черты: поперечный диаметр – средний; высота головы – малая; высота головы относительно длины тела – малая; высота свода головы относительно длины головы – средняя; вертикальная профилировка лицевой части в целом (выступание лобного, носового и челюстного отделов относительно друг друга) – сильная; горизонтальная профилировка лицевой части в целом (выступание спинки носа + выступание скул) – средняя; абсолютная высота (физиономическая и морфологическая) лицевой части – большая; абсолютная наибольшая (скуловая или нижнечелюстная) ширина лицевой части – большая; лоб – высокий; выступание скул – среднее; высота носа – средняя; выступание носа – сильное; профиль (контур) спинки носа – средне-выпуклый.

Латеральность: Праворукий

Форма тела/активность: Мускулатура была развита, сильный. Всадник. Вероятно, физически был очень активным вплоть до момента смерти.

Патологии: Изменения скелета нормальны для его возраста.

Травмы во время жизни: Нет следов старых травм на скелете.

Травмы как причина смерти: Пери-патологоанатомически определяются 5 сломанных ребер с левой стороны. Вероятно, умер насильственной смертью от удара меча.

Материалом для молекулярно-генетического анализа послужили костные останки гуннского периода (средняя треть V века, конец гуннского периода в Карпатском бассейне). Забор костных фрагментов для

анализа ДНК проведен в лаборатории Департамента антропологии Венгерского музея естественной истории с соблюдением санитарно-гигенических требований в предварительно обработанном ультрафиолетом (в течение 4 часов) помещении (рис. 2).

Выделение древней ДНК проводили из 0,5-1 г костного порошка. Костный порошок получали путем ультразвуковой гомогенизации (30 Гц, 40 сек., Tissue Laser II) костных фрагментов. Костный порошок подвергали интенсивной декальцификации с использованием раствора 0,5 М ЭДТА (pH 8,0). Древние археологические материалы содержат очень малые количества ДНК, которая обычно сильно фрагментирована. С целью оптимизации процедуры выделения древней ДНК мы использовали различные модификации лизирующего буфера и варьировали время декальцинирования и последующей инкубации в лизирующем буфере Лизис проводили с помощью буфера TNES, протеиназную обработку – протеиназой К (Promega), с инкубацией в течение ночи. ДНК осаждали с помощью набора реактивов «ДНК-Сорб-В» (Россия) согласно протоколу производителя. Для количественной и качественной оценки растворов ДНК использовали оборудование – Eppendorf BioPhotometer plus (Eppendorf, Германия) или NanoDrop 2000 (Thermo Scientific, США). Полученный раствор ДНК использовали для полимеразной цепной реакции (ПЦР).

Для получения препаратов древней ДНК в данной работе мы использовали фрагменты большой берцовой кости посткраниального скелета (инвентарный №12763) гуннского периода из коллекции Департамента антропологии Венгерского музея естественной истории. Одна из главных проблем при выделении палео-ДНК заключается в опасности загрязнения древнего материала современными образцами ДНК. Для

Рис. 2. Забор костных фрагментов объекта №12763

предотвращения возможной контаминации образцов, все манипуляции с костными фрагментами, процедуры выделения и анализа образцов палео-ДНК проводили в стерильных условиях. Этапы предобработки костных фрагментов демонстрирует рисунок 3.

На рисунке 4 представлены качественные и количественные характеристики выделенных образцов палео-ДНК. Анализ полученных препаратов древней ДНК показал, что все образцы представляют собой высокомолекулярную ДНК, однако наилучшим качеством характеризовались образцы с кодовыми номерами Г-3 и Г-6. Именно они были в дальнейшем использованы для ПЦР-анализа.

Для разрешения вопросов генеалогии, принадлежности к конкретной популяции, генетического разнообразия и эволюционных процессов в современной практике используют микросателлитные STR-локусы, позволяющие почти со 100% достоверностью определять близких родственников [1].

Генотипирование древней ДНК по 17 полиморфным STR-локусам (DYS19, DYS389I, DYS389II, DYS390, DYS391, DYS392, DYS393, DYS385a,

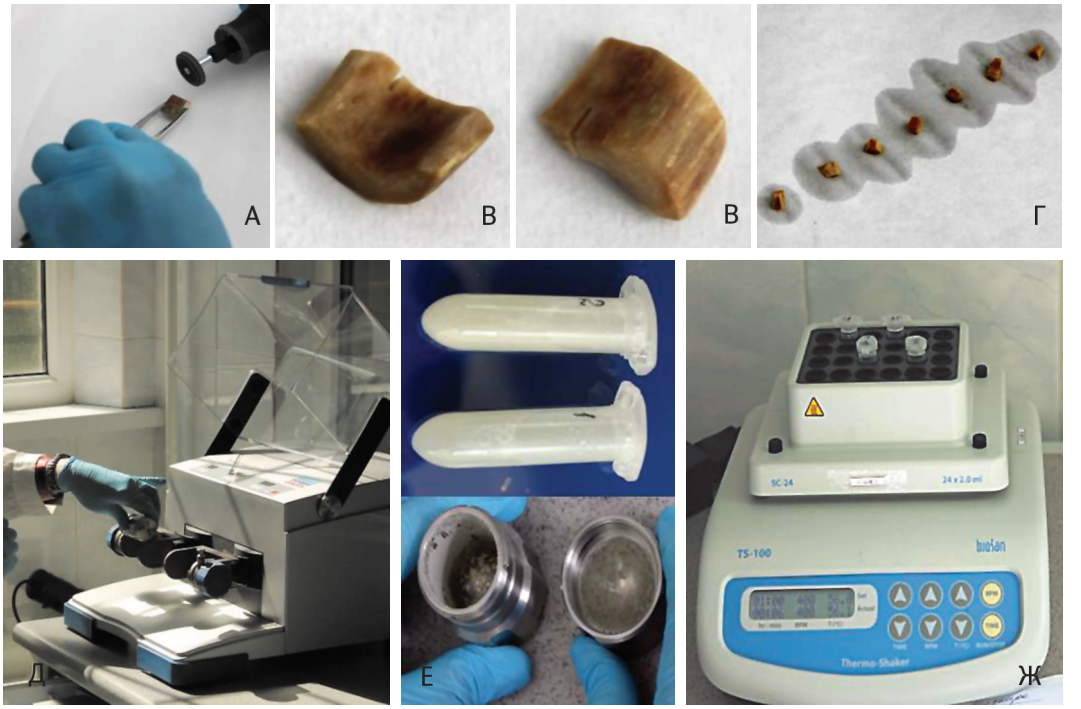


Рис. 3. Предобработка древних костных фрагментов перед выделением палео-ДНК
А-Г – очистка от верхнего слоя; Д – ультразвуковая гомогенизация;
Е-Ж – декальцинирование образцов

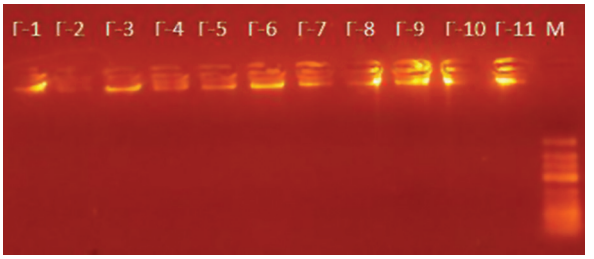


Таблица 1 – Характеристики выделенных палео-ДНК

Код	Концентрация ДНК в водном растворе, нг/мкл	Коэффициент чистоты, k	Примечание
Г-1	40	1,35	ДНК с примесью белка
Г-2	27	1,17	ДНК с примесью белка
Г-3	56	1,78	ДНК
Г-4	33	1,48	ДНК с примесью белка
Г-5	38	1,40	ДНК с примесью белка
Г-6	213,4	1,78	ДНК
Г-7	36	1,37	ДНК с примесью белка
Г-8	19,5	1,27	ДНК с примесью белка
Г-9	205,2	1,36	ДНК с примесью белка
Г-10	0,987	1,23	ДНК с примесью белка
Г-11	42,3	1,39	ДНК с примесью белка

Рис. 4. Электрофореграмма выделенных образцов палео-ДНК

DYS385b, DYS437, DYS438, DYS439, DYS448, DYS456, DYS458, DYS635, GATA H4) Y-хромосомы, проводили в мультилокусном формате с помощью ПЦР с использованием системы энзиматической амплификации – набора AmpFlSTR YfilerTM (Life Technologies, США). STR-аллели были определены в нескольких независимых воспроизведениях ПЦР с использованием не менее трех различных экстракций ДНК. Продукты амплификации разделяли и определяли на генетическом анализаторе ABI PRISM 310 (Applied Biosystems, США), используя определенный G5 вариабельный биннинговый модуль, как описано в руководстве пользователя. Идентификацию аллелей проводили с помощью программного обеспечения «GeneMapperID» ID-X v1.4 на основе входящих в состав наборов аллельных лэддеров. Аутентичными считались только аллели, проявившиеся минимум в двух повторных анализах. При этих условиях был получен профиль для костных образцов исследуемого скелета. Результаты проведенного анализа представлены в таблице 3.

STR-гаплотип Y-хромосомы древнего объекта №12763

Таблица 3

Объект	STR-локусы Y-хромосомы																
	DYS456	DYS389-I	DYS390	DYS389-II	DYS458	DYS19	DYS385a	DYS385b	DYS393	DYS391	DYS439	DYS635	DYS392	Y GATA H4	DYS437	DYS438	DYS448
№12763	15	10	-	24	14	14	7	8	16	-	19	20	-	7	16	12	-

Для низкокопийной высокодеградированной ДНК часты выпадающие аллели для STR-маркеров. Как видно из выше приведенных данных в таблице 3 для исследуемого образца не указаны аллели следующих четырех маркеров: DYS390, DYS391, DYS392, DYS448. Данные аллели формально обозначены нами как неопределенные (ND), поскольку в трех повторяющихся экспериментах с исследуемой ДНК аллели этих маркеров наблюдались только один раз.

Гаплогруппы по У-хромосоме были определены на сайте «Whit Athey's Haplotype Predictor» (http://www.hprg.com). Процентное соотношение вероятности к тем или иным гаплогруппам различается в зависимости от выбора программы (программы по количеству маркеров и гаплогрупп). Гаплотип определяли с помощью программы «27-Haplogroup Program» для 27 гаплотипов (http://www.hprg.com/hapest5/hapest5b/hapest5.htm) с учетом максимально известного числа гаплотипов по STR-маркерам.

Результаты генотипирования показали, что исследуемые костные останки гуннского периода могут характеризоваться 100% по L гаплотипу Y-хромосомы.

Происхождение данной гаплогруппы связывается с Южной Азией, с западом полуострова Индостан. В настоящее время гаплогруппа L присутствует в индийской популяции при общей частоте около 7-15%. Особенно часто встречается среди дравидских высших и средних каст (примерно 17-19%), несколько реже среди племенных групп Индии (примерно 5,6-7%). Но самая высокая частота встречаемости гаплогруппы L и разнообразия ее подклассов отмечается в западной части Пакистана в Белуджистане (28%) [2-6].

Для того, чтобы сравнить ДНК древнего скелета гуннского периода с современными казахами, мы прежде всего обратили внимание на 2 казахских рода, в которых есть кланы Мадьяр. Это племена Среднего жуза – Кыпшаки и Аргыны.

Однако стоит отметить, что разнообразие гаплогрупп Y-хромосомы в пределах изученных представителей Қыпшақов не так широко. В исследованной выборке Қыпшақ (23 чел.), представляющих различные семьи и имеющих различную географическую локализацию, представлено 8 гаплотипов Y-хромосомы: R1b – 47,8%, J2a – 12,9%, I1 – 8,7%, N – 8,7%, Q – 8,7%, T – 4,3%, I2a (xI2a1) – 4,3%, O3 – 4,3%. Самым распространенным гаплотипом среди казахских Қыпшақов является гаплотип R1b (47,8%), который также распространен среди современных венгерских мадьяр (19,2%). Единственный изученный нами представитель казахского кла-

на Мадияр из подрода Қыпшақ имеет гаплотип J2a4(xbh), не встречающийся у современных венгров.

В исследованной выборке Арғын (95 чел.) представлено 14 гаплотипов Y-хромосомы: T – 33,7%, E1b1b – 16,8%, L – 13,7%, R1a – 14,7%, Q – 4,2%, C3 – 4,2%, N – 3,2%, R2 – 2,1%, O3 – 2,1%, E1a – 1,1%, G1 – 1,1%, R1b – 1,1%, I2a (xI2a1) – 1,1%, J1 – 1,1%. Наиболее частым гаплотипом является T-гаплотип, он встречается практически во всех субродовых подразделениях рода Аргын. У казахских мадьяр (Аргын-Саржетим-Мадьяр) определены гаплотипы Q и E1b1b. Q – отмечен в древних захоронениях народы Хунну из Монголии и Китая. Если посмотреть, на встречаемость гаплотипа L среди Аргын, можно отметить, что только у потомков подрода Мейрам, но не у потомков подрода Момын, к которому относятся казахские мадьяры.

Интересно, что в 2009 году венгерскими учеными было выявлено наличие общих гаплотипов Y-хромосомы в популяции казахских аргын (подрод мадьяр) и венгерских мадьяр, имеющих гуннское происхождение. На основе полученных данных было выдвинуто предположение о вероятной генетической связи казахов с венграми в прошлом [7]. Однако, стоит отметить, что встречаемость Y-хромосомной гаплогруппы L среди современных венгров низка – 2%. Определенный нами у археологической находки гаплотип L, из всей изученной выборки казахов (748 чел.) встретился у 17 человек (2,3%), причем из них 13 человек являются представителями рода Аргын, 2 являются найманами из Тарбагатайского района Восточно-Казахстанской области, 2 представляют не входящий в состав жузов – род Сунак.

Поскольку череп древнего объекта имеет хорошую сохранность, глава Департамента антропологии Венгерского музея естественной истории – Агнеш Кустар сделала реконструкцию облика. При сравнении данного облика с обликом современного казаха (Арғын – Қаракесек – Керней – Дәуа – Балта – Қазкельды – Байтөре – Тазболат), генотип которого также 100% характеризуется L-гаплогруппой Y-хромосомы, можно отметить определенную схожесть (рис. 6).

Исследования древней ДНК являются уникальным инструментом проверки эволюционных гипотез, позволяющим восстановить историю взаимоотношений различных популяций древних людей и современного населения. Данные по анализу древней ДНК, полученные на базе лаборатории популяционной генетики и представленные в настоящей статье, являются началом развития актуального для Казахстана направления – палеогенетики. Исследования генетической связи древнего и современного населения нескольких объектов, имеющих возможную

Рис. 6. Реконструкция облика древнего объекта гуннского периода и облик современного казаха, проявляющих сходство гаплотипа Y-хромосомы

связь с этногенезом казахов, продолжаются в лаборатории популяционной генетики Института общей генетики и цитологии. Однако, результат, представленной в данной статье, указывает на то, что в этногенезе казахов определенно обозначается «гуннский» след, соединяющий истории казахского и венгерского народов.

Литература

1. Кравцова О.А., Нечвалода А.И. Молекулярно-генетический анализ человеческих останков золотоордынского времени из мавзолея Хусейнбека // Уфимский археологический вестник. Вып. 6-7. 2007. С. 195-199.
2. Basu A., Mukherjee N., Roy S., Sengupta S., Banerjee S., Chakraborty M., Dey B., Roy M., Roy B., Bhattacharyya N.P., Roychoudhury S., Majumder P.P. Ethnic India: a genomic view, with special reference to peopling and structure // Genome Res. 2003. №13 (10). P. 2277-2290.

3. Cordaux R. et al. Independent Origins of Indian Caste and Tribal Paternal Lineages // Current Biology. 2004. Vol. 14. P. 231-235.
4. Sengupta S. et al. Polarity and Temporality of High-Resolution Y-Chromosome Distributions in India Identify Both Indigenous and Exogenous Expansions and Reveal Minor Genetic Influence of Central Asian Pastoralists // American Journal of Human Genetics. 2006. P. 202-221.
5. Thanseem I., Thangaraj K., Chaubey G., Singh V.K., Bhaskar L.V., Reddy B.M., Reddy A.G., Singh L. Genetic affinities among the lower castes and tribal groups of India: inference from Y chromosome and mitochondrial DNA // BMC Genet. 2006. P.7-42.
6. Qamar R. et al. Y-Chromosomal DNA Variation in Pakistan // American Journal of Human Genetics. 2002. P. 1107-1124.
7. Bíró A.Z., Zalán A., Völgyi A., Pamjav H. A Y-chromosomal comparison of the Madjars (Kazakhstan) and the Magyars (Hungary) // American Journal of Physical Anthropology. 2009. V.139. Is. 3. P. 305-310.

Б.А. Байтанаев, Е.П. Китов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА УРЖАР

Статья посвящена предварительному анализу краниологических особенностей женского погребения, условно названной «Уржарская принцесса» сакского времени (IV-III вв. до н.э.) с территории Восточного Казахстана. Она характеризуется монголоидным обликом, связанным своим происхождением с территорией Алтая и Южной Сибири. Подобные краниологическиеособенности фиксируются на краниологических сериях из могильников сакского облика и имеют тенденцию усиления монголоидности к северным районам Казахстана.

Ключевые слова: кочевники, женское погребение, «Уржарская принцесса», сакское время, Восточный Казахстан, антропология, краниология.

Ранние кочевники Центрального, Восточного и Южного Казахстана относятся к сакской общности. В 2014 году в Уржарском районе Восточно-Казахстанской области в одном из курганов, оказавшемся в зоне реконструкции автодороги Таскескен – Бакты, было найдено не разграбленное погребение женщины сакского времени. Исследовательские работы были проведены Институтом археологии им. А.Х. Маргулана.

Под насыпью кургана в каменном саркофаге под массивными гранитными плитами на глубине 1,70 м находились останки молодой женщины знатного происхождения. При погребенной обнаружены керамические и деревянные сосуды и кости жертвенного животного – овцы. На костях человеческого скелета сохранились остатки ткани от одежды синего и зеленого цвета. У головы погребенной найдены золотые серьги и каменный жертвенник – непременный атрибут женских захоронений того времени.

Наибольшую ценность представляет остроконечный золотой головной убор, богато украшенный растительными узорами и зооморфным орнаментом. Головной убор имеет также стреловидные навершия, отделанные спиралью из золотой проволоки. Нижняя часть изделия была украшена древними зергерами рифлёными подвесками. По форме и орнаментальному воплощению находка напоминает народные казахские женские головные уборы саукеле и борик.

Подобные головные уборы, как предполагается, являлись принадлежностью парадного костюма саков Казахстана.

Похожая находка в Казахстане известна лишь в знаменитом Иссыкском кургане и кургане из могильника Токсай на территории Западного Казахстана. Оба они относятся к тому же времени, что и погребение в Уржарском районе. Находка была условно названа «Уржарская принцесса» и предварительно продатирована IV-III веками до н.э.

Нами были проанализированы антропологические особенности скелетированных останков женщины и сделаны предварительные выводы о физическом типе погребенной.

Скелет женщины 25-35 лет представлен всеми отделами посткраниального скелета. Сохранность костей удовлетворительная, кости находятся in situ, взяты блоком (монолитом) и окончательно расчищены уже в лаборатории «Остров Крым». На костях и на черепе имеются утраты мелких фрагментов, а также наружной костной пластинки. Также фиксируется вспучивание костных пластинок, что незначительно могло повлиять на размеры черепной коробки, которые были нами зафиксированы. Сохранность зубов удовлетворительная, зубные коронки растрескавшиеся. На черепе и костях следы органики, возможно, мумифицированной кожи и мягких тканей индивида. Посткраниальный скелет ограниченно пригоден для измерения в связи с нахождением его в контексте сопровождающего инвентаря и монолита. Следов травм и патологических изменений не зафиксировано. В статье представлены и проанализированы только краниологические особенности индивида.

Череп брахикранный при очень средней длине и большой ширине мозговой коробки (рис. 1, табл. 1.). Высотный диаметр от *ba* малый, высота свода черепа от *po* – в категории больших размеров. Горизонтальная окружность через *g* и поперечная дуга *po-br-po* – *большие.* Сагиттальная дуга оценивается большой величиной. Длина основания черепа большая. Наименьшая ширина лба – средняя, наибольшая ширина лба – большая. Угол профиля лба от *n* малый. Ширина основания черепа большая. Затылочная кость широкая.

Рис. 1. Череп «Уржарской принцессы»

Лицевой скелет очень высокий, среднеширокий по величине верхней ширины, широкий на скуловом диаметре и очень широкий по значению скулового диаметра. В вертикальной плоскости лицо ортогнатное. Альвеолярная часть гиперпрогнатная. Длина основания лица большая. Орбиты широкие при очень малой высоте, хамэконхные по указателю. Нос мезоринный – высокий при средней ширине грушевидного отверстия. Переносье широкое и очень высокое. Угол выступания носовых

костей по отношению к вертикальной плоскости лица малый. Носовые кости вогнутые. В горизонтальной плоскости лицо крайне значительно уплощено на верхнем уровне и слабее на среднем уровне – в плоскости *zm´-ss-zm´*. Клыковая ямка малая. Нижняя челюсть характеризуется средней мыщелковой шириной, малой угловой шириной ветви и очень большими значениями передней ширины, высоты симфиза и тела, а также толщины и ширины ветви. Угол выступания подбородка большой. Череп имеет средневыраженный макро- и микрорельеф. Надпереносье и надбровные дуги средневыраженные, Затылочный бугор едва фиксируется. Сосцевидные отростки и передненосовая ость очень малые.

На затылочной кости фиксируется уплощение, вероятно, это деформация бешикового типа, связанная с нахождением в младенческом возрасте в люльке – «бешике», которая используется у кочевых народов, а также у современных тюркских народов, в том числе и казахов.

Рассматривая череп, можно отметить особенности, характерные для монголоидного облика, неоднократно фиксируемого на черепах региона в раннем железном веке (Рис. 2). При этом надо отметить, что подобные характеристики, по всей видимости, соотносятся с выделенными Т.А. Чикишевой краниологическими особенностями населения, соотносимого с северной евразийской фармацией и сложившейся на территории лесостепной и лесной полосы Сибири (Чикишева Т.А., 2012).

Территория Казахстана и сопредельные территории плохо представлены в антропологическом отношении, за исключением территории Центрального Казахстана, где была получена значительная сборная краниологическая серия с памятников тасмолинской культуры, представленная достаточно презентативной серией, а также сборной серией, представленной 8 мужскими и 7 женскими черепами коргантасского типа (Дебец, 1948; Гинзбург, 1956; Исмагулов, 1970а; Исмагулов, 1970б; Бейсенов, Китов, 2014а; Бейсенов, Исмагулова, Китов, Китова, 2015). Краниологические особенности черепов с этой территории характеризуются европеоидными особенностями с небольшой примесью монголоидности.

По материалам Северного и Восточного Казахстана рядом авторов отмечались различные антропологические варианты в составе населения Северного и Восточного Казахстана. Причем монголоидные особенности фиксируются в различных сериях на большой территории распространения сакских памятников Казахстана. Так, В.В. Гинзбург отмечал, что монголоидная примесь усиливается по индивидуальным описаниям на черепах Восточного Казахстана. Череп из мог. Чиликты к. 7 (раскоп-

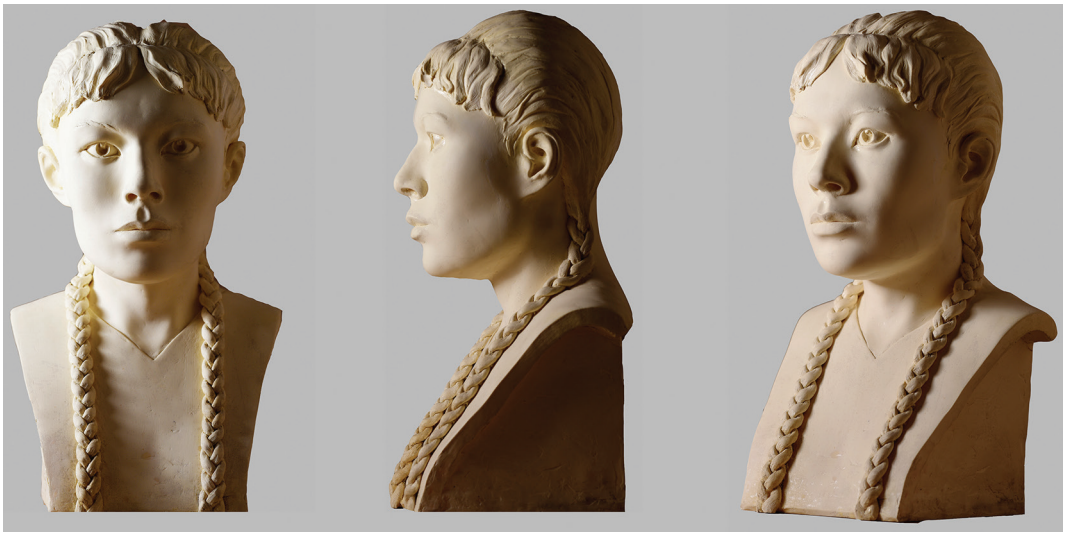


Рис. 1. 2. Пластическая реконструкция лица по черепу (Автор С.А. Никитин)

ки С.С. Черникова), к сожалению, плохой сохранности (Гинзбург, 1956) так же, как и немногие изученные В.В. Гинзбургом и О. Исмагуловым черепа могильников с территории Северного Казахстана имеют монголоидную примесь, более выраженную на женских черепах (Гинзбург, 1963; Исмагулов, 1970). Краниологическая серия из Усть-Буконя с территории Восточного Казахстана характеризуется полиморфностью с наличием в серии нескольких как мужских, так и женских черепов с монголоидной примесью (Гинзбург, 1961). Черепа, сходные рассматриваемым нами черепом «Уржарской принцессы», фиксируются в качестве одной из компонентов достаточно представительной серии из могильника Кызылтан I, исследованного Г.Ю. Пересветовым (неопубликованные антропологические материалы Китова Е.П.) и связываются с населением более северных территорий Южной Сибири каменской археологической культуры синхронного времени (Рыкун, 2013).

Надо отметить, что монголоидные особенности, фиксируемые на черепе «Уржарской принцессы» (южносибирского облика) не являются доминантной на всей территории распространения сакских групп. Монголоидность на всей территории распространения сакской общности различна. Наряду с центрально-азиатским компонентом имеются и формы, связанные своим происхождением с Южной и Западной Сибирью, сформированных на границе лесной, лесостепной и степной зон Сибири и относимых к северной евразийской формации.

Монголоидный облик «Уржарской принцессы» связан своим происхождением с территорией Алтая и Южной Сибири. Подобные краниологические особенности часто фиксируются на краниологических сериях из могильников сакского облика и связаны с географическим месторасположением могильников, т.е. имеют тенденцию усиления монголоидных особенностей (подобных рассматриваемых нами) к северу Казахстана. Разные антропологические особенности населения различных археологических культур, вероятно, формировались на большой территории, включающей не только современный Казахстан, но и Алтай, Туву, Монголию, Синьцзян. При этом ключевую роль в становлении облика ранних кочевников играла территория Алтая.

Надо также отметить, что физический облик «Уржарской принцессы» находит аналогии среди казахов – современного населения Казахстана, географически близкого к местонахождению находки.

Краниологическая характеристика черепа «Уржарской принцессы»

Таблица 1

Признак	**Линейные:**	**25-35**	**Угловые:**		
1.	Продольный диаметр	169,0	32.	Наклона лба	83,0
8.	Поперечный д.	150,0	GM/FH	Профиля лба от g.	77,0
17.	Высотный д.	125,0	72.	Общелицевой	85,0
20.	Ушная высота	113,0	73.	Среднелицевой	92,0
5.	Длина осн.черепа	99,0	74.	Альвеолярной части	68,0
9.	Наим.ширина лба	96,0	75.	У.наклона нос.костей	68,0
10.	Наиб.ширина лба	125,0	75(1).	Выступания носа	17,0
11.	Шир.осн.черепа	130,0	77.	Назомалярный	150,0
12.	Ширина затылка	112,0	zm.	Зигомаксиллярный	130,0
25.	Сагиттальная дуга	337,0	**Указатели**:		
26.	Лобная дуга	122,0	8/1.	Черепной	88,8
27.	Теменная дуга	122,0	17/1.	Высотно-продольный	74,0
28.	Затылочная дуга	93,0	17/8.	Высотно-поперечный	83,3
29.	Лобная хорда	108,0	20/1.	Высотно-прод.от р.	66,9
30.	Теменная хорда	111,0	20/8.	Высотно-попер.от р.	75,3
31.	Затылочная хорда	77,0	9/8.	Лобно-поперечный	64,0

40.	Длина осн.лица	101,0	9/43.	Фронто-малярный	93,2
43.	Верхняя ширина лица	103,0	40/5.	Выступания лица	102,0
45.	Скуловой диаметр	135,0	48/45.	Верхнелицевой	55,6
46.	Средняя ширина лица	101,0	47/45.	Общелицевой	91,1
47.	Полная высота лица	123,0	52/51.	Орбитный	71,4
48.	Верхняя высота лица	75,0	54/55.	Носовой	47,3
51.	Ширина орбиты	43,0	ss/sc.	Симотический	41,2
51a.	Ширина орбиты от d.	39,9	ms/mc.	Максиллофронталь-ный	27,3
52.	Высота орбиты	30,7	ds/dc.	Дакриальный	42,7
54.	Ширина носа	24,9	**Описательные**:		
55.	Высота носа	52,6	Надпереносье		2
60.	Длина.альвеол.дуги	48,0	Затыл. бугор.		1
61.	Шир.альвеол.дуги	40,2	Сосцев. отр.		1
62.	Длина неба	49,3	Пер.-носов. к.		2
63.	Ширина неба	40,5	**Нижняя челюсть**:		
sc.	Симотическая ширина	9,7	65.	Мыщелковая ширина	111,0
ss.	Симотическая высота	4,0	66.	Угловая ширина	88,0
mc.	Максиллофр. ширина	22,0	67.	Передняя ширина	49,0
ms.	Максиллофр. высота	6,0	69.	Высота симфиза	37,0
dc.	Дакриальная ширина	23,9	69(1).	Высота тела	35,0
ds.	Дакриальная высота	10,2	69(3).	Толщина тела	14,0
FC.	Глуб.клыковой ямки	2,7	70.	Высота ветви	35,0
Sub. NB	Высота изгиба лба	25,0	71a.	Наим.ширина ветви	38,0

Литература

Бейсенов А.З, Китов Е.П. Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане (краниологический анализ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2014а. №4 (28). С. 71-85.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2015. 170 с.

Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Антропологический сборник 1. М.: Изд-во Ан СССР. 1956. С. 238-298.

Гинзбург В.В. К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана (черепа V-IV вв. до н.э. из могильника Усть-Буконь) / В.В. Гинзбург // Антропологический сборник. М. 1961. - №3. С. 82-97.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана/ В.В. Гинзбург // Сб. МАЭ. Т.21. Ленинград. 1963. С 297-337.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.- Л.: Изд-во АН СССР. 1948. 391 с.

Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата: Наука КазССР. 1970а. 239 с.

Исмагулов О. Черепа из курганов с каменными выкладками Центрального Казахстана // По следам древней культуры Казахстана. Алма-Ата, 1970б. С.258-268.

Китов Е.П., Бейсенов А.З. Первые краниологические данные памятников коргантасского типа Центрального Казахстана // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14 (369). История. Вып. 64. С. 16–28.

Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменской культуры). Барнаул: Издательство Алтайского университета. 2013. 283 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита-раннего железа / Т.А. Чикишева. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2012. 468 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	Археологічні дослідження в Україні.
АЖ	археологический журнал.
АИУ	Археологические исследования в Узбекистане. Ташкент.
АКР	Археологическая карта России.
АН РТ	Академия наук Республики Татарстан.
АО	Археологические открытия.
АРТ	Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АУ	Археология Узбекистана. Ташкент.
АЭС	Археолого-этнографический сборник.
ВАН ЧР	Вестник Академии наук Чеченской Республики.
ВАС	Всероссийский археологический съезд.
ВДИ	Вестник древней истории. Москва.
ВИИСИД	Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины.
ВНК	Всероссийская Нумизматическая конференция.
ГИМ	Государственный исторический музей. Москва.
ДК	Древности Кубани.
ДПДР	Древности Поволжья и других регионов. Сборник нумизматических статей.
ДЮУ	Древности Южного Узбекистана. Каталог. Токио, 1991.
ЗАО	Записки Императорского Археологического общества.
ЗКГУ	Западно-Казахстанский государственный университет.
ЗН	Золотоордынское наследие. Казань.
ЗО	Золотоордынское обозрение. Казань.
ЗРАО	Записки Русского Археологического общества
ЗЦ	Золотоордынская цивилизация. Казань.
ИАА	Историко-археологический альманах.
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИНАН РК	Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан.
ИСКНЦВШ	Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы.
ИЯЛИ КФАН	Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук (СССР).
КИДУ	Культура и искусство Древнего Узбекистана. Каталог выставки. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1991.
КНИТУ-КАИ	Казанский национальный исследовательский технический университет имени А. Н. Туполева – Казанский авиационный институт.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИИМК	Краткие сообщения института истории материальной культуры. Ленинград.
КЭС	Кавказский этнографический сборник.
МАД	Материалы по археологии Дагестана.

МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Крым.
МАК	Материалы по археологии Кавказа.
МБАЭ	Материалы Бухарской археологической экспедиции. СПб.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград.
МИЦАИ	Международный Институт центрально-азиатских исследований.
МИТТ	Материалы по истории туркмен и Туркмении.
МИАК	Материалы и исследования по археологии Кубани.
МИАСК	Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МНК	Международная нумизматическая конференция «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII –XV веков».
МТЭ	Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент.
НА ИА НАНУ	Институт археологии Национальной академии наук Украины (Киев).
НАН РК	Национальная академия наук Республики Казахстан
НГУ	Новосибирский государственный университет.
НЗО	Нумизматика Золотой Орды. Казань.
НС	Нумизматический сборник.
НФ	Нумизматика и фалеристика.
НЦА	Нумизматика Центральной Азии. Ташкент.
НЭ	Нумизматика и эпиграфика. Москва.
ОНУ	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПА	Поволжская археология.
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск.
ППВ	Письменные памятники Востока.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей.
РА	Российская археология. Москва.
РИАМЗ	Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.
СА	Советская археология. Москва.
САГУ	Среднеазиатский Государственный университет.
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград.
СЭ	Советская этнография.
ТВОРАО	Труды Восточного отделения Русского Археологического общества.
ТГУ	Ташкентский Государственный университет.
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград.
ТД	Тезисы докладов.
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
ТЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции.

ЦИА ЗКО	Центр истории и археологии Западно-Казахстанской области.
ЭВ	Эпиграфика Востока. Ленинград.
ЮТАКЭ	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
AIT	Archaelogie aus Iran und Turan.
AJN	American Journal of Numismatics. New York.
AO	Acta Orientalia. Oslo.
BAI	Bulletin of the Asia Institute. New Series. Detroit etc.
BAR	British Archaeological Reports. Oxford.
BCH	Bulletin de correspondance hellénique. Paris.
BEFEO	Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. Paris.
CNS	Classical Numismatic Studies.
CRAI	Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles–Lettres. Paris.
EW	East and West. New Series. Rome.
IGISC	Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. Vol. 1–8. London, 1975.
IPNB	Iranisches Personennamenbuch, Vienna.
ISCH	Senior R.C. Indo-Scythian Coins and History. Vol. I–III. London, 2001.
IsMEORepMem	Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, Reports and Memoirs.
JA	Journal Asiatique. Paris.
JASB	The Journal of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta.
JNSI	The Journal of the Numismatic Society of India. Varanasi – Dehli.
JONS	The Journal of the Oriental Numismatic Society.
JRAS	The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
MDAFA	Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan.
NC	The Numismatic Chronicle. New Series. London.
RBN	Revue Belge de numismatique et de sillographie. Bruxelles.
RN	Revue numismatique. Paris.
SAS	South Asian Studies. London.
SC	Houghton A., Lorber C. Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. With Methodical Tables by B. Kritt. Part I. Seleucus I through Antiochus III. Vol. II. Lancaster; London, 2002.
SICA	Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean
SNG. ANS	The Collection of the American Numismatic Society. Part 9. Greco–Bactrian and Indo–Greek Coins. Sylloge Nummorum Graecorum. New York, 1998.
SRAA	Silk Road Art and Archaeology. Kamakura.
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚАДАН 7

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ 9

EDITORIAL NOTE. 11

Б.А. Байтанаев
ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ПЕТРОВ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ 13

С.Ш. Акылбек, Е.А. Смагулов, С.А. Яценко
ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО РЕЗИДЕНЦИИ ТЮРКСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ VIII В.
В ЦИТАДЕЛИ г. КУЛАН 29

Е.А. Смагулов, П.Н. Петров
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
САУРАНСКОГО РЕГИСТАНА 67

К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, Г.А. Терновая
ТЕНГРИАНСТВО 121

Б.А. Железняков
МАВЗОЛЕИ И ХАНАКА СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЯЛЫКА. О ПРОЦЕССАХ
ИСЛАМИЗАЦИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ЖЕТЫСУ В XIII в. 154

М.Д. Калменов
ГОНЧАРНАЯ ПЕЧЬ С ГОРОДИЩА ЖАЙЫК 179

К.А. Руденко, Е.А. Беговатов
РЕДКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С СЕМЕНОВСКОГО ОСТРОВА 186

Д.В. Сорокин
ГЕОФИЗИКА В АРХЕОЛОГИИ 202

А.А. Нуржанов
О КУЛЬТЕ ВОЛКА В ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ 216

К.М. Байпаков, Р.В. Ильин, Е.С. Казизов, К.А.
Жамбулатов, И.Р. Камалдинов, Ф.Ф. Хабибуллаев
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК
УКРЕПЛЕННОГО МОНАСТЫРЯ АБЛАЙКИТ. 228

Давлатходжа Довуди, Фаррух Сафоев
МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ
НА КУШАНСКОМ ГОРОДИЩЕ МИСИ АЙНАК В 2012 -2014 гг. 240

А.Н. Горин
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И НУМИЗМАТИКИ
СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ 252

Б.А. Байтанаев
КАРАСПАНСКИЙ МЕДАЛЬОН 342

Г. Бабаяров
ТАМГИ НА ДОИСЛАМСКИХ МОНЕТАХ ОТРАРА 347

В.Г. Кошевар, А.В. Алай
МОНЕТЫ ИЗ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ
ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ КАРАХЫТАЕВ 356

А.А. Гомзин
ИВАНОВСКИЙ И ПОЛОВСКИЙ КЛАДЫ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ. 372

В.В. Колода
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ВОСТОЧНЫЕ МОНЕТЫ
ГОРОДИЩА МОХНАЧ И ЕГО ОКРУГИ 382

В.А. Винничек, К.М. Киреева
О НАХОДКЕ БРАКТЕАТОВ В СЕРЕБРЯНОМ СВЕРТКЕ 392

А.Ф. Кочкина
ДВЕ МОНЕТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ
С БОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ВОЛГИ. 394

Е.Ф. Шайхутдинова, А.Г. Ситдиков, Р.Х. Храмченкова
ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЫХ МНОГОСЛОЙНЫХ МОНЕТ
САМАНИДСКОГО ТИПА МЕТОДОМ
СКАНИРУЮЩЕЙ ЭЛЕКТРОННОЙ МИКРОСКОПИИ. 401

А.И. Бугарчёв
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ СИМДЖУРИДОВ (911 – 1002 гг.)
ПО НАРРАТИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ И В ПАМЯТНИКАХ НУМИЗМАТИКИ 410

Е.И. Нарожный, Ф.Б. Нарожная
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НУМИЗМАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XIII-XV вв. 439

О.В. Голубев, В.П. Лебедев
МОНЕТНЫЙ КОМПЛЕКС XIV в.
ИЗ с. КОПОВКА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 497

Р.Ю. Рева
ПОШТЕМПЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
БУЛГАРСКИХ МОНЕТ ШАДИБЕКА (новый взгляд). 509

А.О. Брагин, А.М. Камышев
КЛАД ТИМУРИДСИХ МЕДНЫХ МОНЕТ С ИССЫК-КУЛЯ 540

А.В. Акопян, А.Р. Варданян
НАСЛЕДИЕ КАРА-КОЮНЛУ В АРМЕНИИ.
ТОПОНИМ ЧУХУР-И САʿД
И ЕГО НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ В XIX в.. 553

С.А. Богатый, Г.В. Злобин
КАТАЛОГ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ ИСМАИЛ-ХАНА (ШЕКИНСКОГО)
1229/1814 – 1234/1819 г. 577

И.Л. Измайлов
СООТНОШЕНИЕ ИСЛАМА И ЯЗЫЧЕСТВА В УЛУСЕ ДЖУЧИ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ 601

И.М. Миргалеев
СОЗДАНИЕ МУСУЛЬМАНИЗИРОВАННОЙ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. 628

Т.Ф. Хайдаров
ПРИРОДНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
КРИЗИСЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ 639

Я.В. Пилипчук
УЛУС ЧАГАТАЯ И ГОСУДАРСТВО ТАМЕРЛАНА
XIII- НАЧАЛА XV ВВ., ПО СВЕДЕНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ 658

Г.-Р.А.-К. Гусейнов
ПЕРСИДСКИЙ ПОСОЛ В РОССИИ АНДИ-БЕК И ВОПРОС
ОБ ЕГО ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КУМЫКСКОГО ГОСУДАРСТВА
(КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII вв.) 680

Н.М. Акчурина-Муфтиева
ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА ФОРМИРОВАНИЕ
КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДНОГО ЖИЛИЩА. 687

Джансугурова Л.Б., Байтанаев Б.А., Хусаинова Э.М.,
Нуржибек, Жунусова Г.С., Иксан О.А., Джантаева К.Б., Китов Е.П.
АНАЛИЗ МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК НАХОДКИ
«УРДЖАРСКАЯ ПРИНЦЕССА» 698

Хусаинова Э.М., Нуржибек, Иксан О.А., Мусралина Л.З.,
Кузовлева Е.Б., Эвингер Ш., Кустар А., Джансугурова Л.Б.
ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСТАНКОВ ГУННСКОГО ПЕРИОДА 712

Б.А. Байтанаев, Е.П. Китов
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ
ИЗ МОГИЛЬНИКА УРЖАР 722

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 730

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРАЗИИ
(с древности до наших дней)

Сборник научных статей

Ответственный редактор
член-корреспондент НАН РК, доктор исторических наук
Б. А. Байтанаев

Корректор
Маликова Инга

Компьютерная верстка
Храмовская Ольга

ISBN 978-601-7312-65-7

9 786017 312657

Сдано в набор 11.10.2016 г. подписано в печать 25.11.2016 г.
Формат 70x100 1/16. Усл.п.л. 59,8. Бум. офсет. Печать офсет
Тираж экз. 150

Отпечатано в типографии «Хикари»